

ЛИЧНОСТЬ И БЫТИЕ:
ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Всероссийская
научно-практическая конференция
9-10 сентября 2016 г.

Министерство образования и науки Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ЛИЧНОСТЬ И БЫТИЕ: ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
9–10 сентября 2016 г.

Краснодар
2016

УДК 159.923:37/315.851
ББК 88.5:53.57
Л 66

Редакционная коллегия:

В.В. Знаков (отв. ред.), С.Д. Некрасов, Л.Н. Ожигова,
З.И. Рябикина (отв. ред.), Г.Ю. Фоменко

Л 66 **Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: материалы**
Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – 301 с. – 500 экз.
ISBN 978-5-8209-1226-9

Предлагаемое издание содержит представленные на конференцию доклады, отражающие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области проблем человека как субъекта социокультурной реальности.

Адресуется психологам, философам, педагогам, социологам, политологам, а также всем исследователям проблем личности как субъекта бытия.

УДК 159.923:37/315.851
ББК 88.5:53.57

ISBN 978-5-8209-1226-9

© Кубанский государственный
университет, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Центральная категория конференции – социокультурная реальность – являясь междисциплинарной по сути, давно естественным образом вошла в тезаурус современной психологии. Обращение к данной категории в контексте научного дискурса настоящей конференции обусловлено необходимостью её спецификации применительно к психологии личности, субъекта, человеческого бытия, уяснению эвристических возможностей данной категории для переосмысления собственно психологической проблематики, методологической оптики, а также рассмотрения её в качестве потенциала нашей науки для участия в полноценном междисциплинарном синтезе.

Важнейшими характеристиками современности, которые согласованно признаются исследователями различных дисциплин и научных подходов, выступают: текучесть - «текущая современность» (З. Бауман), множественность, гетерогенность, «разупорядоченность» (хаотичность) и неопределенность, метафоры поля и потока: «поле» (П. Бурдьё), «поток» (М. Чиксентмихайи), «порождающий поток», «водоворот или бурное течение» (Д. Ло), Э.Гидденс описывает современность как «сокрушительную силу».

Представления об изменчивости (транзитивности) и неопределённости социокультурной реальности являются достаточно общим местом. Однако понимание того, каким образом эти изменения сказываются на личности, содержании и структуре ее идентичности, процессе ее социализации, все еще остается недостаточно прояснённым. Научные исследования, выделяющие новые черты социокультурной картины мира, не только приближают нас к большей адекватности наших представлений и мироориентаций, не только открывают новые познавательные и практические возможности, но и порождают новые противоречия и проблемы

Современная социокультурная реальность характеризуется возрастанием роли единичного (при одновременном ограничении его увеличивающейся многозначностью и непрозрачностью социального) на фоне универсализации образа сети. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала - к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Текучесть современности, стремительность изменений реальности бытия предполагают возрастание мобильности личностной идентичности. Современный человек экспериментирует с различными аспектами своей идентичности, меняя стили жизни, что порождает важный вопрос об «оптимальной мере устойчивости» личностной идентичности, о «норме» устойчивости. Причём, устойчивость ни в коем случае не предполагает неизменность. В контексте субъектно-бытийного подхода акцентируется процессуальность личности, идентичности, а также общества и предлагаемых им форматов социального бытия.

Сложная реальность современного социокультурного мира по-разному понимается, осваивается и проблематизируется личностью на поступательных этапах её возрастного, образовательного, профессионального и т.п. становления; в различных контекстах её со-бытия с реальным и виртуальным Другим; по-разному воспринимается, переживается и оформляется в своих жизненных проектах представителями современного и предшествующих поколений, по сути, находящихся в разных пространственно-временных измерениях. Междисциплинарность, ситуативность, открытость и сложность как ключевые характеристики современной познавательной ситуации потребовали от участников конференции вариативности исследовательского инструментария и повышенной саморефлексивности научного знания. Социокультурная реальность - онтологически и гносеологически сложное разноуровневое понятие. Понимаемая подобным образом, она даже в эмпирических исследованиях предстаёт многомерной, многогранной, обнаруживает *новые феномены* и выявляет неожиданные взаимосвязи, казалось бы, привычных явлений.

В выступлениях участников конференции достаточно отчётливо прослеживается междисциплинарность осмысления социокультурных феноменов и довольно наглядно продемонстрированы эвристические возможности субъектного подхода – в самых различных его ипостасях (субъектно-бытийный, психология человеческого бытия субъектно-деятельностный, субъектно-средовой, системно-субъектный и т.п.) в выявлении новой феноменологии, расширении объёма объяснительных схем и интерпретационных возможностей психологии в понимании и освоении современности.

Конференция «Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности» входит в цикл научных форумов, которые с 2002 года факультет управления и психологии Кубанского государственного университета проводит совместно с Институтом психологии РАН. В этот цикл вошли шесть Всероссийских научно-практических конференций «Личность и бытие: субъектный подход» (2002, 2003, 2005, 2008, 2010 и 2013 гг.). В русле проблем личности и ее бытия, но с более конкретной тематикой были проведены совместно с коллегами Южного федерального университета конференция «Личность как субъект организации времени своей жизни» (г. Геленджик, 2008), Сочинского государственного университета «Личность и бытие: проблемы, закономерности и феноменология событийности» (г. Сочи, 2012), Адыгейского государственного университета (г. Майкоп, 2014) «Личностная идентичность: вызовы современности».

Важным итогом научной работы и перечисленных конференций стали не только сборники докладов участников, но и коллективные монографии: «Субъект, личность и психология человеческого бытия» (под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Институт психологии РАН, 2005); «Личность и бытие: субъектный подход. К 75-летию А.В.Брушлинского» (отв. ред. А.Л.Журавлев, Е.А.Сергиенко, В.В.Знаков, З.И.Рябикина. М.: Институт психологии РАН, 2009); «Психология субъекта и психология человеческого бытия» (под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010).

Необходимость дальнейшей коллегиальной работы по теоретическому осмыслению и практическому исследованию более конкретных аспектов и проблем личности и ее бытия побудила к проведению Всероссийской научно-практической конференции «**Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности**», которая состоялась 9-10 сентября 2016 года в г. Сочи на базе Сочинского государственного университета.

В предлагаемом издании представлены тексты, подготовленные участниками этой конференции. В ней принимали участие психологи, философы, педагоги, социологи, юристы, представители др. областей научного знания. География участников: Горячий Ключ, Казань, Калуга, Кострома, Краснодар, Курган, Майкоп, Москва, Новокузнецк, Новороссийск, Новосибирск, Омск, Оренбург, Переславль-Залесский, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саратов, Сочи, Таганрог, Томск, Тула и др.

Квалификационный уровень участников конференции (45% участников имеют степень кандидата, 22% – доктора наук) свидетельствует как об актуальности рассматриваемых проблем и потребности в активных научных контактах представителей различных регионов России, так и о перспективности этой области развивающегося научного дискурса.

Сборник начинается с текстов, в которых авторы представили свой взгляд на наиболее острые проблемы, затрагиваемые на конференции. Далее материалы конференции в сборнике структурированы по содержательным разделам:

- «Проблемы личности как субъекта бытия в изменяющейся социокультурной реальности»;
- «Личностная идентичность в условиях социокультурного транзита»;
- «Феноменология и закономерности со-бытийности в близких отношениях: брак, семья, детско-родительские отношения»;
- «Проблемы бытия личности и со-бытия в аспекте межличностных и межэтнических отношений»;
- «Гендерный аспект бытия и со-бытия личности»;
- «Личность в изменяющемся мире профессий»;
- «Индивидуальный и коллективный субъекты в организациях и социально-экономических системах»;
- «Субъекты образовательного процесса в изменяющейся социокультурной реальности: функционирование, становление, взаимодействие»;
- «Социокультурная реальность и проблемы бытия личности в детском, подростковом и юношеском возрасте»;
- «Предметно-пространственная среда бытия личности как фактор поддержки ее идентичности».

Материалы конференции адресованы психологам, философам, педагогам, социологам, политологам, а также всем исследователям психологических аспектов проблем человека как субъекта социокультурной реальности.

Редакционная коллегия

XXI ВЕК: ИЗМЕНЕНИЯ В МИРЕ ЧЕЛОВЕКА И НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА¹

Знаков В.В.

Ключевые слова: понимание, мир человека, социокультурная реальность, сетевая организация знаний, субъект.

Цель статьи – показать, что изменения в современном обществе и общественном сознании побуждают ученых переосмысливать многие классические психологические проблемы.

Изменения в мире человека

В мире человека, состоящем из эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей [8], примерно каждые пятьдесят лет происходят необратимые общественные изменения [6]. Еще в 1980-х годах человек, идущий по улице и разговаривающий, казалось бы, сам с собой, воспринимался большинством из нас как странное отклонение от нормы. Тогда практически невозможно было предсказать существование мобильных телефонов, интернета, всплеска терроризма и других отличительных признаков нашего времени. Одна из главных причин произошедших изменений заключается в реформировании классовой структуры общества. В конце прошлого века актуальным было марксистское деление людей на классы по их отношению к средствам производства. Рабочий класс, хотя сам не обладал средствами производства, но с помощью машин преобразовывал природную и предметную среду. Преобразование было направлено на получение для человека и человечества средств к существованию. При этом машины направляли человека и сами показывали ему, что и как нужно делать: с помощью снегоуборочной машины можно расчистить дорогу, но нельзя сделать самолет.

В современной социальной теории понятие «класса» отличается от марксистского: оно связывается уже не с владением средствами производства. Очевидно, что в мире и нашей стране сейчас так называемый традиционный машинный труд на заводах, фабриках и т.п. находится в кризисном мало востребованном состоянии. Например, в середине 2016 г. это могли бы засвидетельствовать полтора миллиона российских безработных. Сегодня отнесение людей к определенному классу определяется не по тому, владеют ли они орудиями труда, а по тому, какими жизненными шансами они обладают. Шансы определяются образованием, материальным положением семьи, способами получения дохода. В нашей стране к этому добавляется еще и наличие родственных и социальных связей. Экономисты называют современное общество «обществом знаний», построенном на сетевых информационных технологиях. В таких условиях так называемый креативный класс не только получает вознаграждение за свои знания, умения, навыки, но и сам является владельцем неотчуждаемых от него средств производства. В роли последних выступают те же знания, понимаемые очень широко в смысле – как потенциал интеллектуальной деятельности. В отличие от средств производства в их марксистском понимании современные средства не могут указать представителям профессий, связанных с интеллектуальным трудом, *что и как* делать. Для таких работников характерно *самостоятельное творческое* применение своих знаний.

В современном информационно-сетевом обществе представления о средствах труда кардинально изменились. Раньше молоток, телефон и тому подобные инструменты были явным продолжением органов чувств и частей тела человека. Вот как писал об этом Б.Г. Ананьев: «Известно, что благодаря материальному производству, особенно производству средств производства, общество вооружает человека самыми разнообразными техническими средствами, бесконечно “усиливающими” естественные органы человеческого тела, а подчас и создающими новые подвижные функциональные системы или “функциональные органы”, т. е. орудия в самом широком смысле слова. С помощью таких технических средств человек воздействует на окружающую природу, изменяет ее, а в процессе ее изменения преобразует и собственную природу» [2, с. 25].

Сегодня ученые говорят не об «усилении» (или продолжении) органов человеческого тела техническими устройствами, а о симбиозе, синтезе естественного и искусственного. В прошлом иссле-

¹ Работа выполнена в соответствии с государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2016-0006.

дования искусственного интеллекта реализовывались на технической основе сопоставления мышления отдельного человека с возможностями машины. Как свидетельствуют материалы масштабных научных конгрессов и фантастические романы, предельно огрубляя, можно сказать, что целью исследований было копирование человеческого разума. Иначе говоря, искусственный интеллект строился на основе редукции соотношения индивидуального и коллективного к познающему индивиду. В наше время Э. Файола и другие ученые говорят о становлении киберсознания и человеке дополненном.

Возникает представление о формировании коллективного разума, сетевого интеллекта: в компьютерных системах с межсетевым взаимодействием человеческий интеллект становится одновременно распределенным и объединенным. В медицине давно уже используются приборы типа кардиостимуляторов, которые не позволяют однозначно ответить на вопрос: является ли ритм сердца больного естественным или искусственным? Нечто подобное теперь происходит со становлением киберсознания: в инновационном поле современного общества мы наблюдаем возникновение социально-разделенного сознания. Это означает слияние компьютерных технологий не только с разумом, но и с телами людей. «Инвазивные технологии дополняют понимание телесно воплощенного человеческого опыта» [21, с. 155]. Живым примером может служить канадец Роб Спенс, которому в глаз имплантировали видеокамеру, соединенную с передатчиком. Приведу недавний случай взаимодополнения компьютерной и обыденной реальностей: летом 2016 г. во всем мире стала популярной игра *Rocket League*. В ней действия частично происходят в реальном мире, в местах, обладающих конкретными географическими координатами. И в этих местах якобы действительно присутствуют компьютерные вымышленные персонажи, которых ищут игроки.

Итак, если современные технологии считать средствами производства, то в сетевом обществе знаний они уже не «продолжают» человека, а сливаются с ним. Это происходит потому, что знания, распределенные между членами коммерческих организаций или научных сообществ, все равно остаются достоянием конкретных людей, входящих в эти структуры. И такой взгляд на средства труда отражает характерную особенность социокультурной реальности XXI века.

В новых условиях снова стираются грани между субъектом и орудием как объектом. Говорят, что новое это хорошо забытое старое. О противоположности и вместе с тем единстве субъекта и объекта, внутреннего и внешнего бытия, переживании человеком высшего единения раздельности и множественности еще сто лет назад писал С.Л. Франк [22, с. 179]. Сегодня в интерпретации Э. Файола, А.Е. Войскунского и Н.В. Богачевой эта мысль звучит так: «Мы пока не можем разграничить тело и машину, поскольку телесные процессы расширяются технологиями за его пределы, а цифровые процессы изменяют процессы опосредствования. Субъект и средство становятся единым целым, концепция социального происхождения разума реконструируется, а поведение изменяется под воздействием новой системы сетевого сотрудничества. В постчеловеческой эре искусственное сознание не заменит природных процессов; скорее они превратятся в единое целое, где сознание станет продолжением коллективного социокультурного мира, произойдет зарождение симбиотической жизни, эволюция киберкультурного распределенного опосредствования» [21, с. 158].

Современные направления исследований

Сегодня актуальным является ответ на вопрос: «Как изменения в мире человека сказываются на психологических исследованиях?» Обращая вопрос к психологии субъекта, я имею в виду следующие ключевые направления современных исследований: поиски междисциплинарного контекста; фокусирование исследовательского внимания на анализе психологических процессов, имеющих приставку «мета» (метасознание, метапонимание, метарефлексия); современное переосмысление деятельностных оснований формирования психики; осознание и научное обоснование нового самосозидательного, самопорождающего этапа развития психологии субъекта

1. Поиск и постановка проблем человекознания не из внутрипсихологического контекста, а из междисциплинарного в смысле Б.Г. Ананьева [2]. Сегодня психологические проблемы, в частности, психологию субъекта уже нельзя изучать только с внутрипсихологических позиций (этот период мы прошли во второй половине прошлого века). Необходимость в новом осмыслении старых проблем обусловлена возникновением информационного общества, включающего сетевой характер организации знаний. Актуальность междисциплинарного подхода обусловлена необходимостью взглянуть на каждую проблему с разных точек зрения, задающих неодинаковость ее возможных интерпретаций. В наше время фундаментальные проблемы ставятся не внутри той или иной области науки, а на стыке, в междисциплинарном контексте, объединяющем ученых различных специальностей. В психологии

субъекта это, в частности, отчетливо видно на примере переосмысления понятий «коллективный субъект» и «групповой субъект». В XXI веке импульсом служит развитие не психологии, как это было прежде, например, в психологической теории коллектива А.В. Петровского. Источники современного переосмысления этих категорий надо искать во всем комплексе наук о человеке – от направленных преимущественно на анализ мозговых механизмов психической деятельности до исследования социальных проявлений психики.

В социальной нейронауке в конце двадцатого века были обнаружены зеркальные нейроны: они активируются не только при выполнении человеком целенаправленных действий, но и при наблюдении за тем, как такие же действия выполняет кто-то другой. «Как только мы видим, как кто-то делает что-либо – отдельное действие или цепочку действий – его движения незамедлительно приобретают для нас смысл, хочет он этого или нет. И, очевидно, верно и обратное: наши действия незамедлительно обретают смысл для тех, кто их видит. Зеркальная система и такая избирательность ответов составляющих ее нейронов способствуют созданию *общего пространства действий* (shared space of actions), внутри которого каждое действие и цепочка действий, принадлежат они “нам” или “другим”, мгновенно регистрируются и распознаются без необходимости какой-либо эксплицитной или намеренной “когнитивной операции”» [19, с. 119].

Одним из перспективных технологических направлений в XXI веке является создание сетевого интеллекта [5]. В его основании лежат не только анализ интернета как человеко-машинного виртуального взаимодействия, но и попытки изучения коллективного интеллекта. Так, в исследовании А.У. Вули с соавторами выявлен фактор «с» (феномен коллективного интеллекта) – способность группы выполнять широкий класс задач. Он слабо зависит от индивидуальных интеллектуальных способностей членов коллектива (группы). Гораздо большую роль играет социальная чувствительность (sensitivity)», а также отсутствие в коллективе явно выраженного лидера, доминирующего в процессе групповой работы. При этом успешность решения самых разных групповых задач слабо коррелирует с величинами индивидуальных показателей интеллекта [40]. Интересно, что вследствие групповых решений может возникать принадлежащее группе распределенное знание, которое отсутствует в индивидуальных тезаурусах [37].

Одним из значимых современных направлений психологических исследований, фактически направленных на реализацию сетевого принципа, является анализ проблемы «разделяемости» знаний [3]. Обсуждая основания психологии социального познания, Г.М. Андреева пишет не только об индивидуальной, но и коллективной природе повседневного знания. По ее мнению, знание о том, что члены определенной социальной группы и так «все знают», является разделенным. Это означает, что каждый член сообщества обладает таким знанием, и все они придерживаются некоторого общего интересубъективного способа размышлений, представлений, соображений о реальности повседневной жизни. Именно это способствует достижению взаимопонимания во многих жизненных ситуациях.

В психологии и менеджменте изучаются психологические основания интересубъективности и передачи людьми друг другу неявного личностного знания. Эта проблема активно исследуется применительно к самым различным социальным условиям профессиональной деятельности: науке [30], здравоохранению [31], службам занятости [33], менеджменту [35]. Типичным примером описания исследования, в котором изучались психологические основания желания или, наоборот, нежелания преподавателей делиться с коллегами личностным знанием, является недавняя статья Д. Ю и Р. Зоу [41]. Знания в системе университетского преподавания классифицируются как явные и неявные. Имплицитное личностное знание занимает важное место в системе ценностей конкурентоспособных преподавателей университета. Оно может содержать символы и выражения, понятные только самому носителю знания. Вместе с тем неявные знания являются неотъемлемой частью опыта преподавателя, его организаторских способностей, методов обучения, навыков. В преподавательской и научной деятельности, накопленные одним человеком опыт и знания могут иметь ценность для других. В процессе принятия решений о необходимости поделиться собственными знаниями с другими преподаватели обычно взвешивают потенциальные риски (например, стать жертвой плагиата) и положительные эффекты для преподавания. И только тогда, когда они признают, что ценность совместного обладания выше, чем возможные риски, значимость разделенных знаний становится приоритетной.

Совместный характер неявного знания, направленного на выход за границы тезаурусов индивидуальных субъектов, в значительной степени определяет новое понимание психологической структуры коллективного субъекта. Вот как применительно к управлению знаниями в организациях описывают эту проблему И. Нонака и Н. Конно: «Долгие годы ученичества позволяют новичкам понять, как чувствуют и думают другие. Таким образом, в определенном смысле неявное знание может быть

передано только в том случае, если индивид готов стать чем-то большим, включающим в себя неявное знание кого-то другого. Это большее, например, означает, что по отношению к нашим коллегам и клиентам мы испытываем скорее эмпатию, чем симпатию. В двух словах, выход за пределы личности составляет основу распространения индивидуального неявного знания» [15, с. 279].

Эмпатия и симпатия в групповых процессах соотносятся в основном не с когнициями, а с коллективными переживаниями [12]. Социальный характер категории переживания, проявляется, в частности, в том, что в психологических исследованиях фокус анализа смещается с индивидуальных переживаний в область коллективного. «Отдельная личность проникнута не столько уникальными, сколько “типическими” (по Г.Г. Шпету) переживаниями, близкими всем представителям большой группы, культуры, социума. Таким образом, коллективный характер субъекта переживания утверждается пока еще не совсем на надиндивидуальном уровне, где субъектом выступала бы собственно группа, но уже в отрицании исключительной природы переживания общественных явлений отдельным человеком. Один человек переживает то же, что и другие люди, и это делает переживание не индивидуальным, а социальным явлением» [26, с. 199].

Важными составляющими переживаний являются коллективные эмоции. Они разделяются и осознаются всеми членами группы. К. фон Шеде, анализируя феномен коллективных эмоций, называет последние «синхронным сближением аффективного реагирования». В межличностном общении, в одной и той же культуре (обладающей общими знаниями, нормами, ценностями), в способах идентификации субъекта с группой коллективные эмоции проявляются не просто как совокупность отдельных эмоций, а представляют собой уникальное «холистическое» качество социального коллектива [38].

Первоначальный этап развития психологии субъекта характеризовался закономерной направленностью ученых на определение явных вербализуемых признаков «коллективного субъекта». Именно в этом качестве были выделены присущие нескольким людям состояния предактивности, способность группы проявлять совместные формы активности, коллективная саморефлексия, групповая устойчивость, активность, удовлетворенность и т.п. [7].

Сегодня для преодоления исключительно рационалистического подхода к решению проблемы предлагаются различные варианты уровневой структуры психологической организации коллективного субъекта. И.Т. Касавин, пытаясь избежать редукции проблемы только к познающему индивиду, различает основные типы коллективности, в которых производится знание, и, соответственно, четыре уровня коллективного субъекта познания (трансцендентальный, укорененный, договорный и распределенный). Трансцендентальный интегральный культурно-исторический уровень образуется надличной совокупностью культурных образцов, транслируемых через эпохи и имеющих межкультурное значение для каждой из них. «В качестве второго типа КСП выступает “укорененный (воплощенный) субъект” с учетом коннотаций, содержащихся в уже упомянутых терминах *embedded knowledge, embodied expertise*. Данный уровень отвечает за включенность индивида в традиционную деятельность и коммуникацию, выраженную в неявном знании умений и навыков. Включение индивида в тело “укорененного субъекта” происходит в ходе освоения локальной культуры с ее образовательно-воспитательными, производственными и политическими практиками» [11, с. 13]. В договорном субъекте воплощаются общие для многих людей программы коллективной деятельности, основанные на картине мира, стандарты политических, производственных, межличностных и иных практик, направленных на достижение и поддержание социального единства. Наконец, распределенный субъект действует в условиях совмещения реальных и выдуманных событий (как в упомянутой выше компьютерной игре *Pokemon Go*).

Очевидно, что во всех современных вариантах интерпретации содержания категории «коллективный субъект» проявляется направленность на анализ неявного знания и невербализуемого опыта субъекта, это одна из главных характеристик исследований в области человекознания. Перечисленные и другие подобные исследования можно рассматривать как существенный вклад в переосмысление многих психологических проблем и, в первую очередь, психологии субъекта.

2. Современная психология характеризуется повышенным интересом ученых к психологическим процессам, имеющим приставку «мета»: метасознание, метапонимание, метакогнитивная компетентность и т.п. На уровне психики отдельного субъекта метапроцессы тоже играют связующую роль в создании общего пространства психических действий.

При понимании научного текста макрокатегорией, отражающей целостное понимание, является «связность». За этим понятием скрывается представление о необходимости для понимания согласования не только предварительных знаний понимающего субъекта, но и его навыков понимания текста

[27]. В «модели конструкции-интеграции» У. Кинча показано, как знание влияет на формирование понимания. В процессе понимания субъект получает новые знания, способные повлиять на последующее понимание. Эффективный «познавательльно-понимательный» цикл заключается в том, что предварительные сведения всегда необходимы для возникновения понимания, которое, в свою очередь, порождает знание, и т. д. У. Кинч полагает, что когда мы читаем, то опираемся на свои знания о мире и представления о том, о чем, по нашему мнению, идет речь в тексте. Конечная цель интеграции знаний, представлений и мнений – построить целостную ментальную репрезентацию описываемой ситуации [32]. Отсутствие в ментальном опыте читателя метакогнитивных стратегий осмысления текста препятствуют его глубокому пониманию даже в тех случаях, когда определение значений слов и смысла отдельных предложений не составляет особых трудностей. Главное для понимающего субъекта – умение непротиворечивым образом объединить знания из «текстовой базы» и свои представления об описываемой ситуации в целостной ментальной репрезентации текста [27]. Очевидно, что умения, навыки понимания основываются не столько на явных знаниях, сколько на невербализованных личностных.

Еще более очевидно действие принципиально некогнитивных психологических механизмов представлено в метасистемной организации экзистенциального опыта субъекта. В психологическом исследовании экзистенциальный и жизненный опыт нужно рассматривать как единую систему, причем «систему со встроенным метасистемным уровнем» [9]. В содержании системы экзистенциальный опыт «одновременно является и ее собственным уровнем, и уровнем, выходящим за ее пределы (метауровнем), то есть в определенном смысле — локализованным вне ее» [10, с. 181]. Системный и метасистемный уровни опыта не могут существовать один без другого. С одной стороны, основанием определения события как экзистенциального для человека становится формирование его эмоционального и познавательного отношения к этому фрагменту повседневного бытия, переживания всего, что с ним связано. С другой стороны, отнесение события к экзистенциальному опыту возможно только с точки зрения уже осуществленного понимания, рефлексии, сопоставления с другими событиями и ситуациями.

В основании экзистенциального опыта оказывается специфическое понимание человеком не только мира, но и себя: я имею в виду метаперсональную самоинтерпретацию [28], которая также представляет собой метасистемный уровень самопонимания. Метаперсональная самоинтерпретация распространяется за пределы индивидуально-личностного, внутреннего мира и охватывает более широкие стороны человеческого бытия — осознание субъектом себя как частички космоса, человечества, жизни. В процессе метаперсональной самоинтерпретации человек понимает, что свою сущность можно понять, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, общество и универсум. Метаперсональное порождается универсальным фокусом, таким взглядом на себя и мир, который включает всю природу и жизнь в Я-концепцию субъекта.

Реализация и метасистемной, и метаперсональной функций экзистенциального опыта основана на рефлексии понимающего субъекта над тем, что происходит в его внутреннем мире, как именно протекают процессы познания и понимания. Понимание всего, что для субъекта значимо, основано на метакогнитивной осведомленности, выходе за пределы конкретного содержания события или ситуации. Познание всегда включает в себя отношение, а экзистенциальный опыт связан с метакогнитивным опытом.

Знания или стратегии интеллектуальной деятельности в психологической науке считаются метакогнитивными, если они активно используются в качестве рефлексии и управления своими познавательными процессами. В частности, характерной «особенностью метакогнитивного опыта является его способность как предшествовать, так и следовать за когнитивной деятельностью. Процессы метапознания регулируют функционирование когнитивных процессов и в то же время зависят от них» [18, с. 135]. В метапознание включены не только сознательная, но и неосознаваемая познающим субъектом регуляции интеллектуальной деятельности. Это соответствует данным современных психологических исследований: метакогнитивный контроль поведения нередко осуществляется автоматически, неосознанно, а выбор стратегии принятия решения является во многом бессознательным метакогнитивным процессом [34].

Как известно еще из исследований Дж. Флэйвелла, метапознание состоит из метакогнитивных знаний и метакогнитивного опыта [29].

Метакогнитивные знания бывают трех типов – знания личностных переменных, переменных задания и переменных стратегии. Первые включают знания человека о своих когнитивных процессах и более общие знания о том, как человек приобретает и перерабатывает информацию. Второй тип

знания – о природе задания и о требованиях к обработке информации. Третий тип состоит из знаний о стратегиях и о том, в каких обстоятельствах они подходят для использования таких стратегий.

Метакогнитивный опыт – это любые не только познавательные, но и эмоциональные реакции, которые относятся к интеллектуальным процессам. Например, внезапно возникшее чувство, что вы не понимаете что-то, что другой человек только что сказал. Именно метакогнитивным опытом вызвано чувство замешательства и удивления от внезапного осознания расхождения между тем, что вы поняли и что сказал партнер. Метакогнитивный опыт может относиться к любому времени до, после или во время акта познания: вы можете чувствовать, что предрасположены к неудаче в том, что еще только предстоит, или сделали что-то очень хорошо в прошлом. Опыт обеспечивает возможности для возникновения мыслей и чувств о ваших собственных взглядах, способствующих контролированию протекания познавательных процессов.

Метапознавательный опыт лучше всего описывать как метакогнитивные знания, которые запомнились субъекту. Если он, борясь с некоторой трудной задачей, внезапно вспоминает другую подобную проблему, которая была решена определенным способом, то этот способ можно применить для решения задачи. Метапознавательный опыт может активировать стратегии, управляемые двумя типами целей — познавательными или метапознавательными. Например, вы ощущаете (метапознавательный опыт), что еще не знаете, что, выучив конкретную главу в учебнике, достаточно хорошо сдадите завтрашний экзамен. Вы прочитываете его еще раз (познавательная стратегия, нацеленная на прямую познавательную цель улучшения ваших знаний). Затем вы задаетесь вопросом (метапознавательный опыт): достаточно ли хорошо я понимаю материал, чтобы сдать экзамен? Вы читаете текст снова, задавая себе вопросы и отмечая, как хорошо вы в состоянии ответить на них (метапознавательная стратегия, направленная на метапознавательную цель оценки своего знания и создания таким способом нового метапознавательного опыта). Следовательно, метакогнитивный опыт формируется во взаимодействии с метакогнитивным знанием [29].

Интегративный метасистемный и метакогнитивный характер экзистенциального опыта вряд ли у кого-нибудь может вызывать сомнение. Вопрос, на который должны дать ответ будущие исследования, состоит в выявлении роли неосознаваемого экзистенциального опыта в сознательном метакогнитивном контроле поведения. Известно, что метапознание включает в себя убеждения второго порядка («Я знаю, что я знаю»), которые определенно не могут быть функцией исключительно сознания – здесь не обойтись без изучения мнений, бессознательных рефлексивных убеждений, установок. Учитывая это, следует признать, что экзистенциальный опыт субъекта имеет такое же важное метатеоретическое значение, как и ментальный.

Таким образом, метакогнитивные и метасистемные исследования также обнаруживают направленность не столько на выявление когнитивной природы знаний, сколько на раскрытие экзистенциально-герменевтических оснований действий с знаниями, воплощенных в плохо осознаваемых навыках и умениях понимающего мир субъекта.

3. Неожиданный ракурс возрождения интереса к деятельностным основаниям психики сегодня раскрывается при обращении к работам М. Фуко и П. Адо [1]. Главное в их трудах – не анализ внутренней сущности субъекта, а изучение тех дискурсов, практик, которые они называли духовными. Характер дискурса, практики, т.е. говоря психологическим языком, деятельности определяют взгляд на изучаемое, на специфику развития психики. В этом контексте важнейшую роль начинают играть способы преобразования субъекта, полагания себя. В психологии, с точки зрения раскрытия их содержания, центральными являются вопросы о типах активности человека как личности и как субъекта. Интересный вариант разграничения активности личности и активности субъекта описан в работе Н.Е. Харламенковой, которая выделила четыре особенности активности человека как субъекта и личности. Другой вариант описания субъектной активности представлен в работах М. Фуко. По Фуко, субъективность проявляется во внутренних условиях познающего мир человека, прежде всего, в его опыте. Условия реализуются и проявляются в дискурсе, практиках [23]. Сегодня уже ясно, что нужно не только анализировать развитие знания о человеке как субъекте, но и учитывать, какие дискурсивные практики конституируют матрицу возможного знания. Иными словами, как деятельность не только определяет практики, но и зависит от них.

Неудивительно, что А.В. Брушлинский, развивая психологию субъекта и следуя за своим учителем С.Л. Рубинштейном, настаивал на ее субъектно-деятельностных основаниях [4]. И сегодня понятно, почему это так: психология субъекта была для него не просто совокупностью научных знаний, она стала неотъемлемой частью его мировоззрения и, главное, поведения. Отсюда вытекает его интерес к макропроблемам социально-экономических преобразований Советского Союза и России в пе-

риод перестройки и после него. И это был не голословный интерес: Андрей Владимирович обладал ярко выраженной гражданской позицией, которую он проявлял во многих, особенно критических для российской науки ситуациях. Он был одним из немногих, кто в середине 90-х годов решительно, преодолевая сопротивление чиновников от науки, выступал за выделение гуманитарных наук в самостоятельный фонд, т.е. за отделение РГНФ от РФФИ. Учитывая междисциплинарную направленность и энциклопедические знания ученого, вполне естественно, что в новом фонде именно Андрей Владимирович курировал деятельность Экспертного совета по проблемам комплексного изучения человека, психологии и педагогики, в котором рассматриваются конкурсные проекты медиков, экологов, физиологов и представителей многих других специальностей. В зрелом возрасте Брушлинский совершал поступки, которые со всей очевидностью могли неблагоприятно отразиться на его карьере. По принципиальным соображениям в РАН он высказывал точку зрения, которая явно шла вразрез с мнением многих членов академии, в том числе и руководящих. Он был трезвым и современным человеком, совершающим поступки в реальном научном сообществе. Люди есть люди: некоторые через какое-то время на выборах в РАН подходили к нему и говорили, что голосовали за него, уважая его последовательность и принципиальность. Другие, к сожалению, и после смерти не могут простить его за нонконформизм и отстаивание личной точки зрения (к слову сказать, она выражала мнение десятков психологов, не имевших права голоса в РАН). Таким образом, субъектно-деятельностный подход был для А.В. Брушлинского не абстрактной наукой, а такой духовной практикой, которую он воплощал в жизнь.

В этой связи очень значимым является следующий вопрос: в современной психологической литературе есть немало интересных и содержательных публикаций на обсуждаемую тему, тогда почему в качестве основателя психологии субъекта я называю А.В. Брушлинского, а, например, не К.А. Абульханову или какого-нибудь другого серьезного и всеми уважаемого ученого? Дело в том, что только А.В. Брушлинского в этой области психологического знания, используя метафору М. Фуко, можно назвать «основателем дискурсивности». Его заслуга не только в том, что он породил новые тексты по психологии субъекта (его критериях, структурных характеристиках и т.д.). Он создал нечто большее: возможности и правила рассуждений, указывающие на бесконечную возможность дискурсов - допустимых направлений психологических исследований субъекта и правил образования научных текстов о нем. В таком дискурсивном поле, с одной стороны, уже теряется первоначальная научная значимость личностной, авторской, субъектной отнесенности сказанного к А.В. Брушлинскому. Это происходит потому, что для профессионалов высказанные им идеи уже давно стали аксиомами и даже трюизмами. К примеру, в сотнях работ воспроизводится его определение субъекта как человека на высшем для него уровне активности, целостности...

С другой стороны, дискурсивное поле, первоначальные границы которого были очерчены названным психологом, открывает для исследователей возможности создания чего-то, восходящего к психологии субъекта А.В. Брушлинского, но уже отличающегося от него (системно-субъектный и субъектно-бытийный походы, психология человеческого бытия и т.п.). Однако именно психология субъекта как заданное основателем дискурсивное поле является той системой координат, по отношению к которой определяется теоретическая и эмпирическая валидность новых направлений исследований. Фактически А.В. Брушлинский сформулировал и пытался ответить на два главных для этой предметной области вопроса. Первый: каковы психологические характеристики человека как субъекта, чем они отличны от индивида, личности, индивидуальности? Второй вопрос об анализе самой дискурсивности (иначе ее можно назвать научной рациональностью): в соответствии с какими условиями и в каких формах субъект проявляется в разных дискурсах? В ответе на первый вопрос проявилось гибкое сочетание гносеологического (динамический и регулятивный планы анализа психологии субъекта) и эпистемологического (структурный план) подходов. Ответ на второй вопрос неразрывно связан с научными представлениями о деятельностной природе человеческой психики: какие виды деятельности способствуют, а какие препятствуют проявлению и развитию субъектных качеств человека? Например, преднамеренно создаваемые развивающие и деструктивные трудности [17], безусловно, следует рассматривать с субъектно-деятельностных позиций.

Таким образом, современные исследования деятельностных оснований психики должны включать направленность не только на анализ внутреннего мира человека, но на изучение обстоятельств, способствующих порождению его субъектных качеств.

4. Важно осознать, что в XXI веке психология субъекта вышла на новый этап развития, его можно назвать самосозидательным или самопорождающим. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного

начала - к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Иначе говоря, можно сказать, что в рамках психологических исследований Я-концепции происходит смещение фокуса внимания ученых с определения Я как совокупности личностных качеств, обладающей «самосложностью» и «самопростотой» [36], на такие способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности. Родоначальником переосмысления «субъекта» можно считать М. Фуко, выделявшего два типа отношения человека к себе: определение того, чем он является на самом деле, обретение знания о своих сущностных чертах и создание такой формы субъектности, которой он до тех пор не обладал. Первое соответствует самопознанию, второе – заботе о себе [24].

Российская психология субъекта фактически уже прошла первый этап развития, который я бы назвал содержательно-структурным. Как это и закономерно для становления любого нового научного направления, на содержательно-структурном этапе психологами активно обсуждались определения субъекта, разные точки зрения на его понимание, критерии субъектности человека, соотношение категорий «субъект», «личность», «индивидуальность» и другие аспекты проблемы. Пристальный интерес ученых к структурным компонентам индивидуального и группового субъекта проявлялся, в частности, в том, что в качестве психологических особенностей коллективного субъекта выделялись наличие присущего нескольким людям состояния преактивности, способность группы проявлять совместные формы активности, коллективную саморефлексию и т.п. Разумеется, окончательных ответов на все обсуждавшиеся вопросы не найдено, но если ограничиться только их психологическим анализом, то есть опасность впасть в порочный замкнутый круг – необходимы новые перспективы и горизонты.

И такие перспективы есть. На первом, фактически познавательном, этапе психологам важно было получить достоверное знание о субъекте. На втором этапе главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта, и приемы, например, духовные практики, с помощью которых она происходит. Осуществляется смещение исследовательских акцентов с истин познания на конкретные обстоятельства, в которых формируются бытийные ценности и смыслы субъекта. Представления о созидающем себя субъекте изменились, и они отражают не только научные взгляды нескольких учеников и последователей А.В. Брушлинского. В наше время идеи о становлении субъекта как его самопорождении и самотрансформации находят воплощение в понимании личности как успешного автопроекта [20], идее о самопроектировании личности [25], в концепции культуропорождающего образования [13].

Преобразование сократовского тезиса «Познай самого себя» в призыв «Создай самого себя» [16], конечно же, не отрицает эвристической ценности самопознания. Новый этап развития психологии субъекта нацелен на психологический анализ и познания, и такой нелегкой работы по изменению себя, которые отражены в кратком и ёмком высказывании: «Самое сложное для человека – познать и изменить себя» [14, с. 19]. Для психологов это означает необходимость поиска и условий трансформации человеком самого себя, обстоятельств, оптимальных для самоизменения, и знаний о внутренних и внешних факторах, способствующих или препятствующих этому. Сочетание эпистемологического и гносеологического подходов к проблеме дают психологам возможность исследовать две взаимосвязанные стороны формирования субъектности человека. При одном, содержательном ракурсе рассмотрения проблемы субъекта, психологи фокусируют внимание на способах определения человеком своей идентичности посредством сознания и самопознания. Второй ракурс, предполагает поиск динамического регулятивного влияния обстоятельств, социальных условий, дискурсивного поля на изменение субъектом отношения к себе посредством осознания своих границ, пределов. При этом главными оказываются субъектно-деятельностные основания работы над собой, готовности человека выйти за свои границы, преодолеть сложившиеся представления и стереотипы.

Первый этап развития обсуждаемого научного направления по существу был телеологичным, он характеризовался направленностью психологов на получение знаний о раскрытии человеком своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоении форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. Более перспективным и соответствующим второму этапу пониманием субъекта мне представляется не телеологическое, а конструктивистское. Оно основано на принципе заботы о себе, понимаемом не столько как самопознание, сколько как трансформация себя. Человек конструирующий, т.е. заботящийся о себе живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. Вместе с тем направленность на самопреобразования соответствует многим направлениям современных психологических исследова-

ний – самодетерминации, изучению изменений в осознании собственной идентичности и другим. В развитии второго этапа, не отрицающего, а включающего в себя и проблемы первого этапа, мне видится перспективное настоящее и будущее психологии субъекта.

Библиографический список

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М., СПб., 2005.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
3. Андреева Г.М. Социальная психология: векторы новой парадигмы // Константа в неопределенном и меняющемся мире: маленькая психологическая серенада к юбилею Г.М. Андреевой / под ред. Ю.П. Зинченко и Т.Д. Марцинковской. М., 2009.
4. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М., СПб., 2003.
5. Войскунский А. Е., Игнатъев М. Б. Перспективы развития сетевого интеллекта // Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия / под ред. Б.Б. Славина. М., 2013.
6. Друкер П. Классические работы по менеджменту. М.: Альпина Паблишер, 2015.
7. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Том 30. № 5.
8. Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М., 2016.
9. Карпов А.В. Метасистемная организация уровневых структур психики. М., 2004.
10. Карпов А.В. Психология сознания: Метасистемный подход. М., 2011.
11. Касавин И.Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. XLVI. № 4.
12. Коллективные переживания социальных проблем / под ред. Т.Г. Стефаненко и С.А. Липатова. М., 2015.
13. Корбут А.М. Образовательная субъективность и «технологии себя» // Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / под ред. М.А. Гусаковского. Минск, 2004.
14. Критская В.П., Мелешко Т.К. Патопсихология шизофрении. М., 2015.
15. Нонака И., Конно Н. Концепция ба: организационный механизм создания знаний // Управление знаниями / под ред. Т. Е. Андреевой, Т. Ю. Гутниковой. СПб., 2010.
16. Петрова Г.И. Современный конструктивистский ответ в решении классической педагогико-антропологической проблемы «заботы о себе» // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 12 [140].
17. Поддьяков А.Н. Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М., 2014.
18. Пошехонова Ю.В. Метакогнитивные процессы и творческий подход к решению педагогических проблемных ситуаций // Творческая деятельность профессионала в контексте когнитивного и метакогнитивного подходов. Монография / под ред. М.М. Кашапова, Ю.В. Пошехоновой. Ярославль: ЯрГУ, 2012.
19. Риццолатти Д., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М., 2012.
20. Тульчинский Г.Л. Личность как успешный автопроект // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко / сост. М. А. Козлова. М., 2010.
21. Файола Э., Войскунский А.Е., Богачева Н.В. Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. 2016. № 3.
22. Франк С.Л. Реальность и человек. М., 1997.
23. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 учебном году. СПб., 2011.
24. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году. СПб., 2014.
25. Чепелева Н.В. Самопроектирование личности в дискурсивном пространстве // Человек, субъект, личность в современной психологии [к 80-ти летию А.В. Брушлинского]. Т 3. / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.. 2013.

26. Ширков Ю.Э. Итоги размышлений: что и как массово переживают люди // Коллективные переживания социальных проблем / под ред. Т.Г. Стефаненко и С.А. Липатова. М., 2015.
27. Best R.M., Rowe M., Ozuru Y., McNamara D.S. Deep-Level Comprehension of Science Texts. The Role of the Reader and the Text // Topics in Language Disorders. 2005. V. 25. № 1. P. 65-83.
28. DeCicco T.L. Stroink M.L. A Third Model of Self-Construal: The Metapersonal Self // International Journal of Transpersonal Studies. 2007. V. 26.
29. Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. № 34.
30. Kekäle T. Knowledge sharing among scientists // Journal of Workplace Learning. 2011. V. 23 № 7.
31. Kessel M., Kratzer J., Schultz C. Psychological safety, knowledge sharing, and creative performance in healthcare teams // Creativity and innovation management. 2012. V. 21. № 2.
32. Kintsch W. The construction-integration model of text comprehension and its implications for instruction // Theoretical models and processes of reading / Ed. by R. Ruddell and N. Unrau. Newark, DE: International Reading Association. 2004.
33. Kohansal M.A., Alimoradi Z., Bohloul S.M. The impact of knowledge-sharing mechanisms on employee performance // International Journal of Business Performance Management. 2013. V. 14. № 3.
34. Koriat A., Levy-Sadot R. Conscious and Unconscious Metacognition: A Rejoinder // Consciousness and Cognition. 2000. V. 9.
35. Luring J., Selmer J. Knowledge sharing in diverse organisations // Human Resource Management Journal. 2012. V. 22 № 1.
36. Rafaeli-Mor E., Gotlib I.H., Revelle W. The Meaning and Measurement of Self-Complexity // Personality and Individual Differences. 1999. № 27.
37. Tollefsen D. Group Testimony // Social Epistemology. 2007. Vol. 21.
38. Von Scheve Ch. Towards a theory of collective emotions // Emotion Review. 2013. Vol. 5. N 4.
39. Woolley A. W., Fuchs E. Collective intelligence in the organization of the science // Organization Science. 2001. Vol. 22.
40. Woolley A.W., Chabris Ch.F., Pentland A., Hashmi N., Malone Th. W. // Evidence for a Collective Intelligence Factor in the Performance of Human Groups. Science. 2010. Vol. 330.
41. Yu D., Zhou R. Tacit Knowledge Sharing Modes of University Teachers from the Perspectives of Psychological Risk and Value // International Journal of Higher Education. 2015. V. 4. № 2.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОСТИ: ИЗМЕНЧИВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ГИБКАЯ ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Рябикова З.И.

Ключевые слова: личностная идентичность, социокультурная реальность, субъектность, событийность.

Изменчивая реальность

Характеристики бытия личности претерпевают существенные изменения. Среди важнейших то, что сегодня человек организует свое бытие в очень быстро меняющемся мире [8]. Реальность бытия XXI в. рассматривается с привлечением категорий, фокусирующих внимание на его изменчивости: «текущая современность» (З. Бауман), «ускользающий мир» (Э. Гидденс) и т.д. М.С. Гусельцева, обобщая результаты размышлений отечественных и зарубежных авторов, среди ведущих трендов в преобразованиях социокультурной реальности выделяет: транзитивное состояние общества; изменения социального пространства под влиянием информационной социализации; возрастание влияния саморазвивающихся систем со своей трудно предсказуемой траекторией и др. [3].

Еще один существенный тренд, обуславливающий ускорение преобразований реальности - **возрастающая субъектность** личности [8]. Возрастание влияния субъектности человека на социокультурную реальность объясняется тем, что люди *творят* реальность, порождая смыслы, возникающие в коммуникации т.к. «реальность производна от сознания и психики познающих и понимающих ее субъектов» [5, с. 5].

Возросшая скорость изменений мира связана с интенсивностью вмешательств человека в реальность бытия, с объемом его преобразований, обусловленных нарастающей субъектностью личности, с сокращением дистанции между внутренним и внешним миром субъекта (между субъективным и объективным), что проявляется в «легкости» объективации ментальных проектов. Ранее дистанция, которую надо было пройти ментальному продукту до его воплощения в реальность, и естественное «сопротивление» реальности, уже функционирующей по сложившимся ранее (природным или естественно-историческим) законам, обуславливали медленную, но более органичную итоговую реализацию проекта. Сейчас с меньшими усилиями и в более короткое время, благодаря информационным и постиндустриальным формам культуры, современным технологиям, доступ к «глобальным воплощениям» своего ментального продукта получили многие. Количество потенциальных акторов, способных вмешаться в реальность бытия и масштаб этих возможных вмешательств возросли. Бытие – все более продукт конкретного человека, воплощение его ментальных проектов, и в этом смысле оно (бытие) – все более следствие психологических закономерностей (достоинств, дефицитов) функционирования конкретного социального субъекта.

Сегодня ментальная конструкция отдельного человека потенциально более субъектна (если рассматривать субъектность как количественное выражение возможного вмешательства в реальность), нежели это было вчера. Отдельный человек стал потенциально более активным агентом воздействия на структурирование событий. Например, компьютерная реальность, созданная кем-то по законам его индивидуального сознания и, может быть, сильно отягощенная экстремистскими установками, может трагически обуславливать бытие многих людей... Нарастающий глобализм террористических «мероприятий» в этих рассуждениях служит ярким примером. Реализация в этом случае ментального продукта ограниченной группы людей оказывается по последствиям все более глобальной: а) по количеству конкретных вовлеченных в ситуацию жертв; б) по вовлеченности все большего количества людей, находящихся за рамками непосредственной ситуации, но благодаря СМИ чувствующих себя ее непосредственными участниками; в) по обращенности организаторов террористического акта ко все более полномочным властным структурам с требованиями изменений в каких-то социальных процессах, способных оказать влияние на глобальные составляющие жизни мирового сообщества.

История общества, как отражение преобразований социальной реальности, все в меньшей степени остается *естественной* и все в большей степени конструируется (реконструируется, реконцептуализируется, реконтекстуализируется, переписывается) субъектами постоянно обновляемых

проектов социального бытия. Постмодернистскому мировоззрению в целом свойственно подчеркивание возрастающей роли активности человека в выстраивании пространства собственной жизни, своего бытия и их социальной проекции в общественное устройство, в реальность социального бытия. Это сказывается в перенаправленности вектора научной аналитики от макропроцессов к микропроцессам (социология, психология повседневности и пр.). Предполагаемый кумулятивный эффект микропроцессов или многократно усиленный интернет-пропагандой относительно локальный процесс могут обуславливать и служить основанием для объяснения макропроцессуальности. Это приводит к множественности трудно учитываемых факторов и осложняет прогнозирование. Зам. директора Форсайт-центра НИУ ВШЭ А. Чулок в ответ на вопрос «Как сейчас угадать будущее?» отвечает: «Вынужден вас огорчить: это практически невозможно». Но далее «побеждает» декларативный оптимизм: «Однако будущее можно сформировать таким, каким мы хотим его видеть» [13]. В этих высказываниях еще раз подчеркивается роль субъектности социальных индивидов в преобразованиях современной реальности, которая, в связи с множественностью и многовекторной направленностью субъектов предстает как осложненный для научного понимания и прогноза динамики объект.

Научное сообщество проявляет очевидный интерес к конструкту «современность» (Ж.-Ф. Лиотар), реализуя его в усиленном поиске «новых теоретических представлений, подходов и исследовательских стратегий, способных осваивать феноменологию современности» [3]. Трудности связаны с тем, что реальность современного бытия (в связи с названными ранее причинами) и его научное рассмотрение все в большей степени теряют определенность, становятся все более множественными, гетерогенными, «разупорядочиваются» (хаотизируются) [4, 5].

Гибкая личностная идентичность

Изменение социокультурной реальности и подходов к ее рассмотрению обуславливают изменение взглядов на ту часть психологической феноменологии, которая находится под большим влиянием социальных обстоятельств бытия личности, а также предполагает более активную междисциплинарную включенность в со-интерпретацию феномена. К таким феноменам относится *личностная идентичность*.

Рассматриваемая в контексте субъектно-бытийного подхода к личности [9, 10, 12 и др.], субъектная позиция человека по отношению к бытию и реализация, в соответствии с этим, субъектной активности в бытийных пространствах предполагают личностную определенность, относительную устойчивость сложившегося личностного содержания, обуславливающего возможность целеполагания; настойчивость в движении к поставленной цели, к ее реализации в прогнозируемом будущем; уверенность в значимости совершаемых деяний; непоколебимость самоотношения и векторов субъектной активности в отношениях с возможными партнерами, преследующими аналогичные или иные цели. Личностная определенность – это «знаемый и твердо усвоенный» человеком Образ-Я или чувство личностной идентичности, обуславливающее, как понимание человеком своего места в социальной системе (и «вытекающие» из этого регламенты отношений с другими людьми), так и достигнутой личностью внутреннюю непротиворечивость, согласованность ее личностных смыслов, органичную связность побуждений и возможностей.

Невозможность разрешить противоречия в системе отношений между отдельными составляющими структуры личности (нарушенная соотнесенность внешних и внутренних процессов) обуславливает чувство неаутентичности бытия, чувство потерянности, отчужденности, внутренней конфликтности и, таким образом, диффузию идентичности.

В подобном рассмотрении «бытийность предстает как повседневность, в которой личность продолжает (продлевает) себя, подтверждая субъектной активностью свою реальность, объективируя свой субъективный мир и утверждая непрерывность своей личностной идентичности во времени и в изменяющихся системах отношений с другими людьми» [12]. Л.С. Выготский, М. Фуко, Ж. Делёз и др. подчеркивали важность акцента на процессуальности, если мы хотим понять истинную природу изучаемых явлений. Личность – это интегрирующая инстанция психики и, одновременно, динамичный процесс непрерывающейся бытийности в коммуникации с другими субъектами, что в итоге и создает реальность современного мира, обуславливая его макропроцессуальность. Личностная идентичность – это процесс, направляющий интеграцию и в этом качестве выполняющий системообразующую (соединение прошлого, настоящего, будущего личности; гармонизация исполняемых ролей и др.), регуляторную, смыслообразующую функции. Рассмотрение личностной идентичности как процесса предполагает постоянный вектор субъектной активности, обуславливаемый направленностью

личности на самоопределение, на поиск поддержки и подтверждения своей идентичности [12]. Этот вектор активности обуславливает как целостность личности, так и создаваемую ею реальность бытия.

Текущность современности, стремительность изменений реальности бытия предполагают возрастание мобильности личностной идентичности [7 и др.]. Современный человек экспериментирует с различными аспектами своей идентичности, меняя стили жизни. К существенным факторам, обуславливающим трансформацию личностной идентичности есть основания отнести следующие:

- манипулирование общества с гендерной темой, лишаящее личность характерологических признаков половой принадлежности – одного из важных аспектов личностной определенности;
- активность политиков, опасно играющих с этнополитическими критериями идентификации больших и малых сообществ, допускающих опасные высказывания манипулятивного характера (например, оскорбительное для идентичности россиянина высказывание Обамы о России, как о стране, оказавшейся на обочине мировых процессов);
- деятельность стилистов, дизайнеров, косметологов, оголтело экспериментирующих с новыми идентификационными метками, со стилями, образами, имиджевыми масками;
- смешение возрастных признаков (благодаря современной медицине, спорту, косметологии и пр.), прецирующееся на сферу межличностных отношений, что вызывает неожиданные коллизии в самоопределении;
- возрастание виртуализации бытийных пространств личности;
- раскладываемый в дискуссиях футурологов бесконечный пасьянс трансформируемых профессий, осложняющий прогнозы самоопределения.

Особая тема – направленная ломка сознания вследствие информационных войн и смешения идентичностей посредством создания ложных представлений о социальной реальности, в контексте которых человека побуждают к самоопределению, выгодному для субъектов информационной войны. Информационная война (как одно из средств террора) направлена на то, чтобы из-за переживаемого, непереносимого страха люди лишались социальной ориентированности. Социальная структура разрушается, человек теряет определенность «социального лица», теряет чувство личностной идентичности, стирается социальное Я личности, разрушается выработанная воспитанием и социализацией структура социального действия.

Основная борьба в сегодняшнем мире – это борьба за «самообраз» современного человека, за определение того, ради чего современный человек живёт в диалоге и во взаимодействиях с другими людьми [1, с.31]. Ю.В.Громько квалифицирует «оранжевые революции» как революции смены личностной идентичности, направленные на разрушение русского мира [1, с.73]. Происходит интенсивный передел мира. Его исходный момент – передел сознания. Если у социального субъекта нет собственных идей, нет ясного чувства идентичности, нет собственной философии устройства мира в той версии, которая поддерживает устойчивый, принимаемый «самообраз», значит человек попадает в схему или в матрицу «чужого господства и чужого действия» [1, с.79].

Перечисленные факторы обуславливают неустойчивость социальных представлений, из-за чего человек теряет чувство определенности. В психологическом пространстве личности возникает смешение, фантазмагория клише, причудливых, текучих образов, что обуславливает эффект «мерцающего» Я. В подобном состоянии человек с легкостью «может перекраиваться, переорганизовываться и приобретать новую идентичность» [1, с.26].

Социокультурная реальность, личностная идентичность и со-бытийность

Реальность мира человека ученые обычно рассматривают как зависимую от того, каким именно образом люди совместно порождают и реализуют свои идеи [5]. Реальность рассматривается как «интенциональный мир», создаваемый в человеческой коммуникации [2, с.8], т.е. при анализе социокультурной реальности главным является изучение общения, психологии взаимодействующих субъектов, закономерностей их со-бытийности [5, 9, 11 и др.].

Выступая субъектом общения (рассматриваем общение не как отдельный коммуникативный акт, но как одно из пространств бытия личности), личность организует коммуникативное поле, реализуя свою потребность в аутентичном бытии, т.е. стремится организовать его в соответствии со структурой своих смыслов. Аутентичное бытие предполагает возможность актуализации в ситуациях общения таких поведенческих моделей, опыта переживаний, такого образа мира, которые содержательно связаны с глубинными, смысловыми образованиями личности, поддерживают иерархию смыслов и подтверждают личностную идентичность. Т.е. в ситуациях общения личность реализует возможность быть востребованной другими людьми в тех своих характеристиках, которые она воспринимает

в себе как наиболее ценные, наделенные смыслом, которые актуализируют у нее чувство самотождественности, личностной идентичности.

В современной социальной реальности, характеризуемой масштабными преобразованиями, устойчивостью социальных систем, частой сменой социальных статусов личности внимание к теме связи личностной идентичности и изменяющихся условий со-бытийности (совместности проживания личностного бытия в общении с Другими) – важный теоретический тренд в научном дискурсе [11]. Тема транзита, оторванности личности, диффузии ее идентичности и случайности со-бытийных сообществ актуализируется в сложные, переходные исторические периоды. Впечатляющий по образности и потрясающий по глубине художественной аналитичности феномена нарушенной со-бытийности личности – произведения Г.И.Газданова, в которых личность предстает в обстановке эмигрантского существования, внутри чужой, доминирующей культуры, что обуславливает чувства трагического, некомфортного, зачастую представляющегося абсурдным со-бытия с чуждыми людьми.

Из предложенных рассуждений вытекает важный вопрос об «оптимальной мере устойчивости» личностной идентичности, о «норме» устойчивости. Э.Эриксон считал, что зрелой личностью может быть только личность, характеризуемая психосоциальной тождественностью, имеющая "твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя со всеми многообразными отношениями к внешнему миру и соответствующими формами поведения" [14]. В этом высказывании обоснованно сделан акцент на устойчивымнообразных отношениях личности с внешним миром, и на самопринятии, как важных факторах личностной идентичности. Но устойчивость не предполагает неизменность (!). Как мы это акцентировали ранее, личность – это процесс. Идентичность – это процесс. Общество и предлагаемые им форматы социального бытия – это процесс. Таким образом, говоря об устойчивости личностной идентичности, подразумевается соотносительность, связность протекания всех тех процессов, которые «создают» личность и обуславливают чувство личностной идентичности (либо ее диффузию).

Личность, как субъект самопонимания, самоконструирования, конструирования своего бытия, берет на себя ответственность за соотносительность этих процессов, за конструирование себя как субъекта, наделенного определенными внеситуативными чертами и способного сохранять свою идентичность вне зависимости от той или иной ситуации, проявляя ситуационную изменчивость и сохраняя при этом самотождественность [5, 6].

Таким образом, вопрос о «норме» личностной идентичности в условиях, когда мир стал более подвижным, «текучим», продуцирующим динамичность обстоятельств бытия личности, ее со-бытия с быстро сменяющимися Другими, для современного человека стал особо важным. Неопределенность, ограниченная предсказуемость – естественные, рефлекслируемые зрелой личностью характеристики, побуждающие к осмыслению возможных перспектив самотрансформации, изменения идентичности.

В этих условиях вектор субъектной активности, направляемой на «консервацию» личностной идентичности, вряд ли конструктивен, т.к. обуславливает снижение адаптивности, потерю связи с изменяющейся реальностью. В подобной ситуации вектор субъектной активности скорее направляется на переосмысление идентичности, на обеспечение согласованности между конструируемым Я и изменениями реальности бытия.

Поддерживающие практики, к которым обращается личность: поиск устойчивости, сохранности Я в со-бытии с хорошо известными, «подтверждающими» Другими; создание сообществ, направленных на сохранение привычного уклада (создание культурных ареалов), консервация привычек в структурировании времени (Э.Берн); поиск поддержки в неизменности предметно-пространственной (средовой) идентификации – могут оказаться факторами, сдерживающими развитие личности, приводящими к ее стагнации и к дезадаптации.

Вектор субъектной активности, направленной на экспансию, на расширение бытийных пространств личности, предполагает готовность к вариативности самоидентифицирования, «игру» с Образом-Я, всегда некоторую незавершенность самоопределения, отсутствие жесткости в границах Я и не-Я. В.В.Знаков пишет о психологических исследованиях самопонимания, в которых обнаружено, что стабильное самопонимание – это иллюзия, недостижимый и бесполезный идеал. Внутренний мир, повторяя динамику внешнего – неопределенного, изменчивого, многополярного, – также становится легко трансформируемым, генерирующим переосмысление личностью точек зрения на себя [5].

Таким образом, анализ общения как со-бытия (со всеми включенными в этот процесс бытийными пространствами), обращение к анализу актуальных бытийных практик личности позволяют

выделить закономерности ее формирования и функционирования как субъекта самоидентификации, в условиях быстро изменяющейся реальности, одновременно расширяются перспективы в анализе общения как современной со-бытийной реальности.

Приведенные выше рассуждения позволяют сформулировать следующие выводы:

- более перспективным современным пониманием социокультурной реальности является не телеологическое, а конструктивистское [3, 5 и др.];
- в процессе самоидентификации (которая мыслится как единство прошлого, настоящего и будущего – Э.Эриксон) возрастает значимость интерпретации личностью настоящего с позиции понимаемого и планируемого ею будущего не как предсказываемого, но как проектируемого и создаваемого самим субъектом;
- из предыдущего тезиса вытекает запрос на компетентность личности в проектной деятельности и ее адекватность в оценке своих потенциалов самоактуализации, в зависимости от способности конструировать реальность и заниматься самоконструированием;
- важной представляется направленность личности на выявление потенциальных со-субъектов (т.к. бытие – всегда со-бытие и поэтому проект бытия всегда является проектом со-бытия) в конструировании личностью своего бытия как совокупности связанных микропроцессов, обуславливающих макропроцессуальность социальной реальности;
- так как количество «обжитых» личностью пространств бытия нарастает (пространств, в которых реализована, объективирована ее субъективность), обостряется проблема соотносительности бытийных пространств, а также проблема способности личности отвлечься от экстенсивного тренда в овладении пространствами бытия и углубить свое присутствие в тех пространствах, которые ею осознаются и конструируются как наиболее существенные для ее самоактуализации и чувства идентичности;
- важно для понимания современной реальности учитывать то, что пространства бытия все более виртуализируются, теряя естественную пространственно-временную развертку, претерпевают изменения, прихотливо «сворачиваясь-разворачиваясь» по законам ментального процесса;
- важно учитывать, что не только возрастает скорость изменений объективной реальности, но нарастает вероятностный характер направленности этих изменений, возрастает их обусловленность закономерностями ментальности, т.е. закономерности «субъективного» подчиняют (предопределяют) законы функционирования материального (ментальное подчиняет себе природное, превращая его в «неестественное»);
- возрастает роль методологического принципа единства (взаимообусловленности) личности и ее бытия в рассмотрении, понимании, интерпретации как личности, так и социокультурной реальности.

Библиографический список

1. Громыко Ю.В. Антропология политической идентичности. М., 2006
2. Гусельцева М.С. Социальное пространство как основание для полипарадигмального синтеза // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30.
3. Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015.
4. Закс Л.А. Об особенностях современной социально-гуманитарной картины мира и некоторых ее следствиях: против радикального эмпиризма // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2015. Том 143. № 3.
5. Знаков В.В. Понимание субъектом социокультурной реальности мира человека // Человек. Сообщество. Управление. 2016. № 1.
6. Корбут А.М. Образовательная субъективность и «технологии себя» // Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / Под ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2004.
7. Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное. В кн.: В.В. Винокуров, А.Ф. Филиппов (Ред.), Социо-логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991.
8. Рябикина З.И. Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: теория и методология / под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар, 2003.

9. Рябикина З.И. Субъектно-бытийный подход к личности и ее со-бытию со значимыми другими // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар, 2010.

10. Рябикина З.И. Личностная идентичность в ситуации изменения системы идентификаций (социо-психологические эффекты украинского разлома) // Известия Саратовского университета. Серия. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Том 3. Выпуск 3 (11).

11. Рябикина З.И. Субъектно-бытийный подход к личности как основание для интерпретации ее со-бытия // Личность и бытие: проблемы, закономерности, феноменология со-бытийности / Под ред. З.И.Рябикиной, В.В.Знакова. Изд-во КубГУ, ИП РАН, Краснодар, 2012.

12. Танасов Г.Г. Личность в переговорах: субъектно-бытийный подход: автореф. Дис. ... д-ра психол.наук. Краснодар, 2012.

13. Чулок А. 3D-печать заменит молекулярная самосборка. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/06/20/chulok>.

13. Erikson E.H. Identity. Youth and crisis. N.Y., 1968.

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНОГО ПОДХОДА

Фоменко Г.Ю.

Ключевые слова: личностная идентичность, психология безопасности личности, субъектно-бытийный подход.

Актуальная историческая ситуация трансформации социального организма порождает в обществе особые социально-психологические последствия, для анализа которых требуются адекватные концепции и понятия, отвечающие современным проблемам. Чутко реагируя на вызовы современности, психологическая наука проявляет внимание к новым темам, что отражает её включённость в происходящие в мире изменения. Психология осваивает новые реалии изменяющегося мира, а точнее изменяющегося человека в трансформирующемся мире, в новой социокультурной реальности.

В связи с этим возникают новые проблемно-ориентированные области междисциплинарных исследований в полном соответствии с тезисом о том, что «вехами истории науки оказываются проблемы» (Зотов, 1982). Среди системных вызовов человечеству проблема безопасности, безусловно, занимает первое место. Поэтому вполне закономерно оформление нового направления психологической науки.

В данных конкретно-исторических условиях у человека подрывается чувство безопасности по новым и очень разнообразным основаниям, которые не были характерны для предыдущих периодов развития нашей цивилизации. При этом все исследователи в качестве главной опасности для человека и человечества в целом отмечают то обстоятельство, что у людей может не хватить *психологических ресурсов* для того, чтобы справиться с требованиями, характером и темпами преобразования социальной действительности (Гуревич, 2007, Тоффлер, 2004, Фромм, 1998, философия ..., 1996 и др.).

При этом, согласно логике синергетической концепции, в критические периоды неустойчивого состояния социума неизмеримо возрастают возможности индивидуального вмешательства в ход событий (малые усилия могут привести к масштабным социальным сдвигам); а это, соответственно, предъявляет новые и особые требования к ответственности человека за свои действия [12, 17,18].

В связи с этим нравственным императивом современной эпохи следует считать принцип ответственности Ханса Йонаса, на котором акцентирует своё внимание один из основоположников синергетики Герман Хакен, согласно которому, достойное человека самоорганизующееся общество может продолжительно существовать только тогда, когда каждый поступает так, как если бы он в рамках собственной деятельности был ответственен за целое [25, с.27].

На этом фоне, приобретая власть над одними явлениями, люди порождают другие неподвластные им явления, поскольку мы вторглись в механизмы социальной эволюции человечества. Актуализируется проблема выявления и оценки реальных возможностей человека (индивидуальных и групповых) по активному воздействию на социальные процессы. Необходимо учитывать и такую современную тенденцию как резкая дифференциация социальных групп по степени их субъектных возможностей [18] на фоне феномена, который исследователи называют «закабалением мира в качестве объекта»: установление такой ассиметричности отношений, когда «другой» становится всё более предсказуемым для меня, а я становлюсь всё менее предсказуемым для другого. Собственно, в этой ассиметрии и заключено главное прельщение власти: субъект сохраняет свободу воли, тогда как «объект» её полностью лишается (А.С.Панарин, 1999).

Таким образом, проблема выживания человечества, а, соответственно и его безопасности, стала центральной на данном этапе его развития.

Эвристичность идей А.В.Брушлинского для психологии безопасности

Обращаясь к истокам зарождения психологии безопасности в нашей стране, безусловно, необходимо вспомнить А.В.Брушлинского, его работы, а также научную и общественную активность в этом направлении. Впервые в систематизированном виде взгляды А.В.Брушлинского на психологию безопасности были изложены в его статье «Субъект безопасности и безопасность субъекта» [4]. А.В.Брушлинский подчёркивал, что процесс переоценки ценностей в нашем обществе породил и но-

вое понимание проблем безопасности. При таком подходе выявляется, что содержание и степень безопасности общества и человека находятся в прямой зависимости от функционирования всех структур общества – экономической, политической, социальной, правовой. В результате система самой безопасности приобретает сложную структуру, в которой можно выделить соответствующие составляющие компоненты или подсистемы.

Необходимо подчеркнуть, что для развития психологии безопасности личности эвристичен, на наш взгляд, весь комплекс воззрений и идей А.В.Брушлинского, касающийся изначальной активности человека как субъекта в сочетании с потребностью в проявлении и реализации собственной субъектности, нетерпимость восприятия себя как объекта [3,5]; требования А.В.Брушлинского к точности формулировки принципа детерминизма с обязательным заключительным фрагментом «как основание развития» [5]; акцента на изначальной социальности любого индивида; подчёркивания двусторонней зависимости общества и человека; выделения оснований для конституирования группового субъекта; положения о том, что личные интересы не подчиняются общественным, а общественные интересы существуют как таковые только в том случае, если они одновременно являются также и личными, а не надличностными и внеличностными; заострения внимания на том, что в деятельности самостоятельность вовсе не противостоит совместности, напротив, именно в совместной деятельности реализуется её самостоятельность [3,5].

Трудами А.В.Брушлинского, его гуманистической трактовкой человека как субъекта, доказана принципиальная возможность преодолевать социально-психологические условия, деформирующие развитие личности. Главное в субъекте, подчёркивал А.В.Брушлинский, – его творческая природа. По мнению А.В.Брушлинского, субъект, находящийся внутри бытия...творит историю [5]. Анализируя понятие «социальность», А.В.Брушлинский подчёркивает, что каждый человек в силу своей уникальности, неповторимости, незаменимости участвует в развитии культуры и всего общества. Это проявляется, в частности в том, что мышление любого индивида – хотя бы в минимальной степени – творческое, продуктивное, самостоятельное [5].

Комплекс идей и воззрений А.В.Брушлинского позволяет переосмыслить и оценить возможности личности по сохранению её целостности и аутентичности бытия в современных условиях цивилизационных сдвигов и разломов, выявить психологическое содержание социальных деструкций, возможные способы и пути их преодоления.

Подытоживая, хотелось бы отметить, что даже столь краткое и пунктирное изложение эвристичности взглядов и идей А.В.Брушлинского для психологии безопасности личности, достаточно наглядно иллюстрирует утверждение В.А.Петровского, по мнению которого, смысл обращения к слову «идея» определяется её особой, не всегда ясно осознаваемой исследователями системообразующей ролью: быть средством интеграции («сборки») значений, которые исторически складываются и постепенно группируются вокруг некоторого «носителя этой идеи» (В.А.Петровский, 2012, с.338). Осмысление научного наследия А.В.Брушлинского, развитие его идей в методологическом, теоретическом и практическом аспектах позволяет психологической науке полноценно участвовать в междисциплинарном и философском дискурсе, касающемся вопроса о том, какова роль человеческой субъектности (т.е. возможности адекватного восприятия и понимания, планирования действий и их реализации) в процессе *самоорганизации* общества. А также определиться с проблемным полем психологии безопасности. В приложении к проблемам безопасности новое звучание обретает высказывание А.В.Брушлинского субъект – это человек на высшем уровне активности, проявляющейся в способности противостоять обстоятельствам (А.В.Брушлинский, 2001).

Субъектно-бытийный подход к проблемам психологии безопасности личности: основные положения

Организационно психология безопасности личности в русле субъектно-бытийного подхода начала развиваться с 2009 года. Своё рождение данное научное направление датирует 6 февраля 2009 г., когда в КубГУ был проведён Круглый стол «*Актуальные проблемы психологии безопасности личности и общества*». Этим мероприятием начала работу Лаборатория психологии безопасности личности при Институте социогуманитарных проблем КубГУ (подрук. проф. Фоменко Г.Ю.). Научным консультантом лаборатории является декан факультета психологии Московского государственного университета, доктор психологических наук, профессор Ю.П.Зинченко.

Субъектно-бытийный подход акцентирует внимание на проблемах безопасности личности как субъекта бытия и со-бытия. Это позволяет избежать изоляционизма личности и её противопоставления социуму, поскольку личность как субъект является главной конституирующей частью челове-

ского мира, а в выявлении и интерпретации проблем безопасности, исходить из современных социокультурных реалий

Проблема со-бытия личности с Другими, реализующими собственные проекты мироустройства через воплощение своих смыслов, может быть рассмотрена в нескольких аспектах.

Один из них связан с тем, что при понимании личности, как субъекта, создающего реальность своего бытия, важно увидеть и понять проблемы, возникающие в связи с тем, что в процессе объективации своего замысла личность всегда встречается с *сопротивлением бытия других людей* (бытие всегда есть со-бытие), воплощающих иные смыслы, создающих свое личное бытие в пространстве тех же предметов и событий и в тоже время (Рябкина, 2005). В предпринимаемых человеком действиях по расширению своего бытия в пространстве межличностных отношений он нередко сталкивается с интолерантностью партнера, а также с попытками манипулирования им. Однако бытие другого человека может также быть и *поддерживающим ресурсом* для личности.

Следующий важный аспект - проблема со-бытия личности связана с проблемой совокупного или коллективного субъекта в качестве которого могут рассматриваться общество (а также конституирующие его многочисленные большие социальные группы) и государство. Это способствует системному рассмотрению проблем безопасности в совокупности её трёх основных уровней. Таким образом, субъектно-бытийный подход позволяет интегрировать знания о микро- и макросоциальных явлениях.

Психология безопасности в контексте рассматриваемого теоретико-методологического подхода концентрируется, с одной стороны, на проблемах безопасности личности в различных пространствах её бытия в условиях социально-экономических и политических трансформаций современного общества, с другой стороны, обращается к изучению потенциальных и реальных рисков, обусловленных характером, и содержанием угроз национальной безопасности, исходящих из нарушения направленности и оптимума активности личности как субъекта бытия и со-бытия.

По сути дела, решается основная задача – изучение и осмысление роли «человеческого фактора» в качестве индивидуального и группового субъектов в обеспечении безопасности личности, общества и государства.

Интенсивная разработка данной проблематики психологами нашего региона и регулярность проведения научно-практических мероприятий позволили определиться с *проблемным полем* психологии безопасности, ориентированным на *определение оптимальных психологических условий динамической равновесности в системах «личность – общество» и «личность – государство».*

Безопасность личности рассматривается как системный феномен и понимается не как защищённость от угроз, сообразно «окопной логике», а как формирование способности личности активно действовать в динамично изменяющихся условиях, конструктивно разрешая противоречия современности, для сохранения своей целостности и поддержания аутентичного бытия.

Согласно экзистенциальному подходу, «жизнь без внутреннего согласия» - самый глубокий корень стресса. Аутентичность бытия связана также с признанием ценности собственного «Я» и нахождением смысла ради чего стоит жить. Аутентичность бытия личности позволяет ей созидать уникальные ценности, умение находить смыслы даже в эпоху отсутствия базовых и универсальных ценностей (когда те поставлены под сомнение или разрушены). «В противном случае жизнь может восприниматься как довольно безрадостное предприятие и сопровождается готовностью пожертвовать ею в соответствии с логикой старого анекдота: «А для чего мне *такая* жизнь?» [19, с.184]

В связи с этим проблема безопасности связана с особенностями *ценностно-смыслового самоопределения личности* в системе разноуровневых противоречий в их биографически-смысловом преломлении для конкретной личности и предпочитаемом в итоге *модусе бытия* как результирующей этого процесса.

Как отмечал, Л.Эрвин, общество время от времени переходит в хаотическое состояние. Речь идет не о состоянии анархии, а о сверхчувствительности — прелюдии изменения. Находясь в хаотическом состоянии, общество становится чувствительным к любой слабой флуктуации, к каждой новой идее, к каждому новому образу мысли и действия. В конечном счете хаос общества означает свободу человека — свободу изменять структуры и институты, в которых люди проводят свою жизнь. Гнет прошлого ослабел, и образовалось пространство для индивидуального творчества. Не диктаторы, армии и полиция, а изменяющиеся ценности и идеалы людей являются теми бабочками, которые взмахами своих крыльев определяют, по какому пути будет развиваться общество. (Л. Эрвин, 1995).

Акцент на самоопределении и модусе бытия личности согласуется с Хайдегеровским «умением - быть- в -мире», рефлексивным и реактивным способами существования личности по

С.Л.Рубинштейну, гетеростатической мотивацией Маслоу, проактивным и ретроактивным существованием Олпорта.

Таким образом, предлагаемая нами *теоретическая модель* психологии безопасности личности включает: предметную область данного направления; формулировку основных научно-практических задач; определение базовых понятийных конструктов; выделение психологического механизма, «запускающего» возможное неблагоприятное развитие событий в плане субъективной допустимости для личности достижения своих значимых целей через нелегитимные, насильственные способы действий.

Индикаторы мониторинга психологической безопасности личности

Нами была предпринята попытка разработать индикаторы психологической безопасности бытия личности, исходя из:

1. Теоретической модели психологии безопасности личности в контексте субъектно-бытийного подхода.
2. Ориентировочного исследования, выполненного для уточнения предлагаемых теоретических положений и выдвинутых нами гипотез (проведено в 2009-2010г.г.):
 - а) интегральная оценка качества жизни (Н.П. Фетискин);
 - б) опросник оценки жизненных целей и ценностей (метод изучения мотивационных объектов Ж. Нюттена в адаптации И.Г. Дубова и Н.Н. Толстых);
 - в) методика цветowych метафор представляет собой модифицированный вариант ЦГО, разработанный И.Л. Соломиным;
 - г) модифицированная методика «незаконченные предложения».
3. Анализа письма Джо Стэка, совершившего 18.02.2010г. теракт в отношении налогового ведомства.
4. Судебно-психологических экспертиз литературной продукции и деятельности сайентолов.
5. Анализа релевантной эмпирики других исследователей.
6. Переинтерпретации исследовательских конструктов других авторов, выполненных в русле иных теоретико-методологических подходов.

Многие авторы, занимающиеся исследованием социально-деструктивных явлений и, в частности, феноменов экстремизма и терроризма (например, Абрахам Каплан), предлагают различать их *основания* и *причины*. При этом к *основаниям* они относят социальные условия, позволяющие рационализировать применение насилия, использование террористических действий, а к *причинам* относят собственно особенности личности. Другие авторы в качестве причин называют и социальные условия, но при одном очень существенном дополнении – если они имеют для личности *бытийное* значение и ставят под угрозу социальное существование данной личности.

В связи с этим мы обратились к анализу *психологического содержания социальных детерминант* [23]. В результате была выделена система противоречий, которую приходится решать личности на современном цивилизационном этапе развития общества в условиях его трансформации. В преломлении к отдельной личности и различным стратам населения важен способ экспликации и решения этих противоречий.

Психологическое содержание социальных детерминант

1. *Противоречие* между повышением роли субъектных характеристик человека при одновременном резком ограничении степени его автономности возрастанием социального прессинга. В субъективном преломлении это, в частности, интерпретируется следующим образом: «Меня обижают отношение ко мне, как к предмету; ... разрешено всё и ничего нельзя достичь; ... никому ничего не нужно и т.п.»

2. *Когнитивный диссонанс* между абстрактным признанием одних норм и реальным следованием другим, как отражение аномии общества – разрушения системы моральных норм и их рассогласования друг с другом.

3. *Разнородные* и иногда *взаимоисключающие требования* со стороны природной, социокультурной, этнической и пр. систем.

Трудности самоопределения личности в противоречиях современности и неконструктивность их разрешения приводят к потере личностью самоуважения, переживанию собственной неценности и бесперспективности, а также «исключённости» из общественных процессов.

Наши выводы совпадают с логикой рассуждений и других исследователей. Подчёркивается, что террористические организации и отдельные террористы-одиночки представляют – осознанно или нет – интересы массы *excluded* («исключённых») в современном мире [6, с.21]. Последние являются

социальной базой не только террористов, но и преступности, наркотизма и т.п. Как отмечает Н. Луман, наихудший из возможных сценариев состоит в том, что общество следующего столетия (т.е. наступившего XXI в.) примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра [15, с.107].

А.Ш. Тхостов, анализируя чувство неудовлетворённости, утраты иллюзий, неприятие собственной персоны или актуальной системы активности в аспекте возможной предрасположенности к терроризму, подчёркивает, что это свойство часто интерпретируется аналитиками как следствие особого личностного дефекта, особой уязвимости, ранимости. Но он полагает, что в контексте данного дискурса, возможно, более полезно рассматривать стойкую неудовлетворённость как признак, делающий индивида более открытым для влияния, воздействия извне, задающего его личности движение в каком-либо направлении, но только прочь от актуального неудовлетворительного статуса. Этим направлением движения легко может оказаться постепенное, всё более глубокое погружение в террор [21, с.189].

Порождающим началом здесь становится именно отталкивание, дистанцирование (личности от общества и государства), «негативная идентификация» (по А.Б. Гудкову). При этом хотелось бы подчеркнуть, что объектное, а не субъектное отношение к человеку уже подразумевает и субъективно воспринимается именно как «исключение». Но выделение указанных противоречий не самодостаточно, а является этапом перед постановкой следующего вопроса: «В виде каких проблем эксплицируются выделенные нами сущностные противоречия различными категориями населения и к какому способу их решения они прибегают?».

Для профилактики социально-деструктивных явлений самого широкого спектра и направленности как в ближайшей, так и в долгосрочной перспективе очень важно исключить возможность применения насилия как такового для решения возникающих проблем. В связи с этим необходимо выявить индикаторы, указывающие на вероятность такого нелегитимного решения и в процессе социально-психологического мониторинга профилировать указанные явления.

Данный подход, в рамках изложенной теоретической модели, позволяет понять, каким образом люди, способные выбрать терроризм в качестве способа разрешения возникающих противоречий и достижения своих целей, оказываются рядом с нами и могут производить впечатление вполне полноценных граждан.

Обсуждение перечисленных далее индикаторов психологической безопасности личности хотелось бы начать со следующих соображений. Новое качество культуры требует от человека повышения креативности и ответственности за развитие как своей личности, так и мира в целом. «Сетевой» принцип организации современного общества, положения постнеклассической рациональности и логика синергетической концепции актуализируют потребность в новых нравственных императивах.

В аспекте проблем безопасности Ю.Д. Бабаева и А.Е. Войскунский обращают внимание на «новое золотое правило» этического поведения А.Этиони: уважай и поддерживай нравственный порядок в обществе, если хочешь, чтобы общество уважало и поддерживало твою независимость [1, с.24].

Выделенные далее индикаторы психологической безопасности личности, на наш взгляд, не просто диагностируют, но и позволяют уяснить суть социально-психологического неблагополучия в построении взаимодействия личности с обществом и государством. Причём, и по своей сути и по своей направленности они диаметрально противоположны мировым трендам конструктивного развития личности как субъекта бытия и коллективных субъектов (общества и государства).

Индикаторы

1. Выраженный крен к эгоистическому индивидуализму от идеализированного коллективизма. При этом в последнее время всё настойчивее и отчётливее утверждается, что иерархия потребностей Маслоу должна быть дополнена «уровнем идеализации» - стремлением к идее или цели, которые больше, чем личность [27, , р. 12]. Кроме того, как уже отмечалось выше, согласно логике синергетической концепции, в критические периоды неустойчивого состояния социума малые усилия могут привести к масштабным социальным сдвигам; а это, соответственно, предъявляет новые и особые требования к ответственности человека за свои действия. На этом фоне, по результатам проведённого исследования, выявляется эмоционально негативное отношение к обществу и государству (напомним, это – 2009 – 2010г.г.) на фоне требований обеспечения безопасности усилиями последних; сочетание стремления к автономии личности с выраженной зависимостью от социального окружения; утрата общественных идеалов на фоне патерналистской установки в отношении смысла: ожидание,

что его дадут, с непониманием того, что смысл надо найти самостоятельно. При таком раскладе повышается вероятность восприятия и отношения к другому человека как к средству, подчинённому внешней цели, а не отношение к человеку и человеческой жизни как к самоценности [2], что, наш взгляд, является принципиальным дифференцирующим моментом, субъективно допускающим насилие для реализации своих намерений.

2. Преобладание приватного типа экзистенции (Р. Каразман) при отсутствии чувства экзистенциальной исполненности [14]. Это касается тех людей, которые обнаруживают смысл лишь в свободное время и в личной жизни, при этом их активность организуется, в основном на основе прагматических ценностей. Напомним, что исполненность – это результат воплощения в жизнь ценностей, которые человек ощущает как свои собственные (ценности Person в противоположность общепринятым и прагматическим ценностям). При дефиците социальной исполненности человек мотивирован не содержанием задачи, не самим делом, а какими-то побочными целями. Такая жизнь, которая строится в соответствии только с кажущимся смыслом (например, сосредоточенностью на собственной карьере, ожиданием социального признания и т.а.) в аспекте переживания уводит человека в пустоту (что в нашей терминологии соответствует экстремальному модусу бытия). Успех, по мнению этой части наших респондентов, дело случая, обстоятельств, везения: «Если бы я был президентом, я бы отдыхал». Выявляется субъективная значимость формального социального статуса в сочетании с искажённым представлением о самореализации: «реализоваться мешает учёба» (21 год, студент психолог); «полноценно самореализоваться мне мешает необходимость тратить время на получение образования» (20 лет, студент экономист) ; психолог (33г.) не ориентирована на оказании помощи и поддержки окружающим ит.п.): в тесте Н.П.Фетискина пункту «помогать другим людям, быть милосердным и великодушным, жертвовать своими интересами ради интересов других людей» ею выставлен низший балл (1).

3. Приватный субъект в противоположность формированию трансцендентного субъекта (по А.Л.Журавлёву): неспособность к субъектной преобразовательной активности, превосходящей сугубо личные цели и ближайшие интересы. «Приниженность идеалов», доминирование прагматических установок, отсутствие социальной ответственности: «Если бы я был олигархом, я купила бы большое кольцо с бриллиантом», «...построил дом с бассейном», «...облагодетельствовал своих близких». И только в одном случае из двадцати была отмечена готовность заниматься благотворительностью. На этом фоне проблемным становится и отношение к самой жизни в целом. Отказ от идеалов рождает чувство пустоты или распада личности, что субъективно переживается как та же самая смерть [19, с.184].

4. Психологическая неготовность стать актором гражданского общества. Как известно, одним из основных симптомов современного мира называют посттрагическое сознание, невозможность диалектического разрешения конфликта индивидуального и всеобщего [20]. Ограничение субъектности личности приводит к переживанию ею собственной не-ценности, а, следовательно, своеобразному восприятию своего «стирания» из социума, против чего и протестует личность, причём на фоне утраты контроля над происходящим в сочетании с впечатлением технологического всемогущества. Это актуализирует потребность достижения желаемого мгновенно и без усилий, а, соответственно и «соблазн» решать сложные вопросы простыми способами, что притягательно, по мнению многих исследователей, в идеологии терроризма [21]. Выявляется преобладание смутного, размытого представления о собственной личности на фоне выраженной внутриличностной противоречивости (многочисленные противоречия в ответах по каждому опроснику; содержательно - активность сосуществует с ленью; неуверенность в себе сосуществует со способностью вступления в конфронтацию, буквально со всеми, большинством и т.п.). Выявляется также низкий уровень рефлексивности и ограниченность масштаба восприятия существующих проблем, незрелость установки мировоззрения. Жёстко поляризованная система оценок и ценностей как отражение интолерантности и почвы для идеологизированного сознания.

5. Духовно-нравственный кризис при превалировании «экономического детерминизма». «Экономический детерминизм» рассматривается как стиль мышления и видения происходящего в обществе, согласно которому главное – экономика, а всё остальное, включая мораль, вторично [26, с.113]. В постперестроечный период психологи начали активно привлекать внимание к бедственному состоянию нравственности российского общества, концентрируясь на специфичности проявления на российской почве «болезней» и пороков современности [26, 16, 10]: двойные стандарты, «испарение моральности» [29], «социально токсичное окружение» [28]. При этом, как подчёркивает Л.Б.Гудков, состояние всеобщего аморализма – это не просто пассивное саморазрушение, но и новая «вера» в

двусмысленность (поддельность) любых ценностных представлений, искусственность, утилитарность высших смысловых значений [7, с.25].

Для всех наших респондентов характерно переживание несправедливости в ходе социально-культурного сравнения. Отражением духовного кризиса являются показатели методики интегральной оценки качества жизни Н.П. Фетискина. Так, самые низкие баллы в смысле субъективной значимости для респондентов получены по следующим позициям: способствовать развитию общества; служить Родине; быть честным и порядочным человеком; жить духовной жизнью; заниматься творчеством; вести добропорядочную нравственную жизнь. «Если бы я был главой местного самоуправления, я бы брал взятки». Любопытно, что и у представителей старшего поколения (возрастная группа пенсионеров) – правильные лозунги – чувство долга, но реально – «если бы был олигархом, обеспечил бы себя и своих близких» (методика незаконченные предложения).

Преобладает восприятие должности президента и любой должности, связанной с властными полномочиями, с точки зрения льгот и привилегий, а не прав и обязанностей. Убежденность, что все проблемы решаются властью и деньгами, что является отражением «экономического детерминизма» (методика незаконченные предложения): «Чтобы чувствовать себя счастливым, мне необходимы финансы (варианты: богатство, деньги, власть и т.п.). Вакуум возвышенных мотивов, примат экономики и материального – в то время как идеологи терроризма привлекают именно через возвышенные мотивы, давая рациональные объяснения национальным, социальным и религиозным идеям. Кроме того, как известно, целостность формирования личности задаётся образом «идеала».

Напомним также такие достаточно хрестоматийные положения, что рассматривая взаимосвязь разных личностных характеристик и ориентаций на высшие ценности, А Маслоу подчёркивает, что высшие ценности чаще актуализируются людьми духовно более сильными и независимыми, более решительными и храбрыми. А.Маслоу убеждён в том, что если человек станет «знающим и понимающим», то это увеличит вероятность выбора в пользу высших ценностей [16, с.218].

6. Приоритетность мы-идентичности как общности повседневного межличностного общения (семья, друзья, товарищи по работе). Это свидетельствует о том, что безопасное пространство сжимается до размеров семьи и ближайшего окружения, а преобладание такого типа идентичности ведёт к социальной разобщённости и дезинтегрированности общественного сознания в России.

Коротко перечислим также *индикаторы*, свидетельствующие о неблагополучии психологической безопасности личности, касающиеся конфигурации *временной перспективы*

1. Шок от прошлого [9], а не только футорошок по Тоффлеру.
2. Ослабление и исчезновение устремлённости в будущее.

Ослабление и исчезновение устремлённости в будущее как социально значимого явления является не просто признаком стагнации социального субъекта, но и признаком дестабилизации и подрыва самих основ человеческого существования. Напомним, что В.Франкл считал важнейшей особенностью человека то, что он может жить, только лишь глядя в будущее - *sub specie aeternitatis* – (с точки зрения вечности). С потерей веры в будущее он также утрачивал свой духовный стержень; он ломался и деградировал физически [24]. «Обрыв временной перспективы», «жизнь в отсутствие будущего» в сочетании с невыносимым настоящим превалирует у лиц с экстремальным модусом бытия [22]. Ф. Зимбардо, расценивает войну с терроризмом как войну временных перспектив, подчёркивает важность мотивационной силы земного будущего [11, с.187] и полагая, что цели земного будущего должны быть сопоставимы с трансцендентным будущим. «Испорченные символические системы», преобладание «*негативной символической системы*» (понятие, выдвинутое Р. Лифтоном) оказывают деструктивное влияние на процессы идентичности личности, поскольку происходит неизбежная фрагментация как самого образа мира, так и человека. На новом уровне актуализируется проблема противоречий индивида и общества: как соединить индивидуальный жизненный «проект» с коллективным историческим «проектом». С точки зрения индивида, этот проект сводится к достижению осмысленных отношений с ценностями и символами, через которые он способен утвердить своё символическое бессмертие. Цель *коллективного проекта* – поддержание этих модусов бессмертия среди его членов [9, с. 120]. В таких условиях, как отмечает Е.Н. Савченкова «единственный способ изменить ситуацию, в которой террористические акции стали повседневным фактом, состоит в том, чтобы научиться мыслить себя в горизонтах бессмертия [20, с. 101].

3. «Негативное прошлое», а не «позитивное прошлое» (по Ф. Зимбардо). Как подчёркивает Зимбардо, необходимо уважать людей за их прошлое. Кроме того, «непредсказуемое прошлое» в нашей стране препятствует процессам формирования гражданской идентичности.

4. Преобладание фаталистического настоящего. Возможный путь преодоления этого по Ф.Зимбардо: через поощрение личной инициативы: «Я могу это сделать» в сочетании с ответственностью [11].

В нашем исследовании, в ответах респондентах отмечался протест против отношения к себе как предмету и винтику при одновременной значимости проблемы свободы: при инструкции выбрать один–два варианта свободы, респонденты выбирают от трёх до пяти. В то же время – это на уровне умозрительных представлений. У большинства наблюдается ограниченная масштабность восприятия действительности с точки зрения своей возможности и готовности «включения» в происходящее. При этом неадекватные заверения: «Могу всё,.. могу многое», которые не подкреплены анализом личностной ресурсности, что является основой для недовольства на эмоциональном уровне.

Изложенный подход, на наш взгляд, позволяет уяснить психологические особенности построения взаимодействия личности с обществом и государством, сконцентрировав внимание на явлениях и реальных событиях каждодневности, которые совсем не исключительны, но обладают негативным социально-психологическим потенциалом, предрасполагающим молодёжь к предпочтению социально-деструктивных форм самореализации.

В заключении хотелось бы сконцентрироваться на положениях, которые в конспективном виде, очень кратко касаются возможных направлений профилактики рассмотренных негативных феноменов.

«Самое страшное, что может случиться с нашей цивилизацией, - отказ интеллектуальных датчиков (выражающийся в том, что поглощённый мелочными заботами народ перестаёт слышать слова мыслителей и учёных)» (Н.Н. Моисеев, 1995, с.260). Соответственно, средством предотвращения возможной цивилизационной катастрофы («единственным заслоном против подобной катастрофы» по Н.Н. Моисееву), как и профилактики различных разновидностей социально-деструктивных явлений, исследователи считают развитие «личностного начала». Во-вторых, согласно концепции американского социолога Самюэля Хантингтона: проблема человечества не только в том, чтобы привыкнуть к переменам, она в том – как сохранить ценностно-психологическое ядро культуры (Цит.: по П.С. Гуревич, с.2007, с.20). В-третьих, как подчёркивают Г. Нуннер-Винклер и В. Эдейстейн, в современном мире социальный контроль теряет силу, и самоконтроль становится главным условием функционирования социальных систем. В-четвёртых, именно творчески мыслящий субъект – главная движущая сила социальных и духовных трансформаций (А.В. Брушлинский, 1994; 2003; П.К. Гуревич, 2007; М.К. Мамардашвили, 2011; А.А. Митькин, 2009; Н.Н. Моисеев, 1995; В.С. Стёпин, 2000 и др.).

При этом нам представляется, что методология субъектно-бытийного подхода, на основе которого осуществляется становление психологии безопасности личности, обладает достаточной эвристичностью для решения социально значимых задач, встающих перед данным исследовательским направлением. Причём не только в плане новых объяснительных возможностей, создающих основу для выявления новой феноменологии и нового понимания угроз и способов их предотвращения, но и в аспекте мощного коммуникативного ресурса, обеспечивающего условия для сопряжения на своём поле самых различных, часто противоположных точек зрения (как представителей различных направлений психологии, так и иных научных дисциплин: философов, политологов, юристов, медиков и т.п).

Библиографический список

1. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. Одарённый ребёнок за компьютером. – М.: Сканрус, 2003.
2. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5.
3. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994
4. Брушлинский А.В. Субъект безопасности и безопасность субъекта // Проблемы информационно-психологической безопасности. Сборник статей материалов конференции. М., 1996.
5. Брушлинский А.В. Психология субъекта / отв. ред. В.В. Знаков. М.; СПб., 2003.
6. Гишинский Я.И. Современный терроризм: кто «виноват» и что делать? // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / под ред. М.М. Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004.
7. Гудков Л.Б. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
8. Гудков Л.Б. Феномен негативной мобилизации // ОНС. 2005. №6.
9. Гуревич П.С. Психология чрезвычайных ситуаций. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.

10. Журавлёв А.Л., Купрейченко А.Б. Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. Т.31. № 2. 2010.
11. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010.
12. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М: Астрель, 2008.
13. Кисельников А.А. Профилактика терроризма с помощью социально-психологического инструментария // Формирование устойчивой антитеррористической позиции гражданского общества как основы профилактики терроризма. М.: МЦНМО, 2009.
14. Лэнгле А. Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа // Вопросы психологии. № 2. 2008.
15. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект. 1998
16. Макропсихология современного российского общества/ под ред. А.Л.Журавлёва, А.В. Юревича. М., 2009.
17. Митькин А.А. Субъектность человека: грани и границы // Психологический журнал. 2008. Т.29 № 4.
18. Митькин А.А. Пути психологического поиска: Претензии и возможности. М., 2009.
19. Природа этнорелигиозного терроризма / Ю.М. Антонян, Г.И. Белокуров, А.К. Боковников и др. / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2008.
20. Савченкова Н.М. Террор: символический акт или абстракция? // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / под ред. М.М. Решетникова. СПб., 2004.
21. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Психологические причины терроризма // Формирование устойчивой антитеррористической позиции гражданского общества как основы профилактики терроризма. М.: МЦНМО, 2009.
22. Фоменко Г.Ю. Парадоксы личностной организации времени при экстремальном модусе бытия // Личность и бытие: субъектный подход. М., 2008.
23. Фоменко Г.Ю. Трудности самоопределения личности в противоречиях современности как фактор риска экстремизма и терроризма // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодёжной политики. М.: «КРЕДО», 2009.
24. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., Прогресс, 1990.
25. Хакен Г. Самоорганизующееся общество // Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. М., Проспект, 2004.
26. Юревич А.В. Нравственное состояние современного российского общества // Психологический журнал. 2009. т. 30. № 3.
27. Bass B.M. Two decades of research and development in transformational leadership// European Journal of Work and Organizational Psychology. 8.1.
28. Garbarino J. Rasing children in a socially toxic environment. San Francisco Jossey-Bass Publishers, 1995.
29. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.

ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА БЫТИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНОЙ СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА¹

Аполлонов И.А.

Ключевые слова: личностная свобода, социокультурные основания бытия человека, измерение идентичности.

Происходящие в современном мире процессы глобализации характеризуются размыванием традиционных границ социальности человека. Тем самым актуализируется фундаментальная проблема отчуждения, потери себя, собственной самостоятельности в идентификациях с надсубъективными по своей природе социокультурными общностями. Заявляя о принадлежности к нации, классу, конфессии, партии, формальным и неформальным объединениям, индивид может потерять свою индивидуальность в обезличивающей унификации социально одобряемых образцов, стать частью целого, что, в свою очередь, грозит потерей личностной вменяемости и распространением тоталитарной идеологии.

Пафос освобождения человека от репрессивной власти социокультурных форм связывается с постмодернистским проектом разрушения личностной идентичности. В контексте этих форм аподиктическая самоочевидность личностной самоидентичности, выраженной в логической формуле «Я есть Я», раскрывается в тождество автопредикативных связок «Я есть P(1); P(2) ... P(n)» с теми идентифицирующими основаниями, с которыми человек ощущает имманентную онтологическую связь: например, «Я есть человек, мужчина, русский». Каждый из этих предикатов связывает меня с определенным социокультурным пространством и соответствующей нормативно-ценностной структурой, которая устанавливает извне навязанные мне властные отношения, причем в самой сердцевине моего «Я», принуждающие меня следовать этим нормам и устремляющие меня к этим ценностям.

Главным орудием освобождения человека из-под власти социокультурных форм становится деконструкция, которая представляет собой универсальную критику реалистического принципа восприятия и любого культурного явления, экспликации его идеологических установок, которые конструируют соответствующую структуру господства/подчинения. Тем самым утверждается культурно-историческая относительность и условности высшего сакрального уровня бытия, средоточия всего «подлинного» и «настоящего». В действительности остается отрицающая всякие разумные основания бесосновная и беспричинная фактичность, которая и становится абсолютным онтологическим свойством [7, р. 58]. Любая самоидентичность, поэтому, рассматривается в качестве условного, искусственно созданного конструкта, орудие господства безликих общественных структур.

Прямым следствием деконструкции общих сущностей становится перевод сущностных характеристик в виртуальный мир симулякров: гиперреальность, созданную моделями реального, которые лишены происхождения и реальности [2, с. 16 – 18]. Подобное симулятивное пространство фиксирует отсутствие реальности, но заменяя ее, воспринимается как реальное. Подобным образом реальность ускользает из автопредикатов моего «Я»: я становлюсь «как бы» человеком, «как бы» женщиной, «как бы» преподавателем, «как бы» мужем и отцом. Такой перевод предикативных смыслов в область симулякров, дискурсивную гиперреальность меняет и существо человека как субъекта, который вслед за своими предикатами растворяется в формах дискурсивной практики, где становится деперсонифицированным инструментом презентации культурных смыслов и языка [5, с. 20]. Разоблачение иллюзорности адискурсивной природы любой субъективности представляет собой «смерть субъекта», как суверенного отказ от самоидентичного центра личности, личностного подлежащего.

В данном контексте происходит онтологическое измерение идентичности: «Быть кем-то», перестает быть объективной данностью, социокультурной вменённостью человека, имплицитно содержащей

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-12-23020 а(р) «Этническая культура как пространство становления личности в контексте глобализации (на примере исследования самопонимания этнокультурной идентичности молодежью Кубани, Адыгеи и Абхазии)».

в себе нормативную заданность и ценностную перспективу. Такая данность отождествляется с соответствующей идеологией и, тем самым, объявляется иллюзией, навязанной человеку и устанавливающей господство над его личностью.

К примеру, объявить себя русским мужчиной значит быть уличенным в шовинизме и фаллоцентризме. Поэтому в постмодернизме идентификационная инициатива принадлежит не объективным социокультурным обстоятельствам человеческой жизни, а субъективному произволу самого человека. Я идентифицирую себя не с мужчиной, а с метросексуалом или хипстером; не с русским, а болельщиком «Спартака» или слушателем «Радио Шансон»; не с человеком, а с эльфом или гоблином. Воплощением подобной идентичности являются аватары и профили социальных сетей, которые можно самостоятельно выстроить или перестроить, менять по собственному капризу.

Постмодернистская идентификация поэтому перестаёт быть способом освоения социального отношения, а становится способом ситуативного употребления этого отношения [6, с. 80]. Собственно социокультурная идентичность и превращается в групповой стиль потребления, при котором те или иные группы предоставляют человеку набор мотивированных желаний. В данном контексте субъект, конструирующий набор своих автопредикатов, превращается в актора ситуативных ролей: «Постмодерная идентичность – предельно раскованная и краткосрочная – доходит до полной свободы примеривания и смены идентичностных масок. До сомнения в том, что за этими масками вообще сохранился некое Я» [3, с. 49].

Таким образом, деконструкция «репрессивных» форм культуры и связанной с этими формами субъектной структуры норм и запретов растворяет самоидентичность человека в потоках желаний, зыбкими берегами которых становятся виртуальные фантомы «протеевой» идентичности: ситуативно избираемые человеком маски и роли. Именно в этих берегах реализуется постчеловеческая свобода самовыражения, вырывающаяся за рамки как внешних, так и внутренних ограничений. Однако возникает вопрос: какова природа такой свободы самовыражения? И насколько деконструкция метафизических первоначал освобождает человека от самой возможности схем господства, открывая, тем самым, аутентичность его свободного существования?

Апологеты постмодернизма видят в этом состоянии максимальное выражение свободы, не стесненной никакими препятствиями, которая, в свою очередь, открывает неограниченные возможности для самореализации человека, выражения его индивидуальности: «Homo postmodernus на мой взгляд, – это исторически самое последнее выражение борьбы за признание в форме притязания на значимость индивидуального ... стремление самореализоваться, выйти на максимум в своем жизненном проекте» [4, с. 102 – 103]. В такой характеристике можно увидеть идеалы титанизма шестидесятников (как западных, так и отечественных) с их жадой свободы, самоутверждения и революционно-обновления, что, собственно, и составляло исток идеологии постмодернизма.

Однако такая апологетика постчеловеческой свободы внутренне противоречива. Так, по сути, подобная свобода иллюзорна, а самоутверждение призрачно, поскольку и то, и другое происходит лишь в контексте «коммуникативно-игровой определенности бытия» [4, с. 107]. При этом игра рассматривается как имитация, режим «как если бы», что оборачивается для самовыражающегося человека симулятивным «как бы». Жан Бодрийяр сравнивает состояние такой свободы с оргией – моментом взрывного освобождения в какой бы то ни было сфере – материальной, рациональной, сексуальной, критической и антикритической [1, с. 8].

Однако свобода положительная, связанная с вопросом «что делать теперь, после оргии?», остается проблемой, которую методология постмодернизма не в силах решить. Homo postmodernus остается лишь изображать оргию и освобождение, притворяться, что ускорив шаг, мы идем в том же направлении. На самом же деле он спешит в пустоту, потому что все конечные цели освобождения остались позади. Он находится в состоянии лицедейства и не способен ни на что, кроме как заново разыграть спектакль по некогда написанному в действительности или в воображении сценарию и всё, что ему остаётся – это тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует [1, с. 12].

Подобный диагноз вполне оправдан: ведь разрушение социокультурных универсалий, пафосный отказ «быть как все» вовсе не означает «быть собой». Так, уже в самом понятии «самовыражение» присутствуют два имманентных условия данной практики. Для этого нужно, во-первых, наличие самости, а во-вторых, владение средствами выражения этой самости. Как мы видим, и первое, и второе условие в Homo postmodernus отсутствуют: самость как таковая отсутствует, являясь лишь «протеево» скольжение в наборе масок. В силу отрицания социокультурной нормативности разрушаются и условия обретения мастерства: сложно выразить себя, к примеру, в игре на фортепьяно,

если ты не овладел «репрессивной» техникой гамм. Подобное мастерство выражения все больше заменяют гаджеты, где результат зависит лишь от нажатия на кнопку.

Таким образом, суть свободы человека нужно искать не в выходе за рамки культуры, не в нигилистическом отрицании норм и ценностей. Их репрессивная сила связана с внешней, объективной стороной. Нормы и ценности культуры поработают человека, довлеют над ним мертвым грузом абстракций, окутывают его коконом симулякров, затягивают в гиперреальный мир теней, «бытия, уменьшенного до смысла» (Н.М. Бахтин), взятые именно как внеличная данность, оторванная от человека в его непосредственной и живой полноте. Но эти же культурные формы, одушевленные человеческим признанием и утверждением, становятся необходимыми орудиями личностного восхождения к вершинам полноты собственного Я, максимуму быть собой. Именно такое восхождение в культуре, а не бегство от неё, является подлинной свободой человека.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – Тула, 2013.
3. Гречко П.К. Идентичность – современные перспективы. // Ценности и смыслы. 2009. № 2.
4. Гречко П.К. Homo postmodernus как социально-исторический феномен // Спектр антропологических учений. Вып. 5. / отв. ред. П.С. Гуревич. – М.: ИФРАН, 2013.
5. Можейко М.А. Культурное пространство постмодерна: феномен семиотизации бытия. // Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. 2012. № 2 (18).
6. Терещенко Н.А. Парадоксы социально-философской мысли (о мерцающей субъективности в живом объективном) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 5 (73).
7. Meillassoux Q. After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency / Q. Meillassoux. – London : Continuum, 2008.

ИЗМЕНЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ: СВОБОДА ВЫБОРА ИЛИ ДАВЛЕНИЕ СИТУАЦИИ

Гришина Н.В.

Ключевые слова: субъект, свобода выбора, активность личности, давление ситуации.

Тема человека и среды его существования является вечной темой психологии. И хотя современная психология далеко ушла от первоначального понимания среды существования человека как совокупности внешних по отношению к нему условий, внеположенных субъекту и независимых от него, но оказывающих влияние на его поведение и состояние, проблема описания «внутренних» и «внешних» детерминант поведения человека не теряет своей актуальности.

Поиск объяснительных моделей соотношения ситуационных и личностных переменных как детерминант поведения человека – одна из задач, которую всю свою историю решает психологическая наука. Как известно, в психологии первоначально сформировались два принципиальных подхода к объяснению поведения человека – личностно-центрированный подход, который выводит поведение из свойств личности, и ситуационно-центрированный подход, описывающий вариативность поведения человека как следствие его отношения к ситуации. Хеккаузен в этой связи даже пишет о «двух дисциплинах научной психологии», одна из которых изучает индивидуальные различия людей и разрабатывает соответствующие методы измерения, а другая делает акцент на анализе эффектов, производимых внешними переменными [1, с.20]. Очевидная односторонность этих подходов обеспечила преимущества третьей объяснительной модели, акцентирующей внимание на взаимодействии индивида с ситуацией.

Анализ публикаций по данной тематике в мировой психологии свидетельствует о доминировании последнего подхода и об экспоненциальном росте публикаций, посвященных личностно-ситуационному взаимодействию. В конце 20-го – начале 21 века тема взаимодействия человека с ситуацией и – шире – с контекстом существования обретает такую популярность, что данная проблематика фактически превращается в один из главных трендов современной психологии. В немалой степени это связано с признанием растущего влияния контекста на поведение человека.

Изменения среды существования человека являются одной из наиболее обсуждаемых тем в современной гуманитарной науке. Исследователи сходятся в признании фундаментального характера происходящих изменений, затрагивающих пространственные и временные параметры среды. При

этом речь идет не просто об изменении контекста существования человека, но о кардинальных изменениях во взаимодействии человека с окружающим миром, принципиально новых вызовах, с которыми он сталкивается.

Ведущей характеристикой нового контекста существования человека признается неопределенность, которая, по мнению специалистов, «выступает тем “полем” взаимодействий, на котором разворачивается активность человека, отвечающего вызовам как конкретной ситуации, так и, в более широком контексте, собственной судьбы» [2, с. 9].

Сегодня человек оказывается в противоречивой ситуации, когда, с одной стороны, возрастают его возможности выбора и соответственно увеличиваются степени свободы, а с другой – за счет новых вызовов, требующих ответа, усиливается «давление» среды.

Последнее утверждение основано на признании того, что среда, в силу происходящих изменений, перестала быть привычным фоном, на котором реализуются столь же привычные паттерны поведения, не требующие личного включения и личностных затрат. Новые вызовы среды вынуждают к более сложным формам взаимодействия, к выбору решений и адекватных ответов.

Неопределенность ситуационного контекста порождает когнитивные и мотивационные проблемы. С одной стороны, человек стремится к «определению» ситуации, ее ясному пониманию и испытывает тревогу, связанную с опасением невалидности, с другой – он сталкивается с ограниченностью собственного опыта, компетентности, сформированных моделей поведения.

В выполненном под нашим руководством экспериментальном исследовании К. Линкевич, посвященном пониманию ситуаций, было показано, что в условиях стабильности процедуры восприятия ситуаций их понимание испытывает на себе влияние личностных особенностей субъекта, в условиях нестабильности – большее влияние начинают оказывать особенности ситуации (объекта восприятия). Данный результат является иллюстрацией того, что в условиях нестабильности ситуация требует большего внимания, а при значительных изменениях требует «переопределения» [3].

Поведение человека в условиях изменяющейся жизненной ситуации было предметом ряда проведенных нами исследований. Первые же из них показали, что за готовностью или неготовностью человека к принятию жизненных изменений стоят личностные особенности, поддерживаемые системой ценностей и установок. При этом личностные характеристики, «отвечающие» за взаимодействие человека с окружающей средой, не обязательно обнаруживают прямые связи с поведением человека в среде. Например, в одном из проведенных нами исследований, участниками которого были лица, обнаружившие разную степень мобильности при принятии решений об изменении жизненной ситуации, гипотеза о связи готовности к подобным изменениям с показателями жизнестойкости не получила подтверждения. Похоже, что не сам по себе ресурс жизнестойкости (как, возможно, и другие ресурсы) определял готовность к изменениям, но выбор того или иного стиля жизни, модели жизни, жизненной позиции.

В других исследованиях, учитывающих личностные особенности людей при принятии ими решений об изменении жизненной ситуации, было показано, что среди этих особенностей особое значение имеет способность человека справляться с неизвестностью и неопределенностью – толерантность к неопределенности (что соответствует представлениям современных психологов, пишущих о неопределенности современного мира). В проведенном под нашим руководством исследовании И. Муртазиной предметом исследования был выбор, осуществляемый выпускником школы в пользу учебы в своем или другом городе. Фактически это выбор, сохраняющий его жизненную ситуацию неизменной, или, напротив, полностью ее изменяющий. Среди прочих полученных данных, отражающих различия между этими двумя группами, стоит отметить различия в оценке возможной будущей ситуации: первые воспринимают ее прежде всего как ситуацию риска, вторые – как ситуацию возможностей [4].

Полученные результаты продемонстрировали необходимость описания не отдельных параметров, но стилевых особенностей взаимодействия человека с ситуационным контекстом.

Преимущества описания стилевых особенностей поведения перед учетом его отдельных параметров не раз находили подтверждение в работах психологов. Так, в исследованиях М. Холодной вместо традиционных стратегий совладающего поведения было предложено понятие совладающего стиля, основанного на оценке субъектом принципиальной «разрешаемости» ситуации и своей способности с ней справиться. Именно последнее – уверенность человека в возможности справиться с трудной ситуацией – отличало конструктивные стратегии совладающего поведения [5].

В исследованиях Т.Ю. Базарова с коллегами для описания взаимодействия личности со средой было предложено понятие стиля реагирования на изменения. В его основе – ориентация человека на

стабильность или изменения (инновации) и особенности оценки ситуации, связанные с тенденцией ее рационального (основанного на суждениях) или иррационального (основанного на эмоциональном подходе) восприятия [6]. В проведенном под нашим руководством лонгитюдном исследовании А. Колантаевской изучалась динамика показателей самодетерминации в условиях изменения жизненной ситуации. Было показано, что присущий человеку стиль реагирования на изменения неизменно оказывал влияние на эти показатели. Так, лица с более мобильным стилем реагирования на изменения – инновационным и реализующим – обнаруживали более позитивную динамику показателей самодетерминации; напротив, у тех, кому присущ реактивный стиль, несмотря на происходящие изменения в их жизненной ситуации, наблюдался рост конформных тенденций в поведении, усиление ухода от ответственности и т.д. [7].

Еще один вывод из проведенных исследований – перспективность рассмотрении взаимодействия личностных и ситуационных факторов через описание контекста как пространства возможностей человека. Идея психологического жизненного пространства как множества возможных событий, как пространства возможностей человека была заложена в свое время еще К. Левином; соответственно поведение человека может быть описано как результат реализации им его актуальных возможностей в данном конкретном жизненном пространстве.

Акцент на активной, преобразующей роли человека в его взаимодействии с жизненным контекстом характерен для отечественной психологии. Наиболее явным образом он реализуется в субъектном подходе, становление и развитие которого связано с именами С.Л. Рубинштейна (писавшего о том, что включение человека в бытие преобразует его и бытие начинает выступать как мир человека, соотноситься с человеком как его часть и продукт его развития), А.В. Брушлинского, В.В. Знакова. К этому стоит добавить концепцию надситуативной активности В.А. Петровского, в которой сформулированы представления о выходе активности человека за пределы необходимого, в сферу возможного. Особая роль в рассмотрении контекста существования человека как пространства реализации его возможностей принадлежит экзистенциальной психологии, исходящей из представления о том, что человек существует не в мире необходимости, но в мире возможностей и пространстве выбора [8].

Библиографический список

1. Хеккаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 1.
2. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
3. Линкевич К.В. Эмпирические характеристики понимания визуально представленных ситуаций. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., СПбГУ, 2016.
4. Муртазина И.Р. Психологические факторы жизненного выбора в ситуации принятия решения о переезде в другой город (на примере поступления в иногородний вуз (рукопись)).
5. Холодная М.А. Стили совладания в юношеском возрасте в контексте проблемы интеллектуального контроля совладающего поведения // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы. М., ИП РАН, 2008.
6. Базаров Т.Ю., Сычева М.П. Создание и апробация опросника «Стили реагирования на изменения» // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 25. С. 12. URL: <http://psystudy.ru>.
7. Колантаевская А.С. Динамика самодетерминации в условиях изменения жизненной ситуации. Магистерская диссертация. СПбГУ, 2015.
8. Гришина Н.В. Введение в экзистенциальную психологию. СПб., СПбГУ, 2015.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ГРУППЫ С НЕЧЕТКИМИ ГРАНИЦАМИ

Кимберг А.Н.

Ключевые слова: социокультурная реальность, социальные круги, понятие поля, публика, аудитория.

Мы живем в мире, состоящем из малых и больших групп и организации. Наша личность во многом описывается нашими позициями в этих группах, связанными с ними функциями и ролями, а актуально проживаемая идентичность представляет собой диалектическую игру переживания причастности (идентификации с группой) и отличительности от Других внутри нее. Эта добротная социально-психологическая модель личности и ее мира (социокультурной реальности) однако устаревает,

не дав ее пользователям насладиться хотя бы среднесрочной иллюзией стабильности и понятности мира.

Хорошо изученные модели групп, на которых собственно и сложилась социальная психология, перестают быть ведущими в жизни человека. Одни виды общностей уходят в прошлое, а их место занимают необычные объединения людей, по отношению к которым слово «группа» оказывается не вполне уместным.

Роберт Патнем в 1995 году в публикации со знаковым названием «Боулинг в одиночку: размывание социального капитала Америки» констатировал основное противоречие современных обществ. С одной стороны, развитость добровольных общественных объединений и ассоциации людей (гражданское общество) делает общество устойчивым, социально и экономически эффективным, повышает его социальный капитал и является перспективным путем развития. С другой стороны, без явно видимых причин степень участия людей в традиционных ассоциациях и группах снижается с каждым годом. Патнем приводит впечатляющие данные о нисходящих тенденциях в американском обществе за период между шестидесятыми и девяностыми годами 20 века [5].

Нам неизвестно столь же широкое исследование современной российской действительности, но публикуемые данные работающих в этой области социологов (Е.Н. Данилова) говорят о том, что и в этой части мы опережаем соседей. Наблюдения последних лет показывают стремительный рост индивидуалистических тенденции российского населения: показатели ценностей самоутверждения в России чрезвычайно высоки в ущерб ценности заботы о всеобщем благе и окружающих; низка доля тех, кто проявляет кооперативные ценности (18% готовы сотрудничать с другими, 13% разделять ответственность за то, что происходит в стране), а индекс гражданского участия по данным Европейского социального исследования один из самых низких в Европе [2].

Но, возможно, дело еще и в том, что группы с контактным взаимодействием, сильными связями, взаимными обязательствами и тяготением к структуре стали сменяться группами необязательного членства с неопределенным составом участников. Они имеют некие общие интересы, но даже не подозревают о существовании друг друга; они привязаны к общим символам, общим лидерам и, возможно, общим идеалам, но никак не друг к другу – так характеризовал их Патнем [5].

Люди, которые разделяют сходные интересы, но ничем друг другу не обязаны – как можно концептуализировать такие сообщества? В истории социальной мысли эта тема обсуждалась в ряде близких, но все же разных по концептуализации понятия: социальные круги, публика, аудитория, социальные поля и совсем уже современно – социальные сети.

Социальные круги у Георга Зиммеля – это сообщества людей, считающих себя подобными по какому-то существенному для них признаку (круг единомышленников, профессиональный круг); социальные круги различаются как таковые в общественном сознании; социальные круги основаны на общих для их участников аспектах (у Зиммеля – точках соприкосновения); социальные круги пересекают иные, более очевидные группы, объединяя новой связью весьма разных в других отношениях индивидов. «Один из высших примеров, – пишет Зиммель – это «республика ученых», наполовину идеальная, наполовину реальная связь, объединяющая всех, кто вообще причастен к такой в высшей степени общей цели, как познание, а в остальном – что касается национальности, личных и специальных интересов, социального положения и т.д. – принадлежит к самым различным группам» [2, с.411]. Человек принадлежит к нескольким социальным кругам и «число различных кругов, к которым принадлежит отдельный человек, является, таким образом, одним из показателей высоты культуры» [там же, с.412]. Уникальность личности может быть понята как место (точка) пересечения множества ее социальных кругов.

Несколькими десятилетиями позже Щепаньский уточняет Зиммеля: «Круг – это совокупность лиц (состав может быть меняющимся), постоянно встречающихся и поддерживающих постоянные личные контакты, не обладающих ни четким принципом обособления, ни выкристаллизованной внутренней организацией. Вследствие этого происходящие в кругах явления и процессы значительно отличаются от процессов и явлений, происходящих в группах. Круг оказывает меньшее влияние на поведение своих членов, не контролирует их поведение столь эффективно, как группа. Существенным отличием является отсутствие устойчивых отношений, а потому и отсутствие устойчивых обязанностей членов по отношению друг к другу. В круге существует определенная солидарность и взаимная ответственность членов друг за друга, определенное давление на поведение, но отсутствует четкая система контроля» [4, с.119].

Круги тяготеют к самоорганизации и установлению внутренней иерархии – «дифференциации между руководителями и руководимыми» – по признаку того интереса, который лег в основу связи,

породившей данный круг. Иерархии статусов в кругах в идеальном случае независимы друг от друга: «в странах, где установлена всеобщая воинская обязанность, человеку, духовно и социально стоящему на высшей ступени, приходится подчиняться унтер-офицеру» [3, с.417].

Степень организованности социального круга определяется наличием структуры и статусов внутри него, отчетливостью формулировки общего интереса или миссии круга, а также выраженной самоидентификацией с ним участников. Зиммель излагает эту идею в терминах «чести»: «товарищество обладает коллективно-личной честью, так что изменения, происходящие в ней, отражаются на чувстве чести каждого члена. Образуя это специфическое понятие чести (честь семьи, офицерская честь ... и т.д.), такие круги обеспечивают себе целесообразное поведение своих членов, в особенности, в сфере того специфического различия, благодаря которому они отделяют себя от самого широкого социального круга» [там же, с.417].

Социальные круги Зиммеля явным образом развились в понятие поля у Пьера Бурдьё. Поле по Бурдьё – это относительно замкнутая и автономная подсистема социальных отношений; социальное пространство, заданное специфическим интересом, привлекающим в него игроков; ставки и интересы одного поля несводимы к ставкам и интересам, свойственным другим полям: «каждая категория интереса предполагает безразличие в отношении других интересов и других инвестиций, обреченных таким образом на то, чтобы восприниматься как абсурдные и безумные или как возвышенные и незаинтересованные» [1]; для функционирования поля нужны индивиды, готовые играть в эту игру и обладающие каким-то знанием о ней; активность в поле создает иерархию позиции и распределяет специфический капитал поля; поле – это место для взаимодействия, решающую роль в котором занимает борьба за статус; поле переопределяет все внешние воздействия в собственной «логике»; поле представляет собой пространство возможностей для участвующих в нем игроков [1].

Это наиболее крупные попытки создать категориальный аппарат для описания специфицированных областей социокультурной реальности, выходящих за рамки привычных для социальной психологии моделей групп.

Более частные виды групп с нечеткими границами – это публика и аудитория. Одна из наиболее часто встречающихся групп – это публика. Определение этой группы таково: это люди, которые созерцают одно и то же (событие, зрелище, текст), а для лучшего его понимания – слушают, читают, а иногда и создают комментарии по поводу увиденного. Публика, как определял ее Щепаньский, представляет собой большое число людей, мышление и интересы которых ориентированы идентичными стимулами в одном направлении, людей, проживающих не «друг с другом», а «друг около друга», но, несмотря на это, ведущих себя сходным образом [4, с. 185]. Замечу, что сходство здесь состоит только в работе с одним и тем же предметом, требующим определиться по отношению к нему и выразить свою позицию. Мы можем иметь и такую радикально поляризованную публику как группы фанатов после футбольного матча. Поэтому важнейшей характеристикой публики как особого типа сообщества является готовность и право переживать, и выражать свои чувства по отношению к перформансу. Собственно говоря, это действие и конституирует публику как таковую.

Аудитория представляет собой частный случай публики, избравшей своим предметом события и действия, нагруженные более интеллектуальным, чем эмоциональным содержанием.

Распространение эффективных средств коммуникации усилило рост сообществ такого типа и одновременно начало содержательно видоизменять их. С появлением Интернета значительная часть публики превратилась в невидимого наблюдателя: они видят все, но внешне не реагируют никак. Наряду с ними имеется небольшая часть тех, кто реагирует публично. Эта реакция представляет собой в основном самоманифестацию, то есть заявление о себе. Любопытно, что при условиях технической доступности непосредственной презентации себя эти акторы предпочитают делать это относительно другого события. Их манифестация организована чаще всего по типу: ты плохой, я хороший, что текстуально звучит как «мне не понравилось, автор – плохой». Вариации наличествуют только в образности и изощренности высказывании, но не в их содержании.

Желание большинства людей быть публикой нашло встречное отражение в конструировании соцсетей. Сами соцсети представляют собой результат движения их конструкторов ко все более полному удовлетворению потребностей публики. Функция создания и публикации контента – то, с чего начинал Live Journal, в большинстве социальных сетей сохранилась, но стала третьестепенной, уступив своё место легкому для публики способу высказаться: кликнув мышью, поставить «лайк» – значок, обозначающий для других положительную оценку события. Следующее свойство публики – участвовать в акции, наполняя зрительный зал или стадион – сменилось функцией репоста. Репост по умолчанию выглядит рекомендацией к прочтению, то есть к разделению переживания события. Итак,

публика получила инструмент для своего существования без необходимости выходить из дома, но лишилась при этом возможности воспринимать друг друга телесно.

Мы можем констатировать, что находимся в состоянии изменения средств социальных и межличностных отношений людей, в процессе движения, которое пока далеко от кристаллизации устойчивых форм. Это хороший вызов для исследователей.

Библиографический список

1. Бурдьё П. Некоторые свойства полей. URL: <http://bourdieu.name/content/nekotorye-svoystva-rolej>.
2. Данилова Е. Н. Баланс индивидуалистских и коллективистских ценностей: сравнение Санкт-Петербурга и Шанхая // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 2.
3. Зиммель Г. Избранное. Т.2. Созерцание жизни. М.: Юрист. 1966.
4. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс. 1969.
5. Bowling Alone: America's Declining Social Capital an Interview with Robert Putnam. Journal of Democracy, 1995, vol. 6, N 1, p. 65-78. // Альманах «Восток» / под ред. В. Зелендиновой. № 8 (20). 2004.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА ЖИЗНИ

Клементьева М.В.

Ключевые слова: биографическая рефлексия, субъект жизни, развитие.

В современной психологии формирование рефлексии – «способности человека обращать сознание на себя» [6, с.114] – рассматривается как поворотный момент в развитии субъектности человека, связанный с превращением развития из процесса, детерминируемого извне, в процесс, детерминируемый «изнутри».

Взрослый человек как *субъект жизни*, обладающий рефлексией, способен управлять своей личностью, жизненным путем, поведением, деятельностью, развитием. Рефлексия определяет ряд значимых процессов развития взрослого человека – самоисследование, самопознание, самодетерминацию, саморегуляцию, самоосмысление (В. В. Знаков, Д. А. Леонтьев, Е. Е. Сапогова, В. И. Слободчиков, С. Ю. Степанов, J. H. Flavell, G. M. Kenyon, S. Nolen-Hoeksema и др.). Обращение к *рефлексивному ресурсу развития* – рефлексии, которая может быть использована человеком как психологическое средство личностного развития, – связано с попытками взрослого человека преодолеть тенденции инфантилизации, противостоять упрощению процессов самопонимания, утрате внимания к индивидуальным жизненным принципам и ценностям, снижению понимания итогов собственного жизненного пути и уверенности в себе, избеганию ответственности за жизненные выборы.

Биографическая рефлексия понимается в данном исследовании как вид рефлексии, в которой человек формирует внутреннюю репрезентацию жизненного пути, выделяя и анализируя отдельные события жизни как субъективно значимые планы своего развития.

В рамках методологии культурно-исторического [2] и экзистенциально-нарративного подходов [4] в психологии развития, а также принимая теоретические положения концепции личностного потенциала Д.А. Леонтьева [6], биографическую рефлексия мы рассматриваем как психологический ресурс, проявляющийся в целенаправленном осознании взрослым субъектом факторов и условий, влияющих на его жизненный путь, являющийся психологическим средством саморазвития.

Психологическое изучение биографической рефлексии как ресурса развития опирается на представление о рефлексивном механизме развития в период взрослости, развиваемое в современной психологии развития в рамках экзистенциально-нарративного подхода Е.Е. Сапоговой [8] и всевозрастного подхода U.M. Staudinger [9], а также на традицию понимания в отечественной психологии подлинно человеческой жизни как рефлексивного отношения взрослого субъекта к себе и собственному бытию, заданную работами С.Л. Рубинштейна [7], Б.Г. Ананьева [1], В.В. Знакова [3] и их последователей.

Теоретические положения ряда современных концепций развития, а также экспериментальные факты и позволяют сформулировать представление о биографической рефлексии как ресурсе психического и личностного развития взрослого человека. Биографическая рефлексия обнаруживает функцию смыслообразования, участвует в процессах осознанной произвольной саморегуляции жизненного пути, помогает адаптироваться к жизненным изменениям и преодолевать кризисы жизни. Самоан-

ализ и рефлексивная оценка жизненных событий помогают взрослому определить онтологическую значимость своей жизни, способствуют формированию личностных новообразований (.

Несмотря на то, что проблемы биографической рефлексии рассматриваются в психологической литературе, многие вопросы не имеют своего решения. Открытым является вопрос о системе связей биографической рефлексии с психическими и личностными структурами.

Продолжая традицию исследования рефлексивной репрезентации жизненного пути в сознании взрослой личности, заданную в работах Е.Е. Сапоговой [8], мы разработали и эмпирически обосновали психологическую модель биографической рефлексии, в которой представлены ее объекты, структура, формы (рефлексия жизненного опыта и рефлексия жизненного пути) и генез [4; 5]. Развитие биографической рефлексии, в рамках авторской модели, рассматриваем через функциональный механизм структурного движения – изменения рефлексии от элементарных к высшим уровням (формам), – определяющего саморазвитие того целого (жизненного пути, жизненного опыта), которое рефлексивируется.

В наших исследованиях [4; 5] использованием авторской методики оценки развития биографической рефлексии [5] было доказано, что биографическая рефлексия значимо влияет на осмысленность жизни, саморегуляцию и социально-психологическую адаптацию личности на этапе взрослости.

Во-первых, развитая биографическая рефлексия присущая людям, способным к самоуправлению и контролю за своей жизнью, рефлексивным, переживающим свою жизнь как осмысленную, имеющим цели в жизни, удовлетворенным самореализацией, испытывающим интерес к процессу жизни.

Во-вторых, с возрастом (от 17 до 65 лет) биографическая рефлексия становится более интегрированной в смысловую сферу личности и саморегуляции. Рефлексия становится необходимым элементом анализа, обобщения, интеграции увеличивающегося с возрастом объема жизненного опыта. Период 18-25 лет – период формирования биографической рефлексии как личностного новообразования, когда в результате рефлексивного анализа жизненного пути молодой человек находит смысл жизни и осознает степень своего влияния на жизнь. Период 45-65 лет связан с углубленностью, обобщением и интеграцией опыта, снижением зависимости от социальной среды, помогая личности на поздних стадиях развития обрести новый смысл жизни, «высваивая» из накопленного жизненного опыта.

В-третьих, с возрастом (от 25 до 65 лет) биографическая рефлексия становится вносит все более значительные вклады в смысловую сферу личности саморегуляцию и социально-психологическую адаптацию. Использование биографической рефлексии как ресурса развития придает взрослому уверенность в себе, поддерживает самоуважение, помогает выбрать наиболее целесообразный путь проектирования и коррекции жизнедеятельности в продвижении к более благоприятным условиям жизни, придает событиям жизни личностный смысл, побуждающий к активности.

Таким образом, развитие взрослого человека как субъекта жизни опосредовано уровнем развития его биографической рефлексии, а именно: доступностью и характером использования ее как психологического ресурса.

Библиографический список

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл, 2004.
3. Знаков В.В. Самопонимание как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психологический журнал. 2005. Т.26. № 1.
4. Клементьева М.В. Биографическая рефлексия как ресурс личностного развития человека. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016.
5. Клементьева М.В. Понятие биографической рефлексии и методика ее оценки // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 4.
6. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А.Леонтьева. М.: Смысл, 2011.
7. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
8. Сапогова Е. Е. Экзистенциальная психология взрослости. М.: Смысл, 2013.
9. Staudinger U.M. Life reflection: A socialcognitive analysis of life review // Review of General Psychology. 2001. Vol. 5. № 2.

ЖИЗНЕННЫЙ СЦЕНАРИЙ ЛИЧНОСТИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Петросьян С.Н.

Ключевые слова: жизненный сценарий, личность, социокультурная среда.

1. Жизненный сценарий личности как социально-психологический феномен

Проблема жизненного сценария и сценарного поведения на протяжении более чем ста лет являлась предметом исследования отечественных и зарубежных ученых.

Исследования жизненного сценария, его структурных компонентов, сценарного поведения были освещены в трудах З. Фрейда, К. Хорни, К.Г Юнга, Э. Берна, Й. Стюарта, К. Штайнера, С. Вуллэмса, С. Мадди, А. Шютценбергер, Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской, Н. В. Гришиной, В. Н. Дружинина, Нартовой-Бочавер С.К. и др.

Общим значением понятия «жизненный сценарий» является некая заданность, упорядоченность хода действий и событий (субъективно значимых ситуаций) относительно прошлого, настоящего и будущего [7].

На сегодняшний день существует два основных направления исследований жизненного сценария личности, опирающиеся на две противоположные исследовательские установки:

1. Признание за человеком способности к самоопределению и сознательному выбору своего жизненного пути (отечественная психологическая школа: С. Л. Рубинштейн, В. И. Слободчиков, К. А. Абульханова-Славская, И.А. Мизинова и др.).

Так, согласно субъектно-деятельностному подходу, личность осознанно выбирает и регулирует процесс жизни. По словам С.Л. Рубинштейна, «человек сам определяет свое отношение к жизни, гармонично или дисгармонично связывая между собой трагедию, драму и комедию» [Цит. по: 4].

2. Представление о некоей предопределенности жизненного сценария личности, что связано с бессознательным характером его формирования и реализации (зарубежные исследования жизненного сценария личности: А. Адлер, Э.Берн, С. Гроф, А. А. Schutzenberger и др.).

С точки зрения западных ученых, признаком сценарного поведения является определенная, зафиксированная последовательность мыслей, чувств и действий, которая воспроизводится каждый раз в неизменном виде, в одном и том же порядке. Эти же характеристики свойственны рефлексу.

Значение рефлексорной природы сценарного поведения подчеркивали З. Фрейд и Дж. Хиллман. З. Фрейд, работая с навязчивым (повторяющимся) поведением, пришел к мысли о том, что природа повторяющихся действий инстинктивна: первые сильные эмоциональные реакции индивида закрепляются в форме рефлекса, который индивид склонен воспроизводить в дальнейшей жизни, воспроизводя как эмоциональные реакции, так и тип поведения, который им соответствует. Постюнгианские аналитики склонны считать, что сценарные проявления личности обусловлены архетипическими образами, и по сути инстинктивны.

Субъектно-бытийный подход (З.И. Рябикина) предполагает взаимообусловленность и взаимоимплицированность человека и его бытия, где личность представляет собой живую функционирующую целостность, включенную в бытие, и обладающую собственной бытийностью.

Такая парадигма исследования позволяет рассмотреть проблему формирования и функционирования жизненного сценария с принципиально новой точки зрения, объединив традиционные подходы.

Мы предположили, что процесс развития личности может рассматриваться как процесс расширения личной бытийности по мере осваивания позиций в отношениях Я – Мир (досознательный уровень, базовое доверие – недоверие к Миру), Я – Ты (предсознательный уровень, доверие – недоверие к Другому), Я – Они (сознательный уровень, доверие – недоверие к социуму).

Если жизненный сценарий рассматривать как способ личностной бытийности, то жизненный сценарий может быть обозначен как форма экспансии и персонализации личности во внешнем пространстве, причем позиции в отношениях (агрессивная, пассивная либо здоровая, адекватная теме возраста), освоенные личностью в онтогенезе и оформившиеся в характерологическое новообразование, становятся встроенными в структуру личности, и также имеют тенденцию к экспансии и персонализации.

Процесс развития ребенка сопровождается феноменом возрастного кризиса. В отечественной психологии понятие «возрастной кризис» введено Л.С. Выготским, который определил его как целостное изменение личности человека, регулярно возникающее при смене стабильных периодов [1].

Нетрудно заметить, что возрастные кризисы развития сопровождаются манифестацией эмоциональных реакций. Это, на наш взгляд, связано с тем, что в новой социальной ситуации развития ре-

ребенок сталкивается с необходимостью осваивания определенной позиции в новой системе отношений, что сопровождается проживанием эмоций, не характерных для предыдущего этапа развития.

Например, при кризисе 3-х лет (Я – Ты отношения) формируются базовые для этого возраста позиции 1) доминирования, 2) подчинения, 3) сотрудничества, которые закрепляются в последующем возрастном периоде, трансформируясь в эмоционально-поведенческий стереотип, который человек с необходимостью будет воспроизводить в дальнейшей жизни.

Таким образом, характер отношений, в которые на каждом новом этапе развития вступает ребенок, обуславливает позицию в отношениях, которая сопровождается определенными эмоциональными и поведенческими реакциями (в том числе мотивационными и потребностными), что в свою очередь порождает определенный способ проживания кризисной ситуации развития. Устойчивый способ проживания кризисной ситуации развития (что обусловлено встраиванием осваиваемой позиции в структуру личности) может сформировать модель эмоционально-поведенческого реагирования, которая в дальнейшем и может служить основой сценарного поведения личности.

2. Жизненный сценарий личности как социокультурный феномен

По мере взросления, ребенок не только проходит стадии развития, но проходит их в определенной социокультурной среде, что не может не повлиять на предпочитаемость формирования некоторых позиций в отношениях, с одной стороны, и особенностей их предъявления (форма, характер предъявления), с другой стороны, а, следовательно, межкультурных различий в сценарном поведении. Например, в различных странах существуют различия в отношениях к женщине и мужчине в аспекте их социальных и семейных статусов, а, следовательно, в одобряемых или неодобряемых обществом моделях гендерного поведения. М. Джеймс, ссылаясь на Маргарет Мид, описывает племя в Новой Гвинее, с нетипичным для большинства культур сценарием гендерного поведения, где мужчинам предписывалось быть пассивными, а женщинам решительными. Мужчины должны быть заботливыми отцами, ухаживающими за детьми и обживающими жилище, женщины – энергичными добытчицами [6].

На основании типа среды, в которой существует и развивается индивид, на сегодняшний день принято выделять следующие виды сценариев:

1. Культурные сценарии, предполагающие наличие в жизненном сценарии индивида общих установок и паттернов поведения, предписанных той или иной культурой. Культурные сценарии определяют как общепринятые и ожидаемые драматические модели, которые возникают в пределах определенного общества. Они определяются высказываемыми и невысказанными допущениями, в которые верит большинство людей внутри данной группы (James and Jongeward, 1971). Сюда включаются роли и другие жизненные ожидания – как жить, как любить и как умирать [5].

М. Джеймс и Д. Джонгвард определяют культурные сценарии как принимаемые и ожидаемые драматические формы, которые происходят в данном обществе. «Они определяются словесными и молчаливыми соглашениями, разделяемыми большинством людей. Как и театральные сценарии, культурные сценарии имеют темы, характеры, ожидаемые роли, ремарки, костюмы, декорации и финальный занавес. Культурные сценарии отражают то, что обычно понимают под национальным характером [6].

2. Субкультурные сценарии, – такие сценарии, которые предполагают влияние на формирование того или иного жизненного сценария норм и традиций, определенного субкультурного сообщества, таких, например, как "средний класс" или различные профессиональные сообщества. Субкультуры часто определяются географическим расположением, этническими группами, религиозными вероисповеданиями, половыми, возрастными, образовательными или другими общими признаками. Каждая нация имеет свои неповторимые образцы сценариев, относящихся к субкультурам.

Культурные и субкультурные сценарии передаются из поколения в поколение, и обычно такая передача осуществляется через семью. Семья может считаться малой субкультурой.

3. Семейные сценарии содержат установленные традиции и ожидания для каждого члена семьи, и могут диагностироваться в случае повторения сценария из поколения в поколение. Примером негативного повторяющегося семейного сценария, например, могут служить семьи, где повторяющимся сценарным мотивом является ранняя женская смертность, либо семьи, где часть мужчин погибает в определенном возрасте, например, от 18 до 25. Повторяющиеся мотивы семейных сценариев позволяют выявить метод семейной генограммы (разработанный М. Боуэном в 1978 году).

4. Индивидуальные сценарии, – сценарии, являющиеся уникальными для каждого конкретного человека, которые формируются как благодаря культурным, субкультурным и семейным стереотипам, так и вопреки им (антисценарий).

В числе авторов, разрабатывающих проблему культурных сценариев личности следует отметить Н. В. Гришину, предметом исследований которой является проблематика жизненных сценариев, жизненных моделей и жизненных выборов, где жизненные сценарии определяются как культурно разделяемые представления относительно порядка и времени жизненных событий в прототипическом жизненном цикле [3]. Несмотря на явно нарастающий интерес к данной теме, как в зарубежной, так и отечественной психологической науке, отмечает Н.В. Гришина, число посвященных ей исследований по-прежнему ограничено: на XXIX Международном психологическом конгрессе (Берлин, 2008) этой тематике фактически был посвящен всего один симпозиум <...>. Общим результатом ряда доложенных исследований стало признание типичного характера жизненного сценария: независимо от культуры, пола и возраста жизненные сценарии людей включают одни и те же события.

На сегодняшний день в практической психологии и психотерапии существует множество способов работы с негативными жизненными сценариями личности. Это осознание клиентом своего жизненного сценария, проживание определенных моментов и событий из прошлого, выработку адекватных замен или коррекцию существующих сценарных особенностей поведения; обучение более адаптивным и гибким формам взаимодействия и т.д. [2].

М. Джеймс и Д. Джонгвард пишут: «Осознающий человек может определить линию своих жизненных планов и переписать свои драмы в соответствии со своей неповторимой индивидуальностью. Такие люди могут встретиться со своими возможными Я и справиться со своей принужденностью жить в строго определенных рамках [6].

Мы считаем, что осознание своей позиции в отношениях, обусловленной, в том числе, социокультурными различиями, может послужить поводом для пересмотра и изменения такой позиции, что с неизбежностью приводит к трансформации системы сложившихся отношений, а это и есть путь к изменению жизненного сценария личности.

Библиографический список

1. Выготский, Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.
2. Галустова О.В. Психологическое консультирование: Конспект лекций. М.: Приор-издат, 2005.
3. Гришина Н.В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 3(17). URL: <http://psystudy.ru>
4. Дружинин В.Н. (ред.). Жизненные планы и жизненный сценарий // Психология / Учебник для гуманитарных вузов. СПб: Питер, 2001.
5. Джеймс М. Культурные сценарии: исторические события и интерпретация истории. История как Интерпретация событий. URL: <http://psy-uspeh.ru/home/m-literatura/m-statii/37-kultura>
6. Джеймс М., Джонгвард Д. Драма жизненных сценариев. Рожденные выигрывать. URL: http://www.psyoffice.ru/8/psychology/book_o240_page_9.html
7. Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. М.: Академия, 2007.
8. Рябикина З.И. Бытийный подход к рассмотрению личности и личностный подход к рассмотрению бытия // Психология личности и ее бытия. Теория, исследования, практика. Краснодар, 2003.
9. Рябикина З.И. Перспективы исследований личности с теоретико-методологических позиций психологии субъекта // Человек. Сообщество. Управление. 2013, №3.

СЕМАНТИКО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ФИКСАЦИИ ЖИЗНЕННОГО И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОПЫТА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ¹

Сапогова Е.Е.

Ключевые слова: автобиографический текст, жизненный и экзистенциальный опыт, семантико-символические единицы.

Автобиография есть текстовая идентификация жизни, фиксация цепочек значимых для человека эпизодов, событий, происшествий, которые преломлены через личностные проекции и соединены им в понятную и удовлетворяющую его («правильную») логику. Автобиография всегда опирается на

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-06-10028.

выделение в непрерывном жизненном пути отдельных, субъективно завершённых фрагментов и придание им смысла. Поэтому процесс создания автобиографического текста может быть понят как:

1) *метадеятельность* по отношению к собственному сознанию (особый – *герменевтический* – режим работы сознания), связанная с осмыслением, интерпретацией и смысловой амплификацией событий и происшествий жизни;

2) результат фиксации итогов *постоянно текущей* во внутреннем плане сознания *индивидуации* (часто – в форме *гипопсиса* (Я. Ассман) – беспрерывно продолжающегося внутреннего диалога), построения собственного самобытного «Я»;

3) процесс не просто систематизации и упорядочивания амплифицированных в смысловом и эмоциональном плане эпизодов своей жизни, но как процесс «принуждения смыслов существовать через себя» (А. Бадью) – создания *новых субъективных семантических единств* и *новых смысловых синтагм*, отражающих его пристрастное отношение к собственной жизни. Именно в автобиографировании появляется возможность выделять в непрерывно удлиняющемся жизненном пути отдельные, субъективно завершённые фрагменты и *придавать им смысл*, тем самым постепенно охватывая процессом осмысления всё больший объём собственного опыта;

4) своеобразная «техника самого себя», *направленная на самопознание, самоподтверждение, самотрансформацию* (Платон), форма «заботы о себе», технология производства субъективности» (М. Фуко).

Помимо разнообразных утилитарных целей, в том, чтобы открывать себя для других, есть *своеобразная внутренняя потребность*, для которой М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский предложили термин «*ментальная необходимость самовыговаривания*», исходящая из желания *сделать опыт собственной жизни востребованным другими*. Они говорили о ней как о своеобразном тяготении личности к тому, чтобы эксплицировать собственные внутренние характеристики, «высвечивать» себя для других (М. Хайдеггер), выносить свой персональный опыт в «пространство между» (В.П. Зинченко).

Стремление интерпретировать самого себя для других помогает личности *верифицировать себя, удостоверить и укоренять своё присутствие в мире*. Но что требует выговаривания и подтверждения в автобиографических текстах? Очевидно, что это опыт индивидуального проживания жизни.

В самом общем смысле опыт можно рассматривать как основанное на практике чувственно-эмпирическое познание действительности; как совокупность всего того, что происходит и осознаётся человеком в его жизни; как знание, которое непосредственно дано сознанию субъекта и сопровождается чувством прямого контакта с познаваемой реальностью, будь то реальность внешних предметов и ситуаций (восприятие) или же реальность состояний самого сознания (представления, воспоминания, переживания и т. д.).

Обращаясь к жизненному опыту человека, психология больше фокусируется на определении «жизненный», включая в него: 1) результат анализа и обобщения того, в чем участвовал, что видел и что чувствовал человек на протяжении своей жизни; 2) результат активной деятельности человека на протяжении его жизни, итог и обобщение наиболее важных событий, пережитого, сохраняющихся в сознании; 3) систему семантик, пусковой механизм, благодаря которому активно используются, адаптируются и усваиваются на личностном уровне сложные действия; объединяющее системное основание, которое позволяет интегрировать в единое целое усвоенные человеком отдельные действия (Б.Г. Ананьев); 4) упорядоченные в сознании человека образы пережитых им событий (А.А. Кроник, Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова); 5) систему смысловых отношений, которые могут выражаться в интегративных стратегических целях или смысловых образованиях личности, задающих программы поведения и жизнедеятельности (Г.К. Середа).

А раз так, то правильнее говорить не просто об опыте, а о *жизненно-смысловой реальности личности*, которую образуют: 1) умозаключения о самом себе и мире, обобщение мыслей и чувств, связанных с рефлексией собственных поступков и действий; 2) индивидуальная семантизация, концептуализация и символизация жизненных эпизодов в контексте собственных смысло-жизненных целей; 3) то, что приобретает для человека личностный смысл и становится частью его поведения, реализуясь в этом по мере востребования; 4) опыт индивидуального сознания, «личностный опыт», «психологический опыт», «опыт меня самого», «биографический опыт», «витагенный опыт», «субъективный опыт» и др.

Легко заметить, что жизненно-смысловая реальность личности неоднородна. С одной стороны, можно говорить о ней в контексте совпадающих по времени с жизнью субъекта социально-исторических процессов, свидетелем, творцом или участником которых он был и в обстоятельствах

которых он осознавал себя и свой жизненный путь. С другой стороны, очевидно, что в потоке переживаний человек выделяет и фиксирует преимущественно то, что воспринимает как имеющее к нему *непосредственное отношение*. В жизненно-смысловой реальности мы предлагаем выделять жизненный и экзистенциальный опыт.

Под *жизненным опытом* будем понимать комплекс в той или иной мере упорядоченных и доступных сознанию воспоминаний, переживаний, представлений и выводов, извлечённых из происшествий общего с другими повседневного существования, а под *экзистенциальным* – комплекс персонально значимых концептов, семантически соотнесённых с самой личностью и созданных как индивидуально значимое обобщение содержания и смыслов неких уникальных жизненных событий и обстоятельств, случившихся с человеком и раскрывших свои значения только ему.

Жизненный опыт образуют происшествия, случаи, участником или свидетелем которых был человек. В каком-то смысле этот опыт противопоставлен субъекту (*субъект-объектные* отношения). Экзистенциальный опыт образуется из тех же эпизодов, но уже в ходе совершения внутренней герменевтической работы – путём придания им *статуса события*, насыщения личностными смыслами и превращения в составные части самого себя (*субъект-субъектные* отношения).

Категорией экзистенциального опыта схватываются такие свойства пережитого, которые «обрастают» его непосредственно к субъекту, смыкают его с ним, имеют отношение к тем концептам, которыми он пользуется для осознания себя и своей жизни. Эти характеристики семантически амплифицируются субъектом, на них чаще, чем на других, фокусируется его сознание в повседневном мировосприятии, и в силу этой пристрастности именно экзистенциальный опыт субъект склонен *отождествлять с самим собой* и считать его *своей жизнью* – он раскрывает ему суть того, что есть жизнь и что есть он сам.

Экзистенциальный опыт одновременно и более символичен, и более индивидуален, чем жизненный – он ярче свидетельствует о самобытности и неповторимости «Я». Можно говорить о целом ряде характеристик экзистенциального опыта. Это: *пристрастность* (отбирается лишь то, что «затрагивает за живое» и кажется имеющим к человеку непосредственное отношение); *осмысленность* (единицы этого опыта всегда истолкованы субъектом, понятны ему, «говорят ему о нём»); *амплифицированность* (к этому опыту всегда «примешан» сам субъект со своей точкой зрения, системой отношений); *упорядоченность* (единицы опыта всегда упорядочены, образуя связную цепочку событий, смоделированный самим субъектом «жизненный путь»); *персональность* (субъект склонен *отождествлять его с самим собой*, считать его *своей жизнью*); *символичность* (этот опыт имеет обобщенное значение для субъекта как символ его «Я» или его жизни в целом); *самобытность* (на его основе личность оказывается способной *выводить собственные законы жизни*, он призван подчеркнуть уникальность и значимость единичной жизни); *семиотизированность* (опыт истолковывается в индивидуальных семантиках личности, часто понятных только ей самой).

Для различения единиц «хранения» жизненного и экзистенциального опыта мы предлагаем использовать два термина – «биографема» и «автографема», дополняя последний термином «личная мифологема». Вместе они образуют *смысловый тезаурус личности*, который мы обобщенно определяем как своеобразный «экзистенциальный словарь», персональный каталог смысловыражающих единиц конкретной личности, собранный в процессах социализации и инкультурации для удержания и упорядочивания опыта. Представленный в виде многомерной ассоциативной сети, смысловой тезаурус создаёт в той или иной мере систематизированное и упорядоченное описание комплекса представлений конкретного субъекта об *освоенной им реальности в значимых для него семантических единицах и сцепках этих единиц*.

Более узко тезаурус – это совокупность самостоятельно отобранных человеком категорий-«мерок» (семантем), способных, как ему представляется, адекватно описывать его понимание себя и мира, и используемых для понимания окружающей реальности и выделения в ней именно тех сфер, которые ему потребны.

Объём и содержание персонального тезауруса отражает *переживание пристрастной причастности* к определенным областям реальности. И его «слова» (образно-когнитивные элементы, выражающие некую значимую для человека идею) объединяются в нём не по формальному (например, алфавитному или тематическому) признаку, а по *смысловому*, ассоциативному, аллюзивному, концептуальному.

Его семантические гнёзда «расположены» ближе или дальше от его *центра* – *индивидуального «Я»* – в зависимости от их значимости для данной конкретной жизни. По определению М.Н. Эпштейна, персональный «тезаурус – это срез нашего сознания и видения жизни как целого».

Ряд «биографема – автографема – мифологема» на уровне сознания конкретного субъекта соответствует ряду «значение – смысл – символ».

Первый вид – *биографемы*. Р. Барт называл их «искусственным припоминанием», выделял по аналогии с фотографиями и полагал, что биография поддерживает с биографемами те же отношения, что и история с фотографиями. М.Н. Эпштейн предложил называть такие единицы тезауруса *биограммами*, понимая под ними в той или иной степени обобщённые «структурные единицы жизненного целого»: например, «дружба», «одиночество», «встреча», «разлука», «учёба», «болезнь», «замужество», «роды» и т.д. В.К. Харченко в своем словаре называет биографемы фрагментами из воспоминаний или семейных родословных вместе с некоторым связанным с ними микросюжетом.

В нашем понимании биографемы выступают как *образно-семантические конструкции сознания*, фиксирующие непосредственный *жизненный* опыт субъекта, отражающий его взаимодействие с определённым рядом случаев, происшествий. Фактически, это пережитые и семантизированные случаи, участником или свидетелем которых был человек. Когда он сталкивается с непосредственным переживанием определенного жизненного эпизода, оно может либо быть значимым для него, оставить след в его душе, повлиять на дальнейшее течение жизни, изменить его «картину мира» и тем самым превратиться в *автографему*, либо пройти мимо его сознания, особенно не задевая за живое и оставшись на уровне биографемы.

Содержательно биографемы «адаптируют» выработанные в обществе значения жизненных концептов в приемлемую и понятную личности форму, смешивая усвоенное значение с «Я-концепцией», с накопленным личностью опытом (не просто «дружба», а «*моя* дружба», «*мною* понятая дружба», «дружба, как я её себе представляю»). Они – своеобразный «мостик» между реальностью существования субъекта и его соображениями о ней. Остальные единицы во многом «отходят» от содержания реальных биографических фактов, заменяя его пристрастным *отношением к ним* и «занимаясь» не реальностью как таковой, а самой личностью и проекциями в её внутренний мир жизненных случаев.

Второй вид тезаурусных единиц мы предложили называть *автографемами*. Если биографемы во многом ориентированы на *социально заданное значение*, приписываемое социумом, культурой, хронотопом определенным фрагментам жизненного пути, то автографемы в большей степени соотносены с *личным смыслом, с человеческой пристрастностью*. Они возникают в сознании как результат *первичной* герменевтической обработки биографемного материала.

Автографема есть *превращённая форма индивидуально воспринятого жизненного факта, наилучшим образом раскрывающая личности самое себя и самобытность её жизни*. Это семантически свёрнутый, сжатый микросюжет, ядро которого составлено неким значимым для субъекта событием, воспринятым как имеющим к нему отношение, а обширная и не менее значимая периферия – его оценками, переживаниями, представлениями, образами, домыслами, интерпретациями.

Нами выделены доминирующие, уникальные, прецедентные и альтернативные автографемы.

Доминирующие автографемы составляют абсолютное большинство в личных историях и очерчивают субъекту актуальный для современного ему хронотопа *круг «должного-значимого»* («моя любовь к...», «моя работа в...», «моя семья» и пр.). По своему содержанию они ещё очень близки к биографемам, но из всей совокупности биографем конкретное сознание *отбирает «свой» набор предпочитаемых единиц*, которыми, как ему кажется, наиболее адекватно описывается жизнь.

Прецедентные автографемы усваиваются через знакомство с семиотическими ресурсами культуры, в которой взрослеет субъект, и очерчивают для него *круг «избирательно-значимого»*. Речь идёт о фольклорных и литературных сюжетах, персонажах, архетипах, которые выстраивают в сознании *типичные стратегии поведения и самоосмысления*. Прецедентные паттерны кажутся значимыми и соотносимыми с обстоятельствами собственной жизни и самоощущениями, они выступают как ценностно и «истинностно» насыщенные образцы для идентификации. Порой различие «своего» и «чужого» совсем исчезает, поскольку прецедент, подкреплённый переживаниями и оценками множества других людей, кажется более достоверным и точным, чем свой собственный опыт.

Уникальные автографемы – это нарративированные микросюжеты реальной или внутренней жизни субъекта, в большей или меньшей мере расходящиеся с доминирующими и прецедентными и потому образующие *наиболее «сильные» точки текстов о себе, их бифуркационные центры*. Это не значит, что они абсолютно единичны – они уникальны *для конкретной личности* и её окружения, поскольку противоречат общей логике того, что человеку «на роду написано» («этого просто не должно было случиться в моей жизни»). Они очерчивают в сознании *круг «персонально-значимого»* и побуж-

дают к рефлексии и «коллекционированию» крупиц уникального, самобытного опыта, а, следовательно, толкают к осмыслению своей жизни как неповторимого самобытного феномена.

Наконец, *альтернативные автографемы* – это нарративизированные события, которые вероятно могли бы произойти в жизни личности, исходя из того, как она мыслит и понимает себя, как она структурировала и созидала свои жизненные сценарии, какие смыслы и ценности она начала реализовывать в ней и т.д. Это могут быть заимствованные из книг и чужих жизнеописаний и даже надуманные вставки, мечты, фантазийные эпизоды и детали. С их помощью усиливает значимость своей жизни, пытается придать ей особые, важные для него смыслы, объясняет или оправдывает ими что-то значимое для самого себя. Они образуют *круг «вероятностно(возможностно)-значимого»*, составляющий наиболее творческую часть личных историй. В рамках этих повествований, адресованных, прежде всего, самому себе, человек оживляет и усиливает свои «спящие» интенции, прочерчивает новые пути саморазвития, намечает стратегии и выборы новых самореализаций.

Назначение тезаурусных единиц третьего вида – *личностных мифологем* – закрепление единиц *экзистенциального* опыта в персональных *символических* конструкциях/*самоконцепциях*.

Мы понимаем мифологему как *образно-понятийное образование сознания, имплицитно соединяющее в себе смыслы целого ряда личностно значимых эпизодов, слившихся для субъекта в «символ Я»*. Это чрезвычайно плотная, сжатая форма фиксации опыта, которая может быть в любой момент развернута субъектом (и только им самим) на любую семантическую длину вплоть до единичного фрагмента его картины мира или частного эпизода ментальности.

Они являют собой своеобразный, почти закрытый, семантический ресурс личности, позволяющий сохранять её самобытность и строить вероятностно-возможностные варианты собственного «Я» и своего жизненного пути. В самом общем смысле мифологема выступает как *«авторский образ, построенный на системе традиционных культурологических и литературных парадигм»* (А.В.Луков).

В индивидуальном сознании такие единицы образуются посредством *вторичной* амплифицирующей герменевтической работы над автографемами экзистенциального опыта с целью придания сверхзначимости его отдельным эпизодам, сделать их «воплощением» не просто некоторых существенных для человека событий, *но и всей жизни, всей личности в целом* – как писал Р. Барт, «я сам себе символ, сам являюсь происходящей со мною историей».

В мифологеме символически аккумулировано всё то, что личность хочет знать и/или сообщать о себе и своей жизни, и в любой момент она способна развернуться в бесконечный ряд идентификаций, самосимволизаций и автонарративов.

Мифологема образует *образно-когнитивную матрицу смысложизненного пространства субъекта*, в границы которой «укладывается» вся его жизнь и личность («кто я, какой, ради чего и как живу»).

Для личности мифологема оказывается механизмом, универсально объясняющим личности себя саму в многообразии связанных с «Я» контекстов, моделирующим *внутренний интегральный образ «Я»*, составляют центр самовосприятия, своеобразную экзистенциальную «Я-парадигму». Мифологема могут становиться эмоционально-когнитивными центрами личностных апокрифов.

Совокупность мифологем может создавать единую тему – *архетипическую доминанту* личности и разворачиваться для её сознания как на уровне *мифологического имени*, так на уровне *цитаты* или *сюжета*. Мифологема лежат в основе персональной субкультуры личности.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ РЕСУРСОВ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА

Тесля С.Н.

Ключевые слова: субъект, ресурс социального субъекта, субъектность, ресурсный подход.

В последнее десятилетие в арсенал знаний о психологии человека вошла новая область познания – психология субъекта, в рамки которой стали помещать и такое направление как «психология человеческого бытия»: «Психология человеческого бытия формировалась и развивалась на основе психологии субъекта А.В. Брушлинского (В.В. Знаков, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко, Г.Б. Горская, В.А. Лабунская, др.) [1] Первые публикации, главной целью которых было определение границ этой области психологического познания, его предмета и методов, появились на рубеже двух веков...» [2, с. 10-11].

Один из основных и актуальных методологических подходов, развиваемых в рамках психологии субъекта – субъектный подход и сопутствующие ему – контекстный и ресурсный подходы. На

мой взгляд, именно в рамках этих подходов появилась возможность ввести такие понятия как «субъект жизни» и «формы субъекта жизни» [3]. Среди этих форм фиксируется и такая как «социальный субъект». Категория «социальный субъект» имеет вполне определенные границы значений, верифицируемые в прикладных социально-психологических исследованиях. В составе значений социального субъекта находит законное место и такое понятие как «ресурс» социального субъекта.

Понятие «ресурс» выражает качественный потенциал социально-психологической активности социального субъекта при осуществлении им субъектности, как главного способа бытия социального субъекта и социальным субъектом. Ресурсность или потенциальность качества этой активности – субъектности – проявляется в различных действительных свойствах субъекта при взаимодействии со средой, самим собой, другим и социумом в целом. В этой связи актуальной задачей становится выявление типологических особенностей свойств активности социального субъекта, позволяющих рассматривать его как многовариантный объект социально-психологического изучения и эмпирических исследований и в то же время, прогнозировать возможности его субъектности.

В истории отечественной психологии личности, в зарубежной персонологии есть глубокие и всесторонние характеристики человека, обосновывающие его продуктивную природу, благодаря которой он порождает новые и иные горизонты бытия, является «мерой всем вещам» (Протагор). В категориальной сетке человека находим и такие понятия как «субъект», «индивид», «индивидуальность», «личность». Как правило, значение одного из них раскрывается через другое, даже на уровне философской методологии, часто они используются как синонимы, более того, производные от «личности» термины «личностный» и «личный» также синонимизируются. В такой синкретической картине умножения понятий упускаются значимые характеристики человека, не случайно обобщенные в различных категориях.

На мой взгляд, психология субъекта как относительно автономная область познания, может включать различные направления исследований, в том числе, и такое как «психология ресурсов социального субъекта». В рамках ресурсного подхода возможно упорядочить многочисленные мотивационные (энергетические), когнитивные (информационные) и поведенческие свойства социального субъекта, типологически различив их в соответствии с тремя основополагающими ресурсами социального субъекта – ресурсом «индивид», ресурсом «индивидуальность», ресурсом «личность». В триединстве этих ресурсов социальный субъект есть единое целое, при том, что каждому ресурсу присуща своя внутренняя динамика и вполне верифицируемые узловые точки переходов одного ресурса в другой.

Таким образом, появляется возможность дифференцировать категории «индивид», «индивидуальность», «личность» – прежде всего, по критерию субъектности социального субъекта. Она понимается как активность особого рода, связанная со способностью субъекта изменять, преобразовывать среду-объект в соответствии со своими рациональными целями и субъективным выбором. «Изменение» и «преобразование» в этом контексте есть социальные аналоги «порождающей» активности субъекта жизни, могут быть приняты в качестве критерия социальной валидности и эффективности деятельности индивидуума или группы в различных сценах идентификации. Субъектность не является «вещью в себе», но содержит вполне определенные параметры, доступные для изучения на уровне модели субъектности. Параметры субъектности: форма, содержание, направленность, характер, субъект и субъективные переменные субъектности.

В свою очередь, своеобразным психологическим аналогом модели субъектности является *психологическая модель субъектности*, в которой параметры субъектности сворачиваются в субъективные кодовые составляющие. Попытка выстроить систему таких кодов уже осуществлена, показав не тривиальность размышлений в этом направлении [4].

С гносеологической точки зрения, различение значений индивида, индивидуальности, личности, рассмотрение их как относительно автономных категорий, позволяет рассматривать их как «измерения» социального субъекта, а типологию социального субъекта заявлять как *уровневую*. Выведенные через обобщение наработок отечественной и зарубежной психологии личности XX века критерии индивида, индивидуальности, личности, анализ контекстов, в которых упоминаются данные понятия различными психологами, позволили обобщить эти значения и контексты в таких кодах психологической модели субъектности как: «Ресурс», «Аксиологическое доминирование», «Тип активности», «Проективные символические системы».

Каждый код раскрывается в своих функциях. Каждая функция проявляется через свои локальные переменные. Уровень локальных переменных локализуется в координатах конкретных жизненных ситуаций людей, рассредоточенных в различных сценах идентификации тех или иных конечных

областей значений (гендерной, профессиональной, брачно-партнерской, деловой, др.), а также в повседневной жизни.

В ходе исследования выявилась взаимосвязь функций кодов и параметров субъектности, скрытых в психологической модели субъектности социального субъекта: например, функции кода «Ресурс» выводят к таким параметрам субъектности как «субъект» и «характер»; функции кода «Аксиологическое доминирование» – к параметрам «содержание», «субъект» и «форма»; функции кода «Тип активности» – к параметрам «характер», «субъект», «форма»; функции кода «Проективные символические системы» – к параметрам «форма» и «направленность» субъектности [5].

Диагностика индивидуальных, индивидуальностных, личностных показателей субъектности в мотивационных, когнитивных и поведенческих проекциях локальных переменных, выявляется посредством фрейминга, где единицей анализа становятся фреймы жизненных ситуаций людей, узнаваемые согласно выведенным критериям фрейма – «готовности», «ситуационности», «событийности» [6].

В результате фрейм-анализа выстраивается карта ресурса субъекта, в которой проявлен актуализированный в данной сцене идентификации ресурс, который мы назвали «ведущим». Путем выполнения тестовых заданий уже имеющихся в психологии методик, изучающих предпочтения и ориентации человека, и сопоставления полученных данных с картами фрейм-анализа, мы можем вывести алгоритм качества субъектной активности социального субъекта с тем или иным ведущим ресурсом: увидеть действительный, здесь-и-сейчас актуализированный ресурс, его соотношение с двумя другими ресурсами, с одной стороны, и возможное развитие ресурсной ситуации, если субъект пойдет путем выявленных у него предпочтений, ожиданий, ценностных ориентаций, способностей, с другой стороны.

Алгоритм, «оцифровывая» настоящее и будущее ресурсных диспозиций, при наличии репрезентативной выборки испытуемых, даст в перспективе типы динамики актуализированных здесь-и-сейчас ресурсов к полностью потенциальным – от «действительного к возможному». Это поможет понять, как оптимально регулировать и осуществлять самокоррекцию своей деятельной активности в любой сцене идентификации.

Таким образом, развитие ресурсной концепции социального субъекта в рамках психологии субъекта представляется перспективным полем исследований: н-р, на основе ресурсного подхода разрабатывается концепция безопасности социального субъекта, психологическая модель которой – в составе психологической модели субъектности [7].

Библиографический список

1. Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
2. Знаков В.В. Психология человеческого бытия: теоретические итоги первых пятнадцати лет исследований / Личностная идентичность: вызовы современности: материалы Всерос. психол. науч.-практ. конф. (с иностранным участием) / под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; М.: Институт психологии РАН; 2014.
3. Тесля С.Н. Понятия «субъектный подход», «субъектность» и «человек как субъект жизни» / Мат-лы Международной науч. конф. Человек, Субъект. Личность в современной психологии Посв.80-летию А.В.Брушлинского. 1011окт. 2013года, Москва. Отв.ред.А.Л.Журавлев, Е.А.Сергиенко. М.: Издательство «Институт Психологии РАН», 2013. Т.1.
4. Исаченко А.Ю., Тесля С.Н. Структура психологической модели субъектности социального субъекта / Психология опасности и безопасности. В двух книгах. Кн.2. Сочи, РИЦ СГУ, 2012.
5. Видищев В.В., Тесля С.Н. Определение предметной области действенного модуса в структуре психологической модели субъектности социального субъекта // Известия Сочинского государственного университета.- 2014.- № 1 (29).
6. Беляев А.А., Тесля С.Н. Фрейминг как вариант формализации локальных переменных в психологической модели субъектности социального субъекта // Известия Сочинского государственного университета. 2014. = № 4-2 (33).
7. Тесля С.Н. The model of security of social actor // The Unity of Science, International scientific periodical journal. April, 2016. - Vienna, Austria. 2016.

ВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ: ФАКТОРЫ ВОСПРИЯТИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ ПРЕЗЕНТАЦИЙ ВОЗРАСТА ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА

Шкурко Т.А.

Ключевые слова: личность, бытие, возраст, визуальная презентация возраста.

В последние десятилетия исследователями фиксируется значительный интерес к проблемам омоложения внешнего облика [1, 2, 4-6, 8]. Возникают многочисленные практики омоложения, от пластической хирургии до психологических тренинговых процедур, основной задачей которых выступает трансформация внешнего облика человека в сторону большей молодости. В практике лицевых хирургов имеется целый арсенал технологий, позволяющих убрать морщины, подтянуть овал лица и т.п. При этом, как отмечают ученые [1], особое значение приобретают психологические аспекты эстетической медицины, а именно, то, как будет выглядеть человек в глазах других людей.

Восприятие человеком возраста другого в современной социальной психологии рассматривается как частный случай социальной перцепции [7]. Следовательно, на него распространяются те закономерности, которые выявлены в психологии социального восприятия [3], а именно: тот факт, что на процесс восприятия влияют характеристики субъекта восприятия, объекта восприятия, а также сама ситуация восприятия и взаимодействия. На сегодняшний момент существует значительное количество зарубежных исследований, посвященных восприятию возраста другого человека [9-13], в которых выявлены некоторые его закономерности. При этом в отечественной психологии явно недостаточно работ, посвященных выявлению факторов восприятия визуальных презентаций возраста другого человека, что и явилось целью нашего исследования. Предметом исследования выступили гендерно-возрастные, социально-демографические характеристики объекта и субъекта восприятия возраста, параметры точности оценки возраста, хронологический, психологический, воспринимаемый возраст, самооценка воспринимаемого возраста.

Гипотезы исследования: 1) параметры точности восприятия визуальных презентаций возраста другого человека могут быть обусловлены гендерно-возрастными и социально-демографическими характеристиками субъекта и объекта восприятия; 2) параметры точности восприятия визуальных презентаций возраста другого человека могут различаться в зависимости от типа представленности (портрет / в полный рост) воспринимающему его субъекту.

Эмпирические задачи исследования: 1) провести анализ влияния хронологического, психологического и самооценки воспринимаемого возраста на точность восприятия возраста другого человека; 2) провести анализ гендерного и социально-демографических факторов (семейное положение, уровень материального благополучия) восприятия визуальных презентаций возраста другого человека; 3) проанализировать влияние типа визуальных презентаций возраста (ростовая или портретная фотография) на особенности восприятия возраста изображенных на них людей; 4) проанализировать влияние гендерно-возрастных характеристик объекта восприятия на особенности восприятия визуальных презентаций возраста.

В качестве основной методики исследования выступила методика «Идентификация возраста личности с использованием фотовизуализации» [8]. Участникам исследования был предъявлен альбом их 38 фотографий (портретных, ростовых), на которых были представлены люди различных возрастов (далее «модели»), профессий и типажей (профессиональная фотосъемка, с правильно подобранным светом, единообразным фоном, но без применения технологий «фотошоп»). «Моделей» не просили принять какие-либо позы или выражения лица, от них требовалось их обычное повседневное поведение. В качестве «моделей» выступили 19 человек (9 мужчин, 10 женщин в возрасте от 18 до 58 лет). Фотографии помещены в альбом таким образом, чтобы испытуемый мог видеть только одно фото, и не переходил к следующему, не оценив предыдущего, при этом сначала демонстрировалось ростовое изображение человека, затем портретное. Порядок фотографий был определен так, чтобы чередовались мужские и женские образы, при этом рожденные в одном десятилетии люди повторялись через четыре на пятую картинку. К данной процедуре прилагалась специально разработанная анкета, которая содержала вопрос относительно объекта восприятия «Сколько лет человеку на данном фото?», а также следующие сведения о субъекте восприятия: пол, возраст, психологический возраст (вопрос «на сколько лет себя чувствуете?»), самооценка воспринимаемого возраста (вопрос «на сколько лет Вы, по Вашему мнению, выглядите»). В качестве субъектов восприятия выступили 60 человек: 47 женщин и 13 мужчин в возрасте от 18 до 77 лет. Каждый из них оценивал возраст человека, представленного на 38 фотографиях.

Достоверность полученных результатов обеспечивалась использованием в исследовании методов математической статистики: метода сравнения 2-х связанных выборок по непараметрическому ранговому Z-критерию Уилкоксона; метода сравнения 2-х независимых выборок по непараметрическому критерию Манна-Уитни; корреляционный анализ Спирмена.

Эмпирическое исследование факторов восприятия взрослыми визуальных презентаций возраста другого человека позволило сделать ряд выводов:

1. Обнаружена общая тенденция, не зависящая от пола и возраста субъекта и объекта восприятия – эта тенденция «старить» воспринимаемого другого, то есть приписывать ему больше лет, чем ему есть на самом деле.

2. Восприятие визуальных презентаций возраста другого человека обусловлено характеристиками как субъекта, так и объекта восприятия:

2.1. Чем выше хронологический возраст субъекта восприятия, тем ниже точность восприятия возраста другого человека (тем больше размер расхождения между реальным и воспринимаемым возрастом объекта восприятия в ту или иную сторону (либо занижение, либо завышение возраста)): более «взрослые» субъекты восприятия менее точны, а более молодые демонстрируют большую точность.

2.2. При сравнении «вклада» разных типов возраста в точность восприятия возраста другого человека (хронологического / психологического / воспринимаемого возраста субъекта восприятия) на точность оценки возраста влияет именно самооценка воспринимаемого возраста: чем более старше, по мнению субъекта восприятия, он выглядит, тем больше он ошибается при оценке возраста другого человека, представленного как на ростовом фото, так и на портретном.

2.3. Обнаружено, пол субъекта восприятия, а также такие социально-демографические характеристики субъекта восприятия, как семейное положение и уровень материального благосостояния не оказывают какого-либо влияния на особенности восприятия возраста другого человека.

2.4. Чем старше объект восприятия, тем более заниженные оценки своего возраста он получает: воспринимающие субъекты имеют тенденцию «старить» более молодых людей, а более зрелых – омолаживать.

2.5. Не было обнаружено значимых различий в восприятии возраста объекта восприятия в зависимости от его пола.

3. Параметры точности восприятия визуальных презентаций возраста человека другими людьми не различаются в зависимости от типа его представленности воспринимающему его субъекту (ростовое или портретное фото).

Таким образом, подтвердилась первая гипотеза нашего исследования, вторая гипотеза не нашла своего подтверждения.

В работе описан «вклад» разных типов возраста человека (хронологического / психологического / воспринимаемого возраста субъекта восприятия) в точность восприятия им возраста другого человека. Систематизированы факторы, оказывающие / не оказывающие влияние на восприятие визуальных презентаций возраста другого человека.

Проведенное исследование расширяет существующие в социальной психологии представления о восприятии возраста как частном случае социальной перцепции.

Библиографический список

1. Белопольская Н.Л., Виссарионов В.А., Шафирова Е.М. Психологические аспекты эстетической медицины // Актуальные вопросы пластической хирургии и косметологии. Москва: Институт пластической хирургии и косметологии, 2012.

2. Белопольская Н.Л., Виссарионова В.В., Шафирова Е.М. Определение хронологического возраста по лицу человека // Лицо человека как средство общения: Междисциплинарный подход / отв. ред. В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев. М.: Когито-Центр, 2012.

3. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ, 1982.

4. Лабунская В. А. Проблема удовлетворенности внешним обликом: субъектный подход. URL: <http://e-koncept.ru/2014/55035.htm>.

5. Лабунская В.А. Субъективная интерпретация феномена «нормативной неудовлетворенности внешним обликом» // Субъектный подход в психологии: серия «Интеграция академической и университетской психологии» / под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2009.

6. Лабунская В.А., Наровская Я.Б. Типы преобразования внешнего облика как отражение направленности преобразовательной активности субъекта в социальном общении // Мир психологии. 2006. № 4.

7. Шкурко Т.А. Восприятие возраста как частный случай социальной перцепции // Прикладная психология общения и межличностного познания: коллективная монография / под ред. Л.И. Рюминой. - Москва: Издательство «Кредо», 2015.

8. Шкурко Т.А., Николаева Е.Г. Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 4.

9. Nkengne A., Bertin C., Stamatias G.N., Giron A., Rossi A., Issachar N., Fertil B. Influence of facial skin attributes on the perceived age of Caucasian women // Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology. 2008. V. 22.

10. Rhodes M.G. Age estimation of faces: A review // Applied Cognitive Psychology. 2009. V.23.

11. Sörqvist P., Eriksson M. Effects of training on age estimation // Applied Cognitive Psychology. 2007. V. 21.

12. Uotinen V., Rantanen T., Suutama T. Perceived age as a predictor of old age mortality: A 13-year prospective study // Age and Ageing. 2005. V. 34.

13. Voelkle M.C., Ebner N.C., Lindenberger U., Riediger M. Let me guess how old you are: Effects of age, gender, and facial expression on perceptions of age // Psychology and Aging. 2012. V. 27.

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ТРАНЗИТА

МЕТАФОРЫ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» ЧЕЛОВЕКА В СВЯЗИ С ОБРАЗАМИ ВРАГА И ДРУГА ЛИЧНОСТИ¹

Альперович В.Д.

Ключевые слова: личность, образ и метафора Друга и Врага, лукизм.

Актуальность проблематики феноменов «своего» и «чужого», Врага и Друга, в условиях макросоциальных трансформаций в разных странах мира и России в последние десятилетия, социальной нестабильности, обострения социально-политических, межэтнических, межкультурных конфликтов, приобретающих формат боевых действий (в т.ч. на Украине), непростой внешнеполитической ситуации, в которой оказалась наша страна, определяется интересом психологов к конструированию и динамике образов Другого человека.

Категоризация партнеров по общению в качестве «врагов» и «друзей», «своих» и «чужих» в индивидуальном и массовом сознании влияет на стратегии взаимодействия с ними. Образы «врагов» остаются в фокусе внимания также в связи с эскалацией дискриминационных практик по отношению к партнерам по общению из различных групп, наделяемых негативными характеристиками. Внимание исследователей привлекают языковые и поведенческие практики дискриминации, в т.ч. феномены «лукизм» (дискриминация по внешнему облику, включая «вейтизм» (по весу), «эйджизм» (по возрасту), «этно-лукизм» (по внешнему облику, характерному для представителя этнокультурной группы). Изучение «языка вражды» в контексте дискриминационного отношения способствует разработке и реализации программ развития у молодежи толерантности по отношению к живущим рядом с ними представителям иных религиозных, культурных, этнических и др. групп.

Метафоры и нарративы становятся средством поддержания идентичностей субъекта, ресурсом функционирования социальных практик, способом категоризации, осмысления и интерпретации себя, других людей, социальных явлений. Их изучение позволяет выявить базис социальных установок и представлений о социальных объектах, определить их влияние на отношение к различным социальным процессам, в т.ч. на дискриминационное отношение.

Метафора в лингвистике является литературным приемом, фигурой речи, в которой название объекта одного класса используется для обозначения объекта другого класса. Метафора в нарративной психологии превращается в когнитивный эвристический инструмент, способ познания (структурирования, категоризации и интерпретации) мира, «свернутую» форму нарратива, лежащую в его основании. В зарубежной [10, 11, 12] и отечественной [1, 2, 6, 9] психологии рассматриваются метафоры, обозначающие различные явления (жизненный путь, отношения, актуальное психологическое состояние субъекта, объекты политического дискурса и рекламы и т.д.) и других людей.

Так, в исследовании А.П. Якунина, анализирующего метафоры как форму объективации смысловой сферы, подростки метафорически описывают значимых людей в разных ролевых позициях и разные сферы их жизнедеятельности [9]. А.А. Бочавер подчеркивает, что метафоры выражают ценностные ориентации, репрезентируют жизненный путь субъекта [1]. И.В. Вачков и Т.А. Липская используют метафоры как средство преобразования индивидуального опыта и инструментом психотерапевтической работы [2, 6]. Метафоры становятся предметом лингвистических и социологических исследований политического дискурса, рекламного дискурса, потому что оценивают и осмысливают значимые общественные явления, в доступной и наглядной форме отображают артефакты и процессы, например, политические события, политических лидеров, военные конфликты, семейные ценности и т.п.

Метафора является синкретическим образом, в котором объединены когнитивная и эмоциональная составляющие относительно другого субъекта или объекта. Так, в исследовании А.А. Бочавер жизненный путь предстает как целостность, включающая «внутреннюю преемственность, поиск смысла и интегрирующую метафору значимых жизненных событий» [1, с. 54]. По мнению А.А. Бо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-36-00049 «Социально-психологическая эмпирическая модель исследования отношения к этнолукизму – практики дискриминации на основе обыденных обозначений типов внешнего облика» (внутренний номер 213-01-13/2016-01 РГНФ).

чавер, средством интеграции нарративных конструкций жизненного пути становится метафора, влияющая на жанр повествования, осмысление и переживание субъектом значимых жизненных событий [там же]. А.А. Бочавер выделяет следующие типы метафор жизненного пути, встретившиеся в ответах респондентов: «Развлечение», «Путь», «Угроза», «Мгновение», «Норматив», «Задача», «Праздник», «Наказание», «Потребление», «Таинство» [там же].

В метафорах и нарративах создаются, детализируются и осмысляются образы «Я» и Другого человека в разных категориях. Партнеры по общению наделяются статусами «своих» и «чужих», «близких», «друзей» и «врагов».

Российские социальные психологи [4, 5, 7] отмечают, что Враг в качестве субъекта межличностных отношений и объекта представлений выступает членом иной группы с чуждыми убеждениями, отрицательными нравственными качествами, агрессивным, завистливым соперником, способным обмануть, предать, с непредсказуемым поведением, а Друг — субъектом помощи, доверия, духовной близости, эмоциональной поддержки. Дружественное или враждебное отношение актуализируется во взаимодействии с другим человеком, воспринимаемым в качестве «своего»-«чужого», «террориста». Так, В.В. Знаков в своем исследовании обращается к враждебному образу мусульманского террориста [4], Т.А. Шкурко анализирует образы «своего»-«чужого» у жителей городов разного типа [8]. Российские авторы выявили макрофакторы и микрофакторы, обуславливающие содержание представлений о Враге и Друге. Т.П. Емельянова отмечает влияние общественной идеологии, социально-экономической ситуации в стране, СМИ на характеристики социальных представлений [3]. Рассмотрено влияние системы социальных идентичностей личности, социальной ситуации развития, референтных групп, отношений личности на определенном этапе жизненного пути, жизненных событий на данные характеристики [5, 7].

В зарубежной и российской психологии обнаружена метафорическая и нарративная природа социальных представлений. Несмотря на то, что социальные представления о «своем»-«чужом», Враге-Друге влияют на отношение к индивиду и группе как партнерам в разных сферах общения, на конфликтность-гармоничность взаимодействия с ними, в теоретическом и эмпирическом аспектах недостаточно изучены их взаимосвязи с биографическим нарративом личности. Рассматриваются автобиографические нарративы как репрезентация жизненного пути личности, однако не показано влияние отношений между «своими» и «чужими» на его содержание.

В этой связи, планируется провести основное эмпирическое исследование взаимосвязей метафор «своего» и «чужого» человека в биографическом нарративе и социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге личности на этапе ранней и средней взрослости. Методологическими основаниями данного исследования выступают российская концепция метафоры (И.В. Вачков, А.А. Бочавер, Д.О. Смирнов, Е.В. Черный, А.П. Якунин), российская когнитивная концепция биографического нарратива (Ф.И. Барский, В.В. Нуркова, Е.Е. Сапогова); выводы теории социальных представлений о структуре, содержании, динамике, факторах трансформации (К.А. Абульханова-Славская, А.И. Донцов, Т.П. Емельянова, П.Н. Шихирев, J.-Cl. Abric, D. Jodelet, S. Moscovici); концепция о Враге и Друге как субъектах общения (В.В. Знаков, В.А. Лабунская, Д.Н. Тулинова).

В настоящий период проводится пилотажное эмпирическое исследование метафор «своего» и «чужого» человека на этапе ранней взрослости. Эмпирическим объектом пилотажного исследования стали 107 респондентов в возрасте от 20 до 35 лет (студенты очной и заочной форм обучения вузов г. Ростова-на-Дону). Нами разработана методика исследования метафор «своего» и «чужого» человека на основе метода «Незаконченные предложения». Данная методика состоит из 18 незаконченных предложений. Респонденты указывают образы-сравнения, в соответствии со стимулами. Например, данная методика включает следующие предложения: «Раньше «своими» людьми для меня были...», «Раньше «чужими» людьми для меня были...», «Свои» люди похожи на...», «Чужие» люди похожи на...».

Выявленные метафоры «своего» и «чужого» человека, Врага и Друга респондентов разделены на следующие группы метафор, вслед за различными авторами: 1) антропоморфные метафоры (позитивные, негативные, нейтральные); 2) метафоры-атрибуты (позитивные, негативные, нейтральные и амбивалентные); 3) метафоры сходства; 4) метафоры различия; 5) абстрактные метафоры (позитивные и негативные); 6) прецедентные имена (позитивные, негативные и амбивалентные); 7) зооморфные метафоры (позитивные, негативные и амбивалентные); 8) метафоры-артефакты (позитивные, негативные, нейтральные и амбивалентные); 9) природоморфные метафоры (позитивные, негативные и амбивалентные); 10) метафоры организма; 11) магические метафоры; 12) метафоры качества и зна-

чимости. Планируется обработать полученные данные с помощью методов математической статистики (квартирование, ANOVA, U-критерия Манна-Уитни).

Библиографический список

1. Бочавер А.А. Метафора как способ внутренней репрезентации жизненного пути человека: дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
2. Вачков И.В. Возможности метафоры в сказкотерапевтической работе со взрослыми // Клиническая и специальная психология. 2015. Т.4 № 1 (13).
3. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
4. Знаков В.В. Образ врага как психологическое основание понимания мусульманских террористов россиянами // Вопросы психологии. 2012. № 2.
5. Лабунская В.А. Образ врага в межличностном общении // Социальная психология и общество. 2013. № 3.
6. Липская Т.А. Метафора как средство изучения школьных страхов детей младшего школьного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
7. Тулинова Д.Н. Представления о Враге и Друге в связи с отношением к жизни на различных этапах. Дис. ...канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2005.
8. Шкурко Т.А. Отношения к «своим/чужим», «близким/далеким» жителей городов разного типа // Социальная психология и общество. 2013. № 4.
9. Якунин А.П. Исследование метафор как форм объективации смысловой сферы в представлениях подростков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 161.
10. Indurkha V. Emergent representations, interaction theory and the cognitive force of metaphor // *New Ideas in Psychology*, vol. 24, Issue 2, August 2006, pp. 133-162.
11. Inkson K. Protean and boundaryless careers as metaphors // *Journal of Vocational Behavior*, vol. 69, Issue 1, August 2006.
12. Sargent L.D., Bataille C.D., Vough H.C., Lee M.D. Metaphors for retirement: Unshackled from schedules // *Journal of Vocational Behavior*, vol. 42, Issue 3, 2011.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ О ПАРТНЕРЕ ПО ОБЩЕНИЮ КАК О ВРАГЕ И ДРУГЕ В СВЯЗИ С ЕЕ МЕТАФОРАМИ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» ЧЕЛОВЕКА¹

Альперович В.Д., Куковская М.А.

Ключевые слова: личность, образ и метафора Друга и Врага, общение.

Проблемой нашего исследования выступают когнитивные предикторы феноменов «дискриминация» и «язык вражды», выраженные в представлениях личности о Враге, их метафорическая и нарративная основа. В этой статье представлены данные пилотажного эмпирического исследования взаимосвязей метафор «своего» и «чужого» человека и социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге личности на этапе ранней взрослости.

Цель пилотажного эмпирического исследования заключается в том, чтобы провести сравнительный анализ особенностей представлений личности о Враге и Друге у лиц, различающихся метафорическими образами «своего» и «чужого» человека. Предметом нашего исследования выступают метафоры «своего» и «чужого» человека, Врага и Друга и социально-психологические характеристики представлений о Враге и Друге. Гипотеза пилотажного исследования: социально-психологические характеристики образов Врага и Друга различаются у лиц, чьи образы «своих» и «чужих» людей представлены в метафорах разных видов.

В исследовании применены следующие методы: классификация метафор, структурно-содержательный анализ представлений, метод математической статистики U-критерий Манна-Уитни. Применены следующие методики: авторская методика «Метафоры «своих» и «чужих» людей» (Аль-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-5294.2016.6 «Метафоры «своего» и «чужого» как предиктор «языка вражды» и дискриминации» (внутренний номер 213.01-10/2016-10п).

перович В.Д., 2016); модифицированная анкета Д.Н. Тулиновой «Идентификация Другого в качестве Врага и Друга» (Д.Н. Тулинова, 2005). Эмпирическим объектом пилотажного исследования стали 107 человек (17 мужчин, 90 женщин) на этапе ранней взрослости в возрасте 20-35 лет (студенты Южного федерального университета г. Ростова-на-Дону, сотрудники различных предприятий г. Ростова-на-Дону).

Анкета Д.Н. Тулиновой «Идентификация Другого в качестве Врага и Друга» состоит из 2 частей. Первая часть включает 33 характеристики Друга, вторая часть включает 33 характеристики Врага. Респондентам предлагается оценить каждую характеристику по 3-балльной шкале «никогда/редко», «иногда/в зависимости от ситуации», «всегда/часто» для Друга-женщины, Друга-мужчины и Друга-человека, вне зависимости от пола. Мы модифицировали методику Д.Н. Тулиновой. Мы предложили респондентам принять или отвергнуть характеристики Врага и Друга как всегда характерные / вообще не характерные для Друга и Врага. Мы ввели в данную методику дополнительные характеристики, в которых отмечена принадлежность Врага и Друга к этническим, социокультурным и религиозным группам, к которым принадлежит / не принадлежит сам субъект. Эти характеристики опосредствованно свидетельствуют о возможных дискриминационных практиках в межличностных отношениях. Таким образом, принятие и отвержение этих характеристик, определяющих критерии выбора реальных «друзей» и «врагов», может свидетельствовать об особенностях принятия дискриминационного поведения по отношению к представителям иных групп (этнических, социокультурных, религиозных).

Методика «Метафоры «своих» и «чужих» людей» разработана нами на основе метода «Незаконченные предложения». Она включает 18 незаконченных предложений, направленных на выявление метафор «своих» и «чужих» людей, метафор Врага и Друга, метафор отношений, взаимодействия «чужих» людей со «своими» людьми. Полученные метафоры классифицируются по группам (см. ниже).

На первом этапе нашего эмпирического исследования мы составили классификатор метафор. Все метафоры, названные нашими респондентами, мы разделили на группы, вслед за зарубежными [3, 6, 7] и отечественными [1, 2, 4, 5] авторами. 1. Антропоморфные позитивные метафоры (ролевые метафоры) (например, «родственники», «семья», «близкие люди»). 2. Антропоморфные негативные метафоры (ролевые метафоры) (например, «черная мафия», «противник», «предатель», «сектант», «террорист»). 3. Антропоморфные нейтральные метафоры (ролевые метафоры) (например, «прохожий», «одноклассники», «одногоруппники», «соседи», «преподаватели», «подростки»). 4. Метафоры-атрибуты позитивные (например, «люди, которым доверяю», «весельчаки», «теплые», «нужные», «приятные люди», «общительные»). 5. Метафоры-атрибуты негативные (например, «неискренние», «злые», «тот, кто хочет причинить вред», «агрессивные», «нечестные», «обманщики», «бездельники», «пьяница», «наркоман»). 6. Метафоры-атрибуты нейтральные (например, «дышат», «умеют разговаривать», «моего возраста», «те, о которых не знаю», «малознакомые», «неизвестные», «посторонние»). 7. Метафоры сходства (например, «родственные души», «похожие на меня», «из того же теста», «общие интересы, жизнь, модели поведения»). 8. Метафоры различия (например, «не похож на меня», «те, кто говорит на другом языке», «люди с другими ценностными ориентациями», «иностранцы»). 9. Метафоры абстрактные позитивные (например, «добро», «счастье»). 10. Метафоры абстрактные негативные (например, «зло», «боль»). 11. Метафоры – прецедентные имена позитивные (в т.ч. положительные сказочные и реальные персонажи) (например, «Мишка Винни-Пух»). 12. Метафоры – прецедентные имена негативные (в т.ч. отрицательные сказочные и реальные персонажи) (например, «Троянский конь»). 13. Метафоры – прецедентные имена амбивалентные (персонажи, имеющие различные трактовки) (например, «Люди, похожие на героев Достоевского»). 14. Зооморфные позитивные метафоры (домашние животные, детеныши) (например, «пушистые, добрые зверюшки», «преданные собаки», «добрые кошки»). 15. Зооморфные негативные метафоры (хищные звери и рыбы) (например, «непредсказуемые тигры», «злые собаки», «змеи», «акулы»). 16. Зооморфные нейтральные и амбивалентные метафоры (например, «медведи», «птицы», «бобры», «муравьи»). 17. Артефактные позитивные метафоры (полезные предметы, связанные с позитивными эмоциями) (например, «теплый плед», «цветные карандаши», «мягкое одеяло», «спасательный круг»). 18. Артефактные негативные метафоры (вредоносные предметы или предметы, связанные с негативными эмоциями) (например, «колочка», «заноза», «иголки», «наждак», «навоз»). 19. Артефакты нейтральные и амбивалентные (например, «книги», «элементарные частицы с разными зарядами», «загадка», «монеты»). 20. Природоморфные позитивные метафоры (природные объекты и явления, связанные с позитивными эмоциями) (например, «лучи солнца», «столбы света», «свежие травы», «цветы в до-

ме»). 21. Природоморфные негативные метафоры (природные объекты и явления, связанные с негативными эмоциями, вредоносные) (например, «грозовое небо», «ледяной ветер», «тучи»). 22. Природоморфные нейтральные и амбивалентные метафоры (например, «тени», «камни», «далекая планета»). 23. Метафоры организма (например, «часть меня», «надежное, твердое плечо»). 24. «Магические» метафоры (например, «ангел», «заботливый волшебник»). 25. Метафоры качества и значимости (например, «образец общения»).

Мы разделили общую выборку респондентов на 2 группы: респонденты, принимающие характеристики, в которых фиксирована принадлежность Врага и Друга к этнической, социокультурной, религиозной группе, к которой принадлежит / не принадлежит субъект, и респонденты, не принимающие данные характеристики. Установлены различия (на уровне тенденции) между двумя группами по критерию U-Манна-Уитни (p-уровень значимости 0,026).

Различия в употреблении метафор-атрибутов (нейтральных и амбивалентных) и метафор-прецедентных имен «своего» человека и Друга указывают на то, что, чем меньше принятие дискриминационных характеристик Врага и Друга (их принадлежности к каким-либо этническим и религиозным группам), тем более значимы их универсальные социально-психологические свойства, не зависящие от их групповой принадлежности, тем более позитивны и менее дифференцированы образы «друзей». Различия в употреблении зооморфных негативных метафор «чужого» человека и Врага (т.е. сравнение их с агрессивными хищными зверями) свидетельствуют о наличии у респондентов, принимающих дискриминационные характеристики Врага и Друга, предубеждений, предрассудков по отношению к партнерам по общению в статусе «врагов», гиперболизации их негативных свойств, стереотипизированности, схематизированности их образов. Таким образом, респонденты, отвергающие дискриминационные характеристики Врага и Друга, менее склонны к полярному восприятию их образов, менее фиксируют негативные свойства «врагов». Полученные данные уточняются в течение основного эмпирического исследования.

Библиографический список

1. Аванесян М.О. Психологические механизмы понимания и создания метафоры: автореф. дис... канд. психол. наук. СПб., 2013.
2. Бочавер А.А. Метафора как способ внутренней репрезентации жизненного пути человека: дис.... канд. психол. наук. М., 2010.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
4. Липская Т.А. Метафора как средство изучения школьных страхов детей младшего школьного возраста: автореф. дис... канд. психол. наук. М., 2013.
5. Снарев Д.С. Метафора как средство создания образа в рекламном дискурсе // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-7.
6. Indurkha V. Emergent representations, interaction theory and the cognitive force of metaphor // August 2006, *New Ideas in Psychology*, vol. 24, Issue 2.
7. Landau M.J., Vess M., Arndt J., Rothschild Z.K., Sullivan D., Atchley R.A. Embodied metaphor and the «true» self: Priming entity expansion and protection influences intrinsic self-expressions in self-perceptions and interpersonal behavior // *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 47, Issue 1, January 2011.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМОЖНЫХ «Я» У СУБЪЕКТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПОЛНОЦЕННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Василевская Е.Ю.

Ключевые слова: субъект, Я личности, полноценное функционирование личности.

Современная социокультурная реальность задает новые контуры понимания и исследования проблемы личности в психологии. Одним из векторов новых направлений осмысления является уточненное представление о Я-концепции как о гибком, изменяющемся с течением времени комплексе представлений человека о себе, включающем в себя не только реальные образы себя (реальные «Я»), но и вероятные, потенциальные – возможные «Я». Впервые возможные «Я» были подробно описаны в публикации Х. Маркус и П. Нуриус в 1986 году [1]. Исследовательницы понимали возможные «Я» как представления человека о том, каким он хотел бы стать, мог бы стать или боится стать в будущем. Возможные «Я» - это своеобразные мосты между настоящим и будущим, между

тем, что есть и тем, что будет, это когнитивные репрезентации важных для человека целей, стремлений, надежд, опасений. Соответственно, первой особенностью возможных «Я» является индивидуальная значимость представленных в них образов себя в будущем [1]. Второй характеристикой возможных «Я» является природа их генезиса – они формируются в определенном социокультурном контексте [1; 2]. Совершенно очевидно, что в разных обществах, в разных культурах существуют свои представления о том, на что следует надеяться и чего следует опасаться, соответственно, индивид в процессе социализации усваивает эти представления, формируя свой репертуар возможных «Я».

Изучая возможные «Я», исследователи обращаются не только к анализу актуальных представлений человека о себе в будущем, но и рассматривают потерянные возможные «Я», те образы себя в будущем, которые были прежде значимы для индивида, но в силу определенных обстоятельств не были реализованы [3; 4]. Например, в одном из исследований анализировались потерянные возможные «Я» у лиц гомосексуальной ориентации, которые ранее еще не определились со своей сексуальной ориентацией, и представляли себя в будущем как лиц гетеросексуальной ориентации [3]. Было показано, что наличие этих потерянных возможных «Я» способно оказывать негативное влияние на субъективное благополучие личности, если субъект видит в них большую ценность, много размышляет о них, и не может до конца принять те изменения, которые произошли в его жизни. В то же время в этом исследовании было отмечено, что богатое, насыщенное описание потерянных возможных «Я» связано с высоким уровнем развития эго. Похоже, что респонденты, которые принимают себя и свою жизнь, спокойно переживают происходящие изменения, способны обращаться к своим потерянным образам будущего и не испытывать при этом чувств сожаления или тоски. Однако это предположение требует дальнейшей эмпирической проверки.

В данном исследовании мы предприняли попытку изучить подробнее особенности потерянных возможных «Я». Мы не стали ограничиваться специфическими выборками (лица гомосексуальной ориентации), а обратились к анализу широкого спектра возможных «Я» у широкого круга субъектов. В этой статье мы приведем результаты части исследования – анализа особенностей, потерянных возможных «Я» у лиц с разным уровнем полноценного функционирования.

Уровень полноценного функционирования – это важная характеристика субъекта в гуманистической теории личности К. Роджерса [5]. По мнению К. Роджерса, полноценно функционирующий человек «возникает» в результате успешного прохождения курса психотерапии и характеризуется следующими чертами: открытость опыту, присутствие в настоящем, доверие организму, эмпирическая свобода, креативность. Соответственно, можно представить некоторые континуум полноценного функционирования, крайними точками которого будут ситуации человека с низким уровнем полноценного функционирования и ситуации человека с высоким уровнем полноценного функционирования. На наш взгляд, специфика этого конструкта порождает интересные вопросы об особенностях потерянных возможных «Я» у лиц с разным уровнем полноценного функционирования, которые можно сформулировать следующим образом: Имеет ли полноценно функционирующий человек потерянные возможные «Я»? Как он к ним относится в отличие от человека с низким уровнем полноценного функционирования?

В исследовании использовались следующие методы: полуструктурированное интервью, с помощью которого были получены нарративы респондентов, описывающие их потерянные возможные «Я», и авторский опросник оценки уровня полноценного функционирования, предварительно прошедший апробацию и экспертную оценку. Всего в исследовании приняли участие 20 человек, 10 женщин и 10 мужчин, средний возраст респондентов составил 23 года. Благодаря опроснику оценки уровня полноценного функционирования выборку удалось разделить на три группы – с высоким, умеренным и низким уровнями полноценного функционирования. Ниже представлены особенности потерянных возможных «Я» лиц с высоким и низким уровнями полноценного функционирования.

В группе с высоким уровнем полноценного функционирования нарративы респондентов имеют либо нейтральный, либо пессимистичный тон повествования. Размышления о потерянных возможных «Я» являются короткими и неэмоциональными, преимущественно связаны с учебно-профессиональной сферой. В группе с низким уровнем полноценного функционирования, напротив, большинство нарративов имеют оптимистичный тон повествования. В нарративах о потерянных возможных «Я» респонденты повествуют об идеальной жизни, в которой сбылись их мечты, они смогли почувствовать себя счастливыми. Нарративы наполнены переживаниями радости, гордости, интереса, широко различаются по сферам жизни – межличностная, учебно-профессиональная и др. Возмож-

но, эти респонденты не удовлетворены своей жизнью и склонны идеализировать потерянные, упущенные возможности, получая тем самым шанс в воображении испытывать позитивные эмоции.

Результаты позволяют сделать вывод о том, что размышления о потерянных возможных «Я» преимущественно свойственны людям с низким уровнем полноценного функционирования, которые не удовлетворены своей жизнью. Люди с высоким уровнем полноценного функционирования, думая о потерянных возможных «Я», склонны «принимать» свое прошлое, не погружаясь в него и не сожалеея о нем.

Библиографический список

1. Markus H., Nurius P. Possible selves // American psychologist. 1986. Vol.41. №9.
2. Oyserman D., Gant L., Ager J. A Socially Contextualized Model of African American Identity: Possible Selves and School Persistence // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol.69. №6.
3. King L.A., Smith N.G. Gay and Straight Possible Selves: Goals, Identity, Subjective Well-Being, and Personality Development // Journal of Personality. 2004. Vol.72. №5.
4. King L.A., Raspin C. Lost and Found Possible selves, Subjective Well-Being, and Ego Development in Divorced Women // Journal of Personality. 2004. Vol.72. №3.
5. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ С ГОРОДОМ¹

Литвина С.А., Муравьева О.И., Богомаз С.А.

Ключевые слова: идентичность, городская идентичность личности, самодетерминация и самоидентичность.

Сегодня проблема идентичности вновь стала предметом значительного интереса в научном сообществе, рассматриваются как теоретические аспекты проблемы, так и анализируются, и обобщаются получаемые эмпирические данные [1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 11, 12]. Важность исследования этой проблемы определяется сегодня, в том числе и тем, что идентичность является важным фактором поддержания психологического благополучия личности или же, наоборот, развития дезадаптивных тенденций [7]. Одним из актуальных аспектов проблемы идентичности сегодня становится вопрос об идентичности со средой проживания, в частности, идентичности с городом. Вместе с тем, психологических исследований личностных факторов идентичности с городом, которые рассматриваются в современных исследованиях в связи с позитивным функционированием человека, не проводилось.

Важность обсуждения заявленного аспекта проблемы идентичности во многом обусловлена и современным социальным контекстом. «Психологическая нагрузка», обусловленная, по мнению философов, культурологов и социологов, множественной идентичностью современного человека, увеличивается в нашей стране еще и ситуацией постоянных изменений и реформ, усиливающих процессы психологической и личностной дезинтеграции человека. При том, что в контексте задач инновационного развития страны, чрезвычайно важной становится воля человека к социально-ценному действию и организации пространства жизни как пространства своего бытия, выступающих факторами не только пользования, но и создания, преобразования среды жизни.

Целью нашего исследования является выявление взаимосвязей городской идентичности с ценностями как содержательными личностными характеристиками и такими динамическими ее характеристиками (характеристиками личностного потенциала), как особенности самодетерминации личности и самоорганизации деятельности.

Ответы на эти вопросы, с одной стороны, будут способствовать расширению научных представлений о феномене средовой самоидентичности, с другой стороны, позволят внести вклад в развитие представлений о психологических факторах идентичности в контексте таких новейших направлений, как позитивная психология [9,14], психология возможностей [5]. Что, в свою очередь, даст возможность глубже понять отношения человека со своим социокультурным окружением.

Для получения первичных данных об идентичности респондентов с городом был использован опросник Шкала идентификации с городом М.Лалли [7], для определения ценностных оснований – опросник СОРБЦ С.А. Богомаза [3]; для выявления параметров личностного потенциала – Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (адаптация Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина) [5], Шкала самодетер-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-06-10803.

минации личности Б.Шелдона (адаптация и модификация Е.Н.Осина) [5] и Опросник самоорганизации деятельности Е.Ю.Мандриковой [6].

Статистический анализ полученных данных осуществлялся при помощи программы SPSSStatistics 19, был использован коэффициент линейной корреляции Пирсона.

Чтобы, насколько это возможно, нивелировать фактор размера и статуса города, исследование проводилось в двух городах Сибирского региона – Тогучин Новосибирской области (малый город; население 21 530 человек на 2015 г.), Томск (крупный город; население 569 428 человек на 2015 г.). Сбор данных осуществлялся весной 2016 г. Выборка составила 60 человек (30 – из Тогучина, 30 – из Томска). Демографические характеристики выборки: возраст респондентов, проживающих в Тогучине – от 20 до 60 лет (средний возраст – 41 год), из которых 24 женщины (80%) и 6 мужчин (20%); возраст респондентов, проживающих в Томске – от 20 до 58 лет (средний возраст – 32 года), из которых 13 женщин (43,3%) и 17 мужчин (56,7%). Время проживания респондентов в городе – от 2 до 58 лет: т.е. в исследовании участвовали как коренные жители, так и приезжие.

Приведем основные результаты исследования.

Из всех демографических характеристик существенной для идентификации с городом оказалась только одна – это время проживания в нем. Значения времени проживания дали статистически значимые положительные корреляции с показателями по шкале Связь с прошлым опросника М.Лалли ($r = 0,3142$, $p = 0,015$). Подтвердился достаточно очевидный факт: чем дольше человек живет в городе – тем больше воспоминаний о прошлом с ним связывает, тем лучше его знает, тем сильнее к нему привязан и тем меньше представляет свою жизнь в другом городе. Полученные данные проясняют также и то, что время жизни в городе не обеспечивает ни осознания важности города в повседневной жизни человека, ни ощущения сильной связи с ним, ни желания остаться в нем и связывать с ним свое будущее.

В результате анализа взаимозависимости содержательных аспектов идентификации с городом и показателей удовлетворенности жизнью (Шкала Э. Динера) и самодетерминации человека (опросник Б.Шелдона) было выяснено, что ее нет. Полученные статистические данные позволяют утверждать, что переживание самотождественности, соответствия проживаемой жизни своим подлинным желаниям и стремлениям, осознание возможности выбора в собственной жизни, и в целом, принятия на себя ответственность за нее, не связаны с восприятием городской среды, личным опытом жизни в конкретном городе, привязанностью к нему и планированием своего будущего в этом городе.

При этом особенности самоорганизация деятельности как стратегии и тактики обращения со временем своей жизни и важной составляющей жизнедеятельности современного человека, показателя его личной эффективности, оказались связанными с отдельными содержательными аспектами идентификации с городом. Значимыми личностными характеристиками для позитивной идентификации с городом оказались настойчивость и плановость. Значения по шкале Настойчивость (опросник Е.Ю.Мандриковой) дали статистически значимые положительные корреляции с показателями по шкале Целеполагание (опросник М.Лалли) ($r = 0,3415$, $p = ,008$). Можно говорить о том, что у людей с выраженной способностью организовать собственную поведенческую активность, усилием воли завершать начатые дела, выше готовность связывать свое будущее с тем городом, в котором они живут.

Оказалось, что именно способность преодолевать препятствия, не теряться при столкновении с трудностями, особенно неожиданными, а достигать намеченной цели, связана с восприятием предстоящих изменений в городе как тех, которые окажут положительное влияние на жизнь, и обеспечивают желание остаться в своем городе, что бы ни случилось. Также значения по шкале Плановность (опросник Е.Ю.Мандриковой) дали статистически значимые положительные корреляции с показателями по шкале Восприятие близости (опросник М.Лалли) ($r = 0,2599$, $p = ,045$). Таким образом, если у человека сформирована потребность в постоянном осознанном планировании деятельности, планы детализированы, действенны и устойчивы, а цели деятельности выдвигаются самостоятельно, то человек скорее воспринимает свой город как крайне важный в своей повседневной жизни. Развитые навыки планирования, привычка задумываться о своем будущем связаны с личным сильным переживанием близости с городом, в котором живет человек, острым чувством связи с ним и принадлежности к нему. Можно предположить, что чувство близости с городом возникает как результат приложенных усилий, освоения городского пространства в процессе реализации своих планов и достижения значимых целей.

И напротив, неготовность человека ставить цели, встречаться с трудностями и преодолевать препятствия, связана с низкой оценкой роли города в его планах на будущее, возможно, как проявление

ние стремления найти объяснение своих затруднений во внешних обстоятельствах, в частности, особенностях города, городской среды.

При анализе взаимосвязей показателей идентичности с городом и оценки реализуемости ценностей в среде города были обнаружены значимые корреляции показателей по четырем из пяти шкал опросника М. Лалли – Внешняя ценность, Связь с прошлым, Восприятие близости, Целеполагание со шкалами методики СОРБЦ. Шкала Целеполагание, вопросы которой содержательно связаны с представлениями о возможном будущем, о целях, которые должны реализоваться, коррелирует с оценкой реализуемости ценностей «иметь работу» ($r = 0,2589$, $p = ,046$), «стать профессионалом» ($r = 0,3225$, $p = ,012$), «найти смысл жизни» ($r = 0,2670$, $p = ,039$). То есть, можно говорить о том, что люди высоко оценивают роль города в своих планах на будущее и демонстрируют убежденность в том, что предстоящие изменения в городе окажут положительное влияние на их жизнь главным образом тогда, когда они видят возможность в городе достичь успехов в выбранном деле. Показатель Внешней ценности города, характеризующий аут-групповые и ин-групповые стереотипы о преимуществах жизни в конкретном городе, оказался связан с оценкой реализуемости ценностей «иметь хорошую работу» ($r = 0,3978$, $p = ,002$), «достичь успехов в карьере» ($r = 0,2712$, $p = ,036$), «быть свободным» ($r = 0,2827$, $p = ,029$), «жить полной жизнью» ($r = 0,3366$, $p = ,009$), «найти смысл своей жизни» ($r = 0,3929$, $p = ,002$).

Выделенные ценности указывают на те характеристики, которые рассматриваются людьми при сравнении одного города с другим и оцениваются как наиболее важные: это – возможность осмысленной, полной жизни, обеспеченной внешними достижениями, социальным признанием, успехом. Высокая оценка возможности «стать профессионалом» в своем городе ($r = 0,2550$, $p = ,049$) определяет и более сильную Связь с прошлым (человек не представляет своей жизни в другом городе, потому что здесь получил слишком много). Восприятие близости с городом, чувство принадлежности связано с возможностью «найти смысл жизни» ($r = 0,2603$, $p = ,045$). Таким образом, субъективная оценка реализуемости ценностей в среде города является существенным фактором идентификации с городом. Сила связи между человеком и городской средой, благодаря которой город становится обобщенным символом индивидуального опыта, определяется в первую очередь оценкой возможности в нем самореализации и самоутверждения.

Обобщая, можно сказать, что анализ взаимосвязей городской идентичности с ценностями как содержательными характеристиками личности такими динамическими ее характеристиками (характеристиками личностного потенциала), как особенности самодетерминации самоорганизации деятельности, показал, что идентичность обеспечивается оценкой возможности самореализации в городе, а также планомерностью и настойчивостью как динамическими личностными чертами.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. № 6(20),
2. Белинская Е.П. Динамика представлений человека о себе: история изучения и современное состояние проблемы // Психология и психотехника. 2013. № 4.
3. Богомаз С.А., Мацута В.В. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Сибирский психол. журнал. 2012. № 46.
4. Богомаз С.А., Литвина С.А., Муравьева О.И. Ценностные основания идентичности с городом // Психология когнитивных процессов / под ред. В.В. Селиванова. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015
5. Леонтьев Д.А. Подход через позитивные черты личности: от психологического благополучия к добродетелям и силам характера // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.
6. Мандрикова Е.Ю. Опросник самоорганизации деятельности. М.: Смысл, 2007.
7. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб.: Изд-во РГПУ, 2008.
8. Муравьева О.И., Литвина С.А., Богомаз С.А. Средовая идентичность: содержание понятия // Сибирский психологический журнал. Вып. №58. 2015.
9. Селигман М.Э.П. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни – М.: «София», 2006.
10. Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода // Психологические исследования. 2012. 5(26).

11. Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. 2012. № 1.
12. Clayton S., Opatow S. Identity and the natural environment: The psychological significance of nature. MIT Press, Cambridge, MA, 2003.
13. Dono J., Webb J., Richardson B. The relationship between environmental activism, pro- environmental behavior and social identity // Journal of Environmental Psychology. 2010. Vol. 30.
14. Ryan R.M. & Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. American Psychologist, 2000, 55.

НЕУДАЧНЫЙ ЖИЗНЕННЫЙ СЦЕНАРИЙ В ЛИЧНОСТНЫХ СМЫСЛАХ

Макаревская Ю.Э., Нещеретняя М.С.

Ключевые слова: биография, жизненный сценарий, личностный смысл

Родоначальниками теории жизненного сценария являлись Э.Берн. Постепенно концепция сценария заняла одно из важных мест теории транзактного анализа и в настоящий момент является, наряду с моделью личности, основанной на состояниях Я, центральной идеей транзактного анализа [11, с.17].

Понятие-метафору «сценарий» Э. Берн. понимал как «... постепенно развертывающийся жизненный план, который формируется еще в раннем детстве в основном под влиянием родителей. Этот психологический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора» [3].

Кроме того, Берн подчёркивал бессознательный характер жизненного плана личности, который «подкрепляется родителями, оправдывается ходом событий и достигает пика при выборе пути». Данная идея заключается в том, что детские воспоминания отражаются в дальнейшем на пути жизни взрослых людей.

Э. Берн выделяет следующие типы сценариев, или «скриптов»: счастливики, трудяги и неудачники. По мнению Берна, скрипты предназначены на всю жизнь. Они базируются на детском решении и программировании, после чего подкрепляется. Скрипт включает в себя обязательно родительские указания, которые соответствуют развитию личности, необходимое детское решение, приверженность к одному методу достижения успеха или провала и аргументированную позицию [4, с.64].

В дальнейшем концепцию Э. Берна развил Клод Штайнер. В своей работе «Сценарии жизни людей» он систематизировал идеи, изложенные ранее Э. Берном и разделил сценарии на три группы: «без любви» (безуспешный поиск близких отношений), «без радости» (отчуждение телесных ощущений), «без разума» (не мыслить самостоятельно).

Варианты и факторы формирования сценария многочисленны, однако в любом случае упоминается влияние родителей, воспитателей и значимых других (Э. Берн, К. Штайнер, С. Гроф, А. Адлер, К. Хорни и др.). Считается, что усвоенные с детства смыслы и нормы окружающей действительности заложены в жизненных сценариях личности.

Отечественная психология в рассмотрении проблемы планирования жизненного сценария личности, представляет его как смысловую систему, зависящую не только от социального влияния, а также и определяемую самой личностью. К изучению жизненных сценариев личности имели отношение такие отечественные психологи как Б. Г. Ананьев, Р. А. Ануфриева, С. Л. Рубинштейн, Ю. М. Резник, Н. А. Рыбников, К. А. Абульханова-Славская, Л. Н. Коган, А. А. Кроник, Т. Н. Березина, Е. И. Головаха, Н. В. Гришина, В. Н. Дружинин, Л.В. Сохань и др.

В теории жизнотворчества Л.В. Сохань выделено предположение о жизни человека как процессе творческом и индивидуальном. Планируя и осуществляя свой жизненный сценарий, личность овладевает искусством жить, то есть определенным умением, основывающемся на глубоком понимании жизни, развитием сознания и овладении набором средств, методов и техникой жизнотворчества. Жизнотворчество является способом решения жизненных задач. Это обеспечивает процесс упорядочивания личностного жизненного сценария, процесс ее самосовершенствования.

В работах как отечественных ученых, изучался жизненный сценарий во взаимосвязи с уровнем эффективности учебно-трудовой деятельности учащихся школ [9], вузов [8], сотрудников организаций [7]. Исследовалась особенность межпоколенных жизненных сценариев женщин, в том числе спе-

цифическое содержание жизненных сценариев женщин в условиях переживания ими кризисных ситуаций [6].

В целом, можно сказать, что жизненный сценарий определен в качестве категории, которая определяет направленность поведения личности, это форма и система представлений личности о своем жизненном пути, задающая определенную последовательность событий. Предполагается так же, что в смысловых представлениях личности есть некоторая судьбоносная родовая программа, оказывающая влияние на жизнь и выборы человека.

Несмотря на достаточно обширную разработку понятия жизненного сценария, определение его как социально-психологического феномена личности по-прежнему остается научной проблемой. Именно многомерность и междисциплинарность этого понятия обуславливает большое количество подходов к его пониманию.

Мы столкнулись с проблемой определения понятия «неудачный жизненный сценарий». Для конкретизации данного понятия было проведено исследование с целью определить смысловые категории, описывающие представления личности о неудачном жизненном сценарии.

Исходя из того, что личностный смысл жизненного сценария – это его субъективно воспринимаемая значимость для индивида, мы задавали 2 вопроса: что такое неудачный жизненный сценарий (дать определение) и что из себя представляется неудачный жизненный сценарий (описать, назвать ассоциации).

С определением неудачного жизненного сценария наблюдался разброс мнений от лаконичного «недовольство собой», до более развёрнутых «это порядок событий в жизни человека, когда он в ситуации выбора поступает в соответствии со своими усмотрениями» или «...если вернуть жизнь как киноленту назад, я прожил бы её иначе», «неумение достигать поставленных целей и задач», «всё, что было запланировано, мечты, фантазии, планы – ничего не осуществилось» и т.п.

Описательные характеристики неудачного жизненного сценария далее обрабатывались посредством частотного и контент анализа.

В результате выделены такие категории: здоровье – называли 100% опрошенных; семья – 94,1%; отношения – 82,3%; работа (профессия, проф. образование) 70,6%; личность, саморазвитие – 64,7%; социальный статус, достижения – 58,8%.

Признаки неудачного жизненного сценария в категории «здоровье»: зависимости (алкоголизм, наркомания), болезни, мешающие жизни, вредный образ жизни.

Семья: отсутствие или неблагополучная семья, развод, неудачный выбор спутника жизни, брак по расчёту, эмоционально холодные родители.

Работа: безработица, невостребованность, работа, которую не хотел, профнесостоятельность, обучение не там, где хотел, неправильный выбор профессии, нет карьеры.

Отношения: нет друзей, одиночество, не общаться с близкими родственниками, отношения на обмане, предательство, измена.

Личность: жить без цели, ориентиров, потерять надежду, заниматься самобичеванием, недовольство собой, не слышать голос разума, негативное восприятие мира, вечное постоянство, отсутствие личных достижений, ограничение своих желаний.

Социальный статус, достижения: низкий социальный статус, неудачные попытки вписаться в контекст удачной жизни, не сделал ничего полезного, другие контролируют твою жизнь, финансовая нестабильность, нищета.

Таким образом, в рейтинге выделены показатели, которые однозначно, в понимании, осмыслении жизненного пути личности могут отнести того или иного субъекта к людям, имеющим неудачную биографию и наоборот, видимо, их отсутствие предполагает различные варианты жизни с надеждой на благополучный сценарий. Однако данный аспект требует дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Артамонова Е.И., Екжанова Е.В., Зырянова Е.В. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / под ред. Силаевой Е.Г. М.: Издательский центр «Академия», 2002.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Издательство Эксмо, 2014.
4. Берн Э. Трансакционный анализ и психотерапия. СПб.:, 1994.
5. Волкова И.В. «Жизненные сценарии как психологическая проблема». Смоленск, 2004.

6. Гришина Н. В. Жизненные сценарии : нормативность и индивидуализация // Психологические исследования. 2011. № 3(17).
7. Кузнецова Н. В. Индивидуально-типологические комплексы жизненного сценария и стратегических менеджерских способностей: дис. ... канд. пед. наук. Уфа, 2004.
8. Плоткина Л. Н. Психолого-педагогические факторы и сценарии профессионально-личностного становления студентов ИТ-специальностей: дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2011.
9. Степанян Ж. Р. Экологическое образование как условие формирования позитивного «жизненного сценария» подростков в предпрофильной и профильной подготовке в школе: дис. ... канд. пед. наук. М., 2009.
10. Стюарт Й., Джойнс В. Жизненный сценарий, как мы пишем историю своей жизни. Киев: 2000.
11. Стюарт Я., Джойнс В. Современный транзактный анализ. СПб., 1996.
12. Штайнер К. Сценарии жизни людей. Школа Эрика Берна. СПб., Питер, 2003.

СЕЛФИ КАК СПОСОБ ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Марьяненко Д.А., Сибирко А.С.

Ключевые слова: визуальная коммуникация, интернет-пространство, селфи, самопрезентация личности.

На сегодняшний день увлечение селфи приобрело массовый характер, в том числе среди высокопоставленных лиц правительства различных стран. Практически каждый человек знает значение этого слова. В 2013 году сотрудники Оксфордского университета назвали селфи словом года в связи с ростом использования данного термина. На пике популярности феномена селфи в 2014 году вышел молодежный сериал «Селфи», описывающий все проблемы современной молодежи, где каждый шаг своей жизни актеры фиксируют снимком и загружают фотографии в социальные сети.

Сленговое слово селфи (англ. selfie) англосаксонского происхождения. Русские эквиваленты селфи – «себяшка», «самострел», «самощелк» – пока считаются просторечными. Селфи понимается как автопортрет, заключающаяся в запечатлении самого себя на фотокамеру. Особенность данного автопортрета состоит в том, что чаще всего он выполняется с расстояния вытянутой руки, с помощью монопода (палки для селфи) или через зеркало. Большинство исследователей полагают, что селфи является современным способом самопрезентации в пространстве интернет-коммуникаций. Так Д.В. Погонцева и Е.А. Гринькова отмечают, что феномен селфи связан аспектом презентации себя для Другого [1; 3]. По мнению Дж. Восэм, селфи – «...это борьба человека за то, чтобы предьявить себя окружающему миру, при этом, важно именно отразить себя «здесь и сейчас», донести до зрителя определенный момент своей жизни и свое отношение к нему, поскольку "фотография зачастую лучше любого текста"» [3]. Таким образом, селфи – это один из способов визуальной коммуникации с другими членами виртуального сообщества и также важная составляющая «визуальной социально-психологической» истории отдельного человека.

Сегодня у селфи есть много сторонников и почитателей. Так защитники селфи, считают, что это путь к выздоровлению человека. Селфи может помочь человеку принять себя со всеми недостатками и изъянами, позволяет жить открыто и демонстрировать себя. Кроме того, К. Диль, Г. Цауберман, А. Барашпришли к выводу, что фотографирование какого-либо процесса может увеличивать удовольствие от него [4]. Критики данного феномена говорят о том, что селфи приучает к поверхностному восприятию реальности. Сегодня даже катастрофа, преступление или смерть становятся не более чем декорацией для удачного снимка. При этом в СМИ все чаще звучит точка зрения, что селфи может иметь разрушительные последствия для психики человека. Н. Берлатский справедливо отмечает, что селфи, «...являясь автопортретом, по сути всего лишь жанр фотографии, который, как и любой жанр не может быть плохим или хорошим, но может быть выполнен плохо или хорошо; и также, как и любой популярный жанр не может быть симптомом для какого-либо диагноза человека, но может быть симптомом для определения современной культуры и социума» [3].

Антрополог Дж. Оуллет «...считает селфи виртуальным аналогом материальных тотемов в первобытных обществах. Цель их – синтезировать внутренний мир с внешним. Это одна из форм личного перформанса, заявление о самоидентичности, возможность «упаковать» себя и свой мир в правильную обертку, даже если в реальности все по-другому» [2]. Таким образом, «селфи – попытка

найти свою идентичность, создать новые образы своего личностного «я», определить и переопределить уже сложившееся мнение о себе» [2].

Несмотря на то, что сегодня увлечение селфи стало очень популярным среди молодежи, эта область исследований в современной психологии мало изучена. Целью нашего эмпирического исследования стало выявление особенностей личности, увлекающейся созданием селфи. В исследовании приняли участие 32 учащихся 10-11 классов средней школы в возрасте от 16 до 18 лет. Для достижения поставленной цели использовались анкета, личностный опросник ЕРІ (методика Г.Айзенка), шкала одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона (модификация Пергаменщика Л.А., Лепешинского Н.Н.), методика исследования самооценки личности С.А. Будасси.

Рассмотрим основные результаты нашего исследования. Согласно данным анкеты 72% респондентов делают селфи. 60% учащихся публикуют свои фото в социальных сетях. При этом девушки и юноши, увлекающиеся селфи, выкладывают в интернет намного больше фотографий по сравнению с теми, кто вообще не фотографирует себя. Большинство респондентов относятся к феномену «селфи» положительно, они рады, что есть возможность фотографировать себя самому (самой). 78% респондентов считают, что создание селфи дает возможность посмотреть на себя с другой стороны. По результатам анкетирования учащиеся были разделены на 3 группы: в первую группу вошло 28% респондентов – те, кто не делает селфи вообще; во вторую – 31% – те, кто делает селфи редко; в третью – 41% человек, кто делает селфи часто (несколько раз в день).

Проанализировав результаты теста Г.Ю. Айзенка, было установлено, что учащиеся, которые часто делают селфи имеют более высокий уровень экстраверсии и нейротизма, в отличие от тех, кто вообще не фотографирует себя. Оказалось, что респонденты, увлекающиеся селфи, характеризуются экстраверсией и эмоциональной неуравновешенностью, а респонденты, не увлекающиеся селфи – интроверсией и эмоциональной уравновешенностью.

Согласно данным по шкале одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона респонденты, которые часто делают селфи, имеют высокий уровень одиночества, а те, кто не делает селфи вообще – средний уровень одиночества. Переживание одиночества связано с субъективным неблагоприятным состоянием человека. Одиночество соотносится с выраженным эмоциональным дискомфортом. У людей, увлекающихся селфи, возможно наличие комплекса неполноценности, они, скорее всего, не удовлетворены собой или своим положением, лишены доверия к окружающим и надежды на будущее, испытывают трудности в контроле своих эмоций, неуравновешенны, постоянно беспокоятся по поводу реальных и воображаемых неприятностей. Такие люди склонны преувеличивать ценность своего «Я». По методике исследования самооценки личности С.А. Будасси различий между контрастными группами не было выявлено.

Сегодня визитной карточкой современной молодежи становится селфи, увлечение которым стало очень модным. Селфи становится возможностью самоутвердиться в бытии. Большинство исследователей, изучающих данный феномен, рассматривают селфи как способ самопрезентации личности в интернет-пространстве. В нашем исследовании выявлено, что молодые люди, увлекающиеся селфи, характеризуются экстраверсией, нейротизмом и высоким уровнем одиночества.

Библиографический список

1. Гринькова Е. А. Особенности самопрезентации молодежи юга России в социальных сетях // ScienceTime. 2014. №12 (12).
2. Кислых Д.Н. Селфи: к постановке проблемы. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1444770526>.
3. Погонцева Д. В. Selfie как современный социально- психологический феномен // Концепт. 2013. № 12 (декабрь).
4. Diehl, K., Zauberger, G., & Barasch, A. (2016, June 6). How Taking Photos Increases Enjoyment of Experiences. Journal of Personality and Social Psychology Advance online publication. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/pspa0000055>.

ФОРМЫ ЛИЧНОСТНОЙ ЗАЩИТЫ КАК ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОСТИ

Негрий В.А.

Ключевые слова: личностные защиты, развитие субъектности, дезадаптация.

В настоящее время отечественное образование претерпевает существенные изменения. Каждое новое поколение образовательных стандартов всё больше обращает внимание на повышение важно-

сти учёта психологических факторов развития личности. Поэтому одной из актуальных задач, стоящих перед педагогической психологией, является изучение внутренних психологических факторов учащихся, влияющих на образовательный процесс, т.е. влияющих на формирование субъектности [1]. Учёт таких индивидуальных особенностей учащихся позволяет адекватно организовывать учебную деятельность и тем самым влияет на её успешность.

Среди важных индивидуальных особенностей человека, влияющих на все стороны его жизни, является психологическая защита личности. Формы психологической защиты определяются как совокупность действий, нацеленных на уменьшение или устранение любого изменения, угрожающего цельности и устойчивости биопсихического индивида. Они могут, как способствовать развитию и устойчивости личности, так и приводить к дезорганизации и дезадаптации в зависимости от их внутренней структуры, динамичности, уровня культурно-символической и социальной опосредствованности и их зрелости [4]. Они влияют на все стороны психики, стремясь сохранить комфортный способ существования и его неизменность. Обучение представляет собой процесс, приводящий к изменениям в психике учащегося. Поэтому есть основание предположить, что в ряде случаев нарушения учебной деятельности вызваны действием определенных форм психологической защиты. Их функционирование непременно оказывает влияние на обучение, а динамичность и изменчивость может позволить преодолеть проблемы в обучении.

Целью настоящего исследования является изучение особенностей психологической защиты учащихся с разной академической успеваемостью, а также анализ форм психологической защиты во взаимосвязи с уровнем развития интеллекта.

Традиционно диагностика личностной защиты проводилась с помощью проективных методов, но многие авторы пишут о недостаточной объективности проективной техники [3]. В последние десятилетия диагностика психологической защиты личности в России все чаще проводится с помощью стандартизованных опросников зарубежных авторов. Но современные проверки психометрической и содержательной обоснованности российских версий таких опросников говорят об их недостаточной проработанности и адаптации [3]. Поэтому создание качественного диагностического аппарата для изучения форм психологической защиты остается актуальным.

Для изучения форм личностной защиты на первом этапе исследования использовался исследовательский опросник «ЗМЛО», разработанный В.А. Негрий и Д.А. Титковым [2,6]. Данный опросник состоит из 25 шкал (защитные механизмы личности - далее ЗМЛ) и 2 служебных (шкала лжи и шкала неуверенности) - по 5-6 утверждений на каждую шкалу (всего 120 утверждений). Для ответов применяется шкала Лайкерта с 5 градациями. Для проведения исследования использовался сервисный модуль для создания многомерных опросников системы HT-line [ht-line.ru] профессора МГУ А.Г. Шмелева. Значения методики представлены в линейных стенах, рассчитанных с использованием теоретических значений математического ожидания и стандартного отклонения, чтобы сохранить показатель количества положительных ответов по каждой шкале. С момента запуска проекта опросник заполнило около 2000 человек, была получена обширная статистика, что позволило проанализировать вопросы, шкалы и внести некоторые доработки.

В исследовании взаимосвязи форм личностной защиты и академической успеваемости участвовали 97 школьников в возрасте 15-18 лет из четырех средних учебных заведений: ГБОУ СОШ №1294 и ГАОУ СПО Колледж предпринимательства №11 г. Москвы, ЭСОШ №75 и ЭСОШ №82 г. Черноголовки. Все испытуемые прошли опросник «ЗМЛО», в качестве показателя успеваемости использовался средний балл, полученный как среднее арифметическое четвертных оценок.

Для анализа данных использовался линейный регрессионный анализ методом шагового отбора. Были проанализированы данные по всем респондентам вместе и отдельно по школам. Школы г. Черноголовки исследовались вместе в силу небольшого числа выборки. Во всех случаях F-статистика Фишера значима на уровне $p < 0,001$. Ниже описаны предикторы успеваемости на уровне значимости $p < 0,05$. Стандартизованные коэффициенты регрессии β обозначают величину и знак вклада этого предиктора.

По результатам всех респондентов (97 человек) ЗМЛ «идентификация» ($\beta = 0,212$), «аннулирование» ($\beta = 0,203$) и «всемогущий контроль» ($\beta = 0,165$) более свойственны учащимся с хорошей успеваемостью, а «расщепление» ($\beta = -0,471$) и «отрицание» ($\beta = -0,31$) – с плохой успеваемостью. В СОШ №1294 (35 человек) механизм защиты «идентификация» ($\beta = 0,248$) используют скорее хорошо успевающие учащиеся, а «отрицание» ($\beta = -0,557$) и «расщепление» ($\beta = -0,466$) – плохо успевающие. Для учащихся колледжа предпринимательства №11 (36 человек) с хорошей успеваемостью более свойственны ЗМЛ «идентификация» ($\beta = 0,613$) и «интеллектуализация» ($\beta = 0,353$), а «поворот про-

тив себя» ($\beta = -0,294$), «расщепление» ($\beta = -0,53$) и «отрицание» ($\beta = -0,28$) – с плохой успеваемостью. Для учащихся ЭСОШ №75 и ЭСОШ №82 (27 человек) с хорошей успеваемостью более характерно использование механизма защиты «аннулирование» ($\beta = 0,595$) и механизма «обесценивание» ($\beta = -0,338$) – для учащихся с плохой успеваемостью.

Испытуемыми второго этапа исследования выступали учащиеся 9-11 классов общеобразовательной школы «Гимназия имени Подольских курсантов» г. Климовска Московской области (120 человек – 68 девочек и 52 мальчика). В качестве показателя успеваемости взяты среднее арифметическое четвертных оценок учеников, полученные за два года обучения. Старшеклассники условно были поделены на две группы: в первой группе - показатель академической успеваемости находится ниже среднегрупповой оценки, во второй группе – показатель находится выше среднегрупповой оценки.

Для исследования интеллекта старших школьников использовался краткий ориентировочный тест (КОТ). Для определения защитных механизмов личности, используемых испытуемыми, был использован опросник защитных механизмов личности (ЗМЛО), разработанный В.А. Негрий и Д.А. Титковым. Расчёты проводились в программе SPSS 21.

Корреляция показателя уровня развития интеллекта и академической успеваемости по всем испытуемым составила 0,423 по Пирсону. То есть уровень интеллекта играет значительную роль в успеваемости.

Корреляционный анализ всех полученных данных показал на уровне значимости 0,05: старшеклассники, уровень развития интеллекта которых ниже среднего показателя, склонны использовать такие защитные механизмы как «обесценивание» (-0,234), «рационализация» (-0,289) и «морализация» (-0,204). Анализ не показал значимой связи между формами личностных защит и высоким уровнем развития интеллекта у старшеклассников.

Анализ взаимосвязей между фактической успеваемостью испытуемых и формами личностных защит, которые они используют, показал, что школьники с низкой успеваемостью чаще используют такие защитные механизмы как «изоляция» (-0,285), «рационализация» (-0,268), «расщепление» (-0,260), «обесценивание» (-0,211), «морализация» (-0,188) и «отрицание» (-0,197) на уровне значимости 0,05. Эти защитные механизмы в некоторой степени совпадают с защитными механизмами, которые используют респонденты, уровень развития интеллекта которых находится на уровне ниже среднегруппового. Данный факт подтверждает то, что была найдена значимая корреляция между уровнем развития интеллекта и академической успеваемостью школьников. Старшеклассники с высокой успеваемостью чаще склонны использовать такие психологические защиты как «сублимация» (0,238) и в значительной степени «реверсию» (0,187) на уровне значимости 0,05.

Подводя итог данного исследования со школьниками, которые попадают в «высокие» группы, как по уровню развития интеллекта, так и по уровню академической успеваемости, можно заключить, что значения корреляции находятся не на таком высоком уровне, как у «низких» групп. То есть используемые формы личностных защит в данном случае оказывают не такое основополагающее действие, как интеллект. Но влияние интеллекта на уровень академической успеваемости было доказано и в других экспериментах и исследованиях. Мы предполагаем, что в данном случае, те формы психологической защиты, которые используют школьники с высокой успеваемостью, скорее подкрепляют успешность их обучения, чем являются его причиной.

С другой стороны, обратная ситуация относительно школьников, чей уровень академической успеваемости низок. Существуют общие закономерности в использовании личностных защит у школьников с низким уровнем успеваемости и уровнем интеллекта ниже общегруппового значения. Это такие психологические защиты как «отрицание», «обесценивание», «рационализация» и «морализация». Каждая из защит подразумевает под собой «выставление ситуации в более выгодном свете». При «обесценивании» занижается ценность тех или иных достижений для себя, уменьшая их желанность и необходимость. То же самое может происходить относительно похвалы старших, например. При «рационализации» и «морализации» школьник будет стараться преуменьшить свои неудачи, которые, так или иначе, влекут за собой негативные эмоции и зависить успехи, делая их в своих глазах более значительными. «Отрицание» же будет проявляться в открытом игнорировании школьных проблем. Все эти результаты подтверждают тот уровень корреляции, обнаруженный между уровнем развития интеллекта и уровнем академической успеваемости у респондентов.

В данном исследовании была подтверждена связь между уровнем развития интеллекта и уровнем академической успеваемости старших школьников, была обнаружена значимая корреляция между двумя этими шкалами на данной выборке.

В исследовании получено, что используемые школьниками формы психологической защиты объясняют их уровень академической успеваемости, только для школьников с низким уровнем успеваемости. Таким образом, теория о формах личностной защиты как о предикторах сопротивления обучению работает только на учащихся с низким уровнем успеваемости. Это можно объяснить тем, что у школьника, имеющего высокие показатели успеваемости, сопротивление обучению [5, 7] находится на невысоком уровне. Так же это подтверждает то, что у школьников из «низких» групп по результатам методики КОТ и показателям академической успеваемости можно найти одинаковые формы личностных защит, а у школьников из «высоких» групп - общие защиты отсутствуют. Взаимосвязь между академической успеваемостью и уровнем интеллекта в общей группе респондентов обнаруживается.

Таким образом, можно заключить, что уровень интеллекта влияет на академическую успеваемость, данное положение было доказано и рядом других исследований в психологии. Влияние используемых старшеклассниками форм личностных защит также доказано. При этом, учитывая результаты взаимосвязи с интеллектом, что используемые формы личностных защит у старшеклассников с низкой успеваемостью имеют непосредственное влияние на академические достижения, а у старшеклассников с высокой успеваемостью - имеет место подкрепляющий эффект. Низкие показатели академической успеваемости влияют на успешность обучения в целом, что приводит к дезадаптации в школьной среде, и влияют на формирование личности в будущем, поэтому необходимо уделять особое внимание в дальнейших исследованиях собственно школьникам с низкой академической успеваемостью, так как их личностные особенности, такие как личностные защиты, являются важными факторами развития сопротивления обучению и дальнейшему спаду учебной деятельности.

Библиографический список

1. Брушлинский А. В. Деятельностный подход и психологическая наука // Вопросы философии. 2001. № 2.
2. Негрий В.А. Психодиагностика и коррекция механизмов психологической защиты как фактора сопротивления обучению // Научное мнение. 2013. №3.
3. Пантлеев С.Р., Жилина Е.Ю. Методика диагностики защитных механизмов личности // Вестник Московского Университета. Серия 14: Психология. 2009. № 1.
4. Соколова Е.Т. Феномен психологической защиты // Вопросы психологии. 2007. № 4.
5. Kovalenko M. L. The concept and phenomenon of resistance to training // The Emissia. Offline letters. 2015. № 10.
6. McWilliams, N. Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process. New York: The Guilford Press. 1994.
7. Negrii V. A. Psychological defense and school students academic performance // Procedia - social and behavioral sciences. 2014. № 146.
8. Negrii V. A. Psychological problems of learning resistance // Procedia - social and behavioral sciences. 2013. № 86.

ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ: ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Углава Я.М., Шуванов И.Б

Ключевые слова: личность, Я-концепция, коррупционное поведение, философский и психологический подход.

Анализ современной философской и психологической литературы в области изучения личности коррупционного преступника свидетельствует о наличии множества неисследованных вопросов и противоречий. Среди обширного теоретического материала, посвященного различным аспектам личности преступника и его преступного поведения, прослеживается малое количество работ, затрагивающих проблему Я-концепции в философско-психологическом аспекте.

Под содержанием Я-концепции понимается система установок личности на себя самого. Феноменологией данного вопроса занимается как психология, так и философия. В философском контексте элементы Я-концепции представляют собой ряд взаимодополняющих терминов - «образ Я», «самопознание», «самосознание», «самоотношение», «самооценка». В философии проблемой изучения Я-концепции является фрагментарность знаний о «*Self-concept*». Данная проблема обусловлена тем,

что для целостного изучения человека необходима полная и четкая система представлений о его Я-концепции, а не отдельные ее составные.

Взаимосвязь философских и психологических подходов к изучению Я-концепции считается недостаточно полной.

Особенностью философского подхода является обращенность непосредственно к содержанию Я-концепции.

Психологический же подход делает основной акцент на изучение *структур, форм*, а также *общих закономерностей функционирования* Я-концепции. Истинная природа знаний о личности, теряется в связи с отсутствием преемственности между психологическим и философским содержанием понятия «*Self-concept*». Выходя за пределы содержания Я-концепции, сложным становится момент, предполагающий получение ответов на философские вопросы такого рода: как человек познает окружающий его мир, что движет человеком в момент его развития и что есть *добро и зло*.

Проблема добра и зла волнует умы многих ученых, поскольку она занимает центральную позицию во многих этических системах и лежит в основе практически всех *человеческих поступков*.

Поступок должен быть рассмотрен в контексте реальной ситуации, реально действующих *детерминант*. «В качестве причин поведенческого акта выступает не отдельное событие, – пишет Б.Ф. Ломов, – а система событий, или ситуация. Ситуация не сохраняется в неизменном виде, она изменяется под влиянием поведения, благодаря чему возникают новые воздействия на субъект [3; с. 26].

Американский социальный психолог Филип Джордж Зимбардо предложил психологическое определение зла: «*Зло* – это осознанный, намеренный *поступок*, совершаемый с целью нанести вред, оскорбить, унижить, дегуманизировать или уничтожить других людей, которые ни в чем не виноваты; или *использование личной власти и авторитета Системы* для того, чтобы поощрять людей или позволять им совершать подобные поступки от ее имени» [2; с. 10]. На сегодняшний день, в связи с неоднозначными изменениями социальной, экономической и политической ситуации в России, актуальной проблемой, несущей в себе все задатки «зла», считается коррупция.

Конвенция ООН против коррупции 2003 года дает следующую характеристику этого сложного социального явления: «Коррупция – это злоупотребление служебным положением, незаконное обогащение, хищение или нецелевое использование имущества публичным должностным лицом». В свете вышесказанного актуальным становится изучение взаимосвязи следующих понятий: «Я-концепция», «поведение», «коррупция».

Исследованием Я-концепции и ее влияния на поведение человека занимались такие известные психологи как Р.Бернс, У.Джемс, К.Роджерс, Дж. Мид, Э.Эриксон, М. Розенберги многие другие. «Я-концепция» - это относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознаваемая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он относится к самому себе и строит свое взаимодействие с другими людьми. Разнообразные модели Я-концепции, которые содержат представления о Я-идеальном, угрозах, причиняющих ущерб идентичности и способах психологической защиты, выделяются практически в любом направлении философии.

Взяв за основу позицию личности на оси «свобода-детерминизм», зададимся вопросами. Кто управляет нашей жизнью или что управляет нашей жизнью? Что определяет наши действия и мысли? Задумываемся ли мы над внешними и внутренними факторами, которые определяют наши чувства, мысли, действия?

Возвращаясь к позиции «свобода-детерминизм» следует разделить Я-концепцию на два вида: «Я-концепция свободы» и «Я-концепция детерминизма». И рассмотреть каждый из них сквозь призму коррупции и коррупционного поведения личности.

Условно разделим «**Я-концепцию свободы**» на следующие подвиды: Я – не свободен от зла; Я – свободен для выбора; Я – свободен от зла.

Я – не свободен от зла. Проведя параллель между злом и коррупцией, взяв за основу ценности личности и обратившись к взглядам представителей философской школы Эпикура, которые считали высшей ценностью жизни – счастье и блаженство, а основным принципом жизни – стремление к удовольствию, получим условное толкование подвида «Я – не свободен от зла».

Основной ценностью, такой Я-концепции людей склонных к коррупционному поведению, можно считать удовольствие и счастье, получаемое от процесса существования здесь-и-сейчас. Люди, ориентированные на совершение противоправных поступков в сфере экономических преступлений мерилom счастья и блага, считают роскошь, а ведущей ценностью для них становится ценность «Иметь», а не ценность «Быть» [1; с. 151]. Защитный потенциал – концентрация на настоящем, уход от будущего и наслаждение жизнью здесь-и-сейчас.

Я – свободен для выбора. Говоря в общем, – человек не выбирает ситуацию, в которой находится, но он всегда выбирает и не может не выбрать себя самого в этой ситуации.

Идет ли речь о любом конкретном моменте жизни человека, – ситуацию, в которой оказался (коррупционная или антикоррупционная), он не выбирает, но свой жест, свой поступок в этой ситуации выбирает он и только он.

Я – свободен от зла. Основываясь на учении *киников* (Диоген, Антисфен и их последователи) высшая сущность «Я» человека - свобода от внешних заблуждений, привязанностей и страстей. Программа действий сформировалась «от противного»: мир плох, надо учиться жить вне зависимости от него, ведь блага жизни так непрочны, поэтому не стоит к ним стремиться.

Вынесение зла за пределы Я, восприятие тела отдельно от души можно интерпретировать как защитный механизм проекции и отрицания негативного в себе, направленный на сохранение позитивного самоотношения и идеального Я.

Позитивный образ «Я», самопринятие и положительная самооценка создают благоприятный фон для конструктивного поведения личности в сложной ситуации выбора и, по-видимому, коррелируют с антикоррупционной устойчивостью выбора.

Ведущая ценность - «Быть», а не «Иметь». Согласно *Я-концепции детерминизма*, жизнью человека управляют силы неподвластные ему.

Условно разделим *«Я-концепцию детерминизма»* на следующие подвиды: Я – ведомый внешними силами; Я – ведомый внутренними силами.

Я – ведомый внешними силами. Согласно концепции представителей восточного движения *адживиков* (Макхали Госала), человек считается марионеткой в руках обстоятельств, а любые приложенные им усилия для их устранения – бесполезны. Данная Я-концепция характеризуется делегированием личностью ответственности за свои поступки высшим силам. Защитным ресурсом данной Я-концепции считается уход от ответственности за совершаемый выбор.

Я – ведомый внутренними силами. Основываясь на концепциях психоаналитического направления (З. Фрейд, К. Хорни, К.Г. Юнг, А. Адлер и др.), человек детерминирован *бессознательными* внутренними факторами. Представители психоанализа, говоря о человеке, основываются на принятии в нем темного, скрытого начала.

Итак, можно говорить о том, что людям, совершающим коррупционные правонарушения, свойственно стремление к снятию с себя бремени ответственности за свой выбор. Философские теории и объяснительные концепции устройства мира через устройство своего Я, на наш взгляд, в первую очередь несут защиту от *экзистенциальной тревоги* – тревоги неопределенности, отсутствия заданного смысла.

Таким образом, философское понимание природы коррупции через осмысление Я-концепции личности, может сыграть важную роль в развитии человека и общества и формировании искусства жить в заведомо несовершенном мире и, в конечном счете, привести к усилению адаптационного потенциала человека, общества и государства в условиях глобальных проблем современности.

Библиографический список

1. Ванновская О.В. Психология коррупционного поведения госслужащих: монография. СПб.: ООО «Книжный дом», 2013.
2. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.
3. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖИЗНЕННЫХ ПЕРСПЕКТИВ ЛИЧНОСТИ:

ПАРАМЕТР ВЕРОЯТНОСТИ

Улько Е.В., Шереметинская В.Н.

Ключевые слова: жизненные перспективы личности, параметр вероятности, структурно-содержательные характеристики жизненных перспектив.

Временной модус бытия человека представляет существенный интерес для психологов, ориентирующихся на принципиальную незавершенность и динамическую изменчивость личности. В значительной степени данная установка реализуется в исследовании не только актуального, но и потенциального, как отличительной черты человека. Задачи изучения потенциального бытия личности реа-

лизуются, в частности, через обращение исследователей к категориям, связанным с представлением личности о своем будущем. Существенным вопросом в данной области является выделение параметров описания представлений личности о своем будущем. Для нас особый интерес имеет идея связи представлений личности о будущем и его активности в настоящем, и, как следствие, выделение тех параметров, которые отражают эту связь. Способность личности охарактеризовать свое будущее через вероятность реализации своих намерений и целей является важным и дифференцирующим параметром, который существенным образом отражается на текущей активности в различных сферах жизнедеятельности. В данной работе мы конкретизировали общую идею в цель исследовать соотношение характера профессиональных перспектив будущего личности (в частности, параметра вероятности) и его актуальной профессиональной активности.

Обусловленность событий настоящего представлениями человека о будущем отмечено как значимая детерминирующая линия временных аспектов бытия личности многими психологами (А. Адлер, П.К. Анохин, Л.И. Анцыферова, Н.А. Бернштейн, К. Левин, Дж. Келли, Ж. Нюттен, И.М. Фейгенберг, В. Франкл, А.Н. Леонтьев и др.). В детерминационном ключе одной из известных является причинно-целевая концепция, разработанная Е.И. Головахой и А.А. Кроником, выделяющих в качестве единиц анализа психологического времени связи и обусловленность настоящего не только прошлым, но и будущим, целями и предполагаемыми результатами жизнедеятельности [3].

Обращаясь к рассмотрению субъективной картины будущего и исследуя соответствующие феномены, психологи используют обширный ряд разнообразных понятий и терминов. В психологическом тезаурусе можно отметить традиционные («антиципация» В. Вундта) и часто используемые – мечты, цели, планы, проекты, намерения. Также представлены более специфичные – «временной кругозор» (П. Фресс), «транспектива» (В.И. Ковалев), «проект будущего» (К.А. Абульханова) и др. Некоторые понятия объединены обращением к термину «перспектива». Еще Курт Левин в своей событийной концепции психологического времени обозначил идею временной перспективы личности. В научной литературе мы встречаем использование таких понятий как «временная перспектива» (Б.В. Зейгарник, Л.К. Франк, Ф. Зимбардо, Ж. Нюттен, Т. Гисме, З. Залески и др.), «психологические, личностные и жизненные перспективы» (К.А. Абульханова), «временная перспектива будущего» (Н.Н. Толстых), «перспектива будущего» (В. Ленс), «жизненные перспективы» (К.К. Платонов, В.Э. Чудновский, Е.И. Головаха, А.И. Епифанцева, Д.А. Леонтьев и др.) [1-8].

Мандрикова Е.Ю., Ральникова И.А. отмечают ряд подходов к научному пониманию и осмыслению понятия жизненные перспективы личности: мотивационный (Ж. Нюттен, К. Левин, В. Ленс, Л. Франк, П. Фресс, Т. Гисме и др.); событийный (Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Д.А. Леонтьев, Е.В. Шелобанова, Н.Н. Толстых и др.); типологический (В.И. Ковалёв, К.А. Абульханова, В.Ф. Серенкова, Т.Н. Березина и др.); образовательный (Н.Н. Толстых, М.Р. Гинзбург, И.В. Дубровина и др.), прогностический (П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн, И.М. Фейгенберг, В.А. Иванников, Л.А. Регуш) [5, 7].

В жизненных перспективах будущего личности представлены не только разноудаленные желаемые события, обозначены цели, намерения и планы, но и то ожидаемое будущее, которое может быть не всегда желаемое (Е.И. Головаха, К.К. Платонов), представлен разноплановый контекст потенциальных условий, способствующих либо препятствующих достижению целей.

Практически все авторы, а некоторые из них особо, подчеркивают, как сущностную характеристику жизненных перспектив то, что они имеют несомненное влияние на осмысление человеком актуальных событий и его поведение в настоящем (Ж. Нюттен, Т. Коттл, В. Ленс, Е.Ю. Мандрикова, И.А. Ральникова и др.).

В данной статье, опираясь на работы многих исследователей, мы будем понимать жизненные перспективы личности как целостное многомерное динамическое представление человеком своего будущего в масштабе жизненного пути, содержащее хронологически и предметно определенное предвосхищение событий (как планируемых, так и ожидаемых), ценностно значимых для человека, соотносящихся с его жизненными смыслами и определённым образом сказывающееся на его актуальной активности.

Важный аспект анализа жизненных перспектив связан с выделением их определенных характеристик или параметров. Е.И. Головаха [3] предлагает выделять следующие основные характеристики жизненных перспектив: согласованность – представленная в сознании человека связанность событий прошлого, настоящего и будущего; реалистичность – умение индивида разделять реальные и фантазийные образы будущего, способность направлять усилия на реальные возможности для достижения целей; продолжительность – деление перспективы на ближнюю (ближайшую), среднюю и дальнюю (отдаленную); дифференцированность – способность личности выделять в целостной картине будущего ряд последовательных этапов и относительно обособленных сфер (семья, карьера, увлечения и

т.д.); оптимистичность – преобладание либо позитивных, либо негативных прогнозов в отношении событий будущего.

Помимо вышеуказанных характеристик, Т.С. Шляхтин выделяет такие параметры перспектив будущего, как многомерность и иерархичность [7]. Многомерность понимается автором как наличие в перспективах множества компонентов (когнитивного, эмоционального, поведенческого и других), а иерархичность он рассматривает как разномасштабность целей личности, от интегральных жизненных до конкретных, связанных с определенными действиями. Гинзбург М.Р. в числе параметров жизненных перспектив предлагает выделять структурируемость, планируемость и организованность [2], а Ж. Нюттен говорит о глубине, степени реальности и структуре перспектив [6].

Особый интерес в контексте данной работы представляют структурные характеристики жизненной перспективы, которые отражают характер взаимосвязи и соотносительности жизненных событий в представлении личности. Этот аспект особо отмечен в работах А.А. Кроник [4]. Так, помимо знака, направленности связи (причинная и целевая), их протяженности, выделяют параметр субъективной вероятности межсобытийных связей – мера уверенности личности в том, что одно событие связано или влияет определенным образом на возможность наступления другого события. На наш взгляд, данная характеристика имеет существенное значение при исследовании проблем соотносительности представлений о будущем с настоящим и отражает моменты динамичности, принципиальной незавершенности и системности представлений личности о будущем, которые включены в понятие жизненные перспективы.

Научную обоснованность данной позиции подтверждают выводы некоторых проведенных нами ранее исследований [9] и результаты обсуждаемого далее эмпирического исследования, в котором рассматриваемая в статье проблема представляет одну из линий. Общая цель исследования – исследовать профессиональные перспективы личности в контексте общих перспектив будущего, выявить соотношение характера перспектив будущего с актуальными профессиональными установками личности. В структуре перспектив будущего мы выделили ряд структурно-содержательных параметров (протяженность, согласованность, дифференцированность, эмоциональный фон, реалистичность, вариативность, вероятностность), опираясь на которые затем анализировали общие и профессиональные перспективы респондентов. Профессиональные установки мы рассматривали как отношение человека к процессуальным и содержательным аспектам профессиональной деятельности (удовлетворенность трудом, увлеченность работой, основная направленность деятельности) и к особенностям профессионально-делового общения (стратегии поведения в конфликтах в организации). В исследовании на разных этапах приняли участие 60 человек (43 женщины, 17 мужчин), в возрасте от 23 до 59 лет, включенных в профессиональную деятельность (преимущественно педагогическую или типа человек-человек).

Методы исследования. Для выявления особенностей профессиональных установок мы использовали методику «Ориентационные стили профессионально-деятельностного общения»; методику А.В. Батаршева «Интегральная удовлетворенность трудом»; методику «Утрехтская шкала увлеченности работой»; методику К. Томаса «Стратегии поведения в конфликтных ситуациях». Для определения общих характеристик временной ориентации респондентов мы использовали методику «Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо» (в адаптации А. Сырцовой и коллег). Для исследования профессиональных перспектив личности и уточнения полученных количественными методами результатов мы использовали анкетирование и интервью.

Обратимся к наиболее существенным результатам. В рамках решения задачи о связи общей временной ориентации личности с характером актуальной профессиональной активности был проведен корреляционный и факторный анализ полученных указанными методиками данных, в результате чего были выделены три группы связей. Первая – ориентированность на будущее и позитивное прошлое сочетается с выраженным позитивным отношением к различным аспектам своей профессиональной деятельности, удовлетворенностью и увлеченностью работой. Вторая – ориентированность на негативное прошлое и фаталистическое настоящее соотносится с неудовлетворенностью профессиональной деятельностью, неуверенностью в своих возможностях и жизненных ресурсах, отсутствием стремления к диалогу и соглашательству в деловых конфликтных ситуациях. Третья – выраженное отсутствие ориентации на будущее соотносится с такими проявлениями профессиональных установок как погруженность в процедурно-процессуальные моменты деятельности и процесс взаимодействия с коллегами,

Далее обратимся к анализу результатов, проведенных нами анкетирования и интервью, направленных на решение задач исследования профессиональных перспектив испытуемых в контексте об-

щих жизненных перспектив (с особым выделением параметра вероятности жизненных перспектив как одного из показателей межсобытийных связей) и соотношения их с актуальной профессиональной деятельностью.

Более половины испытуемых использовали высказывания, которые можно отнести к категории вероятностных, в которых содержится не только предположение о возможности вариативности будущих событий, но выделяется обусловленность одних событий другими и оценивается степень вероятности той либо иной линии развития, анализируется и оценивается целостный возможный контекст реальности. Приведем примеры таких высказываний: «Я планирую закончить магистратуру где-нибудь за рубежом. Если получится, то для поиска работы в моей сфере это большой плюс», «Объективно оценивая свою жизненную ситуацию (ипотека, маленький ребенок), я понимаю, что менять свою нынешнюю стабильную работу даже на более выгодную, слишком рискованно» и т.п.. Многие испытуемые (58%) довольно четко дифференцируют события планируемые и ожидаемые, причем планируемые рефлексированы лучше, ведь планы и цели предполагают конкретность, тогда как ожидаемые, в виде некоего предположения, хоть и не менее важны для достижения намеченного, но предполагают больший масштаб осознания субъектами своего бытия в целом.

Мы выделили несколько основных видов высказываний из данной категории, которые отражают связь планируемых или желаемых событий, отражающих целевые или мотивационные установки личности с контекстом определяющих условий их реализации: с внешними условиями, внутренними ресурсами, со слабо определяемыми факторами. Вероятность реализации цели в связи с внешними объективными условиями отражает обращение респондентов (53%) к обусловленности желаемых событий будущего различными независимыми от них обстоятельствами («если кризисная ситуация в стране переменится в лучшую сторону, тогда и у меня появится хороший шанс больше зарабатывать», «... если к тому времени возраст выхода на пенсию не изменят, а на это рассчитывать не приходится»).

Восемьдесят семь процентов респондентов отмечают, что анализируют не только собственные желания, но и свои возможности (интеллектуальные, духовные, материальные, физические и др.). Они не задумывают объективно недостижимого («я к тому времени вряд ли захочу начинать новое дело, ведь это требует больших усилий, не знаю, хватит ли сил ..., поэтому, скорее всего, буду здесь дорабатывать... хотя хотелось бы ...», «буду искать более подходящее место работы ..., а что ..., я хороший профессионал, настойчивая... рано или поздно найду то, что надо мне»). Причем, это не означает, что у них нет амбициозных желаний или мечтаний, но специфика жизненных перспектив такова, что она позволяет объективно соотнести и свои внутренние ресурсы, и саму ситуацию. Ряд высказываний содержали явное выражение респондентом субъективной оценки вероятности, но без четкого определения детерминирующих факторов («шанс, конечно, не велик, но пытаться поступать буду ... а вдруг получится», «не с моим везением ожидать, что всё гладко будет, так что посмотрим...», «кто его знает, что дальше будет, но я не очень-то рассчитываю на повышение»). Встречаются высказывания, которые отражают сложные многосоставные цепочки связей, с указанием результирующего переживания вероятности («если к тому времени выйду замуж, то, скорее всего, с ребенком буду ..., если нет, то, наверное, уеду в Москву, там легче найти хорошую работу, да и возможности пошире... это, конечно, если чего-то особенного не произойдет»).

Обобщая полученные данные и результаты количественных методов исследования, нами были выделены группы испытуемых, обладающих сходными паттернами структурно-содержательных характеристик профессиональных перспектив и актуальной профессиональной активности. Характеризуя полученные группы, мы особым образом выделим параметр вероятности, так как нами был зафиксирован факт различий его проявления в выделенных группах.

Первая группа испытуемых достаточно позитивно оценивает все временные периоды своего жизненного пути. В основном, они ориентированы на будущее. Общие перспективы будущего и профессиональные перспективы будущего протяженные, хорошо согласованные, дифференцируются на сферы (семья, карьера, увлечения и т.д.). У этой группы испытуемых есть осознание разницы между собственными субъективными целями и желаниями, и объективными условиями, в рамках которых что-то окажется достижимым, а что-то – нет. Вариативность перспектив довольно высокая, представляют себе разные возможные варианты развития событий будущего. В деятельности ориентированы либо на ее непосредственное содержание, либо на психологические аспекты, общение. Удовлетворены трудом и проявляют энтузиазм в работе.

Данная группа, в свою очередь, распадается на две подгруппы, различающиеся характером соотношенности ожидаемых и планируемых событий в составе перспектив будущего. Представители

одной подгруппы ставят цели и хорошо осознают объективные условия, стоящие на пути их достижения. Они строят рациональные планы, опираясь на особенности и актуальной ситуации, и представляют себе возможные будущие ограничения. Используют высказывания, оценивающие вероятность событий в связи с внешними обстоятельствами, своими внутренними ресурсами и возможностями, а также часто обращаются к сложносоставным детерминационным связям. Представители другой подгруппы также заняты вопросами планирования и целеполагания, но вот анализа условий реализации целей не проводят, а потому их перспективы менее реалистичны, редко прибегают к оценке вероятности событий. Характеристики «вариативности» и «вероятности» жизненных перспектив в данных подгруппах имеют различное сочетание. В первой подгруппе эти параметры прочно связаны. Для респондентов другой подгруппы имеет место проявление вариативности перспектив без оценки их вероятности.

Респонденты второй выделенной нами группы негативно оценивают различные этапы своего жизненного пути. Общие и профессиональные перспективы расплывчатые, смутные, маловариативные. Думая о будущем, испытывают преимущественно отрицательные эмоции, какие как страх, тревога, опасения и тому подобные. Испытуемые данной группы в большей степени ориентированы на события планируемые, хотя отмечают, что на пути достижения целей, планов, намерений существует множество препятствий, и положительный результат маловероятен. Анализ ожидаемых событий практически не производят. Для них характерен вариант вероятности без четкого определения детерминирующих факторов.

Респонденты третьей группы не ориентированы именно на профессиональное будущее, хотя, в целом, относительно других сфер жизнедеятельности они способны описать свои перспективы и представления. Определяют свои перспективы как протяженные, согласованные и средневариативные. В отношении профессиональной сферы не разделяют события будущего на планируемые и ожидаемые, а, что называется, «плывут по течению». В других сферах (семья, друзья, увлечения) в большей степени ориентированы на субъективные планы и цели, чем на объективный контекст будущего. Для респондентов данной группы характерно применение различных видов вариативности при оценке перспектив в различных жизненных сферах.

Заметим, что выделенная типология имеет общий характер и может быть уточнена относительно конкретных профессиональных групп, людей с разным статусом занятости, субъектов на различных стадиях профессионального становления и прочее.

Параметр вероятности может стать значимым основанием анализа структуры и содержания жизненных перспектив личности, являясь специфической характеристикой представлений человека о будущем, отражающей системность, динамичность и детерминационную составляющую этих представлений. Использование данного параметра имеет существенный потенциал для углубленного исследования регулирующей и организующей функции жизненных перспектив относительно актуальной активности личности.

Библиографический список

1. Абульханова К.А. Методологический принцип субъекта: исследование жизненного пути личности // Психологический журнал. 2014. № 2.
2. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. 1994. №3.
3. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984.
4. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2008.
5. Мандрикова Е.Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности // Психологический журнал. 2008. № 4.
6. Нюттен Ж. Мотивация, действия и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.
7. Ральникова И.А. Жизненные перспективы личности в научной парадигме психологического знания // Известия Алтайского государственного университета. 2011. №2.
8. Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. М., Смоленск, 2010.
9. Улько Е.В. Вариативная гибкость интерпретации субъектом жизненных ситуаций // Личность и бытие: субъектный подход. М.: Изд-во института психологии РАН, 2008.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ СТРУКТУРЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ¹

Шамионов Р.М.

Ключевые слова: субъективное благополучие личности, удовлетворенность жизнью, переживание счастья, гедонистическое и эвдемонистическое счастье.

Исследование структуры субъективного благополучия личности является важнейшей задачей современной социальной психологии, поскольку познание ее строения и психологической картины и динамики компонентов позволит разработать программы по его стабилизации, выравнивание условий его достижения в разных социально-территориальных условиях. В более широком контексте субъективное благополучие личности может выступать и целью, и ценностью личности в ее бытии, и промежуточным результатом его реализации, и даже основанием его реализации – в зависимости от обстоятельств жизненного пути человека, отражая ее внутреннюю согласованность, целостность и здоровье.

В психологии не сложилось устойчивого определения структуры субъективного благополучия. С одной стороны, выделены три его стороны, устойчиво повторяющиеся в ряде исследований, - удовлетворенность жизнью, переживание счастья и баланс аффекта, которые соотносятся с двумя компонентами: когнитивным и эмоциональным (Э. Динер, М.Селигман, С. Любомирски, К.М. Шелдон и др.), с другой, - под структурой субъективного благополучия понимают совокупность социального, духовного, физического и психологического благополучия (Л.В. Куликов и др.) или профессиональное, физическое, социальное, финансовое и «средовое» благополучие (Т. Rath, J. Harter) – в соответствии с основными ценностно-мотивационными трендами взрослого человека, наконец, исследователи, которые принимают тождество субъективного благополучия и переживания счастья, включают две основные стороны в качестве его структурных единиц – «гедонистическое и эвдемонистическое счастье», которые ими не противопоставляются.

Вариантом второго подхода можно назвать тот, в соответствии с которым, структурными элементами субъективного благополучия являются удовлетворенность жизнью, собой, взаимоотношениями, трудом, социально-политическими явлениями в обществе и рядом характеристик бытия как *эмоционально-оценочные отношения* личности к себе, среде и своей жизнедеятельности в соответствии с которым проведены большинство наших исследований субъективного благополучия. Такой подход сложился в результате развития и интеграции теоретического знания, представленного в работах отечественных психологов, в которых содержится психологическое понимание соотношения человека и мира, отношения к себе, другим, жизни, миру, наконец, понимания личности как субъекта бытия (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев и др.).

Соответственно и определение, которое было нами сформулировано на основе теоретико-эмпирических исследований (Шамионов, 2014): субъективное благополучие – это эмоционально-оценочное отношение человека к своей жизни, своей личности, взаимоотношениям с другими и процессам, имеющим важное для него значение с точки зрения усвоенных нормативно-ценностных и смысловых представлений о “благополучной” внешней и внутренней среде, выражающееся в удовлетворенности ею, ощущении счастья. Исходя из такого понимания субъективного благополучия, становится ясным механизм его функционирования, понимание возможности относительной его стабильности, изменений в его структуре и динамики отдельных компонентов под влиянием различных жизненных (бытийных) обстоятельств. В частности, речь идет о закономерных процессах личностного роста, социализации личности, а также возможностях целенаправленной регуляции сфер отношений для изменений целостного субъективного благополучия.

Стабильность субъективного благополучия означает наличие динамического равновесия субъекта со средой, отраженного в системе отношений личности. Однако на разных этапах жизненного пути система отношений меняется: прогрессивно расширяется, либо сужается, либо актуализируются другие сферы взамен ранее доминирующих и т.п. В соответствии с нашим подходом, стабильность субъективного благополучия может быть обеспечена за счет диахронии его компонентов. Рост одних компонентов может сопровождаться снижением других. Переходные состояния, при которых наиболее значимые его характеристики достигают низких/высоких значений, очевидно, могут быть обозначены как кризисные. Динамика различных характеристик субъективного благополучия связана с рядом обстоятельств.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-06-00250 а).

Во-первых, это результаты активности личности в различных областях, соотнесение которых с эталонами (критериями) и рефлексия приводят к суждению об удовлетворенности или неудовлетворенности в определенной сфере. Однако субъективное благополучие не ограничивается лишь удовлетворенностью сферами жизни (активности). Не в последнюю очередь на его динамику оказывает меняющаяся жизненная ситуация с ее изменчивыми критериями, трансляция новых критериев, порожденных самой эпохой, а также поиск новых критериев, что может быть связано с изменениями в социализации личности, самоопределением.

Необходимо особо отметить и то, что в процессе социализации и благодаря социализации личность обретает новые представления о стабильной и благополучной жизни, в результате чего на разных ее этапах происходят изменения в оценке не только жизни, но и переоценке ценностей, в соответствии с которыми меняется и критериальный аппарат благополучия. Это приводит к тому, что возникают новые критерии для оценки актуальной жизни, в которые постепенно включаются элементы прошлого и их оценка. Оценочные отношения к прошлому не всегда являются позитивными и поэтому они могут подрывать актуальные переживания благополучия. Э. Хемингуэй весьма красноречиво выразил это в фразе: «Счастье – это крепкое здоровье и слабая память».

Кроме того, вполне очевидно и то, что на разных этапах возрастного развития ведущую роль в формировании субъективного благополучия играют различные его параметры. С одной стороны, это связано с актуализацией потребностей разных уровней и соответственно, усилением значимости отдельных сегментов жизни. С другой, – развитием способности к обобщению опыта и, тем самым, способности выходить за пределы непосредственного данного и видеть более широкий контекст ситуации, а также приобретению экзистенциального опыта. Наконец, естественным движением развития субъективного благополучия является движение от гедонистического баланса к эвдемоническому переживанию счастья.

Иначе говоря, развитие субъективного благополучия заключается в усложнении его структуры (и очевидно, появлению ранее не столь явных связей между различными характеристиками, включая и опосредующие элементы, влияние которых проявляется только в результате личностного становления), появлении новых элементов, актуализации новых критериев, наконец, усилении роли субъективных характеристик. Структура субъективного благополучия формируется в процессе социализации, понимаемому не как простое обретение социально-типического, но как становление личности, главным эффектом которого является способность к осознанному отношению к своим ценностям, социальным ролям, моделям поведения, наконец, системе взаимоотношений с миром. Данное положение подкрепляется и данными о понимании счастья представителями различных возрастных групп. Так, если для подростков и юношества счастье – это, прежде всего, успешность в системе взаимоотношений с другими, то для молодежи – это востребованность, включенность в социальную структуру общества и т.п., а для взрослых – целая совокупность социально-обусловленных самореализаций и экзистенциальных решений.

Таким образом, изменчивость структуры субъективного благополучия характеризуется рядом особенностей, заключающихся в разнонаправленной динамике ее компонентов, процессов перехода от одного качества в другое (например, из подчиненного в доминантное), прогрессивного увеличения состава компонентов и актуализации сообразно этапу жизненного пути или ситуации, наконец, интеграции отдельных характеристик вокруг доминирующей, в результате чего происходит формирование переживания благополучия или неблагополучия, сквозь призму которого преломляются оценки других явлений и областей существования. Поэтому одной из важных задач в исследовании субъективного благополучия личности является определение тех переменных и их весов, которые оказывают влияние на иррадиацию благополучия/неблагополучия и определить их специфику в зависимости от различных обстоятельств жизни, включения в различные групповые образования, в том числе и на уровне «прописки» и достижения.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ СО-БЫТИЙНОСТИ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ: БРАК, СЕМЬЯ, ДЕТСКО- РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

СУВЕРЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПОВЕДЕНИЯ СУПРУГОВ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ

Авдулова Т.П., Нартова-Бочавер С.К.

Ключевые слова: суверенность личности, конфликт, супружеские отношения.

Развитие личности начинается в семье, а позже, в создании собственной семьи субъект использует родительско-детские модели отношений, модели осознания себя в этих отношениях и построения определенного психологического пространства личности разной степени суверенности. Отношения между супругами осуществляются в пространстве пересечения суверенностей каждого из партнеров, вхождение субъекта в пространство партнера может порождать как взаимодействие, так и конфликты. Интимное общение, возникающее между супругами, находит отражение в феноменах общих ценностей, понимания, как возникновения единства смыслов и значений, возникновения единого системного пространства семьи [2, 4].

Традиционно в психологии личности супружеские отношения рассматривались как стремление преодолеть обезличивание и одиночество через утверждение собственного Я [5]. Гармоничные отношения предполагают установление динамического баланса границ субъекта между возможностью актуализации в другом и сохранения собственной суверенности.

Очевидно, что структура собственной личности, жесткость или проницаемость ее границ становится фактором построения границ системы и дифференциации супругов внутри семьи. Однако характер этого влияния оставался недостаточно изученным, что и привлекло наше внимание. Кроме того, гендерные различия в структуре суверенности у мужчин и женщин также оказывают принципиальное влияние на поведение в конфликтах, задавая тот или иной способ реагирования и определяя стратегии разрешений конфликтов. Гендерная идентичность, осмысленная и трансформированная для других, включает в себя не только ролевой аспект, поведенческие проявления личности как индикаторы мужского и женского, идентификацию с группой, но и представления о себе в целом, построение гендерных границ психологического пространства личности [1, 2].

Целью исследования стало изучение влияния структуры и уровня суверенности супругов на выбор стратегий разрешения конфликтных ситуаций и особенности поведения супругов в ситуации конфликта. В исследовании, проведенном под нашим руководством, использовались следующие методики: 1) Опросник С.К. Нартовой-Бочавер «Суверенность психологического пространства»; 2) методика «Взаимодействие супругов в конфликтных ситуациях» Ю.Е. Алёшиной, Л.Я. Гозман, М.Е. Дубровской; 3) Тест описания поведения Томаса, адаптирован Н.В. Гришиной. В исследовании приняла участие 60 респондентов (30 супружеских пар со стажем брака не менее 3-х лет).

По результатам проведенного исследования значимых различий в структуре суверенности супругов обнаружено не было. И мужчины, и женщины показали значительное снижение таких показателей суверенности как суверенности личных вещей, суверенность социальных связей и суверенность вкусов и ценностей, умеренное снижение показателей суверенности физического тела. Мужчин отличает более выраженное переживание депривированности социальных связей.

Кроме того, у супругов наблюдается сходство выбора стиля поведения в конфликте. Ведущая модель поведения в конфликте: способность уступить в своих интересах, чтобы удовлетворить их в остальном, часто главном. При этом у супругов отсутствует поиск скрытых интересов, рассматривается только то, что каждый говорит о своих желаниях, а причины конфликта не анализируются, то есть идет не поиск их устранения, а нахождение решения, удовлетворяющего сиюминутные интересы обеих сторон. Доминируют реакции ухода, пассивного поведения в конфликте. Значимых результатов в анализе взаимосвязи показателей конфликтных сфер и пола супругов не обнаружено.

Наиболее важными факторами суверенности оказались суверенности физического тела и суверенность социальных отношений. Особенности обозначения личностью границ собственного я, предоставление свободы выбора социальных связей влияют на возникновение конфликтов в семье. Статистически достоверной (отрицательной) оказалась связь между суверенностью физического тела,

социальных связей с одной стороны, и уровнем конфликтности между супругами, с другой. Чем выше суверенность физического тела и социальных связей, тем ниже уровень конфликтности в семье. И наоборот, супруги, переживающие депривированность физического Я, значимо чаще проявляют конфликтность в таких сферах как воспитание детей, распределение ролей в семье и нарушение ролевых ожиданий.

Показательным является и уровень суверенности временных привычек. Чем выше этот компонент суверенности, тем чаще субъект использует стратегию сотрудничества в разрешении конфликтов. Переживание безопасности (защищенности) временных привычек в семье позволяет находить альтернативные способы разрешения конфликтов и ориентироваться супругам на интересы друг друга. Близка к статистически значимой отрицательная связь между суверенностью временных привычек и стратегией приспособления.

Очень яркой является отрицательная корреляция между суверенностью физического тела и конфликтностью, связанной с ревностью. Чем выше показатели депривированности суверенности физического тела, тем выше показатели конфликтности, связанной с ревностью. Отсутствие осознанных и комфортных границ собственной телесности порождает недоверие и стремление контролировать телесность партнера.

Анализ соотношения стратегий разрешений конфликтных ситуаций и типичных сфер конфликта показал статистически значимую положительную взаимосвязь между нарушениями ролевых ожиданий и доминированием стратегии соперничества и одновременно отрицательную значимую связь со стратегией приспособления. При возникновении конфликта нарушения ролевых ожиданий супруги, отстаивающие свою позицию, не соглашаясь с супругой (-ом) демонстрируют стремление конкурировать в ущерб другому, а те партнеры, которые встают на позицию супруга, соглашаясь с ним, принесут свои интересы в ущерб ради другого. Стратегия приспособления также связана с конфликтом лидерства в семье (главенства и доминирования).

Библиографический список

1. Авдулова Т.П. Гендерная социализация и структура общения в отрочестве. Электронный ресурс // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.06.2016).
2. Авдулова Т.П. Социальное пространство семьи как фактор развития личности ребенка. // Психология обучения, 2014, № 12.
3. Нартова-Бочавер С.К. Новая версия опросника "суверенность психологического пространства - 2010" // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3.
4. Нартова-Бочавер С.К. Психологическая суверенность и особенности межличностного общения // Социальная психология и общество. 2014. № 3..
5. Фромм Э. Искусство любви. Исследование природы любви. М., 1990.

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ И УРОВЕНЬ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У ЗАМЕЩАЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ¹ ***Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Рунец О.В.***

Ключевые слова: саморегуляция, стрессоустойчивость, замещающее родительство.

Проблема сиротства продолжает быть актуальной в современном российском обществе. В последнее время большинство экспертов склоняются к мнению, что определение детей, оставшихся без попечения родителей в приемную семью, является наиболее перспективной формой, способствующей их развитию, благополучию и успешной социализации. Как показывает практика и результаты научных исследований, при формировании профессиональных замещающих семей большое внимание следует уделять не только социально-демографическим характеристикам, педагогической и юридической компетентности кандидатов в приемные родители, но и их индивидуально-личностным особенностям [1; 7; 11 и др.].

Анализ материалов, полученных специалистами по проблемам семьи и семейных взаимоотношений, позволил обозначить первостепенные, в том числе психологические проблемы, возникающие в процессе создания и функционирования приемных семей. Среди них немаловажное место занимают переменные, связанные с успешностью преодоления разного рода стресс-факторов, внутренние ре-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-06-10508 а.

сурсы и резервы жизнестойкости приемных родителей, а также потенциал всей семьи как малой группы (системы), позволяющий преодолевать трудные жизненные ситуации и находить позитивные решения в конкретных обстоятельствах [6; 10; 12 и др.]. Таким образом, появление новой социально ориентированной услуги обществу «замещающий родитель» сделало актуальными задачи, связанные с выделением критериев и описанием требований к отбору приемных родителей и их профессионализации, а также вопросы организации сопровождения и обучения [2; 3; 8; 13 и др.].

Представленное исследование было *нацелено* на выявление взаимосвязи индивидуально-стилевых особенностей с показателями стрессоустойчивости и социальной адаптированности индивидов. Мы опирались на предположение о том, что стиль саморегуляции может выступить внутренним механизмом и одним из психологических ресурсов приемных родителей поддержания профессионального здоровья, помогающие справляться с развитием негативных психосоматических состояний, находить способы благоприятного разрешения трудных жизненных ситуаций, возникающих как в пространстве внутрисемейных взаимоотношений, так и при контактах с социальным окружением.

Участники и методы исследования: В эмпирическом исследовании приняли участие семейные пары, которым рекомендовано взять на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, средний возраст – 43 года, $n = 72$. А также обычные родители (занятые в сфере машиностроения), средний возраст – 41 год, $n = 70$. Кандидаты в приемные родители проходили процедуру отбора, включающую собеседование, по итогам которого выявлялись основные характеристики социально-демографического, личностного, профессионального и т.д. статуса претендентов и психологическое тестирование с применением методик, включающих выявление целого ряда индивидуально-личностных характеристик.

В рамках применяемого комплекса психологических тестов диагностировался уровень стрессоустойчивости и был использован опросник «Шкала определения стрессоустойчивости и социальной адаптации» Т.Х. Холмса, Р.Х. Райх. Методика позволяет на основе списка эмоционально нагруженных событий, произошедших в жизни человека за определенный отрезок времени (за последний год), установить степень риска развития заболеваний, как невротического, так и соматического характера, не исключая инфекционные болезни и случаи травматизма (по данным авторов опросника) [4]. Особенности стиля саморегуляции поведения и деятельности выявлялись по результатам методики «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой.

Статистическая обработка данных осуществлялась в системе SPSS. Применялись корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) и U-тест (критерий Манна-Уитни)

Результаты исследования. Обработка и анализ полученных эмпирических данных позволили установить следующее:

1. Согласно полученным данным у приемных родителей, принявших участие в обследовании, отмечается «средний уровень» сформированности показателей саморегуляции поведения и деятельности (в соответствии с нормативами автора методики). Это относится как к суммарному индексу выраженности стиля саморегуляции, так и всех его составляющих, за исключением такого компонента как «моделирование».

По уровню выраженности «моделирования» приемные родители попадают в группу индивидов, имеющих «высокий уровень» сформированности данного регулятивного компонента. Следует также отметить, что общий показатель саморегуляции (суммарный индекс ОУ) по абсолютной величине практически занимает пограничное положение между группами «средний» и «высокий» уровень саморегуляции. При этом как показали результаты сравнительного анализа, «программирование» и суммарный индекс ОУ саморегуляции в группе «приемных родителей» достоверно выше, чем в группе обычных родителей ($p < 0,01$).

Кроме того, приемные родители характеризуются более высокими показателями «гибкости» поведения и деятельности согласно результатам обработки ССПМ. Однако, как показали статистические данные, полученный профиль показателей стиля саморегуляции у приемных родителей имеет свою специфику. Так, шкала опросника ССПМ «самостоятельность» значимо ниже, чем в контрольной группе ($p < 0,001$), а различия по шкалам «планирование» и «оценка результатов» не достигают статистически значимого уровня. Тем не менее, опираясь на полученные результаты, мы можем уверенно говорить о хорошей сформированности системы осознанной саморегуляции произвольной активности у прошедших отбор приемных родителей.

То есть, кандидаты в приемные родители характеризовались, как способные гибко реагировать на изменяющиеся условия среды, у них хорошо развито осознанное целеполагание, они четко ранжируют значимость различных внешних и внутренних факторов, влияющих на результат деятельности,

что в конечном итоге позволяет им успешно действовать в привычных ситуациях, а также быстро осваивать новые виды деятельности и новые ситуации. Высокая степень сформированности регуляторного компонента «моделирование» позволяет правильно выделять факторы, необходимые для достижения поставленных целей в наличных условиях среды, быстро замечать изменения и соответствующим образом реагировать на них, а также адекватно («без фантазирования») строить перспективы на будущее [9].

Баллы, полученные по шкале опросника ССПМ «самостоятельность», отражают степень развитости у индивида регуляторной автономии. По уровню сформированности «самостоятельности» приемные родители попадают в разряд имеющих «средний уровень», но фактически занимают позицию на границе между «средним» и «низким» уровнями. Сравнительный анализ выявил более низкую степень критичности у приемных родителей и их большую ориентированность на оценки и мнения окружающих по сравнению с обычными родителями.

Проведение корреляционного анализа показало, что «гибкость» саморегуляции у приемных родителей понижается с возрастом, а уровень выраженности шкал ССПМ «моделирование» и «оценка результатов деятельности» выше у представителей мужского пола.

2. Результаты статистической обработки методики Холмса-Райх, направленной на определение уровня стрессоустойчивости и социальной адаптации выявили наличие достоверных различий по уровню психической напряженности между группами «приемных» и «обычных родителей» ($p < 0,001$). Установлено, что более чем у половины (57,14%) приемных родителей наблюдается «низкий» или «пороговый» уровень стрессоустойчивости (соответственно 32,86% и 24,28%), и лишь 32,86% обследованных имеют «высокий уровень».

Среди обычных родителей группа с «высоким» уровнем стрессоустойчивости составляет 83,56% обследованных, «пороговым» - 6,85%, «низким» - 5,59%. Высокая степень наполненность жизни человека эмоционально значимыми («стрессогенными») событиями, согласно подсчетам авторов методики, в 80% случаев приводит к риску развития депрессии или получению серьезных соматических заболеваний. Не случайно исследования многих авторов, работающих с приемными семьями, показывают, что большинство замещающих родителей постоянно нуждается в психологических консультациях и поддержке как при возникновении кризисных (трудных) жизненных ситуаций, так и при решении текущих житейских проблем [5; 10].

Таким образом, проведенное исследование еще раз показало, что социальные услуги замещающих родителей, которые по содержанию деятельности относятся к категории профессий помогающего типа, требующих от специалистов данного профиля высокой степени жизнестойкости и крепкого профессионального здоровья. Хороший уровень развития регуляторных механизмов, согласно полученным нами данным, можно рассматривать как один из критериев психологических ресурсов, которые позволяет приемным родителям успешно справляться с многочисленными повседневными и экстремальными стресс-факторами, обеспечивая устойчивое функционирование замещающей семьи как единой системы.

Библиографический список

1. Алдашева А.А., Зеленова М.Е. Профессиональная замещающая семья: подход к проблеме с позиций социальной психологии труда // Семья, брак и родительство в современной России. Выпуск 2 / под ред. А. В. Махнач, К. Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015.
2. Алдашева А.А., Клубникова Ю.А., Соболева Е.С. Учебно-методическое руководство по подготовке кандидатов в замещающие родители в школе приемных родителей. М.: Изд-во «Канцлер», 2014.
3. Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Рунец О.В. Профессиональная компетентность замещающих родителей как фактор психологической безопасности приемных детей // 7-я Российская конференция по экологической психологии / отв. ред. М.О. Мдивани. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; СПб. : Нестор-История, 2015.
4. Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии. СПб.: Речь, 2001.
5. Котова Т.Е. Социально-психологические и личностные характеристики готовности к замещающему родительству: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2011.
6. Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В. Стрессы семейных отношений: тенденции и эффекты совладания // Социальная и экономическая психология. 2016. №1. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document204.pdf>

7. Куфтяк Е. В., Тихонова И.В. Приемная семья: особенности подбора и адаптации. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008.
8. Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В. Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, М.А. Холодная. М.: Институт психологии РАН, 2014.
9. Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ). М: Когито-Центр, 2004.
10. Николаева Е.И. Психология семьи. СПб.: Питер, 2013.
11. Ослон Н.В. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006.
12. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. СПб.: Питер, 2007.
13. Шульга Т.И. Особенности сопровождения замещающих семей с детьми разного возраста. URL: <http://psyjournals.ru/childdeprivation/issue/69107.shtml/>.

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ КАК ПОДДЕРЖИВАЮЩЕЕ ПРОСТРАНСТВО БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ МАТЕРИ

Богомолова Е.И.

Ключевые слова: пространство бытия личности, со-бытие, социальная сеть, личность матери.

В нашем изменяющемся мире и в мире изменений процесс виртуализации не прекращается ни на минуту, его влияние на личность, ее бытие и со-бытие с Другими усиливается, ставя новые вопросы перед специалистами различных областей наук. Для ответа на эти вопросы формируются целые направления и комплексы исследований виртуальной реальности – «психология виртуальной реальности», «киберпсихология», «виртуалистика» (включающая инженерные, философские, психологические, культурологические и прочие направления) и т.д. [2; 5, с.1002]. Ответ на один вопрос порождает множество новых касательно виртуального со-бытия личности.

Предшествующие исследования показали, что деятельность активного пользователя социальных сетей с высокой субъектностью характеризуется направленностью на расширение коммуникативных границ реального бытия, преобразование действительности в соответствии с внутренними смыслами, стремлением к самоактуализации с применением ресурсов виртуального бытия [1]. «Одна из глобальных детерминант субъектности – стремление человека к обретению и поддержке идентичности» [6, с.154]. Субъект виртуального бытия готов предьявлять свою идентичность, укреплять и отстаивать свою субъектность в виртуальном со-бытии, встречаться с Другим, искать принятия, проявлять интерес, оказывать и принимать поддержку.

Личность испытывает потребность быть подтвержденной извне, где внешнее наполнено значимыми для нее отношениями, связями и людьми. В пространстве виртуального со-бытия личность так же нуждается в подтверждении, согласованности, чувстве единства и сопричастности, включенности в бытие другого человека или значимой группы.

Понимание поддержки личности основывается на действиях оказания помощи другому и включают в себя акты заботы, советы и обмен опытом, радость за успехи других, сопереживание, выслушивание проблем и т.д. [7]. Личность уверена, что Другой готов проявить к ней заботу, участие, уважение и понимание. Социальная поддержка необходима и служит источником для других ресурсов, а в случае ее недостатка ведет к росту болезней [8].

Реальные социальные сети зарубежными исследователями (S. Cohen, I. G. Sarason, S. E. Hobfoll и др.) рассматриваются через блага, которые человек получает в процессе взаимодействия с другими участниками. Речь идет о тех действиях партнеров, которые придают человеку ощущение собственной значимости в жизни других, уверенность в том, что его любят, ценят и принимают.

Если сегодня речь идет о социальных сетях, подразумеваются социальные сети Интернета (Вконтакте, Instagram, Facebook, Твиттер и др.). Это по-прежнему самый востребованный способ коммуникации, иногда более востребованный, чем непосредственное общение. Для достижения аудитории в 50 млн. человек радио понадобилось 38 лет, телевидению – 13 лет. Социальные сети уложились в 4 года – социальная сеть Facebook добавила 100-миллионного пользователя меньше, чем за 9 месяцев своего существования. Помимо этого, социальные сети – это пространство самопредьявления личности, заявления сообществу о себе [1].

Аудитория социальных сетей уже не растет так интенсивно, как в первые годы своего возникновения, но остается по-прежнему внушительной. По данным Web Index TNS на февраль 2016 г. лидирующие позиции среди социальных сетей в России занимают: 1. ВКонтакте – более 19 тыс. активных пользователей за месяц; 2. Instagram – более 9 тыс. активных пользователей за месяц; 3. Facebook – более 1,6 тыс. активных пользователей за месяц.

На основании отчетов аналитического центра Brand Analytics основными пользователями социальных сетей являются женщины – 57,2% против 42,8% пользователей-мужчин. Подробнее гендерный срез аудитории самых популярных в России социальных сетей выглядит следующим образом: В контакте – 56,2% женщин, 43,8% мужчин; Instagram – 75,7% женщин, 24,3% мужчин; Facebook – 57,9% женщин, 42,1% мужчин; Твиттер – 49,4% женщин, 50,6% мужчин; Мой мир – 60,3% женщин, 39,7% мужчин; LiveJournal – 43,6 % женщин, 56,4% мужчин (<https://br-analytics.ru>).

Актуальность поднимаемой темы очевидна, поскольку женщина в социальной сети транслирует ценности современного общества, современной семьи и детей, становится частью общности таких же женщин. Она сочетает в себе множество ролей: она одновременно мать и жена, она остается дочерью, сестрой и невесткой, может быть наставником, другом, предпринимателем и т.д. «За каждой ролью стоят значимые для личности ценностные представления о себе, создающие направленность в содержании самопрезентаций, в поиске поддержки-подтверждения со стороны значимого Другого» [6, с.157]. Мы задались вопросом: может ли социальная сеть Интернета выступать поддерживающей средой для личности матери?

Анализ результатов исследования «Родители и социальные медиа» («Parents and Social Media»), проведенного Pew Research Center (M. Duggan, A. Lenhart) совместно с University of Michigan's School of Information (C. Lampe, N. B. Ellison) указывают, что родители (чьи дети не достигли 18 лет) составляют 75% пользователей социальных сетей (в опросе приняли участие 2003 американца старше 18 лет). Для родителей социальные сети – это возможность обменяться опытом, поделиться проблемой или получить поддержку: а) 88% матерей, 71 % отцов реагируют на хорошие новости; б) 83% матерей, 74 % отцов находят полезную информацию; в) 80% матерей, 65% отцов получают поддержку; г) 77% матерей, 64% отцов отвечают на вопросы; д) 61% матерей, 53% отцов реагируют на плохие новости [3].

Активность матерей в социальных сетях отражается в росте числа страниц, которые ведут мамы, в том числе и многодетные, мамы «особенных» детей, мамы приемных детей, рассказывая о своем опыте материнства и воспитания, об уходе за «особенным» ребенком, опыте усыновления, адаптации приемного ребенка в семье и т.д.

Социальные сети включают в себя широчайший спектр человеческого опыта: они помогают людям общаться и взаимодействовать в любых жизненных ситуациях, в том числе, когда личности необходима поддержка Другого. Матери с большой вероятностью откликнутся на сообщения, помогут с каким-либо вопросом, а также, при необходимости, сами примут поддержку: течение месяца 50% матерей получили в социальных сетях поддержку, когда возникали трудности с детьми. Это не только обмен информацией, знаниям и опытом, но и просто сочувствие [3].

Вместе с тем активность матери в социальной сети сопряжено с вероятными трудностями, в числе которых нарушение границ ее личности. Исследователи феномена границ предложили их дифференциацию, в зависимости от степени проницаемости: жесткие, четкие и диффузные [4]. Диффузные границы предполагают чувство единства между субъектами, формирование чувства взаимной поддержки, схожесть состояний, настроений, ожиданий и т.д. Но эти позитивные стороны тесно связаны с негативными: вероятность возникновения зависимости от Других, отсутствие самостоятельности в принятии решений, неготовность нести ответственность за отношения и т.д.

В социальной сети такие эффекты могут быть связаны с высокой (возможно чрезмерной) активностью матери в сети, бестактностью, агрессивностью собеседников, лишенных этических ограничений общения в сети, вероятностью непонимания и конфликтов в силу специфики виртуального общения, нарушением сохранности личной информации и личных данных, отсутствием приватности для матери и ее близких (в первую очередь детей) и т.д. Несмотря на это число блогов матерей растет, а вместе с ним и число подписчиков. По данным исследования «Родители и социальные медиа» большинство родителей не чувствует неловкости, когда контент, затрагивающий их ребенка, размещен в социальной сети другими членами семьи, воспитателями, знакомыми или друзьями: 88% не чувствуют дискомфорта и не испытывают неудовольствия; 12% родителей, признаются, что ощущают дискомфорт; 11% всех родителей просят удалить сообщения об их детях из социальных сетей [3].

Человек испытывает естественную потребность в поддержании своей целостности, в сохранении идентичности, а для этого ему необходимо такое бытийное пространство межличностных отношений, где он находил бы подтверждение и поддержку у Других. В социальных сетях матери встречают людей со сходными переживаниями, чей опыт оформлялся в схожих жизненных ситуациях, с кем согласуются ценностные ориентации, принципы и образцы. Сообщая о себе, заявляя о своих состояниях, сомнениях и потребностях, современная мать получает не оценку, а необходимое подтверждение своей идентичности и поддержку.

Тема активности матерей в социальных сетях, особенности преследуемых ими целей, реализуемых потребностей и в целом взгляд на социальную сеть Интернета как поддерживающую среду новы для психологической науки и мало изучены. Социальные сети Интернета в современных психологических исследованиях не рассматриваются как возможная ресурсная, поддерживающая среда для личности матери, в которой она может получить нечто большее, чем просто удовольствие от развлечений, скоротать время или «нажить себе проблем» в виде зависимости. В результате анализа исследований по теме, очевидно, что социальная сеть в состоянии стать поддерживающим пространством для личности в отдельных ролевых нишах, в частности матерям, укрепляя их субъектность в виртуальном, а значит и в реальном со-бытии.

Библиографический список

1. Богомолова Е.И. Взаимосвязь личностных характеристик с особенностями активности пользователей социальных сетей Интернета: дис. ...канд. психол. наук. Краснодар: КубГУ, 2015.
2. Бондаренко Т.А. Виртуальная реальность в современной социальной ситуации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2007.
3. Дагган М. Ленгарт А., Лэмпе К., Эллисон Н. Родители и соцсети // Зарубежные исследования: дети в информационном обществе. № 21. 2015.
4. Николе М., Шварц Р. Семейная терапия. Концепции и методы. М.: Эксмо, 2004.
5. Шахмартова О.М., Болтага Е.Ю. Психологические аспекты общения в социальных сетях виртуальной реальности // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 24.
6. Тиводар А.Р. Личность как субъект со-бытия в брачных отношениях: дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар: КубГУ, 2008.
7. Abbott-Chapman J., Denholm C., Wyld C. Social support as a factor inhibiting teenage risk-taking // Journal of Youth Studies. 2008. Vol. 11, № 6.
8. Hobfoll S. E. The Influence of Culture, Community and the Nested-self in the Stress process // Applied Psychology: An International Review. 2001.

ОСОБЕННОСТИ САМОСОЗНАНИЯ МОЛОДЫХ ОТЦОВ, УДЕЛЯЮЩИХ РАЗНОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ СВОЕГО РЕБЕНКА *Борцова М.В., Кузнецова Е.В., Некрасов С.Д.*

Ключевые слова: отцовство, осознание отцом времени для ребенка, осознание отцом личности своего ребенка, особенности самосознания молодых отцов, семейная идентичность, ценностные ориентации бытия.

Появление ребенка в молодой семье вносит изменения в уклад жизни супругов, ставших отцом и матерью, диктует необходимость изменения сложившегося распределения их личного времени бытия. Если в первые годы жизни ребенка мать вынужденно занимается ребенком больше чем его отец, то трехлетний ребенок начинает больше требовать внимания отца, определяя занятость его личного времени.

Какие существуют отличия самосознания молодых отцов, уделяющих разное время для своего ребенка? Какие существуют отличия в осознании ими свойств личности своего ребенка? В ценностных ориентациях бытия? В семейной идентичности? Вопросы, список которых можно продолжить, определяют интерес авторов к исследованию самосознания молодых отцов как части проблемы отцовства, к которой можно отметить рост интереса современных исследователей.

Можно предположить, что существуют личностные особенности самосознания у молодых отцов, уделяющих различное время для своего ребенка, относящиеся к осознанию свойств личности ребенка, ценностным ориентациям бытия и семейной идентичности. Теоретические обоснования предположения начнем с феномена «осознание молодыми отцами времени своего бытия», исследо-

ваний которого относительно немного (Е.И. Головаха, А.Н. Кимберг, А.А. Кроник, И.А. Ральникова, М.К. Тимофеева и др.).

Считаем, что к важным атрибутам жизни человека относится «осознание времени» как категория человеческого бытия. Осознание человеком времени можно рассматривать как осознание им длительности времени как единства промежутка и мгновения времени, то есть осознание целостности конкретного события бытия и отдельных эпизодов этого события, в которых человек участвует [2].

Время, с одной стороны, объективная часть человеческого бытия: события происходят в хронологическом порядке, имеют конечную продолжительность (минуты, часы, дни, годы, ...). С другой стороны, осознание человеком времени бытия субъективно: человек может переживать происходящее с ним как событие в целом, так отдельные эпизоды события, а также как свою роль в событии, так и осознание последствий этого события для будущего.

Полагаем, что молодые отцы по-разному осознают время собственного бытия, в том числе, события, предшествующие рождению ребенка (решение о появлении у него ребенка, вынашивание и рождение ребенка и др.), настоящие события (участие в уходе за ребенком, защита ребенка и др.), ответственность за развитие ребенка (общение со своим ребенком, роль в обучении и воспитании, мысли о будущем своего ребенка и др.). При-чем, осознание молодыми отцами времени для своего ребенка содержит как осознание конкретного события общения с ребенком, так и каждого мгновения времени, в которых они участвуют. Исследователи особенностей осознания отцами свойств личности ребенка (Ю.В. Борисенко, Ю.В. Евсеенкова, И.С. Клецина, С.Д. Некрасов, З.И. Рябикина, А.Р. Тиводар и др.) выделяют основные параметры отцовства как компонента самосознания мужчины, в том числе: осознание мужчиной своей ответственности за настоящее бытие и будущую жизнь ребенка; осознание мужчиной привязанности к своему ребенку как осознание эмоциональной связи с ребенком и необходимости общения с ребенком; осознание мужчиной необходимости выделения времени для общения со своим ребенком.

Выраженность параметров отцовства позволяют различать разные статусы готовности к отцовству и этапы развития осознания отцовства:

– «Статус неготовность к отцовству», отличает мужчину, который осознает, что пока не готов стать отцом;

– «Статус готовность к традиционному отцовству», отличает мужчину, который осознает, что он должен отвечать только за материальное обеспечение и защиту ребенка, а за настоящее бытие (общение и эмоциональную связь с ребенком) и за планирование развития ребенка должна отвечать мать ребенка;

– «Статус готовность к современному отцовству», отличает мужчину, который осознает, что он должен отвечать за настоящее бытие ребенка (материальное обеспечение и защиту ребенка, общение и эмоциональную связь с ребенком), а за планирование развития ребенка должна отвечать мать ребенка. То есть ответственность отца за ребенка несколько меньше, чем у матери ребенка;

– «Статус готовность к эгалитарному отцовству», отличает мужчину, который осознает ответственность за настоящее бытие (материальное обеспечение и защиту ребенка, общение и эмоциональную связь с ребенком) и за планирование развития ребенка, деля ответственность за ребенка поровну с матерью ребенка [4].

Дети дошкольного возраста видят во взрослом человеке защитника и партнера по играм, преимущественно, активным играм. Полагаем, что для молодых отцов актуальна проблема осознания личности своего ребенка и понимания того, что его ребенок осознает его отцовские функции. Поэтому, исследования общения отца со своим ребенком необходимо рассматривать также через призму осознания ребенком общения со своим отцом. Важным являются отличия ценностных ориентаций бытия и семейной идентичности у молодых отцов, их стремление к самовыражению своих физических, социальных, личностных, духовных, интеллектуальных качеств, становление личности молодого отца с целью реализовать себя.

Для поиска эмпирических подтверждений предположения о том, что существуют личностные особенности самосознания у молодых отцов, уделяющих различное время для своего ребенка, относящиеся к осознанию свойств личности ребенка, ценностным ориентациям бытия и идентичности в семейной сфере, была сформирована выборка из 28 молодых отцов. Возраст отцов от 25 до 30 лет, у каждого есть дети, возраст детей от 3 до 7 лет.

Методики исследования: методика «Я и мой ребенок», методика М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?», методика Д.А. Леонтьева «Тест смысложизненных ориентаций», методика М. Рокича

«Ценностные ориентации». Основные математические методы: протоколирования данных в EXCEL, ФИ-критерий Фишера, Т-критерий Стьюдента [3].

Методика «Я и мой ребенок», представляет разработанное структурированное интервью с вопросами о количестве времени, выделенном отцом для общения с ребенком; о видах общения с ребенком; о свойствах личности ребенка; о содержании ответственности за жизнь ребенка, а также, вопросы о положительных и отрицательных свойствах ребенка [1].

Анализ ответов на вопрос о количестве времени, уделяемым отцом для общения с ребенком, позволил выделить две группы респондентов, различающихся осознанием собственного времени для своего ребенка.

В одну группу размещены респонденты, ответы которых содержат описание времени общения с ребенком («Половину свободного времени», «Выходные и вечера», «Приблизительно один час, не считая выходных» и др.). Рабочее наименование этой группы – «Необходимо общение с ребенком».

В другую группу размещены респонденты, ответы которых свидетельствуют о сложностях выделения своего времени для общения с ребенком («Я очень занят на работе», «Мне некогда», «Я много работаю, устаю» и др.). Рабочее наименование этой группы – «Сложно выделить время для общения с ребенком»

Анализ и обобщение результатов выполнения методик: «Я и мой ребенок» (ответы на вопросы о видах общения с ребенком; о свойствах личности ребенка; о содержании ответственности за жизнь ребенка, о положительных и отрицательных свойствах ребенка); «Кто Я?», «Тест смысложизненных ориентаций», «Ценностные ориентации» позволил кратко описать особенности самосознания выделенных групп респондентов.

Молодых отцов группы «Необходимо общение с ребенком» отличает то, что многие:

- планировали и ждали рождение своего ребенка, ребенок для них был желателен;
- играют со своим ребенком, в том числе в логические, компьютерные, активные игры, ходят на прогулку, вовлекают своего ребенка в совместную деятельность, обеспечивают ребенка, задумываются о будущем своего ребенка, о его занятости, о стабильном существовании своего ребенка;
- осознают свойства личности своего ребенка, ориентированы в пристрастиях своего ребенка, наделяют своего ребенка такими положительными качествами как доброжелательность, пылливый ум, смелость, видят у ребенка и отрицательные качества, но принимают его таким, каков он есть, то есть видят в своем ребенке больше положительных качеств и меньше отрицательных;
- ориентированы на внутрисемейный круг общения, особое значение придают факту отцовства;
- обеспокоены решением материальных затруднений, что можно связать с их беспокойством о стабильности материального обеспечения своих детей, ориентированы на наличие в ближнем окружении своей семьи хороших и верных друзей, на развлечения, имеют большие требования к жизни, ценят твердую волю и умение настоять на своем, а также – терпимость и умение прощать ошибки;
- ориентированы на эмоционально насыщенный, наполненный смыслом процесс своей жизни, на удовлетворенность прожитой частью жизни, на осознание того, насколько продуктивна и осмысленна прожитая часть жизни, на осмысление условий своего бытия.

Молодых отцов группы «Сложно выделить время для общения с ребенком» отличает то, что многие:

- не планировали рождение своего ребенка;
- редко играют с ним, редко ходят на прогулку, не вовлекают своего ребенка в совместную деятельность, часто платят алименты, не задумываются о будущем своего ребенка и его стабильном существовании;
- слабо ориентированы в пристрастиях своего ребенка, видят в своем ребенке больше отрицательные качества (выделяя трусость и болезненность), то есть, в целом, отмечают меньше положительных и больше отрицательных качеств своих детей, предъявляют к ним больше требований, часть респондентов затрудняется в характеристике своего ребенка;
- ориентированы больше на социум, чем на семью, не уделяют большого внимания семейной идентичности, не придают особой значимости факту отцовства, ориентированы на большое количество социальных связей;
- почти не ориентированы на материальное обеспечение жизни своего ребенка, больше сконцентрированы на своей работе или своем хобби, мало озабочены высокими притязаниями, мало времени уделяют воспитанию ребенка;
- отмечают неудовлетворенность своей настоящей жизнью, прожитой частью жизни, ее продуктивностью, самореализацией, мало ориентированы на осмысление условий своего бытия.

Таким образом, существуют личностные особенности самосознания у молодых отцов, уделяющих различное время для своего ребенка, относящиеся к осознанию свойств личности ребенка, ценностным ориентациям бытия и идентичности в семейной сфере. Вместе с тем, исследование отцовства как компонента самосознания мужчины планируем продолжить.

Библиографический список:

1. Кузнецова Е.В., Некрасов С.Д. Особенности самосознания молодых отцов, уделяющих разное время для общения со своим ребенком // Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодого исследователя. Психология / отв. ред. А.В. Егупов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015.
2. Некрасов С.Д. Компетентность бытия человека как фактор актуализации его представлений о времени в ситуации выбора // Личность как субъект организации времени своей жизни / отв. ред. З.И. Рябикина, П.Н. Ермаков. Краснодар, 2008.
3. Некрасов С.Д. Математические методы в психологии (MSExcel). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2014.
4. Некрасов С.Д. Отцовство как сложный развивающийся компонент самосознания мужчины // Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи: материалы Международной научно-практической конференции IV Столыпинские чтения / отв. ред. А.В. Баранов. Краснодар, 2015.

ПРИВЯЗАННОСТЬ К ДОМУ И ГРАФИЧЕСКАЯ СХЕМА ДОМАШНЕГО ПРОСТРАНСТВА¹

Бочавер А.А., Резниченко С.И., Дмитриева Н.С., Нартова-Бочавер С.К.

Ключевые слова: домашнее пространство, привязанность к дому, графическая схема.

Домашнее пространство представляет собой сложную комбинацию социальных, психологических, ценностных, архитектурных, эстетических параметров, которые, объединяясь, формируют объект высокой или низкой привязанности к дому [1, 4, 5, 6, 7]. Привязанность к дому мы операционализируем как положительную эмоциональную связь человека с его домом, проявляющуюся в предпочтении дома другим средам и стремлении осуществлять в нем различные виды деятельности [3]. Как показывают многие исследователи, ключевым для восприятия дома являются не его объективные характеристики, а те смыслы, которыми наделяет данное пространство человек. Таким образом, обсуждая отношение к дому, мы всегда в большей степени сталкиваемся с субъективным восприятием дома, нежели с его объективными данными [2].

Цель данного пилотажного исследования состояла в изучении связи между особенностями графического изображения домашнего пространства и степенью привязанности авторов изображений к дому, а также в проверке в целом возможностей использования графической схемы домашнего пространства для анализа представлений респондентов о доме.

В батарею методик входил разработанный и адаптированный на российской выборке шкальный опросник «Привязанность к дому», состоящий из 14 утверждений, описывающих отношение человека к дому в категориях «мое», «родное» и «любимое», степень согласия с которыми оценивается по 5-балльной шкале Лайкерта [3].

Также было включено задание со следующей инструкцией: *«Изобразите, пожалуйста, схематично ваше жилище, и выделите (цветом, линией или как-то еще) те зоны, которые вы считаете наиболее «своими», которые вы ассоциируете с понятием «личное пространство». Если с вами проживает кто-то еще, пожалуйста, отметьте другим цветом (другой линией и т.п.) зоны, которые вы бы обозначили как личное пространство каждого из этих обитателей. Подпишите, пожалуйста, все важные элементы!»*. Выборку составили 93 респондента (возрастной диапазон 17-35 лет; $M_{\text{возраст}} = 21,3$; $SD = 4,9$; 72% женщины).

Респонденты продемонстрировали широкое разнообразие в пространственном и цветовом решении задачи по изображению схемы: кто-то использовал оборотную сторону листа (предназначенную для этого исследователями), кто-то предпочитал вставлять миниатюрную схему между абзацами заданий в батарее; кто-то использовал ту же шариковую ручку, которой заполнял опросники, кто-то брал простой карандаш, кто-то задействовал ряд цветных карандашей или фломастеров. После консультации с экспертами в области психологии и дизайна была выработана следующая бинарная схема анализа и кодирования изображений по 4 блокам (9 критериев):

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект №14-18-02163.

1. Уровень детализации.
 - 1.1.1. План квартиры / 1.1.2. План + наполнение пространства.
 - 1.2.1. Территории названы / 1.2.2. Территории не обозначены.
 - 1.3.1. Мне принадлежит пространство / 1.3.2. Мне принадлежит предметная часть.
 - 1.4.1. Пространство разделено на «мое»–«чужое» / 1.4.2. Обозначено, кому именно принадлежит пространство.
 - 1.5.1. Пространство делится на «мое» и «не мое» / 1.5.2. Наличие общего пространства (владею с кем-то).

2. Планировка квартиры.

- 2.1.1. Коридорного типа / 2.1.2. Свободная планировка.

3. Степень изоляции комнат.

- 3.1.1. Общие стены / 3.1.2. Пустота вокруг каждой комнаты.

4. Способ презентации.

- 4.1.1. Плоскостное / 4.1.2. Пространственное (есть перспектива).

- 4.2.1. Цветовая маркировка (пятно) / 4.2.2. Монохромная маркировка (штриховка).

Для сравнения количественных (привязанность) и качественных (параметры графического изображения, выраженные дихотомической шкалой) данных мы использовали двусторонний точечно-бисериальный коэффициент корреляции (r_{pb}).

Результаты показали статистически высоко достоверную положительную связь между плоскостным изображением домашнего пространства и привязанностью к дому ($r_{pb} = 0.280$, $p = 0,006$). Кроме того, были выявлены достоверная отрицательная корреляция между разделением пространства на «мое» и «не мое» и привязанностью к дому ($r_{pb} = -0,250$, $p = 0,017$) и положительная корреляция между наличием общего пространства (которым респондент владеет наравне с другими обитателями) и привязанностью к дому ($r_{pb} = 0.260$, $p = 0.013$).

Наконец, были выявлены умеренно значимые связи между прорисовыванием общих стен между комнатами ($r_{pb} = 0.210$, $p = 0.048$) и привязанностью. Кроме того, в тенденции выявлены отрицательные связи привязанности к дому с разделением пространства на «мое» - «чужое» (отрицательная, $r_{pb} = -0.150$, $p = 0.087$), а также с наличием в изображении объемного изображения ($r_{pb} = -0.180$, $p = 0.077$).

Эти данные показывают, что изображаемая изоляция обитателей связана с низкой привязанностью к дому. Люди с высокой привязанностью к дому тяготеют к изображению на схеме общего пространства, которым обитатели владеют совместно, и, наоборот, у людей с низкой привязанностью к дому чаще встречается изображение разделенных, закрытых для общения, которое воспринимается как посягательство со стороны, пространств. Это можно интерпретировать двояко.

С одной стороны, возможно, высокая привязанность к дому обусловлена положительными отношениями внутри семьи/состава обитателей жилища, и наличие общих пространств позволяет поддерживать и усиливать эти ресурсные, повышающие субъективное благополучие отношения; в то же время низкая привязанность к дому может объясняться низкой сплоченностью обитателей, высокими внутрисемейными границами и изоляцией между членами семьи, что приводит к отчуждению между родственниками и к отчуждению домашнего пространства.

С другой стороны, эта связь может объясняться и в обратную сторону. Возможно, люди, привязанные к дому, стремятся поддерживать пространство коммуникаций в доме, им важно совместное бытие и совместный быт, они вкладывают усилия в обеспечение уюта и общего комфорта, поддерживая позитивные аспекты пребывания дома [4]. В то же время, возможно, люди с низкой привязанностью к дому стремятся минимизировать взаимодействия внутри жилища и выстраивают жесткие границы, защищая свое личное пространство от посягательств соседей.

Библиографический список

1. Бочавер А.А. Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. 2015. № 4.
2. Резниченко С.И. Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены // Социальная психология и общество. 2014. Т.5. №3.
3. Резниченко С.И., Нартова-Бочавер С.К., Кузнецова В.Б. Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2016. № 3.
4. Clapham, D. The meaning of housing. A pathways approach // Bristol: The Policy Press, 2005.
5. Easthope H. A place called home, Housing, Theory and Society, 2004, 21:3.

6. Manzo L. Beyond house and haven: a revisioning of emotional relationships with places // Journal of Environmental Psychology. 2003. 23.

7. Tuan Y. F. Rootedness versus sense of place. Landscape. 1980, 24.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В НЕПОЛНОЙ СЕМЬЕ

Володько О.В.

Ключевые слова: воспитание ребенка, неполная семья, полоролевое поведение.

Проблема неполных семей давно волнует отечественных и зарубежных исследователей. Нарушение полноты семьи влечет за собой ограниченность развития личности детей. Особенно это начинает проявляться в школьном возрасте. В этот период развития детей умственная деятельность становится наиболее интенсивной.

В этот период участие мужчины в воспитании ребенка играет большую роль. Ведь структуры мужского и женского мышления различны. Мужчины, чаще всего, имеют математический склад ума, они имеют способности к пространственному ориентированию. При решении какой-либо проблемы мужчины стараются разложить все по полочкам, у них умелые руки. В общем, мужчины больше ориентируются не на людей, а на вещи.

У женщин же мышление другое. Они чаще всего превосходят мужчин в речевых навыках, у них большой словарный запас. Женщины могут оперировать различными понятиями, охватывают ситуацию в целом (в основном на интуитивном уровне). Конечно бывают и исключения из правил, но тем не менее это реальные тенденции.

Очень важно, чтобы в окружении ребенка для его полноценного развития был и мужской и женский интеллект. По многочисленным исследованиям видно, что если в семье отсутствует отец, то это негативно сказывается на математических способностях как мальчиков, так и девочек. Женщины, воспитанные без отца, чаще всего всю свою жизнь испытывают страх перед математикой, они боятся произвести даже самые простые математические действия.

Отсутствие мужчины в семье, по данным исследований, влияет на формирование интереса к обучению. Если мальчик часто бывает с отцом, то он лучше учится. Существует также проблема половой идентичности (отсутствие или несформированность навыков полоролевого поведения). По мнению исследователей и медиков, утрата чувства пола часто порождает глубокие изменения личности человека. Ребенок теряет свое Я. Изучив возрастную динамику половой идентичности, исследователи отмечают наличие двух кризисов в ее развитии. Первый кризис приходится на возраст 3-5 лет, а второй – на подростковый период.

Огромная роль в развитии половых психологических качеств мужчин и женщин по праву принадлежит отцу. Уже с первых дней жизни отец по-разному играет с мальчиком и девочкой, таким образом формирует их половую идентичность. Американская исследовательница Дж. Глисон обратила внимание на общение отца с детьми. Он старается меньше подстраивать свою речь под уровень понимания ребенка. На развитие мужественности у мальчиков и установление гетеросексуальных отношений у девочек играют первые пять лет жизни ребенка.

Если мальчики воспитываются только матерью, то это может привести к развитию у него женских черт характера: предпочтение игр и занятий, которые традиционно свойственны девочкам, словесная агрессивность, или наоборот, идет преувеличение мужского поведения.

Мужское воспитание для девочки также очень важно. Папа для неё мужчина № 1. Они бессознательно запоминают его черты, особенности его поведения. Это впоследствии отразится на форме будущих отношений с мужчинами. Для девочки важна общая оценка ее внешности, начиная с ранних лет. Если в детстве девочка была лишена мужского образца, то, повзрослев, она с недоумением будет смотреть на этих «чужаков» в пиджаках, бородой и усами, с которыми надо разговаривать не так, как с подругами. Только она не знает как. Чаще всего такие девочки внутренне скованы и зажаты. Они считают себя непривлекательными, часто ту них отсутствуют навыки общения, а мужчин они просто не замечают. Часто такие женщины не могут устроить свою личную жизнь.

На воспитание мальчиков отсутствие отца тоже влияет негативно. Исследователи заметили, что мальчики, лишённые в детстве общения с отцом часто во взрослой жизни не умеют выполнять свои отцовские обязанности. Воспитывающиеся без отца чаще всего впитывают в себя женский тип поведения, либо у них создается искаженное представление о мужском поведении как антагонистически противоположном женскому, и они не хотят вспоминать то, что пытается привить им мать.

Психологи также указывают на негативные последствия чисто женского воспитания мальчиков. Отсутствие или дефицит мужского влияния в детстве может привести к возникновению у мальчиков трудностей усвоения адекватной половой роли. Если мальчик воспитывался в женском окружении, при отсутствии мужчины, который мог бы стать для него образцом мужского поведения, у него почти всегда выявляется то, что психологи называют нарушением поло-ролевого поведения, иначе говоря, у такого повзрослевшего мальчишки и в характере, и в поведении слишком много женского.

Для правильной половой идентификации необходимо, чтобы ребенок не только четко осознал, что он такой же, как его (отец), но и испытал нежные чувства к родителю противоположного пола, с которыми при нормальных условиях воспитания в этот момент возникает особенно близкие отношения. Если таких отношений нет, это может служить и одной из причин развития гомосексуализма.

Бывает так, что мать решает «слепить» из сына идеального (по ее представлению) мужчину, она разрабатывает для него непосильную программу действий, в которую входят занятия и музыкой, и языком, и танцами и т.д. Интересы, желания и возможности ребенка при этом не учитываются. Иногда у него просто не хватает сил для осуществления ее программы, и тогда может наступить нервный срыв.

Существует опасность, что мальчики и девочки, растущие в семье матерей – одиночек, слишком долго будут оставаться эмоционально незрелыми, а стало быть, и в отношениях с противоположным полом они легко могут впасть в одну из крайностей: либо будут идти на установление связей быстро, нисколько не задумываясь о последствиях, либо будут упорно уклоняться от каких бы то ни было контактов. Девочка из-за отсутствия собственного отца создаст свой идеал мужчины, чаще всего мало реалистичный, больше похожий на образы героев художественных произведений, кинофильмов или телепередач. Понятно, что такой ребенок при встрече с действительностью очень легко может разочароваться в жизни.

Отсутствие отца и интересующей информации о нем сказывается на воспитании ребенка самым неблагоприятным образом. Однако возможны и иные случаи. Ученые, например, отмечают, что ребенок, воспитывающийся одинокой матерью, как правило, взрослеет быстрее, чем ребенок, растущий в полной семье. Но быстрое взросление возможно только у тех детей, чьи психические потребности (в заботе, в учении и в эмоциональном самоутверждении) на соответствующих этапах развития ребенка нашли полное удовлетворение. Потребность в социальной ориентации становится проблематичной. Но и здесь, как показывают наблюдения психологов, для одинокой матери не все потеряно. Если ребенок эмоционально развит, если у него установились правильные отношения с матерью, если в нем сведен до минимума комплекс утраченного отца, есть надежда, что он не растеряется при знакомстве с лицом противоположного пола.

Нарушение процесса поло-ролевой идентификации вследствие отсутствия мужчины в семьях одиноких матерей может привести к развитию у мальчиков гомосексуализма. У юношей, отличающихся феминным (женственным) поведением, во взрослой жизни возможны несколько вариантов. Самый благополучный из них: скромный «женственный» юноша с мягким и покладистым характером встречает волевою, сильную женщину, иногда старше себя. Они создают гармоничную семью. Он с удовольствием выполняет в доме обычную женскую работу. Но гораздо чаще такие молодые люди несчастливы в семейной жизни. Преимущественно женское окружение и воспитание в детстве накладывают отпечаток на всю дальнейшую жизнь. Такие мужчины избирают не просто подчиненное положение в семье, когда глава семьи жена, но и утрированно женский тип поведения – страдательный.

В.С. Мухина отмечает, что для мальчиков важно само присутствие родителей обоего пола. Этот факт доказывает то, что мальчики, живущие с матерями, повторно вышедшие замуж, менее тревожны, более ориентированы на социальное поведение, проявляют больше когнитивных умений, чем сыновья одиноких матерей. Дети из неполных семей испытывают трудности в установлении отношений с противоположным полом. Мальчики воспринимают сверстниц по образу матери, сравнивая их, принятие образа девочки опосредованно от образа матери, которая чаще всего для мальчика является идеалом.

Девочки же из неполных семей чувствуют себя комфортнее с мальчиками, что можно объяснить тенденцией быть «своим парнем» для мальчиков. Такие девочки считают мальчиков значимыми фигурами, давая им оценку по их положению в обществе, стремятся быть похожими на них, и ведут себя соответствующим образом. Таким девочкам кажется, что они будут ощущать себя более комфортно в среде мальчиков. Это неестественная полоролевая идентификация, которая может оказать

влияние на взаимоотношения с мальчиками и привести к тому, что девочки из неполных семей испытывают в целом больше затруднений в общении с противоположным полом. Их взаимоотношения приводят к большому психологическому напряжению, попытки играть неестественную для них, как для девочек, роль. Что приводит к искажениям в восприятии таких девочек со стороны социума, что в конечном итоге приводит к повышению уровня тревожности.

Таким образом, можно сделать вывод, что значимой сферой установления нормальных и комфортных отношений с противоположным полом являются представления о мужественности, женственности, представления о мужской и женской ролях поведения в обществе. В случае неполноты семьи такие представления формируются с трудностями, так как нет образца, по которому могли бы быть усвоены эти понятия. Поэтому во взрослую жизнь такие подростки выходят с искаженным восприятием реальных взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Библиографический список

1. Пешишкиан Н. Позитивная семейная психотерапия: семья как терапевт. М.: Смысл, 2013.
2. Тюгашев Е.А., Попкова Т.В. Семейведение. Новосибирск: СибУПК, 2002.
3. Фримен Д. Техники семейной психотерапии. СПб.: Питер, 2014.
4. Кернберг О. Отношения любви: Норма и патология. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012.
5. Бейкер К. Теория семейных систем М. Боуена // Вопросы психологии. 2013. № 6.

Нужна ли «Мэри Поппинс» российской семье? К вопросу о становлении новой профессии *Дробышева Т.В.*

Ключевые слова: профессиональная деятельность няни, отношения в семье, профессиональное поведение и личность няни.

Рой Баумейстер – социальный психолог, известный своими экспериментами по формированию самоконтроля у детей, в своем бестселлере «Сила воли...» приводит в пример телевизионные реалити-шоу, благодаря которым родители из семей среднего класса узнали о *привилегии богатых людей* (аутсорсинге их «рабочих мест» британской няней). Проблемы воспитания американскими родителями своих «трудных детей» в рамках телешоу решаются легко. «Как только в их доме не торопясь появляется британская няня, одетая в соответствии с викторианским образом: черная юбка, полосатый черный жилет, черные чулки, бордовая шляпка в виде колокола и, соответствующая облику, накидка с золотыми пуговицами и цепью, ведущий шоу торжественно объявляет: "Родители Америки, помощь на пути к вам!"» [4, с.187].

А нужна ли няня семье? И почему отношения родителей и детей выстраивают не сами субъекты этого процесса, а «наемный работник»? Есть ли границы его полномочий и кто их устанавливает? В вышеприведенном примере речь идет не о няне, – о гувернантке. Однако проблема выбора няни является ключевым моментом в работе современных агентств по подбору кадров в семью. Получая в агентстве список претендентов на должность няни и соответствующие рекомендации, родители оставляют за собой окончательный выбор кандидатуры: «Фрекен Бок», «Арина Родионовна», «Мэри Поппинс» или «Мисс Эндрю»? Однако ни родители, ни сотрудники агентств не задают вопрос, а нужна ли няня семье?

Современный этап самоопределения профессии «няня» связывают с периодом «экономических трансформаций и реформ» 90-х гг. прошлого века, когда потребность в услугах няни в обществе резко возросла. В это время молодые родители, ориентируясь на элементы западной культуры, изменили свои представления о деятельности няни в семье, акцентировав внимание на ее статусе наемного работника. Няне предписывалось быть психологически дистанцированной от своего воспитанника («любить должны родители»). Осуществляя уход за маленьким ребенком, она не должна была заниматься его воспитанием (в европейских и американских семьях распространено именно такое мнение). Однако нанимая няню, российские родители часто оказывались «заложниками» ее услуг («хочу, но не могу поменять няню. Ребенок будет переживать» и т.п.) [1, 2].

В этот период и последующие полтора десятилетия нового века средства массовой информации систематически привлекали (и привлекают) внимание общественности к дискуссии о роли няни в современной российской семье. С телеэкрана и со страниц журналов (особенно «желтой прессы») «звезды» шоу-бизнеса и представительницы финансовой элиты делятся негативным опытом взаимодействия со своими нянями.

Несмотря на такую модальность общественного дискурса относительно поведения нянь в семьях, востребованность их услуг на рынке труда за последнее десятилетие не снизилась. Наоборот, число агентств, занимающихся подбором нянь в российские семьи, в последние годы существенно возросло. Причем возрос и спрос на услуги нянь в семьях не только высоко обеспеченных, но и со средним уровнем дохода.

В связи с этим возникает ряд вопросов, ответы на которые позволяют очертить границы социальной проблемы не явно, но латентно присутствующей в российском обществе: «Почему современные молодые мамы не хотят выполнять свои функции по уходу за ребенком в период с его рождения и до 3 лет, который гарантирован государством с точки зрения социальной, юридической и финансовой поддержки института материнства?»; «Существует ли угроза следующему поколению детей (их личностному становлению, групповой идентичности с семьей, выполнению социальных ролей в семье), чьи родители воспитывались с раннего возраста в семьях с нянями?»; «Какие психологические эффекты воспитания няней ребенка раннего возраста могут повлиять на последующее становление его как личности, как субъекта социальных отношений, на его социализацию в целом?» и т.п.

На некоторые из поставленных вопросов мы можем дать ответ сегодня (в первую очередь благодаря проведенным исследованиям и данным, накопленным автором в процессе психологической практики). Однако большинство из них (в том числе пока не сформулированных) будут ожидать ответа еще длительный период времени.

Изменение системы отношений в российской семье, в частности отношения матери к своему ребенку, которая на социальном уровне переносит часть своих материнских функций по уходу за ним (с 0 до 3 лет) на чужого взрослого (наемного работника), а на психологическом уровне – «материнские чувства», – это социальная проблема не сегодняшнего дня, поскольку воспитанные нянями дети начала 90-х гг. только вступили в свой репродуктивный возраст. Отношения матери и ребенка раннего возраста, опосредованные включением чужого взрослого – няни, расширяют спектр социальной проблемы. Еще один ее ракурс – это взаимоотношения матери и няни, родителей и няни, ребенка и няни, ребенка и его сверстников. Очевидно, что степень психологической готовности матери (еще до родов) передать чужому человеку не только свои социальные функции, но и «материнскую привязанность» играет здесь ключевую роль. Решение этой проблемы видится нами в содействии исследовательской и практической психологии на поле прикладных наук (подчеркнем, именно наук, а не науки).

Отношения мамы и ее ребенка, воспитываемого в раннем возрасте няней, носят опосредованный характер. Роль посредника в зависимости от готовности матери передать няне свои функции не только на социальном, но и психологическом уровне, может отличаться.

Няня, выступая транслятором требований и ожиданий родителей, все же опирается на свои представления о функциональных обязанностях. В зависимости от занимаемой позиции в отношениях с работодателями, от мотивации выбора деятельности, она может бесконфликтно принимать требования родителей, но может и противостоять им. В последнем случае няня открыто не высказывает свое несогласие, но ищет компромиссный способ реализации своей позиции в профессиональном поведении.

Как показали наши исследования, все няни предпочитают активно включаться в ситуации взаимодействия воспитанника со сверстниками, разрешая за ребенка конфликт с другими детьми или устанавливая контакты с ними.

Большинство нянь в случае угрозы эмоциональному состоянию воспитанника (может расстроиться, переживать, плакать), его физическому здоровью (дети на игровой площадке бросаются песком, толкаются, дерутся), предпочитают ограничить его контакты со сверстниками. Единицы из их числа считают нужным формировать в ребенке способность к эмпатии, самостоятельность в решении социальных задач, направленность на взаимодействие со сверстником, а не со взрослым. Следствием этого является низкий уровень социально-психологической зрелости воспитанников, проявляющийся в их взаимодействии со сверстниками.

Принимая во внимание, что психологическую готовность к передаче своих функций по уходу за ребенком младенческого и раннего возраста демонстрируют те мамы, которые ориентированы на достижение социального статуса, а не на реализацию себя как матери, можно утверждать следующее. Будут или нет проявляться признаки «нянечных детей» у ребенка, воспитывающегося няней в раннем возрасте, зависит не столько от няни, сколько от его родителей, матери в первую очередь. Осуществляя подбор няни в семью, психолог-практик должен воздействовать и на сознание матери, не желающей по той или иной причине выполнять свою роль в полном объеме.

Следовательно, решение совокупности проблем, связанных с присутствием в семье наемного работника, выполняющего функции матери по уходу за ребенком раннего возраста, не может быть реализовано на поле только одной прикладной науки – практической психологии образования, психологии семьи или психологии труда. Междисциплинарный характер проблемы предполагает ее комплексное решение.

В перспективе изучения конкретного социально-психологического феномена, следует обратиться к вопросу о необходимости разработки нормативной модели взаимодействия профессионала в рамках прикладной социальной психологии. Существующие нормативные модели социомических профессий (модель профессиональной деятельности) не включают требования к взаимодействию работодателя и наемного работника в семье.

В связи с отсутствием норм и требований, регламентирующих взаимодействие няни в семье, отношения всех участников этого процесса (родители-няня-ребенок) еще долго будут носить интуитивный, а не рациональный характер («...если повезет, то найдем хорошую няню»; «хорошая няня – хорошие отношения, плохая няня – опять уволим»).

С нашей точки зрения, важным элементом заявленной к разработке модели должны стать личностная и профессиональная позиции наемного работника. Профессиональная позиция предполагает осознание работником своих профессиональных компетенций. Мотивация здесь связана с удовлетворением потребности человека в самореализации и самовыражении. Личностная позиция работника основывается на ожиданиях работодателя, их соотношении со своими интересами.

Библиографический список

1. Дробышева Т.В., Романовская М.А. Системная детерминация эффектов ранней социализации: образ няни в представлении мамы воспитанника // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч.2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2012.
2. Дробышева Т.В., Романовская М.А. Представления в семье о статусе и деятельности современной няни как предмет социально-психологического исследования // Личность профессионала в современном мире / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
3. Дробышева Т.В., Романовская М.А. Современная няня в российской семье: наемный работник или член семьи? // Семья, брак и родительство в современной России. М.: Когито-Центр, 2014.
4. Baumeister R.F., Tierney J. Willpower: why self-control is the secret of success. London: Penguin books, 2012.

СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СУПРУГАМИ СИТУАЦИИ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕФОЛТА КАК ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРЕССА¹

Киреева О.В., Дёмин А.Н., Помацуева М.С.

Ключевые слова. персональный дефолт, экономический стресс, супружеские отношения.

В последнее время такие понятия, как экономический кризис, вынужденная миграция, сокращение рабочих мест, дефолт заемщика из абстрактных понятий превратились в реальные события жизни многих россиян.

Экономическая нестабильность, рост цен, безработица и ненадежная занятость приводят к тому, что личность оказывается в ситуации финансовой неопределенности. Неспособность индивида материально обеспечить себя и свою семью, удовлетворить желания всех членов семьи ведет к глубоким внутриличностным переживаниям, накоплению фрустрации. Очень часто невозможность или же неумение заработать определенную субъективно обозначенную сумму человеком, приводит к понижению самооценки, психическим переживаниям, увеличению недовольства собой и окружающим миром. Длительность нынешнего экономического кризиса, наложение трудностей в разных сферах жизнедеятельности вызывает и усугубляет стрессовое состояние личности.

Проблема стресса активно изучается в психологии уже ни одно десятилетие. Данной проблеме посвящено большое количество монографий как отечественных (В.А. Бодров, Л.А. Орбели, И.П.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Краснодарского края, проект № 16-16-23011-а (р) «Психологический анализ активности молодежи и людей зрелого возраста на кредитном рынке».

Павлов, П.В. Симонов, В.В. Суворова, К.В. Судаков и др.), так и зарубежных исследователей (У. Кеннон, Р. Лазарус, Р. Ланьер, Г. Селье и др.). Однако в психологии недостаточно работ, посвященных анализу феномена экономического стресса и последствий экономических потрясений для индивида и семьи. Теоретический анализ показал, что исследователи рассматривают несколько ситуаций экономического стресса.

Во-первых, феномен экономического стресса рассматривается в контексте изменений социально-экономического статуса семей, вызванных экономическим кризисом, усилением социального расслоения и другими экономическими факторами (например, в работах, Дж. Элдер и А. Каспи) [5]. Выявлено, что неопределенность, связанная с такими изменениями, чаще всего приводит к снижению уровня психологического благополучия [3]. Все больше исследователей обращают внимание на отрицательное влияние на психологическое функционирование семьи экономических кризисов, которые происходили в последние десятилетия. Ученые установили, что в результате кризисов социально-экономический статус семей резко снижается, что вызывает у членов семьи «экономический стресс», нарушающий их комфортное существование [2]. Р. Конджер и Дж. Элдер, анализируя переживания экономического стресса, выявили, что ухудшение материального положения семьи отражается на адаптации и психологическом здоровье взрослых и детей [4].

Во-вторых, экономический стресс может быть вызван неэффективными стратегиями членов семьи в управлении экономическими ресурсами, имеющимися у отдельных лиц и у семей. Ресурсы, измеряемые семейным доходом, чаще всего определяют экономический статус семьи, но они ограничены. Неумелое их использование, разногласия в их использовании и забота об их наличии может привести к стрессовому состоянию членов семьи. Важным стресс-фактором в случае выступает не просто недостаток или избыток материальных (денежных) ресурсов, но и отсутствие в семье сотрудничества в решении финансовых проблем и обеспечении необходимого уровня финансовой безопасности и стабильности. Соответственно, кредитование и возврат долга также могут быть источником стресса для членов семьи.

В-третьих, экономический стресс может быть вызван неблагоприятными жизненными событиями, представляющими собой угрозы семейному финансовому положению, такие как потеря работы, невозможность вернуть долг по кредиту (персональный дефолт), развод, уход на пенсию или инвалидность. По мнению Кирстин Хабрич и Роберта Дж. Тэтлоу, экономический стресс может быть продуктом неспособности выполнять финансовые обязательства, неопределенности источников дохода, нестабильности занятости и (или) неадекватности заработка для удовлетворения потребностей и желаний [5].

Экономический стресс может быть определен как вид психологического стресса; как трудности, давление, напряжение, которые испытывает личность в результате изменений финансового статуса индивида или семьи. Он может быть: нормативным (когда его причиной является брак или рождение ребенка), ситуативным (как результат выхода на пенсию, инвалидности), временным (например, в результате урезания заработной платы из-за штрафов на работе), хроническим (например, связанный с должностными сокращениями) [5].

В качестве факторов экономического стресса личности назовем следующие: нестабильная экономическая ситуация в стране, личная финансовая неустойчивость, страх потери рабочего места или отсутствие его как такового, низкооплачиваемый труд, неспособность грамотно распределять личные доходы.

Важным фактором при развитии экономического стресса является состояние мотивационной, эмоциональной, волевой и когнитивной сфер личности, обуславливающие личностную значимость проблемной ситуации, готовность к ее преодолению, способность выбора наиболее подходящей для субъекта стратегии поведения в этих условиях и т. д. [1]. Часто при воздействии разнообразных травмирующих экономических факторов у индивида наблюдается снижение трудовой активности, сложности в адаптации к новому финансовому статусу, к снижению способности к принятию решений, особенно у мужчин, феномен прокрастинации в отношении личного финансового благополучия и т.д.

М. Пинкварт с соавторами установил, что экономические проблемы создают у супругов стресс, повышающий риск межличностных конфликтов и потери поддержки от супруга. Важными индикаторами супружеских отношений в ситуации экономического стресса являются враждебность и отсутствие поддержки в супружеских отношениях [6]. Объективные финансовые трудности создают давление на супругов, влияя на психологическое состояние мужа и жены. В связи с этим у супругов воз-

никают конфликты на фоне экономической нестабильности, разрушение личных контактов, что может привести к расторжению брака.

В нашем понимании экономический стресс – это разновидность психологического (эмоционального) стресса, который возникает на фоне личной или социальной нестабильной финансовой ситуации. Ситуацию экономического стресса, можно интерпретировать, как осознаваемый финансовый кризис личности, приводящий ее к фрустрирующему ощущению своего Я, и, как следствие, к агрессивной психоэмоциональной окраске травмирующего события. Экономический стресс в семье проявляется непосредственно, оказывая воздействие на индивидуальное благосостояние, и косвенно, путем оказания влияния на семейное взаимодействие. Наличные ресурсы определяют не только экономическое благосостояние отдельной семьи, но и то, как эти семьи справляются с экономическим напряжением (стрессом). В случае нормативного экономического стресса, большинство людей способны мобилизовать имеющиеся ресурсы, дать им возможность адаптироваться к изменениям.

В центре нашего исследования находится поведение личности в ситуации экономического стресса, вызванного наличием кредитных обязательств и невозможностью выплатить долг. Ситуация персонального дефолта заемщиков становится предметом исследований современных экономистов, социологов и психологов. Однако недостаточно работ, посвященных выявлению форм реагирования на такую стрессовую ситуацию, как ситуация затруднений по выплате долгов и невозможности выплатить долг.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что необходимо выявить, каким образом индивид справляется с ситуацией экономического стресса, как выбирает в соответствии со своими личностными особенностями, социальными и ситуационными характеристиками стратегии выхода из этого стрессового состояния. При анализе этих особенностей важно выявить стратегии поведения супругов в ситуации экономического стресса.

Объект данного исследования – сознание личности. Предмет – стратегии преодоления личностью экономического стресса (ситуации персонального дефолта). Цель данного исследования заключается в изучении стратегий преодоления личностью экономического стресса (ситуации персонального дефолта).

Предполагаем, что стресс, вызванный экономическими трудностями, затрагивает не только отдельного субъекта, но и семью в целом. В связи с этим выборка нашего исследования включает 10 супружеских пар (мужчин и женщин в возрасте от 31 до 40 лет).

Гипотеза нашего исследования заключается в предположении о том, что стратегии поведения мужчин и женщин в ситуации экономического стресса различаются, дополняя друг друга.

Методы сбора данных: опросник «Способы совладающего поведения» Ричарда Лазаруса; методика «Индекс жизненного стиля» Плутчика, Келлермана, Конте; методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптированный вариант методики Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера) Т.Л. Крюковой; опросник «Самоорганизация в ситуации персонального дефолта» (модификация методики «ССБ» А.Н. Дёмина); анкетирование, направленное на изучение структурно-содержательных компонентов экономического статуса респондента.

В ходе эмпирического исследования изучались особенности совладающего поведения, защитные механизмы в такой стрессовой ситуации, как ситуация персонального дефолта.

На первом этапе исследования выяснилось, что в моменты финансовых сложностей (персонального дефолта) все респонденты ведут активный поиск дохода, проявляют автономную субъектность, т.е. пытаются справиться с ситуацией через поиск личностных ресурсов для решения финансовых проблем. Это могут быть как восстановления старых связей, так и поиск новых «полезных знакомств», построение и реализация конкретных планов на будущее, организация собственного дела и т.п. Также выраженной в данной выборке оказалась переданная субъектность, т.е. пассивность в данной ситуации, реализация себя в других сферах. Таким образом, при невозможности воспользоваться автономными ресурсами (субъектностью), и невозможности получить денежный ресурс в своей профессиональной сфере, респонденты вынуждены менять сферу деятельности или же менять поставленную цель.

На втором этапе исследования изучались стратегии проживания ситуации экономического стресса. Выявлено, что женщины чаще используют такие защитные механизмы как, регрессия и проекция, то есть при возникновении стрессовой ситуации, женщины склонны к избеганию решения проблемы путем переложения ответственности или же путем отреагирования на ситуацию не в соответствии с возрастом, а также путем проецирования (переноса) своих «неприемлемых» личностных черт, мыслей, чувств и т.д. на другой объект.

Мужчины проявляют в стрессе вытеснение и рационализацию. То есть мужчины склонны к замене или уничтожению проблемной ситуации из своего сознания, и снижению ее значимости.

С помощью методики Р. Лазаруса мы выяснили, что женщины, чаще, чем мужчины, используют копинг, нацеленный на преодоление проблемы, мужчины же чаще прибегают к избеганию решения через отвлечение. Все респонденты выходят из стрессовых состояний путем преодоления негативных переживаний в связи с проблемой за счет рассмотрения ее как стимула для личностного роста, через полное подавление негативных и разрушающих эмоций, минимализации их влияния на поиск и выбор нужной стратегии решения проблемного вопроса. Поиск социальной поддержки находится на одном уровне с положительной переоценкой, что может говорить нам о том, что при невозможности в одиночку справиться с проблемой, респонденты прибегают к помощи других субъектов.

Результаты показали, что женщины и мужчины используют наиболее удобные для себя и для сложившихся обстоятельств механизмы совладания, но при взаимодействии в супружеской паре или же в социальной среде они подстраиваются под механизм совладания другого субъекта, тем самым увеличивая продуктивность в разрешении проблемы.

Таким образом, в ходе исследования выявлены стратегии преодоления стрессовых состояний мужчин и женщин в ситуации персонального дефолта и обнаружено, что в ситуации экономического стресса формы преодоления различаются, дополняя друг друга.

Полученные результаты можно использовать в консультативной работе с супружескими парами, в развивающих мероприятиях, посвященных повышению финансовой грамотности населения. Рассмотренная в нашем исследовании проблема нуждается в дальнейшем изучении. Так, например, важно проанализировать возможные сочетания стратегий совладания с экономическими стрессами супругов с разными семейными ценностями, установками и ролевыми ожиданиями.

Библиографический список

1. Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М., 1981.
2. Одинцова М.А. Преодолевающее поведение лиц, объединенных схожим травматическим опытом // Известия Саратовского университета. Новая серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т.15. № 1.
3. Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1982.
4. Хабирова Е.Р. Ситуативные и личностные детерминанты совладающего поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2007. Вып. 2. Ч.1.
5. Шведовская А.А., Загвоздкина Т. Ю. Социально-экономический статус семьи и психическое развитие ребенка: зарубежный опыт исследования // Психологическая наука и образование. 2013. № 1.
6. Pinquart M., Silbereisen R., Körner A. Coping with family demands under difficult economic conditions: Associations with depressive symptoms // Journal of Family Psychology. US: American Psychological Association. 2010. Vol. 23 (3).

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ У МАТЕРЕЙ И ОТЦОВ С ВЫРАЖЕННЫМ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫМ ГЕНДЕРНЫМ РОЛЕВЫМ КОНФЛИКТОМ

Мингалева В.С.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, гендерный ролевой конфликт, мать и отец, стиль детско-родительских отношений.

Смена традиционных патриархальных гендерных установок на ценностно-смысловом уровне личности на эгалитарные, трансформации гендерных ролей в современном обществе обуславливают активное проникновение как женщин, так и мужчин в противоположные гендерные сферы деятельности. Женщины стремятся к активной профессиональной самореализации, для мужчин повышается значимость традиционно «женских» сфер, – семейной самореализации, заботы о доме, воспитании детей. В то же время давление традиционных стереотипов детерминирует реализацию типичных гендерных ролей. В случае различия ценностно-смысловых уровней гендерной роли, а также невозможности совмещения нескольких гендерных ролей, либо негативной субъективной оценки реализации себя в определенной гендерной роли, возникают внутриличностные конфликты.

Внутриличностный гендерный ролевой конфликт (ВГРК) понимается нами как образование системного противоречия на ценностно-смысловом уровне личности, возникающего в результате столкновения высокой личностной значимости различных гендерных ролей и субъективной неудовлетворенностью качеством реализации себя в этих ролях [1]. Можно предположить, что выраженный внутриличностный гендерный ролевой конфликт у женщин и мужчин отражается на стиле детско-родительских отношений и является одной из причин негармоничного воспитания в семье, так как нередко основную роль в нарушении воспитательного процесса играют личностные особенности самих родителей.

В качестве основных структурных элементов внутриличностного гендерного ролевого конфликта выделенные следующие сферы: «Я», «Работа», «Супруги», «Дом», «Дети». Внутриличностный гендерный ролевой конфликт в сфере «Я» исходит из субъективной оценки несоответствия представления о себе гендерному образу «женственности» и «мужественности». Сфера «Работа» связана с самореализацией в образе «профессионала», с субъективной удовлетворенностью качеством выполнения профессиональной роли. Сфера «Супруги» связана с реализацией и оценкой себя в аспекте приближения к образу «хорошая жена», «хороший муж». Сфера «Дом» связана с реализацией себя в качестве «хорошей хозяйки», «хорошего хозяина», Сфера «Дети» реализация себя в качестве «хорошей матери», «хорошего отца». Сферы «Дом», «Дети» и «Супруги» выделены с целью более тонкой дифференциации «семейной» сферы, выделяемой в большинстве представлений о структуре внутриличностного ролевого конфликта [2]. Развитие ВГРК внешне проявляется в дисгармоничных отношениях с окружающими людьми соответственно каждой сфере.

Данное исследование было направлено на выявление особенностей проявления ВГРК в семьях и в частности, в детско-родительских отношениях. Теоретический анализ феномена «внутриличностный гендерный ролевой конфликт» дал основание предположить, что существует взаимосвязь формирования и активации ВГРК между супругами в семье, а также, что сформированный ВГРК в сфере «Дети» проявляется в негармоничных детско-родительских отношениях. В то же время, можно ожидать, что особенности внутриличностного конфликта в сфере «Дети» будут отличаться у мужчин и женщин в силу традиционных гендерных представлений о значении матери и отца в воспитании ребенка.

В состав психодиагностического инструментария для проведения исследования вошли: опросник «Внутриличностный гендерный ролевой конфликт» О.Г. Лопуховой, и опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г.Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса. Эмпирическую выборку составили мужчины и женщины, проживающие в г. Казани, работающие, находящиеся в браке и имеющие детей в возрасте 3-10 лет, средний возраст испытуемых 25-40 лет. Общее количество испытуемых – 278 человек, из них 140 женщин, 138 мужчин; в том числе 38 семейных пар. Для обработки эмпирических данных применялся частотный и корреляционный анализ.

В результате проведенного исследования были получены следующие результаты.

Сформированный ВГРК отмечен у 21 % женщин и 40% мужчин, эпизодический ситуативный ВГРК отмечен у 58% женщин и 40% мужчин. Сферы ВГРК взаимосвязаны друг с другом и наличие выраженного ВГРК в одной из сфер может формировать или актуализировать выраженность ВГРК и в остальных сферах. Кроме того, определена взаимосвязь ВГРК у супругов: наличие этого конфликта у одного из супругов может влиять на формирование или актуализацию его у другого.

Также установлена взаимосвязь ВГРК с негармоничными стилями детско-родительских отношений. Однако отмечаются некоторые различия стилей у мужчин и женщин с выраженным ВГРК. Так установлено, что для женщин при выраженном ВГРК типичным стилем негармоничного воспитания является «потворствующая гиперпротекция», характеризующаяся гиперопекой ребенка ($p = 0,01$), либо гипоопекой ($p = 0,01$), потворствованием и максимальным удовлетворением потребностей ребенка ($p = 0,05$), чрезмерностью запретов ($p = 0,001$), а также воспитательной неуверенностью (достоверность 0,01), расширением сферы родительских чувств ($p = 0,001$) и предпочтением воспитания в ребенке качеств, воспринимаемых матерью типично женскими ($p = 0,001$).

У мужчин типичными стилями воспитания являются «гипоопека» и «доминирующая гиперпротекция». Но данные стили воспитания в «чистом» проявлении не коррелируют с ВГРК. Внутриличностная конфликтность определяется, когда существует нестабильность стиля воспитания, «метание» отца от доминирующей активности к эмоциональной индифферентности по отношению к ребенку. ВГРК в этом случае коррелирует с гиперопекой ($p = 0,001$), потворствование ($p = 0,01$), чрезмерная требовательность ($p = 0,01$), чрезмерность запретов ($p = 0,05$), снижение санкций ($p = 0,01$). Характе-

ристики негармоничного воспитания также взаимосвязаны между собой, задавая определенный негармоничный стиль воспитания у родителей.

Таким образом, полученные результаты позволяют заключить, что ВГРК представляет собой один из ключевых факторов, влияющих на развитие негармоничных супружеских отношений, а также негармоничных детско-родительских отношений в семье. ВГРКу женщин в детско-родительских отношениях проявляется в сверхценности отношений с ребенком, чрезмерном его опекании, потворствовании. Ребенок имеет мало обязанностей по дому, все обязанности за него выполняются родителем. Данный тип воспитания содействует развитию демонстративных и гипертимных черт характера у ребенка. ВГРК у мужчин в детско-родительских отношениях проявляется в неустойчивости стиля воспитания, характеризующегося сменой «Гипопротекции» и «Доминирующей гиперпротекции». При данном типе воспитания ребенок то находится в эмоциональной индифферентности родителя, «предоставленный сам себе», то становится в центр внимания, и тогда отец окружает его вниманием, контролируя и удовлетворяя его потребности, но в условиях заданных им границ. Данный тип воспитания может содействовать развитию астенических черт характера, а также формированию процесса декомпенсации, развитию невротического расстройства. Коррекция ВГРК состоит в осознании гендерных оснований самооценки в разных сферах самореализации, их индивидуальном пересмотре и конструктивном соотнесении.

Библиографический список

1. Шакирова Г.Ф. Особенности внутриличностного гендерного ролевого конфликта у мужчин и женщин в условиях современного общества: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2011.
2. Лопухова О.Г. Внутриличностный гендерный ролевой конфликт: системный подход к проблеме // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4.

ОТНОШЕНИЕ К ДЕНЬГАМ У СУПРУГОВ С РАЗНЫМИ ФОРМАМИ СУБЪЕКТНОСТИ

Удачина П.Ю., Киреева О.В., Тлебзу Р.М.

Ключевые слова: субъектность, отношение к деньгам, супружеские отношения.

Одним из перспективных и актуальных направлений современной психологии является исследование проблем семьи и происходящих в ней изменений. Интерес к данной проблематике обусловлен проявлением кризисных тенденций в функционировании современной семьи, затрагивающих все сферы ее жизнедеятельности. Согласно исследованиям многих авторов (Т.В. Андреева, С.И. Голод, И.В. Дроно, Т.Е. Карташева, Е.А. Тюгашев и др.) современная семья как социальный институт находится в состоянии кризиса. Об этом говорят следующие факты: нестабильность брака, растущий процент разводов, уменьшение самого числа браков, рост «внебрачных» союзов мужчины и женщины, падение рождаемости детей, утрата семейных традиций, низкий уровень психологической культуры семейных отношений и др.

Многими авторами отмечается, что современный экономический кризис оказывает негативное воздействие на характер внутрисемейных отношений (С.Б. Абрамовой, Т.В. Андреевой, А.Н. Волковой, О.С. Дейнека, И.В. Дроно, Т.В. Зайцевой, Л. Кроль, Клу Маданес и Клаудио Маданес, М.Ю. Семеновым, И.В. Смирновой, Н.Ф. Федотовой, Т.Ю. Черкашиной и др.). Он опосредованно влияет на социальное положение семьи, достаток, количество членов семьи, возраст вступающих в брак, условия жизни и др.

Кроме этого, особое влияние на характер семейных отношений оказывает материально-экономический фактор и денежные отношения в семье. Ухудшение материально-экономического положения большинства семей, изменение социального положения женщин, революция в иерархии ценностей общества и личности и многие другие причины приводят к снижению уровня удовлетворенностью семейной жизнью, а, следовательно, к росту конфликтных ситуаций в семье и разводам по причине негативных денежных отношений. Клу Маданес и Клаудио Маданес отмечают: «... деньги – это фундамент супружеской и семейной жизни. Из-за денег происходят ожесточенные ссоры между мужем и женой, родителями и детьми, братом и сестрой» [2, с. 9]. И далее: «из-за разногласий по поводу денег разваливается, возможно, больше браков, чем по любой другой причине» [2, с. 10].

Мы полагаем, что деньги, являясь важным звеном экономических и социальных отношений, «эквивалентом» труда, вложенного времени и пережитого эмоционального напряжения, с одной стороны, и средством получения возможного удовольствия, роста потенциальных возможностей, увеличения степеней свобод – с другой, представляют собой особый объект семейных отношений. Иначе

говоря, денежные отношения в семье могут стать как основой счастливого, стабильного брака так и приводить к семейным конфликтам.

Многие семейные пары сталкиваются с проблемой, заключающейся в неумении прийти к обоюдному согласию по поводу накопления, трат, вложения денег и ведения семейного бюджета. Несовместимые взгляды и установки супругов, касающиеся денег, обиды супругов, связанные с денежными отношениями в семье, могут стать источником серьезных разногласий, конфликтов и даже причиной развода. Связанные с этим проблемы семейных отношений требуют нахождения путей их преодоления. Но профилактические, а тем более коррекционные мероприятия невозможно разработать без дополнительных знаний – необходимы тщательные, научно обоснованные исследования данной сферы внутрисемейных отношений.

Значимость и недостаточная изученность данного феномена определили выбор темы настоящего исследования. По нашему мнению, необходимо проанализировать, какие формы отношения к деньгам и какие виды экономико-финансовой активности реализуют супруги, а также каким образом разная степень их согласования, уровень субъектности супругов в отношении финансов связаны с удовлетворенностью супружескими взаимоотношениями.

В ходе исследования проверялись следующие гипотезы. 1. Отношение супругов к деньгам связано с удовлетворенностью браком. 2. Удовлетворенность браком выше в семьях, где отношение к деньгам мужа и отношение к деньгам жены согласуются. 3. Субъектность супругов в отношении с деньгами различается в семьях, где супруги удовлетворены и не удовлетворены браком.

Теоретико-методологической базой исследования явились работы, посвященные исследованию психологии денег, экономического и денежного сознания. К таким работам в первую очередь относятся работы посвященные проблемам: финансового благополучия (И.М. Осипенко, П.А. Муравьева, О.С. Дейнеки, А.Б. Фенько, М.Ю. Семенова; удовлетворенности браком (Ю.Е. Алешиной, Т.В. Андреевой, А.Я. Варга, Л.Я. Гозмана, Т.В. Зайцевой, А.Р. Тиводар, С.И. Голод, А.В. Шавлов, Л.Б. Шнейдер и др.), отношений супругов, совместимости и соучастования супругов (Т.В. Андреевой, С.И. Голод, Р.Р. Калинина, Н.Н. Обозов, А.Н. Обозова, Л.Б. Шнейдер); представлений личности о семье и браке (Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, В.Н. Дружинин и др.); факторов супружеской совместимости (личностных характеристик, ролевых и ценностных ориентаций и др.) А.Н. Волкова, И.В. Дорно, И.Г. Неудачина, Р.Р. Калинина, А.В. Шавлов, Л.Б. Шнейдер и др.; связи денег и семейных отношений (Т.А. Арефьева, И. Танцоров, Л. Кроль, Н.Е. Грейс, Т.Ю. Черкашина и др.).

В ходе эмпирического исследования получены данные с помощью методик: опросник «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» разработанного Ю.Е. Алешиной и Л.Я. Гозманом; шкала «Расхождения в отношении к деньгам» опросника «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» разработанного Ю.Е. Алешиной и Л.Я. Гозманом; опросник «Измерение установок в семейной паре» разработанного Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовской; шкала «Отношение к деньгам» опросника «Измерение установок в семейной паре» разработанного Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовской; опросник А. Фернама, адаптированный Семеновым М.Ю., для исследования отдельных показателей отношения к деньгам у супругов; тест-опросник «Удовлетворенность браком» В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко; анкета «Особенности отношения супругов к деньгам» (вариант для мужа и вариант для жены). Выборка исследования: 60 респондентов (30 супружеских пар), состоящих в браке от 3 до 15 лет, имеющих средний достаток.

В результате проведенного эмпирического исследования была обнаружена специфика связи отношения супругов к деньгам и удовлетворенности браком, описаны наиболее интересные особенности этой связи и проведен анализ отношения к деньгам супругов с низким и высоким уровнем удовлетворенности браком.

При помощи методики удовлетворенности браком В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко было обнаружено, что в 30% семей оба супруга удовлетворены браком полностью. В 70% семей один из супругов или оба супруга не удовлетворены браком. Затем выборка была разделена на две подгруппы в зависимости от степени удовлетворенности браком: «неудовлетворенные браком» и «удовлетворенные браком». Была установлена связь между удовлетворенностью браком супругов и особенностями отношения супругов к деньгам. В ходе контент-анализа ответов респондентов на вопрос анкеты «Особенности отношения супругов к деньгам», касавшийся понимания ими сущности денег, было установлено, что представления супругов, касающиеся денег, могут иметь существенные различия. Было обнаружено, что расхождения во взглядах и отношении к деньгам в той или иной степени присутствуют в каждой супружеской паре, где один из супругов или оба супруга не удовле-

творены браком. Представления супругов, удовлетворенных браком, согласуются или дополняют друг друга.

Неудовлетворенные браком супруги вкладывают различный, часто конфликтующий или противоположный смысл в понятие «деньги», их представления о деньгах достаточно, часто (в 70% случаев) наполнены различным, часто несовместимым содержанием. Например, в одной паре муж считает, что «деньги – это свобода, независимость, его возможность жить, так как хочется; деньги – то, что он может расходовать по своему усмотрению на общение, работу и отдых», а, по мнению его жены, «деньги – совместный ресурс, который требует совместного контроля, хороший супруг должен был бы приносить зарплату в дом и отдавать жене, для хранения и планирования трат». Еще один пример: по мнению мужа, «деньги – это его время, силы, ресурсы. ...Они очень тяжело даются... Их нужно беречь...», а, по мнению жены: «деньги – это возможность заниматься собой, отдыхать, делать себе что-то приятное, шопинг, ... их трата – это удовольствие».

Кроме рассогласования когнитивного компонента отношения к деньгам, были также выявлены различия в волевом компоненте – в предпочитаемых женщинами и мужчинами видах финансово-экономической активности в семье.

В ответах мужчин на первых местах по частоте упоминаний находятся такие виды финансовой деятельности в семье, как нахождение новых финансовых возможностей (90%), зарабатывание денег (80%), накопление денег (70%), вложение денег (60%). К видам финансовых ограничений они относят попытки контроля финансовой активности жены (70%). В ответах женщин на первых местах по частоте упоминаний находятся такие виды финансовой деятельности в семье, как траты (90%), поиск денег (80%), необходимость найти работу, чтобы появились личные деньги (80%), необходимость работать, чтобы жить нормально (70%). К видам финансовых ограничений они относят отсутствие финансовой свободы в отношениях с мужем (70%).

В семьях, где супруги удовлетворены браком, виды их финансово-экономической активности дополняют друг друга и согласуются, а в семьях, где супруги не удовлетворены браком, виды их финансово-экономической активности вступают в конфронтацию. Так в семье, где супруги не удовлетворены браком, один из супругов может очень много сил уделять на зарабатывание и накопление денег, а другой будет их с легкостью и быстротой тратить и т.д.

Следовательно, супруги могут проявлять в ситуации автономную, переданную и разделенную субъектность, которые различаются уровнем собственной активности и ответственности в ситуации и представлениями об уровне активности и ответственности партнера [1].

Далее был проведен анализ отдельных случаев, для которого были выбраны семьи, которые наиболее наглядно продемонстрировали, как отношение к деньгам каждого из супругов сказывается на удовлетворенности браком. Также было проведено сравнение семей, удовлетворенных и неудовлетворенных браком. Анализ отдельных случаев подтвердил, что в семьях, где супруги удовлетворены браком меньше разногласий, касающихся денежных вопросов, чем в семьях, где супруги имеют низкий уровень удовлетворенности браком. Кроме этого, были получены данные о том, что стаж в браке также влияет на отношение супругов к деньгам и на их удовлетворенность браком.

Установлено, что супруги, состоящие в браке от 3 до 9 лет, чаще конфликтуют и имеют разногласия по причинам, касающимся финансовых вопросов, а супруги, состоящие в браке от 10 до 15 лет, практически не имеют разногласий, их устраивает то, как распоряжается деньгами их партнер. Интересно, что супруги, состоящие в браке от 10 до 15 лет, чаще всего оба работают, имеют свои деньги на личные расходы и/или спокойно относятся к выделению денег на нужды для своего партнера; у них нет серьезных обид, связанных с финансовыми вопросами; они не берут займов и у них нет необходимости выплачивать кредиты и часто их отношение к деньгам очень похоже.

Обобщая выводы по анализу отдельных случаев можно констатировать следующее.

1) В семьях, где один супруг или оба супруга не удовлетворены браком, часто встречается ситуация, когда один из супругов или оба супруга небрежно относятся к деньгам, совершают импульсивные покупки, не учитывают потребности в деньгах и финансово-экономические интересы своего брачного партнера, быстро тратят заработанные деньги, вследствие чего денег им не хватает.

В семьях, где супруги удовлетворены браком, часто встречается ситуация, когда один или оба супруга легко относятся к тратам и такое отношение к деньгам согласовано и устраивает обоих, либо оба стараются рационально расходовать средства, а когда это требуется экономят в разумных пределах.

2) В семьях, где один супруг или оба супруга не удовлетворены браком, часто встречается ситуация, когда супруги проявляют автономную субъектность в отношении к деньгам (они друг с дру-

гом не обсуждают траты и не ставят друг друга в известность по поводу покупки чего-либо, а потом винят друг друга в нехватке денег и из-за незапланированных трат; упрекают друг друга в том, что денег не хватает; когда жена обвиняет мужа в скупости и непонимании, а супруг считает траты жены неразумными и считает ее виноватой в неумении обращаться с деньгами и излишнем транжирстве; когда супруг упрекает жену в отсутствии рациональности в денежных тратах и в неумении планировать семейный бюджет; когда один из супругов считает другого виноватым в том, что он «не правильно» обращается с деньгами («не зарабатывает», «много тратит», «тратит не на то, что нужно», «не откладывает», «берет деньги без спроса», «делает импульсивные покупки», «берет в долг» и т.д.).

В семьях, где супруги удовлетворены браком, у супругов нет разногласий по поводу денежных расходов друг друга; взгляды супругов по всем вопросам, связанным с покупками, тратами, накоплением денег согласуются и устраивают обоих. Супруги демонстрируют разделенную субъектность, оба проявляют финансово-экономическую активность, осознанно делят между собой ответственность за зарабатывание и расходование денег, понимают финансово-экономические потребности друг друга, стараются поддерживать своего партнера (экономят при необходимости; муж дает жене деньги необходимые ей, чтобы чувствовать себя комфортно; жена не упрекает мужа, если у него возникают проблемы с заработком и т.д.).

3) В семьях, где один супруг или оба супруга не удовлетворены браком, взгляды супругов, касающиеся трат, накопления, зарабатывания денег и др. часто диаметрально противоположны. Супруги ожидают иного проявления субъектности от партнера, недовольны отношением друг друга к деньгам, имеют много обид друг на друга и при любом удобном случае пытаются обвинить друг друга в проблемах, связанных с деньгами, также такие супруги не обращают внимания на финансово-экономические потребности своего партнера и часто упрекают друг друга из-за отсутствия или нехватки денег, из-за покупки, которая не понравилась им и др.

В семьях, где супруги удовлетворены браком у супругов, их ожидания от партнера по поводу проявления его субъектности в отношении денег удовлетворяются, ожидания и реальное поведение супругов в таких семьях согласованы. У таких супругов похожие взгляды, касающиеся вопросов, «на что тратить деньги», «на что откладывать деньги», «кто должен зарабатывать деньги и в каком количестве», «стоит ли покупать подарки и какие», «кто должен экономить деньги» и др. Супруги, удовлетворенные браком, проявляют разделенную субъектность, совместно принимают финансовые решения, идут на уступки, в установках, взглядах, способах решения спорных вопросов, поведении в конфликтах склонны к компромиссу и решению проблем в такой важной сфере как финансово-экономические отношения.

Супруги, неудовлетворенные браком, склонны к автономной субъектности, они, наоборот, имеют враждебный настрой и желание занимать доминирующую роль во всем (в конфликте, в распоряжении деньгами и контроле покупок и семейного бюджета и т.д.).

4) Существенное влияние на удовлетворенность браком оказывает осведомленность супругов о доходах, финансовых возможностях и планах друг друга, это также является критерием доверия между супругами. В семьях, где один супруг или оба супруга не удовлетворены браком, как правило, осведомленность неудовлетворенного браком супруга или обоих супругов о доходах друг друга, финансовых возможностях и планах друг друга, низкая, супруги не обсуждают эти вопросы или многое скрывают. В принятии финансовых решений они проявляют автономную субъектность и ожидают от партнера, что он передаст им возможность активности и ответственности за совершаемые выборы в этой ситуации (то есть будет находиться в ситуации переданной субъектности).

В семьях, где супруги удовлетворены браком супруги, находятся в ситуации разделенной субъектности, они открыто обсуждают вопросы, связанные с доходами, финансовыми возможностями и планами друг друга, касающимися покупок, трат и др., все это является критерием доверия между супругами. Супруги одобряют и поддерживают друг друга, не скрывая своих финансово-экономических планов, трат, суммы сделанных ими покупок.

Таким образом, полученные результаты полностью подтверждают гипотетические предположения о том, что отношение супругов к деньгам связано с удовлетворенностью браком; удовлетворенность браком действительно выше в семьях, где отношение мужа к деньгам и отношение к деньгам жены согласуются, и оба супруга проявляют разделенную субъектность.

В заключение, опираясь на результаты проведенного эмпирического исследования и данных теоретического анализа по изучаемой проблеме можно утверждать, что удовлетворенность браком, отсутствие в семье конфликтов, связанных с денежными вопросами, доверие супругов другу к другу

во многом зависит от того, умеют ли супруги договариваться о тратах, накоплении, вложении денег, имеют ли супруги возможность учитывать свои потребности и интересы при совместном планировании семейного бюджета, учитывают ли финансовые-экономические интересы друг друга, ценят ли они и уважают ли помощь друг друга в процессе зарабатывания денег и др. Устраивающее обоих супругов отношение к деньгам, способствует сохранению доверия друг к другу, укреплению семьи и повышению удовлетворенности браком.

Библиографический список

1. Киреева О.В. Субъектность личности в ситуации выбора (на примере выбора старшеклассниками высшего учебного заведения): дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2007.
2. Маданес К., Маданес К. Тайное значение денег. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
3. Удачина П.Ю., Тлебзу Р.М. Отношение супругов к деньгам и их удовлетворенность своим браком // От истоков к современности. М.: Когито-Центр, 2015. Т. 3.

ОЦЕНКА ВНЕШНЕГО ОБЛИКА СУПРУГА И РОЛЕВЫЕ ОЖИДАНИЯ В БРАКЕ

Шлыкова Ю.Б., Ядченко М.В.

Ключевые слова: внешний облик, супружеские отношения, ролевые ожидания в браке.

В современном обществе брак является естественным событием в жизни каждого человека. Одним из компонентов отношений партнеров является восприятие и оценка внешнего облика друг друга и самих себя [1, 2].

Особую актуальность внешний вид человека приобретает в супружеских отношениях после нескольких лет брака. Это оказывает влияние на самоотношение партнеров, на характер прохождения личностных и брачных кризисов, на удовлетворенность браком. В свете этих тенденций актуальным становится и исследование субъективного восприятия супругами внешнего облика себя и партнера.

Целью нашего исследования стало определение особенностей оценки компонентов внешнего облика супруга, в зависимости от выраженности различных ролевых ожиданий в браке. Мы предположили, что оценка компонентов внешнего облика супруга связана с уровнем значимости конкретных ролевых функций в брачных отношениях.

Методы: методика «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В.А. Лабунской; опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой; беседа.

В исследовании приняло участие 58 женщин, состоящих в браке. Возраст женщин 27-44 года. Супружеский стаж от 6 до 15 лет. Наличие детей нами не учитывалось, но у большинства респондентов имеются дети. На первом этапе мы выделили контрастные группы по уровню выраженности отдельных ролевых ожиданий в браке. Далее нами рассматривались сравнительные результаты по каждой ролевой функции.

Рассмотрим полученные результаты.

1. Интимно-сексуальные ролевые ожидания.

Различия проявились по следующим шкалам: более высокие оценки оформления внешнего облика (76,9% / 54,7%), выразительного поведения (89,4% / 57,8%), возрастной привлекательности (87,3% / 73,9%) и сексуальности (83,4% / 60,9%) партнера у женщин с завышенными оценками интимно-сексуальной функции брака; более высокие показатели по шкалам соответствия гендерным (79,4% / 65,3%) и профессиональным ролям (83,9% / 73,6%) у женщин, не считающей интимно-сексуальную функцию значимой для брачных отношений.

Для женщин, больше значение придающим сексуальным отношениям в браке, важным является то, как выглядит их супруг и какое впечатление производит на окружающих. Для женщин, низко оценивающих роль интимных отношений в браке, важными являются те роли, которые должен выполнять мужчина – профессиональная, супружеская, родительская.

2. Функция идентификации с партнером.

Различия между контрастными группами представлены практически в каждом компоненте оценки внешнего облика супруга. Идентификация с партнером, потребность иметь общие интересы, ценности, мнения, оказывают позитивное влияние на отношение женщины к внешнему облику супруга.

3. Родительско-воспитательная функция.

Женщины, которые не считают воспитание детей важной функцией их супруга (важно отметить, что нами учитывались ролевые ожидания от супруга), показали более высокие оценки по шкале соответствия супруга гендерным ролям (87,8% / 63,7%). То есть, эти женщины не считают, что мужчина должен много сил тратить на воспитание детей, но, при этом, высоко оценивают его соответствие роли отца и супруга. По их мнению, мужчина соответствует образу мужчины-отца, но образ этот негативный.

Следует отметить, что в этой группе женщин (с заниженными и завышенными оценками родительской функции), самые высокие показатели по шкале соответствия внешнего вида супруга гендерным ролям. Большинство женщин из сравниваемых подгрупп негативно оценивают способности супруга в роли отца. Но одни женщины требуют от мужчины изменить свое отношение к отцовству, а другие считают, что это бесполезно и не имеют подобных ролевых ожиданий.

4. Ожидания социальной активности.

Женщины, для которых общественная, социальная активность является важной частью отношений с супругом, выше оценивают большинство шкал, чем в контрастной группе. Женщины, для которых социальная активность супруга не является значимой, выше оценивают такие шкалы как принятие отраженного облика (76,3% / 65,3%), соответствие возрасту (78,4% / 56,3%), удовлетворенность внешним обликом супруга (78,9% / 61,3%).

5 Ожидания эмоциональной поддержки.

Все компоненты внешнего облика супруга оцениваются значительно выше женщинами, для которых эмоционально-психотерапевтическая роль супруга является очень значимой. Для женщин, которые не ожидают от партнера эмоциональной поддержки, характерно низко оценивать большинство показателей внешнего облика супруга. Мы считаем, что к этой категории относятся женщины с высокой неудовлетворенностью в браке. Или же женщины, для которых брак – социальная роль, которую они выполняют для другого.

Дополнительно мы сравнили показатели удовлетворенности внешним обликом супруга и соответствие гендерным ролям во всех группах женщин.

Мы выявили, что удовлетворенность внешним обликом супруга наиболее выражена у женщин следующих групп: с завышенными ожиданиями идентификационной и эмоционально-терапевтической функции; с заниженными ожиданиями интимно-сексуальной функции и внешней привлекательности партнера.

Мы видим, что наиболее удовлетворенными внешним обликом супруга являются женщины, которые чувствуют свою близость с супругом и его эмоциональную поддержку. А также женщины, которые не предъявляют особых требований к внешнему виду супруга и не считают привлекательность основой благополучного брака.

В целом, мы можем выделить ряд связей: наиболее сильно с оценкой внешнего облика партнера связана ориентация женщины на то, что супруг возьмет на себя роль эмоционального лидера в семье в вопросах коррекции психологического климата в семье, оказания моральной и эмоциональной поддержки, создания «психотерапевтической атмосферы»; в меньшей степени с оценкой внешнего облика супруга связаны ожидания женщин по поводу того, что муж будет активно выполнять родительские функции в брачных отношениях.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить наличие связи между ролевыми ожиданиями в браке и оценкой компонентов внешнего облика партнера. Полученные результаты могут быть использованы в консультационной работе с супружескими парами, при работе с молодежью по вопросам выбора брачного партнера, в работе по диагностике самоотношения личности и восприятия человеком других людей.

Библиографический список

1. Лабунская, В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов н/Д: Феникс, 2009.
2. Рябикина З.И., Тиводар А.Р. Личностная идентичность в супружеских отношениях // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 4.

ПРОБЛЕМЫ БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ И СО-БЫТИЯ В АСПЕКТЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ОСОБЕННОСТИ «APPEARANCE»-СТЕРЕОТИПОВ РУССКИХ И АРМЯН¹

Бзезян А.А.

Ключевые слова: этнические стереотипы, внешний облик личности, этнолукизм.

В современных исследованиях обращается внимание на то, что этнонимы, этнические прозвища и ярлыки, актуализированные расово-антропологическим типом внешнего облика, отражают эмоционально-оценочное отношение к этническим группам. Так, Коробковой О.С. и Грищенко А.И. были рассмотрены этнофолизмы, распространенные как в разговорной речи, так и в публичном пространстве – наименования представителей разных этносов с негативной коннотацией, такие как «ЛКН – лицо кавказской национальности», «хачики» [1, С. 203], «азиат» [2, С. 182], включающие элементы внешнего облика («чёрный», «черномазый», «узкоглазый») [2, С. 176].

Как отмечает Ярская В.Н., уровень «уничжительного» дискурса: «чурки, чечены, даги, азеры, узкоглазые» [4, С. 49] акцентирует внимание на этническом разделении, где этнофолизмы отражают неприязнь к «лицам кавказской национальности». Данная дифференциация приводит к формированию «Appearance»-стереотипов как разновидности этнических стереотипов, которые рассматриваются нами в качестве эмоционально-когнитивного компонента этнолукизма.

На Юге России традиционно проживают представители славянских, кавказских и азиатских народов и в обыденном взаимодействии отличия между ними устанавливаются на основе их внешнего облика, в связи с этим, нами рассматриваются особенности «Appearance»-стереотипов трех этнокультурных групп, дифференцированных по гендерному признаку: «Appearance»-стереотипы мужчин и женщин со славянским типом внешнего облика; «Appearance»-стереотипы мужчин и женщин с кавказским типом внешнего облика; «Appearance»-стереотипы мужчин и женщин с азиатским типом внешнего облика.

В данной части исследования нами проверялась гипотеза о том, что степень позитивности/негативности «Appearance»-стереотипов может быть обусловлена сочетанием этнической принадлежности субъекта и объекта дискриминационного поведения – представителей этнических групп с различным типом внешнего облика. В исследовании приняли участие 109 человек, идентифицирующие себя с этнической группой «русские» и 62 человека, идентифицирующие себя с этнической группой «армяне» (в возрасте от 18 до 30 лет).

С целью изучения «Appearance»-стереотипов применялась биполярная шкала «Диагностика содержания и степени позитивности/негативности «Appearance»-стереотипов», разработанная Лабунской В.А., Бзезян А.А.[3]. Для определения степени позитивности/негативности «Appearance»-стереотипов рассматривались оценки соответствия позитивных и негативных личностных характеристик этнокультурным группам. Участникам исследования необходимо было оценить по пяти балльной системе степень соответствия характеристик этнокультурным группам, обозначенным посредством типа внешнего облика. Степень позитивности «Appearance»-стереотипов определялась на основе соотношения средних оценок позитивных и негативных личностных характеристик. Для проведения сравнительного анализа средних значений оценок соответствия позитивных и негативных личностных характеристик мужчинам и женщинам с различными типами внешнего облика между участниками исследования «русские и «армяне» применялся Z-критерий Вилкоксона.

В результате данного анализа было установлено, что у участников исследования из группы «русские» степень позитивности «Appearance»-стереотипов женщин и мужчин со славянским типом внешнего облика значимо выше ($Z = -3,189$, $Z = -3,421$ при $p < 0,01$), чем в группе участников исследования, принадлежащих к этнической группе «армяне». При этом, степень негативности «Appearance»-стереотипов женщин и мужчин с кавказским и азиатским типами внешнего облика намного выше в группе «русские», чем в группе «армяне» ($Z = -2,878$, $Z = -3,411$ при $p < 0,01$; $Z = -2,575$, $Z = -2,437$ при $p < 0,05$).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, проект 16-36-00049.

Так же было установлено, что степень позитивности «Appearance»-стереотипов женщин и мужчин с кавказским типом внешнего облика значимо выше в группе участников исследования, принадлежащих к этнической группе «армяне» ($Z = -3,306$, $Z = -3,527$ при $p < 0,01$). Была выявлена тенденция, проявившаяся в том, что степень позитивности «Appearance»-стереотипов мужчин и женщин с азиатским типом внешнего облика выше у участников исследования из группы «армяне». Так же на уровне тенденции было выявлено, что степень негативности мужчин со славянским типом внешнего облика выше в группе в «армяне», по сравнению с группой участников исследования «русские».

Таким образом, полученные данные позволяют утверждать, что степень позитивности «Appearance»-стереотипов изменяется в зависимости от принадлежности объекта к этнокультурной группе (обозначенной на основе типа внешнего облика) и этнической принадлежности субъектов «Appearance»-стереотипов – «русские» и «армяне».

В группе «русских» участников исследования влияние сочетания данных факторов проявилось в том, что наиболее позитивными являются «Appearance»-стереотипы мужчин и женщин со славянским типом внешнего облика.

В отличие от них, в группе «армяне» влияние данных факторов проявилось в том, что наиболее позитивными являются «Appearance»-стереотипы мужчин и женщин с кавказским и азиатским типами внешнего облика по сравнению с мужчинами и женщинами со славянским типом внешнего облика.

Так же, можно отметить, что степень негативности «Appearance»-стереотипов мужчин с кавказским и азиатским типами внешнего облика значимо выше в группе «русские», тогда как степень негативности мужчин со славянским типом внешнего облика выше в группе в «армяне». Выдвинутая гипотеза нашла свое подтверждение: степень позитивности/негативности «Appearance»-стереотипов обусловлена сочетанием этнической принадлежности субъекта и объекта дискриминационного поведения (представителей этнических групп с различным типом внешнего облика).

Библиографический список

1. Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006.
2. Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111.
3. Лабунская В.А., Бзезян А.А. Методологический подход к изучению «Appearance»-стереотипа как эмоционально-когнитивного компонента этнолукизма / Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии / отв. ред. В.В. Грищенко. Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного университета, 2016.
4. Ярская В.Н. Язык мой – враг мой: расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования. 2012. № 6.

ИДЕНТИЧНОСТЬ, СИТУАЦИЯ И ГРАНИЦА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ТРАНЗИТА¹

Ванданова Э.Л.

Ключевые слова: идентичность, личность, социокультурный транзит, граница личности.

Важные аспекты современной социокультурной ситуации, это вызовы времени современному человеку: невероятно большое количество кризисов (экологический, экономический, социальный) с которыми столкнулось наше общество; неоднозначная роль науки для современной цивилизации, проблемы техногенного характера научного прогресса; стремительное накопление информации и проблемы с осмыслением ее содержания.

Все эти вызовы концентрируются в нескольких понятиях: риск, цивилизация, наука, информационный код. На Международной конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г., в которой участвовали главы 179 государств, человеческое общество было единодушно объявлено обществом риска. Эколо-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФГАУ ФИРО, проект № 1.316.2016/НМ «Разработка и апробация методических материалов по реализации в образовательных учреждениях комплекса мер по противодействию идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде».

гические проблемы, экономическая неопределенность, наличие террористических угроз. По словам известного немецкого социолога Ульриха Бека, сегодняшний мир – это лаборатория мирового общества риска [1].

Опираясь на необходимость трактовки понятия цивилизация в данной работе мы должны помнить о том, что в его определении можно выделять различные аспекты: логику экономического роста (Ф. Бродель), взаимозависимость ментальности и хозяйственного уклада (М. Вебер), накопление социальных изменений (П. Сорокин), смену культурной парадигмы, проявляющуюся через форму и стиль – Gestalt (О. Шпенглер) или "культурно-исторического типа" (Н.Я.Данилевский, А. Тойнби). В качестве способов познания окружающего мира в различных цивилизациях выступали религия, философия, культура, они выступают в качестве так называемого кода цивилизации. Для понимания специфики современной цивилизации мы должны обратиться к информационному коду цивилизации и присущим ей социокультурным кодам.

Информационный код – это не только количество и качество информации, это еще и ее смысл. Здесь следует рассматривать информационный код как явление культуры. В данном ключе понятие «код» понимается как понятие, широко используемое в семиотике и позволяющее раскрыть механизм порождения смысла сообщения [2]. Социокультурный код, по мнению Э.А. Орловой это – набор фундаментальных принципов формирования и поддержания устойчивых областей социокультурного пространства, в рамках которых порождаются культурные тексты: хозяйственная, политическая, правовая; религиозная, философская, художественная, научная; образовательная, просветительская, массово-коммуникативная области социокультурного пространства и соответствующие им коды [3]. В.Л. Абушенко использует понятие социокода для определения понятия «инновация», приводя примеры разных типов культурного кодирования в различных социальных структурах. В архаичных структурах лично-именной тип кодирования, в традиционных социальных структурах – профессионально-именной, в современном обществе – универсально-понятийный [4]. Социокультурный код цивилизации определяется той информацией, которой владеет цивилизация.

В качестве цивилизационного дискурса достаточно часто выступает анализ философско-религиозных смыслов и их историко-географических аспектов [5]. О современной цивилизации, в рамках цивилизационного дискурса речь идет о конфликте цивилизаций, или высказывается мнение, что она вступила в конфликт с культурой. Культура и цивилизация разведены, не случайно уже в концепции Шпенглера культура и цивилизация выступают как антиподы. В 30-е годы 20 века этот конфликт проявился как противостояние мира фашизму. Хорошей иллюстрацией тех событий являются слова, сказанные Энштейном 3 октября 1933 г. в Лондоне на митинге, посвященном сбору средств для комитета помощи беженцам «Каким образом мы можем спасти человечество и его духовные ценности, наследниками которых мы являемся? Каким образом можно спасти Европу от новой катастрофы? Нет никаких сомнений в том, что мировой кризис и связанные с ним страдания и лишения до какой-то степени обусловили то опасное развитие событий, свидетелями которых мы являемся. В такие периоды недовольство порождает ненависть, а ненависть приводит к новым актам насилия, к революции и даже к войне. Таким образом, страдания и зло порождают новые страдания и новое зло» [6].

Другим примером существующего разрыва может служить существование субкультуры, как явления присущего цивилизации. Цивилизация создает новые культурные образцы, которые выступают антиподом культурному наследию. В рамках понимания того, что может стоять за таким явлением как социокультурный транзит необходимо иметь в поле зрения тот факт, что не всегда новые культурные антиподы удовлетворяют потребности людей в мире и спокойствии, равно как и образцы, выдающие себя за старые или традиционные «истинные культурные образцы». В ходе развития цивилизации возникали и могут возникать новые группы и общности, которые будут стремиться дегуманизировать научно-технические и социальные достижения.

Опираясь на необходимость трактовки личностной идентичности в условиях социокультурного транзита мы должны обратиться к таким понятиям как «граница» «ситуация» и «идентичность». Идея границы в психологии имеет не только значение разделительного рубежа между внутриспсихическим и внешним миром, но и то возможности перейти за эти границы. В данном случае речь идет о явлениях «пограничности» и «трансграничности». В первом случае термин «пограничность», используется для обозначения психологических качеств личности, психических расстройств, отклоняющегося поведения. Это понятие прочно связано с пониманием границы между нормой и патологией. Когда речь идет о социальной дезадаптации личности, традиционно именно этот термин вводит идею границы в рассмотрение соотношения между внутриспсихическим и внешнепсихическим в работах А. Е.

Личко, К. Леонгард, Собчик. В свою очередь это понятие используется для обозначения границ культуры. Р. Парк, Э. Стоунквист первыми ввели ключевое понятие границы, точнее пограничности, в понимании двойственности маргинальной личности. Все последующие исследования этнокультурных маргиналов опирались на это ключевое понятие. Интерактивный принцип «границы» содержится в представлениях С. Бочнера о двойственности поведенческих стратегий, маргиналы – колеблющиеся между двумя культурами.

В другом значении (значении трансграничности) этот термин понимается как выход за пределы, например, собственных рубежей или сложившейся ситуации и позволяет социальную дезадаптацию личности рассматривать вне контекста адаптации. Например, «граница» используется Флоренским для обозначения «борозд мысли» [7]. Понятие границы для обозначения трансграничности довольно часто используется в философии, культурологии, психологии, в то время как изучение социальной ситуации в связи с социальной дезадаптацией личности можно обнаружить в исследованиях посвященных возрастным кризисам и кризисным ситуациям: 1) Изучение психолого-педагогических проблем, в частности проблем воспитания подростков представленные в работах А. Прихожан, Н. Толстых, сложностях интеграции «трудных» подростков в мир взрослых, изученные Д.И. Фельдштейном, саморазрушающем, деструктивном поведении внешне положительных подростков изученных А.Н. Волковой; 2) Изучение жизнестойкости личности как изучению путей и способов реставрации человеком своих отношений с миром в кризисные моменты жизни у В. Франкла, изучение Ф.Е. Василюк переживаний личности в экстремальных ситуациях (в том числе и для суицидологической практики), исследованиям психологической устойчивости к трудностям в работах Г.У Солдатовой.

Проблемой определения и классификации социальных ситуаций занимались М. Аргайл, К. Левин, А. Фернхэм. Идеи К. Левина, а также других представителей когнитивно-феноменологического подхода, позволили психологическую ситуацию представить, как систему отношений человека с окружающим миром, значимую с точки зрения жизни, развития и деятельности данной личности. В современной психологии сложился системный подход к изучению социальных ситуаций и их параметров, который одновременно обозначает интегративно-личностный подход к пониманию ситуации [8].

Обращение к проблеме социальной ситуации вызвано необходимостью развития психологической устойчивости личности в кризисных ситуациях. Вместе с тем, психологическую устойчивость личности, как качество личности нельзя рассматривать ни как положительное качество, ни как отрицательное. Поскольку это умение необходимо только в стрессовых, кризисных ситуациях в психологии рядом авторов, такими как П.Б. Балтес, В.А. Бодров, Р. Лазарус, С. Хобфолл, оно обозначается как «ресурс» или средство преодоления стрессов. Виктор Франкл, узник Освенцима и основоположник, представитель гуманистической психологии писал: «в целом выжить смогли только те, кто после многих месяцев скитаний по лагерям перестал проявлять щепетильность в борьбе за жизнь; они готовы были идти на любые средства – честные и не очень, а порой и откровенно жестокие... чтобы спасти себя. Мы, кто сумел оттуда вернуться... мы-то знаем: лучшие из нас остались там навсегда».

В данном случае, ранее обозначенная нами проблема необходимости различения форм социальной дезадаптации (дезадаптированное поведение, дезадаптированная личность), а также вопрос «трансграничности» - выхода за рамки адаптированного поведения, заставляют еще раз отметить важность выделения понятия «ситуации».

Необходимость изучения понятия идентичности в контексте социокультурного транзита продиктована наличием проблемы противоречия идентичности, в некоторых случаях социализации, социальным формам поведения. На определенных ступенях развития ребёнок неизбежно оказывается перед необходимостью нахождения той или иной модели поведения, в том числе продиктованной социумом. Социум предоставляет ему такие модели поведения, презентуя их в воспитании, при этом социум может не только предоставлять для выбора модели поведения, но и активно навязывать их в процессе социализации.

В социальном интеракционизме идея идентичности представлена трудами Дж. Мид, И. Гоффмана, Р. Фогельсона. Модели последних авторов близки, в том смысле, что допускают развитие у человека техник, направленных на фальсификацию в глазах социального окружения предъявляемой идентичности. В когнитивной психологии Х.Тэддфел указывал на то, что достижение идентичности возможно, как посредством развития личностной идентичности, так и через формирование социальной идентичности. В этнопсихологии идентичность, сопровождаемая социальной дезадаптированностью, Р. Мертоном рассматривается с позиции незавершенной социализации. В этом же направлении изу-

чения предметного поля социализации лежат представления о двойственности в исследованиях идентичности – идентификационной мешанины у Э. Эриксона, спутанной идентичности у Ж. Марсиа, в исследовании Д. Мацумото мультикультурных индивидов – дуальных свойств «Я».

Образование наряду с другими культурными кодами может позволить нашей цивилизации «феномену человека, человеческому феномену» противостоять вызовам современности [9]. Ценностная компонента знаний связана с этической составляющей, об этом говорит Р.Н. Маликова, описывая аксиологические и этические воззрения величайшего мыслителя 20 века Э.К. Циолковского: «Но пока есть страдальцы в живом мире, пока неудовлетворенны насущные потребности высшего мира чувствующих, до тех пор наибольшим уважением должны считаться знания, ведущие к разрешению этих вопросов», – замечает Константин Эдуардович. «Знания должны способствовать удовлетворению наших потребностей, успокоению души, нашей любознательности» [10].

Таким образом, вопросы этики, этики природосообразного поведения могут стать отправной точкой смены парадигмы цивилизации и культуры. Образование как социокультурный код цивилизации позволяет обратиться к цивилизационному дискурсу, основывающемуся на анализе базовых гуманистических общечеловеческих смыслов и поиску альтернативы дегуманизации.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
1. Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. М., 2003.
3. Орлова Э.А. Социокультурное пространство обыденной жизни: Методическое пособие по курсу "Культурная антропология". М.: ГАСК, 2002.
4. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов М., 1998.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М: ООО «Издательство АСТ», 2003.
6. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. IV. М.: Наука, 1967.
7. Дьяконов Г.В. Психология диалога: теоретико-методологическое исследование. Кировоград: РВЦ КГПУ им. В.К.Винниченко, 2006.
8. Гришина Н.В. Психология социальных ситуаций. СПб., 2001
9. Маликова Р.Н. Аксиологические и этические воззрения К. Э. Циолковского URL: <http://readings.gmik.ru/lecture/2008-AKSIOLOGICHESKIE-I-ETICHESKIE-VOZZRENIYA-K-E-TSIOLKOVSKOGO>
10. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987.

ЭТНОЛУКИЗМ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ¹

Лабунская В.А.

Ключевые слова: этнолукизм, социокультурная реальность, внешний облик личности.

Многие исследователи отмечают тот факт, что с запретом на различные дискриминационные практики, не уходит с авансены такой вид дискриминации, как лукизм (интерпретации этого феномена представлены в ряде работ [1, 2, 3, 10]). Наоборот, появляются новые термины «Beautyism», «Lookphobia» [17, 18], не говоря о разновидностях лукизма: дискриминация людей на основе их роста, веса и примыкающий к ним такой вид дискриминации, как «цветная дискриминация», дискриминация на основе деформаций различных компонентов, частей внешнего облика, дискриминация на основе введения дресс-кода и т.д. Мы все чаще сталкиваемся с тем, что можно было бы назвать «повседневным лукизмом» (Lookism everyday – термин введен нами по аналогии с термином Sexism everyday). Обозначив данное явление, мы считаем, что как Sexism everyday, так и «Lookism everyday» становится рутинной дискриминационной практикой, которая наносит ущерб человеку, давит над его личностью. В связи с этим изучение лукизма должно включать не только факторы, механизмы его актуализации, выбора форм проявления, но и исследование его последствий, которые в интегрированном виде могут способствовать появлению «сломленного, отвергнутого субъекта».

Работы зарубежных авторов [14, 15, 17, 19, 20], рассматривающие проблему «внешний облик – дискриминация», включают, как правило, вывод о том, что лукизм имеет культурно-исторические корни, что данная дискриминационная практика не поддается регуляции со стороны социальных ин-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 16-36-00049.

ституты. Предвзятость, предрассудки, в основе которых лежит внешний облик, неискоренимы, их формирование неизбежно, лукизм – это «факт жизни людей». Наличие таких выводов не означает, что не предпринимаются попытки ограничить действие лукизма. Одна из них касается определения требований к внешнему облику человека, участвующему, например, в собеседовании при приеме на работу. Внешность рассматривается вне возрастных, половых, этнических и расовых характеристик [17], при ее описании не должны присутствовать параметры физического состояния, стиль одежды. Она не должна быть связана с установлением каких-либо стандартов, способов личной гигиены. Однако, даже такие ограничения лукизма не приводят к позитивным результатам. Иными словами, отсутствует надежная защита от дискриминации на основе внешнего облика. Несмотря на фатальность выводов относительно неизбежности лукизма, поднимаются, например, вопросы о соотношении влияния физических и социальных характеристик на принятие решений [16]. Указанное исследование пытается ответить на вопрос, какие стереотипы используются для дискриминации людей. В нем подчеркивается, что сложились стереотипы, связанные с расой, полом, возрастом, ростом и весом, на основе которых осуществляется прием на работу. Оценка заявителю ставится, чаще всего, на базе, именно, этих стереотипов, а не на основе его навыков, знаний и способности выполнять работу. Проверка ряд гипотез, S.Cates, H. Dana [16] пришли к выводу, что оформление внешнего облика очень сильно влияет на решение о принятии на работу. Этот вывод не противоречит результатам работ, в которых подчеркивается влияние внешнего облика на систему социальных, межличностных отношений человека, на оценку им различных сторон жизнедеятельности, на состояния и переживания [см. анализ этих работ в 6, 7, 8, 21, 22].

В объяснения феномена влияния внешнего облика на бытие человека, на его повседневную жизнь включается «значимость», «ценность» внешнего облика, трактуемая посредством приписывания внешнему облику ответственности за все то, что происходит в жизни человека, и рассматриваемую как вид «инвестиций» в благополучие/неблагополучие человека [21]. Что добавляет включение «значимости» и «ценности» внешнего облика, его инвестиционной силы в понимание распространенности лукизма? Ответом могут служить, с одной стороны, результаты исследований [21], указывающие на то, что с возрастанием значимости внешнего облика усиливается влияние оценки внешнего вида на уровень тревоги, беспокойства, депрессии, которые определяют направление переработки появляющейся информации, формирование схемы внешнего облика и т.д. В этом случае снижение роли лукизма происходит за счет изменения знака оценки своего и чужого внешнего облика. С другой стороны, повышенная сензитивность к внешнему облику обусловлена стремлением человека к избирательному целостному восприятию партнера по взаимодействию, результаты которого отражают важнейшие задачи бытия личности [6, 7, 8].

Таким образом, лукизм относится к культурно-историческим феноменам, который вплетен в различные социально-культурные контексты. Данный вид дискриминационной практики основан на значимости, ценности внешнего облика, на его «инвестиционной» силе, на стремлении человека к избирательному, целостному восприятию себя и Другого, на связи внешнего облика с иными видами дискриминации (сексизм, ейджизм, расизм, этническая, социальная дискриминация). В отличие от них, лукизм, как практика различения, дифференциации групп и отдельных людей, осуществляется на основе характеристик, которые не имеют институционального статуса, являются иррациональными, но имеют прямое отношение к таким проявлениям дискриминации, как ограничение, лишение прав и т.д.

Ранее [2, 3, 5], мы отмечали, что лукизм, как вид дискриминации, не отделим от других видов дискриминации, поскольку пусковым механизмом и гендерной, и возрастной, и этнической дискриминации выступает внешний облик человека или группы людей. Кроме этого, мы подчеркивали, что представления о том, к какому этнокультурному типу относится человек, формируются, в первую очередь, на основе его внешнего облика. Все это указывает на необходимость изучения этнической, гендерной дискриминации и лукизма как совмещенных социокультурных, социально-психологических феноменов, среди которых мы выделяем этнолукизм и наделяем его основными характеристиками лукизма. Прежде всего, считаем этнолукизм «повседневной» дискриминационной практикой, которая принадлежит к трудно искоренимым социокультурным реалиям. Подтверждением этому выводу служат результаты работ, указывающие на историчность «инсценирования этничности», на включенность характеристик внешнего облика в процесс создания образа этнической группы, а вместе с этим и появления этнических уничижающих кличек, прозвищ, в основе формирования которых во многих случаях лежат определенные особенности внешнего облика. В социально-психологической модели восприятия чужого выделяются знания о чужом, включающие непосред-

ственно воспринимаемые особенности других людей (цвет волос, глаз, кожи, фигура, одежда) [12]. Внешний облик создает эффект наглядности, эмпиричности признаков, позволяющих идентифицировать этническую общность и отделять ее от других этносов, на основе внешнего облика подразделяются социальные и этнические группы на «видимые» и «невидимые» [9].

О взаимосвязи лукизма и этнической дискриминации свидетельствуют также распространенные в политической и повседневной коммуникации обозначения этнокультурных групп с помощью таких словосочетаний, как «лица кавказской национальности», «лица славянской внешности» [13]. Авторы сборника [11] пишут о том, что в последние годы различные общественные круги демонстрируют такой вид «коккетста», как «коккетливый, шуточный расизм», за которым стоит «новая волна расизма», иными словами, этнолукизма. Употребляемые словосочетания не фиксируют принадлежность человека к определенной этнической группе, не указывают на антропологические особенности внешнего облика, а актуализируют стереотипы и предрассудки, которые выступают в роли когнитивно-эмоциональных компонентов дискриминационного поведения [см.5]. Эти стереотипы обуславливают субординацию людей по совокупности характеристик внешнего облика. Они, как и этнокультурный внешний облик являются культурно и социально-конструируемыми феноменами, вписанными в различные ситуации человеческого бытия, диктующими меру дискриминационного поведения и отношения к нему.

Учитывая тот факт, что в поле зрения ученых находится феномен перехода от классических форм дискриминации к символическим, к «маскируемым», к косвенным, скрытым формам дискриминации, к бытовой в отличие от институциональной, к «множественной» дискриминации, к которым относится этнолукизм [2, 3, 5], эмпирическая модель изучения этнолукизма разрабатывалась как модель, в центре которой находится отношение к этнолукизму, то есть к дискриминационному поведению Другого, направленного на представителей этнокультурных групп, отличающихся типом внешнего облика. Само отношение к этнолукизму, рассматриваемое нами с позиций системно-структурного подхода, на эмпирическом уровне было представлено равноуровневыми взаимосвязями между когнитивным («Appearance» стереотипы), эмоционально-ценностным и поведенческим компонентами [2, 3, 4, 5]. В классическом варианте отношение к дискриминационному поведению Другого имеет определенный знак и качество, которые выражаются в принятии или не принятии дискриминационного поведения Другого, которое может рассматриваться как вид готовности к осуществлению дискриминационных действий. Непринятие дискриминационного поведения Другого – это неодобрение его, несогласие с ним. Иными словами, интолерантное отношение к дискриминационному поведению Другого является проявлением позитивного отношения к тем, на кого направлены дискриминационные действия. В этой связи в разработанной эмпирической модели в качестве коррелятов отношения к дискриминационному поведению Другого рассматривался уровень личностного принятия дискриминационного поведения, измеряемый на основе шкалы «согласие – несогласие» с дискриминационными действиями, направленными на представителей этнических групп в различных ситуациях взаимодействия [3]. Данная модель включает также взаимосвязанные характеристики дискриминационного поведения: ситуации дискриминации, способы дискриминации, особенности объекта дискриминации – человека, на которого направлены дискриминационные действия и который принадлежит к определенной гендерной группе, имеет тип внешнего облика, ассоциированный с этнокультурными группами. Мы отмечали [2, 3, 5], что обозначения этнокультурных групп, указывающие на тип внешнего облика, имеют косвенную связь с антропологическими классификациями, с описаниями физических и соматических особенностей, поскольку не включают четких этноразличительных признаков. Они сконструированы в процессе обыденного межэтнического, межкультурного взаимодействия, фиксируются и транслируются различными средствами массовой информации, а затем возвращаются в этническую, политическую и повседневную коммуникацию, способствуя актуализации этнолукизма, поскольку за обозначениями этнокультурных групп, центрированных на внешнем облике, стоят разновидности этнических стереотипов и связанных с ними отношений, форм и способов взаимодействия с представителями этнических групп, тип внешнего облика которых соответствует обыденным обозначениям.

В рамкой данной эмпирической модели был разработан комплекс методов [1, 3, 4, 5], с помощью которых были получены данные, указывающие на то, что отношение к дискриминационному поведению Другого (принятие/непринятие) зависит от сочетания трех групп факторов: 1) этнической принадлежности, типа этнической идентичности, эмоционально-оценочного отношения к этническим группам, «Appearance»-стереотипов субъекта принятия дискриминационного поведения Другого; 2) этнической принадлежности объекта дискриминации, обозначенной посредством типа внешнего об-

лика (славянский, кавказский, азиатский типы внешнего облика), и его гендера; 3) вида обыденных ситуаций взаимодействия («Оказание услуги», «Совместное проживание», «Прогулка по городу»). В частности, уровень принятия дискриминационного поведения Другого в различных ситуациях взаимодействия был обусловлен сочетанием степени позитивности эмоционально-оценочного компонента отношения к этническим группам с мерой позитивности «Appearance»-стереотипов. Особенно отчетливо, данная закономерность проявилась во взаимосвязях между эмоционально-оценочным компонентом отношения к этническим группам, «Appearance»-стереотипами мужчин и женщин, принадлежащих по типу внешнего облика к этим этническим группам, и уровнем принятия дискриминационного поведения Другого, направленного на представителей этих же этнических групп.

В отличие от ранее разрабатываемой нами [2, 3, 4, 5] эмпирической модели изучения отношения к этнолукизму, в которой в качестве предикторов отношения к этнолукизму рассматривались традиционные факторы, представленные в этнической психологии (этническая идентичность, этнические стереотипы - «Appearance» стереотипы, отношение к этническим группам субъекта принятия – неприятия этнолукизма, гендерная и этнокультурная принадлежность объекта дискриминации), в создаваемой в настоящее время эмпирической модели усилен фактор субъектности, в связи с этим она получила рабочее название «субъектная модель отношения к дискриминационному поведению Другого, направленного на представителей этнокультурных групп с определенным типом внешнего облика». В данной эмпирической модели в качестве предикторов отношения к этнолукизму рассматривается, прежде всего, система отношений, сформировавшаяся у субъекта принятия - не принятия дискриминационного поведения Другого, которая обуславливает его преобразовательную активность в сфере взаимодействия и позволяет отнести к определенному типу субъектов общения; меры безопасности и удовлетворенности своим внешним обликом и их связь с оценкой удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия. Перечень субъектных характеристик не ограничивается выше перечисленными, но, именно, данная совокупность субъектных характеристик определяет отношение к внешнему облику, следовательно, может оказывать влияние на принятие – не принятие дискриминационного поведения Другого, направленного на представителей этнокультурных групп с определенным типом внешнего облика.

«Субъектная модель отношения к дискриминационному поведению Другого, направленного на представителей этнокультурных групп с определенным типом внешнего облика» была использована в ряде исследований, выполненных нами. В одном из них проверялась гипотеза о различном влиянии выраженности видов социально-психологических трудностей общения на уровень принятия дискриминационного поведения Другого в различных ситуациях взаимодействия. С целью определения влияния выраженности различных видов социально-психологических трудностей общения на уровень принятия дискриминационного поведения Другого применялся метод ANOVA. Были получены данные, которые свидетельствуют о том, что интенсивность влияния социально-психологических трудностей общения на уровень принятия дискриминационного поведения Другого определяется, с одной стороны, тем, к какому виду относятся трудности общения, как глубоко они переживаются, а, с другой стороны, тем, какой тип внешнего облика имеет объект дискриминации, к какой гендерной группе он принадлежит и к какой гендерной группе относится субъект принятия дискриминационного поведения Другого. Так, у мужчин – участников исследования увеличение выраженности социально-психологических трудностей общения приводит к повышению готовности к принятию дискриминационного поведения Другого, направленного на представителей этнических групп, отличающихся типом внешнего облика и гендера. В группе женщин – участниц исследования не обнаружено значимого влияния выраженности социально- психологических трудностей общения на уровень принятия дискриминационного поведения Другого. Приведенный фрагмент выполненного исследования указывает на то, что в обыденной жизни готовность к этнолукизму может изменяться в соответствии с опытом общения, переживания трудностей общения субъекта отношения к этнолукизму. В другой работе нами были обнаружены взаимосвязи между выраженностью компонентов враждебного отношения к другим людям и уровнем принятия дискриминационного поведения – этнолукизма. Готовность к этнолукизму повышалась вместе с увеличением выраженности цинизма и агрессивности.

Таким образом, не отрицая повседневность этнолукизма, его встроенность в культурно-исторический контекст, не сомневаясь в том, что этнолукизм – это социокультурная реальность, что данный вид дискриминационной практики не поддается регуляции со стороны социальных институтов, мы полагаем, что управление этим явлением возможно в результате развития у человека субъектных свойств. «Субъектная модель отношения к дискриминационному поведению Другого, направленного на представителей этнокультурных групп с определенным типом внешнего облика»

может объяснять как диапазон распространения этнолукизма, так и сензитивность к нему, готовность применять данный вид дискриминационной практики в обыденной жизни.

Библиографический список

1. Бзезян А.А. Лукизм и этническая дискриминация // Северо-Кавказский психологический вестник. 2012. №10/3.
2. Лабунская В.А., Ермакова Д.В. Дискриминация Другого на основе этнокультурного типа внешнего облика: негативное со-бытие этногендерно-возрастных групп // *Личность и бытие: субъектный подход* (к 80-летию А.В. Брушлинского). М., Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013.
3. Лабунская В.А., Бзезян А.А. Особенности дискриминационного отношения к представителям этнокультурных групп: гендерно-ситуационный анализ / *Гендерные реалии 21 века*. Ростов н/Д, 2014.
4. Лабунская В.А. Методология исследования взаимосвязей отношений, образов, форм обращений в контексте межэтнического общения // *От истоков к современности*. М., 2015. Т. 3.
5. Лабунская В.А., Бзезян А.А. Методологический подход к изучению «Appearance»-стереотипов как эмоционально-когнитивного компонента этнолукизма // *Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии*. М. Смоленск. 2016. Т. 2.
6. Лабунская В.А., Капитанова Е.В. Обеспокоенность и удовлетворенность студентов своим внешним обликом как предикторы самооценок его компонентов и характеристик // *Российский психологический журнал*. 2016. Т. 13. № 1.
7. Лабунская В.А., Капитанова Е.В. Самооценка и оценка внешнего облика членов студенческой группы как предикторы отношений межличностной значимости // *Социальная психология и общество*. 2016. Т. 7. № 1.
8. Лабунская В.А. «Сугубо женская тема» – внешний облик // *Российский психологический журнал*. 2016. Т.13. № 2.
9. Леонтович О.А. Понятие о национальной идентичности. Физиологическая идентичность // *Введение в межкультурную коммуникацию*. М.: Гнозис, 2007.
10. Погонцева Д.В. Виды дискриминации по внешнему облику // *Психология и психотехника*. 2013. № 9.
11. Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... / сост. и отв. ред. Екатерина Деминцева. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
12. Скарабис М., Шефер Б., Шледер Б. Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность // *Психология*. 2004.-№ 1.
13. Ярская В.Н. Язык мой – враг мой: расистский дискурс в российском обществе // *Социологические исследования*. 2012. № 6.
14. Adamitis E. M. Appearance matters: A proposal to limit appearance discrimination in employment// *Washington. Law Review*. 2000. №75(January).
15. Bello, J. D. Attractiveness as hiring criteria: Savvy business practice or racial discrimination? // *Journal of Gender, Race & Justice*. 2004.
16. Cates S. Dana H. Discrimination in a Covert Methodology: An Analysis of Physical and Social Characteristics That Prohibit People from Becoming Employed // *iBusiness*. 2012. Vol. 4. No. 2.
17. Cavico F. J., Stephen C. M, Bahaudin G., Mujtab G. Appearance Discrimination, «Lookism» And «Lookphobia» In The Workplace // *Journal Of Applied Business Research*. 2012.
18. Jawahar I. M., Mattsson, J. Sexism and beautyism effects in selection as a function of self monitoring level of decision maker// *Journal of Applied Psychology*. 2005. № 90.
19. Johnson SK, Podratz KE, Dipboye RL, Gibbons E. Physical attractiveness biases in ratings of employment suitability: tracking down the «beauty is beastly» effect // *J Soc. Psychol*. 2010. MayJun150(3).
20. Malos S. Appearance-based Sex Discrimination and Stereotyping in the Workplace: Whose Conduct Should We Regulate?// *Employ Respons Rights J*. 2007.
21. Moss TP, Lawson V, White P. Salience and Valence of Appearance in a Population with a Visible Difference of Appearance: Direct and Moderated Relationships with Self-Consciousness, Anxiety and Depression // *PLoS- Public Library of Science ONE*. 2014. № 9(2).
22. Tartaglia S., Rollero Ch. The Effects of Attractiveness and Status on Personality Evaluation // *Europe’s Journal of Psychology*. 2015. № 11(4).

Ключевые слова: межпоколенное общение, конфликт поколений, ценностные приоритеты.

Конфликт отцов и детей не является чем-то новым. «Он был всегда», – утверждают мыслители. Его называют «разрывом» [7], «ценностным расколом» [4], «семантическое поле напряжений» [3], «великий отказ» [6], «дискурсивная оппозиция в языке поколений» [14], «межпоколенные конфликты в семье» [1], «конфликтность с элементами эйджизма» [13], «рассогласование в ценностно-смысловом ядре ментальности поколений» [10], «отказ молодого поколения от традиционного уклада жизни, устоев, ценностей и правил» [12] и т.д. Нам важно понять, какими характеристиками обладают конфликты поколений.

Однако необходимо начать с определения поколений. Поколение – это общность соплеменников, социализация которых проходила в период определенных исторических событий истории, примерно в двадцатилетний период, обладающие близким мировоззрением, ценностными ориентациями и поведенческими стилями. Процесс смены поколений предполагает, как сотрудничество, так и конфликтные формы взаимодействия.

Это не простые конфликты, не явные, а часто скрываемые, иногда не осознаваемые, часто подменяемые содержанием бытовых конфликтов. Эти конфликты социальные, поскольку каждое поколение претендует на более высокий социальный статус в обществе. Отдельные авторы относят конфликт поколений не к явным конфликтам, а мировоззренческому расхождению мнений и зарождению на этой почве некоторой неприязни.

Межпоколенное общение с точки зрения социальной психологии можно определить как «процесс установления и развития контактов между поколениями, порождаемый их потребностью в совместном воспроизводстве и порождении материальных и духовных ценностей» [9]. Конфликт межпоколенный с этой позиции будет выступать прерывателем этих контактов, разрушителем стабильности преемственности поколений.

В поколенческом конфликте сталкиваются противоположно направленные мотивы, интересы, цели, идеалы, убеждения, суждения, оценки, мнения, взгляды и поколения входят в состояние противоборства. По своему виду этот конфликт ценностный [9, 13], но поскольку он связан со всей системой трансгенерационных связей, то мы можем полагать, что это и структурный конфликт.

«Вхождение в поколение» есть, по Мангейму, важнейшая форма реализации преемственности, происходящая как осознанно, так и неосознанно образом [5]. Преемственность реализуется через совместное участие смежных поколений в одних и тех же событиях. Подобная культурная трансмиссия в древности происходила через совместную деятельность и подражание, а с развитием цивилизации она стала требовать обучения и воспитания как основного способа передачи наследия.

Вопрос о стабильности преемственности по-разному трактуется учеными.

Постклассический подход представлен в работах Г. Маркузе, провозгласившего концепцию «Великого отказа» [6]. «Великий отказ» от наследования «отцовских» достижений выливается, таким образом, у Маркузе в отказ от сублимации, в жесткое противостояние поколений, а по сути – в разрыв преемственности на уровне культуры и социальных связей в обществе. Аналогичное видение излагает и М. Мид [7], заключающееся в том, что для современного мира характерен разрыв между поколениями. Однако остается открытым вопрос – определяет ли разрыв поколений конфликт между ними?

Для оценки современного подхода к проблеме конфликта поколений интерес представляет работа Ф. Фукуямы [15], суть которой состоит в том, что напряжение в межпоколенных отношениях, возникшее в 60-е годы, полностью исчерпало себя к 90-м годам. Никакие элементы кризисности в межпоколенных отношениях не могут быть тотально разрывными, ибо это означало бы конец не только мировой истории, но и самого человечества.

По М.Б. Глотову [2] конфликт поколений – это процесс возникновения, проявления, столкновения и разрешения противоречий как между представителями одного поколения (внутрипоколенный конфликт), так и между представителями разных поколений (межпоколенный конфликт). Конфликтные взаимодействия внутри и между поколениями выступают фактором разрушения или укрепления социальных связей.

М.И. Постникова эмпирически подтвердила, что принадлежность к определенному поколению влияет на структуру ценностей и определяет особенности поведения в конфликтных ситуациях [11].

Но каких? Думается, что речь идет не о простых житейских ситуациях, а о судьбоносных, определяющих направление жизни человека.

Кросс-культурные исследования поколений открывают наличие непонимание, конфликт между поколениями в различных странах [10, 16, 17]. При этом известно, что западные культуры в большей степени поощряют в детях поддерживать стратегии противостояния в конфликте, в то время как восточные культуры учат детей уклоняться от него [10].

Мы можем говорить о конфликте поколений, когда путь жизни, который избирает новое поколение, полностью противоречит, а иногда и разрушает старый мирострой.

Проведя исследование в крупной российской компании, сравнивая представителей поколений X и Y (350 человек) показало, что их ценностная структура существенно отличается. Применялись методики измерения ценностных ориентаций (М. Рокич); стратегий поведения в конфликте (Томас); механизмов защиты (Р. Плутчик); анкетирование лояльного отношения сотрудников к организации.

Ценностная отличность может лежать в основе возможности возникновения конфликта [18].

У представителей поколения X мы выделили перечень терминальных ценностей исследуемой женской группы. В процессе исследования удалось установить, что лидирующие позиции занимают такие ценности как: здоровье, любовь, счастливая семейная жизнь. Также наряду с приведенными выше ценностями, в перечне основополагающих выделены такие ценности как: интересная работа, материальное благополучие и активная деятельность жизни. Удалось установить ряд ведущих ценностей, в женской группе, которыми они руководствуются в своей жизни. Это такие ценности как: образованность, воспитанность, независимость, ответственность, честность.

Из перечня предложенных терминальных ценностей, представленных мужчинам, они выделили следующие ведущие ценности: здоровье, материальное положение, счастливая семейная жизнь, любовь, свобода. В группе мужских, ведущих инструментальных ценностей, т.е. убеждений в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации. К таким ценностям респонденты отнесли: независимость, ответственность, рационализм, твердую волю, образованность. На основании сравнительного анализа, ценностных ориентаций в различных группах, можно сделать вывод, что терминальные ценности у представителей обоих полов имеют общую природу. Как в одной, так и в другой выборке, выделены, в большинстве своем, одни и те же ценности, такие как: здоровье, семейное благополучие, любовь, материальное благополучие, но с разной степенью выраженности в характере значимости.

Также из результатов сравнительного анализа, очевидна существенная разница в выборе приоритетных инструментальных ценностей мужчин и женщин. Мужчины, в своем выборе, а, следовательно, и в жизненных ситуациях, склонны к проявлению, таких личностных черт как рационализм, самостоятельность и доминантность.

Женщины же, в своем выборе склонны ориентироваться на проявление таких качеств и свойств как образованность, воспитанность и честность. Также имеют место быть и общие для двух групп предьявления, это такие характеристики как, ответственность и независимость.

Терминальные ценности у поколения Y юноши – спокойствие в стране и в мире, красота природы и искусства, познание, интеллектуальное развитие, уверенность в себе и равенство возможностей.

Терминальные ценности у поколения Y девушки – спокойствие в стране и в мире, красота природы и искусства, познание, интеллектуальное развитие, счастливая семейная жизнь, независимость суждений и оценок.

Инструментальные ценности у поколения Y юноши – самоконтроль, ответственность, рационализм, исполнительность, терпимость к мнениям других.

Инструментальные ценности у поколения Y девушки – жизнерадостность, смелость в отстаивании своего мнения, честность, высокие запросы, трудолюбие, ответственность.

Предпочитаемые стратегии поведения в конфликте у представителей поколений X – компромисс ($p \leq 0,05$), приспособление ($p \leq 0,05$). Представители поколения Y показали наибольшую выраженность стратегий поведения в конфликте – противостояние ($p \leq 0,05$), уход ($p \leq 0,001$).

Представители поколения Y в отличие от представителей поколения X более склонны использовать такие механизмы психологической защиты, как компенсация ($p \leq 0,001$) и замещение ($p \leq 0,05$).

По данным анкетирования представители поколения X проявляют больше скептичности в оценках организации ($p \leq 0,01$) но при этом пытаются найти баланс и гибкость. Представители поколения Y в меньшей степени проявляют лояльность к компании ($p \leq 0,02$). Тем не менее, представите-

ли поколения Y придают большое значение интенсивным отношениям с сотрудниками и руководителем.

Таким образом, каждое поколение имеет свои специфические стратегии поведения в конфликтах, сопряженных с определенными видами психологической защиты и степенью лояльности к организации.

Обращаясь к концепции конфликтов А.А. Налчаджяна [8], можно заключить, что чем больше будет отличительных признаков между поколениями, чем группы разных поколений будут более закрыты для общения, тем сильнее могут проявляться тенденции противостояния между поколениями. Однако сегодня мы можем констатировать, что поколения находятся в напряженных отношениях в определенных ситуациях взаимодействия и поэтому о явном конфликте говорить еще рано.

В заключении можно констатировать, что конфликты между поколениями могут иметь реальность, но вместе с тем, могут быть основаны на обострении в обществе иных отношений, например, экономических, а выдаваться за конфликты поколений. Следовательно, конфликты между поколениями могут быть смысловой рамкой, которая модна в общественном дискурсе.

Библиографический список

1. Вдовина М.В. Межпоколенные конфликты в современной российской семье // Социологические исследования 2005. № 1.
2. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10.
3. Дубин Б.В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
4. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
5. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение, 1998. № 2 (30).
6. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. М.: REFL-book, 1994.
7. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
8. Налчаджян А. А. Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван: Огебан, 2000.
9. Пищик В.И. Общение межпоколенное // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2015.
10. Пищик В.И. Основы этнопсихологии. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003.
11. Постникова М.И. Особенности отношений между поколениями в семье // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 4 (23): в 2-х ч. Ч.1 .
12. Сапогова Е.Е. Современная взрослость: трансформация или кризис? // Сборник научных статей / под ред. Л.Ф. Обуховой, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцовой. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015.
13. Сапоровская М.В. Психология семьи и межпоколенных отношений. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011.
14. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М., 2009.
15. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М: АСТ, 2003.
16. Kurlansky M. 1968: The Year that Rocked the World. New York: Vintage, 2005.
17. Li C. China's Fifth Generation: is Diversity a Source of Strength or Weakness? The National Bureau of Asian Research Project Report. September. 2008.
18. Pishchik, V.I. Transformation of meaning and value components of the mentality of the population of the south of Russia // Voprosy Psikhologii. 2008. (3).

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭТНОЛУКИЗМА (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)¹

Погонцева Д.В.

Ключевые слова: этнолукизм, внешний вид личности, этническая социализация, дискриминация.

Этнолукизм – это проявление дискриминации к людям других этнических групп, которых мы категоризируем как представителей той или иной этногруппы по их внешнему облику. В современ-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 16-36-00049.

ных исследованиях, наряду с этнолукизмом, вводится термин «лицевой фашизм» (face fascism), т.е. когда лицо другого человека является пусковым механизмом для дискриминации. В современных зарубежных исследованиях огромное внимание уделяется различным аспектам этнолукизма. Это вызвано, прежде всего, увеличением численности мигрантов из африканских и арабских стран на территории Европы, а кроме того, эскалацией этнических конфликтов (стрельба в редакции Шарли Эбдо (Франция), взрыв в аэропорте (Бельгия), столкновения с полицией (Германия) и др.). В современной ситуации, в Европе, на первый план вышла категоризация другого по его внешнему облику как «своего» или «чужого». И по совокупности, мы можем наблюдать активное проявление этнолукизма и рост количества исследований, посвященных данному аспекту.

Так, в работе М. А. Gonzales-Backen и А. J. Umaña-Taylor [11] физическая внешность рассматривается в качестве модератора отношения между семейной этнической социализации и этнической идентичности среди 167 латиноамериканских подростков. Результаты их исследования показали, что внешний облик способствует категоризации себя и другого как относящегося к определенной этнической группе, а кроме того авторами было выявлено, что отношение к подросткам было более положительным в тех случаях, когда внешний вид подростка оценивался как «латиноамериканский» (менее европейский внешний вид и более темный цвет кожи). Таким образом, авторы подчеркивают роль категоризации другого по внешнему облику для формирования дискриминационного отношения.

В свою очередь С. S. Brown [9] изучала особенности восприятия этнической дискриминации среди детей (9-11 лет) с европейской и латиноамериканской внешностью. Детям предъявляли ряд ситуаций, когда учитель подвергал позитивной или негативной дискриминации ребенка своей или иной этнической группы. В результате их исследования, было выявлено, что дети, скорее склонны принять позитивную дискриминацию, по отношению к ребенку той же этнической группы, что и респондент, и негативную дискриминацию по отношению к ребенку другой этнической группы.

Результаты исследования А. Kotic, K. Phalet [12] указывают на то, что дискриминация зависит от региона и количества иммигрантов с «типичной» внешностью. Данное исследование включало несколько этапов, на первом этапе итальянцев опросили, из каких стран больше всего в Италии эмигрантов, а на втором этапе предложили определить этническую принадлежность людей на фотографиях. В результате было установлено, что в тех случаях, когда итальянцы указывали, что больше всего иммигрантов из Марокко, то национальность лиц на фотографиях оценивались как марокканская. При этом респонденты, затруднившиеся указать точно процент иммигрантов из разных стран, лучше дифференцировали фотографии (на которых были представлены жители Индии, Египта, Марокко, Филиппин, Эквадора и т. д.). Авторы также делают вывод о том, что большие иммигрантские группы более заметны и поэтому воспринимаются как потенциальная угроза для коренного населения, что подтверждается недоверием респондентов к жителям Марокко и иным проявлением дискриминационного отношения. Данная ситуация обострилась и актуализировалась в 2015-2016 годах, когда поток эмигрантов из арабских и африканских стран захлестнул Европейские страны и категоризация Другого, как «своего» и «чужого», а также «опасного» и «безопасного» вышла на первый план.

Проблему дискриминации мигрантов рассматривала S. Fischer с коллегами [10], в их исследовании указывают на то, что этническая дискриминация влечет за собой сбой в гормональном фоне мигрантов, таким образом этническая дискриминация влечет за собой проявление физических жалоб и заболеваний. Таким образом, даже поверхностный анализ зарубежных исследований указывает на то, что тема категоризации другого, как относящегося к определенной этнической группе и дискриминации его изучена многогранно, однако целостную картину причин и факторов этнолукизма в этих работах не приводится.

В тоже время, в российских исследованиях вопросы этнолукизма отражены в работах А.А. Бзезян [1, 2, 3], В.А. Лабунской, А.А. Бзезян [4, 5], Д.В. Погонцевой [6, 7, 8] и других авторов. Однако на данный момент можно констатировать недостаточность работ посвященных данной проблеме в российских исследованиях. В тоже время, несмотря на то, что на данный момент в России наблюдается спад этнических конфликтов и проблем мигрантов, однако дискриминация имеет место на уровне взаимоотношений в сфере обслуживания и просто межличностных взаимоотношений. Таким образом, рассмотрение различных аспектов этнолукизма является актуальным явлением для современной России. Кроме того, для более полного анализа феномена этнолукизма необходимо систематизировать виды и трактовки дискриминации в социальной психологии, а также описать критерии классификации этнолукизма, которые на данный момент недостаточно систематизированы.

Библиографический список

1. Безьян А.А. Лукизм и этническая дискриминация // Северо-Кавказский психологический вестник. 2012. Т. 10. № 3.
2. Безьян А.А. Особенности этнической идентичности как предиктор принятия дискриминационного отношения к этнокультурным группам // Национальная безопасность / Nota bene. 2014. № 3.
3. Безьян А.А. Социально-психологические особенности отношения к дискриминации представителей этнических групп с различным типом внешнего облика: дис. ... канд. психол. Ростов н/Д, 2015.
4. Лабунская В.А., Безьян А.А. Методология исследования дискриминационного отношения к представителям этнокультурных групп в различных ситуациях взаимодействия // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. 2014.
5. Лабунская В.А., Безьян А.А. Особенности оценивания различных компонентов этнокультурных типов внешнего облика как проявление дискриминационного отношения // Российский психологический журнал. 2013. Т. 10. № 3.
6. Погонцева Д.В. Особенности отношения к девушкам с различным оформлением внешнего облика: роль хиджаба // Психология и психотехника. 2015. № 3.
7. Погонцева Д.В. Этнолукизм – дискриминация этнических групп по внешнему облику // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 26 (317).
8. Погонцева Д.В. Этно-лукизм: взгляд на проблему // Национальная безопасность / nota bene. 2013. № 6.
9. Brown C. S. Bias at school: Perceptions of racial/ethnic discrimination among Latino and European American children // Cognitive Development, Vol. 21, Iss. 4, 2006.
10. Fischer S., Mewes R., Skoluda N., Strahler J., Nater U. Psychobiological impact of ethnic discrimination in Turkish immigrants living in Germany // Psychoneuroendocrinology, vol. 61, 2015.
11. Gonzales-Backen M.A., Umaña-Taylor A.J. Examining the role of physical appearance in Latino adolescents' ethnic identity // Journal of Adolescence, Vol. 34, Iss. 1, 2011.
12. Kotic A., Phalet K. Ethnic categorization of immigrants: The role of prejudice, perceived acculturation strategies and group size // Intern. J. of Intercultural Relations. 2006. Vol. 30, is. 6.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Рюмина Л.И.

Ключевые слова: деловое общение, социокультурная детерминация, манипулятивные приемы.

Проблема взаимоотношений в группе в поле зрения психологов уже долгие годы. Однако, в российской психологии отношения между членами группы, по терминологии советской психологии коллектива, определялись либо внешними факторами, под которыми понимались условия осуществления деятельности коллектива, либо внутренними, зависящими от личностных характеристик его членов, и, прежде всего, руководителя. Осознание значимости включения социокультурных параметров в этот контекст, пришло только в последнее время, в то время как в зарубежной психологии, уже давно известна их роль в формировании группы и особенностей осуществления ею производственной деятельности, которая во многом зависит от межличностных отношений. Таким образом, основой функционирования производственной группы является общение. Благодаря ему развивается личность, без него немислимо и становление, и развитие группы, общества, культуры, которая сама может быть рассмотрена как опосредованное и деперсонализированное общение [4 и др.].

Результаты научных исследований, накопленные в двадцатом столетии, времени наиболее богатом научными изысканиями, направленными на осмысление культурного многообразия различных сообществ, позволяют понять роль общения в формировании и функционировании культуры, что может быть представлено схематично как «общение-культура-общение» [5]. С одной стороны, общение – условие формирования культуры, с другой – само детерминируется ею. По существу, сама культура – форма общения и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются. Культура при

этом транслирует программы поведения, общения и деятельности. Иными словами, с одной стороны, культура имеет коммуникативную природу, с другой – символическую [4 и др.].

Благодаря общению формируются общечеловеческие ценности, позволяющие людям, независимо от их этнической, групповой принадлежности и т.п., сосуществовать вместе, понять и быть понятыми друг другом. В тоже время оно способствует и формированию социокультурных различий, делающих каждую культуру единственной и неповторимой.

Существует достаточно много классификаций культур. Большинство из них создавалось в связи с анализом деловых отношений, хотя в последнее время эти классификации используются шире в различных кросскультурных исследованиях. Например, Хофстеде [6], открывший культурные изменения на основе анализа ответов на вопросы о ценностях и взаимоотношениях между представителями различных наций, неоднократно отмечал, что организации в значительной мере являются «порождениями» своей национальной культуры. Значимость учета как общечеловеческих, так и социокультурных различий применительно к организациям и производственным группам вполне оправдана тем, что не учет их может привести к серьезным последствиям и потерям, в том числе и материальным.

Понятно, что общечеловеческие ценности позволяют строить отношения в национальных организациях, являются в определенной степени точкой соприкосновения, позволяющей объединять и консолидировать усилия при решении совместных групповых задач. В тоже время учет социокультурных различий, крайне важен, так как, они наоборот, могут приводить к непониманию и к недоразумениям. Отметим лишь некоторые социокультурные особенности делового общения, например, в русской и западной культурах. Однако, чтобы они были понятны, исходя из различных теоретических источников сначала охарактеризуем особенности общения в русской культуре.

Обобщая проведенный анализ работ ученых различных областей наук (более подробно с ним можно ознакомиться в [5]), отметим, что русская культура, предстает как женственная культура, с высокой дистанцией власти и с высоким уровнем избегания неопределенности. Скорее всего, она полиактивная, низкоконтекстуальная, непрагматичная, ориентированная на достоинство, Я-зависимая культура со стремлением к пониманию других. Поэтому для русского этноса главными являются духовные ценности: смысл жизни, воспитание, духовное развитие человека. Самосознание русского этноса формируется на основе «слитности» собственного «Я» с «Я» другого человека. Причем, чтобы не нарушить гармонию с ним, представители русской культуры готовы пожертвовать своим «Я», ценятся забота и внимание, помощь слабым и сочувствие неудачникам. При этом у русского этноса, как «взаимозависимого» можно наблюдать конформизм в отношении близких «других», представляющих особую ценность (прежде всего, семья). Вместе с тем конформизм в отношении «других» - чужих, практически не проявляется.

Власть для русского человека обладает ценностью. Дистанция между социальными слоями значительна, и она дает огромные преимущества тому, кто ею обладает. Для достижения успеха в русской культуре требуются услужливость, но в тоже время и авторитарность, жесткое руководство, что предполагает, в свою очередь, открыто применяемое насилие. Представители русской культуры больше беспокоятся о будущем, сопротивляются любым изменениям. При этом допускают выполнение нескольких дел в одно время, а то или иное событие может быть отменено или передвинуто. Представители русского этноса имеют достаточно высокий уровень тревожности, избегают неопределенности, нетерпимы к двусмысленности, склонны к прямолинейности, открытой коммуникации.

В связи с этим становится понятно, почему для русского этикета характерно обращение к знакомым людям по имени, или имени-отчеству, что предполагает большую контактность и открытость. Для русских характерна прямая и выразительная манера речи, недоверие к молчанию, стремление к оценке и выражению мысли, прежде всего, словами, а не средствами невербального общения. Что касается последнего, то, с одной стороны, типичны достаточно близкое расстояние между собеседниками, прямой контакт глаз, выразительная мимика, жестикация и тактильные контакты, как следствие нескрываемой эмоциональности, а с другой, «бытовая неулыбчивость» [3]. Русских отличает потребность в самовыражении, нескованная рамками строгого этикета, они ориентированы на искренность, истинность и значимость высказываний, характерные для коллективистических культур.

Поэтому неслучайно, что, сравнивая западноевропейский и российский опыт совместной профессиональной деятельности, исследователи, как правило, отмечают, что одним из главных ее отличий является то, для ее успеха в России деловые партнеры должны вступать в личные, доверительные отношения, опирающиеся на мораль, которая носит «конвенциональный» характер [2 и др.].

В связи с чем, существуют и разные, опосредованные культурными различиями модели ведения переговоров. В западной модели важнее профессиональные качества партнеров (деловитость, высокий профессионализм и др.), в восточной (куда можно отнести и русскую культуру) - личностные, человеческие отношения (доверие между партнерами, важны внешний вид и манера поведения) [1]. Тем не менее, каждая из этих моделей, применительно к реальным представителям этносов и культур, приобретает свои уникальные и неповторимые черты. Например, для представителей восточной модели, в том числе и русской культуры, характерно стремление к установлению взаимопонимания, избегания открытого противостояния.

Естественно, что направленность русского речевого поведения на достижение взаимности откладывает отпечаток на характер производственной деятельности. Подобная деловая коммуникация значительно отличается от западноевропейской, которая подчиняется принципу кооперации: коммуникативный вклад каждого участника определяется совместно принятой целью. При этом речевое поведение должно соответствовать определенным постулатам качества информации (не лгать и не говорить того, для чего нет достаточных оснований), количества информации (высказывание должно содержать не меньше, но и не больше информации, чем требуется), релевантности информации и способа ее изложения (избегать непонятных выражений и неоднозначности, краткость и организованность) [2].

Особый интерес в связи с этим представляет профессиональная деятельность управленцев (менеджеров), часто ведущих различного рода переговоры и работающих в условиях возможного несоответствия организационных целей и личных целей сотрудников организации. Решение задачи согласования этих разнородных целей является одной из основных задач ее руководителя, но одновременно оказывается и благоприятной средой для возникновения и процветания как осознанных, так и неосознанных манипулятивных способов воздействия.

Причем их распознавание связано не только с коммуникативной компетентностью человека, но также определяется и социокультурными особенностями, и общественной ситуацией, в которой осуществляется эта деятельность. Обратимся, например, к сравнительному исследованию манипулятивных приемов российских и британских менеджеров, проведенному под нашим руководством Мустафаевой Э. М. Полученные данные показывали отсутствие значимых различий между группой британских и русских менеджеров, однако есть определенные различия в выборе менеджерами средств манипулирования. Так, российские менеджеры прибегают значительно чаще, чем британские к использованию такого средства, как «ссылка на мнение авторитетных людей».

Это можно объяснить тем, что русская культура, как отмечалось выше, относится к культурам с высокой дистанцией власти, а это само собой подразумевает значимость авторитета. Поэтому для представителей русского этноса свойственно ориентироваться на мнение окружающих, и «ссылка на авторитетное лицо» (вышестоящее начальство, правительство, президента и др.) является для них важным аргументом. Британские менеджеры тоже используют данный прием, но значительно реже. Причем спектр их манипулятивных приемов шире и среди них особо выделяются те, которые связаны с качеством информационного потока (искажение информации, утаивание ее части), что соответствует английским требованиям к речевому поведению. Таким образом, проведенное исследование еще раз подтверждает значимость изучения социокультурных особенностей общения для эффективного осуществления деятельности, особенно, в транснациональных организациях и корпорациях.

Библиографический список

1. Абдуллаева М.М. Национальные особенности переговоров // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. Ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр. 2015.
2. Владимирова Т.Е. Обращение в межэтническом общении // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. Ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр. 2015.
3. Владимирова Т.Е. Этикет в межэтническом общении // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. Ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр. 2015.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994.
5. Рюмшина Л. И. Социокультурная детерминация общения: от общения как фактора к общению как условию бытия // Прикладная психология общения и межличностного познания / под общ. ред. Л.И. Рюминой. М.: Кредо. 2015.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЛИЧНОСТИ КАК ПРОСТРАНСТВО СО-БЫТИЯ¹

Тучина О.Р.

Ключевые слова: личность, опыт, пространство со-бытия, исторический опыт.

Значительные социальные, политические и экономические изменения, охватившие мир на рубеже XX–XXI вв. и связанные, главным образом, с нарастающими и весьма противоречивыми процессами глобализации, резко актуализировали проблему бытийных оснований личности, ее укоренности в своем времени и социокультурном пространстве. Поиск оснований личностной идентичности часто обуславливает обращение к историческому опыту личности, который рассматривается как непосредственное переживание человеком как исторического события, так и исторической дистанции между прошлым и нынешним временем [1].

Исторический опыт является неотъемлемой частью как национальной, так и личностной идентичности. С одной стороны, именно чувство сопричастности историческому процессу определяет осознание принадлежности к своему народу как единой общности. При этом особенности осмысления исторического опыта способны привести как к конструктивному межкультурному диалогу, так и способствовать воспроизведению конфронтаций прежних лет, порождая межнациональные конфликты. С другой стороны, исторический опыт позволяет человеку увидеть и выявить то существенное в себе, что определяет собственную самоидентичность. Представление о событиях прошлого, его героях и жертвах могут стать для личности тем ценностно-смысловым ориентиром, по которому он сверяет свои поступки, мысли и свою жизнь в целом.

Поэтому научную значимость в психологическом контексте приобретает исследование проблемы объективной психологической интерпретации исторических фактов, получивших отражение в национальном самосознании. Подобный историко-психологический анализ открывает в национальной идентичности то особенное, которое соединяет единичное (индивида) и всеобщее (нацию), определяя, тем самым, не только диалог времён, но и конструктивный диалог культур различных народов.

Субъектно-бытийный подход к исследованию личности может стать методологическим основанием исследования исторического опыта, определяя собственно психологическое поле исследования данного феномена при сопоставлении с более разработанными концептами «историческое сознание» и «историческая память» [2]. В субъектно-бытийном подходе акцентируется внимание на способности человека изменять внешнее по законам внутреннего, «переустроить бытие в соответствии со структурой сложившихся личностных смыслов» [3, с. 7], т.е. так преобразовывать реальность внешнего мира, что он становится следствием объективирования субъективного, продолжением личности. Это не просто новые формы бытия, но бытие, являющееся продолжением личности, следствием ее экспансии, то есть процессы внешней реальности согласуются с процессами внутреннего мира личности. Пространства бытия личности непосредственно включаются в ее структуру, и личность становится фактором, объединяющим все стороны бытия человека (как субъективные, так и объективные) в одно целое. Исторический опыт также можно рассматривать как пространство со-бытия личности, пространство исторического прошлого народа, которое осмысливается как коллективно, так и индивидуально, постоянно формируя и изменяя личностные смыслы.

В течение жизни личность способна неоднократно переосмысливать исторические события, их значимость для общности, менять свое отношение к этим событиям, помещать их в разные ценностные и смысловые контексты человеческого бытия. Как известно, главным характерным признакам человеческого бытия относится его ценностность – избирательная ориентация субъекта на одни ценности и отвержение других [4]. С позиций субъектно-бытийного подхода, субъект встречает свой особый жизненный мир, который составляет для него всю данность личного опыта, только и имеющую для него значение. Наличие интереса (интенциональность субъекта) «высвечивает» и затем «вынимает» из универсального бытия (до всякой рефлексии и рациональности) собственный мир субъекта, который может трактоваться как сконструированный его желаниями. «Мы изменяем бытие (понимаемое как объективно существующая реальность) в соответствии с тем, как мы его осмысли-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-26-20003 а(м) «Психологический аспект самопонимания национальной идентичности в контексте исторического опыта на постсоветском пространстве (на материале исследования молодежи России и Армении)»

ваем, т.е. в соответствии с тем, какими смыслами мы его наделяем» [4, с. 7]. Исторический опыт личности неизбежно содержит аксиологическое измерение, при этом те или иные исторические события обладают разной степенью значимости. Такой отбор социокультурных ценностей, остающихся как «исторический багаж», обусловлен общественной целесообразностью и объективной необходимостью на каждом отрезке исторического развития народа [5, с. 8]. Однако подобный багаж не является некоей данностью, его формирование требует личностного, участного отношения к прошлому, которое направлено, прежде всего, не на каталогизацию исторических событий, а к выявлению их значимости.

Личностная значимость прошлого неразрывно связана с фундаментом, основанием, корнями нынешней жизни, тем, что определило и продолжает определять бытийную устойчивость настоящего, как того, что сбылось, свершилось, а не просто есть как что-то случайно случившееся. Поэтому исторический опыт не может быть сведен лишь к совокупности представлений о своём прошлом и прошлом человечества. Исторический опыт включает в себя не только знания об исторических событиях, но и проживание субъекта в них в рамках собственного представления о данном историческом событии. Осмысливая прошлое, человек сталкивается с экзистенциальной проблемой, в решении которой он пытается найти смысл определенного исторического события для общности, к которой он себя относит, и для себя лично.

Результатом решения подобных экзистенциальных проблем становится экзистенциальный опыт личности, под которым подразумевают комплекс персонально значимых концептов, семантически соотнесенных с самой личностью и созданных как индивидуально значимое обобщение содержания и смыслов неких событий и обстоятельств прошлого, раскрывших свои значения данному человеку, что приводит к новому рубежу личностной зрелости [6]. Таким образом, обращаясь к прошлому, человек получает возможность выйти за пределы собственной личности, осмыслить свою жизнь как звено в цепи, соединяющей прошлое и будущее. Соответственно, в таком опыте присутствует не только прикосновение к прошлому, но и переживание дистанции с этим прошлым, зазора между «тогда» и «теперь». И «вхождение» в такой зазор порождает такие чувства и переживания, как ностальгия, гордость или травма, боль, стыд.

Анализ концепта «исторический опыт» дал возможность выделить ряд особенностей, позволяющих рассматривать его как грань экзистенциального опыта личности. Так исторический опыт относится к опыту всей группы, но переживается индивидом как событие, имеющее к нему непосредственное отношение, вызывающее сильные эмоции. При этом исторические события, их эмоциональное переживание оказывают на человека сильное влияние, становятся источником личностных изменений, усиление значения духовных ценностей. Особое место здесь занимают знаковые события истории, к которым, безусловно, относится Великая Отечественная война, трагические и героические события которой коснулись каждой семьи, что определяет значимое место этого события в формировании как национальной, так и личностной идентичности молодежи. Проведенное в рамках проекта РГНФ исследование позволяет утверждать, что Великая Отечественная война для современной молодежи является не только объектом исторической памяти, но и значимым фактором позитивного личностного и национального самоопределения [7].

Как известно, с позиции субъектно-бытийного подхода задаётся необходимость изучать, как человек опредмечивает замысел, как он создаёт реальность своего бытия, как он сам изменяется в этом процессе объективации, сталкиваясь с сопротивлением бытия Других (бытие всегда есть событие), воплощающих иные смыслы, создающих своё личное бытие в пространстве тех же предметов и событий, в то же время, что и он [3]. Формирование исторического опыта всегда есть одновременно коллективная и индивидуальная деятельность, представление о прошлом формируется в процессе социализации, однако индивидуальный исторический опыт может существенно отличаться у представителей одной и той же общности. При этом исторический опыт может конкретизироваться в базовых имплицитных теориях, отражающих наиболее общие представления человека об окружающем мире, которые становятся основой ценностно-смысловой регуляции его поведения («Русские не сдаются», «Русские своих не бросают» и т.д.). Таким образом, реальность прошлого становится конгруэнтной структуре личностных смыслов человека, когда он создает эту реальность, реализуя в этом акте переустройства свою субъектную позицию. Соответственно, исторический опыт дает субъекту ощущение высших смыслов своего существования, выражение чувства его причастности к истории своего народа и Бытию в целом.

Таким образом, субъектная сторона исторического опыта связана с личностным переживанием сопричастности человека к истории своего народа и страны, непосредственным переживанием под-

линности прошлого в настоящем. Он обращен к феномену историчности сознания человека, тому, что его задевает и заставляет осознавать прошлое. В данном контексте исторический опыт представляется необходимым элементом человекообразования человека и играет ключевую роль в процессах формирования национальной и личностной идентичности.

Библиографический список

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: «Европа», 2007.
2. Аполлонов И.А., Тучина О.Р. Исторический опыт: попытка концептуализации // Научные труды КубГТУ. 2014. № 3. URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/63>
3. Рябикина З.И. Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: теория и методология / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар, 2003.
4. Знаков В.В. Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие. Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3.
5. Садыкова З.Р. Трансформация социокультурных ценностей в контексте исторического сознания. Автореф. канд. дисс. Уфа, 2015.
6. Сапогова Е.Е. Границы «я»: жизненный и экзистенциальный опыт // Человек, субъект, личность в современной психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2013.
7. Тучина О.Р. Исторический опыт Великой Отечественной войны в самосознании современной молодежи: смысловые доминанты и источники формирования (на материале исследования студентов Кубани) // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в судьбах народов и регионов / под ред. А.Ш. Кабирова. Казань, 2015.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РЕГУЛЯТОРОВ ОСНОВНЫХ И ПАРЦИАЛЬНЫХ ТИПОВ ОППОЗИЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ¹

Фетискин Н.П., Миронова Т.И., Маслова О.С.

Ключевые слова: оппозиционное поведение, регуляция поведения личности, мотивационно-целевые регуляторы, эмоциональные регуляторы.

Создание типологии оппозиционного поведения предполагает и дифференцирование базовых регуляторов основных и парциальных типов оппозиционного поведения. Характеризуя структуру социально-психологических регуляторов основных типов оппозиционного поведения, необходимо остановиться на специфическом содержании каждого из них. Исходя из трехкомпонентной структуры регуляторов оппозиционно-протестного типа следует, что основой мотивационно-целевых регуляторов оппозиционного поведения являются нежелание подчиняться кому-либо, отстаивание своей неправоты, непринятие и противопоставление другим людям. Эмоциональными регуляторами этого типа служат обидчивость, злость, фрустрация, стресс. Поведенческие регуляторы проявлялись в форме протестности, ультимативности, неповиновения и дезорганизации в малых группах.

Структуру социально-психологических регуляторов конформно-неустойчивого типа составляли несколько иные составляющие.

Составляющими мотивационно-целевых регуляторов данного типа служили уход от разрешения актуальных проблем, избегание неприятностей и принятие «удобной» позиции. Эмоциональными регуляторами этого типа выступали амбивалентность эмоций, безразличие и страх. Соответственно поведенческими регуляторами являлись податливость, соглашательство, ориентация на большинство и силу, а также некритическое подражание доминантным людям.

Ведущими мотивационно-целевыми регуляторами конфронтационно-оппозиционного типа выступали такие мотивационные тенденции, как например: полиролевое доминирование, статусное самоутверждение, властолюбие и карьеризм. Эмоциональный комплекс регуляторов включает агрессивность, негативизм, напряженность и эмоциональный нарциссизм. Мотивационно-целевые и эмоциональные регуляторы достаточно полно актуализировались в ориентации на превосходство, противоборство, соперничество, враждебность и обвинение других людей. Указанные регуляторы в комплексе в значительной мере усиливают конфронтационную направленность оппозиционного поведения.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-06-10868/15.

В отличие от специфических регуляторов приведенных выше деструктивных типов оппозиционного поведения конструктивно-оппозиционный тип характеризуется несколько иным сочетанием выделенных нами регуляторов. Так, мотивационно-целевую основу конструктивно-оппозиционного типа составляли: обнаружение недостатков, устранение разногласий, склонность к нахождению оптимального решения проблемы, созданию условий для сотрудничества и взаиморазвития. Эмоциональное содержание данного типа составили эмпатия, тревожность, оптимизм и напряженность. Ведущими поведенческими регуляторами конструктивно-оппозиционного типа выступали сомнение, возражение, критика, внесение корректив, использование приемов по актуализации сотрудничества и взаиморазвития.

Анализ результатов опросного исследования подростково-юношеских групп обнаружил специфические проявления социально-психологических регуляторов и на уровне парциальных оппозиционных типов.

Характеризуя структуру манипулятивно-оппозиционного типа, следует отметить, что мотивационно-целевые регуляторы оппозиционного поведения включают нежелание работать в полную силу, ориентацию на получение выгод и выигрышной позиции. Эмоциональными регуляторами в данном типе выступают тревожность, псевдоэйфорию и эмоциональную лабильность. Вследствие этого указанные регуляторы на поведенческом уровне воплощались в виде имитации прагматической активности, актуализации социальной роли жертвы, использовании манипулятивных приемов.

Специфическими особенностями регуляторов инфантильно-маргинального типа были следующие отличительные мотивационно-целевые регуляторы. Их основу составили: маскировка наличия проблемы, отсутствие или подавление своей позиции, невыразительность стремления к кооперации, ориентация на интересы оппонентов и безнравственное поведение. Содержанием эмоциональных регуляторов инфантильно-маргинального типа является тревожность, пессимизм, безразличие, эмоциональная ригидность. Поведенческие регуляторы данного типа сводились к смягчению противоречий, демонстрации сговорчивости и уступчивости, а также ориентации на интересы партнеров в ущерб своим, предупреждению конфронтационных отношений и ослаблению накала страстей.

Структуру социально-психологических регуляторов провокационно-агрессивного оппозиционного типа составляли несколько иные их сочетания. Так, например, содержание мотивационно-целевых регуляторов составили: ослабление статуса конкурентов, отмщение своим обидчикам, создание обстановки хаоса и неуправляемости.

Эмоциональными регуляторами в данном типе выступали злорадство, агрессивность, стрессофилия и эмоциональная инертность в форме мстительности. В структуру поведенческих регуляторов данного типа входят: обострение межличностных противоречий, подстрекательство, создание конфликтных ситуаций, использование псевдологических актов, демонстрация провокационно-вызывающего поведения и бесповодное обвинение других людей.

Специфика социально-психологических регуляторов компромиссно-паритетного оппозиционного типа заключалась в следующем их сочетании.

Например, мотивационно-целевую структуру данного типа составили: достижение договоренности ради сбережения времени и отношений, стремление к достижению равенства и беспроегрышности в решении проблем, урегулирование отношений через взаимные услуги, смягчение недоброжелательности в удовлетворении притязаний противоположных сторон.

Результаты опросных исследований свидетельствуют о том, что ведущими эмоциональными регуляторами у представителей данного типа выступают: напряженность, интрапунитивная фрустрация, эмпатия и оптимистичность. В структуре регуляторов данного оппозиционного типа особенно выделялись такие регуляторы, как разделение позиции равенства в качестве тактического процесса, скрытое игнорирование интересов партнера, создание благовидности своих намерений, попытки изменить баланс сил в свою пользу.

Обобщая типологические проявления социально-психологических регуляторов основных и парциальных типов оппозиционного поведения, можно отметить ряд моментов.

Первым таким моментом является доминирование в подростково-юношеских группах деструктивно-оппозиционных типов над конструктивно-оппозиционными.

Вторым моментом является тот факт, что, несмотря на большую количественную выраженность основных типов оппозиционного поведения (имея в виду количественные значения базовых амбивалентно-дихотомических шкал оппозиционного поведения), проявления парциальных типов представляют собой значимые и независимые типы оппозиционного поведения.

Справедливость и обоснованность указанных положений может быть подтверждена лишь результатами эмпирических исследований, ориентированных на выявление дифференциальных и разноуровневых проявлений выделенных нами типов оппозиционного поведения.

Библиографический список

1. Лаптев Л.Г. Оппозиционарность как феномен демократизирующегося общества // Политическая психология. М., 2001.
2. Фетискин Н.П., Маслова О.С. Психология оппозиционного поведения в малых группах. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова: Монография, 2016.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ БЫТИЯ И СО-БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ

СЕКСУАЛЬНОСТЬ КАК ЭТНИЧНОСТЬ: КУЛЬТУРНЫЙ ПОВОРОТ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ ГЕНДЕРНЫХ АСПЕКТОВ ЛИЧНОСТИ

Воронцов Д.В.

Ключевые слова: сексуальность, гендерная идентичность личности, социокультурный контекст.

В психологической литературе широкое распространение имеет несколько упрощенная концепция гендера личности, во главу угла которой кладется субъективное восприятие человека в качестве мужчины или женщины на основе степени соответствия биполярной гендерно маркированной ролевой модели. Как отмечает Д.Д. Исаев, содержательно психологическое понимание гендера в подавляющем большинстве исследований сводится к разнообразному сочетанию маскулинных и фемининных качеств личности и поведенческих характеристик [4].

Отечественные гендерные психологи, констатирует цитируемый автор, упускают из виду важное замечание С.Л. Рубинштейна о том, что личность несводима к набору социальных ролей. Со своей стороны, подчеркнем, что гендер, по своей сути, является, прежде всего, стратификационной категорией, фиксирующей текущее, ситуативно изменчивое пространство многогранной феноменологии личности. Эмпирическое содержание этой базовой социальной категории наполняется через рассмотрение гендеризованной личности в пространстве разнообразных социальных связей (семейных, бытовых, профессиональных, досуговых, публичных, приватных, культурных и т.п.) и статусов. Именно социальные статусы индивида получают динамическое выражение в виде гендерных ролевых моделей, а отнюдь не вся личность в целом и далеко не все гендерные аспекты личности.

С психологической точки зрения гендер существует в виде гендерной идентичности личности, которая обязательно включает в себя осознание и интерпретацию собственной и чужой телесности (как совокупности множества состояний, качеств и способностей тела, конституируемых поведением) и эмоционально-чувственного опыта. Гендер личности невозможен без гендеризованного тела, которое непременно содержит и сексуальный компонент. Поэтому системный подход к психологическому рассмотрению гендерной идентичности личности требует включения в нее компонента сексуальности в качестве необходимой гендерной подсистемы наряду с анатомическим полом и характеристиками маскулинности и фемининности.

В науках о человеке преобладающим дискурсом сексуальности были физикализм, медикализация, «естественный» закон пола и полового влечения, социализация и нормативизация как механизмы укрощения животного, плотского, иррационального начала. Именно такой дискурс сформулировал парадигмальные установки и правила понимания сексуальности и в науке, и в обыденном сознании. Благодаря нему сексуальность длительное время рассматривалась в качестве аспекта пола и общей психологии, оставаясь несамостоятельной (ограниченной рамками функционирования гендерного порядка, например, феминистские дискуссии по вопросам порнографии, секс-работы, БДСМ и т.д.) или маргинальной областью гендерных исследований. Гендерные аспекты сексуальности (в отличие от сексуальных аспектов гендера) редко оказываются в поле зрения социальных психологов, поскольку мы относим сексуальность к появлениям пола, т.е. к преимущественно биологической составляющей индивида, тогда как гендер – это культурная и социальная ипостась личности мужчины или женщины.

Однако исторические исследования в области культурной антропологии указывают на то, что в древнем мире сексуальность считалась важной составной частью гендера, неотъемлемым атрибутом маскулинности и фемининности [9]. Индивидуальные и публичные проявления сексуальности всегда связываются с гендерными характеристиками личности. И эта связь не односторонняя, а взаимная. Не только сексуальность характеризует гендер личности (что позволило Т. де Лауретис говорить, например, о гомосексуальном или транссексуальном гендере), но и гендер задает параметры функционирования сексуальности, если мы вслед за Дж. Батлер будем понимать под гендером нормативную модель, которая реализуется в публичном исполнении социальных предписаний в отношении того, что и как должно проявляться в качестве мужского или женского [1].

В этом случае вполне логичной становится мысль о том, что актуальные для определенного времени гендерные представления могут формировать те или иные модели сексуальности и соответ-

ствующие им типы личности. И что социокультурные трансформации гендера неизбежно производят и особые типы сексуальностей, особые формы сексуальной экспрессии и функционирования личности. В такой логике перед нами открывается возможность посмотреть на сексуальность точно так же, как мы смотрим на гендер, и увидеть значительные совпадения в социально-психологических механизмах функционирования сексуальности и этничности.

В социально-психологическом смысле этничность представляет собой социальное восприятие, интерпретацию и представление о собственной личности в качестве представителя некоторой общности, существенным образом отличающейся по ряду культурных характеристик от других общностей [2]. Другими словами, этничность – это способ восприятия человеком собственной личности в культурном аспекте, социально сконструированное представление об особенностях своей личности и поведения, связанных с принадлежностью к общности, имеющей отличную от других культуру. Как отмечает Гарриет Брэдли, этничность выступает следствием социальной категоризации по одному из аспектов инаковости, отличительности [5; с. 19].

Определенные черты личности и поведения трактуются и воспринимаются партнерами по социальному взаимодействию как этнически специфические, как особые социально-психологические личностные свойства, связанные именно с фактом принадлежности к определенной этнической общности и порождаемые самим членством в этой общности. Однако фактически этничность всегда конструируется, ее содержание складывается в процессе обсуждения, а сама она приписывается индивиду на основе идентификационных признаков, устанавливаемых в ходе обсуждения того, что представляет собой конкретная этничность в поведенческом и личностном измерении. Если в традиционном социальном мышлении этничность рассматривается как субъективное отражение и поведенческое проявление принадлежности личности к объективно сложившейся этнической общности, то Роджерс Брубейкер обращает внимание на обстоятельство, что этничность – это отнюдь не социально-психологическое проявление этнической группы, а необходимое условие возникновения такой общности. Когнитивные схемы восприятия мира, наборы ситуативных поведенческих моделей, условные ключевые идентификационные признаки, повседневные рутинные действия, система представлений, идеология, собственно, и формируют этническую общность в определенных культурных, социальных и политических границах.

Как отмечает Бен Рамптон, простое скрещивание условных специфических маркеров (слов, действий, поступков) в некую общую модель поведения предполагает выделение в ней нового смысла и отличающейся интерпретации ситуации, в которой эта модель используется [8]. Скрещивание маркеров имеет функцию проблематизации и обсуждения правомерности подобного действия социальными партнерами, что, в свою очередь, позволяет обозначить некую подвижную социокультурную границу между теми, кто разделяет и не разделяет особый смысл, особую трактовку некоего социального действия в конкретной ситуации. По такому социально-психологическому механизму, названному Р. Брубейкером «этнизацией», появляются самые различные социокультурные формы объединения людей в общности, которые сами по себе не имеют стабильного существования: они эмерджентны, ситуативны и текучи, но приобретают стабильность и фиксируются в особом типе личности, когда становятся политическими проектами и социальными институтами.

Аналогичные процессы происходят и в сфере сексуальности. Социальное восприятие и интерпретация в такой же мере лежат в основе функционирования сексуальности на психологическом уровне. В восприятии человека любой объект и любая характеристика может приобретать сексуальное значение в зависимости от содержания интерпретации. Указанные механизмы определяют представление людей о личности – своей собственной и окружающих, что в совокупности открывает возможность формирования социальных общностей на основе сексуального опыта, которые могут существенным образом отличаться по ряду культурных оснований от других общностей. Основным критерием для формирования таких общностей на основе сексуальности выступают отнюдь не сексуальные предпочтения как таковые, а именно развитие особой субкультуры. Сексуальность, как и этничность, таким образом, не является природным свойством человека, возникающим под влиянием биологических факторов.

Напротив, это социокультурная и политизированная форма существования сексуализированных (т.е. наделенных тем или иным сексуальным смыслом) тел. В своем первоначальном значении термин «этнос» как раз и использовался для обозначения культурно специфической общности, занимающей определенное место в социальной иерархии, которое заставляет носителей культурно отличительных признаков солидаризироваться с целью сохранения этих отличий. Причем важным обстоятельством выступает то, что сексуальная общность, как и этническая, формируется только теми

субъектами, чей сексуальный опыт отличается от распространенной или доминирующей формы сексуальности, особенно если они занимают в социальной структуре подчиненное место и являются угнетенными, дискриминируемыми или сегрегируемыми гендерными группами (например, женщины в сексистском социуме, гомосексуалы в гетеросексистском или гетеронормативном обществе и т.п.).

Именно в этом смысле сексуальность и этничность совпадают по своей сути. Так же как и в случае с этносом, мы никогда не сможем выявить строгие объективные признаки, отличающие одну сексуальность от другой, поскольку главным фактором образования общности и принадлежности к ней является воображаемое единство ее членов, а существенным признаком для выделения определенного вида сексуальности оказывается ее социальный статус. Последнее обстоятельство позволяет объяснить, почему выделение такого феномена, как гетеросексуальность, оказалось возможным только к 30-м годам XX в. [6]. Сексуальность, как и этничность, конструируется через постулирование различий посредством высказываний о сексуальности и ее определений, утверждений о допустимости и возможности ее разделения на виды, которые в процессе социального взаимодействия легитимируются и приобретают статус общепризнанных. И точно так же, как в случае с этничностью, на основе сексуального различия в дальнейшем развивается представление о сексуальном разнообразии, когда сексуальность понимается в качестве набора статичных и замкнутых сфер, подвергаемых оценке. Декларирование разнообразия означает признание существования неких строго очерченных форм проявления сексуальности, которые оформляются в виде сексуальных идентичностей. При этом реальный сексуальный опыт индивидов весьма подвижен, сложен, ситуативен, зависит от множества обстоятельств и характера системы внутри- и межличностных отношений.

Сексуальные различия связаны не столько со специфичностью сексуальных практик и предпочтений, сколько с внутренней согласованностью между определением того или иного вида сексуальности и реализуемыми практиками, и переживаемым сексуальным опытом. Все элементы в реализуемых практиках и переживаемом опыте, которые не укладываются в определение конкретной сексуальности, выпадают из восприятия как «несущественное», случайное. Сексуальные различия, по сути, представляют собой множество представлений о том, что представляется наиболее существенным и критичным в отношении сексуальности, а не просто ее существование.

Эмпирический анализ процесса социального восприятия гетеросексуальности мужчины показывает, что наличие гетеросексуального опыта и радикальность отличия экспрессивных паттернов, маркируемых как гетеро- или гомосексуальные, имеют не такое уж большое значение для идентификации себя или другого мужчины в качестве гетеросексуального [3]. Важнее предъявлять в процессе общения ансамбль характеристик и признаков, состоящих в определенной иерархии, в соответствии с требованиями конкретной ситуации. Демаркационная линия между гетеро- и гомосексуальностью мужчины чаще находится не в сфере реального сексуального опыта, а в содержании представлений о том, какое сочетание признаков и в каком контексте выступает маркером определенного вида сексуальности.

В условиях сексуального различия и постулирования сексуального разнообразия сексуальность разделяется на два относительно независимых пласта существования: личный и коллективный – и становится весьма противоречивым феноменом, внешние проявления которого подвергаются тщательному рассмотрению, отбору, контролю и регулированию. При этом появляется возможность скрещивания маркеров разных сексуальностей, экспериментирования и игры с ними, гибридизации сексуальности, в результате чего теряется возможность четкой социальной демаркации ее разновидностей и начинают плодиться все новые и новые псевдо- и суб-идентичности (например, асексуал, аромантик, грей-сексуал, демисексуал, демиромантик, литромантик, пансексуал, полисексуал, сколиосексуал, паноромантик и т.д.).

Разумеется, не все сексуальности гибридные и текучи. Поскольку любой вид сексуальности – такой же политический проект и социальный институт, как и этничность, институционализированные сексуальности, напротив, стабильны. Они-то как раз и могут иметь личностную укорененность и соответствовать определенному типу личности. В сознании людей традиционный образ биполярной сексуальности (гетеро/гомосексуальность) и гибридный, в котором границы полюсов отсутствуют, могут пересекаться. Поэтому в попытках адекватного понимания сексуальности конкретных людей не следует попадаться ни в ловушку гибридности, ни в западню стабильности сексуальности. Как и в случае с исследованиями этничности, в психологических исследованиях сексуальности следует избегать дихотомии стабильности/текучести. Ведь как показывают исследования этничности, игра с фиксированностью и текучестью социальных категоризаций может быть ключевой характеристикой дис-

курсивных определений людьми собственной социальной (этнической) идентичности и открывать для них широкие возможности самоопределений, личностных поведенческих проявлений и т.п. [7].

Библиографический список

1. Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас. № 2 (76). 2011.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
3. Воронцов Д.В. Дихотомия гомо- и гетеросексуальности в конструкте маскулинности у юношей // Способы быть мужчиной: Трансформации маскулинности в XXI веке / ред.-сост. И.Н. Тартаковская. М.: Фонд им. Г. Бёлля, Изд-во «Звенья», 2013.
4. Исаев Д.В. Системный подход к проблеме гендерной идентичности // Педиатр. Том 3, № 4, 2012.
5. Bradley H. Fractured Identities: Changing Patterns of Inequality. London: Polity Press, 2015.
6. Katz J.N. The Invention of Heterosexuality. Chicago: The University of Chicago Press, 2007.
7. Nørreby T.R., Møller J.S. Ethnicity and social categorization in on- and offline interaction among Copenhagen adolescents // Discourse, Context & Media. Volume 8, June 2015.
8. Rampton B. Crossing. Language and Ethnicity among Adolescents. 2-d ed. Manchester: St. Jerome Publishing, 2005.
9. Salisbury J.E. Gendered Sexuality // Handbook of Medieval Sexuality. Eds. Bullough V.L. & Brundage J.A. N.Y.: Garland Publishing, 2000.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ПЕРЕЖИВАНИЯ: РЕГУЛЯТИВНЫЙ И СОБЫТИЙНЫЙ АСПЕКТЫ

Деева Н.А.

Ключевые слова: гендерные различия, феномен переживания, жизненный кризис.

В статье в кратком и обобщенном виде представлены результаты нескольких исследований, в которых обнаружилось значимые гендерные различия в компонентах и механизмах процесса переживания. Необходимо отметить, что представленные материалы объединяет методологическая основа, определяющая подход к пониманию самого процесса переживания, а также задающая рамки для интерпретации эмпирических данных.

В данном случае, понимание переживания определяет регулятивный подход, где оно представляется как глобальный механизм регуляции жизнедеятельности, при функционировании которого, происходит соотнесение картины жизнедеятельности человека с его ценностно-смысловыми образованиями в значимом событии, с целью найти наиболее оптимальный способ жизнедеятельности (А.С. Шаров) [7].

Большинство исследователей (В. Дильтей, В.Вундт, Ф. Крюгер, Ж.-П. Сартр, Э. Клапаред, С.Л.Франк, М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Ф. Е. Василюк, А.С. Шаров, Л.Р. Фахрутдинова и др.) указывают на следующие существенные характеристики феномена переживания. *Содержательная составляющая* (целостные метаструктуры, гештальты, направленность, смыслы и ценности принципы, потребности, ранее образованные комплекс-качества) - основа, которая порождает переживание. *Интенциональная составляющая:* направленность, субъектность переживания. *Составляющая активности:* аффективная составляющая (эмоции, чувства состояния); интеллектуальная составляющая переживания (смысловые переживания, осознанность, осмысленность, дифференцированность); проявление переживания во внешней активности. *Контекстность:* ситуация взаимодействия внешнего и внутреннего мира, в которой может разворачиваться переживание. *Рефлексивная составляющая:* которая оформляет его целостность, образует метаструктуры, некий гештальт или механизм переживания [4].

Регулятивная функция переживания так или иначе отмечается в качестве ведущей в различных взглядах на данный феномен, который часто обозначают как процесс, объединяющий в себе эмоцию, знание и их рефлексии, сочетание которых и открывает человеку смысл происходящего, очерчивает значимое в человеке и для него. Например, С.Л.Франк отмечал, что осознанное переживание направлено на переосмысление самого себя, своих ценностей[6]. М.М. Бахтин представлял переживание как след смысла в бытии [1]. Ядром переживания, по Б.М. Теплову, является особое образование в виде эмоционально испытываемого понимания смыслов и ценностей культуры [5]. В работах Ф. Е. Василюка переживание рассматривается как особая деятельность по преодолению некоторого «разрыва»

жизни, как некая восстановительная работа, как бы перпендикулярная линии реализации жизни. Переживание продуцирует смысл или осмысленность и является механизмом смыслообразования [2].

Переживание включает в себя одновременно все компоненты регулятивного центра (активность, ценностно-смысловая сфера, рефлексия) «запускает» их и представляет человеку. Человек обращается к своим основам, к своему «ядру», то есть к ценностно-смысловым образованиям, и соотносит их с ситуацией жизнедеятельности. Исходя из этого, переживание является процессом регуляции жизнедеятельности, особой активностью субъекта, в которой оформляется, изменяется и простирается ценностно-смысловая сфера посредством рефлексии. Это сложный интегративный процесс, осуществляющий взаимосвязь человека с миром, который помогает приобретать индивидуальный опыт и изменять во внутренний мир человека (В. Дильтей, В. Вундт, Ф. Крюгер, У. Джеймс, Э. Кларед, Ж.-П. Сартр, С.Л. Франк, М.М. Бахтин, Б.М. Теплов, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, Ф.Е. Василюк, А.С. Шаров). При переживании какого-либо события происходит рефлексивное оформление, динамика, изменение ценностно-смысловой сферы и реализация ее в активности. Человек, переживая что-то, а именно свои поступки, деяния, события своей и чужой жизни, обращается на себя, простирает границы своего «Я», своих ценностей и смыслов и соотносит их с ситуацией жизнедеятельности.

При исследовании процесса переживания в центре всегда находятся значимые события, которые связаны с пространством внешнего и внутреннего мира, или по-другому феномены миропроекта: жизненный кризис, личностная идентичность, проблемы нравственности, критические ситуации, субъективное благополучие. От того, на какие феномены (события) направлено переживание, будет зависеть его специфика.

Вышесказанное позволяет выдвинуть предположение о том, что особенности переживания как ведущего процесса регуляции будут определяться взаимодействием факторов внешнего и внутреннего мира в бытии человека, в том числе и культурной обусловленностью существования биологического пола. Отметим, что данное предположение изначально не являлось центральным, а принималось больше как одно из необходимых условий грамотного психологического исследования. Однако, в результате обработки и интерпретации полученных данных были выявлены достоверные гендерные различия, касающиеся как самих компонентов данного процесса, так и характера их взаимосвязи.

В данном случае мы приведем данные касающиеся переживания жизненного кризиса и переживания субъективного благополучия, полученные при помощи качественного исследовательского интервью, направленного на изучение рефлексивных механизмов переживания [3], и примененного в комплексе с такими методиками, как: Событийная карта (Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова); Индивидуальная мера рефлексивности (А.В. Карпов); Дифференциальный тип рефлексии (Д.А. Леонтьев, Е.М. Лаптева, Е.Н. Осин, А.Ж. Салихова); Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) (В.Ф. Сопов); Интегральная удовлетворенность трудом (А.В. Батаршев); «Жизненные кризисы в развитии личности» (А.С. Шаров); Шкала удовлетворенности жизнью (Э. Динер); Шкала субъективного благополучия (ШСБ) (адаптированный русскоязычный вариант) (Соколова М.В.).

При исследовании переживания жизненного кризиса на выборке испытуемых юношеского возраста были получены значимо различающиеся показатели (при исследовании применен критерий различий Манна-Уитни, и корреляционный анализ по Пирсону) по выраженности и динамике основных компонентов механизма переживания: ценностно-смысловой сферы, рефлексии и активности.

У юношей изменения ценностно-смысловой сферы в процессе переживания жизненного кризиса связаны с такими компонентами рефлексии, как жизнедеятельностный (стратегический) уровень рефлексии, осмысленностью и обоснованностью, с когнитивным аспектом рефлексии, а также с ретроспективной рефлексией, о чем свидетельствуют значимые корреляции. Таким образом, можно сказать, что при осмыслении значимого события, себя в этом событии, своих ценностей и смыслов, юноши выходят на широкий, ценностный, обобщенный стратегический уровень рефлексии. Стремятся представить свою жизнь, найти истинные причины и обосновать происходящее при анализе и осмыслении прошлого события. Важно также отметить тесную связь между изменениями в ценностно-смысловой сфере и когнитивным аспектом рефлексии, это дает основания предположить, что изменения ценностно-смысловой сферы происходят в основном при анализе, обдумывании, осмыслении ситуации. Это выражается в желании продумать, проектировать свою жизнь, в попытках выходить на стратегический уровень рефлексии, что также подтверждают результаты интервью.

У девушек же изменения ценностно-смысловой сферы значимо взаимосвязаны с деятельностным (тактическим) уровнем рефлексии, с рефлексивным качеством осмысленностью, с аффективным аспектом рефлексии, а также с проспективной рефлексией. Это дает основание утверждать, что у де-

вушек изменения ценностно-смысловой сферы происходят, в основном в рамках какой-либо деятельности, где они пытаются осмыслить происходящее, найти смыслы деятельности, ответить на вопрос «зачем». Это, в большинстве случаев, не ведет к кардинальным изменениям ценностно-смысловой сферы и ярко выражается в способности адаптироваться к наличной ситуации, не углубляясь в поиск объективных причин происходящего. Надо также отметить, что изменения ценностно-смысловой сферы у девушек взаимосвязаны с аффективным аспектом рефлексии. Это может выражаться в рефлексии эмоциональных переживаний, которые как бы дают заряд для изменения, причем изменения в таких случаях не всегда могут осознаваться. Интересным моментом является также и то, что у девушек изменения ценностно-смысловой сферы связаны с прогнозированием, но прогнозированием в рамках какой-либо деятельности, а не жизни в целом.

При исследовании компонентов переживания, как детерминант субъективного благополучия на выборке испытуемых молодого и зрелого возраста были выявлены следующие гендерные особенности, касающиеся содержательного компонента переживания и его взаимосвязи с показателями субъективного благополучия (при исследовании применен критерий различий Манна-Уитни, и корреляционный анализ по Пирсону). Получены различные значимые взаимосвязи в мужской и женской выборках, специфика которых выражается в следующем: наличие взаимосвязей между показателями субъективного благополучия; наличие взаимосвязей между значимыми ценностями и показателями субъективного благополучия.

Так, у мужчин отмечается значимая связь: удовлетворенность трудом – субъективное благополучие – удовлетворенность жизнью. Субъективное благополучие зависит как от степени удовлетворенности трудом, так и от степени удовлетворенности жизнью в целом. Однако сами эти показатели (удовлетворенность трудом и удовлетворенность жизнью в целом) не имеют связи, что может свидетельствовать о противоречивых отношениях работы и личной жизни человека. Анализируя специфику взаимосвязи ценностей с показателями успешности и благополучия, необходимо отметить, что у мужчин наблюдается почти полное их отсутствие, за исключением отрицательной взаимосвязи между сферой семейной жизни и удовлетворенностью трудом. В данном случае возможны противоречия двух значимых сфер, что отчасти подтверждает предыдущий тезис. Получается, что трудовая деятельность не только не способствует развитию и реализации данной ценности, а, напротив, «блокирует» ее. В целом у мужчин при достаточно хорошей сформированности ценностной сферы, она остается как бы «изолированной» от зоны успеха, и реализация значимых ценностей в профессиональной деятельности и жизни в целом не свидетельствует о субъективном благополучии, или же реальные жизненные обстоятельства не дают возможности реализовать личности наиболее значимые ценности.

У женщин же наблюдается несколько иная картина: отмечается связь таких показателей как: появляется значимая взаимосвязь между показателями удовлетворенности трудом и удовлетворенности жизнью, наряду со значимыми связями между удовлетворенностью трудом и субъективным благополучием, удовлетворенностью жизнью и субъективным благополучием, что может говорить о более целостном представлении жизни женщинами, по сравнению с мужчинами. Кроме того, в выборке женщин присутствуют значимые взаимосвязи между ценностями, сферами жизни и показателями успешности трудовой деятельности и жизни в целом. В данном случае, удовлетворенность трудом взаимосвязана со значимостью таких ценностей как: собственный престиж, духовное удовлетворение, достижения, а удовлетворенность жизнью имеет значимые взаимосвязи с такими ценностями как семейная жизнь, образование. Мы можем предположить, что данные ценности через показатели удовлетворенности трудом и жизнью косвенно детерминируют субъективное благополучие женщин.

В качестве выводов хотелось бы отметить ряд существенных моментов.

Во-первых, гендерные особенности процесса переживания кризиса в позднем юношеском возрасте, связаны с тем, что у девушек проявляется большая аффективность, адаптивность и вариативность поведения в наличной ситуации кризиса, осмысление произошедшего и рефлексия отдельных видов деятельности, по сравнению с юношами. У юношей отмечается стратегическое прогнозирование дальнейшего хода события, выход на более широкие контексты осмысления, обобщение опыта, что у девушек встречается крайне редко.

Во-вторых, гендерные особенности переживания субъективного благополучия в молодом и зрелом возрасте выражаются в специфике взаимосвязи содержательного компонента переживания с различными характеристиками субъективного благополучия. У женщин содержательный компонент переживания в большей степени обуславливает субъективное благополучие, нежели чем у мужчин.

В-третьих, полученные результаты, дают возможность уточнить предположение о существовании гендерных различий в процессе переживания, а именно: в процессе переживания кризиса компоненты переживания имеют наиболее выраженные гендерные различия, чем при переживании субъективного благополучия. Так, при кризисе специфика отмечается в содержательном, рефлексивном и компоненте активности. При переживании же субъективного благополучия гендерные различия прослеживаются только в содержательном компоненте переживания на уровне значимости жизненных ценностей.

В-четвертых, данное предположение требует дальнейшего уточнения в связи с возрастными, этнокультурными и индивидуальными особенностями.

Библиографический список

1. Бахтин М.М, Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984.
3. Деева Н.А. Качественное интервью в исследовании рефлексивных механизмов переживания: учеб. методическое пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014.
4. Деева Н.А. Рефлексивные механизмы переживания: роль в жизнедеятельности человека и методика исследования // Общество и право. № 1 (51). 2015.
5. Теплов Б.М, Избранные труды, Т.1, М., 1985.
6. Франк С.Л. Сочинения. М., 1990.
7. Шаров А.С. Психология переживания: природа, механизмы, феномены // Мир психологии. 2004. №1.

ГЕНДЕРНЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ САМОКОНТРОЛЯ И ИМПУЛЬСИВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Дементий Л.И.

Ключевые слова: гендерные особенности, возраст, импульсивность, самоконтроль, личность школьника.

Поиск личностных оснований, факторов и предикторов адаптивного и успешного поведения, на наш взгляд, является актуальным направлением научных исследований в персонологии. Особую значимость подобного рода исследования приобретают в детской и возрастной психологии для коррекции и профилактики нарушений поведения и формирования личности, способной не просто к адаптации к сложным реалиям современного общества, но и противостоящей негативным вызовам.

Научно-технический прогресс, компьютеризированность и стремление создать максимальную благоприятную среду для проживания людей, с одной стороны, рост насилия и агрессии, изменение системы воспитания и развития детей, с другой стороны, создают особые условия для развития личности подрастающего поколения. К сожалению, современная статистика отражает не только снижение, а даже рост девиантного и отклоняющегося поведения детей и подростков, их суицидов, бродяжничества, курения, алкоголизма, наркомании и т.д.

Объективно современные дети отличаются от своих сверстников предыдущего времени. Все больше появляются детей, импульсивных и менее управляемых, достаточно интеллектуально развитых, но одновременно инфантильных, не желающих учиться и не имеющих жизненных целей, способных часами неподвижно сидеть у телевизора или компьютера. Выше сказанное напрямую имеет отношение к проблеме социальной адаптации/ дезадаптации личности ребенка. Нарушения в развитии могут усугубляться в подростковом возрасте, периоде активного вхождения во взрослую жизнь. Современный мир нашего общества представляет собой большое количество соблазнов и испытаний, которые в силу незрелости личности подростка способны оказать пагубное влияние в виде развития различных форм зависимого поведения (компьютерная, табачная, алкогольная зависимость и др.), а также способствовать проявлению суицидальных и саморазрушительных форм поведения.

Дезадаптивное поведение детей и подростков проявляется в различных видах: агрессивное поведение, которое выражается в грубости, резких вспышках гнева по ничтожным поводам или вовсе без видимых причин, в недовольстве всем, что происходит, особенно требованиями, предъявляемыми к агрессивной личности; школьная дезадаптация, проявляющаяся в трудности усвоения школьной программы; трудновоспитуемость, требующая индивидуального педагогического подхода и в отдельных случаях специальных психолого-педагогических коррекционных программ; бродяжничество; компьютерная зависимость и др.

В целом ряде зарубежных работ доказано, что важнейшим фактором, определяющим успешность в широком классе жизненных сфер и ситуаций, является способность личности к самоконтролю. Лица с типично высоким самоконтролем эффективнее справляются с нежелательными импульсами (Mischelatal, 1996), менее подвержены зависимому и девиантному поведению, более успешны в интерперсональных отношениях (Tangneyatal, 2004). W. Mischel доказал, что дошкольники с низким уровнем самоконтроля по тесту хуже успевают в школе 10 лет спустя (Mischelatal, 1988).[6]

В лонгитюдном исследовании Moffitt T. E., Arseneault L., Belsky D., Dickson N. и др., проведенном в Новой Зеландии (2011) на выборке 1037 человек, родившихся в 1972, диагностировались настойчивость, невнимательность, импульсивность, непоседливость, непослушность, грубость, агрессивность, толерантность к фрустрации. До возраста 32 лет отслеживались здоровье, социально адаптивное поведение (сохранность выборки 96%).

Доказано, что испытуемые, имевшие высокие показатели по самоконтролю, волевым качествам и низкие по импульсивности в детском возрасте, имели более высокие академические показатели в школе, хорошие показатели психического, физического, сексуального здоровья, демонстрировали социально адаптивное поведение на протяжении своей жизни.

Наряду с самоконтролем, важную роль в регуляции поведения играет такая личностная черта, как импульсивность. В ряде работ доказано, что импульсивность, часто сочетается с агрессивностью и оппозиционным поведением, приводит к трудностям в контактах и социальной изоляции. Лицам с высоким уровнем импульсивности трудно адекватно воспринимать и оценивать социальные ситуации, строить свое поведение в соответствии с ними [1, 2, 3].

Импульсивность может определять особенности проявления эмоций, принятия решения, двигательное поведение. В модели импульсивности Barrat E.S. выделяются три типа импульсивности. Первая из них характеризует способность личности к планированию и самоконтролю, а именно, оценку того, насколько личность действует под влиянием ситуации и способна прогнозировать последствия своих поступков. Вторая сконцентрирована на моторной импульсивности, а третья характеризует импульсивность в сфере внимательности [7]. Импульсивность не просто выступает в качестве антипода самоконтроля. Как устойчивая личностная черта она может затруднять формирование способности к организации и контролю поведения.

Острая актуальность проблемы саморегуляции в современном мире и результаты научных исследований предопределили направление наших научных поисков. В данной статье частично представлены результаты широкомасштабного исследования роли самоконтроля и импульсивности и их вклада в регуляцию поведения в широком классе жизненных ситуаций.

В работе тестировалась гипотеза о существовании возрастных и гендерных особенностей самоконтроля и импульсивности. В частности, мы предположили, что с возрастом уровень самоконтроля повышается, а уровень импульсивности снижается. Мы также выдвинули гипотезу о том, что уровень самоконтроля выше у девочек, а уровень импульсивности у мальчиков.

Исследование проводилось в одной из гимназий г. Омска. Выборку составили 90 школьников. В соответствии с задачами исследования выборка была сформирована следующим образом: 1 группа – школьники 5-6 классов; 2 группа – школьники 7-8 классов; 3 группа – школьники 9-10 классов. Всего в каждой группе по 30 человек, из них 15 мальчиков и 15 девочек.

Испытуемые в одной экспериментальной серии заполняли опросники «Шкала импульсивности Paul P. Hirschfield[4], и «Шкала самоконтроля» L. L. Humphrey [5], (обе методики проходят адаптацию под нашим руководством). Методика L. Humphrey содержит следующие субшкалы: шкала интерперсонального самоконтроля, шкала персонального самоконтроля и шкала самооценки.

Результаты исследования показывают, что показатели интерперсонального и персонального самоконтроля увеличиваются с возрастом школьников. Также зафиксированы различия в общем показателе самоконтроля: если в 5-6 классах показатель зафиксирован на уровне $4,5 \pm 1,61$, то к 9-10 классу он равен $5,9 \pm 1,38$.

Сравнительный анализ данных с применением критерия Крускала-Уоллиса позволил установить, что школьники разных классов значимо и достоверно различаются по показателям интерперсонального самоконтроля ($H=12,289$, $p \leq 0.01$) и общему показателю самоконтроля ($H = 8,594$, $p \leq 0.05$). Следовательно, можно сделать вывод, что показатели самоконтроля увеличиваются от младшего до старшего возраста.

Выявлены и гендерные различия по уровню выраженности самоконтроля: средние значения по всем шкалам методики у девочек выше, чем у мальчиков. Статистически подтверждены различия по показателям интерперсонального самоконтроля ($U = 732,0$, $p \leq 0.05$), самооценке ($U = 751,5$, $p \leq 0.01$)

и общему самоконтролю ($U = 582,5$, $p \leq 0.01$). По шкале персонального самоконтроля различия не выявлены.

Результаты диагностики импульсивности показывают, что уровень импульсивности снижается с повышением возраста школьников: максимальный показатель импульсивности зафиксирован у учащихся 5-6 классов ($10,9 \pm 2,36$), минимальный – у учащихся 9-10 классов ($7,5 \pm 1,86$). Сравнительный анализ классов с использованием критерия Крускала-Уоллиса показал, что между учащимися различных классов зафиксированы значимые и достоверные различия ($H = 24,018$, $p \leq 0.01$) по показателю импульсивности.

Достоверные различия по импульсивности выявлены при сравнительном анализе выраженности данной черты у девочек и мальчиков – уровень импульсивности у мальчиков выше, чем у девочек ($U = 707,5$, при $p \leq 0.05$).

Полученные результаты могут быть полезны при организации детско-возрастного консультирования, а также создания превентивных программ в школьной психологической службе.

Библиографический список

1. Дементий Л.И. Самоконтроль и импульсивность как факторы подверженности стрессу в деструктивных ситуациях // Психологическое, физическое и информационное насилие и пути его преодоления в современном обществе. Омск, 2015.

2. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И. Апробация русскоязычной версии методика «Шкала импульсивности Барратта» (BIS-11) // Психология и право. 2015. Т. 5. № 3.

3. Нечаенко И.Я. Особенности импульсивности у юношей и девушек, обучающихся в университете // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 8-9.

4. Hirschfield P.P. (1965). Response set in impulsive children, *Journal of Genetic Psychology*, 107, 117-126. Instrument reproduced with permission of Paul P. Hirschfield.

5. Humphrey L.L. (1982). Children's and teachers' perspectives on children's self-control: The development of two rating scales, *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 50, 624-633. Instrument reproduced with permission of Laura Humphrey and the American Psychological Association.

6. Tangney J.P., Baumeister R.F., Boone A.L. High Self-Control Predicts Good Adjustment, Less Pathology, Better Grades, and Interpersonal Success. // *Journal of Personality* 72:2, April 2004.

7. Patton, J.H., Stanford, V.S., and Barrat, E.S. (1995) Factor structure of the Barratt Impulsivity Scale, *Journal of Clinical Psychology*, 51.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕКСУАЛЬНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Кольцов М.В.

Ключевые слова: гендерные особенности, сексуальность, юношеский возраст.

Согласно международной системе периодизации (принятой в 1965 году в г. Гримм) юношеский возраст включает в себя период с 16 до 21 года (16-20 лет у девушек и 17-21 год у юношей). Это период завершения физиологических изменений в организме, связанных с его взрослением и созреванием. А. Н. Леонтьев и Д. Б. Эльконин рассматривали юношество через призму нового ведущего вида деятельности – учебно-профессионального, возникающего на фоне стремления к самоопределению. Согласно Л. И. Божович в юношеском возрасте проявляется потребность человека в определении своего места в жизни, своей внутренней позиции, формируется мировоззрение, морального сознание и самосознание. Расширяется диапазон доступных человеку социальных ролей, сфера жизнедеятельности. Важнейшими новообразованиями этого периода становятся развитие теоретического мышления, философская рефлексия, увеличивается степень индивидуализации в интересах и способностях, формируется индивидуальный стиль умственной деятельности. Между тем многие юноши склонны преувеличивать свои умственные способности.

Юность – период формирования активной жизненной позиции, становления убеждений, основных ценностей. На фоне противоречивости эмоционально-личностного развития (в связи с окончательным становлением самооценки) происходит завершение формирования полноценной Я-концепции, стабильного образа "Я". Юноши и девушки начинают осознавать себя в качестве частицы, элемента социальной общности (какой-либо формальной или неформальной социальной группы, нации и т.д.), у них нарастает потребность в лично значимых социальных отношениях, в дружеском, интимной общении. Согласно Э. Эриксону, главной опасностью на этой стадии психологиче-

ского развития является диффузия (спутанность) "Я"-идентичности. В результате своеобразного кризиса идентичности в юношеском возрасте происходит либо обретение "взрослой идентичности", либо задержка в личностном развитии (синдром патологии идентичности) [1; с. 277-294].

Центральным психофизиологическим процессом подросткового и юношеского возраста является половое созревание. В период юношества относительно быстрые изменения в физиологии приобретают более размеренный и постепенный характер, подходя к своему логическому завершению – полному физиологическому созреванию организма. В этот период у юношей отмечается проявление гиперсексуальности (начинающейся тогда же, когда и пубертат – с 13-14 лет), вызванной повышенной секрецией половых гормонов (у 18-летнего юноши она в 8 раз выше, чем у 10-летнего мальчика), выражающейся в сильной сексуальной возбудимости, частых и длительных эрекциях, бурных эротических фантазиях, мастурбации и т. д. Проблема подростковой гиперсексуальности имеет место и в юношеском возрасте.

В качестве физиологической основы данного явления выступает резкое усиление секреции андрогенов, уровень которых у 18-летнего юноши в 8 раз выше, чем у 10-летнего мальчика. По многочисленным наблюдениям у детей и взрослых мужчин, вплоть до глубокой старости, эрекции возникают 3-4 раза за ночь и длятся в общей сложности от 2 до 3 часов. Однако в пубертатном периоде число таких эпизодов составляет в среднем около 7 (от 3 до 11), а общая продолжительность эрекции достигает 2 часов. Согласно данным А. Кинзи и ряда других авторов, рано созревающие мальчики раньше других начинают половую жизнь. Подобные тенденции отмечаются и у девочек. По данным Г.С. Васильченко, чаще всего склонны к мастурбации сексуально здоровые юноши и девушки и, наоборот, среди мужчин с наиболее тяжелыми расстройствами потенции больше всего никогда не мастурбировавших, у женщин, мастурбировавших до начала половой жизни, аноргазмия встречается втрое реже, чем у тех, кто никогда не занимался мастурбацией [3; с. 201-206]. В целом, период начала и окончания пубертата чрезвычайно индивидуален. Так, например, у девочек возрастные рамки начала менструаций могут сильно меняться в зависимости от веса. К задержке в половом развитии также может привести нервно-психическая анорексия и даже просто сильный стресс, порой вызывающий остановку уже начавшихся менструаций [5; с. 431-432].

Одна из основных проблем юношеской сексуальности заключается в необходимости преодоления разрыва между чувственно-эротическими и романтически-возвышенными ее аспектами. На фоне выраженных эротических переживаний, отчетливо проявляющихся сексуальных потребностей, формируются зачастую десексуализированные мечты и представления о любви и идеальной возлюбленной (возлюбленном), в то время как повышенное сексуальное влечение порождает необходимость в сильной его сублимации, что порой служит основой для социально-неодобряемого, а иногда и социально-неприемлемого поведения. Проявление разнообразных психологических защит в данном случае напрямую зависит от темперамента и характера индивида. Так вместо агрессивного поведения возможно возникновение подчеркнутого аскетизма, враждебного и презрительного отношения ко всякой чувственности, которая кажется человеку низменной и грязной. Идеалом в таком случае служит даже не полный контроль над влечением, а его полное подавление. Другим способом отрицания собственной чувственности является стремление к избыточной аналитичности, в таком случае «аскет» стремится избавиться от эротического влечения не потому, что оно наводит его на «грязные» мысли, а потому, что оно ему «не интересно» [2].

Проблема любви и влюбленности в юношеском возрасте напрямую связана с завершением психосексуального развития. Именно в силу порой достаточно жесткого разделения образа, являющегося идеалом полового влечения и образа идеальной возлюбленной (возлюбленного) многие юноши и девушки (особенно в непосредственно постпубертатном периоде) испытывают трудности в определении силы и глубины собственной привязанности. Так зарождающееся эротическое чувство может быть оценено ими как дружба, влюбленность и просто эмоциональная привязанность могут восприниматься как нечто предельно похожее. Такая путаница возникает в основном из-за того, что прообразом первой возлюбленной для человека является родитель противоположного пола, сексуальная связь с которым для индивида неприемлема. Именно поэтому в первой любви человек ищет, прежде всего, удовлетворение эмоциональных, а не эротических потребностей. С другой стороны, в данном случае мы можем наблюдать явление так называемого диффузного эротизма, когда образ, на который проецируются фантазии, представляет собой только "сексуальный объект", лишенный всех других характеристик. Естественно предположить, что смешение собирательного объекта сексуального влечения и личностной привязанности в таком случае становится довольно затруднительно [5; с. 432-434].

В период юности проявляется потребность в глубоких личностных, интимных взаимоотношениях. Дружба в это время характеризуется большей эмоциональной и личностной вовлеченностью, чем в подростковом возрасте. Потребность в любви же выражает, прежде всего, жажду эмоционального контакта, понимания, душевной близости. При этом зачастую потребность в самораскрытии и интимной человеческой близости и чувственно-эротические желания очень часто не совпадают и могут быть направлены на разные объекты. Особенно ярко это особенность проявляется у мальчиков. По мнению З. Фрейда это связано с тем, что у многих из них бурный темп полового созревания опережает развитие тонких коммуникативных качеств, включая способность к сопереживанию. Также сказывается влияние традиционного стереотипа маскулинности, согласно которому мужчина подходит к женщине с "позиции силы", а не чувственно-эмоциональной привязанности. В связи с этим очень часто в отсутствии ощущения в себе такой силы старшеклассник безуспешно пытается симулировать ее, что на фоне страха потери контроля над ситуацией, боязни подчиниться приводит к еще большим затруднениям в общении с противоположным полом. Девочки, в свою очередь, свободные от подобных стереотипов, вынуждены скрывать свои увлечения, оберегая свое достоинство и репутацию.

Согласно опросу, проведенному И.С. Коном и В.А. Лосенковым, общение со сверстниками противоположного пола у старшеклассников является значительно более напряженным, чем со всеми остальными лицами, за исключением учителей. Подобная напряженность возрастает у мальчиков от седьмого к восьмому классу, а у девочек от восьмого к девятому. Между тем, И.С. Кон отмечает, что в целом девушки чувствуют себя в общении с юношами более свободно и уверенно, чем юноши с девушками. Так доля девушек, предпочитающих дружбу (вне сексуальных взаимоотношений) с представителем противоположного пола выше, чем юношей, причем с возрастом эта разница увеличивается. Такая особенность межполового взаимодействия, по мнению Кона, связана не только с разницей в темпах созревания, но и с тем, что юноши строже, чем девушки, разграничивают любовь и дружбу. Довольно сложную проблему в юности представляет из себя соотношение дружбы и любви.

Имеются данные, говорящие о, в некотором роде, альтернативности этих явлений. Так, юноши-девятиклассники, ориентированные на широкое групповое общение, обычно не выбирают в качестве идеального друга девушку, а в ближайшем круге их реального общения преобладают юноши. С другой стороны, тот, кто предпочитает дружить с девушками, как правило, имеет меньше друзей своего пола, склонен считать настоящую дружбу редкой и отличается повышенной рефлексивностью. Кроме того, с появлением любимой девушки эмоциональный накал однополой дружбы снижается, а друг становится скорее добрым товарищем. Также, следует отметить, что любовь предполагает большую степень интимности, чем дружба, она как бы включает в себя дружбу. В 16-18 лет человек может довольствоваться обществом друзей своего пола, в дальнейшем отсутствие интимного контакта с девушкой уже не компенсируется однополой дружбой, более того, ощущение того, что он отстает в этом отношении от сверстников, может привести к замкнутости и меньшей откровенности во взаимоотношениях с друзьями [4].

Важной особенностью юношеской сексуальности является ее «экспериментальный» характер. И, если в подростковом возрасте наблюдается преимущественно индивидуальное экспериментирование со своим влечением, то в более позднем периоде после начала полноценной половой жизни уже молодые пары начинают познавать свою чувственность на личном опыте. В современном мире отмечается тенденция ко все более раннему началу половой жизни. При этом ее стиль во многом зависит от типа личности. Так, согласно Г. Айзенку, экстраверты раньше интровертов начинают половую жизнь, у них отмечается большее количество половых контактов с большим количеством партнеров и в более разнообразных формах. Они придают больше значения эротической любовной игре, а также быстрее привыкают к сексуальным стимулам и, соответственно, больше ориентированы на смену партнеров, ситуаций. Им легче, чем интровертам, дается сближение с лицами противоположного пола, они более гедонистичны и склонны получать больше удовлетворения от своей сексуальности, не испытывая в связи с ней тревог или сомнений. В противовес им, сдержанные и заторможенные интроверты склонны к более индивидуализированным, тонким и устойчивым отношениям, что часто сопряжено с определенными психологическими проблемами и трудностями.

Психотики характеризуются высокой половой возбудимостью, склонны не признавать социальные и моральные ограничения, при этом они редко удовлетворены своей половой жизнью, часто склонны к девиантному поведению, включая групповой секс. Романтическим отношениям они предпочитают удовлетворение исключительно биологических потребностей, обычно акцентируя на этом внимание. Невротиков характеризует сильное влечение, которое они не могут удовлетворить из-за

сильного чувства вины и тревоги по поводу своей сексуальной жизни, а также трудностей в общении. Они часто считают свои влечения ненормальными, а сама сексуальность кажется им опасной и отвратительной. У таких людей часто могут встречаться такие психосексуальные проблемы и нарушения, как аноргазмия (неспособность испытывать оргазм) и фригидность (сексуальная холодность) у женщин, преждевременное семяизвержение и импотенция у мужчин [5; с. 432-434].

Библиографический список

1. Сапогова Е. Е. Психология развития человека. М.: Аспект Пресс, 2005.
2. Гребенюк А. А. Актуальные проблемы возрастной психологии. Симферополь, 2001.
3. Кон И. С. Введение в сексологию. М.: Олимп, Инфра-м, 1999.
4. Кон И. С. Психология ранней юности. М, 1989.
5. Кон И. С. Психосексуальное развитие и взаимоотношения полов // Психология подростка / сост. Фролов Ю. И. М., Российское педагогическое агентство, 1997.

СУБЪЕКТНОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНОЙ СЕМАНТИКИ

Лопухова О.Г.

Ключевые слова: субъектность, личность, гендерная семантика, внутриличностный гендерный конфликт.

С психологической точки зрения гендер представлен как система значений, воплощаясь в образах «мужского» и «женского» бытия в идеальном и нормативном его проявлении, представляя собой когнитивный конструкт. Для личности, в ее развитии, гендер, как явление общественного сознания, представлен через семантические категории «мужского» и «женского» - гендерную семантику, определяя развитие личностных образований: составляющих Я-концепции, социальной и личностной идентичности, установок, представлений, направленности, воплощаясь в конечном итоге в системе жизненных смыслов личности.

В условиях современного общества мы наблюдаем мощные и довольно быстро происходящие процессы трансформации гендерной семантики, связанные как с взаимным проникновением «мужских» и «женских» сфер деятельности и отношений, так и с возникновением «множественности гендерных идеалов». В таких условиях трансформирующейся гендерной системы общества человек находится в неоднозначной ситуации развития своей личности: с одной стороны, ему открывается гораздо больше возможностей реализации собственного потенциала, с другой стороны, множество образов и моделей, транслируемых социумом, усложняют его самоопределение, способствуя возникновению внутренних конфликтов. В качестве таких внутриличностных гендерных конфликтов в исследованиях выделяют ролевой, мотивационный («страх успеха») и экзистенциальный конфликты [4]. В данном контексте возникает вопрос: какие факторы и механизмы развития гендерных образований личности в условиях трансформации гендерной семантики обуславливают ее гармоничность и целостность, а какие приводят к внутренне конфликтным вариантам, нарушающим психологическое благополучие личности?

Наши исследования гендерных образований личности идентификационного и ценностно-смыслового уровней показывают, что их развитие и интеграция в единую систему личности представляют собой субъектное отношение к гендерным образам и категориям, их творческую переработку и наполнение индивидуальным смыслом. Напротив, внутриличностные гендерные конфликты определяются тем, что гендерные образы, будучи включенными в самосознание как интросекты (не отрефлексированные, не осознанные, некритично воспринятые, не соотносящиеся с истинной индивидуальной сущностью личности), создают внутреннее напряжение, мешающее развитию и психологическому благополучию [2, 3, 7]. Методология субъектно-бытийного подхода выступает в данном контексте необходимым теоретическим основанием, позволяющим понять и описать суть изучаемых механизмов развития личностных образований в условиях трансформации гендерной семантики.

Спозиций субъектно-бытийного подхода механизмы развития гендерных образований личности рассматриваются с точки зрения реализации ее субъектности, обеспечивающей баланс индивидуальной самореализации, трансляции собственных моделей обществу и адаптации в изменяющихся условиях социокультурной реальности. В анализе развития системы гендерных образований личности механизм субъектности проявляется, пожалуй, наиболее ярко. Как отмечает Л.Н. Ожигова,

«...конструирование гендерной идентичности личности – это не простое усвоение личностью культурно заданных образцов и норм, это всегда реализация внутренних смыслов личности и всей Я-концепции личности, реализация ее субъектных характеристик» [6, с. 189].

Субъектность присуща человеческой психике, как природно заданная способность рефлексировать свое Я, активно реализовывать отношения «Я - Другие» на основе своих внутренних позиций. Для полноты понимания личностной реализации, в механизме субъектности недостаточно выделять свойства автономности, активности, самопроектирования, саморегуляции и самоорганизации. Важными положениями в понимании субъектности выступают: представление ее как творческой способности к преобразованию среды и как свободы создавать бытие, отражающее внутренние смыслы самореализации (Ожигова Л.Н.) [5, 6], а также выделение в ее содержании генеративных и трансформационных функций рефлексии (Карпов А.В.) [1, 6]. Благодаря реализации данных функций личность и развивается, реализуя свой потенциал, и адаптируется, сохраняя целостность в условиях внешних и внутренних противоречий, и изменяет среду, выстраивая аутентичное бытие и трансформируя общественное сознание (Леонтьев Д.А.; Рябикина З.И.) [6]. При этом можно утверждать, что сила и полнота реализации субъектности определяет социально-психологическую адаптацию личности в ситуациях рассогласования внешних и внутренних составляющих ее бытия.

В наших исследованиях, посвященных изучению внутриличностных гендерных конфликтов, их факторов и эффектов, отражающихся на благополучии личности, концептуальные положения субъектно-бытийного подхода находят свое подтверждение. В качестве примеров можно привести данные, полученные при исследованиях внутриличностного гендерного ролевого конфликта и внутренне конфликтного отношения к образу успешной личности, который проявляется преимущественно у женщин и соотносится с известным феноменом «страх успеха».

Внутриличностный гендерный ролевой конфликт (ВГРК) возникает в результате ориентации мужчин и женщин на нормативно заданные гендерные ролевые образы, при недостаточной их осознанности и индивидуальной трансформации, что приводит к формированию чувства вины за несоответствие этим нормативным образцам и к проявлению соответствующего компенсаторного поведения. Мы выделяем пять сфер образования этого конфликта: «Работа» (сфера оценки себя в образе «хорошего работника», успешного профессионала и т.п.), «Дом» (сфера оценки себя в образе «хорошей хозяйки/хозяина» в доме), «Супруги» (сфера оценки себя в образе «хорошего мужа/жены»), «Дети» (сфера оценки себя в образе «хорошего отца/матери»), «Я» (сфера оценки себя в образе «настоящая женщина/настоящий мужчина») [2].

Оценка своего несоответствия идеальному гендерному образу происходит не на основе каких-либо объективных, реально существующих параметров «плохого» выполнения ролевых предписаний, а исключительно на основе субъективного (часто неосознаваемого) представления о своем (возможном) несоответствии «должному» образу. Именно неосознаваемый характер расхождения гендерных идеальных образов с образом Я, вызывающий ощущения раздражения, неуверенности, тревоги, говорит о субъектном механизме формирования ВГРК. При этом, будучи системным образованием, внутриличностный гендерный ролевой конфликт взаимосвязан с нарушенными внутренними и внешними отношениями личности. Как показывают полученные нами данные, сформированный внутриличностный гендерный ролевой конфликт соотносится с негармоничными стилями воспитания у отцов и матерей, непоследовательностью воспитания, воспитательной неуверенностью родителей. На выборке женщин-руководителей установлены взаимосвязи проявлений ВГРК с более низким уровнем психологического благополучия по шкалам К. Рифф, и более выраженными показателями ургентной аддикции.

Другим вариантом внутриличностного гендерного конфликта является неосознаваемое неприятие образа успешной личности, как одного из вариантов идеального образа Я-концепции. Отношение к образу успешной личности, и содержательные характеристики этого образа, имеют четко выраженный гендерный характер.

Гендерные аспекты образа успешной личности и отношения к успеху в ценностно-смысловом и целеполагающем аспектах, согласно данным наших исследований, отражают андроцентристскую позицию общественного сознания. Это проявляется в том, что по статистике образ успешности значимо более часто ассоциируется с мужским образом (значение: успешность – это «мужское»), что характерно для подавляющего числа мужчин и для трети женщин.

Женщины несколько чаще, чем мужчины «допускают» в семантику успешности женские образы и качества, или не дифференцируют успешность по гендерному признаку. Кроме того, образ успешной личности семантически описывается маскулинными характеристиками, как на уровне лич-

ностных качеств, так и на уровне ценностных и целевых ориентаций личности, даже в том случае, когда этот образ – женский.

Случаи, когда в Я-концепции женщины образ успешной личности наделен маскулинными чертами, и в целом относится к сфере «мужского» семантического пространства, составляют до 30% выборов в наших исследованиях. Противоположность гендерных характеристик образа успешной личности образу Яу таких женщин не позволяет им идентифицировать себя с идеальным образом «успешной личности», оценить себя с позиций успешности, использовать образ успешности в качестве целевой модели жизненного самоопределения.

Взаимосвязи с показателями психологического благополучия, ощущения целостности, удовлетворенности жизнью, при этом, у женщин неоднозначны. С одной стороны, результаты исследования показывают, что гендерное содержание субъективного образа успешной личности, и в особенности, его эмоционально-оценочный компонент, имеют достоверную взаимосвязь с уровнем психической адаптированности (измеряемой через равновесность состояний и проявления ценностно-мотивационного конфликта).

Выявлено, что женщины с высоким уровнем психической адаптированности проявляют высокую индивидуальную вариативность в содержании субъективного образа успешной личности, не придерживаясь гендерных стереотипов, и не разделяя успешность «мужскую» и «женскую» с позиций андроцентризма и сексизма, и имеют во всех вариантах эмоционально-позитивное, принимающее отношение к образу «женской успешности». Низкий уровень психической адаптированности связан с выраженным патриархатно-стереотипным содержанием образа успешности, сопровождающимся избирательно негативным отношением к образу женской успешности, ассоциацией его с состояниями агрессивности, тревожности или депрессивности [3].

В другом исследовании нами было установлено, что маскулинный образ успешной личности, с которым девушка или женщина не могут соотнести образ Я, просто может быть исключен из системы идеальных образов Я-концепции. Личность при этом не воспринимает «успешность» как свой ценностно-смысловой жизненный ориентир, заменяя его на другой образ, например, «счастливой женщины», противопоставленный маскулинной (чуждой внутренним позициям) семантике успешности. Также установлено, что у одной трети женщин семантика субъективного образа успешной личности трансформирована так, что этот образ перестает быть «чуждым», не соответствующим образу себя.

Образ успешной личности у таких женщин включен в «женское» семантическое пространство, наделен феминными чертами и непротиворечиво соотносится с образом Я. Реализация субъектности в таких случаях проявляется в индивидуальной трансформации гендерных особенностей образа успешной личности, как идеального образа Я-концепции, что связано с внутренней целостностью и удовлетворенностью жизнью, что позволяет женщине проявлять внутреннюю силу и свободу.

В целом наши исследования показывают, что внутриличностные гендерные конфликты проявляются и у мужчин, и у женщин, представляя собой результат стремления в их самореализации к расширению внешне заданных границ гендерных норм при недостаточной степени осознанности, отрефлексированности противоречий в ориентациях на противоположные по своей сути гендерные ролевые модели, а также спутанности целевых и оценочных оснований на ценностно-смысловом уровне системы гендерных образований личности.

Соответственно, коррекционные возможности в работе с проявлениями внутриличностного гендерного конфликта состоят в переводе гендерных семантических оснований индивидуальных систем отношений и оценок в разных сферах самореализации на осознаваемый уровень, что дает возможность их переосмыслить и интегрировать в целостную непротиворечивую систему. В то же время, внутренняя работа по преодолению данных противоречий, разрешение или снятие конфликта состоит не только в трансформации субъективных гендерных образов в ходе их осмысления и интеграции, но и их экспансия, реализация вовне, формирование аутентичного бытия, что, в свою очередь, отражается в трансформации гендерной системы общественного сознания.

Таким образом, можно утверждать, что субъектность, как механизм самопроектирования, самодетерминации личностью своей сущности в пространство своего бытия, дополняет в качестве противовеса механизм интериоризации системы культурных значений и норм в развитии личности. Благодаря диалектической взаимосвязи данных функций развитие гендерных образований личности (гендерного самосознания, гендерной идентичности, гендерных установок, гендерных представлений и образов, составляющих Я-концепцию и др.) при относительной связи с гендерными стереотипами и нормами обнаруживает высокую степень индивидуального своеобразия, выполняя адаптационные функции и несет общественному сознанию мощный трансформирующий потенциал.

Библиографический список

1. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5.
2. Лопухова О.Г. Внутриличностный гендерный ролевой конфликт: системный подход к проблеме // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4 (04).
3. Лопухова О.Г., Беглова Э.И. Субъектность в содержании образов «успешный мужчина» и «успешная женщина» как фактор психической адаптированности вынужденно безработных женщин // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), ModernResearchofSocialProblems. № 6. (26), 2013.
4. Малкина-Пых И.Г. Гендерная терапия. М: Эксмо, 2006.
5. Ожигова Л.Н. Психология гендерной идентичности личности. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
6. Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.
7. Шакирова Г.Ф. Особенности внутриличностного гендерного ролевого конфликта у мужчин и женщин в условиях современного общества: автореф. дис. ... к. психол. наук. Казань, 2011.

ЛЕТЧИК-ИНСТРУКТОР: СПЕЦИАЛИСТ, НАСТАВНИК, НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА

Ожигова Л.Н., Колесниченко В.И.

Ключевые слова: личность летчика-инструктора, профессионально-важные качества, маскулинность, фемининность.

Двадцатый и двадцать первый века совершили колоссальный технический рывок в будущее, где стала возможной реализация самых фантастических идей: гравитация земли частично преодолена и тысячи мальчишек (и девчонок) видят себя за штурвалом самолетов или космических кораблей. Сны, когда мы летаем, для многих становятся не просто реальностью пассажирского перелета, а работой и профессией "на всю жизнь". Традиционно профессия летчика считается мужской и ежегодно военные вузы страны принимают тысячи заявлений от молодых юношей, мечтающих посмотреть на землю с высоты, преодолеть земное притяжение и себя.

Однако пройти профессиональный отбор, попасть в число "избранных" и стать летчиком-ассом придется не всем. Развитие авиационной техники привело к значительному усложнению летной деятельности. Слишком высоки требования к профессии: к физическим, интеллектуальным, психическим, личностным и другим особенностям абитуриентов летных вузов.

В контексте концепции профессионального психологического отбора и сопровождения, разработанной рядом ученых в области авиационной психологии в 1980-1990-х гг. [2] и взятой за основу современной подготовки военных летчиков, профессионально пригодным к летной деятельности считается тот, у кого выявлены особенные профессионально-важные качества военного летчика.

Здесь выделяют 5 групп профессионально важных качеств (ПВК) военного летчика: интеллектуальные, личностные, психофизиологические, физиологические, физические. По уровню развития этих качеств определяется уровень профессиональной пригодности и прогнозируется профессиональная надежность абитуриента. Проведен целый ряд исследований, в которых выявлены новые аспекты в имеющейся структуре ПВК летчика. Так В.А. Бодров выявил, что профессиональная надежность летчика зависит не только от наличия ПВК и летных способностей как совокупности личностных особенностей, а от более широких индивидуально-психологических особенностей личности [1].

К личностным ПВК военного летчика относят: долговременную направленность на летную деятельность; адекватную самооценку; способность приспосабливаться к различным условиям (адаптационные способности); устойчивость личности к неблагоприятным воздействиям. Выделяют определенные черты характера, являющиеся профессионально важными для военного летчика. Это: целеустремленность, настойчивость, сильная воля, решительность, смелость, исполнительность, готовность к осознанному риску и др. Чувство долга, честность, порядочность, товарищество составляют нравственные качества летчика. Склонность к лидерству, коммуникативность, стремление к профессиональному совершенству входят в группу социальных ПВК [5].

В последние 10-15 лет в связи с изменением технического оснащения и возможностей самолетов изменяются подходы к оценке уровня подготовки военных летчиков, а имеющаяся система отбо-

ра и профессиональной подготовки стала требовать более детального изучения их личности. Так называемый "человеческий фактор" как причина успеха или неудачи (или опасности) полета становится более значимым.

В ряде исследований военный летчик в профессиональной деятельности рассматривался с разных позиций: влияния установок на выбор профессиональной деятельности [3]; профессиональной субъектности абитуриента военного училища [4] личностной регуляции в профессиональной деятельности военных летчиков и курсантов и проч. [6].

Таким образом, все больше исследователей обращают внимание на поддержку личности в общей ситуации обучения и становлении военного летчика как специалиста и как офицера. Доказано, что летчик-асс – это личность, обладающая развитым самоконтролем, ориентированная на точность выполнения социальных требований, умеющая хорошо контролировать свои эмоции и поведение, доводить всякое дело до конца; обладающая целенаправленностью и личностной интегрированностью.

Безусловно такой портрет профессионала летчика напрямую соотносится с традиционным образом "настоящего мужчины", реализующим себя в поло-типизированной мужской профессии. Однако при всей экстремальности и рискованности военного профессионального мира, постоянно повышаются требования к качеству подготовки летчиков, особенно в аспекте устранения и недопущения летных происшествий, ошибок, упущений, нарушений летного состава.

Значительную роль в недопущении отрицательных факторов, должен сыграть летчик-инструктор. Он направляет и организует обучение и воспитание курсанта. Летчик-инструктор не только учит курсанта летать, он раскрывает в нем те качества, которые необходимы летчику. Воспитывает высокие морально-волевые качества.

Работа летчика-инструктора требует определенного педагогического мастерства, который включает в себя синтез его личных качеств, знаний, навыков, умений, творчество, высокую культуру и летное мастерство. Все это определяется его высокими профессиональными навыками, морально-волевыми качествами и авторитетом, педагогическим тактом и наличием организаторских способностей.

Поэтому нами было проведено исследование психологических особенностей летчика-инструктора в контексте модели ПВК военного летчика.

Выборка составила 41 человек – все летчики-инструкторы, средний возраст которых 30 лет. Стаж летной деятельности – не менее 300 часов налета, в качестве инструктора не менее 4 лет.

Методы исследования: методика «ценностные ориентации» М. Рокича (модификации Е.Б. Фанталовой); методика «Многофакторного исследования личности» Р. Кеттелла; методика «Диагностики уровня субъективного контроля» Д.Ж. Роттера; методика «Диагностики личности на мотивацию к успеху и избеганию неудач» Т. Элерса; опросник «Склонности к риску» Шуберта; методика «Психологический пол личности» О.Г. Лопуховой; методика «Оценка профессиональной направленности личности педагога»; методика «Диагностическая карта профессиональной самооценки» (П.Б. Бондарев по модели Н.М. Кузьминой); анкета «Идеальный педагог»; методика Диагностики гендерной самооценки (модифицированный вариант методики самооценки С.А. Будасси).

Результаты исследования особенностей летчиков-инструкторов, показали, что на психологическом уровне определена важность эмоционально-волевых особенностей, коммуникативных свойств, межличностного взаимодействия, интеллектуальных особенностей, детерминанты мотивационно-личностной сферы, сформированности профессионально-важных качеств педагога в успешной профессиональной деятельности летчика-инструктора.

Исходя из этого, были выявлены профессионально важные качества летчиков-инструкторов, наиболее значимые в успешной деятельности: коммуникабельность, активность в устранении конфликтов, абстрактность мышления, сообразительность, эмоциональная устойчивость, выдержанность, эмоциональная зрелость, независимость в суждениях и поведении, целеустремленность, деловая направленность, осознание соблюдения норм и правил поведения, настойчивость в достижении целей, ответственность, социальная смелость, готовность иметь дело с незнакомыми обстоятельствами и людьми, склонен к риску, наличие творческого потенциала, инициативность и требовательность, уверенность в себе, умение контролировать свои эмоции в условиях конфликта, принимать самостоятельные решения, сохранять высокую эффективность деятельности в неблагоприятных условиях и направленность на задач, адекватность самооценки, удовлетворенность в своей мотивационно-личностной сфере.

Он должен хорошо владеть материалом, ясно, логически и доступно излагать его обучаемым, вовлекая их в активную работу. Кроме, того летчик-инструктор на достаточном уровне должен вла-

деть основами анализа, педагогического исследования и обобщения учебно - летной подготовки курсантов. Знать основы физиологии, психологии и педагогики.

Таким образом, видно, что у обследуемой группы профессионалов летчиков-инструкторов присутствуют все необходимые для летчика ПВК, но в несколько другой структурной организации. На первое место выходят личностные характеристики и навыки, связанные с коммуникабельностью, умением поддерживать контакт и урегулировать конфликты.

Такой профессиональный портрет понятен с точки зрения педагогической деятельности, вполне соответствует образу наставника, поддерживающего в профессиональном становлении начинающего специалиста (курсанта), но может вступать в противоречие с первичными, ведущими мотивами самого летчика-асса, вовлеченного в инструкторскую деятельность. Ведь военный летчик - это настоящий мужчина, заинтересованный в первую очередь в своей реализации, преданный профессии и Родине, забывающий о своем здоровье, о любви и ценности человеческих отношений, игнорирующий свои внутренние фемининные качества и ищущий внешних подтверждений своей маскулинности в социальных и профессиональных достижениях, в своем деле.

Можно предположить, что существует противоречие, связанное с гендерной поляризацией внутри личности военного летчика, выполняющего функции инструктора. С одной стороны, он желает летать и реализовать себя как профессионал в мужской экстремальной профессии, с другой стороны - вовлечен в персонализацию, поддержку развития и обучения других. Личность летчика-инструктора становится более сложной, более многомерной и многоуровневой: профессионал, летчик, мужчина, наставник и т.д.

Это значит, что отбор военных летчиков в качестве инструкторов, предполагает наличие у них большей гибкости и готовности самого летчика к изменениям. От того какую мотивацию или личностный ресурс для этой сферы деятельности найдет в себе летчик-инструктор будет зависеть как его психологическое благополучие, так и будущее военной авиации, нуждающейся в воспроизводстве профессионалов военного дела.

Таким образом, перспективным и актуальным является дальнейшее исследование критериев отбора не только в контексте модели ПВК, но в соотношении с давлением патриархатных моделей мужественности на реализацию военного летчика-инструктора.

Библиографический список

1. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. М.: ПЕР СЭ, 2001.
2. Ворона А.А., Гандер Д.В., Пономаренко В.А. Теория и практика психологического обеспечения летного труда. М.: Военное издательство, 2003.
3. Гусейнов А.Ш., Щербакова Е.А. Влияние установок на профессиональный вид деятельности. // Инновационные технологии в образовательном процессе. Краснодар, 2004.
4. Мальчинский Ф.В. Ведущие параметры внутренней позиции личности курсанта // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». Майкоп: изд-во АГУ. Вып. 4. 2009.
5. Пономаренко В.А. Разрушить до основания, а затем...??? // Воздушный транспорт. № 10. 2010.
6. Щербакова Е.А. Связь образа родителей с адаптивностью личности (на примере курсантов-летчиков): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2011.

ИНТЕГРАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И СЕМЕЙНОЙ СФЕР В ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ

Педанова Е.Ю., Шостик Н.В.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, личность женщины, совмещение карьеры и семьи.

Современная социально-экономическая ситуация в России такова, что профессиональная деятельность женщины часто вызвана необходимостью обеспечить средний прожиточный минимум существования своей семьи. Мы видим, что роль и положение женщины в обществе меняются со временем. С конца восьмидесятых годов XX века появилось большое количество публикаций об изменении роли женщин и ролевых конфликтах (Алешина Ю.Е, Босс П., Гурко Т.А., Залюбовская Е.В., Лекторская Е.В., Милова О.Л., Новикова Э.Е., Полонской Н.Г., Родыгина Л.Н., Хоткина З.А., Ясная Л.В.).

В современных исследованиях отмечают многообразные траектории построения карьер женщинами. Занятость современной женщины способствует реализации творческого личностного потенциала, развитию ощущения личной независимости и самооценности, одновременно сокращая время самореализации женщины в семейной сфере, что может приводить к ролевой перегрузке, напряжению и конфликту. Совмещение работы и семьи становится зачастую причиной ролевых конфликтов, стрессов, которые женщинам приходится преодолевать.

Наше исследование строилось в качественной логике, где с помощью интервью пытались описать то, каким образом работающие женщины выстраивают свою жизнь, с какими психологическими трудностями сталкиваются, совмещая активную трудовую и семейную занятость, как пытаются преодолевать их.

Мы анализировали жизненные истории работающих женщин от 25 до 44 лет, занимающих различные должности, большинство из которых связано высокой ответственностью и напряжением на работе. Среди респонденток есть руководители высшего звена, преподаватели, врач, начальник юридического отдела крупной строительной организации, главный ветеринарный врач клиники, заместитель руководителя проекторночного отдела, соакционер небольшой компании – всего восемь человек. У всех различный стаж работы – от 3 до 20 лет, и семейной жизни – от 2 до 19 лет. Только у двоих из выборки есть дети, остальные планируют их появление в недалекой перспективе.

Прежде всего, для интервью мы выбирали женщин с интенсивной напряженной трудовой занятостью, высококвалифицированных работников, предполагая, что это даст нам возможность более отчетливо увидеть проблемные моменты интеграции двух жизненных сфер.

Напряженность работы характеризуют такие фразы как: «Я работаю все время. Нельзя сказать, что нет. Все время, в то же самое время я могу и себе уделить. Это как бы такой перетекаемый график, который невозможно определить...» (респондент 2, ж., без детей); «Ну, вот. Сфера моя такая: работа, работа, дом только ночью» (респондент 3, ж., есть ребенок); «Мне приходилось постоянно доказывать свою значимость, состоятельность на тот момент в том возрасте перед сотрудниками... На работе я проводила очень много времени, очень много. И ночами, и днями, и вечерами... (респондент 4, ж., без детей); «Прошлый год у нас был страшный, очень интересный, продуктивный с профессиональной точки зрения, но дома мы не жили вообще. Мы приходили домой в 10 вечера каждый день...» (8 респондент, ж., с ребенком).

При этом практически все респонденты отмечали, что их работа им нравится и приносит большое удовлетворение.

Супруги наших респондентов в основном занимают поддерживающую позицию относительно работы, которую женщины обозначают как «смирился», «терпит», «помогает расслабиться», «не мешает». Дамы отмечают, что такую позицию приходилось отстаивать. Иногда наблюдалось напряжение на начальных этапах совместной жизни. Отношение супруга к занятости женщины характеризуют так: «мы правильно друг к другу подошли. Мне кажется, что как пазл сходится... Т.к. мы работаем вместе, у нас временами конфликты...» (2 респондент, ж., без детей); «Муж конечно сначала не мог привыкнуть к тому, что меня долго не бывает. По вечерам я поздно очень прихожу. Сначала ругался, потом привык, нормально... Он понял, что нет смысла ругаться и что-либо предпринимать, потому что ничего не изменится...» (респондент 3, ж., с ребенком); «Мой рост однозначно – заслуга его 50%, что он мне не мешал... Я думаю, знаю, что он гордится мной... вся эта моя деятельность в ущерб семье однозначно. Но он просто не упрекает меня этим...» (5 респондент, ж., без детей); «А что ты жалуешься, это же твоя работа. Это же тебе нравится. Ну, ничего... (5 респондент, ж., без детей); «Его это устраивает, что я работаю, что я в финансовом плане от него независима. Чем я больше зарабатываю, тем меньше я у него прошу» (6 респондент, ж., без детей). Значимость позиции супруга также отмечалась во многих исследованиях [1, 2, 3, 4].

Все исследуемые, кроме одной (имеющей общий бизнес с мужем), говорят о том, что с успехом справляются разделением двух сфер, не смешивают переживания на работе и дома. Например, «Работа не страдает. Они не страдают друг от друга, эти две стороны. ...Бывают настроения, другое на работе. Я приношу домой, но это бывает крайне редко, но бывает» (7 респондент, ж., без детей).

Все разногласия и конфликты, в основном возникают по поводу распределения ответственности за домашние дела. И, если разногласия о включенности в работу возникают на первых этапах совместной жизни, то о разделении семейных обязанностей могут продолжаться достаточно долго.

По результатам интервью мы выделили *четыре позиции* относительно совмещения профессиональной и семейной сфер. Основой выделения этих позиций стало *осознание значимости для себя*

какой-либо сферы (расстановка приоритетов), принятие ролей и ответственности за их выполнение.

Первую позицию мы назвали «приоритет семейных отношений и ролевых позиций». Эта позиция встретилась в одном случае. Женщина имеет работу, которая ей нравится, семья пока не имеет детей. При всей активности в профессиональной сфере, респондентка полагает, что семья является более важной частью ее жизни. «Семья для меня изначально, а трудовая деятельность вторична, хотя и это есть часть меня». Все бытовые дела не рассматривает как обязанности: «Оно идет не как обязанность, оно идет легко». Муж поддерживает ее, но при этом не предъявляет больших требований. «Миша меня так приучил, чтобы я готовила, и это было не весь день. Например, тратить на готовку не более 2,5 часов в день». Женщина оценивает это, как часть его вклада в ее личностное развитие. Она отмечает, что сама часто советуется с мужем и готова идти на уступки. Выбор и принятие своего положения в итоге проявляются в удовлетворенности и работой и семейными отношениями.

Вторая позиция – «приоритет работы, перераспределение обязанностей в семейной сфере». Сюда мы отнесли двух женщин. В этой позиции женщины отчетливо определяют работу как основное их призвание и обязанность. Они описывают множество преимуществ, которые дает их погруженность в работу: от финансовых до символических. При этом они не испытывают чувства вины, осознавая незначительную включенность в выполнение семейных ролей, не оценивают это как проблему, как конфликт.

У одной из женщин наблюдалось размытие границ между семейной сферой работой, т.к. с мужем имеют общий бизнес. В быту, по дому они с мужем распределяют обязанности, но не фиксированно, а по ситуации. Бывает, что она принуждает супруга. «Я считаю, что это должны делать люди вместе. Я все равно делаю больше, потому что так сложилось. Я все время пытаюсь привлечь Славу к этому, я не даю ему ощущение, что я должна это сделать это и все. Очень часто я его упрекаю, потому что нужно что-то сделать» (респондент 2). При этом она считает, что успешно совмещает работу и семейную жизнь, полагая, что они протекают «в интенсивном сложном ритме», а такой ритм воспринимает как воспитательный, положительный вызов.

Вторая женщина отмечает очень большую погруженность в работу и с юмором относится к фрагментарному выполнению домашних обязанностей. «Конечно, я безалаберная мать в том плане, что меньше сейчас стираю, убираю и готовлю есть... я уже сижу на работе и работаю, а они ходят в Табрис, чистят картошку, стирают, машут веником и рассказывают мне, что я дома не появляюсь... но я зарабатываю, хожу на работу, зарабатываю денежку для того, чтобы ребенку помогать. У нас репетиторы, всевозможные те же покупки шмотья, вложения в какие-то мероприятия» (респондент 8).

Позиция третья получила название «работа и семья, хоть это и тяжело – это моя ответственность». В этой позиции находятся четверо наших респонденток. Они полагают, что, обязаны быть активными в обеих сферах, чтобы обеспечить себя и свою семью. При этом все респонденты отмечают «повышенную нагрузку», «усталость», «напряжение», «тяжесть», «чувство вины», если есть дети. Две из них отмечают неудовлетворенность семейными отношениями и сложившимся положением дел.

Одна из женщин, имеющая ребенка, гордится профессиональными достижениями, увлечена работой, берет ответственность за бытовые хлопоты и решения, имея поддержку родителей, с которыми проживает их семья. При этом она отмечает: «Я бы хотела меньше ответственности. Слишком переживаю, большего хочу... хотелось бы, чтобы меня поддерживали, также со мной стремился мой супруг» (респондент 3).

Исследуемые отмечают, что предпринимали усилия, чтобы перераспределить домашние обязанности с супругом, но это либо не удавалось, либо удавалось лишь частично. Например, «в основном, домашние обязанности – это мои. Это очень тяжело... Мы ругались, очень много ругались по этому поводу... Сейчас он моет посуду...» (5 респондент).

Взяв на себя ответственность, они готовы к напряжению, большому темпу жизни. «Я такой человек, что все, что я делаю, я делаю практически на 100%, результативно... Если это надо, сделаю. В ущерб собственного состояния, отдыха, не обращаю внимания на это. Встала, пошла, сделала» (респондент 4) Своё позитивное отношение к жизни и удовлетворённость семейными отношениями она объясняет тем, что не предъявляет больших требований к супругу и «легко ко всему» относиться.

Еще одна исследуемая отмечает, что ее жизнь течет «в темпе вальса», называет такой режим жизни ненормальным, но довольна всем. Основой своей удовлетворенности считает мужа, так как он «неприхотлив», не требует дополнительных усилий, «не мешает ей» делать так, как она хочет.

Четвертая позиция – «отсутствие явных приоритетов, гедонизм». Единственный представитель такой позиции амбивалентно относиться к своей работе: «я большую часть времени ненавижу свою работу... здравомыслием понимаю, что у меня работа для женщины достаточно удобная, относительно престижная...». Семейными отношениями довольна. Для меня важно, как я себя ощущаю. Я себя в этом ощущаю прикольно, мне так нравится. Я это ценю».

Основной доход обеспечивает муж, а свой доход она «скирдует» личные цели. При этом обязанности в доме разделены на традиционные «женские» и «мужские», выполняются обоими легко: «Уборка, вся женская работа на мне, мне не сложно это делать... Мне не трудно приготовить... Обязанности вынести мусор, прибить гвоздь, полочку, подрезать трубы, соединить трубы, сделать бойлер, фильтр поставить, прикрутить краны, настроить, присверлить – это Вик делает. Это мужская работа».

Женщина полагает, что уделяет времени семье даже больше, чем стоило бы. Работа не накладывает отпечатка на семью: «Бывает, утомленная после работы, но сильно уставшая редко. Я стараюсь не напрягаться сильно». Ориентация на удовольствие, на удобство – основной приоритет в жизни, позволяет отсекал ненужные хлопоты, избегать переутомления.

В выделенных позициях мы наблюдаем взаимодействие проявлений основных показателей ролевых конфликтов, выделенных в других исследованиях [2, с. 26]. При описании данных позиций мы наблюдали некоторые стратегии преодоления трудностей, такие как: рациональная организация труда и планирование времени в обеих сферах; минимизация ролей; предельной концентрации ресурсов; снижение стандартов и обесценивание. Кратко опишем их.

Стратегия рациональной организации труда и планирования времени в обеих сферах. Сюда можно отнести как использование техники, упрощающей выполнение домашних обязанностей, так и использование поддержки близких, распределение обязанностей между членами семьи (как гибкое, так и стабильное), использование наемных работников для выполнения домашней работы.

Стратегия «минимизации ролей», когда женщина отказывается от каких-либо ролей (например, сознательная временная бездетность) или на совмещение ролей при соответствующей организации бизнеса (например, домашний бизнес или неполная занятость). Например, респондент 7: «у меня работа для женщины достаточно удобная... Есть относительная свобода времени, и очень большой отпуск». Или, респондент 5, полагает, что ее образ жизни временный: «Нормальная беременная не будет в таком режиме работать, не говоря уже мать...».

Стратегия предельной концентрации ресурсов – стремление работать сколь угодно много и тяжело, чтобы выполнить все идеально в обеих сферах. Эта стратегия скорее временна, т.к. имеет очень высокую цену. После некоторого времени ее использования, исследуемые говорят о том, что пробуют ее изменить, перераспределяя ответственность и усилия. Например, респондент 3: «родители мои ругались: «Зачем тебе такая работа?». Потом я естественно решила не брать столько работы на себя. Не брать дополнительную работу, чтобы так не загружаться, а уделять все-таки больше семье время. Стала поменьше брать на себя, облегчила себе жизнь. ... И отношения улучшились. Я думаю, эти деньги не стоили бы того, что внутри семьи, все спокойны».

Стратегия снижения стандартов и обесценивания – пересмотр ролевых требований и своего отношения к ним. Многие отмечали, что снижать трудности позволяет более «легкое отношение» ко всему, менее требовательное отношение к мужу, понимание того, что никакие деньги не стоят таких усилий и т.д. Респондент 8 так говорит: «Что не успеваю, значит, и не надо было делать».

Эти женщины научились интегрировать интенсивные нагрузки на работе и в семье. В заключении отметим, что больший вес семейная сфера у женщин приобретает в процессе планировании появления детей, но никто из женщин не был готов отказаться от карьерного развития в пользу семьи.

Библиографический список

1. Барсукова С. Ю., Радаев В.В. Легенда о гендере: принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. № 4.
2. Гаврилица О.А. Ролевой конфликт работающей женщины: дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
4. Камнева Н.А. Исследование переживания свойств личности супругов в гендерном конфликтном поведении, связанного с работой // Вестник Тамбовского Университета. 2013.
5. Титова Е.В. Влияние карьерной успешности супругов на отношения в семье: дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2001.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧУВСТВА ЮМОРА И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СУВЕРЕННОСТИ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Сапогова И.А., Колесникова М.А.

Ключевые слова: психологическое пространство, психологическая суверенность, гендерные различия, эмоциональные особенности, чувство юмора, стилевые особенности юмора.

Интенсивность социально-исторических процессов в современном обществе представляет особые требования к личной автономии, наличию своего психологического пространства, свободе и ответственности каждого человека. Проблема нарушения психологического пространства, является актуальной, так как она в широком смысле слова затрагивает сразу две сферы жизни человека.

Первая сфера связана непосредственно с индивидуальностью личности. По мнению С.К. Нартовой-Бочавер, у каждого человека на протяжении всей жизни формируется свое психологическое пространство [4]. Оно может включать в себя различные компоненты: собственное тело, вещи, жилье, вкусы, точки зрения, ценности.

Вторая сфера связана с взаимодействиями личности в социуме. Нарушение границ психологического пространства, личной автономии человека другими людьми может рассматриваться им во многих случаях агрессивно, враждебно. По мнению Г.С. Абрамовой, именно через противостояние с другими людьми личность обретает четкие границы своего психологического пространства, защищающие их от опасности разрушительного воздействия другого.

Способность человека поддерживать свою личностную автономию и организовывать пространство с целостными границами, С.К. Нартовой-Бочавер, называет суверенностью. При этом юноши и девушки по-разному проявляют способность быть суверенным, первые демонстрируют эмоциональную лояльность, беспечность, способность доминировать, но при этом регулировать свою территорию и вещи. Для вторых характерна высокая эмоциональная реакция на внешние раздражители, неконформность, склонность к сверх ответственности и повышенному чувству вины, при этом большая степень адаптации и открытости для контактов, ориентация на свои телесные ощущения.

Одним из способов достижения суверенности, а именно управления социально-психологическими границами, является чувство юмора. Благодаря таким его разновидностям, как шутка, сарказм, ирония, человек может четко и ясно дать понять другому человеку о своих границах психологического пространства, личной автономии, о том, что не стоит нарушать данные границы.

Какова же природа чувства юмора? Большинство авторов признает, что чувство юмора – сложное качество личности, состоящее из совокупности свойств. Но вот относительно набора этих свойств единого мнения нет. А.В. Петровский М.Г. и Ярошевский, отмечают, что чувство юмора – это способность человека подмечать в явлениях их комические стороны, эмоционально на них откликаться [5]. Р. Корсини и А. Ауэрбах [6] считают, что рассматривать юмор необходимо с многих точек зрения: с точки зрения физиологии, клинической и личностной психологии, психотерапии и т.д.

Особое значение роли чувства юмора придает З. Фрейд, указывая на его защитную функцию, направленную на сохранение самоощущения «Я» личностью за счет обесценивания смехом объекта, вызывающего чувства опасности [7]. Как отмечает автор психоанализа, юмор, несмотря на предшествующие мучительные аффекты, направленные на отреагирование опасности (реальной или кажущейся), может выступать средством получения удовольствия и выполнять регулирующую функцию, а именно подавлять развитие аффекта и занимать его место.

В различных психологических теориях, посвященных исследованию чувства юмора и его гендерным различиям, авторы чаще всего рассматривают юмор либо как защитную реакцию организма, либо, как направленность на какую-либо социальную информацию, либо, как процесс интерпретации, касающейся как содержимого в юмористическом событии, так и смысла коммуникации, то есть самой ситуации передачи юмористического сообщения. Чаще всего авторы описывают четыре стиля проявления чувства юмора: аффилиативный (добродушный обмен шутливыми замечаниями), самоподдерживающий (поддерживающий и подразумевающий оптимистичный взгляд на жизнь), агрессивный (деструктивный, направленный на других, включающий в себя сарказм, насмешку, подтрунивание) и самоуничижительный (деструктивный, направленный против себя, позволяющий становиться объектом шуток) [3].

Человек, обладающий чувством юмора, в традиционном обыденном сознании ассоциируется со следующими личностными характеристиками: легкий, устойчивый, доброжелательный, способный постоять за себя. При этом в житейской психологии подобный образ связывают с типичным мужским поведением. «Женский» стиль поведения ассоциируется с мягкостью, уступчивостью и неумением

постоять за себя, т.е. эффективно регулировать собственные психологические границы. Исследование гендерных различий в проявлении стилей чувства юмора, напротив, указывает на скорее на сходство проявления эмоциональных особенностей у юношей и девушек. Некоторые авторы отмечают о незначительных гендерных отличиях в проявлении стилевых особенностей чувства юмора. Иванова Е.М., Митина О.В., Стефаненко Е.А., исследуя гендерные различия в проявлении стилевых особенностей проявления чувства юмора выявили, что агрессивный и самоуничижительный стиль демонстрируют в большей степени девушки, а для юношей характерен скорее аффилиативный, самоподдерживающий и самоуничижительный стиль чувства юмора [2].

Андреева А.И. отмечает, что для женщин характерен более высокий уровень эмоциональности и социальной ответственности, они в большей степени способны рефлексировать свои эмоциональные состояния и демонстрировать их. Для мужчин, отмечает автор, более значимыми являются внутриличностные показатели (самоутверждение, способность отстаивать свои права), они проявляют большее самоуважение, более независимы, лучше справляются со стрессом, лучше решают проблемы, более оптимистично настроены, чем женщины [1].

Нами было проведено исследование психологической суверенности и особенностей чувства юмора у юношей и девушек, выбравших своей профессией психологию. Выборка составила 36 человек, 18 юношей и 18 девушек - в возрасте от 19 до 24 лет.

Методы исследования: опросник стилей юмора Р.Мартина; тест «Исследование тревожности» Ч.Д. Спилберга; методика «Суверенность психологического пространства личности» С.К. Нартова-Бочавер; методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн.

Результаты исследования.

Чувство юмора больше выражено у юношей нежели у девушек. Причем, у юношей в большей степени проявляется такой стиль юмора, как самоподдерживающий, что говорит о наличии у юношей оптимистичного взгляда на жизнь, присутствии умения сохранять чувство юмора перед лицом трудностей и проблем, то есть юмор является регулятором эмоций и механизмом совладания со стрессом. Юноши более оптимистичны, открыты новому опыту, присутствует самооценка и удовлетворенность качеством жизни, с успешностью установления и поддержания межличностных отношений. Также юноши более саркастичны, что может быть использовано в целях манипуляции другими.

У девушек наиболее выражен самоподдерживающий юмор, что также указывает на оптимистичность взгляда на жизнь, сохранение чувства юмора в стрессовых ситуациях, успешность установления и поддержания межличностных отношений. Но в целом мы видим, что чувство юмора у девушек выражено меньше, чем у юношей.

Оказалось, что юноши менее предрасположены к тревоге и тенденции воспринимать достаточно широкий «веер» ситуаций как угрожающие, отвечая на каждую из них определенной реакцией. Они менее восприимчивы к каким-либо внешним факторам, которые могут угрожать их самооценке. При этом у них в большей степени проявляется ситуативная, то есть реактивная тревожность, которая возникает как эмоциональная реакция на какую-то стрессовую ситуацию.

У девушек же больше выражена личностная тревожность, что говорит об устойчивой индивидуальной характеристик, отражающей предрасположенность субъекта к тревоге и предполагающей наличие у него тенденции воспринимать достаточно широкий «веер» ситуаций как угрожающие, отвечая на каждую из них определенной реакцией. Как предрасположенность, личная тревожность активизируется при восприятии определенных стимулов, расцениваемых человеком как опасные для самооценки, самоуважения.

Юноши лучше управляют взаимодействием с окружающим миром. Что касается отдельных видов суверенности, то мы видим, что юноши суверенны в социальных связях, привычках, ценностях. Они лучше планируют своё время, стремятся снизить уровень неопределённости, защититься от фрустраций, связанных с незавершённостью действий. Социальный статус могут обозначать через первенство-подчинение. Юноши более свободны во вкусах и мировоззрениях, что обеспечивает более креативное отношение к собственной жизни, критичность к идеологическому воздействию. Они избирательны в социальных связях, принимают личную ответственность за отношения с людьми.

У девушек уровень суверенности низкий, что может указывать на слабость границ, неспособность быть ответственным субъектом своей жизни в ее различных сферах, уязвимость в отношении социальных воздействий. Депривированность может проявляться в отсутствии внутренних сдерживающих сил перед внедрением в психологическое пространство других людей. Более высокие показатели у девушек по шкалам суверенность физического тела и суверенность территории.

Юноши более приближены к своему Я-идеальному. У них адекватная самооценка и адекватные требования к себе, отсюда меньшее расхождение между самооценкой и притязаниями, а, следовательно, меньшая вероятность внутреннего конфликта. У девушек также адекватная самооценка, но притязания выше, что говорит о большей требовательности к своему идеальному «Я», а значит о большем расхождении между самооценкой и притязаниями.

Проведённое исследование позволяет обнаружить взаимосвязь чувства юмора с такими феноменами как тревожность, самооценка и суверенность. А также выявить гендерные различия у юношей и девушек, как мы и предполагали. Наличие чувства юмора (в нашем случае самоподдерживающего) у юношей положительно влияет на их тревожность: у них превалирует ситуативная тревожность, нежели личностная. Также развитое чувство юмора положительно сказывается на самооценке юношей: у них наблюдается адекватная самооценка и адекватные показатели притязаний, отсюда небольшие показатели по шкале «расхождение». И наконец благодаря чувству юмора юноши лучше управляют взаимодействием с окружающим миром. Юноши суверенны в социальных связях, привычках, ценностях. Они лучше планируют своё время, стремятся снизить уровень неопределённости, защититься от фрустраций, связанных с незавершённостью действий. Благодаря юмору юноши более свободны во вкусах и мировоззрениях, что обеспечивает более креативное отношение к собственной жизни, критичность к идеологическому воздействию. Они избирательны в социальных связях, принимают личную ответственность за отношения с людьми.

Таким образом, перспективным и актуальным является дальнейшее исследование содержательных характеристик чувства юмора и психологической суверенности у юношей и девушек в контексте совладающего поведения. Практическое значение исследования психологической суверенности у юношей и девушек связано, прежде всего, с учетом гендерных различий при самоподдерживающем и аффилиативном стилях чувства юмора, как одних из ведущих критериев суверенности психологического пространства, пониженной тревожности, адекватной самооценки и меньшим расхождением самооценки и притязаний, и необходимостью использования вышеотмеченных стилей чувства юмора для оптимистичного взгляда на жизнь и комфортного пребывания в ней.

Библиографический список

1. Андреева И.Н. Гендерные различия в сфере эмоционального интеллекта // Женщина. Образование. Демократия. Минск, 2004.
2. Иванова Е.М., Митина О.В., Стефаненко Е.А. Самоуничительный юмор в России и особенности стилей юмора // Сибирский психологический журнал. Выпуск № 51. 2014.
3. Мартин Р. Психология юмора. СПб, 2009.
4. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб., 2008.
5. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. М, 2007.
6. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб., 2006.
7. Фрейд З. Введение в психоанализ. СПб., 2007.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ С ЖЕНЩИНАМИ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ В СУБКУЛЬТУРЕ ПИКАПЕРОВ

Сериков Г.В.

Ключевые слова: пикап, субкультура пикаперов, общение, отношение к женщине.

Пренебрежительное, обесценивающее, потребительское и резко отрицательное отношение к женщинам – одна из вечных тем в истории человечества (также как романтизация, идеализация, восхищение и поклонение им), истоки которой прослеживаются в самых ранних философских и литературно-художественных произведениях, затрагивающих взаимоотношения между полами. Их сколько-нибудь подробный анализ, с этой точки зрения, занял бы не одну сотню страниц.

Исследователи данного явления в качестве базового понятия используют термин «мизогиния» (женоненавистничество), обозначающий крайнее проявление сексизма. Согласно мнению одного из них – Дж.Холланда (J.Holland [17]), парадоксальность ситуации состоит в том, что в списке ненависти, которую люди испытывают друг к другу, ни одна из них не включает в себя глубоко коренящуюся потребность и желание, которые имеют большинство мужчин по отношению к женщинам и большинство женщин по отношению к мужчинам. Ненависть сосуществует с желанием особым образом,

что и делает мизогинию таким сложным феноменом, поскольку она вовлекает мужчину в неосознаваемый конфликт с самой собой.

Мы рассмотрим некоторые аспекты представленности данного явления в существующем уже более 20 лет направлении-«учении» в современной молодежной культуре, так называемом «пикапе» [1], в котором мизогинистские и чисто потребительские идеи выражаются достаточно открыто и, более того, органично входят в его основы. Достаточно детальный анализ возникновения зарубежных пикап сообществ, их функций, исторических связей с мужским и женским движением, прослеживание их сходства и отличий от мужских клубов, похожих моментов с движением «помоги себе сам» и т.п., представлен в работе E.Clift [16]. Автор приводит многочисленные исторические и социологические данные, дает психологические интерпретации данного явления, рассматривает его представителей как отдельную, в основном молодежную, субкультуру. Мизогинистские установки членов сообщества (дегуманизация женщин, их «сверхупрощение», подход к ним, как одинаковым и взаимозаменяемым объектам, применение манипулятивных техник и т.п.), по ее мнению, служат в качестве механизма самозащиты мужчин, а так называемые «пикап-тактики» – направлены на контроль, получивших слишком много свободы женщин. При этом E. Clift утверждает, что общение пикаперов друг с другом помогает им улучшить свои социальные навыки, выполняет функцию социализации, поддерживает психологически, способствует личностному росту и т.п.

Что касается нашей страны, то анализ нескольких наиболее характерных работ самих пикаперов и примкнувших к ним [7, 8, 10,12-15] выявил следующие основные «установочные моменты» и понятия отечественного пикапа (в основном, заимствованные у западных «гуру», отражающие идеологию этого движения, но с явным усилением мизогинистских тенденций, часто выражаемых с помощью ненормативной лексики): 1) пикап это своеобразная «охота», спорт, задача пикапера – быстро и с минимальными денежными и психологическими затратами соблазнить женщину; 2) во многих случаях женщина лишается субъектных свойств, презирается и обесценивается, рассматривается исключительно как объект потребления; 3) женщина лишается человеческого достоинства с помощью терминов-обозначений, ассоциирующих ее с животными или сводящих все к ее гениталиям; 4) «потребительские свойства» женщин-«целей» оцениваются по десятибалльной шкале, что позволяет вычислять рейтинг пикапера, оценивать его «мастерство», быть популярным в своем сообществе, учить других «секретам мастерства»; 5) в качестве методики быстрого достижения цели предлагаются основанные на бихевиоральном подходе манипулятивные техники (в том числе, НЛП), 6) отношения между мужчиной и женщиной полностью деромантизируются, а для оправдания этого, – проводится представление о женщине как о существе исключительно корыстном, прагматичном, лживом, которому романтика не нужна, а необходим лишь секс. От женщин пострадало множество мужчин, – часто повторяют пикаперы, – поэтому, по отношению к ним не следует быть щепетильными, необходимо «отомстить им за весь род мужской».

Пикап-литература достаточно многочисленна, разнородна по уровню, стилю, языку, степени выраженности мизогинии. Неприкрытое презрение и ненависть к женщинам можно найти в произведениях «пикаперской направленности» В.В. Юрчука [14, 15], написанных зло, иногда даже остроумно, пародийно-научнообразным языком. Автор, на основе анализа брачных объявлений, создает портрет женщины как настойчивой искательницы мужчины, способного удовлетворить ее утилитарные запросы и при этом готовой бессовестно обманывать и лгать. Естественно, что если женщины таковы, как описывает их автор, – то это полностью оправдывает чисто утилитарное отношение к ним, к чему он и призывает мужчин.

Иногда авторы пытаются придать своим произведениям форму художественного произведения, рассказа о жизненном пути, или научного обоснования своей системы ценностей с рассуждениями о психологических проблемах общения между полами, законах межличностного восприятия, отсылками к взглядам этологов, идеям НЛП и т.п.

Мизогинистские, потребительские «мотивы», реализуемые в пикапе, часто маскируются, прячутся за идеями самосовершенствования, становления, поисками себя. Так, например, пособие по соблазнению О. Луканова [7] состоит из советов-правил, которые дает автор, иллюстрируя их, эпизодами из своей практики. Это не просто указания к действию («голая техника»), но и призывы к личностному и «профессиональному» росту, к рефлексии и постановке целей: определить свои плюсы и минусы и работать над устранением отрицательных черт; улучшать себя; зарабатывать деньги; заняться спортом; стать интересным; не застревать на «игре», поскольку «соблазнение само по себе, без смежных социальных областей, неэффективно и губительно» (из пр. 4) и т.п.

Правила касаются и внешнего вида, и первого впечатления, самопрезентации, призывают включить мыслительные процессы и наблюдение, рассматривают различные тактические моменты. Присутствуют и будущие перспективы: «чем больше у тебя будет девушек, тем проще тебе будет с каждой последующей. В ней уже будут схожие черты кого-то из твоих бывших. Но иногда, в твоей жизни будут новые женщины, те, кто не похожи ни на кого из ранее встречающихся. Ты будешь развиваться как соблазнитель, общаясь и завоевывая именно их» (из пр. 76). Автор формулирует и конечную цель – достижение такого мастерства, когда можно перестать изображать из себя кого-то: «Самое главное, важное и захватывающее в соблазнении – игра на самом высоком уровне. Это – пик мастерства соблазнения, заключающийся в том, что не нужно более выделять конкретную девушку, не нужно пытаться ее завоевать. Мужчина, достигший этих высот, может просто быть собой, тем человеком, каким он является. Этого будет достаточно для того, чтобы заинтересовать в себе абсолютное большинство окружающих девушек. Тем, кто достиг этого уровня, хватает своего присутствия и естественного (уже) поведения» (из пр. 99).

Предупреждения О. Луканова касаются, возникающего у многих мужчин, «низменного желания расквитаться» с той девушкой, которую уже полностью контролируешь за причиненные тебе когда-то другими (в прошлом) психологические травмы. Кроме того, пикапер должен быть готов к негативным последствиям соблазнения – к ненависти со стороны соблазненных, поскольку он, сначала, вселяет надежду, а потом – оставляет девушку. Впрочем, если у пикапера и появляется постоянная партнерша, то автор не исключает возможности того, что «со временем появится желание обладать другими» (из пр. 90).

Приблизительно в этом же духе выдержана книга В.Форса [12]. Это – учебник по пикапу, разъясняющий терминологию и содержащий конкретные примеры того «как надо и не надо» себя вести и, одновременно, повесть с элементами эротики о нелегкой, но такой заманчивой жизни пикапера. Здесь есть и рассуждения-инсайты главного героя об отношениях между мужчинами и женщинами, и самореклама-пиар, и продвижение собственной методики, что, естественно, предполагает критику взглядов, ценностных ориентаций других известных отечественных пикаперов (так, о деятельности одного из них, как бы ненароком, говорится, что это: «торжество комплексов одного обиженного на женщин человека» [там же, с. 98]).

Главный герой проходит путь от человека, у которого не складываются отношения с женщинами – к статусу гуру пикапа, от простого «дилетанта-ремесленника» – к «профессионалу-артисту». Первоначальный дегуманизированный, чисто потребительский, «инструментальный» подход («охота на женщин», «женщина – цель») и определяющие поведение ценностные установки («отношения начинаются с секса», «добиться секса, во что бы то ни стало», «снижай значимость женщины»), якобы претерпевает эволюцию с ростом пикаперского мастерства главного героя, результатов его «мучительных» поисков и рефлексии. Целью все больше становится устранение страха внешней оценки, достижение состояния легкости, спонтанности, внутренней свободы, позволяющего выражать себя, «играть», не забывая, впрочем, и о заранее разработанных теоретиками и практиками пикапа сценариях, техниках и «фишках», основанных на НЛП. Все это, в конечном итоге, помогает герою эффективнее соблазнять женщин, чувствовать себя неотразимым, и обучать других людей, зарабатывая на обеспеченную жизнь. Функции сообщества пикаперов, о которых сообщает автор – взаимное обучение и обмен опытом, поддержка друг друга, повышение своего статуса за счет достижений на поприще соблазнения, конкуренция с другими и т.п. аналогичны, упомянутым в работе E.Clift.

Пикап не так однозначен и прост, как может показаться на первый взгляд, а приверженность ему многих молодых людей, сам факт существования данного феномена говорит о попытке найти подход к разрешению проблемы выстраивания взаимоотношений между полами в современной социокультурной ситуации. Пикап – это антитеза излишней, «непродуктивной» и опасной, с точки зрения его адептов, романтизации, идеализации отношений. Идеологи пикапа [10] ищут обоснования своих взглядов в других науках. Они заявляют об относительности норм, поскольку они навязаны культурой и обществом («понятия «хорошо», «плохо», «можно», «нельзя» и т.д. – всего лишь культурные особенности нашего общества» [там же, с. 30]). Подчеркивается несправедливость эти норм в отношении мужчин, гендерное неравенство: «мужчина должен из кожи лезть, а она будет выбирать, нравится ей его поведение или нет. Хотя она такой же человек, который в вопросах карьеры, например, будет яростно отстаивать равные с мужчинами права» [там же, с.31].

В качестве научного обоснования приводятся исследования, в которых утверждается биологизаторский, редуccionистский подход («в вопросах сексуального поведения мы, скорее животные, чем разумные люди» [там же, с. 36]), поскольку не знаем, почему влюбляемся именно в этого челове-

ка и т.п.). Такой подход позволяет описывать женщину как особь, которая руководствуется инстинктами и чувствами, а не логикой, а значит в достижении своих инстинктивных программ она (по природе своей) манипулятор, желающий заполучить мужчину, который сможет в дальнейшем содержать их совместное потомство. Утверждается (с небольшими оговорками), что женщины корыстны и беспринципны («готовы отдаться прямо здесь и сейчас, если им вдруг предоставят доступ к большому количеству ресурсов», «они ведутся на бабло»), поэтому, «привлекательность мужчины тем больше, чем больше у него денег, чем выше он в социальной пирамиде, чем лучше его физические характеристики: сила, красота, ухоженность» [там же, с. 41].

Таким образом, мужчинам ничего не остается делать, как вести себя в соответствии с женскими потребительскими установками, а именно: «1) проявить себя самцами с клёвыми генами; 2) показывать, что мы потенциально можем обеспечить доступ к большому количеству ресурсов; 3) ни в коем случае не разрушать надежду на потенциально долгосрочные отношения» [там же, с.40].

Впрочем, пикаперов в большей степени интересуют практические моменты, которые сводятся к трем главным навыкам: знакомиться, проводить свидание, соблазнять. Несмотря на банальности, иногда откровенный примитивизм и кочующие из руководства в руководство вербальные штампы – они пытаются выстроить алгоритмы поведения мужчины в разных ситуациях коммуникации с женщиной, а наборы фраз и рекомендуемых действий, по мнению пикаперов, помогают создавать и поддерживать, за неимением лучшего, пусть искаженное, манипулятивное, «фасадное», но... «целевое» общение. При этом специфические термины-сленг создают видимость четкой технологии («технологизации» коммуникации).

По сути, авторы пикап-тренингов эксплуатируют неумение мужчин общаться в особо значимой для них ситуации межличностного взаимодействия, в которой многим из них недостает социального интеллекта, коммуникативной компетентности и мешает, задает трудности слишком высокий уровень мотивации. Таким мужчиной женщина воспринимается как трудный, непонятный партнер по общению, взаимодействие с которым приводит к фрустрации. Пикаперы предлагают «копинг-стратегии», позволяющие справляться с неприятными переживаниями такого «безрезультатного» общения. Пикаперы сначала обвиняют в манипулятивности, корысти и потребительском отношении женщин, а затем сами учатся манипулировать, обесценивать и т.п. В психологии манипулятивное общение, отношение к другому как к объекту – традиционно рассматривается как неизбежно приводящее к затруднениям в общении, как вызывающее его трудности и т.п. [5]. В конечном итоге, сам пикапер для женщины, ориентированной на серьезное продолжение отношений, выступает, в качестве субъекта затрудненного общения, для которого характерно «обезличивание, разрушение и психологическое уничтожение партнера» [6; с. 451].

При рассмотрении данного явления необходим междисциплинарный подход, подход, предполагающий социально-психологическое, социологическое, психоаналитическое, в какой-то степени психопатологическое толкование. Так, одно из объяснений мужского поведения, направленного на соблазнение все большего количества женщин (объяснение, согласующееся с известными психоаналитическими представлениями) озвучивает врач-сексолог А.Полеев [9]. Он рассматривает особенности ранних отношений мать-ребенок в качестве факторов, создающих предпосылки для интимофобии – боязни получить психическую травму в результате отвержения при вовлечении в близкие эмоциональные отношения. Со временем, в качестве ее компенсации, у некоторых мужчин развивается психопатия (так называемый «сексоголизм»). В подобного рода объяснениях-интерпретациях присутствует идея восприятия мужчинами близких отношений с женщиной как опасных, разрушительных, несущих страдание.

В то же время то, что описывает А. Полеев, однозначно относится к патологии, крайнему, неблагоприятному исходу индивидуального развития, к тому, что Э. Гидденс [2] называет «пагубным пристрастием», характеризующимся вынужденным, компульсивным поведением. Автор утверждает, что, несмотря на свои многочисленные «победы», такой мужчина испытывает страх перед женщинами, они вызывают у него беспокойство. При этом: «женщины, которых желают с непреодолимой силой, превращаются в ничто сразу же после достижения связи» [там же, с. 61]. По мнению Э. Гидденса, само обольщение, в его традиционном понимании, уже давно ушло в прошлое. Женщины стали гораздо более доступны для мужчин («погоня за женщинами отражает это фундаментальное изменение» [там же, с. 62]), и, в то же время, стали «более равными им», что вызывает у мужчин раздражение. Автор утверждает, что зависимость от женщин у этого сорта мужчин столь высока, что контролирует их жизнь. («Женолюб является фигурой, которая «любит их и бросает их». Фактически же он

совершенно не способен «бросать их»: каждое новое покидание — это лишь прелюдия к еще одной встрече» [там же, с.64]).

Подводя итоги нашего краткого рассмотрения особенностей общения, отношения к женщинам, характерного для сообщества пикаперов, а также социокультурных, психологических, психоаналитических и др. объяснений подобного поведения, отметим, что, несмотря на очевидную преемственность идей западного пикапа отечественным, необходим более тщательный междисциплинарный анализ этого движения в России.

Возможно, по тем же, обозначенным в ранее упомянутом исследовании Е. Clift, линиям: 1) история проникновения и утверждения пикаперства на постсоветском пространстве, его специфические российские черты; 2) рассмотрение пикаперов как представителей молодежной субкультуры с ее специфической терминологией, ценностными ориентациями, потребностями, отношениями между членами; 3) пикап и особенности развития женского и мужского движения в нашей стране и современной сексуальной социализации молодежи, его влияние на «размывание» и замену наших традиционных ценностей, культурных традиций, норм.

В этой связи вполне обоснован вопрос, который задают И.С. Клецина и Е.В. Иоффе [3]): в какой степени идеология данного движения может способствовать укреплению гендерного неравенства, поскольку она находится в тренде утверждения доминантной маскулинности как социальной нормы. Кроме того, промискуитет (который характерен для пикапа): «становится мейнстримом сексуального поведения», как констатируют исследователи, рассматривающие неограниченное сексуальное поведение в качестве феномена современного общества [4; с. 130]. В целом, в идеологии пикаперства нетрудно заметить чисто потребительские и мизогинистские, женоненавистнические мотивы, о которых так много писали философы и историки (см. краткий обзор в [11]).

Однако выяснение того, в какой степени эти моменты сохраняются, усиливаются или ослабевают, модифицируются, маскируются, есть ли для них основания, чем эти процессы обуславливаются, то есть, для получения более полной картины, требуется детальное ознакомление с современной пикап литературой, теорией и практикой пикапа, содержанием пикап-тренингов, форумов, блогов, видеоуроков и т.п. Кроме того, на наш взгляд, интерес представляет анализ предлагаемых пикаперами «типовых» вербальных коммуникаций и поведенческих паттернов, «копинг-стратегий» с точки зрения психологии общения.

Библиографический список

1. Википедия Пикап (Соблазнение). URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004.
3. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами // Женщина в современном российском обществе. 2015, №1 (74).
4. Кониная М.А., Холмогорова А.Б. Феномен неограниченного сексуального поведения в историческом контексте разных типов сексуальной культуры // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 3.
5. Лабунская В.А. Затрудненное общение: понятие и причины / Психология общения. Энциклопедич. словарь / под общ. ред. А.А.Бодалева. М.: «Когито-Центр», 2015.
6. Лабунская В.А. Трудный партнер общения / Психология общения. Энциклопедич. словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. М.: «Когито-Центр», 2015.
7. Луканов О. «100 правил соблазнения». URL: http://соблазнение.com/постер/Олег_Луканов_100_правил_соблазнения_2008_PDF/.
8. Огурцов С., Горин С. Соблазнение. URL: <http://www.webcitation.org/686S5Hfjn>.
9. Полеев А.М. Сексуальная охота. Хищники и жертвы. СПб.: Питер, 2005.
10. Преступник №1. Грязный пикап. Преступления без наказания. URL: <http://thunderbreaker.livejournal.com/184473.html>.
11. Сериков Г.В. Мизогиния и ее проявления в современной молодежной субкультуре пикаперов / Актуальные проблемы современной гендерологии, М., Ставрополь, 2014.
12. Форс В. Исповедь профессионального соблазнителя. М.: Эксмо, 2010.
13. Ширин М., Романов С. Жизнь полная женщин: учебник по соблазнению. СПб.: Мир книг, 2013..
14. Юрчук В.В. Способы и приемы соблазнения женщин. Минск, Хэлтон, 2000.

15. Юрчук В.В. Способы и приемы соблазнения мужчин. Минск, Хэлтон, 2000.
16. Clift E. Picking Up and Acting Out: Politics of Masculinity in the Seduction Community. The University of Texas at Austin, 2007.
17. Holland J. A Brief History of Misogyny. The World's Oldest Prejudice. Robinson Publishing, 2006.

ВАРИАТИВНОСТЬ СТРАТЕГИЙ И ОБРАЗОВ САМОПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ФЕМИНИННЫХ И МАСКУЛИННЫХ ДЕВУШЕК

Шкуратова И.П., Касабова И.С.

Ключевые слова: самопредъявление, девушки, фемининность и маскулинность, сретении предъявления образов себя.

Каждый человек в процессе межличностного взаимодействия стоит перед необходимостью каким-то образом подавать себя партнерам по общению. Одни люди осуществляют для этого специальные действия (оформляют свою внешность, подбирают речевой стиль, прибегают к невербальным приемам воздействия), другие не задумываются над впечатлением, которое они производят, и ведут себя более естественно. Но и те, и другие используют стратегии самопредъявления и создают в глазах других людей определенные образы себя.

И. Гофман создал теорию социальной драматургии, в которой на модели театрального представления рассмотрел закономерности самопрезентации людей в межличностном общении [1]. По его мнению, общество организовано на принципе, что любой индивид, обладающий определенными социальными характеристиками, имеет моральное право ожидать от других соответствующего обхождения и оценки. С этим принципом связан и второй, а именно, что индивид, который скрыто или явно сигнализирует другим о наличии у него определенных социальных характеристик, обязан и в самом деле быть тем, кем он себя провозглашает.

Главным понятием в символическом интеракционизме является понятие роли, которое было введено Дж. Г. Мидом, но по-настоящему было раскрыто в работах И. Гофмана. Под социальной ролью И. Гофман понимал "все проявления деятельности данного участника в данном эпизоде, которые любым образом влияют на любых других участников взаимодействия" [1, с. 47]. Введение понятия роли дало новый язык для описания поведения человека в межличностном взаимодействии.

Всякий раз человек в межличностном взаимодействии выступает не сам по себе, а как исполнитель определенной роли, которой он должен соответствовать. Это заставляет его выстраивать свой образ применительно к исполняемой роли. Формирование впечатления о себе, связанное с выполнением роли, всегда основано на прототипическом образе ее исполнителя, т. е. представлении о ее наиболее правильном исполнении, которые существуют в данной культуре.

Для оценки характера исполнения роли человеком можно применять много критериев: степень соответствия исполнения роли предлагаемому общественному образцу; насыщение роли индивидуальными характеристиками; степень срастания с ролью (от чисто формального ее исполнения до рассмотрения этой роли как жизненного предназначения); богатство применяемых для исполнения роли средств (внешних атрибутов, привлечения к исполнению других людей и т. д.); корректировка исполнения роли в случае ее повторного исполнения (работа над ролью); вариативность исполнения роли (степень изменчивости создаваемого образа от ситуации к ситуации) [3].

В данной статье мы хотим остановиться на вариативности презентуемых образов. Эта характеристика проявляется в способности менять образы в разных ситуациях межличностного взаимодействия. Необходимость выглядеть и действовать по-разному связана, во-первых, с большим количеством ролей, которые исполняет человек, во-вторых, с изменчивостью ситуаций, в которых протекает его общение. В соответствии с этими двумя факторами можно условно выделить кросс-партнерскую вариативность самопрезентации, которая означает, что человек меняет стратегию своего поведения в зависимости от партнера, с которым он общается, и кросс-ситуативную вариативность, которая связана с изменением поведения в зависимости от требований ситуации [3].

Психологи по-разному оценивают склонность личности к вариативности своего поведения. М.Снайдер рассценивает ее как свидетельство стремления управлять впечатлением, производимым на окружающих, другие рассматривают ее как проявление социальной компетентности [5]. Существуют большие различия между людьми в способности менять свой имидж и манеру поведения.

Для иллюстрации различий в вариативности презентуемых образов обратимся к эмпирическим данным, полученным И.С. Касабовой в ходе выполнения диссертационного исследования осо-

бенностей самопредъявления фемининных и маскулинных девушек [2]. Для диагностики стратегий самопредъявления в этом исследовании применялась методика И.П. Шкуратовой "Стратегии самопредъявления". Выявление содержательных аспектов самопредъявления личности осуществлялось с помощью методики И.П. Шкуратовой "Самопредъявление в межличностном общении", основанной на технике репертуарных решеток Дж. Келли [4]. В ней испытуемым сначала предлагалось подобрать на указанные роли (любимый человек, мать, отец, подруга, друг, руководитель, коллега своего пола) реальных людей из их ближайшего окружения. Затем, пользуясь приведенным списком из 50 качеств, они должны были выбрать нужное качество и оценить, насколько они стремятся проявить его в общении с людьми из этого ролевого списка. Диагностика гендерной идентичности осуществлялась с помощью методики С.Бем.

Эмпирическим объектом исследования выступила выборка девушек, состоящая из 60 студенток вузов Ростова-на-Дону в возрасте от 19 до 23 лет (30 фемининных и 30 маскулинных девушек).

Результаты исследования

Методика "Стратегии самопредъявления" позволяет выявлять степень выраженности в общении пяти стратегий самопредъявления: стремление понравиться, самопродвижение, примерность, запугивание и демонстрация слабости. Сопоставительный анализ двух групп девушек по избираемым ими стратегиям самопредъявления обнаружил достоверные различия по критерию Манна-Уитни.

Фемининные девушки чаще маскулинных используют такие стратегии, как стремление понравиться и демонстрацию слабости. Это означает, что они любят предьявлять окружающим людям социально-одобряемые качества, угождать, соглашаться с ними, чтобы таким образом понравиться им. Демонстрация слабости рассчитана на ожидание помощи и моральной поддержки со стороны более сильных или доминирующих людей. Маскулинные девушки чаще используют стратегию запугивания, которая считается мужской стратегией, поскольку связана с демонстрацией силы и власти.

Кроме того, опросник выявил различия по двум дополнительным шкалам. По шкале отслеживания впечатления фемининные девушки получили достоверно более высокие значения, чем маскулинные девушки. Это говорит об их большей зависимости от мнения окружающих людей и стремлении осуществлять постоянный мониторинг производимого впечатления. По шкале вариативности поведения, наоборот, маскулинные девушки получили достоверно более высокие значения, чем фемининные. Это интерпретируется так, что они склонны предьявлять различные образы в разных ситуациях межличностного взаимодействия, т.е. в какой-то ситуации они могут быть более грубыми, в какой-то более женственными.

Анализ данных, полученных с помощью методики "Самопредъявление в межличностном общении" обнаружил, что самопредъявление девушек в адрес лиц из их ближайшего окружения существенно различается как по числу предьявляемых качеств, так и по их содержанию. Максимально большое число качеств предьявляется любимому человеку и матери, а минимальное - людям из деловой сферы. Это можно интерпретировать таким образом, что в общении с людьми, которым девушки хотят понравиться, они стремятся предьявить весь спектр своих позитивных качеств. В деловой сфере предьявление некоторых качеств (например, аттрактивных) является неуместным, поэтому они там скрываются.

В процессе обработки данных вычислялось число упоминаний качеств, относящихся к 7 категориям: деловые (ответственный, успешный, серьезный и т.п.), интеллектуальные (умный, способный), альтруистические (заботливый, дружелюбный, сочувствующий и т.п.), характеристики, указывающие на близость в отношениях респондента с другими людьми (любящий, доверчивый, ласковый и т.п.), социально одобряемые черты (аккуратный, воспитанный, вежливый и т.п.), аттрактивные характеристики (обаятельный, остроумный, привлекательный, модный) и социально неодобряемые качества (равнодушный, пассивный, слабый и т.п.).

Степень представленности каждой из категорий качеств в группах фемининных и маскулинных девушек определялась числом испытуемых, назвавших ту или иную характеристику. Как показал анализ данных, все девушки стремятся в общении с людьми из своего ближайшего окружения демонстрировать больше всего деловые, аттрактивные, альтруистические и качества близости в отношениях. Сравнение фемининных и маскулинных девушек по критерию Манна-Уитни выявило достоверные различия между ними по частоте самопредъявления деловых и аттрактивных качеств.

Маскулинные девушки чаще всего предьявляют маскулинные качества в общении с людьми: независимость, напористость, властность, склонность защищать свои взгляды, честолюбие, способность к лидерству, склонность к риску, самодостаточность. Фемининные девушки склонны демонстрировать чаще качества, соответствующие их социальному полу: скромность, нежность, предан-

ность, застенчивость, сострадание, умение сочувствовать, способность утешить, сердечность, мягкость, доверчивость.

Фемининные девушки в межличностном общении чаще стремятся предъявить свои аттрактивные качества (обаятельный, остроумный, оптимистичный, веселый) и качества близости в отношениях (откровенный, открытый, доверчивый, ласковый). Проявление деловых качеств менее выражено у данной группы девушек.

У маскулинных девушек доминирует предъявление деловых качеств (ответственный, успешный, сильный). Маскулинные девушки склонны предъявлять более многогранный образ, включающий как деловые характеристики, так и альтруистические, аттрактивные и характеристики близости отношений. Они больше изменяют предъявляемый образ в зависимости от характера отношений с партнером по общению.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить существенные различия в вариативности избираемых стратегий и предъявляемых качеств между фемининными и маскулинными девушками. Можно предположить, что маскулинные девушки, имея черты, делающие их похожими на мужчин, испытывают трудности в самовыражении в ситуациях межличностного взаимодействия.

Библиографический список

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
2. Касабова И.С. Гендерные особенности самопредъявления девушек-студенток в межличностном общении // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки. 2014. № 9 (94).
3. Шкуратова И.П. Самопредъявление личности в общении. Ростов н/Д: изд-во ЮФУ, 2009.
4. Шкуратова И.П. Диагностика самовыражения личности в общении с помощью техники репертуарных решеток. Ростов н/Д: изд-во ЮФУ, 2009.
5. Snyder M. Self-monitoring of expressive behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1974. V. 30.

ЛИЧНОСТЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ ПРОФЕССИЙ

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ ЛИЧНОСТИ РАБОТНИКОВ НА ПРИМЕРЕ ВРАЧЕЙ-РЕАНИМАТОЛОГОВ

Барышева Н.А., Павленко В.А.

Ключевые слова: профессиональные деформации, личность врача, эмоциональное выгорание.

Профессиональные деформации – это относительно устойчивые изменения личности, сформировавшиеся за долгие годы работы [3]. Они имеют разрушительный характер для самой организации, более всего этим феноменом подвержены индивиды, которым необходимо взаимодействовать с людьми. А именно, педагоги, психологи, социальная служба и медицинские работники [7]. Исследованием проблем профессиональной деформации в той или иной степени занимались российские и зарубежные ученые: В.В. Бойко, Р.М. Грановская, В.Е. Орел, Е.И. Рогов, А. К. Маркова, Э. Ф. Зеер, В.Н. Дружинин, С.П. Безносков, Н.И. Шаталова, С.А. Дружилов, Э.Э. Сыманюк, Б.А. Ясько, Ю.П. Поваренков [2, 3, 5, 6, 7, 8].

Актуальность данной работы состоит в том, что врач лечит не только конкретный человеческий орган или часть тела, но и он должен обладать развитой эмпатией, чтобы настроиться на своего пациента и создать полную картину болезни. При потере некоторых качеств, вследствие профессиональной деформации, работа врача может оказаться не просто неэффективной, но и опасной. Наличие симптомов у специалистов медицинской службы ставит под угрозу жизнь пациента и деятельность больницы как организации, а выявление феномена профессиональной деформации на ранних этапах, поможет предотвратить возможные ошибки в работе [2].

Базой для исследования выступила ГБУЗ «Краевая клиническая больница №1 им. профессора С.В. Очаповского». Предмет – основные проблемы профессиональных деформаций врача – реаниматолога. Выборку испытуемых составили 50 врачей – реаниматологов, из них 28 мужчин, 22 женщины, возраст респондентов от 24 до 65 лет, стаж сотрудников от полугода до 40 лет.

Выборка обусловлена тем, что именно врачи-реаниматологи работают в тесном взаимодействии с пациентом, находящимся в критическом состоянии, неся достаточно высокую ответственность за результат своей работы, что предъявляет высокие требования к самодисциплине. Им приходится много контактировать с работниками из других подразделений и с руководством, общение с которыми различается по своему эмоциональному и содержательному настрою и не всегда являются приятными, постоянно адаптироваться к новым людям, приспосабливаться к изменяющимся профессиональным условиям, что относится к производственным факторам формирования деформаций [4].

Для достижения цели исследования в работе были использованы следующие методики:

– опросник МВИ диагностики профессионального выгорания. Авторами данной методики (опросника) являются американские психологи К. Маслач и С. Джексон. Данный вариант адаптирован Н. Е. Водопьяновой. Степень выгорания оценивается также по отдельным компонентам: эмоциональному истощению, деперсонализации, редукции личных достижений.

– опросник эмоционального выгорания личности В. В. Бойко. Данная методика используется для определения степени эмоционального выгорания в профессиях «человек – человек». Уровень выгорания определяется по сумме баллов компонентов. Степень выгорания оценивается также отдельно по симптомам.

– опросник ценностей Шварца. Под ценностями Шалом Шварц подразумевал "познанные" потребности, непосредственно зависящие от культуры, среды, менталитета конкретного общества. Опросник был разработан Шварцем в 1992 году, состоит из двух частей. Мы использовали вторую часть опросника, который представляет собой профиль личности. Состоит из 40 описаний человека, характеризующих 10 типов ценностей.

Обработка данных проводилась с использованием пакета Stastica 13.0, differencebetween two means (normal distribution) (уровень статистической значимости $p \leq 0,05$) и correlation Pearson (уровень значимости $p < 0,05$).

В целом по выборке диагностирован средний уровень профессионального выгорания, то есть симптомы эмоционального истощения и деперсонализации проявлены, но их состояние не является критичным.

С целью более глубокого изучения различий в уровнях профессионального и эмоционального выгорания респонденты были разделены на подгруппы по критериям: пола и возраста. При изучении различий по критерию пола в группе значимых различий между мужчинами (28 чел.) и женщинами (22 чел.) по профессиональному и эмоциональному выгоранию выявлено не было.

При изучении различий по критерию возраста мы опирались на концепции развития профессионала Е.А. Климова и Б. Ливехуда, затронув следующие возрастные группы: адепт (24– 8 лет), адаптант (29–35 лет), интернал (36–40 лет), мастер (41–50 лет), авторитет-наставник (52–65 лет) [5]. Выделение данных возрастных групп обусловлено еще и тем фактом, что многие сотрудники, которые «рискуют» приобретением профессиональных деформаций, подвержены возрастным кризисам: профессионального самоопределения (22-25 лет); смысла жизни (30-35 лет); кризис среднего возраста (40-45 лет), когда происходит серьезная переоценка ценностей, смысла и жизни, себя самого [1].

В результате анализа данных по методике профессионального выгорания было выявлено, что симптомы эмоциональное истощение находятся на стадии формирования у адептов, адаптантов, интерналов, и мастеров, то есть практически по всей выборке, за исключением группы самой старшей возрастной группы.

Симптом деперсонализации формируется у возрастной группы до 40 лет (куда входят адепты, адаптанты и интерналы), причем уровень деперсонализации у интерналов выше, чем у категории мастеров (значимость различий $\leq 0,072$).

Симптом редукции профессиональных достижений по данным этой методики не проявился.

Исследование эмоционального выгорания показало следующую картину, низкие показатели были обнаружены по шкалам «неудовлетворенность собой» и «загнанность в клетку». Симптом редукции профессиональных обязанностей находится на стадии формирования у адаптантов, интерналов и мастеров, то есть у врачей средней и самой старшей возрастной группы. Необходимо отметить, что такие данные свидетельствуют о формировании эмоционального выгорания. Отметим, что у врачей 52–65 лет уровень редукции профессиональных достижений выше, чем у самых молодых сотрудников, значимость различий составляет $\leq 0,090$.

У группы адаптантов формируются симптомы эмоциональной отстраненности и деперсонализации, причем показатели «эмоциональной отстраненности» и общий уровень эмоционального выгорания у них выше, чем у самой группы врачей авторитетов-наставников, значимость различий $\leq 0,061$ и $\leq 0,054$ соответственно. У остальных опрошенных были выявлены низкие показатели.

Для проверки предположения о том, что возникающие профессиональные деформации могут быть связаны с возрастными периодами, был проведен корреляционный анализ. Однако корреляционные связи были обнаружены только с симптомом деперсонализации.

Исходя из полученных данных, показана отрицательная связь между возрастом и шкалой деперсонализации ($r = -0,41$, $p < 0,05$), то есть, чем младше сотрудник, тем выше уровень деперсонализации и наоборот. Действительно, анализируя результаты нашего исследования, можно отметить, что у адептов, адаптантов и интерналов (возрастной период 24-40 лет) уровень деперсонализации выше, чем у старших сотрудников.

Предположительно, полученные результаты исследования, можно объяснить тем, что молодые сотрудники проходят наиболее сложные этапы профессионального становления, так как именно в этот период они осваивают новые навыки, привыкают к правилам коллектива, обязанностям перед пациентами, что и может служить появлению у них профессиональных деформаций. Еще одной возможной причиной могут являться сами особенности трудового поста.

Еще одним направлением данного исследования являлось изучение изменений в ценностных предпочтениях с учетом возраста. Известно, что при переходе от одной стадии профессионального становления к другой возникает смена ценностей.

Для этого была использована вторая часть ценностного опросника Шварца, который представляет собой профиль личности. Рассмотрим те ценности, которые наиболее проявлены у группы респондентов, принявших участие в нашем исследовании.

Согласно полученным данным, у трех групп (от 36 до 56 лет), структура ценностей более четкая, дифференцированная, по сравнению с более молодыми, отмечены ведущие ценности и те, которые менее значимы. Что логично, так как у молодых сотрудников структура еще гибкая и находится в процессе становления. У молодых сотрудников до 35 лет структура ценностей более однородная, нет выделяющихся предпочтений.

Анализируя различия ценностных ориентаций, отметим следующие. У адептов ценность безопасности самая низкая как по всей выборке, так и по сравнению со всеми другими возрастными

группами. Можно отметить снижение уровня ценности достижений и повышение значимости ценности «безопасность» у адаптантов (29 – 35 лет).

Для интерналов (представителей среднего возраста) ценность безопасности резко увеличивается и является самой высокой по всей выборке, снижается значимость ценности конформизма и ценность достижений, в сравнении с предыдущей возрастной группой. У этой же группы сотрудников самая низкая ценность конформности.

Наиболее ценными для группы мастеров являются универсализм, самостоятельность и конформизм, и безопасность, причем в профиле группы она так же является самой высокой, однако по средним значениям несколько ниже по сравнению с предыдущей возрастной группой интерналов.

Для самой старшей группы сотрудников снижается значимость ценности безопасности и самостоятельности, значимость ценности конформизма, универсализма и достижений. Интересно, что у этой группы ценность самостоятельности ниже всех по средним значениям, а ценность достижений, находится на таком же уровне как и у адаптантов.

Отметим еще один интересный факт, что для интерналов и мастеров (условно представителей среднего возраста) самые низкие значения зафиксированы по ценности достижений, как в индивидуальных профилях, так и по сравнению с другими группами. А у самых молодых сотрудников – наоборот – достижения – самая важная ценность. Что может быть объяснено именно тем, что у врачей среднего возраста уже сформированы или находятся в стадии формирования синдрома профессионально и эмоционального выгорания.

В итоге, отметим следующие проблемы профессиональных деформаций, выявленные в результате исследования.

1. По всей выборке наблюдаются симптомы деперсонализации и эмоционального истощения, причем у самых молодых сотрудников до 40 лет уровень деперсонализации значимо выше, чем у более зрелых специалистов, что может проявляться в повышении зависимости или негативизма к другим, циничности по отношению к другим людям.

Отметим, что под симптомом деперсонализации понимают проявление искажений (изменений) в отношении с другими людьми (на всех уровнях и в любых сферах), повышение зависимости от других, повышение негативизма, циничности установок и чувств по отношению к другим, не исключая и пациентов. Можно предположить, что для врачей старших возрастных групп (41 - 65 лет) существует возможность проще осуществлять взаимодействие с пациентами и другими людьми, сквозь призму ценностей, характерных для их возраста. Возможно также их устойчивость к различного рода деформациям, можно объяснить существующей структурой ценностей.

2. В группе диагностировано раннее формирование синдромов профессионального и эмоционального выгорания: у всех респондентов, кроме самых молодых специалистов, отмечена общая эмоциональная усталость от работы. Более того, у группы адаптантов, отмечен уже сформированный синдром профессионального выгорания.

3. Врачи, активно занимающиеся своей профессиональной деятельностью в возрасте от 29 - 40 лет (стаж работы которых в профессии составляет от 9 до 16 лет), оказались более всего подвержены симптомам профессиональных деформаций.

4. Практически у всей исследуемой группы, кроме самых зрелых респондентов 52–65 лет, формируется эмоциональное истощение, проявляющееся в сниженном эмоциональном фоне, равнодушии или эмоциональном перенасыщении. Отсутствие сформированных синдромов эмоционального и профессионального выгорания у групп авторитетов и наставников предположительно объясняется наличием у них наработанных знаний, умений и опыта работы в общении с коллегами и пациентами, а также относительно спокойным периодом в личной и семейной жизни;

5. У всех респондентов, кроме самой молодой группы отмечен симптом редукции профессиональных обязанностей (находится на стадии формирования), то есть большая часть опрошенных врачей стремятся к сокращению обязанностей, связанных с эмоциональными затратами. Возможно, это связано с тем, что у самых молодых специалистов доминирует ценность достижения, то есть они стремятся достигать высоких результатов в работе и готовы к активному служебному диалогу.

6. У группы интерналов 36–40 лет получены самые высокие значения по ценности безопасности, (как в целом по возрастным подгруппам, так и в личном профиле).

Отметим, что на наш взгляд, одной из ведущих причин ранних профессиональных деформаций исследуемой группы врачей-реаниматологов данной организации могут являться повышенные рабочие нагрузки: зачастую врачи берут двойные смены для дополнительного заработка. Обязательные

суточные дежурства нарушают нормальную работу биологических ритмов, а отсутствие возможности полноценного восстановления из-за тяжелого графика усугубляет ситуацию.

Кроме того, благодаря анализу ценностей каждого этапа профессионального развития работника, получилось заметить отличительные особенности в ценностных ориентациях, а также увидеть, чем они различаются в разные жизненные периоды. Можно отметить, что в разных возрастных группах, а так же в зависимости от продолжительности работы в профессии, отмечаются различия и свои особенности в степени выраженности и наличии тех или иных симптомов профессиональной деформации. Что требует активного воздействия со стороны руководства через реализацию различных программ профилактики профессиональных деформаций с самого начала работы в организации.

Библиографический список

1. Дёмин А. Н. Справочник по психологии труда и психологии занятости. Краснодар: Просвещение-Юг, 2010. 130 с.
2. Дружилов С.А. Профессиональные деформации и деструкции: феноменология и подходы к изучению // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 12. С
3. Зеер Э.Ф. Психология профессиональных деструкций. М.: Академический проект, 2005.
4. Носкова О.Г. Психология труда / под ред. Е. А. Климова. М.: ИЦ «Академия», 2004.
5. Орёл В.Е. Синдром психического выгорания личности. М.: Институт психологии РАН, 2005.
6. Рогов Е.И. Классификация профессиональных деформаций в рамках концепции профессионализации личности. Ростов н/Д, 2015.
7. Сыманюк Э.Э. Психологические барьеры профессионального развития личности. М.: Академический проект, 2005.
8. Ясько Б.А. Профессиональный стресс: причины, диагностика, профилактика (Практикум). Краснодар: Просвещение-Юг, 2015.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТА ИЗМЕРЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Бордовская А.О.

Ключевые слова: профессиональная идентичность личности, личность банковского сотрудника, измерение идентичности

В профессиональной деятельности менеджеров по персоналу важную роль играет совокупность адекватных представлений о профессиональной деятельности и о месте работы, от руководства и трудового коллектива. Они являются важным условием планирования трудовой жизни и ее реализации. Эти представления формируются в становлении профессиональной идентичности специалиста.

Вследствие этого актуализируется проблема исследования управленческих технологий и организационных принципов, построенных на новом типе социального взаимодействия работников. Новые способы регулирования поведения людей, механизмы социализации, интеграции и стимулирования мотивации к эффективному труду требуют широкого использования таких факторов управления, как разделяемая сотрудниками миссия предприятия, ценности, нормы, которые связывают коллектив в единое целое.

При наличии большого количества исследований феномена идентичности в разнообразных сферах жизни профессионала, наиболее актуальным является статусная модель Джеймса Марсия. Он обратился к рассмотрению идентичности как гипотетической психологической структуры, которая проявляет себя феноменологически через эталоны решения индивидом проблем [0].

Дж. Марсия выделил четыре статуса идентичности – достигнутая идентичность, предрешенная, диффузная идентичность, мораторий. В качестве поведенческих индикаторов, дифференцирующих наличие или отсутствие идентичности, было выделено: принятие или непринятие обязательств (commitment), т.е. наличие или отсутствие приверженности лично значимым целям, ценностям и убеждениям; прохождения или непрохождения кризиса, исследования альтернатив, предшествующего выработке обязательств.

В настоящее время эта модель приобрела самостоятельное значение и развитие. Л.Б. Шнейдер расширила классификацию статусов профессиональной идентичности, разработанной Дж. Марсия, дополнив ее пятым статусом – гиперидентичность [0].

Гиперидентичность (или псевдоидентичность), с одной стороны, характеризуется как стабильное отрицание своей уникальности. А с другой ее амбициозное подчеркивание. Такое поведение про-

является в нежелании меняться на фоне общего положительного отношения к себе, болезненном неприятии критики в свой адрес, низкой рефлексией.

В некоторых случаях, Шнейдер трактует псевдоидентичность как гиперидентичность, возникающую вследствие тотального поглощения статусом, ролью, работой, другим объектом или субъектом, при высокоположительном оценивании собственных качеств и нарушений доверительных, гибких связей с социумом, стремлении достичь цели любыми средствами. Человек, с признаками гиперидентичности, в профессии может быть склонен к трудоголизму, к отрицанию значимости разностороннего саморазвития [0].

Статусы идентичности характеризуют, как человек осмысливает, принимает и осуществляет свой профессиональный выбор, насколько его ожидания соответствуют реальности, как он справляется с возникшими трудностями.

Профессиональная идентичность – неотъемлемая характеристика профессионала, которая свидетельствует о прогрессивном характере его развития в характерной для него деятельности. Статусы профессиональной идентичности не должны расцениваться только как положительные или отрицательные. Так как для сохранения постоянства личности лучше иметь, а для возможностей адаптации в условиях, требующих внутренних изменений, лучше не иметь устойчивой идентичности как чего-то однозначного, раз и навсегда закрепленного.

Эмпирическое исследование профессиональной идентичности было проведено в отделе по работе с персоналом коммерческого банка г.Краснодар. Выборку составили 25 человек – менеджеры и специалисты по персоналу. Для определения роли профессиональной идентичности применены следующие методики: «Тест на диагностику профессиональной идентичности» (Л.Б. Шнейдер) [0].

Банковская сфера ассоциируется с закрытой системой, с престижным имиджем и высокими требованиями к сотрудникам. В банках работают люди с высоким уровнем ответственности, которые ценят свое рабочее время, во многих вещах они щепетильны и готовы постоянно работать для будущего карьерного роста. Таким образом, теоретически, сотрудник банка осмысленно и самостоятельно выбрал свой профессиональный путь. Но по результатам диагностики лишь 8,0% респондентов (2 человека) достигли статуса достигнутой профессиональной идентичности.

Эти люди изначально хотели работать в банке. Вероятно, это связано с имиджем организации, статусом должности. В любом случае, важно то, что они серьезно подошли к выбору своей профессии и им важно сохранить свое рабочее место.

У 40,0% опрошенных (10 человек), отсутствует ясное представление идентичности с выбранной профессией. Следует отметить, что из них 32,0% сотрудников (8 человек) относятся к статусу мораторий, а 8,0% (2 человека) – к статусу диффузная профессиональная идентичность. Данные сотрудники могут переживать определенные негативные эмоции (пессимизм, тревогу, злость, апатию, тоску и т.п.). Возможно, это связано с тем, что люди не имеют ясной картины своего будущего профессионального роста. Ищут себя в новой сфере деятельности, воспринимая свою нынешнюю работу как перевалочный пункт. Но это не значит, что они постоянно находятся в пессимистичном настроении. Они усердно работают, участвуют в корпоративных праздниках, ведут себя дружелюбно с коллективом. Однако, если возникнет более интересное предложение работы, они могут без раздумий его принять.

Наличие статуса преждевременной идентичности подтвердили 20,0% сотрудников (5 человек). В жизни таких людей достаточно много. При проявлении чрезмерного опекуновства родители буквально настаивают на принятии своих ценностей и убеждений детьми. Позиция ребенка, в такой момент, редко учитывается. В дальнейшем, в более взрослом возрасте человек принимает собственные решения. Но они изначально совпадают с ожиданиями родителей. Человек не проходит этапа кризиса идентичности. Родители или другое авторитетное лицо позаботилось о том, чтобы ребенок выбрал ожидаемое направление своей деятельности. В профессиональной среде, такой сотрудник будет обладать необходимыми профессиональными и личностными качествами для выбранной профессии. В таком виде и проявляется статус преждевременной идентичности.

Признаками статуса гиперидентичности обладают 32,0% респондентов (8 человек). В сравнении с предыдущими статусами, гиперидентичность – биполярный феномен. С одной стороны, основными характеристиками выступают абсолютное отрицание своего потенциала, своих способностей, избегание возможностей проявить себя. С другой стороны, человек позиционирует себя как незаменимого профессионала, с безграничными амбициями. Такие профессионалы буквально «пойдут по головам», ради достижения своих целей. Они карьеристы, они могут быть не доброжелательны с трудовым коллективом, но в работе они не допустят каких-либо изъянов.

В целом, можно сделать следующий вывод – в результате проведенного исследования получено подтверждение о продуктивности использования методики измерения профессиональной идентичности для выявления целостной картины личности как профессионала. Мы отметим, что у сотрудников коммерческого банка более выражен статус идентичности – мораторий, который по своим основным характеристикам относится к кризисному состоянию профессионала.

В процессе психологического сопровождения профессиональной адаптации персонала важно уделять внимание таким сотрудникам и способствовать реализации их нужных идей. Их активность следует поощрять ответными действиями. Потому что общее взаимодействие активных работников и руководства в решении тех или иных проблем, во многом может повлиять на эффективность и успешность результата деятельности.

Библиографический список

1. Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессиональной идентичности // Сибирский психологический журнал. №24. 2006.
2. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность. М.: МОРСУ, 2001.
3. Ясько Б. А. Введение в организационную психологию. Краснодар, 2012.

ИССЛЕДОВАНИЕ «ОБРАЗА-Я» СУБЪЕКТА ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

Бордовский В.А.

Ключевые слова: образ-я, субъект, профессия, помогающая профессия.

Понятие «Я» широко используется во всех науках о человеке и обществе. И. Кон отмечал: «Я» – это интегральная целостность, «одноличность», «подлинность» индивида, на основании которой он отличает себя от внешнего мира и от остальных людей, формируя Я-концепцию – совокупность установок, направленных на самого себя [0, 0]. Я-концепция способствует достижению внутренней согласованности личности, определяет интерпретацию опыта и является источником ожиданий, целевых устремлений личности. Развитие Я-концепции непосредственно связано со стремлением личности к самореализации, что составляет смысл жизни человека [0]. Согласно В. Франклу, полноценность человеческой жизни определяется не просто самореализацией, а расширением своих изначальных возможностей, способностью «выходить за рамки самого себя». Возраст зрелой личности характеризуется стремлением к обретению *смысла*. Смысл жизни как доминирующий фактор определяет направление развития личности, способы реагирования на происходящие события; он представляет собой способ отношения человека к миру, в частности, – к профессии. В психологических исследованиях многих авторов показано, что реальностью являются ситуации, когда смысл жизни и смысл профессиональной деятельности находятся в частичном или полном несоответствии друг другу. Это ведет к перманентности внутреннего конфликта, ощущению нереализованности, к чувству неудовлетворенности прожитым этапом жизни и бесперспективности предстоящих её этапов [0, 0, 0, 0 и др.]. Н.С. Пряжников определяет сущность профессионального самоопределения как поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также нахождение смысла в самом процессе самоопределения [0].

Актуальное состояние социальной сферы является одним из ключевых маркеров развития общества в целом. В последнее время медицина, общее и профессиональное образование, социальная работа с населением получили импульс для достижения качественно новых показателей деятельности.

Отмечая расширение источников финансирования, кардинальную смену векторов их направления, повышенное внимание к процессам модернизации технологий оказания помощи населению, интенсификации труда работников данных сфер, мы, тем не менее, не можем не видеть, насколько слабо еще разработаны научно обоснованные подходы к подготовке кадров для профессий помогающего типа (врачи, медицинские сестры, социальные работники). Имеются данные о высоких рисках развития эмоционального выгорания у медицинских работников, педагогов [0, 0 и др.], однако лишь в отдельных работах рассматриваются ценностно-смысловая, мотивационная сферы личности как основа ее профессиональной самореализации и адаптации в данных видах труда [напр.: 0, 0, 0, 0, 0]. Несмотря на разнообразие представленных публикаций, мы отмечаем, что остается вне поля исследовательского внимания интегральное качество личности, обуславливающее мотивационную включенность субъекта в помогающую профессиональную деятельность. На наш взгляд таким качеством является личностное образование, которое можно обозначить как «*Значимый для другого*». Вопрос о том, ка-

кими состояниями души, ценностями, мотивами обуславливается стремление человека быть профессионалом в сфере помогающей деятельности, составляет суть проблемы, определенной нами в качестве предмета исследования.

Исследование проводилось в группах медицинских сестер, врачей и социальных работников. Общая численность выборки составила 187 человек (56 мужчин и 131 женщина). Для исследования «Образа-Я» субъекта помогающих профессий нами были использованы: методика «Тест смысложизненных ориентации» [0], «Краткая шкала измерения самоактуализации» [0], опросник «Социально-коммуникативной компетентности» (СКК) [0], опросник Н. Холла «Эмоциональный интеллект» [0], опросник Е.В. Харитоновой и Б.А. Ясько «Профессиональная востребованность личности» [0], методика на выявление уровня перфекционизма П. Хьюитта и Г. Фетта [0].

На данном этапе исследования удалось выделить личностное образование «*Значимый для другого*» в структуре профессионального образа Я субъекта помогающих профессий [0]. Его основу составляют ценностно-мотивационное ядро, которое имеет инвариантные и специфические проявления. К инвариантным компонентам личностного образования «*Значимый для другого*» можно отнести: субъективное ощущение личной значимости как в жизни в целом, так и в профессии; оценивание себя самоактуализирующейся личностью, выраженная личностная устойчивость, толерантность в ситуациях неопределенности. Стремление к самоактуализации находится в тесной положительной связи с переживанием субъектом помогающей профессии онтологической значимости жизни.

Специфические психологические составляющие образа «*Значимый для другого*» обуславливаются предметной сферой профессиональной деятельности, а также гендерным своеобразием процесса самореализации. Для врачей специфика выражена в достижении наиболее высоких показателей самоактуализации; в отрицательном взаимовлиянии высокой значимости для личности пройденного отрезка жизни и представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, с одной стороны, и высоко выраженных тенденций самоактуализации – с другой.

Врачи и социальные работники демонстрируют более выраженную, чем медицинские сестры, толерантность к неопределенности.

Специфическими компонентами мотивационно-ценностного компонента образа Я «*Значимый для другого*» у социальных работников являются взаимосвязи смысложизненных ориентаций с высоким уровнем самоактуализации, толерантностью к неопределенности.

У медицинских сестер повышенная тревожность в ситуациях неопределенности, стремление к самоактуализации непосредственно взаимосвязаны с целевой насыщенностью смысложизненных ориентаций (шкала «Цели» в структуре СЖО).

Гендерная специфика исследуемого психологического образования у лиц, посвятивших свою профессиональную жизнь оказанию помощи другим людям, состоит в достоверно более выраженной толерантности к неопределенности у представителей мужского пола по сравнению с женщинами.

Обобщение совокупности полученных результатов проведенного анализа дает основание для конкретизации некоторых траекторий дальнейшего поиска в пространстве обозначенной проблемы. Исследуя психологическое наполнение личностного образования «*Значимый для другого*» как компонента образа Я субъекта помогающих профессий, имеет смысл рассмотреть системное взаимодействие инвариантных и специфических психологических качеств не только на уровне мотивационно-ценностного «ядра» личности, но и социально обусловленных образований. Здесь, несомненно, информативными являются показатели самооценки профессиональной востребованности личности, уровня перфекционизма, способностей, образующих эмоциональный интеллект. Такой подход может быть основанием для формулирования понятия «*Значимый для другого*» и определения его роли в профессиональной и личностной самореализации субъекта помогающих профессий.

Библиографический список

1. Бедерханова В.П. Становление личностно ориентированной позиции педагога. Краснодар, 2001.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.
3. Бордовский, В.А. Ценностно-мотивационные основы образа Я субъекта помогающих профессий // Российский научный журнал. Рязань. № 1 (39). 2014.
4. Водопьянова Н.Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания: методология, теория, практика. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011.

5. Грачева И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Фетта // Психологический журнал. Т. 27, № 6. 2006.
6. Даринская Л.А. Гуманитарные основания развития творческого потенциала учителя. Дисс. ... докт. пед. н., СПб, 2006.
7. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Компетентностный подход к модернизации проф. образов. // Высшее образование в России. 2005. № 4.
8. Кардовская Е.К. Развитие профессионального самосознания студентов в процессе учебной и производственной практик: дис. ... канд. психод. наук. Краснодар, 2011.
9. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: Учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2004.
10. Кон И.С. Категория «Я» в психологии / Психологический журнал, Т. 2, № 3, 1981.
11. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности // Психологический журнал, № 1. М., 2010.
12. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО), 2-е изд. М.: Смысл, 2000.
13. Митина Л.М. Психология профессиональной деятельности учителя: теория, эксперимент, практика // Российский научный журнал, № 2, 2010.
14. Плешакова О.В. Теоретические аспекты психологической готовности к профессиональной деятельности социальных работников // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. № 6. 2006.
15. Пряжников Н.С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения: Учебно-методическое пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003.
16. Фетискин, Н.П., Козлов, В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., Изд-во Института Психотерапии, 2002.
17. Франкл В. Десять тезисов о личности. // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. № 2. 2005.
18. Харитоновна Е.В., Ясько Б.А. Опросник «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ): методическое руководство. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009.
19. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1998.
20. Ясько Б.А. «Личность деятельность профессиональная среда» и метасистемный подход. // Социальная психология труда: теория и практика / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2010.
21. Holland J.L. A theory-ridden, computer less, impersonal, vocational guidance system // Journal of Vocational Behavior. N 1. 1971.
22. Super D.E. The psychology of careers. N.Y. 1957.

КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ МАГИСТРАТУРЫ, ОБУЧАЮЩИХСЯ НА НАПРАВЛЕНИИ ПСИХОЛОГИЯ

Босенко М.В.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, когнитивный компонент самосознания студентов, осознание себя как профессионала, осознание себя как исследователя, осознание себя как преподавателя.

В условиях современной трехуровневой системы высшего профессионального образования: бакалавриат, магистратура, аспирантура, появляется возможность осуществить более углубленную профессиональную подготовку специалистов, в том числе к научно-исследовательской деятельности. Важной задачей профессиональной подготовки, по мнению многих авторов, является содействие развитию профессионального самосознания студентов.

Спецификой многоуровневого образования является то, что увеличивается число студентов, обучающихся в магистратуре, получивших первое высшее образование в другой области: юристы, экономисты, менеджеры, банковские работники, медики, преподаватели и т.п. Таким образом, возникает проблема многократного профессионального выбора, в процесс профессионального обучения включаются люди разной базовой профессиональной подготовки и разных возрастов. Кроме того,

будущие специалисты должны во время учебы не только приобрести теоретические знания и практические умения и навыки, но и сформировать представление о себе как профессионале, выработать свою профессиональную позицию.

Поэтому все чаще особое внимание ученых привлекает проблема развития профессионального самосознания, становления позиции личности будущего профессионала, изменения личностных ориентиров бытия студентов (О.А. Елдышова, М.В. Исаков, Н.И. Кобзева, А.М. Ковалева, Н.Л. Нагибина, С.Д. Некрасов, Ф.В. Мальчинский и др.).

Исследование профессионального самосознания у студентов магистратуры направления Психология имеет особую актуальность еще и потому, что сама личность психолога является основным инструментом его работы. Многие современные отечественные ученые признают, что важной характеристикой профессионального самосознания студентов-психологов является его практическая направленность (О.С. Андреева, Е.Л. Доценко, Е.Г. Ефремов, А.Н. Иноземцева, С.В. Левшин, В.М. Просекова, Д.Е. Романова, Е.Е. Сапогова, Т.С. Шевцова и др.).

В современной научной психологической литературе профессиональное самосознание субъекта рассматривается как часть общего самосознания личности. Поэтому для описания понятия и содержания профессионального самосознания психологи используют специфику структуры и содержания самосознания. Отечественные психологи под самосознанием личности понимают динамическую систему представлений человека о самом себе, осознание им своих физических, интеллектуальных и других качеств, самооценку этих качеств, а также субъективное восприятие влияющих на данную личность внешних факторов (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, В.А. Петровский, С.Л. Рубинштейн, В.В. Столин и др.).

В структуре самосознания ученые выделяют такие компоненты, как: способность к рефлексии, самоуважению и готовность к самоизменению (К.Роджерс), способность к самопознанию (Р. Кочюнас), адекватную самооценку (В.П. Захаров, Н.Ю. Хрящева), позитивную Я-концепцию, самоценность (И.В. Дубровина), ценность рефлексии и саморазвития (И.П. Краснощеченко) и т.п.

Т.Л. Миронова, Б.Д. Парыгин трактуют термин "профессиональное самосознание" как осмысление "Я" профессионала, осознание человеком своей принадлежности к профессиональной группе.

Чаще всего профессиональное самосознание в науке рассматривается в рамках психологии профессии (Е.А. Климов, А.К. Маркова и др.), или с точки зрения проблемы развития личности (М.Р. Битянова, Л.М. Митина и др.).

С точки зрения психологии личности, ее развития, профессиональное самосознание изучается как совокупность когнитивных, эмоциональных, ценностных и поведенческих (регулятивных) качеств личности. Исследуя профессиональное самосознание студентов, Л.М. Митина показала, что осознание целей своей учебно-профессиональной деятельности способствует созданию целостного образа "Я" будущего профессионала. По ее мнению, образ "Я" имеет преимущественно когнитивный характер и является ведущим в структуре профессионального самосознания. Когнитивный компонент профессионального самосознания студентов рассматривается как совокупность знаний о своей профессиональной деятельности, представлений о себе в данной деятельности.

В научной психологической литературе практически не затрагивается вопрос о структуре и развитии профессионального самосознания студентов магистратуры.

Для восполнения этого пробела мы в рамках нашего научного интереса провели исследование структуры профессионального самосознания студентов магистратуры направления Психология КубГУ. В данной статье опишем некоторые результаты исследования когнитивного компонента профессионального самосознания студентов магистратуры.

В исследовании приняли участие 106 магистрантов факультета управления и психологии КубГУ, очной и заочной формы обучения на направлении Психология. В их числе 70 женщин и 36 мужчин в возрасте от 22 до 44 лет; 58 человек обучается на очной форме, а 48 человек - на заочной.

Для изучения когнитивного компонента профессионального самосознания магистрантов мы на первом этапе анализировали результаты самооценки профессиональных способностей магистрантов. По десятибалльной шкале они оценивали способности себя как преподавателя, как психолога и как исследователя.

Результаты самооценки показали преобладание в группе испытуемых образа "Я как психолог" (49,3% выделенных характеристик). На втором месте самооценка "Я как исследователь" (44,7%), на третьем месте самооценка "Я как преподаватель". (31,3% выделенных характеристик). Хотя статистически значимых различий между самооценками не обнаружено, но можно предположить, что у студентов магистратуры направления Психология существуют личностные особенности, предподре-

деляющие избирательную склонность к практической и исследовательской психологической деятельности. Это предположение мы проверим в последующих исследованиях.

С целью анализа, насколько студенты магистратуры идентифицируют себя с будущей профессиональной деятельностью, осознают свой профессиональный образ-Я предлагалось дать 20 ответов на один вопрос "Кто Я?" по методике М.Куна.

В качестве смысловых единиц анализа профессионального самосознания выделены три основные категории: "Получение новых знаний", "Обретение профессиональных способностей", "Научные амбиции". И Статистический анализ с применением Q-критерия Кохрена показал значимые ($p < 0,02$) различия процентов респондентов в каждой паре категорий: "Получение новых знаний" (36,78%), "Обретение профессиональных способностей" (25,29%), "Научные амбиции" (20,69%).

Категорию "Получение новых знаний" составили высказывания "получить второе высшее образование", "интерес к психологии", "желание личностного роста, получение новых знаний" и т.п.

К категории "Обретение профессиональных способностей" вошли высказывания "желание получить психологическое образование", "повышение квалификации", "желание получить профессию", "дальнейшее трудоустройство, связанной с психологией" и т.п.

К категории "Научные амбиции" отнесены характеристики "желание заниматься научной деятельностью", "возможность написания и защиты диссертационной работы" и т.п.

Можно сделать вывод, что респонденты считают обучение в магистратуре необходимым для "личностного роста", "познания себя". Основной задачей обучения считают получение новых "глубоких и прочных" знаний. Хотя магистранты уже имеют высшее образование, но у них нет четкого представления профессионального будущего, поэтому обучение в магистратуре они воспринимают как возможность "получить новую профессию", "возможность трудоустройства", "повышение квалификации" и "открытия нового дела". То есть обретение профессиональных компетенций пока не является для студентов магистратуры первоочередной задачей.

Дальнейший контент-анализ ответов на вопрос "Кто Я?" выявил наибольшую представленность в самосознании профессионального образа-Я магистрантов характеристик, отражающих уровень их профессиональной идентичности (81% ответов). Совокупность ответов включала понятия, связанные с реальной профессией, местом работы и отношением к ней: "психолог", "социальный педагог", "преподаватель", "бизнес-тренер", "специалист, профессионал", "труженик", "предприниматель", "юрист" и т.п. Таким образом, магистранты идентифицируют свою принадлежность к профессиональной группе. Это объясняется тем, что важными мотивами поступления в магистратуру по направлению Психология являются мотивы "желание получить психологическое образование", "повышение квалификации", "желание получить профессию", "дальнейшее трудоустройство, связанной с психологией" и т.п.

К характеристикам, определяющим принадлежность к учебной деятельности относится 64% ответов. К данной категории мы отнесли высказывания магистрантов: "студент", "человек, умеющий учиться", "рада учиться всему новому" и т.п.

Интересно, что 36% магистрантов, не указали статус "студент" и т.п. Это неожиданно для нас, так как, фактически находясь в учебной ситуации, эти испытуемые не осознают свою принадлежность к ней. Отсутствие характеристики себя как студента, может быть свидетельством незначимости данного статуса для этих магистрантов. Хотя, возможно, что процесс обучения для них связан с самообразованием и принимается как само собой разумеющееся.

Представления о себе, как субъекте профессионального будущего встречаются только в 15,1% ответов. В содержании этих характеристик преобладает учебно-профессиональная сфера ("будущий магистр", "будущий психолог", "будущий кандидат наук", "надежда российской и мировой психологии", "будущий высококлассный специалист", "будущий преподаватель" и т.п.). То есть у 85% студентов магистратуры в структуру самосознания не включены представления о себе как субъекте будущей профессиональной деятельности.

Пятая часть студентов магистратуры связывает обучение с решением задачи "заниматься научной деятельностью". Основными характеристиками, определяющими принадлежность к этой группе являются "желание помогать людям", "я с детства желал стать психологом", "сдал вступительный экзамен", "реализовать свои интересы" и т.п. Такая формулировка, на наш взгляд, говорит о неструктурированном отношении к профессии психолога у данной группы респондентов.

Таким образом, анализ полученных результатов позволил выявить особенности когнитивного компонента профессионального самосознания студентов магистратуры направления Психология.

Этот компонент, главным образом, представлен характеристиками, отражающими уровень профессиональной и учебной идентичности.

Профессиональное самосознание студента магистратуры направления "Психология" – это сложный развивающийся элемент самосознания, имеющий специфические компоненты. Основным компонентом его структуры является когнитивный ("осознание себя как профессионала", "осознание себя как исследователя", "осознание себя как преподавателя").

Наше исследование продолжается в направлении выявления особенностей и специфики развития других компонентов в процессе профессиональной подготовки студентов магистратуры: эмоционально-ценностного (самоотношение, самооценка, ценностные ориентиры), регулятивного (цели, саморегуляция), а также выявления личностных особенностей, предопределяющих избирательную склонность к практической и исследовательской психологической деятельности.

Библиографический список

1. Барсукова А.Д. Особенности формирования профессионального самосознания студенчества. М.: Издательство АСВ. 2009. 168 с.
2. Босенко М.В. Теоретические подходы к исследованию профессионального самосознания студентов направления "Психология" // Социально-психологические проблемы становления личности в современных условиях. Махачкала, 2016.
4. Некрасов С.Д. Особенности профессионального самосознания студентов первого курса направления "Психология" // Личностная идентичность: вызовы современности. Майкоп. 2014.
5. Швецова В.А. Особенности профессионального самосознания современных студентов // Социология и психология. № 6. 2012.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА КАДРОВОГО ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО: АНАЛИЗ ДАННЫХ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Вызулина К.С.

Ключевые слова: личностный потенциал, военнослужащий, адаптация.

Развитие личностного потенциала кадрового военнослужащего вызвано потребностью современного общества в специалистах и профессионалах высокого класса, обладающих личностной зрелостью и жизнестойкостью в повседневной и профессиональной деятельности.

Понятие личностный потенциал является сравнительно новым в науке. Данный феномен рассматривают такие ученые, как А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, И.В. Байер, И.Н. Дроздов, О.Н. Зубова, В.Н. Маркин, Е.В. Дьячкова, Е.П. Ходаева и др. Общим для всех является утверждение, что личностный потенциал выступает основной составляющей личности, основным вектором направления ее развития, ее стержнем [1, 2]. Причем потенциал личности является скрытой возможностью, формирующийся при определенных обстоятельствах.

Д.А. Леонтьев отмечает, что личностный потенциал является «интегральной характеристикой уровня личностной зрелости, который отражает меру преодоления личностью заданных обстоятельств» [3; с. 7]. При этом личностный потенциал представляет собой устойчивую совокупность личных свойств, накопленных человеком в процессе жизнедеятельности и обуславливающих его способность (возможность) к оптимальному осуществлению деятельности [4]. Основными отличительными чертами субъекта, имеющего высокий уровень развития личностного потенциала, можно считать: самореализованность в социальной действительности; жизнестойкость в повседневной жизни; открытость профессиональным переменам; высокий уровень личностной зрелости. Некоторые авторы предлагают выделить в структуре личностного потенциала адаптивный потенциал и уровень личностного развития [5; с. 140].

Личностный потенциал обеспечивает разностороннее развитие личности на протяжении всей жизни. Необходимость формирования личностного потенциала кадрового военнослужащего очевидна. Офицеры с высоким личностным потенциалом могут активно и более результативно распоряжаться своей жизнью, использовать и развивать профессиональные способности, что в целом способствует повышению качества офицерского состава как одной из основных составляющих боевой готовности частей и подразделений.

Цель проведенного эмпирического исследования состояла в выявлении психологических маркеров личностного потенциала кадровых военнослужащих. В качестве маркеров такого мы рас-

смаатриваем личностно-адаптационный потенциал и смысложизненные ценности. Проверялась гипотеза: развитый личностный потенциал в виде сформированных смысложизненных ориентаций и личностно-адаптационных ресурсов обеспечивает высокий уровень социальной адаптации.

Выборка испытуемых составила 145 человек. Среди них: курсанты выпускного курса военного вуза (56 чел.; подгруппа n_1 ; средний возраст 21,5 лет); молодые офицеры низших чинов – командиры взводов (48 чел.; подгруппа n_2 ; средний возраст 27,6 лет); преподаватели военного вуза, офицеры высших чинов и запаса (41 чел.; подгруппа n_3 ; средний возраст 51,9 лет).

Использованы методики: опросник «Оценка уровня социально-психологической адаптации» (К. Роджерс, Р. Даймонд); многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин); тест «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев).

Анализ полученных данных проведен с применением методов параметрической статистики (расчет средней арифметической, дисперсии, t -критерия).

Результаты и их обсуждение.

Обследование, проведенное на первом этапе, показало, что общий показатель социальной адаптации кадровых военнослужащих соответствует среднему уровню ($M = 15,0 \pm 10,47$). У молодых офицеров социальная адаптация находится в диапазоне выше среднего уровня ($M = 19,4 \pm 10,26$), у курсантов – среднего ($M = 16,3 \pm 10,06$); у офицеров зрелого возраста низкий уровень ($M = 9,2 \pm 8,85$).

Молодые офицеры гораздо успешнее приспосабливаются к условиям социальной среды, чем зрелые офицеры, что выражается социально-психологической гибкостью при изменении ситуации (при $t = 3,64$; $p < 0,001$). Курсанты-выпускники находятся на этапе перехода от учебно-профессиональной деятельности к непосредственно профессиональной. Данный этап жизни сопровождается осмыслением будущих перспектив, что, очевидно, влияет негативно на состояние социальной адаптации личности. Поэтому у 37,5% курсантов (21 чел.) низкий уровень адаптации. У офицеров высших чинов, по сравнению с курсантами, слабо выражено желание изменять сложившиеся привычки и формировать новые навыки (при $t = 5,07$; $p < 0,001$). Они продолжают жить так, как жили раньше, несмотря на то, что жизнь переменилась и довольно существенно. Поэтому только у шести человек (14,6%) обнаружен высокий уровень.

Далее совокупная выборка разделена на три группы по выраженности уровней социальной адаптации. Самая многочисленная подгруппа имеет низкий уровень адаптации, в нее входит 61 человек. Группа со средним и высоким показателем адаптации имеет равное количество людей – по 42 человека

Для проверки рабочей гипотезы остановимся на анализе личностного потенциала кадровых военных, показавших высокий уровень социальной адаптации. В эту группу вошли: 16 курсантов (28,6%); 20 молодых офицеров (41,7%) и 6 старших офицеров (14,6%).

Были взяты два маркера, имеющих отношение к личностному потенциалу: личностно-адаптационный потенциал (ЛАП) и смысложизненные ориентации (СЖО).

Общий уровень ЛАП кадровых военнослужащих высокий ($M = 24,0 \pm 8,02$), что свидетельствует о достаточно быстром приспособлении к новым условиям деятельности, адекватной ориентации в сложных ситуациях, а также своевременной выработке стратегии своего поведения. Также высокий уровень адаптации выражен у курсантов и молодых офицеров. Средний уровень был выявлен у офицеров высшего чина и офицеров запаса.

В сравнении подгрупп $n_1 \leftrightarrow n_3$ выявлено, что курсантам легче адаптироваться к новым условиям деятельности, чем зрелым офицерам ($p < 0,001$, при $t = 3,93$). Аналогичный результат в сравнении подгрупп $n_2 \leftrightarrow n_3$: молодые офицеры быстрее ориентируются в разных ситуациях, им проще вырабатывать стратегию своего поведения, чем офицерам высших чинов (при $p < 0,01$, при $t = 3,70$).

Таким образом, можно констатировать, что адаптационный потенциал кадровых военнослужащих имеет высокий уровень, однако с возрастом психологическая гибкость становится менее выраженной, субъект труднее вырабатывает новые формы адаптивного поведения, что в итоге отражено значительно меньшей долей офицеров, имеющих высокие показатели по шкале ЛАП в группе n_3 (14,6% от выборки, против 26,8% в группе n_1 и 41,7% в группе n_2). Отмечаем также, что максимальной выраженности высокий уровень ЛАП достигается в возрасте личностной и профессиональной зрелости, то есть у молодых офицеров низших чинов – командиров взводов (41,7%). В среде курсантов только четвертая часть группы обнаруживает высокую психологическую гибкость и сформированность адаптационного потенциала.

На следующем шаге исследования проведен анализ смысложизненных ориентаций кадровых военнослужащих. Общий уровень осмысленности жизни («ОЖ») военнослужащих высокий ($M =$

132,0±8,28). Результаты по шкале «Цели» свидетельствуют о наличии у респондентов сформулированных жизненных планов ($M = 41,0 \pm 2,32$). Курсанты и офицеры удовлетворены процессом жизни, считают себя эмоционально вовлеченными, и жизнь оценивают, как эмоционально насыщенную (шкала «Процесс»: $M = 38,7 \pm 3,47$). Результативность жизни они также воспринимают высоко (шкала «Результат»: $M = 33,3 \pm 2,29$). Высокие баллы по шкалам «Я – хозяин своей жизни» ($M = 27,1 \pm 1,53$) и «Локус контроля – жизнь» ($M = 39,8 \pm 3,22$) дают представление о курсантах и офицерах как о сильных личностях, которые обладают свободой выбора и возможностями построить свою жизнь в соответствии со своим собственным пониманием ее смысла. Они убеждены, что им дано контролировать свои действия, принимать решения и воплощать их в жизнь

В подгруппах n_1 , n_2 , n_3 среднегрупповые значения по шкалам смысложизненных ценностей соответствуют высокому уровню.

«Профили» смысложизненных ориентаций в подгруппах военнослужащих достоверно различаются. Так курсанты и молодые офицеры, в отличие от зрелых офицеров, убеждены, что у них есть все возможности, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями ($n_1 \leftrightarrow n_3$ $p < 0,01$ при $t = 3,36$; $n_2 \leftrightarrow n_3$ $p < 0,01$ при $t = 3,28$). Молодые офицеры по сравнению со старшими офицерами считают свою жизнь более насыщенной и продуктивной ($p < 0,05$ при $t = 2,26$). Они стараются выстраивать свою жизнь в соответствии со сложившимися целями и ценностями.

Корреляционный анализ в целом по группе военнослужащих показал наличие положительной связи между социальной адаптацией и адаптационным потенциалом ($r = -0,367$; $p < 0,05$). То есть один из маркеров личностного потенциала обеспечивает высокий уровень социальной адаптации.

Корреляционный анализ в подгруппах не выявил наличие достоверных связей между социальной адаптацией, адаптационным потенциалом и смысложизненными ориентациями. При анализе высоких показателей смысложизненных ценностей в подгруппах военнослужащих показано, что в независимости от возраста для них характерно наличие целей (шкала «Цели» $n_1 - M = 41,0 \pm 3,48$; $n_2 - M = 41,3 \pm 1,13$; $n_3 - M = 40,3 \pm 1,37$) и убеждение, что они полностью контролируют свою жизнь (шкала «ЛК-Ж» $n_1 - M = 39,9 \pm 4,26$; $n_2 - M = 40,4 \pm 1,73$; $n_3 - M = 37,5 \pm 3,39$).

В целом полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Личностный потенциал выступает как система свойств и возможностей, составляющих основу личностного развития человека, как фактор успешности в реализации личных планов в целом.

Кадровые военнослужащие, имеющие высокий уровень адаптации, быстро приспосабливаются к новым условиям деятельности, адекватно ориентируются в сложных ситуациях, имеют определенную стратегию своего поведения. У курсантов и молодых офицеров толерантность к неопределенности выше, чем у зрелых офицеров.

Военнослужащие имеют сформулированные жизненные планы, они удовлетворены процессом своей жизни, обладают свободой выбора и возможностями построить свою жизнь в соответствии со своим собственным пониманием ее смысла. Курсанты и молодые офицеры обладают жизнестойкостью, у них есть опора для опосредствования своей жизни в виде жизненных целей и смыслов в отличие от офицеров высшего ранга.

Жизненный потенциал адаптированных кадровых военнослужащих – высокий. Они способны управлять своей жизнедеятельностью на основе устойчивых внутренних критериев и ориентиров, независимо от меняющихся обстоятельств или даже вопреки им.

Такой подход дает основания для уточнения и коррекции задач психологического сопровождения кадрового офицера на всех этапах профессионального и жизненного пути.

Библиографический список

1. Косырев В.Н. Потенциал личности: комплексная проблема / Материалы восьмой международной конф. Тамбов, 2009.
2. Морсанова В.И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Психологический журнал. 2002. №6.
3. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.
4. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации. // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1 / под ред. Б.С. Бра- туся, Д.А. Леонтьева. М., 2002.
5. Кобзенко И.К. Общая характеристика личностного потенциала педагога общеобразовательной школы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12.

ПРОЯВЛЕНИЯ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ У ПОДРОСТКОВ-МУЗЫКАНТОВ В УСЛОВИЯХ РАННЕЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

Горбачева А.С.

Ключевые слова: локус контроля личности, подростки-музыканты, ранняя профессионализация.

В связи с возрастанием темпов изменения жизни в современном обществе на первый план выходят вопросы социальной активности, гибкости, способности адаптироваться к быстро меняющимся условиям социальной среды, самостоятельности и ответственности человека в обеспечении собственного развития и благополучия. Одновременно актуальным является вопрос профессионализма и компетентности личности. Ответственность и профессионализм обеспечивают благополучие личности в разных сферах. Одним из показателей ответственного отношения к своей жизни является локус контроля – качество, характеризующее склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам (экстернальный локус контроля) либо собственным способностям и усилиям (интернальный локус контроля) [2].

В некоторых видах деятельности залогом успешного профессионального развития личности является включение в раннюю профессионализацию. Это в полной мере относится к музыкально-исполнительскому искусству, поскольку профессиональное совершенствование в этой сфере, как правило, начинается в детском и подростковом возрасте, нетипичном для профессионального развития. Включение детей в раннюю профессионализацию чаще рассматривается как фактор развития способностей. В меньшей степени принимается во внимание ее влияние на личностное и социально-психологическое развитие детей [1].

Для выявления особенностей проявления локуса контроля у подростков-музыкантов в условиях ранней профессионализации было проведено эмпирическое исследование с использованием опросников «Локус контроля» Ю.В. Щербатых, «Ответственность» В.П. Прядеина, включающего шкалы регуляторной интернальности и экстернальности, «Социально-психологическая адаптация» К. Роджерса и Р. Даймонда, включающего шкалы внутреннего и внешнего контроля, а также методик Н.В. Кузьминой «Анализ социально-психологических связей», А. Кондаша «Шкала социально-ситуационной тревоги», опросника, позволяющего определить опыт концертной и конкурсной музыкально-исполнительской деятельности и опросника на выявление мотивации обучения в музыкальной школе. Корреляционные связи между результатами диагностики рассчитывались по коэффициенту корреляции производного значения Пирсона с помощью программы Microsoft Excel.

Эмпирической базой исследования выступили 84 учащихся музыкально-исполнительских отделений Детских школ искусств № 1 ($n = 26$) и № 6 ($n = 34$) города Майкопа и Тульской ДШИ Майкопского района ($n = 24$) в возрасте от 12 до 16 лет (18 мальчиков, 66 девочек).

Поскольку в качестве критерия профессионализации в данном исследовании выступают количественные и качественные показатели концертной и конкурсной музыкально-исполнительской деятельности, а также участия в олимпиадах по теории музыки, анализ корреляционных связей представлен как для всей выборки, так и в сравнении обучающихся, имеющих разный опыт публичных выступлений.

1. Результаты диагностики интернальности по методике Ю.В. Щербатых «Локус контроля» подтверждают известный эффект каузальной атрибуции относительно приписывания достижений себе, а неудач – обстоятельствам: средний балл по интернальности в области достижений – 27,4, в области неудач – 20,5. Показатели локуса контроля в разных сферах жизнедеятельности отличаются незначительно, однако позволяют отметить, что наибольшую интернальность подростки проявляют в отношении здоровья (10,55), а наименьшую – в области семейных отношений (8,95), однако последняя сфера имеет большее количество корреляционных связей с результатами исследований по другим методикам. Анализ этих связей показал, что интернальность в семейных отношениях обусловлена отношениями с матерью ($r = 0,54$), связана с социоцентрической мотивацией ($r = 0,59$), то есть ориентацией не на себя, а на своё окружение; со стенической эмоциональностью ($r = 0,46$), то есть сопровождается положительными эмоциями; с регуляторной интернальностью ($r = 0,50$), то есть ответственностью и самостоятельностью. Кроме того, интернальность по отношению к семье связана с предметной результативностью в сфере музыкального образования ($r = 0,43$) и разными проявлениями мотивации обучения в музыкальной школе: ориентацией на процесс учебной деятельности ($r = 0,41$), на признание ($r = 0,44$) и на перспективы ($r = 0,44$). Это означает, что ответственность по отно-

шению к близким стимулирует подростка-музыканта к повышению своего музыкально-профессионального уровня.

Интернальность в достижениях связана с предметной результативностью ($r = 0,56$), показателем которой являются успешные выступления на конкурсах и концертах; с ориентацией на процесс обучения в музыкальной школе ($r = 0,53$), на его результат ($r = 0,47$), на признание ($r = 0,43$) и на музыкально-профессиональное самоопределение ($r = 0,57$). То есть мотивация обучения в музыкальной школе напрямую зависит от уверенности в своих заслугах или потенциальных возможностях. Общая интернальность в области достижений связана с уверенностью в защите близких ($r = 0,51$) и с опытом участия в музыкально-теоретических олимпиадах ($r = 0,48$). Это означает, что поддержка со стороны ближайшего окружения придаёт подростку уверенности в себе, что способствует успешному участию в олимпиадах.

2. Для сравнения особенностей локуса контроля у обучающихся с разным опытом участия в музыкально-исполнительских конкурсах, концертах и теоретических олимпиадах были выделены 2 группы испытуемых: 36 респондентов с большим опытом выступлений и 48 – с ограниченным.

У первой группы общая интернальность напрямую связана с опытом участия в конкурсах ($r = 0,43$) и олимпиадах ($r = 0,53$), преувеличением своих положительных качеств (лживость+ $r = 0,63$), уверенностью в защите со стороны ближайшего окружения ($r = 0,47$) и обратно пропорциональна дезадаптивности ($r = -0,42$), эмоциональному дискомфорту ($r = -0,52$), внешнему контролю ($r = -0,46$) и тревожности ($r = -0,43$). То есть самостоятельность и ответственность подростка-музыканта при поддержке близких, придаёт ему уверенности в себе и стимулирует к участию в ответственных мероприятиях. При этом чем выше интернальность, тем ниже тревожность, тем реже подросток пребывает в плохом настроении, нуждается в контроле со стороны и, соответственно, тем ниже склонность к дезадаптации.

У второй группы общая интернальность связана только с мотивацией собственного благополучия ($r = 0,44$) при обучении в музыкальной школе.

Интернальность участников первой группы в области профессиональной деятельности закономерно связана с опытом участия в конкурсах ($r = 0,43$) и олимпиадах ($r = 0,45$), удовольствием от исполнительской деятельности ($r = 0,57$) и от изучения теории музыки ($r = 0,47$), удовольствием от участия в конкурсах ($r = 0,45$), а также с преувеличением своих положительных качеств ($r = 0,50$), регуляторной интернальностью ($r = 0,50$), уверенностью в защите ($r = 0,54$). То есть ответственное отношение к профессии связано с проявлениями ранней профессионализации музыкантов, обусловлено верой в себя и поддержкой близких. Обратные связи с интернальностью в профессии составляют дезадаптивность ($r = -0,44$), непринятие себя ($r = 0,50$), эмоциональный дискомфорт ($r = -0,45$), внешний контроль ($r = -0,52$), тревожность ($r = -0,50$) и динамическая азэргичность ($r = -0,58$). То есть дезадаптационные явления, тревожность и общий упадок сил мешают принятию ответственности за собственное профессиональное развитие.

У второй группы интернальность в области профессиональной деятельности, связана с мотивацией перспектив ($r = 0,51$), а также с динамической азэргичностью ($r = 0,43$). То есть участники данной группы обучаются музыке, потому что это может пригодиться в будущем, как для общего развития, так и для профессионального самоопределения, но принятие ответственности за свою будущую карьеру приводит их к упадку моральных и физических сил.

У первой группы интернальность в достижениях выше, чем у второй (30,00 и 25,38 соответственно) при почти одинаковом показателе интернальности в неудачах (20,39 и 20,58). Это объяснимо тем, что первая группа имеет объективно большее количество достижений в музыкально-исполнительской деятельности в виде призовых мест на конкурсах и олимпиадах, что подтверждается наличием грамот и дипломов, напоминающих их обладателям об этих успехах. Легко осознавать себя творцом своих побед, держа в руках символ признания твоего таланта.

Интернальность в области достижений у первой группы связана с удовольствием от исполнительской деятельности ($r = 0,41$) и участия в конкурсах ($r = 0,47$), принятием себя ($r = 0,44$) и противопоставлена дезадаптивности ($r = -0,44$), эмоциональному дискомфорту ($r = -0,63$), ведомости ($r = -0,58$) и школьной тревожности ($r = -0,42$). Соответственно, осознание своих заслуг приходит благодаря участию в конкурсах, которое является как причиной, так и следствием удовольствия от музыкально-исполнительской деятельности и самопринятия. Личность, полюбившая музыку в себе и себя в музыке, менее подвержена дезадаптационным процессам, плохому настроению, ведомости и тревожности.

У второй группы интернальность по отношению к достижениям связана с мотивацией перспектив ($r = 0,80$), в том числе «окончив ДШИ, обучаться музыке дальше» ($r = 0,55$) и «может пригодиться в будущем» ($r = 0,64$) и указанными ранее ориентациями на признание ($r = 0,52$), процесс ($r = 0,57$) и результат ($r = 0,42$) учебной деятельности, а также с социоцентрической мотивацией ($r = 0,55$), то есть эти подростки, даже считая себя причиной собственных успехов, в ответственных мероприятиях ориентируются не на себя, а на коллектив и общее дело. Связь интернальности в достижениях с предметной результативностью ($r = 0,62$) при отсутствии этой связи у первой группы означает, что для тех, кто редко участвует в концертах и конкурсных испытаниях, результат более важен, они чаще готовы на жертвы для его достижения, чем те, кто выступает регулярно.

Интернальность по отношению к неудачам у представителей первой группы связана с опытом участия в исполнительских конкурсах ($r = 0,41$) и теоретических олимпиадах ($r = 0,52$), то есть регулярное участие в ответственных мероприятиях способствует формированию ответственности за свои неудачи. Преувеличение своих положительных качеств (лживость+ $r = 0,52$), возможно, выступает защитным механизмом, позволяющим не перейти от конструктивного признания своих ошибок к деструктивному самообвинению. Обратные связи с дезадаптивностью ($r = -0,42$), непринятием себя ($r = -0,47$), эмоциональным дискомфортом ($r = -0,50$), динамической азгичностью ($r = -0,45$) и общей тревожностью ($r = -0,52$) показывают, что дезадаптивная, недовольная собой, слабая и тревожная личность свои неудачи приписывает различным обстоятельствам в силу неспособности брать на себя ответственность за собственное неблагополучие.

У подростков из второй группы, редко участвующих в ответственных мероприятиях, интернальность по отношению к неудачам связана только с опытом участия в олимпиадах ($r = -0,59$), а точнее, с его отсутствием. Похоже, чем выше готовность отвечать за свои неудачи, тем меньше желание участвовать в олимпиадах.

3. По шкале внутреннего и внешнего контроля опросника К. Роджерса и Р. Даймонда «Социально-психологическая адаптация» были выявлены связи интернальности с адаптивностью ($r = 0,67$), эмоциональным комфортом ($r = 0,45$) и доминированием ($r = 0,59$), а экстернальности – с дезадаптивностью ($r = 0,89$), преувеличением своих негативных качеств (лживость- $r = 0,57$), самонепринятием ($r = 0,71$), непринятием других ($r = 0,50$), эмоциональным дискомфортом ($r = 0,71$), ведомостью ($r = 0,75$), эскапизмом ($r = 0,50$) и тревожностью (с самооценочной $r = 0,54$, с межличностной $r = 0,50$, со школьной $r = 0,48$ и с общей $r = 0,60$). Соответственно, преобладание внутреннего контроля, являясь признаком адаптивности, формирует позитивный эмоциональный настрой, чувство превосходства над другими и способность вести за собой. В свою очередь потребность во внешнем контроле, будучи признаком дезадаптивности, обусловлена заниженной самооценкой, непринятием других, возможно, сформировавших такое самоотношение, либо не способствующих его изменению; сопровождается тревожностью, плохим настроением, склонностью попадать под влияние других людей или уходить от действительности в мир грёз, иллюзий, фантазий.

4. У подростков, имеющих большой опыт выступлений наблюдаются и другие связи: интернальность обусловлена творческим стажем ($r = 0,50$), влияет на физическую и интеллектуальную выносливость ($r = 0,63$), субъектную результативность ($r = 0,45$), то есть приводит к положительным изменениям личности и успехам в обучении музыке. Экстернальность в свою очередь связана с динамической азгичностью ($r = 0,60$) и астенической эмоциональностью ($r = 0,51$), то есть обусловлена низкой физической, психоэмоциональной выносливостью, негативным эмоциональным фоном.

Необходимость во внешнем контроле обусловлена неспособностью брать на себя ответственность ($r = -0,45$), особенно в учебной деятельности ($r = -0,52$). Такая несамостоятельность связана с нехваткой понимания ($r = -0,59$), помощи ($r = -0,47$), защиты ($r = -0,42$), доверия ($r = -0,41$) со стороны близких, отсутствием образца для подражания в семье ($r = -0,58$). Экстернальность не способствует ориентации на результат обучения в музыкальной школе ($r = -0,45$), и саморазвитию в музыкальном исполнительстве ($r = -0,50$).

У второй группы подростков-музыкантов перечисленные связи отсутствуют.

5. По опроснику В.П. Прядеина «Ответственность» были выявлены связи регуляторной интернальности с физической и интеллектуальной активностью и выносливостью ($r = 0,53$), позитивными эмоциями ($r = 0,57$), ориентацией на общее значимое дело ($r = 0,71$), субъектной ($r = 0,57$) и предметной результативностью ($r = 0,57$), то есть личным саморазвитием в сфере музыкального исполнительства и достижением общих содержательных результатов. Регуляторная экстернальность, напротив, связана с эгоцентрической мотивацией ($r = 0,65$) и динамической азгичностью ($r = 0,46$), то есть не-

самостоятельность и безответственность находятся во взаимозависимости с эгоизмом и нехваткой сил и энергии на выполнение ответственных поручений.

6. В группе с большим опытом выступлений среди значимых отличий от общих тенденций можно отметить связь регуляторной интернальности с мотивацией получения удовольствия от исполнительской деятельности ($r = 0,60$) и от изучения теории музыки ($r = 0,51$). Также показательна связь с интернальностью в области неудач в учебной деятельности ($r = 0,55$), то есть ответственным отношением к собственным неудачам в процессе обучения музыке. У концертирующих музыкантов интернальность связана с принятием себя ($r = 0,44$) и противопоставлена самонеприятию ($r = -0,55$), а экстернальность обусловлена самонеприятием ($r = 0,44$). Обратная связь регуляторной экстернальности с показателями отношений с матерью ($r = -0,45$) и отцом ($r = -0,54$) свидетельствует о том, что несамостоятельность и неспособность брать на себя ответственность за собственное благополучие и творческое саморазвитие обусловлена недостаточно близкими отношениями с родителями, отсутствием моральной поддержки с их стороны, недоверием ($r = -0,44$).

В группе с маленьким опытом выступлений регуляторная интернальность связана в большей степени с ориентацией на признание ($r = 0,54$) и собственное благополучие ($r = 0,51$) при получении музыкального образования. Прямая связь регуляторной интернальности и экстернальности ($r = 0,50$) свидетельствует о взаимозависимости внешнего и внутреннего локуса у этой группы, то есть для формирования ответственного отношения к делу их необходимо постоянно стимулировать и контролировать. Этим можно объяснить прямую связь близких отношений с матерью одновременно с интернальностью ($r = 0,69$) и экстернальностью ($r = 0,58$), а также то, что эти противоположные показатели локуса почти в равной степени связаны с интернальностью в семейных отношениях ($r = 0,53$).

7. По результатам проведенного исследования можно сделать ряд общих выводов.

1) Интернальность (по всем 3 методикам) напрямую связана с адаптивностью или её проявлениями (самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт, и др.) либо противопоставлена дезадаптивности. Экстернальность, напротив, связана с проявлениями дезадаптивности. Так, анализ корреляционных связей показал, что преобладание внутреннего контроля формирует позитивный эмоциональный настрой, чувство превосходства над другими и способность вести за собой. В свою очередь потребность во внешнем контроле является как причиной, так и следствием заниженной самооценки, непринятия других, тревожности, негативного эмоционального фона, ведомости и эскапизма. То есть дезадаптивная, недовольная собой, тревожная личность свои неудачи приписывает различным обстоятельствам в силу неспособности брать на себя ответственность за собственное благополучие. Таким образом, результаты исследования подтверждают известное положение о том, что саморегуляция и ответственность являются признаками адаптивности (О.М. Анисимова, И.С. Кон, В.З. Столин, В.Ф. Сафин, Н.В. Козиева, В.И. Натаров и др.).

2) Большое влияние на локус контроля оказывают отношения в семье и с ближайшим окружением. Особое значение имеет уверенность в защите со стороны близких, которая способствует формированию интернальности. Недостаток понимания, помощи, доверительных отношений в семье, наоборот, усиливают экстернальность. В большей степени это влияет на подростков, имеющих большой опыт участия в ответственных мероприятиях, поскольку каждое публичное выступление – это пусть нормативный, но стресс, побороть который помогает поддержка близких. Если юный музыкант чувствует эту поддержку и безусловное принятие независимо от результатов выступления, у него повышается вера в себя, свои возможности, формируется субъектная позиция. В противном случае, подросток пытается обосновать всё происходящее с ним действием внешних факторов.

3) Интернальность повышает активность обучающихся, а экстернальность – понижает её. При этом регулярное участие в концертах, конкурсах и олимпиадах повышает физическую, интеллектуальную и эмоциональную выносливость подростков-музыкантов, способствует формированию ответственности за свои неудачи при условии уверенности в своих положительных личностных качествах.

4) Осознавая ответственность за свои успехи и неудачи, подростки, имеющие большой опыт концертной и конкурсной деятельности, ориентированы, прежде всего, на получение удовольствия от участия в концертах и от исполнительской деятельности здесь и сейчас. Юные музыканты с меньшим опытом участия в таких мероприятиях в своей интернальности ориентированы, в первую очередь, на перспективы творческого развития.

5) Мотивация обучения в музыкальной школе напрямую связана с интернальностью в достижениях. Уверенность в своих заслугах или потенциальных возможностях повышает мотивационную направленность на процесс обучения, на достижение результата, на получение признания в этой сфере и на музыкально-профессиональное самоопределение.

б) При равном отношении к неудачам, регулярно выступающие музыканты в большей степени интернальны в области достижений, нежели выступающие редко.

Библиографический список

1. Горская Г.Б. Прогнозирование психологических эффектов ранней профессионализации детей в спорте: теоретические основания // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2009. № 1.
2. Локус контроля // Большая психологическая энциклопедия URL: http://psychology.academic.ru/1056/локус_контроля.

СО-БЫТИЕ В КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЕ: ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ И СИТУАТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Горская Г.Б.

Ключевые слова: со-бытие личности, конкурентная среда в спорте, особенности общения.

Со-бытие с другими людьми является неотъемлемой характеристикой жизни личности. Взаимодействие с социальным окружением является для личности источником поддержки, необходимого для жизни опыта. С другой стороны, столкновение интересов, возникновение конфликтных ситуаций, многообразие и многочисленность партнеров по общению, сложность условий и интенсивность общения может стать причиной дезадаптации различного характера, психического выгорания, ухудшения условий самореализации личности в значимых сферах жизни. Особого внимания заслуживает проблема длительного нахождения личности в социальной среде, в которой в силу специфики деятельности постоянно присутствует явная или скрытая конкуренция. На это указывают исследования социально-психологических проблем одаренных в различных сферах детей подросткового и юношеского возраста [3, 5, 8, 9].

Одним из ярких примеров деятельности, происходящих в условиях постоянной конкуренции, является спорт высших достижений. Подготовка спортсменов высшей квалификации происходит главным образом в специализированных центрах, число которых невелико. Вследствие этого они проводят значительную часть времени в относительно замкнутой социальной среде, состоящей главным образом из товарищей по команде, одновременно являющихся и постоянными соперниками. Постоянная конкуренция, значительные физические и психические нагрузки, оторванность от семьи, от близких людей, способных оказать психологическую поддержку - все эти факторы накладывают отпечаток на характер межличностных отношений, психологический климат в командах высокой квалификации [2].

Исследования особенностей общения в условиях автономности, относительной изоляции (в автономных экспедициях, плаваниях, полетах, в условиях вахтового труда) показали, что неизменность внешней ситуации общения, круга людей, с которыми общение происходит, “витринность” жизни, неизбежность нежелательных контактов оказывают влияние на характер общения и психические состояния его участников. Психические нагрузки, связанные с особенностями общения, усиливаются эмоциональной напряженностью, связанной с ответственностью за результаты деятельности, высокой значимостью этих результатов [6]. Если такие нагрузки накапливаются и становятся труднопереносимыми, возникают конфликты, появляется стремление к изоляции, уходу от общения [6, 7].

Подготовку спортсменов высокого класса в условиях специализированных центров вряд ли можно считать в полном смысле аналогичной условиям автономного плавания или экспедиции, но достаточно ограниченное общение с постоянным кругом лиц, окрашенное отношением соперничества, характерного для спорта высших достижений, не может не вызывать изменений психического состояния спортсменов, их отношения к межличностному общению.

Данные психологического мониторинга и многолетних наблюдений за яхтсменами высокой квалификации выявили индивидуальные различия между спортсменами по их отношению к общению с социальным окружением, включенным в спортивную деятельность. Если часть из них устойчиво проявляла стремление к активным социальным контактам, то у достаточно большой группы спортсменов отмечалась тенденция к ограничению круга общения.

С целью установления природы различий в отношении спортсменов к общению был проведен корреляционный анализ показателей стремления к общению, психической устойчивости и личностных особенностей яхтсменов. Потребность в общении устанавливалась по методике Е.А.Калинина [4], психическая устойчивость оценивалась по методике В.Э.Мильмана [3], личностные особенности устанавливались по 16-факторному тесту Кеттелла. Обследованная группа высококвалифицированных

яхтсменов состояла из 25 человек. Корреляционные связи между перечисленными показателями устанавливались по значениям коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Установлено, что положительно коррелируют с потребностью в общении показатели общительности ($r = 0,657$, $p < 0,05$), самоконтроля ($r = 0,657$, $p < 0,05$), стабильности-помехоустойчивости ($r = 0,572$, $p < 0,05$), а также показатели потребности в поощрении ($r = 0,682$, $p < 0,05$), и самосовершенствовании ($r = 0,537$, $p < 0,05$). Отрицательные корреляционные связи с показателем потребности в общении обнаружили показатели подозрительности ($r = -0,610$, $p < 0,05$), напряженности ($r = -0,840$, $p < 0,05$). Это дало основание заключить, что отношение спортсменов к общению с социальным окружением опосредствовано не только их коммуникативными качествами, но и устойчивостью к соревновательному стрессу.

Можно ожидать в связи с этим, что для устойчивых к стрессам спортсменов общение может быть средством решения собственных проблем за счет вовлечения в работу над ними социального окружения. Неустойчивые к стрессам спортсмены, скорее всего, будут реагировать на общение как на дополнительную нагрузку и должны быть склонны сводить контакты к минимуму, чтобы ослабить эмоциональное напряжение, связанное с ними.

С целью проверки сформулированного предположения группа высококвалифицированных рулевых была ранжирована по показателям психологических предпосылок устойчивости к эмоциональному стрессу, достоверно коррелирующим с потребностью в общении. По результатам ранжирования были образованы крайние группы яхтсменов с максимальной и минимальной устойчивостью к стрессу. Сопоставлены показатели потребности в общении в этих группах на протяжении трех годичных циклов подготовки. Они свидетельствуют о том, что значения потребности в общении у яхтсменов, устойчивых к эмоциональному стрессу, на протяжении всего периода наблюдений, охватывавшего три годичных цикла подготовки, выше, чем у яхтсменов с низкими показателями эмоциональной устойчивости.

Стабильный характер различий по силе потребности в общении между спортсменами с низкой и высокой устойчивостью к стрессу показывает, что контакты со спортивным социальным окружением устойчиво создают определенный уровень коммуникативных нагрузок, способный повысить чувствительность к ним в эмоционально напряженных ситуациях, что может выразиться в стремлении спортсменов ограничить общение с окружающими или по крайней мере сделать социальные контакты более избирательными.

Доказательством, подтверждающим сформулированное положение, могут служить результаты исследования, проведенного во время чемпионата мира по парусному спорту в классе яхт «Катамаран Торнадо» 1988 года, которые не публиковались ранее по этическим соображениям. Его целью было установление представлений высококвалифицированных спортсменов об особенностях желательного варианта общения во время ответственных соревнований и восприятия реально сложившейся структуры общения в период, непосредственно предшествующий им.

Условия соревнований, во время которых проводилось исследование, благоприятствовали решению поставленной в исследовании задачи. Принимавшая участие в исследовании группа гонщиков состояла из пяти экипажей по два человека в каждом, один из которых был рулевым, а другой шкотовым. Все спортсмены вели подготовку по единому плану, что позволяет считать примерно одинаковым уровень перенесенных физических и психических нагрузок. Это дает возможность более отчетливо выявить отношение спортсменов к общению друг с другом и установить степень его стрессогенности.

Исследование представлений яхтсменов о желательной и реальной структуре общения проводилось по методике измерения коммуникативной дистанции [1]. Она позволяет участникам исследования конструировать желательное и реальное коммуникативное пространство, а исследователю объективировать субъективную картину особенностей общения, сформировавшуюся у спортсменов.

Суть методики измерения коммуникативной дистанции заключается в том, что каждому яхтсмену предлагалось оценить каждого из товарищей по команде как партнера по общению. Процедура исследования заключалась в следующем. Каждому гонщику предлагался лист бумаги, на котором на расстоянии 100 мм были нанесены две точки, одна из которых обозначалась как «Я», а вторая как партнер по общению. Задача обследуемого заключалась в том, чтобы оценить интенсивность общения, проводя линию от одной точки к другой следующим образом. Линия должна быть проведена от точки «Я» до точки «партнер по общению» должна показать. Насколько отвечающий хочет приблизиться к партнеру по общению. Линия от точки «партнер по общению» до точки «Я» должна пока-

зять, насколько отвечающий готов допустить приближение к себе партнера по общению. Расстояние между точками спортсмена не сообщалось и предварительно не градуировалось.

Так как в процессе подготовки и соревнований спортсмены общаются не только между собой, но и с тренерами, врачом, массажистом, членами комплексной научной группы, все эти лица были включены в состав возможных партнеров по общению. Но если спортсменов команды каждый гонщик оценивал, как партнеров по общению обязательно, то тренеров, членов комплексной научной группы, врача команды, массажиста оценивали в том случае, если считали, что они действительно являются для них партнерами по общению.

На основе полученных данных определялся ряд показателей, характеризующих общение. Исходными для их расчета служили две величины: 1) длина линии, проведенной от точки "Я" к точке партнера (L_k), 2) длина линии, проведенной от точки партнера к точке "Я" (L_p). По указанным исходным величинам для каждого обследуемого определялись следующие показатели: субъективная коммуникативная зона (СКЗ), равная $L_k + L_p - 100$; сдвиг субъективной коммуникативной зоны относительно центра дистанции (ССКЗ), равный $(L_k - L_p) : 2$; Для каждой пары партнеров по общению рассчитывались следующие показатели:

реальная коммуникативная зона (РКЗ), определяемая по формуле: $L_k + L_p^* - 100$, где L_p^* - длина линии, которую партнер провел от точки, обозначенной фамилией данного обследуемого к точке "Я"; сдвиг реальной коммуникативной зоны (СРКЗ), равный $(L_k - L_p^*) : 2$.

Рассмотрим психологический смысл перечисленных показателей. Субъективная коммуникативная зона характеризует уровень коммуникативной активности обследуемого как субъекта и объекта общения. СКЗ может изменяться от -100 до +100. Отрицательные значения СКЗ являются признаком низкой коммуникативной активности. Чем выше положительные значения этого показателя, тем выше коммуникативная активность обследуемого. Сдвиг СКЗ характеризует соотношение потребности в передаче информации и потребности в ее получении, предпочтительность для обследуемого позиции коммуникатора или реципиента коммуникативных воздействий. Показатель реальной коммуникативной зоны (РКЗ) характеризует согласованность позиций двух участников обмена информацией, степень их взаимной готовности передавать и получать ее.

В исследовании принимали участие пять экипажей, состоящих из двух человек. Один из которых был рулевым, а второй – шкотовым, подчиняющимся рулевому. Экипажи обозначались номерами от одного до пяти в соответствии с их спортивным рейтингом, который был самым высоким у экипажа 1. Гонщикам, принимавшим в нем участие, сообщалось, что цель данной работы - учесть пожелания каждого по организации общения, чтобы обеспечить за счет этого психологический комфорт всем экипажам и каждому спортсмену во время самого ответственного для них соревнования. Работа с каждым спортсменом проводилась индивидуально. Согласились принять в нем участие девять из десяти гонщиков.

Для обсуждения результатов исследования существенно то, что несколько спортсменов исследованной группы отличались неустойчивостью к соревновательному стрессу, обусловленной неуравновешенностью нервных процессов по силе с преобладанием возбуждения, низкой эмоциональной стабильностью (низкие значения фактора С теста Кеттела), тревожностью (фактор О теста Кеттела), напряженностью (фактор Q₄ теста Кеттела). Это рулевые 2, 3 и 4, а также шкотовый 1.

В исследовании были установлены низкие положительные и отрицательные значения субъективной коммуникативной зоны, указывающие на то, что большинство гонщиков в период, непосредственно предшествующий ответственным соревнованиям, не стремятся к общению с другими спортсменами. Исключение составляют лишь шкотовые 4 и 5. Склонность ограничивать общение с товарищами по команде, которые выступают в чемпионате мира как соперники, следует расценивать как проявление потребности сохранить нервно-психическую свежесть за счет сокращения коммуникативных нагрузок (групповых эмоций, проявлений соперничества). Обращает на себя внимание и то, что среди гонщиков, которые сохранили готовность к общению, больше шкотовых, чем рулевых.

Значения среднего сдвига субъективной коммуникативной зоны невелики. Это говорит о сбалансированности потребностей в приеме и передаче информации. Вместе с тем, то, что большинство значений этого показателя имеет положительный знак, позволяет отметить как тенденцию желание большинства гонщиков самим воздействовать на других, а не быть объектом воздействия с их стороны.

Анализ показателей сдвига реальной коммуникативной зоны обнаружил различия между гонщиками по активности в общении. Более активны в стремлении обмениваться информацией гонщики, имеющие более низкий статус в команде. Стремление проявлять инициативу в общении наиболее

отчетливо у рулевого и шкотового пятого экипажа. Лидеры команды более избирательны в общении. По-видимому, для молодых, менее опытных и авторитетных гонщиков включение в общение с лидерами служит достаточно значимой для них формой самоутверждения. Для ведущих спортсменов общение с начинающими, особенно, в период подготовки к ответственным соревнованиям не представляет интереса.

Соотношение показателей инициативы в общении лидеров и молодых гонщиков является, возможно, одним из проявлений элитарности, кастовости спорта высших достижений, в котором молодой спортсмен приобретает признание, добивается внимания признанных лидеров далеко не сразу, даже если имеет определенные спортивные достижения. Большая избирательность лидеров в общении может быть связана также и с большими психическими нагрузками, связанными с ответственностью за результаты выступлений из-за возлагаемых на них надежд.

Анализируя показатели сдвига реальной коммуникативной зоны, можно сделать вывод, что потребности в приеме и передаче информации являются в исследованной группе гонщиков достаточно сбалансированными. Показатели эти в 52 % случаев не превышают 10 баллов при максимально возможном значении 50 баллов. Лишь в пяти случаях из 69 зарегистрированных сдвиг реальной коммуникативной зоны превышает 30 баллов, то есть может расцениваться как значительный. Преобладание низких значений реальной коммуникативной зоны и сдвига реальной коммуникативной зоны свидетельствует о разделяемом большинством исследованных гонщиков желании ограничить общение с соперниками перед началом ответственных соревнований.

Предметом анализа было не только общение спортсменов между собой, но и особенности общения гонщиков с тренерами и другими специалистами, участвующими в подготовке команд. Они оценивались по показателю субъективной коммуникативной зоны, характеризующему желательные для спортсменов параметры приема и передачи информации в общении с названными лицами.

Результаты исследования показали, что желательный характер общения спортсменов с тренерами имеет некоторые общие черты с желательным общением гонщиков между собой. Яхтсмены положительно относятся к общению с тренером своего класса, который решает многие проблемы спортсменов, и негативно относятся к общению с тренерами соперников или вообще не рассматривают их как партнеров по общению. Можно отметить также проявленное многими гонщиками стремление ограничить контакты с руководителями (главным тренером, руководителем комплексной научной группы), которые, возможно, рассматриваются спортсменами как дополнительная психическая нагрузка. То, что половина гонщиков включила психолога в число партнеров по общению, указывает на потребность в психологической поддержке, особенно необходимой менее опытным молодым спортсменам, впервые участвующим в таком соревновании, как чемпионат мира.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что длительное нахождение в конкурентной среде вызывает устойчивое повышение психической напряженности, осложняющей самореализацию в избранной сфере. На это указывает стремление субъектов со-бытия в конкурентной среде ограничивать социальные контакты при обострении соперничества.

Острота восприятия со-бытия в конкурентной среде зависит от прочности позиции личности в социальной среде самореализации. Ресурсом повышения устойчивости к психическим нагрузкам, связанным с общением, у субъектов со-бытия в конкурентной среде является повышение их коммуникативной компетентности, в обучении их продуктивному решению коммуникативных задач, умению противостоять психологическому давлению, прекращению нежелательного общения, умению оказывать психологическую поддержку товарищу по экипажу, учитывать изменения поведения и общения, вызываемые психическими перегрузками.

Библиографический список

1. Андреев А.Н., Мдивани М.О., Рыжонкин Ю.Я. Методика измерения коммуникативной дистанции // Вопросы психологии, 1987. № 1.
2. Горская Г.Б. Психологическое обеспечение многолетней подготовки спортсменов. Краснодар: КГУФКСТ, 2008.
3. Горская Г.Б., Егорова В.С. Социально-средовые регуляторы включения художника в процесс творческой самореализации // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 4.
5. Калинин Е.А. Опросник «Мотивация спортивной деятельности. М.: ВНИИФК, 1062.
6. Кондратьев М.Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб.: Питер.

7. Новиков М.А. Психофизиологические и экпсихологические аспекты межличностного взаимодействия в автономных условиях //Проблемы общения в психологии. М., 1981.

8. Ушаков И.В., Бубеев Ю.А., Гушин В.И., Боритко Я.С. К проекту освоения Луны: некоторые инженерно-психологические и медицинские проблемы // Космические техники и технологии. 2015, № 3(10).

9. Щербланова Е.И., Цой А.В. Социально-психологическая адаптация одаренных учащихся с различными видами интеллектуальных способностей. //Психологические исследования. 2013. № 6.

10. Kristiansen E., Roberts G.C. Young elite athletes and social support: coping with competitive and organizational stress in "Olympic" competition //Scandinavian Journal of Medicine and Science in Sport. 2010. V.20 (4).

СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ И АКЦЕНТУАЦИИ ХАРАКТЕРА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФЕССИЙ

Зинченко Е.В., Ивахненко А.А.

Ключевые слова: самопрезентация личности, акцентуации характера, профессия.

Освоение профессии и профессиональная реализация занимает ведущее положение в жизни все большего числа людей. Профессиональная деятельность имеет непосредственное влияние на особенности социального поведения. Развитие навыка самопрезентации, корректировка стратегий самопрезентации несет для человека важную функцию в современном обществе, где позитивное впечатление является залогом успешности [1, 2]. Для представителей любой профессии и в любом возрасте стремление к достижению социального успеха и получению социального одобрения является ведущим мотивом [3]. Поэтому, большинство авторов, например, И. Джонс, Т. Питтман и Дж. Тедешы, выделяют в основном стратегии самопрезентации, направленные на создание желаемого впечатления [4]. Исследуя феномен самопрезентации (самопредъявления личности), мы затрагиваем многие сферы человеческого самовыражения, в том числе, в профессиональном общении.

Изучение такого личностного компонента, как акцентуации характера в совместном рассмотрении со стратегиями самопрезентации имеет смысл по ряду причин, среди которых тот факт, что те или иные акцентуации характера оказывают непосредственное влияние на поведение человека. Можно предположить, что акцентуации могут детерминировать самопрезентацию личности в социуме.

Целью нашего исследования стало изучить стратегии самопрезентации представителей артономического, сигнономического и социономического типа профессий. Было опрошено 75 человек, представителей трех типов профессий: артономического – профессий типа «человек - художественный образ» (актеры театра, художники-бутафоры, художники-реквизиторы) - 9 мужчин, 16 женщин; сигнономического – профессий типа «человек – знак» (программисты, веб-разработчики, инженеры, QA) - 22 мужчины, 3 женщины; социономического - профессий типа «человек – человек» (психологи, управленцы персоналом, менеджеры, госслужащие) - 8 мужчин, 17 женщин. Все исследуемые лица занимаются профессиональной деятельностью от 2 до 10 лет. Возрастные рамки выборки – от 19 до 47 лет.

Методический инструментарий включал следующий комплекс: 1) методику С.-Ж. Ли и Б. Куигли на измерение тактик самопрезентации (Self-presentation tactics scale, S.-J. Lee et al.); 2) опросник на изучение акцентуаций личности» К. Леонгарда-С. Шмишека. Достоверность полученных результатов обеспечивалась использованием в исследовании методов математической статистики: описательной статистики, частотного анализа, корреляционного анализа Спирмена, U-критерия Манна-Уитни, критерия Н-Краскала-Уоллиса. Использовалась программа компьютерной обработки данных Statistica 6.0.

Рассмотрим полученные результаты. Во всех представленных группах преобладает стратегия извинения (от 48% до 60%) связанная с признанием ответственности за любые рода обиды, вред, негативные поступки, проявляется в выражении раскаяния за собственные действия. В группах социономических профессий и сигнономических профессий ярко выражена стратегия примероносительства, представляющая собой поведение, предъявляемое как морально-ценностное и имеющее привлекательность. Данная стратегия используется для вызова уважения и подражания со стороны окружающих. В группе артономических профессий выражена такая стратегия, как приписывание себе достижений, которая направлена на приписывание себе ответственности и доверия за позитивные достижения, которых прежде не совершалось. С помощью критерия Манна-Уитни были выявлены зна-

чимые различия в выборе стратегий самопрезентации представителями трех групп профессий. Так, достоверно значимые различия обнаружены в показателях между группами социномических и сигнономических профессий ($p < 0,043$): различия в выборе защитной стратегии самопрезентации – отречение. Представители сигнономических профессий чаще выбирают эту стратегию. Иными словами, субъекты сигнономического типа профессий (программисты) чаще предлагают объяснения причин своего поведения прежде, чем затруднительное или неприятное событие произойдет. Так же, статистически значимые различия по критерию Манна-Уитни выявлены между группами артономических и социномических профессий ($p < 0,044$): различия в выборе стратегии ассертивного типа – запугивание. Представители артономических профессий чаще выбирают данную стратегию. Иными словами, они чаще прибегают к поведению, целью которого является проектирование тождественности с кем-то, кто влиятельнее и сильнее, транслирование собственного влияния на окружающих, для усиления эффективности могут быть использованы условные угрозы.

Анализ выраженности акцентуаций характера у представителей трех типов профессий, представленных в данном исследовании, показал, что в группе артономических профессий чаще встречаются акцентуации характера высокой степени выраженности, чем у представителей других групп. Среди часто выделяемых акцентуаций у представителей артономических профессий можно назвать акцентуации по демонстративному (44%), экзальтированному (48%) и циклотимному типам (56%). Для оценки значимости различий в выраженности акцентуаций характера был использован критерий Краскала-Уоллиса. Значимые различия в распределении акцентуаций характера по трем профессиональным группам выявлены по пяти типам акцентуаций характера: демонстративному ($p < 0,0009$), застревающему ($p < 0,0113$), возбудимому ($p < 0,0101$), экзальтированному ($p < 0,0001$) и циклотимному ($p < 0,0001$) типам. Все представленные акцентуации характера чаще выявляются у представителей артономических профессий.

Для выявления взаимосвязей между акцентуациями характера и стратегиями самопрезентации в рамках данного исследования был применен корреляционный анализ по Спирмену. Статистический анализ выявил большое количество значимых корреляционных связей во всех представленных группах профессий. В группе артономических профессий значимые корреляционные связи ($p < ,05000$, при $N = 25$) обнаружены между дистимическим типом акцентуаций характера и такими стратегиями самопрезентации как отречение и извинение. Характер связи – положительная. Отсюда, мы можем заключить, что склонность к подавленному фону настроения, медлительность психических процессов ведет к выбору стратегий самопрезентации защитного типа, связанных с предложением объяснительных причин негативного поведения до его осуществления, и признание ответственности за любые негативные поступки, выражение раскаяния и вины. Со стратегией извинения так же связан тревожный тип акцентуаций характера, корреляция имеет прямую направленность и может быть описана следующим образом – склонность к тревожному поведению, робости и неуверенности в себе ведет к выбору защитного типа поведение связанного с извинением за негативное поведение, признание ответственности за проступки, выражение раскаяния. В группе творческих профессий обнаружены значимые связи между стратегией примерносительства и такими типами акцентуаций характера как эмотивность и циклотимность. Прямая корреляционная связь установлена между эмотивным типом акцентуированной личности и ассертивной стратегией примерносительства. Иными словами, склонность к впечатлительности и восприимчивости окружающей действительности, гуманности, сопереживанию другим, обостренное чувство долга ведет к выбору поведения, связанного с предъявлением морально-ценностных установок. Обратная корреляционная связь между стратегией примерносительства и циклотимным типом акцентуированной личности свидетельствует о том, что при частых периодических кардинальных сменах настроения мы можем наблюдать избегание выбора стратегии примерносительства. Значимые корреляционные связи обнаружены между демонстративным типом акцентуированной личности и стратегией запугивания, характер связи – положительная. Из чего следует, что склонность к демонстративному поведению, приукрашиванию своей персоны, жажда власти и почитания, ведет к выбору поведения, связанного с демонстрацией полномочий, и преувеличением влиятельности. Кроме того, в группе артономических профессий обнаружена связь между возбудимым типом акцентуаций и стратегией негативного оценивания других.

В группе сигнономических профессий значимые корреляционные связи ($p < ,05000$, при $N = 25$) обнаружены между педантичным типом акцентуированной личности и такими стратегиями самопрезентации как отречение, препятствование самому себе и стремление понравиться. Характер перечисленных связей – положительные. Иными словами, склонность к ригидности и инертности психических процессов, к частым самопроверкам, педантизм в отношении к порядку и планированию, скру-

пулезность и добросовестность ведут к выбору защитных стратегий самопрезентации связанных с созданием препятствия собственному успеху ради избегания негативных оценок со стороны, а также заблаговременное объяснение причин негативного поведения. Так же возможно предпочтение ассертивной стратегии, связанной с демонстрацией действий и поступков, направленных на создание положительного впечатления (стратегия стремления понравиться). Дистимический тип акцентуированной личности имеет прямую корреляционную связь со следующими стратегиями самопрезентации: оправдание с принятием ответственности, отречение, препятствование самому себе, примероносительство. Положительная корреляционная связь обнаружена так же между тревожным типом акцентуаций характера и двумя стратегиями самопрезентации: мольба о помощи и преувеличение своих достижений. Склонность к выбору стратегии запугивания имеют люди с застревающим и возбудимым типами акцентуаций характера.

Значимые связи ($p < ,05000$, при $N = 25$) между акцентуациями характера и стратегиями самопрезентации обнаружены в группе социономических профессий. Среди них обратная корреляционная связь между застревающим типом акцентуированной личности и сразу несколькими стратегиями самопрезентации. Так, склонность к инертности в проявлении аффектов, мышлении и моторике, длительному переживанию событий, жесткость установок и взглядов ведут к избеганию таких стратегий самопрезентации как извинение, стремление понравиться, мольба о помощи, приписывание себе достижений, примероносительство.

Исследование позволило сделать следующие практически значимые выводы:

Стратегии самопрезентации по-разному распределены в группах профессий, относящихся к разным типам, так, только в группе артономических профессий часто встречается стратегия стремления понравиться, и только в группе социономических профессий мы наблюдаем выраженность стратегии препятствования самому себе.

Стратегия извинения является наиболее предпочитаемой во всех группах рассмотренных профессий: артономических, сигнономических и социономических.

При анализе выраженности защитных тактик самопрезентации в группах были обнаружены некоторые различия:

- у представителей артономических профессий в сравнении с другими участниками исследования преобладают стратегии оправдательного характера (оправдание с отрицанием ответственности и оправдание с принятием ответственности) и стратегия, связанная с созданием препятствия собственному успеху.

- в группе сигнономических профессий преобладает защитная стратегия отречения, представляющая собой заведомое объяснение причин негативного поведения и стратегия извинения, направленная на признание ответственности за любые негативные поступки.

- в группе социономических профессий в сравнении с другими профессиями, защитные стратегии проявляются в меньшей мере.

Анализ выраженности стратегий ассертивного типа в разных группах профессий показал:

- в группе сигнономических профессий преобладают такие тактики ассертивного типа как стремление понравиться.

- в группе социономических профессий явно выделяется преобладание стратегии самопрезентации, направленной на предъявление морально-ценностного поведения, имеющего привлекательность в социуме.

Обнаружены значимые различия в выборе стратегий самопрезентации между мужчинами и женщинами в группе социономических профессий. Так, женщины этой профессиональной группы чаще, чем мужчины используют стратегии самопрезентации, связанные с оправдательным поведением или запугиванием; а также, поведение, связанное с негативным оцениванием других.

Типы рассмотренных профессий отличаются между собой по частоте встречаемости разного рода акцентуаций характера у представителей данных профессий.

Акцентуированные черты характера чаще встречаются и более выражены у представителей творческих профессий. При этом связь между особенностями характера и выбором стратегий самопрезентации обнаружена во всех исследуемых типах профессий: артономических, сигнономических и социономических.

Акцентуации характера могут определять выбор стратегий самопрезентации у представителей различных типов профессий: артономических, сигнономических и социономических. Полученные в исследовании результаты могут быть использованы в целях профессионального консультирования; применяться для оптимизации профессионального и межпрофессионального общения; использовать

ся в русле профориентационной работы с учащимися. Дальнейшие перспективы исследования предполагают дополнение сравнительного анализа выбираемых стратегий самопрезентации представителями всех типов профессий в связи с их акцентуациями характера.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2001.
2. Ивахненко А.А., Зинченко Е.В. Стратегии самопрезентации государственных служащих с различной мотивацией в свете проблемы психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса основных и дополнительных образовательных программ // Всероссийская научно-практическая конференция Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация. Ростов н/Д, 2015. № 3.
3. Манухина С.Ю. Самопрезентация и самооффективность как важнейшие факторы карьерного продвижения // От истоков к современности. М.: Изд-во «Когито-Центр», 2015.
4. Шкуратова И.П. Самопредъявление личности в общении. Ростов н/Д, 2009.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ДЕСТРУКЦИИ КОММУНИКАТИВНО УСПЕШНЫХ И КОММУНИКАТИВНО НЕУСПЕШНЫХ ТОРГОВЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Лобач А.А.

Ключевые слова: профессиональные деструкции, личность, торговый представитель, коммуникативная успешность.

Глобальные процессы, происходящие в современном обществе, связаны с порождением и развитием эпохи информационного общества. К любому человеку, живущему в глобальной информационной среде, предъявляются особые требования к личным коммуникативным возможностям и способностям. Более того, реальность такова, что от уровня развития этих способностей часто зависит личная и профессиональная успешность человека. При этом, от индивида требуется не столько соблюдение формальных норм и приличий, сколько способность самостоятельно выбирать средства и формы коммуникативного взаимодействия в зависимости от целей контакта. Это означает, что человек должен адекватно реагировать на любую ситуацию коммуникативного взаимодействия с точки зрения общественных стандартов. Индивид должен быть способен к самостоятельной интерпретации любой предложенной ситуации общения.

В настоящее время чрезвычайно востребованы стали коммуникативные профессии, профессии, в которых успех напрямую зависит от уровня сформированности коммуникативных умения и навыков. В частности, в современной России в условиях переходного общества возникает проблема формирования менеджера нового типа. К менеджеру нового типа предъявляются требования, связанные с экономической эффективностью его деятельности, порой противоречащие гуманистическим ценностям и идеалам.

Этому способствует реформирование различных сфер жизнедеятельности и активности человека. Однако, вопрос о том, как требования, предъявляемые различными профессиями к коммуникативным умениям и навыкам человека взаимосвязаны с его личностными качествами, остается открытым. В этой связи нами было проведено исследование, посвященное изучению взаимосвязи между коммуникативной успешностью торговых агентов и некоторыми их личностными характеристиками.

Гипотеза исследования заключалась в следующем предположении: личностные особенности индивида обуславливают эффективность коммуникации, а именно: менеджеры, отличающиеся эффективностью коммуникации, склонны к компромиссам и манипулированию.

В первоначальном опросе при выявлении уровня развития коммуникативной компетентности торговых агентов приняло участие 408 человек. Использовался адаптированный вариант анкеты А. А. Леонтьева диагностики эффективности коммуникации. Затем торговые агенты, принявшие участие в опросе, были разделены на три группы методом отклонения дисперсии от среднего значения. В первую группу вошли торговые агенты, показавшие высокие результаты по критерию коммуникативной компетентности (98 человек), во вторую группу вошли испытуемые, показавшие средние значения по критерию коммуникативной компетентности (192 человека) и в третью группу вошли испытуемые, показавшие низкий уровень коммуникативной компетентности (118 человек).

В основной части исследования принимали участие две группы испытуемых: торговые агенты с высоким уровнем развития коммуникативной компетентности и торговые агенты с низким уровнем

развития коммуникативной компетентности. На следующем этапе исследования, с целью выявления личностных особенностей и деструкций каждой группы испытуемых были использованы следующие диагностические методики:

В работе были использованы следующие методики: пятифакторный личностный опросник, более известный как «Большая пятерка» («Великолепная пятерка»), разработан американскими психологами Р. МакКрае и П. Коста; методика «Направленность личности в общении» (НЛО); опросник карьерных ориентаций «Якоря карьеры» Э. Шейн; методика «Шкала Макиавеллизма»; тест фрустрационных реакций Розенцвейга; тест описания поведения К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной). Respondents were asked to independently fill out questionnaires of the listed methods.

Затем, была произведена оценка различий между группами испытуемых по U – критерию Манна–Уитни по каждой методике. На последнем этапе эмпирического исследования - изучалось наличие корреляционных взаимосвязей между выявленными у коммуникативно успешных и коммуникативно неуспешных представителей торговых компаний личностными особенностями, особенностями общения и спецификой профессиональной мотивации.

Полученные результаты позволили, помимо позитивных качеств личности каждой группы испытуемых, выявить и профессиональные деструкции. К позитивным характеристикам, свойственным коммуникативно успешным торговым представителям можно отнести следующие характеристики: высокая интернальность в области межличностных отношений, а также выраженный самоконтроль и высокая эмоциональная устойчивость.

Так к профессиональным деструкциям коммуникативно успешных торговых представителей можно отнести: высокий уровень манипулятивных тенденций, который чаще всего проявляется в неискренности презентации благожелательного отношения к клиенту, доминантная позиция навязывания в общении, связанная с игнорированием потребностей клиента, стремление к компромиссу в конфликтной ситуации, которое не устраняет возникшей проблемы, а лишь маскирует ее.

У коммуникативно неуспешных торговых представителей выявлено значительно большее количество деструктивных тенденций в общении. К ним пониженный уровень интернальности в межличностных отношениях, низкий уровень эмоциональной устойчивости и слабый уровень самоконтроля, высокая комформность в общении. Его поведение характеризуется наличием стремления к освобождению от организационных правил, предписаний и ограничений.

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КУРСАНТОВ ПО РОДАМ АВИАЦИИ: ВТОРОЙ ЭТАП

Лукинова М.Г., Мальчинский Ф.В., Михайлова А.А., Некрасов С.Д., Щербакова Е.А.

Ключевые слова: профессиональная пригодность кандидата к службе в военной авиации РФ, пригодность к работе, валидность методики, дискриминантный анализ, факторный анализ, дифференциация курсантов по родам авиации.

На первом этапе разработки методики, позволяющей оптимально решать задачу дифференциации курсантов по родам авиации, научно-исследовательским отделом КВВАУЛ были решены ряд основных задач.

Разработана теоретическая модель профессиональной пригодности кандидата к службе в военной авиации РФ. Согласно которой профессиональная пригодность его к службе в военной авиации РФ представляет собой отличительную систему сформированных свойств человека как субъекта бытия, основными параметрами которой являются: относительно стабильные свойства личности как профессионально важные качества военного летчика (сдержанность, высокая нормативность, смелость, реактивная тревожность, интернальность в области профессиональных и межличностных отношений и др.); психосоматические предрасположенности к военной службе (психическое здоровье, физическое здоровье, устойчивость к стрессовым изменениям ситуации и др.); обретенные и мотивированные компетенции военнослужащего (склонности к военной службе, способности исполнять воинский долг, готовность к осознанному риску и др.) [2].

Проведены экспериментальные исследования прогностической валидности действующих инструментов профессионального психологического отбора (ППО) курсантов на выборке летчиков различных родов авиации, которые позволили выделить психодиагностические методики, имеющих высокую прогностическую валидность для установления вероятностного уровня пригодности курсантов к будущей работе военным летчиком в истребительной, в штурмовой, военно-транспортной авиации [4].

Исследования (n = 240 чел.) показали высокую валидность отдельных действующих инструментов ППО курсантов для прогнозирования их пригодности к службе в различных родах авиации (истребительной, штурмовой и военно-транспортной); позволили выделить базовые качества личности военного летчика, позволяющие прогнозировать уровни пригодности курсантов к будущей работе военным летчиком в истребительной, или в штурмовой, или военно-транспортной авиации.

В число базовых методик, имеющих высокую прогностическую валидность вошли: 16-ти факторный опросник Р.Б. Кеттелла «16 PF», опросник А.Басса и А. Дарки «Состояния агрессивности», методика Дж. Роттера «Уровень субъективного контроля», методика Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина «Диагностика самооценки».

Задания базовых методик взяты как элементы разрабатываемой методики, позволяющей оптимально решать задачу дифференциации курсантов по родам авиации, получившей рабочее название «интегральная методика». В опроснике «16 PF» из 16 факторов (шкал) выделены 9 относительно стабильных свойств личности, имеющих наибольший вес для прогнозирования: «высокий уровень интеллектуальных способностей» (фактор В), «подчиненность» (фактор Е), «рассудительность» (фактор F), «высокая нормативность» (фактор G), «смелость» (фактор Н), «уверенность в себе» (фактор О), «конформизм» (фактор Q2), «высокий самоконтроль» (фактор Q3), «сдержанность» (фактор Q4) [5]. В опроснике «Состояния агрессивности» из 8 шкал выделены 4 шкалы личностной предрасположенности летчиков к агрессии, имеющих наибольший вес для прогнозирования: «вербальная агрессия», «негативизм», «раздражение», «подозрительность» [6]. В методике «Диагностики самооценки» выделены шкалы личностной тревожности летчиков, имеющих наибольший вес для прогнозирования: «личностная тревожность» и «реактивная тревожность» [3]. В методике «Уровень субъективного контроля» выделены шкалы субъективного контроля, имеющие наибольший вес для прогнозирования: «интернальности в области достижений», «интернальности в области неудач», «интернальности в семейных отношениях», «интернальности в области производственных отношений», «интернальности в области межличностных отношений», «интернальности в отношении здоровья и болезни» [1].

В каждой базовой методике были выделены задания, измеряющие свойства личности, имеющие наибольшую вероятность прогноза отнесения респондента к конкретному роду авиации. Получился список из 170 вопросов. Сравнительный анализ выделенных вопросов показал различия заданий методик по инструкциям и формам вопросов для респондентов.

Для повышения внутренней валидности выбрана общая форма заданий «интегральной методики»: дихотомическая форма задания, содержащая два противоположных утверждения (модель «да» и модель «нет»), из которых респонденту предлагается выбрать одно, соответствующее его точке зрения.

Было проведено форматирование выделенных заданий базовых методик по следующей схеме:

– вопросы базовой методики были сформулированы в форме утверждений, содержание которых соответствовало вопросу базовой методики;

– для каждого утверждения (модель «да») было сформулировано противоположное утверждение (модель «нет»), например: «Полезно приложить усилия для того, чтобы завоевать симпатии других людей» и «Бесполезно предпринимать усилия для того, чтобы завоевать симпатии других людей»;

– составлен список заданий «интегральной методики» из сформулированных дихотомических утверждений;

– установлена схема оценки респондентом заданий «интегральной методики», путем выбора из семи возможных вариантов оценки, расположенных между противоположными утверждениями одного задания, например:

Бесполезно предпринимать усилия для того, чтобы завоевать симпатии других людей.

3210123

Полезно приложить усилия для того, чтобы завоевать симпатии других людей.

Для повышения внутренней валидности «интегральной методики» были выполнены следующие действия:

– выбраны задания, полученные из каждой базовой методики и выравнено число заданий, имеющих разную содержательную дихотомичность путем изменения большего числа заданий типа (модель «да» 3210123 модель «нет»), на задания типа (модель «нет» 3210123 модель «да»);

- последовательность заданий «интегральной методики» составлена путем случайного чередования заданий разных базовых методик;
- исключены из 170 заданий «интегральной методики» вопросы фактора В (уровень интеллектуальных способностей) методики «16 PF», так как они не являются дихотомичными;
- составлена инструкция «интегральной методики», по которой респонденту предлагалось выбрать из двух утверждений одно утверждение, которое больше соответствует его точке зрения и отметить одну из цифр 3, 2, 1, 0, в зависимости от того насколько выбор соответствует точке зрения (3 – полностью соответствует, 2 – соответствует, 1 – почти соответствует, 0 – оба утверждения одинаково верны).

Таким образом, на первом этапе была создана «интегральная методика» (162 задания и 20 интегральных шкал), как прототип методики, позволяющей оптимально решать задачу дифференциации курсантов по родам авиации.

На втором этапе разработки «интегральной методики» проведены экспериментальные исследования надежности и различных видов валидности рабочей версии «интегральной методики» на выборке курсантов первого года обучения ($n = 168$ чел.).

Для вычисления показателей надежности методики была создана методика «Самолет, на котором я буду летать», содержащей задания курсанту описать и нарисовать самолет, на котором он планирует летать. В пострисуночном опросе уточнялся тип самолета. Проведенная методика позволила выделить три группы курсантов, в самосознании которых присутствовал образ рода авиации (истребительной, штурмовой и военно-транспортной) как модель профессионального будущего.

Протокол полученных данных разрабатываемой «интегральной методики» в MS Excel [7] содержал в качестве независимых переменных ответы на задания «интегральной методики», интегральные показатели 20 шкал базовых методик, а в качестве зависимой переменной показатели методики «Самолет, на котором я буду летать», относящиеся к роду авиации (истребительной, штурмовой и военно-транспортной).

Проведенный с помощью STATISTICA дискриминантный анализ запротоколированных эмпирических данных всей выборки показал, что в модели дифференциации летчиков по родам авиации (истребительная, штурмовая, транспортная) основными параметрами дифференциации более желательными ($p < 0,018$) являются семь из 20 интегральных шкал. Однако, значения Wilks' Lambda равны 0,8416 (близки к 1) для этих шкал, что свидетельствует о слабой дискриминации выборки по родам авиации. Потому принято решение о «ремонте» выборки путем удаления данных о респондентах, вероятность отнесения которых в дискриминантные группы невысокая.

В «отремонтированной» выборке из 168 оказалось 96 курсантов, вероятность отнесения которых к выбранному роду авиации более чем в два раза выше, чем к невыбранному. Дискриминантный анализ данных «отремонтированной» выборки показал, что в модели дифференциации курсантов по родам авиации (в истребительной 97,9%, в штурмовой 87,5%, в транспортной 75,0%), более желательными являются 8 из 20 интегральных шкал, содержащих 81 задание «интегральной методики». Значение Wilks' Lambda от 0,2038 (близки к 0), что свидетельствует о хорошей дискриминации, при высоком уровне статистической значимости дискриминации ($p < 0,0000$).

Итак, дискриминантный анализ позволил выделить 81 задание «интегральной методики», которые имеют более высокую дифференциальную валидность из 162 заданий методики, позволяющей оптимально решать задачу дифференциации курсантов по родам авиации. Причем оказались валидными задания из трех базовых методик: «16 PF»; «Уровень субъективного контроля»; «Диагностика самооценки».

Проведен с помощью STATISTICA факторный анализ ответов курсантов на выделенные 81 задание «интегральной методики» отдельно для каждой из трех групп, базовых методик, в том числе: для 24 заданий из методики «16 PF»; для 39 заданий из методики «Уровень субъективного контроля»; для 18 заданий из методики «Диагностика самооценки».

Факторный анализ главных компонент ответов курсантов на задания базовой методики «16 PF» позволил по критерию Кайзера отобрать 10 факторов с собственными значениями, большими 1. Таким образом, выделены 11 заданий, которые имеют наибольшие (больше 0,70) факторные нагрузки (корреляции между переменными и выделенными факторами) в «интегральной методике».

Факторный анализ главных компонент ответов курсантов на задания базовой методики «Уровень субъективного контроля» позволил по критерию Кайзера отобрать 9 факторов с собственными значениями, большими 1. Таким образом, выделены 11 заданий, которые имеют наибольшие (больше

0,70) факторные нагрузки (корреляции между переменными и выделенными факторами) в «интегральной методике».

Факторный анализ главных компонент ответов курсантов на задания базовой методики «Диагностика самооценки» позволил по критерию Кайзера отобрать 10 факторов с собственными значениями, большими 1. Таким образом, выделены 18 заданий, которые имеют наибольшие (больше 0,70) факторные нагрузки (корреляции между переменными и выделенными факторами) в «интегральной методике».

Итак, факторный анализ позволил выделить 40 заданий «интегральной методики», которые имеют наибольший вес (высокую содержательную валидность) в «интегральной методике» для решения задачи дифференциации курсантов по родам авиации.

Таким образом, на втором этапе разработки методики, позволяющей оптимально решать задачу дифференциации курсантов по родам авиации, была экспериментально проверена и минимизирована «интегральная методика». Из 162 заданий рабочей версии «интегральной методики» выделены 40 заданий, имеющих нормальные внутреннюю согласованность, содержательную валидность, дискриминативную и прогностическую валидность

Для разработки методики, позволяющей оптимально решать задачу дифференциации курсантов по родам авиации планируется вычислить показатели внутренней согласованности, ретестовой надежности, составить шкалы методики как перечень свойств личности военного летчика разных родов авиации.

Библиографический список

1. Бондарь Т.В., Забоева М.В., Мальчинский Ф.В., Некрасов С.Д. Возможности использования опросника «Уровень субъективного контроля» для дифференциации курсантов по родам авиации // *Личность курсанта: психологические особенности бытия* / отв. ред. С.Д. Некрасов. Краснодар: ВУНЦ ВВС «ВВА», Кубанский гос. ун-т, 2015.

2. Бондарь Т.В., Мальчинский Ф.В., Некрасов С.Д. Концепция пригодности курсанта к военной службе // *Личность курсанта: психологические особенности бытия* / отв. ред. С.Д. Некрасов. Краснодар, 2016.

3. Бондарь Т.В., Некрасов С.Д., Мальчинский Ф.В., Щербакова Е.А. Возможности использования методик измерения свойств нервной системы, уровней притязаний и тревожности для дифференциации курсантов по родам авиации // *Личность курсанта: психологические особенности бытия* / отв. ред. С.Д. Некрасов. Краснодар: ВУНЦ ВВС «ВВА», Кубанский гос. ун-т, 2015.

4. Лукинова М.Г., Мальчинский Ф.В., Михайлова А.А., Некрасов С.Д., Щербакова Е.А. Разработка методики дифференциации курсантов по родам авиации: первый этап // *Личность курсанта: психологические особенности бытия* / отв. ред. С.Д. Некрасов. Краснодар, 2016.

5. Некрасов С.Д., Мальчинский Ф.В., Щербакова Е.А., Бондарь Т.В. Возможности использования 16-ти факторного опросника Р. Кеттела для дифференциации курсантов по родам авиации // *Личность курсанта: психологические особенности бытия* / отв. ред. С.Д. Некрасов. Краснодар: ВУНЦ ВВС «ВВА», Кубанский гос. ун-т, 2014.

6. Некрасов С.Д., Мальчинский Ф.В., Щербакова Е.А., Бондарь Т.В. Возможности использования опросников агрессивности и стилей поведения в конфликтной ситуации для дифференциации курсантов по родам авиации // *Личность курсанта: психологические особенности бытия* / отв. ред. С.Д. Некрасов. Краснодар: ВУНЦ ВВС «ВВА», Кубанский гос. ун-т, 2014.

7. Некрасов С.Д. Математические методы в психологии (MS Excel). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2014.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И КАРЬЕРНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ У ПСИХОЛОГОВ, ЗАНЯТЫХ В РАЗНЫХ СФЕРАХ

Сапогова И.А.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, карьерно-профессиональные ценностные ориентации, удовлетворенность жизнью, сферы занятости.

Изучение профессионального самосознания и ценностных ориентаций психологов на сегодняшний день не теряет своей актуальности и продолжает оставаться перспективным направлением

исследований в психологии личности. Несмотря на достаточную востребованность специалистов – психологов в системе управления, сфере образования, медицины и других смежных областях, до сих пор содержание деятельности психолога, его функциональные обязанности в сознании потребителей и студентов психологических факультетов носят размытый и противоречивый характер.

Чаще всего, специалисты-психологи ориентируются на содержание функциональных обязанностей, соответствующие инструкции и подчиняются профессиональной этике, тех организаций, в которых они работают, при чем, это могут быть самые разные сферы: образование, медицина, силовые структуры и МЧС, экономически-управленческая сфера, реабилитационные центры, государственные и частные организации. Частнопрактикующие психологи для организации собственной практики могут ориентироваться на специфику и этический кодекс психолога-консультанта, при условии, если сам психолог принадлежит к какому-либо сообществу и разделяет его принципы.

То есть ценностные профессиональные ориентиры профессии «психолог» так или иначе содержательно оформляются в сознании специалистов, но скорее касаются достаточно традиционных областей применения психологических услуг (образование, медицина, управление) или проявляются в деятельности частнопрактикующих специалистов, положительно зарекомендовавших себя и достаточно востребованных на рынке психологических услуг, связанных с психологической диагностикой, консультированием и психотерапией.

И в первом (психолог в организации) и во втором (частнопрактикующий психолог) случае, психологическая деятельность связана непосредственно с личностью специалиста, а сам специалист является носителем ценностных ориентиров и гарантом качества предоставляемой услуги. Опытный психолог знает, что важен не только и не столько результат оказываемой психологической услуги, как ее сопровождение. Это может быть сопровождение в обнаружении и встречи личности с собой, своими особенностями, чувствами, неосознаваемыми механизмами, либо встреча с другими, даже родными на первый взгляд людьми, с которыми приходится знакомиться вновь, учиться говорить на языке другого человека, например, в ситуации супружеских или детско-родительских отношений, где результат может быть отсроченным во времени.

Этот сложный путь становления профессионального самосознания начинается еще на этапе обучения. Студенты психологических факультетов и слушатели различных курсов переподготовки кадров, получая академическую подготовку и практические навыки, чаще всего не видят перспектив собственной профессиональной реализации в деятельности в силу самых разных причин: поверхностного восприятия деятельности психолога, сформированного подчас некачественной кинопродукцией и СМИ, неадекватными ожиданиями результатов психологических услуг, направленными на слишком кардинальные изменения собственной личности (например, стать сильным человеком, без страха и боли), или, что еще «фантастичнее», ожидать, что изменятся другие люди.

Еще сложнее разобраться в содержании психологической услуги потенциальным клиентам, им приходится либо «слепо» доверять специалисту, либо становиться «продвинутым пользователем», либо ориентироваться на рекомендации и опыт других.

Кроме того, существует еще одно противоречивое «общественное» ожидание, касающееся ценностного содержания деятельности психолога: психолог, либо должен быть во всем безупречным и идеальным (иметь идеальное здоровье, не иметь проблем в собственной семье и на работе, быть успешным и состоятельным человеком), либо должен так управлять своим поведением, эмоциями, чтобы оставаться в любых ситуациях невозмутимым и сдерживать свои отрицательные эмоции, мысли и поступки. Какой начинающий психолог не слышал в свой адрес фразу от родных или друзей: «Ты же психолог, так почему ты так себя ведешь, ... чувствуешь, ... поступаешь...». При этом сами психологи также вынуждены преодолевать целый спектр нравственно-этических противоречий: разглашать ли конфиденциальность, если клиент совершил правонарушение или не этично поступил по отношению к другому или к организации, в которой он работает, сообщать ли родным о кризисной ситуации, которую переживает человек, обратившийся за помощью и столкнувшийся, например, с насилием в семье. Подобных ситуаций в работе психолога достаточно много и каждая из них требует уникального подхода.

Поэтому актуальным становится изучение проблемы становления профессионального самосознания психологов с учетом их личностных и профессиональных ценностных ориентаций.

Теоретическим обоснованием исследования ценностных ориентаций и профессионального самосознания стали работы следующих авторов. Л.М. Митина [4], И.С. Кона [2] и Д. Майерса [3], которые предлагали рассматривать содержание профессионального самосознания личности (социально-психологические характеристики) и его основные характеристики (активность, широта, направлен-

ность), раскрывающиеся посредством репертуара социальных ролей личности (Г.М. Андреева, И.С. Кон, Д.Майес) [1, 2, 3].

Как отмечает Н.С. Пряжников [5] система ценностных ориентаций занимает ведущую позицию в структуре личности человека и обнаруживается в его целях, убеждениях, идеалах, установках, интересах, выступает основным регулятором поведения и социальной активности личности, определяет профессиональную деятельность человека.

Необходимым условием эффективности профессиональной деятельности выступает деятельностно-смысловое единство, заключающееся в совпадении ценностно-смыслового и предметно-действенного аспектов деятельности. Это условие становится особенно актуальным для профессий типа «человек-человек», в которые входит профессия - психолог.

Так как деятельность психолога связана с оказанием социально-психологической, психолого-педагогической и медико-психологической формами помощи человеку, группам людей и обществу в целом, и обусловлена вероятностью экстремальных ситуаций, то к психологу предъявляются высокие требования. Это требует сформированности у специалиста глубоких эмоционально-личностных регуляторов поведения и деятельности. Поэтому на первый план выходит проблема становления системы ценностей психолога-профессионала, определяющей гуманистическую направленность и способствующей развитию профессионально значимых качеств.

Однако опыт показывает, что в практической работе специалиста нередко случаи нарушения поведенческих этических норм, отсутствия осознанной гуманистически ориентированной цели профессиональной деятельности. В связи с этим в социальной сфере возрос интерес не только к проблемам развития теории и практики деятельности психолога, но и к личности профессионала, его особенностям и качественным характеристикам. В данном контексте особую актуальность приобретают проблемы системы жизненных и карьерно-профессиональных ценностей психологов, занятых в различных профессиональных сферах.

Целью исследования стало изучение ценностных ориентаций (личностных и карьерных) и особенностей профессионального самосознания психологов, занятых в различных профессиональных сферах: образовании, правоохранительных органах и частнопрактикующих психологов

Методы исследования: модифицированный вариант методики Н.Е. Водопьяновой, Н.В. Лик «Профессионально самосознание»; методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения ценности и доступности»; модифицированный опросник «Якоря карьеры», определяющий карьерные ориентации личности, разработанный В.А. Чикер.

Характеристика выборки: 45 респондентов, которые представляют собой 3 группы: 1-я группа – психологи, работающие в различных частных центрах и общественных организациях, занимающиеся консультированием и психотерапией. (15 человек в возрасте 22-38 лет); 2-я группа - психологи, занятые в сфере правоохранительных органов (специалисты таможни, милиции, в том числе транспортной, сотрудники наркоконтроля города Краснодара). Эта группа составила 15 человек в возрасте 25-31 года; 3-я группа - психологи, занятые в сфере образования. (15 преподавателей училищ и вузов, в возрасте 24-36 лет). Во всех трех группах в качестве респондентов выступили женщины в возрасте от 24 лет до 38 лет, со стажем работы 2-10 лет.

Результаты исследования особенностей профессионального самосознания и ценностных ориентаций у психологов показали, что для всех респондентов важно чувствовать себя счастливыми в семье и иметь возможность служить на благо общества, при этом они обладают достаточно высоким уровнем рефлексии профессионального самосознания. При этом для каждой группы респондентов были выявлены некоторые особенности.

В первой группы респондентов, которую составили психологи-практики, занимающиеся консультированием, психотерапией, коррекцией поведения и различными видами психологической поддержки населения, оказались наиболее важными следующие ценностные ориентации: любовь, счастливая семейная жизнь, материально-обеспеченная жизнь и свобода. Показатель удовлетворенности жизнью у них достигает небольших значений, что свидетельствует в целом об удовлетворенности и оценки собственной жизни как благополучной.

У респондентов данной группы в большей степени проявились следующие карьерные ориентации: менеджмент, профессиональная компетентность, вызов и служение, т.е. психологи-практики прежде всего направляют свою профессиональную активность на интеграцию усилий других людей, что вполне согласуется с содержанием их деятельности. Будучи организационными и семейными консультантами, им необходимо не только помочь встретиться разным людям и социальным группам (руководителя и подчиненным, родителям и детям, супругам, находящимся в сложной ситуации и

т.п.), соединить различные функции системы (семьи или организации), но взять на себя ответственность за конечный результат, в противном случае психолог-практик рискует остаться без клиентов и оказаться не востребованным на рынке психологических услуг.

Как правило, психологи-практики хорошо владеют навыками межличностного и группового общения, эмоционально уравновешенны и могут совмещать управление различными сторонами деятельности – маркетингом, продажами, разработками. При этом они ценят такую карьерную ориентацию как профессиональная компетентность и хотят быть мастером своего дела. В силу специфики их деятельности они демонстрируют такую ценность как вызов, основные цели которой – конкуренция, победа над другими, преодоление препятствий и решение трудных задач. Данные ценности связаны со следующими особенностями их самосознания – очень высокой активностью направленности на будущее, достаточно широкой саморефлексией, хотя этот показатель у них ниже, чем в других группах и достаточно высокой карьерно-профессиональной направленностью, при достаточно высокой направленности на свои индивидуальные характеристики.

Возможно, что стиль работы «свободного художника», зависящего от заказчиков и характерного для многих практикующих психологов, требует активности в планировании профессиональной деятельности на перспективу, осознания своей уникальной индивидуальности, чтобы уметь отличаться на рынке психологических услуг и сложности в определении сферы деятельности (приходится работать с разными клиентами) и четких границ своей компетентности (показатель саморефлексии ниже, чем в других группах). Психологи-практики хорошо идентифицируют себя со своей профессиональной ролью, считая себя в первую очередь специалистом, практиком, тренером, консультантом или терапевтом. Описывая свои индивидуальные характеристики, они оценивают себя успешных, счастливых, компанейских людей, не всегда разделяя деловые и личные отношения.

Характеристика второй группы респондентов - психологов, занятых в сфере правоохранительных органов. В данной группе можно обнаружить следующие ведущие ценностные ориентации: первое место занимает счастливая семейная жизнь, на втором – любовь. Следующей по значимости ценностью является здоровье. Показатель удовлетворенности жизнью достигает средних значений, т.е. юридические психологи в целом скорее довольны своей жизнью.

Карьерные ориентации распределились следующим образом: стабильность работы, служение, менеджмент, интеграция. То, что стабильность места работы оказалась на первом месте в данной группе респондентов свидетельствует о том, что они ценят работу, обеспечивающую им определенный срок службы в организации, когда сама организация заботится о своих работниках. Человека с такой ориентацией часто называют «человеком организации». Кроме того, для них имеет большое значение карьерная ориентация – «служение», основными ценностями являются – «работа с людьми», помощь, желание сделать лучше, «служение человечеству». Карьерная ориентация «менеджмент» занимает в этой группе третье место, можно сказать, что психологи в системе правоохранительных органов должны уметь не только подчиняться, но и управлять, организовывать работу других людей, обеспечивать коммуникацию между сотрудниками организации. На четвертом месте оказывается карьерная ориентация «интеграция стилей жизни», что значит стремление у респондентов к тому, чтобы все было сбалансировано: работа, семья, досуг.

Самосознание у женщин-психологов второй группы характеризуется следующим образом: широта саморефлексии проявляются на высоком уровне, а это значит, что они осознают себя в настоящем достаточно хорошо, они устремлены в своем профессиональном и личностном развитии в будущее (уровень активность выше среднего). Карьерная и индивидуальная направленность находится на среднем уровне, поскольку для них важнее оставаться работать в определенной сфере. Они идентифицируют себя с такими профессиональными ролями как, специалист, исследователь, начальник, криминалист. Психологи правоохранительных органов описывают себя как личность, лидера, с одной стороны, а с другой как туриста, игрока, таким образом, досуг имеет для них достаточное значение. Таким образом, психологам в этой сфере профессиональной деятельности удастся быть стабильными, лояльными организации, в которой работают, при этом осознавать свои плюсы и минусы, т.е. быть достаточно рефлексивными и ответственными.

В третьей группе респондентов, которую составили психологи, занятые в сфере образования, также наиболее значимыми оказались такие жизненные ценности, как счастливая семейная жизнь, любовь, наличие хороших и верных друзей. При этом, только в этой группе респондентов показатель неудовлетворенности жизнью достаточно высок, т.е. психологи, работая в бюджетной сфере не чувствуют себя защищенными и возможно компенсируют свою тревоги за счёт расширения дружеского круга.

Основными карьерно-профессиональными ориентациями для данной группы стали стабильность работы, служение, интеграция стилей жизни, вызов. Психологи сферы образования, также, как и психологи правоохранительных органов, в основном работают в государственных образовательных учреждениях – школах, гимназиях, училищах, вузах, и так же как психологи второй группы на первое место ставят карьерную ориентацию стабильность работы, где главная ценность — это забота организации о своих работниках. Карьерная ориентация «служение» в этой группе занимает второе место, т.е. для них характерны такие ценности как, «служение человечеству», «помощь людям», «желание сделать мир лучше», карьерная ориентация «интеграция стилей жизни» оказывается на третьем месте, т.к. женщины, занятые в образовании, ориентированы на интеграцию различных сторон своей жизни, и семью, и работу. На четвертом месте – карьерная ориентация «вызов», т.е. для них иногда близка ситуация конкуренции, преодоления препятствий, решения трудных задач. Что согласуется с самоописаниями женщин, направленными в отдаленное будущее, в котором они видят следующие свои профессиональные роли – профессор, доктор наук. В настоящем они описывают себя как преподавателей и ученых (кандидат наук).

Среди личностных характеристик, наиболее часто встречаемые – это семейные роли (жена, мать, дочь), а также женщина и коллега. При этом широта саморефлексии в этой группе самая высокая, активность и индивидуальная направленность на среднем уровне, а профессиональная направленность – на низком. Как отмечают сами респондентки в самоописаниях, они чувствуют свой высокий потенциал (саморефлексия), но не видят особых перспектив профессионального роста, кроме научного. Действительно в сфере образования, в отличие от других сфер достаточно сложно сделать должностную карьеру и занять ведущую управляющую должность, как например в частной организации или в структуре УВД. При этом они также готовы брать на себя ответственность за деятельность, и в области семейных отношений, из чего мы делаем предположение, что одна из сфер, в которой реализуют себя женщины – это семья.

Респондентки третьей группы достаточно хорошо адаптированы в профессии и имеют высокую мотивацию, хотя есть тенденции к дезадаптации в области социального взаимодействия и здоровья, мы связываем эту тенденцию с характерной для многих педагогов, закономерностью накапливать усталость в силу высокой ответственности в межличностных отношениях к концу учебного года.

Таким образом, выявлены различия в ценностных ориентациях и содержании профессионального самосознания психологов, занятых в различных профессиональных сферах, что позволяет обозначить проблемы профессиональной самореализации и наметить задачи психологического сопровождения профессионального становления психолога.

Библиографический список

1. Андреева Г.С. Психология социального познания. М.: Мир, 2000.
2. Кон И. С. Психология ранней юности. М., 1989.
3. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997.
4. Митина Л.М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях // Вопросы психологии. 1997. № 4.
5. Пряжников Н.С. Психологический смысл труда. М., Воронеж, 1997.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВРЕМЕННОЙ ДЕЦЕНТРАЦИИ И ОРИЕНТАЦИИ ВО ВРЕМЕНИ ЛИЧНОСТИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПУТИ

Тхагалижокова Л.В.

Ключевые слова: личность, разные этапы профессионального пути, временная децентрация, ориентация во времени.

В стремительном новом тысячелетии жизнь человека, как внешняя, так и внутренняя, по образу выражению академика А.Ф. Лосева, подчинена времени, а не наоборот. Каждая минута, секунда «полны напряжения» [2, с. 46]. В организации социальной жизни человека часто просматривается потеря ориентации на будущее, существование замыкается на настоящем, более того, оно нередко принимает ретроградный характер: человек идеализирует прошлое, живет воспоминаниями о нем, не видя оптимистических прогнозов, как для будущего, так и для настоящего. В новых социальных условиях изменяется восприятие времени и его атрибутов, поскольку представление человека о времени, развиваясь в персонификации, обуславливается в значительной мере факторами социокультурной

среды, к которой он принадлежит. В литературе отмечается, что адекватность отражения различных временных отношений может рассматриваться как интегральный показатель личностной зрелости [4 и др.], достижения субъектности [6]. В частности, перцепция времени выступает фундаментом, на котором базируются мотивация достижений, целеполагание, стремления к поиску новых ощущений, рискованное поведение и проч. (Ф. Зимбардо, Дж. МакГралх, Ф. Тчан).

Феномен временной децентрации был методологически обоснованно описан С.Л. Рубинштейном. Временная децентрация, по Рубинштейну, – это способность субъекта получать подлинную временную характеристику настоящего через умение посмотреть на него и из прошлого, и из будущего, то есть свободно переносить «свою исходную точку за пределы непосредственно данного» [3]. В работах Е.И. Головахи и А.А. Кроника это явление получило детальную разработку [1]. Временная децентрация, по утверждению авторов, предполагает возможность отделения личностного временного центра от момента хронологического настоящего и перенос этого центра в любой иной момент хронологического прошлого или будущего.

Авторы утверждают, что устойчивая децентрация (в прошлое или будущее) чревата ослаблением актуального «Я образа», недостаточной личностной зрелостью. Человек, живущий прошлым («ретроградная» жизненная позиция), оказывается недостаточно гибким и успешным в решении задач настоящего, склонен к отрицательным оценкам текущих жизненных событий, не находит оптимистических ожиданий и жизненных целей. Субъект, живущий надеждами на будущее, рискует пропустить ценность настоящего, недооценить роль и значение прошлого опыта для успешной реализации жизненных устремлений. Чрезмерная прогностичность, избыточное резонерство могут сформироваться как личностные качества, определяющие жизненную позицию личности. По мнению Е.И. Головахи и А.А. Кроника, социально зрелая личность – это человек, умеющий ценить пройденный этап жизни, опираться на опыт и достижения прошлого, строить реалистичные планы на будущее, но живущий в этом времени, сохраняя свою аутентичность.

Цель описываемого эпизода, проводимого нами исследования состояла в анализе взаимосвязи временной децентрации и ориентации во времени личности на разных этапах профессионального и жизненного пути.

Исследование проведено в трех возрастных группах, представляющих три стадии профессионального становления врача: школьники («оптанты»), обучающиеся в специализированном лицее при медицинском университете и связывающие свою будущую профессиональную карьеру с медициной (30 чел.); студенты 4 курса медуниверситета («адепты»; 80 чел.; из них имеют опыт обучения в лицее до поступления в медицинский вуз 40 человек); практикующие врачи («мастера»; 20 чел.). Совокупная выборка составила 130 человек. В процессе анализа эмпирических данных группа студентов была разделена на две подгруппы с условным обозначением: «студенты-лицейсты» (студенты, прошедшие курс обучения в лицее на стадии «оптанта»; 40 чел.) и «студенты» (молодые люди и девушки, поступившие в медуниверситет после окончания обычной школы; 40 чел.).

Для психодиагностики применялись следующие методики: графическая методика «Временная децентрация» [1, с. 130-131] и шкала «Ориентация во времени» опросника САТ [5].

Методика определения временной децентрации направлена на диагностику способности субъекта взглянуть на свою жизнь с любой временной позиции, с любого хронологического момента своей жизни. Респондентам предлагается оценить свои временные ориентации с помощью трех биполярных семибальных шкал. На основании полученных оценок определяется степень выраженности ориентации на настоящее, прошлое, будущее. Возможная максимальная оценка каждой из ориентаций равна 14 баллам.

Шкала «Ориентация во времени» является базовой шкалой опросника САТ, русскоязычной адаптации опросника ROI (Опросник личностных ориентаций) Э. Шострома. Используемая в исследовании шкала содержит 17 пунктов, каждый из которых включает два суждения ценностного или поведенческого характера под индексами «а» и «б». Респонденту предлагается при тестировании выбрать тот вариант ответа, который наиболее соответствует его отношению к жизни и ко времени. Рассчитываются два показателя: общий (сумма ответов, совпавших с «ключом») и коэффициент «Ориентация во времени» (отношение количества ответов, не совпавших с «ключом» к количеству ответов, совпавших с «ключом»). Результат маркирует уровень ориентации (компетентности) во времени как условие самоактуализации личности.

Рассмотрим полученные результаты.

Временная децентрация и ориентация во времени старшеклассников.

Установлено, что 63,3% старшеклассников (19 чел.) не имеют выраженной самоактуализации: средний балл по шкале «Ориентация во времени» у них составил 5,7, то есть 33,7% от возможного максимального показателя (17 баллов). В тоже время видим, что около четверти опрошенных (23,3%; 7 человек) значительно актуализированы: средний балл в этой части выборки составил 64,7% от максимального ($M = 11,0$). Эти ученики правильно ориентированы во времени, воспринимая его в единстве с прошлым и будущим. Их надежды разумно связаны с актуальными в настоящее время целями. У остальных 4-х испытуемых (13,4%) отмечается средний уровень показателя ориентации во времени ($M = 8,5$, т.е. 50,0% от макс.).

Анализ показателей временной децентрации выявил, что значительная часть учеников живет преимущественно позитивным восприятием более раннего периода своей жизни: 60,0% опрошенных (18 чел.) децентрированы в прошлое. Семь учеников (23,3%) децентрированы в будущее, их устремления связаны с ожиданиями жизненных перемен, которые наступят с окончанием периода школьного обучения. Отсутствие децентрации отмечается только у пяти человек (16,7%). Эти юноши и девушки живут ценностями настоящего, опираясь на уже сложившийся жизненный опыт и позитивно оценивая будущее. Все они имеют высокие показатели по шкале «Ориентация во времени».

Установлено, что 79,0% (15 чел.) из учеников, обладающих слабо сформированной ориентацией во времени, децентрированы преимущественно в прошлое. Группу школьников, децентрированных в будущее, составили лица с разным уровнем самоактуализации в виде ориентации во времени. Основная часть (4 чел. из семи) – это старшеклассники со слабо выраженной самоактуализацией; один имеет средний уровень, а два – высокий. Это позволяет говорить, что ученики, сделавшие профессиональный выбор и принявшие личностный план по его реализации (обучение в профильном лицее), при этом имеющие высокий уровень ориентации во времени, развиваются как самоактуализирующаяся личность, центрированная преимущественно на решении задач настоящего с проецированием их перспектив в будущее.

Тем не менее, значительная часть старшеклассников живет позитивным восприятием прошлого. Можно предположить, что чрезмерные учебные нагрузки, тревожность ожидания результатов завершения обучения в школе и конкурса при поступлении в вуз в качестве компенсаторной психической реакции личности обращают ее к периоду детства, где большая часть событий имела эмоционально позитивный фон.

Временная децентрация и ориентация во времени студентов медицинского университета.

Среди студентов, прошедших обучение в лицее при медуниверситете, 15 человек (37,5%) имеют высокий уровень ориентации во времени, а 12 (30,0%) – средний. Т.обр., можно говорить, что две трети из этих студентов, приступив к обучению на втором профессиональном модуле (преимущественно клиническая подготовка), хорошо осознают потребности самоактуализации и устремлены на их реализацию. Однако треть респондентов этой группы обнаружили сниженный уровень ОВ (13 чел.; 32,5%).

Источники уверенности в достижении жизненного успеха локализируются у студентов – «лицеистов» в разных временных диапазонах. Из 15-ти высоко ориентированных во времени студентов только 5 человек (33,3%) центрированы в настоящее. Остальные 10 человек (66,7%) находят устойчивость самооценки и жизненных притязаний в успехах прошлого.

Еще более выражена эта тенденция в среде респондентов со средним уровнем ориентации во времени. Из 12-ти человек, имеющих этот показатель, 9 (75,0%) децентрированы в прошлое, высоко оценивают его персональную значимость и ценность. Лишь два человека отмечают значимость текущих событий в их личной и профессиональной жизни. Будущее имеет значимость преимущественно для студентов – «лицеистов» со слабым уровнем самоактуализации. Из восьми респондентов, обнаруживших этот вид децентрации, 7 имеют слабо выраженную ориентацию во времени.

Таким образом, слабо выраженная ориентация во времени, связана с преобладанием у студентов, прошедших раннюю профессионализацию в виде обучения в профильном лицее, имеет отражение в преобладании децентраций в прошлое и будущее. Однако отмечается феномен очевидного «сдвига» личностного времени у субъектов с высокой ориентацией во времени: от преимущественно «в настоящее» у школьников-лицеистов к преимущественно «в прошлое» у студентов – «лицеистов». Для интерпретации данного феномена мы провели сравнение показателей с группой «студенты».

Среди студентов, поступивших в медицинский вуз без прохождения довузовской организованной подготовки в лицее (группа «студенты»), средневысокие диагностические показатели по показателю ориентации во времени обнаружили 45,0% опрошенных (18 чел.), что в сравнении с группой «студенты – лицеисты» достоверно менее выражено (при $\phi^* = 1,48$ $p \leq 0,07$). Более половины респон-

дентов этой группы (55,0%; 22 чел.) имеют слабый уровень компетентности во времени, что также достоверно отличается от студентов – «лицеистов» (32,8%; 13 чел.; при $\phi^*=2,05$ $p \leq 0,02$).

Значительная часть из выборки «студенты» устремлена в будущее (77,5%; 31 чел.), при этом, также как в группе студентов – «лицеистов», основную часть составляют студенты со слабой компетентностью во времени. Надежды на будущее, очевидно, являются специфическим проявлением эгозащит, сохраняющих самооценку личности в ситуациях сложности прохождения этапа профессионального медицинского образования. Основное различие относится к временной децентрации студентов, имеющих высоко выраженную компетентность во времени. В группе «Студенты – лицеисты» значительная часть (66,7%) высоко оценивает свои прошлые жизненные успехи, в прошлом находит подкрепление самооценки, а остальные центрированы на актуальные временные события. Для «студентов» же позитивные ожидания связаны с будущим (6 чел. из 9-ти, т.е. также 66,7%). Центрация «на настоящее» выделена только в одном наблюдении; два респондента высоко оценивают прошлые успехи.

Таким образом, для студентов, не прошедших обучение в лицее, более характерно устремление в будущее, надежды на самореализацию в будущем («мое время еще не пришло»). Студенты же, имеющие в биографии период ранней профессионализации, более обращены в прошлое. Именно в том времени они продуктивнее самореализовывались, были более успешными и активными.

Сравнение с группой школьников показывает, что студенты более активно формируют компетентность во времени. Однако обучение в вузе сопровождается для части из них кризисом самореализации, они «отворачиваются» от настоящего и находят поддержку собственной самооценки в успешном прошлом.

Временная децентрация и ориентация во времени практикующих врачей.

Ориентация во времени врачей в целом отражается в среднегрупповом показателе 8,6 балла, то есть находится на среднем уровне выраженности. Вместе с тем отмечается, что 35,0% опрошенных (7 чел.) имеют самые высокие показатели по совокупной выборке: $M=12,3$ балла. При этом очевидна и другая тенденция: низкий уровень компетентности во времени проявляют 40,0% опрошенных.

Если сравнить выраженность показателей высокого и низкого уровней ориентации во времени во всех обследованных группах, то видим следующее. По сути, в равных долях обнаруживается высокая временная компетентность у студентов – «лицеистов» и практикующих врачей (37,5% и 35,0% соответственно). Низкие показатели менее всего выявлены в группе студентов – «лицеистов»: 32,0%, против 63,4 у школьников, 55,0 у «студентов» и 40,0 у врачей. Это наблюдение дает основание сделать вывод: прохождение периода ранней профессионализации на этапе «оптации» создает внутренние, психологические условия для более успешного становления субъекта в избранной профессии, осознания себя как самореализующейся личности.

Анализ показателей временной децентрации в группе врачей демонстрирует преимущественную направленность на настоящее: 65,0% (13 чел.) не децентрированы, живут в актуальной жизненной и профессиональной реальности. Важно отметить, что никто из опрошенных не погружен в ценность прожитого периода жизни. 35,0% респондентов (7 чел.) устремлены в будущее. Такого рода децентрация свидетельствует о наличии определенных жизненных и карьерных ожиданий, не получивших пока реализации.

Незначительная выраженность погруженности в прошлое в группе «студентов» (5,0%) сближает их позицию с практикующими, опытными врачами и подтверждает предположение о том, что настоящее у них не фрустрировано и не обуславливает компенсацию кризисных переживаний, связанных с самореализацией, эго-защитой по типу «реактивные образования» (сверхпогруженность в прошлое, завышенная оценка его личностной ценности и значимости). Такая защита обнаруживается у старшеклассников, перегруженных переживаниями о предстоящем конкурсном испытании, и у студентов – «лицеистов», встретивших на этапе учебно-профессиональной деятельности ситуации, которые, очевидно, значительно фрустрировали их ожидания.

Выводы. Высокий уровень компетентности во времени непосредственно связан с локализацией временной перспективы личности. Он может рассматриваться как индикатор центрации личности в настоящем и будущем. Слабо выраженная компетентность во времени связана с тенденцией к преимущественной локализации психологического времени в прошлом или будущем. Устремление в ценность прошлого, отмечаемая у субъектов, прошедших этап ранней профессионализации, может рассматриваться как прогностическая модель психологического результата завышенных ожиданий. Для старшеклассников выражением этого явления может быть кризис оптации; для студентов – «лицеистов» – переживание «кризиса третьего курса» [7, 8].

Библиографический список

1. Головаха Е.И. Кроник А.А. Психологическое время личности. М., 2008.
2. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.
3. Рубинштейн С.Л. Психология Шпрангера как наука о духе. М., 2007.
4. Рыжухин А.В. Специфика восприятия времени подростками с асоциальным поведением: дис. ... канд. психол. наук. М, 2001.
5. Талызина Н.Ф. Практикум по педагогической психологии. М.: Академия, 2002.
6. Удачина П.Ю. Личность как субъект организации времени: дисс. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.
7. Ясько Б.А. Психология личности и труда врача. Ростов н/Д: Феникс, 2005.
8. Ясько Б.А. Кризисы профессионализации и профессиональный стресс в труде врача // Психология психических состояний / под ред. А.О. Прохорова. Казань: Отечество, 2014.

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ВИДАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Фоменко Г.Ю., Куашева Е.Р.

Ключевые слова: личность, субъект, противоречия личности, экстремальные виды профессиональной деятельности.

Современные трансформационные процессы в обществе субъективно воспринимаются личностью как значительное усложнение социальной реальности. Возникающие противоречия в последней по-разному проблематизируются каждым человеком и имеют свою специфику в зависимости от его профессиональной принадлежности.

В условиях, когда изменения в обществе значительно опережают изменения в сознании людей, нарастают *иррациональные тенденции* в сознании, мировоззрении, поведении профессионалов [5,6,7]. Особое внимание привлекает деятельность сотрудников органов внутренних дел как представителей социально значимой профессии, деформационные явления в которой приводят к нарушениям взаимоотношений в системе «человек – профессия – общество».

Исследователи неоднократно отмечали сложность социальной реальности применительно к сотрудникам силовых ведомств. Это обусловлено, по нашему мнению, следующей совокупностью субъективных и объективных причин и обстоятельств.

Во-первых, сотрудники органов внутренних дел являются субъектами социально-значимой профессии, искажение социальных функций которых (согласно Е.П.Ермолаевой) изменяет мотивационно-ценностные ориентиры и поведение членов общества.

Во-вторых, то обстоятельство, что для сотрудников данных ведомств, в силу специфики профессии, необходимость разрешения личностью как субъектом жизни основного противоречия – между собственными потребностями, интересами и внешними требованиями – приобретает особую остроту. Система ОВД как организация многофункциональная и динамичная, с одной стороны, требует субъектности от сотрудников, но и одновременно ограничивает её ввиду авторитарного субъект-объектного стиля управления [4, 9, 16, 17, 18, 19, 20].

В-третьих, тип данной профессиональной деятельности характеризуется повышенной конфликтностью в сфере субъект-объектных отношений.

В-четвёртых, на экстремальность данного вида профессиональной деятельности накладывается то, что Ермолаева Е.П. квалифицирует как *экстремизацию* профессиональной деятельности в целом. *Экстремизация* профессиональной деятельности, согласно Е.П.Ермолаевой, – следствие того, что современные темпы социальных и технологических изменений выдвигают к субъекту труда требования на пределе его возможностей; во многих случаях вопрос уже не стоит об оптимальных показателях деятельности, а о том, выдержит человек или нет [6].

В связи с тем, что в своём исследовании мы концентрируемся на личности сотрудника внутренних дел как субъекте не только профессиональной деятельности, но и жизни в целом, наиболее важным для нас является психологическое содержание выделяемого нами явления (экстремальности, умноженной на экстремизацию), которое часто остаётся вне фокуса исследовательского интереса. *Психологическое содержание* данного феномена (*экстремальности на фоне экстремизации*) профессиональной деятельности сотрудников силовых ведомств в контексте субъектно-бытийного подхода

может быть раскрыто через анализ разноуровневых противоречий, требующих своего разрешения личностью.

Мы концентрируемся на понятии «противоречия», исходя из следующих соображений [17]:

Во-первых, на современном этапе развития цивилизации и нашего общества возникают новые комплексы противоречивых требований к личности.

Во-вторых, субъектная активность личности связана с необходимостью разрешения возникающих противоречий и качество этой активности во многом определяется степенью успешности этого процесса. Для характеристики личности как субъекта жизнедеятельности чрезвычайно важен выбираемый ею способ разрешения противоречий [1, с. 53], который в свою очередь зависит от предпочитаемого ею модуса бытия [16; 19].

В-третьих, согласно диалектической традиции, выделение и разрешение противоречий является основой развития. Для личности на этом пути важным становится умение превратить имеющееся противоречие в проблему и выбрать оптимальный способ её решения.

В-четвёртых, к противоречиям мы обращаемся в связи с тем, что в психологии человеческого бытия мы имеем дело с процессуальными характеристиками: модус бытия личности, идентичность, личностная зрелость и т.п. Более того, хотелось бы отметить, что в соответствии с принципом развития всякая высшая форма поведения должна быть представлена «не как вещь, а как процесс».

В-пятых, это реальная включённость человека в разные, иногда весьма противоречивые социальные группы. Человек постоянно сталкивается с задачей соотношения тех целей, которые ему приходится осуществлять в ситуациях, выдвигающих порой разные требования. Возникает необходимость разрешения конфликта «быть или казаться», пуститься ему в погоню за удачным выполнением в разных системах разных социальных ролей и стремиться стать «хорошим для всех» или же не раствориться в разных системах и остаться самим собой. [3, с. 133 - 134].

В – шестых, к противоречиям заставляет обратиться и всегда имеющийся разрыв между действительно существующим, желаемым и потенциально возможным. Причём анализ этого диссонанса неизбежно требует обращения к ценностно-смысловым структурам личности.

В-седьмых, на современном этапе развития общества выделяется противоречие между повышением роли субъектных характеристик человека при одновременном резком ограничении степени его автономности неизбежным возрастанием сложности социальной организации жизни [10; 20].

В нашей работе мы исходим из следующего положения: *профессиональная деятельность в экстремальных условиях обостряет все актуальные противоречия и придаёт им своеобразную окраску.*

Следующее принципиальное для нас методологическое положение: на современном этапе отмечаются изменения в *характере субъектной активности* личности. Причём применительно к профессиональной сфере деятельности в качестве необходимых существенных изменений субъектной активности рассматриваются: возрастание самостоятельности во взглядах и поступках людей; переосмысление прежних норм и ценностей; рост чувства независимости по отношению к воздействию со стороны организации и общества; усиление чувства ответственности за выбор профессии и место работы; возникновение потребности в повышении квалификации ради достижения определённых целей, в том числе за счёт профессиональной переориентации [6; 7]. Данная тенденция сталкивается со специфической системой организации и комплекса служебных требований в силовых ведомствах. Применительно к жёсткой, чётко структурированной и дифференцированной структуре силовых ведомств некая глобальная характеристика системы влияний на личность, исходящая от социальной среды - «тематическая структура» по Г. Томэ [15], является *строго регламентирующей* (гомеостатической). Гомеостатическая тематика ориентирует человека на прошлое, гасит, нивелирует все изменения в жизни, препятствует становлению аутентичного бытия личности. Груз социальных влияний, обусловленный гомеостатической тематикой, создаёт определённые препятствия для выработки собственно субъектных качеств [16; 18; 19].

Сотрудник находится в обстановке, где подчинение приказам – это становой хребет повседневного существования, а как точно формулирует Р.Уотермен: «Ничто не порождает внутреннее напряжение – или пассивную покорность – так же верно, как приказ. Когда у человека нет выбора, от него не приходится ожидать истинной преданности делу» [13]. Человека, с одной стороны, сначала (и не просто последовательно, а практически в каждой служебной ситуации) отучают от принятия решений, нивелируют как личность (как субъекта принятия решений и ответственности), а затем требуют самостоятельности и инициативности, особенно в экстремальных ситуациях.

Бурцева Е.В. на примере динамики развития системы предупреждения преступлений и административных правонарушений сотрудниками органов внутренних дел выводит основное противоречие системы ОВД как организации многофункциональной и динамичной, с одной стороны, что требует субъектности от сотрудников, но имеющей авторитарный, субъект-объектный стиль управления. Показано, что вся система воспитательной работы с сотрудниками органов внутренних дел, несмотря на попытку её реформирования, носит субъект-объектный характер. В качестве аргумента исследователем приводится анализ некоторых материалов: руководства по морально-психологическому обеспечению оперативно-служебной деятельности ОВД РФ, учебных пособий по организации воспитательной работы с сотрудниками ОВД [4].

Сотрудники силовых ведомств функционируют в *среде замкнутого корпоративного типа* – особом типе профессионального объединения людей, имеющего общую цель, разделение обязанностей, а главное – «кодекс поведения», обеспечивающий замкнутость корпорации и её сохранность. Характеристика среды замкнутого корпоративного типа очень подробно осуществлена в работах Е.П.Ермолаевой [6].

Как отмечает А.Г. Асмолов, жизнь личности в такой системе, бюрократически – административной по своей сути, способствует превращению её в исполнителя директив, в вещь, «винтик», наделённый лишь утилитарными системными качествами, то есть качествами, которые полезны для системы. Однако, как бы ни была однородна система, каким бы жёстким централизованным контролем она ни обладала, у личности, даже в предписанной тоталитарной системой рамках, остаётся право на выбор [3, с.51].

Это является отражением более *общего противоречия* – *между социальной ролью человека и его индивидуальностью*. По мнению А.Г.Асмолова, представление о «социальной роли» в обыденном сознании постоянно соседствует с образами «маски», фасада, за которыми скрывается подлинная натура человека [3].

Для нас в этих рассуждениях важен следующий аспект: если человек не профессионал, а только чиновник, этого конфликта не возникает. Подобное положение дел может рассматриваться и как источник профессионального маргинализма. Мы уточняем: во внутриличностном плане это противоречие между профессионалом и исполнителем; между профессионалом руководителем и чиновником.

Проблема личностного и профессионального самоопределения в этих условиях актуализирует и заостряет проблему субъектности личности, специфики её реализации [18;19]. С другой стороны, казалось бы, сами ведомства заинтересованы в людях-предметах как оптимальном типе функционера, отвечающем всем требованиям системной организации этих служб [14;18].

Современная жизнь и в рамках служебной деятельности создаёт всё больше ситуаций, требующих проявления собственно субъектных характеристик: чувство контроля над ситуациями; принятие на себя безусловных обязательств по планированию собственной жизни и ответственность за выполнение намеченного и результаты; способность воспринимать любой негативный поворот в собственной жизни как вызов собственной жизнестойкости; необходимость творчески самостоятельно реагировать на изменяющиеся жизненные условия. Эта система требований удовлетворяет субъектному стандарту валюации по К.Обуховскому.

Субъектный стандарт валюации предполагает, что человек воспринимает *себя* как источник своих поступков, *собственные цели* как предмет своих интенций, *мир* вокруг как шанс для своих возможностей [12]. *Субъектный стандарт валюации* обязателен в случае предпочтения личностью *предельного модуса бытия*. Прежний *предметный стандарт валюации* предполагает, что мы должны воспринимать: *себя* как выполняющих критерии предписанной нам роли, наши *цели* как отвечающие нашим обязательствам, *мир* вокруг нас как сферу, в которой мы делаем то, что от нас требуется [12].

Невозможность полагаться на привычные культурные модели, рухнувшие идеологические конструкции приводят людей к необходимости создавать собственные концепции жизни и обязанностей, актуализируют проблему самоопределения и ответственности за самих себя. *При этом развитие субъектности и выработка ответственности взаимосвязаны*. Человек, как правило, принимает ответственность за результаты некоего процесса в том случае, если он имеет или имел влияние на линии причинности этого процесса. В противном случае человек не чувствует себя в полной мере причастным (сопричастным содержательно, а не формально) и влияющим на происходящее [8, с.39].

Таким образом, особенности профессионального бытия сотрудников силовых ведомств определяются совокупностью следующих условий: *экстремальный вид деятельности; социально значимый вид труда* на фоне *экстремизации* профессиональной деятельности; *иерархическая среда за-*

мкнутого корпоративного типа (согласно терминологии и концепции Е.П.Ермолаевой), с преобладанием гомеостатической тематики (по Томэ).

Феномен экстремальности на фоне экстремизации («экстремальность умноженная на экстремизацию») может быть раскрыт через систему разноуровневых **противоречий** между: возрастанием субъектной активности личности как тенденции современной жизни и требованиями строго регламентирующей, иерархической (гомеостатической) среды; необходимостью оперативного и ответственного принятия решений как сущностной характеристики деятельности и требованиями беспрекословного подчинения, с исключением возможности выбора; социальной ролью человека и его индивидуальностью, во внутриличностном плане: между профессионалом и социальным исполнителем; требованием субъектности от сотрудников на фоне авторитарного, субъект-объектного стиля управления; властными полномочиями и необходимостью подчиняться приказам.

В качестве базового на *индивидуальном* уровне для личности выступает противоречие между субъектным и предметным стандартами ценностно-смысловых предпочтений. Невозможность конструктивного разрешения личностью системы выделенных противоречий профессионального бытия способствует формированию профессиональных деструкций (профессиональной деформации, профессионального выгорания и профессионального маргинализма).

При этом значимыми для анализа являются рядовые повседневные ситуации, в которых при решении служебных задач актуализируются выделенные противоречия в качестве требований, предъявляемых к личности сотрудника как субъекту профессионального бытия. В дополнении сказанного хотелось бы внести ещё одно существенное дополнение. В силовых ведомствах значительно расширена социально-психологическая база профессионального маргинализма. Проследим это по выделенным Е.П. Ермолаевой признакам: несвобода выбора; суженность ментальной базы идентификации: должностные функции «социальных исполнителей» продиктованы жёсткими правилами и инструкциями; основной критерий профессионализма состоит в степени приближения выполнения функций к инструкциям, уставам или законам, а идеальным профессионалом могла бы стать машина.

Но там работают, подчёркивает Е.П. Ермолаева, не машины, а люди с их внутренними притязаниями и стремлением к «очеловечиванию» своей должностной функции. И от них всегда зависят другие люди: отсюда возможность превратить свои технические исполнительские функции во власть. Это можно назвать «теневым самоутверждением» - подавлением комплекса неполноценности от своей формально незначительной профессиональной роли [6]. Е.П.Ермолаева отмечает, что реальная психология конкретного профессионала определяется ведущим идентификационным основанием, в выборе которого субъект не свободен: он личностно детерминирован и зависим от культурных, социальных, корпоративных, информационных, экономических факторов [6, с.69].

Не отвергая этой зависимости, хотелось бы подчеркнуть, что анализируя повседневные служебные ситуации необходимо концентрироваться на анализе особенностей самоопределения личности в этих жизненных обстоятельствах, в системе вышеуказанных противоречий (феномен экстремальности, умноженной на экстремизацию) с учётом: преломления любых воздействий через личность; избирательности личности к внешним воздействиям; субъективной интерпретации личностью происходящего, исходя из собственной картины мира и мировоззренческих установок; возможностью выбора конструктивных способов противостояния нежелательным внешним воздействиям.

Все эти аспекты улавливаются через конструкцию «модус бытия личности в экстремальных условиях», которая как раз и акцентирует внимание на этих моментах. Через обращение к данному конструкту оказывается возможным понять механизмы того, каким образом, несмотря на то, что в специфике профессиональной деятельности силовых ведомств расширена социальная база профессионального маргинализма и ограничены возможности формирования субъектных качеств личности, всё-таки возможно преодоление личностью этих ограничительных условий [16;18;19].

Выделенное психологическое содержание профессионального бытия сотрудников силовых ведомств, а также систематизированная и проанализированная система разноуровневых противоречий могут рассматриваться в качестве теоретико-методологической основы для интерпретации эмпирического материала.

Ввиду этого значимыми представляются не только и не столько так называемые, пограничные ситуации, а повседневные ситуации, в которых в концентрированном виде одномоментно фиксируются вышеуказанные противоречия и от человека при выполнении служебных обязанностей требуется не только их высокое качество, но и необходимость не утратить свою личность и субъектность, не чувствовать себя «винтиком» (героика повседневности: предельное существование как повседневная реальность).

Особенности прогнозирования кризисных явлений в профессии в самых различных разновидностях (прежде всего, профессионального маргинализма), связано с анализом успешности разрешения личностью вышеуказанных противоречий, что требует анализа (во взаимосвязи) специфики её субъектной позиции и особенностей ценностно-смысловых предпочтений (как составляющих модуса бытия личности).

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Абульханова К.А., Воловикова М.И. Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // Психологический журнал. 2007. том 28. №5.
3. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007.
4. Бурцева Е.В. Проблема субъектности сотрудников в системе органов внутренних дел // Психология и право. 2013. № 1.
5. Ермолаева Е.П. Социальные функции и стратегии реализации профессионала в системе «Человек – профессия – общество» // Психологический журнал. 2005. том 26. № 4.
6. Ермолаева Е.П. Психология социальной реализации профессионала. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
7. Ермолаева Е.П. Психология реализации профессионала в условиях социально-экономических изменений: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009
8. Кимберг А.Н. Безопасность социальных систем: психологические аспекты // Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы и перспективы исследования. Сочи., 2010.
9. Максименко С.Д., Осёдло В.И. Субъектный подход в изучении профессиональной самореализации // Психология и право. 2011. № 1.
10. Митькин А.А. Субъектность человека: грани и границы // Психологический журнал. 2008. т. 29. №4.
11. Митькин А.А. Пути психологического поиска: Претензии и возможности. М.:Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
12. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб.: Издательство «Речь», 2003.
13. Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления (опыт лучших компаний). М., Прогресс, 1986.
14. Пономаренко В.А. Созидательная психология. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000.
15. Томэ Г. Теоретические и эмпирические основы психологии развития человеческой жизни // Принцип развития в психологии. М., 1978.
16. Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар, 2006.
17. Фоменко Г.Ю. Проблема противоречий в современных условиях бытия личности // Психология XXI столетия: Теория. Эксперимент. Социальная практика» /отв. ред. А.Л. Журавлёв, Н.П. Фетискин, Т.И. Миронова. М.; Кострома: КГУ им. Некрасова, 2009.
18. Фоменко Г.Ю. Парадоксы субъектности при различных модусах бытия личности // Субъектный подход в психологии / под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А.Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
19. Фоменко Г.Ю. Модусы бытия личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В.В.Знакова, З.И.Рябикиной, Е.А.Сергиенко. Краснодар: КубГУ. 2010.
20. Фоменко Г.Ю. Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 1.

САМООЦЕНКА И ПРАВОВОЕ САМОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: СОДЕРЖАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ И ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фролов А.А.

Ключевые слова: самосознание личности, самооценка, сотрудник правоохранительных органов, правовое самосознание.

Тенденции науки психологии последних десятилетий серьезно сконцентрированы на наиболее востребованных сферах жизнедеятельности личности. В связи с чем, наряду с половозрастными особенностями изучаемых категорий населения приобрели актуальность такие характеристики как вид деятельности, степень экстремальности, состояние здоровья и т.д. Это позволило увеличить не только разнообразие сфер применения психологических знаний, но и в целом способствовало их систематизации, переосмыслению, обновлению и развитию. В данном аспекте и построено наше исследование взаимосвязи самооценки и правового самосознания сотрудников правоохранительных органов.

Самооценка представляет собой суждения индивида о значении или значимости собственных действий, личностных особенностей и поведения в целом [2; с. 442].

Комплексное исследование самооценки представляет для нас интерес в контексте её взаимосвязи с самосознанием и его структурным компонентом правосознанием. Правовое самосознание личности является внутренним (имманентным) механизмом всей её сознательной деятельности, осуществляющий восприятие и оценку социально-культурной и правовой действительности, формирующий на их основе соответствующие правовые замыслы и притязания, правовые чувства и побуждения, определяющие выбор нравственно-ценностных ориентиров для собственных действий, поступков и поведения в целом по отношению к самому себе и окружающим людям. Категории правовое самосознание – правосознание находятся в неразрывной взаимосвязи соотношения от частного к целому. Кроме того, категории правовое самосознание – самосознание и правосознание – сознание находятся в такой же созависимости, определяя структурное расположение категорий по вертикали и горизонтали. В связи с чем, диагностируя личностный субъективный уровень правового самосознания отдельных сотрудников, мы получаем обобщенную характеристику соответствующего уровня правосознания определенной группы [1; с. 67-78].

Данное умозаключение обусловило привлечение в качестве респондентов нашей выборки сотрудников органов внутренних дел, как особой социально-правовой категории населения, для которых условия службы сопряжены с экстремальностью, что определяет не только повышенные требования к личности сотрудника со стороны общества и государства в контексте выполнения профессиональных задач, но и обязывает самих сотрудников поддерживать высокую планку эталона личностных качеств и примера правового и морально-нравственного поведения [4; с. 82-101]. Численность исследуемой группы составила 400 человек из основных подразделений и служб системы министерства внутренних дел (ОУР, ПДН, ИВС, ГИБДД, ОК, УУМ, ЛРР, ИВС, ППС, ОВО) [6; с. 24-27]. Репрезентативность обеспечена участием как мужчин, так и женщин, а также широким возрастным порогом – от 18 до 48 лет. В качестве методов исследования использовались наблюдение, тестирование (методики диагностики самооценки, правового самосознания, индивидуально-личностных особенностей), контент-анализ (результаты профессиональной деятельности сотрудников ОВД), а также применялись методы математической обработки полученных результатов на основе применения пакета IBM® SPSS® Statistics 22 (Statistical Package for Social Science).

Полученные эмпирические данные видов самооценки были соотнесены с уровнями правового самосознания и видами взысканий респондентов. В качестве вида самооценки выступили интегрированные характеристики по уровню и степени адекватности. В последствии было выделено пять групп сотрудников: с неадекватно заниженной, низкой, средней, высокой и неадекватно завышенной самооценкой.

Конкретизация уровней правосознания респондентов выглядит следующим образом: первый (минимальный) – необходимость соблюдения закона исходя из авторитета власти или во избежание наказания; второй (средний) - во избежание хаоса и анархии закон необходимо соблюдать до его отмены в установленном порядке, даже в том случае если закон несправедлив; третий (высший) - правовые нормы являются выражением собственных моральных принципов людей.

Результаты исследования правового самосознания оказались следующими: к первому уровню правового самосознания было отнесено 32,4% опрошенных сотрудников, 61,6% испытуемых были определены ко второму уровню на третьем уровне было зафиксировано 6% респондентов.

Виды взысканий, полученных сотрудниками, мы также сгруппировали по степени значимости от наименьшего значения (первая группа – отсутствие взысканий за период службы), до наибольшего (четвертая группа (проступок максимальной тяжести) – наличие взыскания вида «неполное служебное соответствие» или три и более взыскания разного уровня). Эмпирические данные были получены следующие: к первой группе было отнесено 65,8% респондентов всей выборки, ко второй группе – 24,2%, к третьей – 6,5% и 3,5% вошли в четвертую.

Результаты соотношения уровней правового самосознания и нарушений в сфере дисциплины и законности исследуемых сотрудников способствовали изучению их индивидуально-личностных характеристик. Более содержательная интерпретация каждой группы выглядит следующим образом. Отличительной особенностью группы сотрудников с неадекватно заниженной самооценкой (8% выборки) является отношение всех сотрудников к первому (самому низшему) уровню правосознания, а также высокому количеству имеющихся взысканий серьезной и максимальной степени тяжести (в общей сложности 25% или четверть выборки).

Личностные и поведенческие характеристики данной группы имеют ярко выраженные неконформистские установки, чрезвычайную склонность противопоставлять собственные нормы и ценности групповым, предрасположенность к проявлению негативизма и делинквентного поведения. Выделяется агрессивная направленность во взаимоотношениях с другими людьми, склонность решать проблемы посредством насилия, тенденция использовать унижение партнера по общению как средство стабилизации самооценки, наличие садистических проявлений.

В группе сотрудников с низкой самооценкой (14% выборки) были диагностированы первый и второй уровни правового самосознания. Отличительной особенностью группы является отсутствие взысканий максимальной степени тяжести и небольшое количество взысканий серьезной степени тяжести, в то время как большая часть не имеет взысканий вообще. Личностные и поведенческие характеристики представителей данной группы в целом имеют две ярко направленные тенденции. Часть сотрудников характеризуются контрастностью эмоциональных проявлений, склонностью игнорировать угрозы, предрасположенностью к риску и острым ощущениям, подверженностью негативному влиянию значимого окружения, предрасположенностью к нарушениям закона. У сотрудников другой части группы на фоне выраженного влияния окружающей среды наблюдается мягкость, утонченность, образность, художественное восприятие мира, снисходительность к себе и другим, тревожность и беспокойство по поводу состояния здоровья, зависимость, потребность в любви, внимании и помощи других людей.

В группе сотрудников, имеющих среднюю самооценку (34%), оказались представители всех трех уровней правового самосознания. Подавляющее большинство сотрудников относилось ко второму уровню правового самосознания и не имело взысканий. К личностным особенностям группы необходимо отнести развитое чувство ответственности, исполнительности и добросовестности, системности, точности и аккуратности, хороший самоконтроль и организованность.

В самой многочисленной группе сотрудников с высокой самооценкой (36% выборки) также, как и в предыдущей, большинство сотрудников не имело взысканий и относилось ко второму уровню правового самосознания, но также и имело максимальное число сотрудников, относящихся к третьему уровню правового самосознания. Сотрудники с высокой самооценкой и средним уровнем правосознания характеризовались высоким уровнем интеллектуальных возможностей, развитым абстрактным мышлением, проявлением сообразительности в деятельности и контактах, хорошей обучаемости, имели разнообразные интеллектуальные интересы. Сотрудники с высокой самооценкой и высоким уровнем правового самосознания характеризовались свободомыслием, экспериментаторством, развитым аналитическим мышлением, восприимчивостью к переменам и новым идеям, имели разнообразные интеллектуальные интересы, стремились быть хорошо информированными, опираясь на логику, а не на чувства.

Пятая группа сотрудников с неадекватно завышенной самооценкой оказалась близка по численности к первой группе (8% выборки) и имела представленность подавляющего большинства респондентов с первым уровнем правового самосознания и показателем взысканий серьезной и максимальной степени тяжести. У представителей данной группы была выделена гипертрофированная оценка своих достоинств, недостаток самоанализа, не критичность мышления, недисциплинированность, дефицит самоконтроля, тенденция к принятию ошибочных решений и осуществлению рискованных поступков.

Резюмируя, необходимо отметить, что результаты нашего исследования взаимосвязи видов самооценки и уровней правового самосознания личности легли в основу диагностики поведенческих и

индивидуально-личностных особенностей сотрудников правоохранительных органов [3, 5; с. 175-176, 83-99]. Это позволило повысить эффективность психологического сопровождения действующих сотрудников полиции, а также усилить профилактику случаев противоправного поведения со стороны сотрудников силовых структур, в целом определяя успешность их профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Дуйсенбеков Д.Д. Правовое самосознание студентов как психологическое условие профессиональной социализации и личностной гармонии // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2013. № 8.
2. Мещеряков Б.Г, Зинченко В.П. (ред.). Большой психологический словарь. М., 2009.
3. Павлова С.А. Формирование эмоциональной устойчивости у сотрудников органов внутренних дел // Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. М., 2014.
4. Рябикина, З.И., Фоменко, Г.Ю.. Личность в профессии: теоретико-эмпирическая интерпретация в контексте субъектно-бытийного подхода // Социальная психология труда теория и практика, М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2010.
5. Фоменко Г.Ю. Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 1.
6. Фролов А.А. Исследование взаимосвязи правосознания личности сотрудников правоохранительных органов и нарушений дисциплины // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56).

ЛИЧНОСТНЫЕ СТИЛИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВОСТРЕБОВАННОСТИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ ПРОФЕССИЙ

Харитоновна Е.В.

Ключевые слова: личностный стиль, профессия, ценностно-смысловая и мотивационная направленность.

Актуальность исследования особенностей социально-профессиональной востребованности личности резко возрастает в современной России, в которой на фоне социально-экономических глобализационных процессов молодежь сталкивается с трудностями профессионального самоопределения, представители старшего поколения – с необходимостью адаптации своего профессионального опыта к существующим реалиям рынка труда, а люди пожилого возраста – с переоценкой своей профессиональной жизни. В свою очередь, глобализация рынка труда, трансформация иерархии ценностей, привели к потере ориентиров, сопровождающейся появлением большого количества «лишних» людей [1; 2]. На фоне постулирования безработицы и недоиспользования трудового потенциала личности как основных характеристик современного рынка труда [3–5; 7] в исследованиях отмечается характерная для современной России невостребованность наиболее образованной и высококвалифицированной части общества.

В целом, под социально-профессиональную востребованность личности мы определяем как динамическую, многоуровневую систему взаимоотношений человека с тремя глобальными составляющими: «Социумом», «Личностью» и «Профессией», являющуюся одновременно и процессом и результатом вхождения человека в социокультурную и профессиональную реальность. Функционирование СПВЛ как динамического метасистемного образования обусловлено осознанием личностью своей востребованности в социуме (социальной значимости, т.е. значимости для другого) и зависит от конкретных условий протекания социализации и профессионализации человека. В целом под стилем СПВЛ мы понимаем относительно устойчивую систему согласования индивидуальных особенностей (личностно-, социально- и профессионально-ориентированных характеристик) личности с совокупностью компонентов социально-профессиональной среды, обусловленную установками личности на восприятие объективной действительности, её ценностно-смысловой и мотивационной направленностью; сформированностью структурных компонентов СПВЛ, а также способами достижения результативности в личностно- и социально-значимой деятельности [6].

В качестве гипотезы выступило предположение о том, что на личностном уровне социально-профессиональная востребованность личности определяется качественным своеобразием личностно-, социально- и профессионально-ориентированных характеристик.

В исследовании приняли участие 1004 чел. – 385 мужчин и 619 женщин. Возраст респондентов от 17 до 74 лет. В исследовании были использованы следующие методики: «Обзор ценностей» и «Профиль личности» (Ш. Шварц), «Тест смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев), «Эссе о смысле жизни» (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин), «Шкала базисных убеждений» (Р. Янов-Бульман, в обработке М.А. Падун, А.В. Котельниковой), «Тест жизнестойкости» (С. Мадди, в обработке Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой), «Диагностика мотивационной структуры личности» (Э. Мильман), тест-опросник самоотношения (В.В. Столин), «Стиль саморегуляции поведения (В.И. Моросанова), «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (в адаптации Т.Л. Крюковой), «Многоуровневый личностный опросник» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин) и опросник «Социально-профессиональная востребованность личности СПВЛ» (Е.В. Харитоновна, Б.А. Ясько). Для выявления стилевых особенностей была применена процедура кластерного анализа (иерархическая кластеризация, метод К-средних). Для оценки однородности дисперсии был использован статистический F-критерий Ливиня. В зависимости от однородности дисперсии сравнение выборок с разным стилем СПВЛ осуществлялось с помощью параметрического t-критерия Стьюдента или непараметрического U-критерия Манна – Уитни.

Анализ различий психологических характеристик востребованной и невостребованной личности производился в рамках двух возрастных периодов: начального периода профессиогенеза СПВЛ – юношеский возраст (Юв) и первый период среднего возраста (Св1) и основной период профессиогенеза СПВЛ – второй период среднего (Св2) и пожилой возраст (Пв).

В целом выделенные стили СПВЛ можно охарактеризовать следующим образом.

Стиль НЗ включает 23 чел. (18,1%), в основном юношеского возраста (Юв – 91%, Св2 – 9%, Св1, Пв – 0%): 43% мужчин и 57% женщин; в основном не состоящих в браке (95,65%) и не имеющих детей (91,30%). Отличительная особенность профессионального статуса работающих респондентов – работа не по специальности во время получения среднего и высшего профессионального образования.

Стиль Н2 – второй по распространенности среди невостребованных респондентов, включает 35 чел. (27,56%): 23% мужчин, 77% женщин; присущ респондентам в основном юношеского и первого периода среднего возраста (Св1 – 43%, Юв – 40%, Св2 – 14%, Пв – 3%), 38,71% из них состоят в браке, 33,33% воспитывают детей. Отличительная особенность профессионального статуса работающих респондентов – работа не по специальности; лишь у трех женщин (психолог, инженер и учитель) профессиональная деятельность связана с полученным образованием. Из восьми мужчин этого стиля двое (25,00%) после увольнения с военной службы обустроиваются в гражданской жизни, пять из 27 женщин (18,52%) – безработные, состоят на учете в центре занятости.

Стиль Н1 является наиболее распространенным среди невостребованных респондентов, включает 69 чел. из 127 исследованных (54,33%): 32% мужчин, 68% женщин; присущ респондентам среднего и пожилого возраста (Св2 – 49%, Св1 – 29%, Пв – 22%, Юв – 0%), в основном состоящих в браке (57,90%) и воспитывающих детей (67,90%). Отличительная особенность профессионального статуса работающих респондентов – работа по специальности; лишь двое из 22 мужчин (9,09%) и семь из 47 женщин (14,89%) – безработные, состоят на учете в центре занятости. Для многих характерна большая ориентация на семью и воспитание детей, чем на профессиональную деятельность, что может быть связано с невозможностью самореализации на работе. Три респондента (4,35%) смогли добиться высокого профессионального статуса, но их профессиональная востребованность сопровождается выраженными конфликтными отношениями между составляющими «личность – социум» (т.е. социальной невостребованностью).

Стиль СЗ – 81 чел. (11,69%) юношеского и первого периода среднего возраста (Юв – 51%, Св1 – 42%, Св2 – 7%, Пв – 0%): 38% мужчин, 62% женщин, в основном не состоящих в браке (78,95%) и не имеющих детей (80,00%). Отличительная особенность профессионального статуса респондентов юношеского возраста – подрабатывающая деятельность на фоне получения высшего и среднего специального образования. Среди мужчин и женщин этого стиля высокий процент неработающих (продолжительная безработица, связанная с поиском более приемлемого места работы после окончания вуза): в мужской выборке восемь из 31 чел. (25,81%), в женской – семь из 50 чел. (14,00%).

Стиль С1 – самый распространенный среди средневоствребованных респондентов, 329 чел., в основном среднего возраста (Св1 – 45%, Св2 – 31%, Юв – 17%, Пв – 7%) из 693 исследованных (47,47%): 40% мужчин и 60% женщин; 46,26% состоят в браке, 47,89% воспитывают детей. Довольно высокий процент безработных, состоящих на учете в центре занятости: 20 из 132 мужчин (15,15%) и 40 из 197 женщин (20,30%), причем лишь по одному человеку из безработных мужчин и безработных

женщин и не указали в анкете свою профессию и изъявили желание приобрести любую другую востребованную профессию на рынке, остальные ищут работу по специальности или в близких профессиональных областях, выразив готовность пройти курсы повышения квалификации. Вне зависимости от характеристик социально-демографического и профессионального статусов, для большинства респондентов характерны нацеленность на личностную и профессиональную самореализацию, а также желание быть полезным другим людям.

Стиль С2 – второй по распространенности среди средневозрастных респондентов, включает 283 чел. (40,84%), в основном среднего и пожилого возраста (Св2 – 45%, Св1 – 34%, Пв – 17 %, Юв – 4%): 37% мужчин и 63% женщин, в основном состоящих в браке (56,54%) и имеющих детей (59,01%). Отмечено частичное несовпадение семейного и родительского статусов (8,48% разведены, воспитывают детей, 5,65% состоят в браке, детей нет). Отличительная особенность профессионального статуса – высокий процент неработающих. 16 из 105 мужчин (15,24%) и 31 из 128 женщин (24,22%) – безработные, состоят на учете в центре занятости. Другая особенность – наоборот, высокий процент работающих среди пенсионеров: 11 мужчин (52,38%) из 21 и 20 женщин (76,92%) из 26. В женской выборке 13 девушек пока только имеют возможность заниматься подработывающей деятельностью, в связи с обучением на очном отделении вуза. 14,49% респондентов достигли высокого профессионального статуса (директора, зам. директоров, зав. отделениями, управляющие). Анализ эссе о смысле жизни и анкетных данных респондентов показал, что это зрелые люди независимо от календарного возраста, в сложившихся объективных условиях (получение образования, статус безработного, состояние здоровья, ограничения по возрасту и пр.) не имеющие возможности максимально (а для них это очень важно) реализовать свой профессиональный потенциал.

Стиль В2 – второй по распространенности среди востребованных респондентов, включает 54 чел. (29,35%), в основном юношеского и первого периода среднего возраста (Св1 – 65%, Юв – 33%, Св2 – 2 %, Пв – 0%): 43% мужчин и 67% женщин; лишь 36,00% из них состоят в браке, 38,30% воспитывают детей. Отличительная особенность профессионального статуса работающих респондентов – работа по специальности. При этом лишь один из 23 мужчин (4,35%) и четыре из 31 женщины (12,90%) – безработные, находящиеся в состоянии поиска наиболее приемлемого для них места работы. 3,7% респондентов смогли достигнуть высокого профессионального статуса.

Стиль В1 – самый распространенный среди востребованных респондентов, 130 чел. из 184 исследованных (70,65%), в основном, среднего и пожилого возраста (Св2 – 41%, Св1 – 32%, Пв – 15%, Юв – 12%): 40% мужчин и 60% женщин, в основном состоящих в браке (63,96%) и воспитывающих детей (66,04%). Отличительная особенность профессионального статуса работающих респондентов – работа по специальности. Отмечен высокий процент работающих пенсионеров: в мужской выборке работают восемь чел. (100%), в женской выборке – 10 чел. из 12 (83,3%). Еще один характерный признак – низкий процент безработных среди мужчин (трое из 52 мужчин – 5,77%) и довольно высокий процент в женской выборке (14 из 78 женщин – 17,95%), причем многие респонденты в анкете отметили свой статус не как «безработный», а как «временно не работающий». Отмечен самый высокий процент профессионалов, достигших высокого профессионального статуса (16,15% занимают руководящие посты, 3,1% имеют звание заслуженного строителя, учителя, работника культуры). Респонденты ориентированы на нужность, полезность, максимальную реализацию заложенного в них потенциала, а также на проявление созидательной активности, несмотря на часто сдерживающие внешние условия.

В целом выделенные стили СПВЛ кратко можно характеризовать следующим образом.

1. Стиль Н3 – незрелая, зависимая личность, не доверяющая миру и себе, высокоподвластная средовым воздействиям (невостребованная личность на стадии адепта, не идентифицирующая себя с профессиональным сообществом, Юв): выражено недоверие к миру при повышенных значениях самообвинения; незначимы достижения как ценностный ориентир, оказывающий влияние на всю личность; фрустрированы мотивы поддержания жизнеобеспечения, комфорта и творческой активности при отвержении статусно-престижной мотивации; не развито планирование деятельности при неадекватности самооценки и оценки результатов своей деятельности и поведения, чрезмерной зависимости от мнений и оценок окружающих; низкий уровень жизнестойкости; выражены психопатические черты возбудимого типа, импульсивность, конфликтность; преобладают пассивно-сострадательная позиция, неуверенность в себе и ситуации, высокая подвластность средовым воздействиям.

2. Стиль Н2 – незрелая депрессивная личность с выраженным комплексом неполноценности (невостребованный специалист, не нашедший адекватного применения своим знаниям и умениям,

Юв, Св1): ориентация в своем поведении на самостоятельность, универсализм и гедонизм при отвержении стимуляции и значимости самостоятельности как влияющей на всю личность в целомценности; фрустрированы мотивы поддержания жизнеобеспечения и творческой активности в рабочей сфере, снижены показатели моделирования и регуляторно-личностных свойств гибкости и самостоятельности при выраженной зависимости от мнений и оценок окружающих; депрессивный тип реагирования при склонности к острому переживанию неудач, повышенном чувстве вины и неуверенности в себе.

3. Стиль Н1 – созерцатель, не готовый к изменениям, ожидающий поддержки от других (невостребованная личность зрелого возраста, положительно оценивающая результаты своей деятельности (Св2, Пв): при ориентации в поведении на самостоятельность, доброту и безопасность отмечена неготовность к новизне и глубоким переживаниям; выражена потребительская ориентация в общежитической сфере, значимость комфорта и производительной ориентации в рабочей сфере; неразвито моделирование, в связи с чем отмечена высокая чувствительность к неудачам, при чрезмерной самокритичности, неустойчивости самоконтроля, сниженных показателях гибкости, свидетельствующих о неспособности к адекватному реагированию на быстрые изменения ситуации и о затрудненном самоконтроле в трудных жизненных обстоятельствах; личностная позиция – обособленно-созерцательная, преобладает склонность к раздумьям над действенной активностью.

4. Стиль С3 – гедонист (средневостребованная личность на стадии адепта, Юв): при ориентации в своем поведении на доброту, самостоятельность и гедонизм отвергается универсализм; в общежитической сфере при отвержении общественной пользы ориентация на статус, в рабочей сфере – ориентация на поддержание жизнеобеспечения, комфорта, творческой активности и общественной пользы; неразвито моделирование, в связи с чем выявлена склонность к фиксации на своих ошибках при высокой чувствительности к неудачам, чрезмерной самокритичности, неустойчивости самоконтроля; личностная позиция – обособленно-созерцательная при преобладании склонности к раздумьям над действенной активностью.

5. Стиль С1 – созерцатель, стремящийся к самореализации (средневостребованная личность, стремящаяся к личностной и профессиональной самореализации, Св1, Св2); при ориентации в своем поведении на доброту, самостоятельность и безопасность отвержение стимуляции и гедонизма; в общежитической сфере ориентация на статус при отвержении общественной пользы, в рабочей сфере – ориентация на поддержание жизнеобеспечения, комфорта, творческой активности и общественной пользы; личностная позиция – обособленно-созерцательная при преобладании склонности к раздумьям над действенной активностью.

6. Стиль С2 – личность, избегающая неудачи (средневостребованная зрелая личность, в сложившихся условиях не имеющая возможности максимально реализовать свой профессиональный потенциал, Св2, Пв): в своем поведении ориентация на доброту, самостоятельность и безопасность; в общежитической сфере значимость статуса и отвержение общественной пользы, в рабочей сфере – ориентация на поддержание жизнеобеспечения, комфорта, мотивов творческой активности и общественной пользы; преобладает пассивная личностная позиция, выражена тенденция к избеганию неудачи.

7. Стиль В2 – максималист, стремящийся к успеху и склонный к риску (востребованный специалист, способный активно преодолевать трудности и быть конкурентоспособным на рынке труда, Юв, Св1): ориентация в своем поведении на безопасность, самостоятельность и достижения; в общежитической сфере потребительская ориентация при выраженной производительной в рабочей сфере, в рабочей сфере ведущий мотивационный ориентир – творческая активность; при сформированности системы саморегуляции сниженное оценивание результатов инекритичность к своим действиям; высокий уровень принятия риска при выраженности оптимистичности.

8. Стиль В1 – зрелая личность с выраженным социальным интересом, способная своевременно объективировать свою активность в неадаптивной активности (востребованная личность зрелого возраста, активно преодолевающая трудности Св2, Пв); высокая выраженность ориентации на доброту, достижения и безопасность; ведущими мотивационными ориентирами выступают творческая активность и общественная польза при выраженной производительной ориентации в рабочей сфере; высокий уровень сформированности системы саморегуляции; выражено стремление к избеганию неуспеха при сформированности аффилиативной потребности и серьезного вдумчивого отношения к выполняемой работе, обращенность в мир внутренних переживаний при приверженности социальным интересам и социальной уступчивости.

Таким образом, стили социально-профессиональной востребованности дифференцированы по уровню развития социально-, личностно- и профессионально-ориентированных характеристик, которые обуславливают разный уровень выраженности у личности социального интереса, параметров самоотношения и эффективных способов взаимодействия с окружающей её действительностью. Выделенные стили потенциально выступают в качестве этапов формирования востребованности от незрелой личности, не доверяющей миру и себе, полагающейся в основном на внешние ресурсы, до идеального стиля СПВЛ – зрелой личности с выраженным социальным интересом, способной своевременно объективировать свою активность в неадаптивной активности, что способствует максимальной реализации человека в социальном, личностном и профессиональном пространствах и эффективной актуализации как внутриличностных, так и средовых ресурсов.

Библиографический список

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
2. Бауман З. Текучая современность (Liquid: Modernity). СПб.: Питер, 2008.
3. Дрегалю А.А. Социальный потенциал региона как фактор развития северных территорий / под ред. А.А. Дрегалю, В.И. Ульяновского. Архангельск: Поморский университет, 2008.
4. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Некоторые тенденции развития современной социальной психологии труда // Социальная психология труда: теория и практика / отв. ред. А.Л. Журавлев, Л.Г. Дикая. М., 2010.
5. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007.
6. Харитоновна Е.В. Психология социально-профессиональной востребованности личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
7. Царева Е.В. Трансформация структуры занятости в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2003.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И КОЛЛЕКТИВНЫЙ СУБЪЕКТЫ В ОРГАНИЗАЦИЯХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СТРЕСС-ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ РАЗНЫХ СФЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вольвич Ю.К.

Ключевые слова: личность в организации, профессиональная деятельность, стресс-преодолевающее поведение

Одним из бытийных пространств личности, в котором, по мнению исследователей, она реализует себя наиболее плодотворно, является профессиональная деятельность [2, 5-26.]. Труд, трудовая (профессиональная) деятельность выступает главной формой жизненной активности человека как субъекта, служит средством и способом его самореализации. Включаясь в трудовой процесс, человек, как правило, осуществляет его не изолированно от других людей, а становится частью специфической профессиональной общности, профессионального социума. В современном обществе фактически всякая трудовая деятельность по содержанию и по форме является совместной [1, с. 87]. В процессе достижения совместных трудовых целей, реализации совместной трудовой (профессиональной) деятельности, неизбежно возникает необходимость ее упорядочивания, систематизации, управления ею. Именно с этой целью и создаются специальные социальные институты, каковыми выступают организации. Становясь частью организации, человек включается в ее иерархическую структуру, занимает в ней определенное место, приобретает определенный статус. При этом, во взаимодействии с организацией человек выступает не просто как элемент структуры, как механизм, выполняющий определенные действия, а как разумное и сознательное существо, обладающее собственными ценностями, целями, устремлениями, желаниями, стремящееся найти личностный смысл в выполняемой трудовой деятельности [3, с. 6]. Таким образом, в контексте нашего исследования мы рассматриваем организацию как средовое и структурное пространство, в рамках которого человек, формируя и отражая в профессиональной деятельности свои деятельностно-ориентированные психологические свойства и качества, становится «субъектом труда», достигает профессиональной самореализации.

Рассматривая личность в организации, мы поставили перед собой задачу установить, какие личностно-психологические ресурсы лежат в основе стресс-преодолевающего поведения субъекта, включенного в различные сферы деятельности.

Гипотезы исследования.

1. Возможны две основные модели стресс-преодолевающего поведения, различающиеся по уровню стресс-реакций индивидуумов, вне зависимости от сфер деятельности – конструктивная и малококонструктивная.

2. Внутри каждой модели возможно наличие субмоделей (подтипов), маркирующих специфику конфигурации психологических качеств, определяющих стресс-преодолевающее поведение личности в организациях разных сфер деятельности, а также по гендерному признаку.

Проверка гипотез осуществлялась на выборке в 186 человек, представлявших три вида организаций: работники финансовой сферы (банк; 70 чел.); работники торговли (крупная торговая сеть; 62 чел.); негосударственный вуз (профессорско-преподавательский состав; 54 чел.).

В комплекс примененных методик входили: Шкала организационного стресса Мак-Лина; Опросник «Направленность личности» (Смекал – Кучер); Опросник «Мотивация успеха и избегания неудач» (А.А. Реан); Копинг-тест (Лазарус); Шкала «Ценностно-смысловые регуляторы поведения личности в организации» (Т.С. Кабаченко); Анкета организационного доверия (Э. Шо); Анкета «Восприятие пространства организационных проблем» (Снетков); опросник для измерения организационной культуры OCAI (Камерон, Куинн).

Диагностика по Шкале организационного стресса показала, что 66,1% опрошенных (123 чел.) имеют высокий уровень переживания стресса в организации. В дальнейшем эта группа респондентов была обозначена как «стресс-напряженная». Остальные 63 человека (33,9%) обнаружили устойчивость к стрессу. Эта группа определена как «стресс-толерантная».

Далее, для проверки гипотез, весь массив психодиагностических измерений, полученных по вышеназванным психодиагностическим процедурам, был разделен на две части и каждая подвергну-

та дисперсионному анализу. В результате получены две модели стресс-преодолевающего поведения: конструктивная (по группе стресс-толерантных респондентов) и малоконструктивная (по группе стресс-напряженных респондентов).

Остановимся кратко на описании психологических маркеров каждой модели.

Первая модель (*Модель I*) выделяет психологический комплекс регуляции стресс-преодолевающего поведения личности с высоким уровнем переживания стресса, что в целом позволяет определить данную модель поведения как малоконструктивную, отражающую слабо сформированную способность личности к самодетерминации. В системе внутренних регуляторов поведения центральное место занимают ценностно-смысловые образования. Среди них на высоком уровне активности находятся: перфекционизм по отношению к другим участникам совместной деятельности; субъектная значимость стабильности объема и содержания деятельности; возможность оказывать влияние на других людей или ход событий в организации. Средний уровень значимости имеют: комфортные условия труда; «социальное лицо» личности и его сохранение. Слабо выражена личностная значимость ценностей стабильности положения в широком смысле; поддержки и стабильности неформальной группы; сроков исполнения обязательств; нормативности деятельности и оценки результатов труда руководством; профессиональной карьеры; поиска возможности получения более высоких заработков. Названные организационные ценности дополняется гиперактивностью малоконструктивных копинг-стратегий «конфронтация» и «принятие ответственности», а также слабо развитой гибкостью поведения и узостью жизненных интересов.

Внешние регуляторы поведения представлены высокой сосредоточенностью личности на состоянии кадрового, материально-технического и социально-психологического модулей в пространстве организационных проблем.

Кластерный анализ позволил выделить шесть кластеров, позволяющих маркировать специфические для отдельных подгрупп респондентов психологические предикторы. Наиболее выражены конфигурации специфических предикторов в трех кластерах, объединяющих в целом 66,0% стресс-напряженных респондентов. Остальные три кластера малочисленны и, по сути, не различаются по уровню переживания стресса. По этим основаниям мы полагаем, что для субъекта, включенного в каждый из этих кластеров, ресурсом развития эффективных психологических механизмов преодоления стресса является фокус на выделенном в целом в *Модели I* психологическом комплексе.

Остановимся на характеристике трех субмоделей (подтипов) специфических психологических качеств субъектов, включенных в три основных кластера. Обозначим их как «*Модель I-а*»; «*Модель I-б*»; «*Модель I-в*».

Модель I-а. В этом кластере объединены психодиагностические данные по 25 испытуемым (20,3% от выборки). В сравнении с другими кластерами здесь значительно представлена мужская часть выборки: если в совокупной выборке доля мужчин составила 26,9%, то в кластере, образовавшем *Модель I-а*, доля мужчин представлена 60,0% респондентов. По сути, все представители этого типа поведения (24 чел., т.е. 96,0%) являются работниками *торговых предприятий*. Все это дает основание рассматривать данный тип поведения как предпочитаемый *мужчинами*, занятыми в *сфере коммерции*.

Специфика поведения этих работников обуславливается наиболее выраженными высокими показателями восприимчивости к стрессу ($M=56,8$). Катализатором этого уровня стресса выступает выраженное стремление к самопознанию, выражающееся, в частности, в постоянной рефлексии собственных профессиональных достоинств и недостатков, в стремлении брать на себя рабочие нагрузки, выходящие за пределы реальных возможностей их выполнения. В системе организационных ценностей ведущими являются стабильность в организации и достижение обговоренного результата. При этом ценность материальных интересов занимает среднее положение в совокупности личностно значимых организационных ценностей, что отличает данную группу от субъектов, включенных в *Модели I-б* и *I-в*.

В личных стремлениях им свойственна преимущественная ориентация на избегание (боязнь неудачи). Совокупность выделенных внутренних факторов дополняется преобладанием выраженной направленности на себя. Регулирующую роль в преодолении стресса выполняет неконструктивный копинг «бегство/избегание», имеющий в среднем по группе выраженность 75,3% от макс. показателя.

Внешними, организационными факторами, влияющими на специфику стресс-преодолевающего поведения в *Модели I-а*, являются выраженное стремление иметь доверительные отношения с сослуживцами, их последовательность в выполнении взаимных обязательств. При этом ценность проявления заботы о людях не является высоко значимой для субъекта совместной деятельности. Сложив-

шуюся организационную культуру они склонны оценивать как преимущественно «рыночную», но выражают надежду на ее динамику в перспективе к ценностям «клановой» ОК – культуре взаимопомощи и авторитетного единоначалия.

Модель I-б. Эта модель объединяет показатели по 28 респондентам, что составляет 22,8% от совокупной выборки, включенной в группу стресс-напряженных испытуемых. Большую часть этой модели определили данные по работникам банка: 20 человек, т.е. 71,4% от общего состава данной подгруппы. Остальные 8 человек (28,6%) представлены сотрудниками вуза. В отличие от предыдущей модели *Модель I-б*, представлена преимущественно лицами женского пола (75,0%). Эти обстоятельства дают основание рассматривать данный тип поведения как предпочитаемый женщинами, и наиболее выраженный в среде банковских служащих.

Внутренними регуляторами поведения в *Модели I-б* выступают высоко выраженная мотивация успеха, направленность «на дело», повышенная трудовая активность и продуктивность, связанные с тревогой по поводу сохранения места работы, получения максимально возможного заработка и проч. Для личности высокой ценностью являются традиции организации, их поддержание и сохранение. При этом не имеют высокой значимости ценности потенциальных достижений в труде. В копингах ресурсной является гиперактивная стратегия ухода от проблемы (избегание).

Внешними регуляторами поведения является ценность результативности других в совместной деятельности как основы межличностного доверия. Оценивая сложившуюся организационную культуру учреждений как преимущественно бюрократическую, работники не видят ее перспективной и надеются, что в будущем произойдет смена ценностей в сторону активизации корпоративных норм и ценностей рыночного типа ОК. Можно из этого заключить, что управление организацией на основах бюрократических принципов выступает одним из фрустрирующих внешних факторов и в определенной мере является генератором стресса для сотрудников.

Модель I-в. Данный подтип представлен группой из 28 респондентов. Основную часть из них (20 чел.; 71,4%) составили представители образовательной сферы, а остальные 28,6% - работники торговых предприятий. По полу эта модель образована, также, как и предыдущая, преимущественно представителями женской части выборки (75,0%). По этим основаниям мы определяем *Модель I-в* как подтип поведения женщин, преимущественно представителей сферы высшего профессионального образования.

Внутренними регуляторами поведения выступают выраженная рефлексия собственной профессиональной активности, преобладание мотивации успеха над мотивами избегания, преимущественная направленность «на задачу». В организационных ценностях приоритеты отдаются потенциальным достижениям, при этом ценности достижения обговоренного результата, собственных принципов в деятельности, причастности к «ближнему кругу» топ-менеджмента, как и традиции организации не имеют выраженной значимости. Характерной особенностью данного типа является равно умеренная активность неконструктивных копингов «бегство» и «принятие ответственности».

Повышенное переживание стресса обусловливается также определенными внешними факторами. К ним относятся: стремление видеть в поведении сотрудников и руководства последовательность и проявление заботы о людях. Личность, обладающая данным типом поведения, имеет самый высокий интегральный показатель доверия к другим. Можно предположить, что в этом находит отражение психологическая специфика педагога как субъекта образовательной деятельности. В группе респондентов, образовавших данный тип, констатируется доминирование ценностей и норм «рыночной» организационной культуры, при этом выражается предпочтение в ее трансформации в «клановой» тип. Поскольку данный тип ОК характеризуется преобладанием ценностей коллективизма, взаимной поддержки и стабильности, можно понимать взаимосвязь выраженного стремления с высоким уровнем демонстрируемого межличностного доверия.

Вторая модель (*Модель II*) выделяет психологический комплекс конструктивной регуляции стресс-преодолевающего поведения личности. В первую очередь следует отметить, что в выборку, образовавшую данную модель, включены только два респондента, занятые в сфере торговли. Иными словами – это модель регуляторов стресс-преодолевающего поведения, характерного для представителей финансового бизнеса и вузовского образования.

Инвариантными компонентами, определяющими сниженные показатели переживания стресса в организации, выступают достаточная выраженность способности самопознания, регулирующая индивидуальную реакцию ответа на организационные стресс-факторы, а также оптимально выраженная трудовая активность и стремление к продуктивности в деятельности. Ценностно-смысловой комплекс стресс-толерантной личности образован приоритетом у большинства респондентов мотива-

ции успеха, а также высокой значимостью для субъекта стабильности объема деятельности, при невысокой значимости ее содержания. Ценности исполнения другими своих обязательств, оценки работника руководством в равной мере не существенны для индивида, устойчиво противостоящего стрессам в организации. На личностно-психологическом уровне регулирующую функцию выполняют конструктивные копинг-стратегии «дистанцирование»; «поиск социальной поддержки»; «планирование решения проблемы».

Внешними регуляторами поведения в преодолении стресса выступают высокая субъектная значимость (более выраженная, чем в *Модели I*) проблем материально-технического, кадрового и социально-психологического модулей организационного пространства, а также выраженное влияние высокой значимости организационного доверия, с опорой преимущественно на результативность всех участников совместной деятельности. Очевидно, личностная вовлеченность в реализацию задач, стоящих перед организацией, при высокой выраженности активности и продуктивности субъекта, можно рассматривать значимым ресурсом устойчивости к стресс-факторам организационной среды.

По результатам кластерного анализа выделены пять кластеров, при этом наиболее выражено сочетание специфических предикторов в трех кластерах, объединяющих в целом данные по 53-м респондентам (84,1% от выборки).

Модель II-а. Данная модель образована показателями по 10 респондентам (15,9% от выборки). Все они работники *банковской* сферы, что позволяет верифицировать данный тип как модель поведения личности организаций банковско-финансовой системы. Для них характерны минимальные в сравнении с остальными участниками обследований показатели уровня нервно-психического напряжения и организационного стресса, причем второй из названных показателей имеет сниженный уровень за счет умения принимать ценности других и быть наиболее активными и продуктивными в своей организации.

Мотивационно-ценностным ядром регулирующего влияния являются преимущественная направленность «на себя» и на избегание неудач, а также стремление быть причастным к «ближнему кругу» власти в организации и иметь возможность реализации потенциальных достижений. Снижению стрессовых реакций способствует также безразличие работника к ценностям собственных принципов, к поддержанию неформальных групп и неформальных отношений в коллективе, традиций организации. В совокупности внутренних факторов наиболее выраженным регулирующим влиянием в этой группе обладает сочетание гиперактивности копинга дистанцирования с аналогичной активностью инвариантной для данной модели копинг-стратегии «поиск социальной поддержки». Низкая ценность неформальных отношений в коллективе позволяет предположить, что источник социальной поддержки для данной личности находится вне организации: возможно, это семья, круг друзей и проч.

Внешними регуляторами преодолевающего поведения в *Модели II-а* являются невысокий уровень организационного доверия, а также оценка существующей организационной культуры как бюрократической, при желании видеть в ней более выраженные элементы рыночных отношений.

Модель II-б. В этот кластер вошли данные по 21 респонденту, что составляет 33,3% от данной выборки. В этой группе в равной мере представлены данные по представителям *образовательной и финансовой* сфер деятельности.

Внутренние регуляторы образованы сочетанием: широты интересов, преобладания направленности на дело, выраженностью мотивации успеха. В ценностях организации для личности высоко значимы возможность влиять на других (ценность «власть») и перспектива реализации потенциальных достижений. При этом не имеют личностной ценности стремление к собственной безопасности в организации, стабильность неформальных групп и карьерные продвижения.

В преодолении стресса личность преимущественно опирается на поиск социальной поддержки – стратегию, имеющую инвариантную выраженность в *Модели II*, но в данной подгруппе отмечается ее максимальная активность, при оптимальной выраженности опоры на копинги «дистанцирование» и «планирование решения проблемы».

Внешние регуляторы фокусируются на приверженности нормам иерархической организационной культуры как в реальной ситуации, так и в возможной перспективе ее изменений, а также на среднем уровне выраженности организационного доверия.

Модель II-в. Эта модель образована совокупностью данных по 22 респондентам (34,9%). Ее особенностью является полная представленность в кластере данных по группе *педагогов вуза*. Это дает основание рассматривать *Модель II-в* как совокупность регуляторов стресс-преодолевающего поведения субъекта научно-педагогической деятельности.

Конструктивному противодействию стрессу способствуют развитые гибкость поведения и широта интересов. В системе внутренних регуляторов выделяются высоко выраженные ценности потенциальных достижений, сочетающиеся с инвариантными для данной модели выраженными ценностями стабильности объема деятельности и исполнения всеми участниками педагогического процесса своих обязательств. Не имеют выраженного влияния на поведение педагогов вуза организационные ценности в виде соблюдения нормативности деятельности, традиций организации, стабильности неформальных групп. В совокупность личных качеств входят устойчивое преобладание мотивации успеха, направленности на дело. Ресурсную роль в копинг-поведении играют две гиперактивные конструктивные стратегии – инвариантная «поиск социальной поддержки» и специфически высоко активная стратегия «планирование решения проблемы».

Названные внутренние регуляторы сочетаются с внешними в виде самого высокого по всей совокупной выборке интегрального показателя организационного доверия. Он образован, главным образом, под влиянием выраженных в научно-педагогической среде компонентов *последовательности* работников и проявления взаимной *заботы* участников совместной деятельности.

Приведенные результаты исследования дают основание для подтверждения выдвинутых гипотез. Наличие двух базовых моделей стресс-преодолевающего поведения позволяет маркировать ценностно-мотивационные основы конструктивного и малопродуктивного типов активности субъектов, включенных в современные организации разных сфер деятельности. Установленные в результате кластерного анализа подтипы дают основание для определения направлений помогающего, поддерживающего воздействия для личности с малопродуктивными психологическими ресурсами преодолевающего поведения, с учетом выделенной гендерной и деятельностной специфики.

Библиографический список

1. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2005.
2. Рябикина З.И. Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // *Личности бытие: теория и методология*. Краснодар, 2003.
3. Ясько Б.А. Введение в организационную психологию. Краснодар, 2013.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ОТНОШЕНИЯ К КРЕДИТАМ¹

Киреева О.В., Демин А.Н.

Ключевые слова. Отношение к кредитованию, эмоциональный компонент отношения личности, заемщик, активность, кредитный рынок.

Современная экономическая ситуация характеризуется как нестабильная. Несмотря на рост позитивных экономических показателей, на рынке кредитования отмечается снижение индекса кредитного доверия среди населения. Социологи отмечают разочарование россиян в займах. Так, 87 % россиян по данным опроса (ВЦИОМ) в начале 2016 года считали нерациональным получение кредитных денежных средств. Для того, чтобы разобраться со сложившейся ситуацией необходимо обратиться к изучению отношения заемщиков к кредитам в сложившейся социо-экономической обстановке.

Отношение личности к какому-либо объекту является одной из форм отражения окружающих предметов и явлений (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, Л.С. Выготский, А.Ф. Лазурский, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, В.Н. Мясичев, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов и др.). Данный психологический феномен можно проанализировать с точки зрения структуры и выделить в нем три компонента: когнитивный, эмоциональный и волевой [3]. По нашему мнению, снижение уровня доверия к кредитам может быть связано с представлением о кредитовании и с эмоциями, которые люди испытывают в ситуации кредитования. Ожидания получения удовольствия или негативных переживаний может направлять личность брать деньги в долг или отказаться от кредитов.

Предполагаем, что заемщики демонстрируют целый спектр эмоций, переживаний, эмоциональных состояний в ситуации кредитования. В ситуации экономических потрясений и дефицита денежных средств эмоциональная составляющая проявляется еще ярче, так как на личность при этом оказывают давление разнообразные стрессоры. С момента постановки цели о кредитовании при недостатке необходимых человеку денежных средств он погружает себя в напряженную ситуацию, которая порождает переживания о возможной финансовой несостоятельности в случае болезни или поте-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-16-23011 – а (р) «Психологический анализ активности молодежи и людей зрелого возраста на кредитном рынке».

ри работы. Какова динамика эмоциональных реакций личности в ситуации кредитования, и какие личностные и социальные детерминанты определяют эти реакции – эти вопросы еще недостаточно изучены в психологии.

В социологических и экономических исследованиях эмоции упоминаются, но не проводится специальных исследований, посвященных этому вопросу (Н. Биянова, И.Г. Давыденко, А.А. Дикий, Д.Х. Ибрагимова, О.Е. Кузина, Р. Левин, С. Ли, А.В. Осипов, Д.О. Стребков, П. Уэбли др.).

В ходе проведенных нами индивидуальных и групповых интервью с заемщиками, оказавшимися на разных этапах кредитования, все респонденты давали эмоционально окрашенные ответы относительно ситуации кредитования. Причем спектр эмоций разнился от позитивных (при рассказах об использовании заемных средств) к негативным эмоциям (при воспоминании об этапе выплаты долга и возникших трудностях).

Нас заинтересовал вопрос о том, какие эмоции испытывают заемщики при реализации разных форм активности на кредитном рынке. Предмет исследования – аффективный компонент отношения заемщиков к займам.

В качестве метода сбора данных был использован модифицированный вариант методики «Шкала дифференциальных эмоций» (ШДЭ) К. Изарда [2]. Согласно подходу К. Изарда, входящие в список эмоции имеют центральное значение для мотивации, социальной коммуникации, познания и действия. В тестовой шкале каждая из 10 основных эмоций имеет три составляющие.

К положительным эмоциональным реакциям, согласно данной методики, относятся: интерес («внимательный», «сконцентрированный», «собранный»), радость («наслаждающийся», «счастливый», «радостный»), удивление («удивленный», «пораженный», «изумленный»), стыд («застенчивый», «робкий», «стыдливый»), вина («сожалеющий», «виновный», «раскаивающийся»).

К отрицательным эмоциям относятся: горе («унылый», «печальный», «сломленный»), гнев («возбужденный», «гневный», «безумный»), отвращение («чувствующий отвращение», «чувствующий омерзение», «чувствующий неприязнь»), презрение («презрительный», «пренебрегающий», «надменный»), страх («пугающий», «страшный», «сеющий панику»).

Преобладающее эмоциональное состояние можно оценить по соотношению положительных и отрицательных эмоций. Выборку составили респондентов в возрасте от 18 до 45 лет (всего – 87 человек, в том числе 35 мужчин и 52 женщины), проживающих в г. Краснодаре и Краснодарском крае.

Респондентам предлагалось оценить наличие и интенсивность входящих в список эмоций в следующих ситуациях на кредитном рынке (они же – этапы кредитного поведения): принятие решения взять кредит в банке; выбор банка и условий кредитования; получение одобрения на кредитование; выплаты долга и процентов по кредитному договору; невозврат долга и процентов по кредиту (персональный дефолт).

В ходе исследования было обнаружено следующее. На всех этапах кредитного поведения сильно выражена эмоция интереса. С учетом входящих в неё компонентов (внимательный, сконцентрированный, собранный) это можно объяснить непосредственной включённостью данной эмоции в удовлетворение личных потребностей. Наиболее ярко она выражена на 2-м этапе (выбор банка и условий кредитования).

Если брать доминирующие эмоции на каждом этапе, то их динамика выглядит таким образом: (1 этап) интерес – (2 этап) интерес – (3 этап) радость, интерес – (4 этап) интерес – (5 этап) горе, вина, интерес, страх. Выявлены статистически достоверные различия между тем, какие эмоции преобладают на этапе персонального дефолта и на других этапах. Достоверность различий определена с помощью критерия χ^2 Пирсона при $p < 0,01$. Если заемщик не может погасить долг по кредиту, он испытывает как отрицательные (горе, страх), так и положительные (интерес, вина – по интерпретации К. Изарда) эмоции. При этом в совокупности отрицательные эмоции преобладают. В целом по выборке у 67,3% респондентов выявлен сдвиг в сторону отрицательных эмоций на этапе персонального дефолта по сравнению с ситуацией выбора кредитного учреждения и кредитного продукта, а также по сравнению с ситуацией одобрения кредита. С помощью критерия знаков было подтверждено, что такой сдвиг не является случайным.

В работах, посвященных изучению состояния психологического кризиса, отмечается, что в качестве одного из типов ситуационных реакций на стресс выступает реакция эмоционального дисбаланса, характеризующаяся доминированием отрицательных эмоций [1]. При этом общий фон настроения у человека снижен, он некомфортно себя ощущает, повышается тревожность, сокращаются социальные контакты, общение становится поверхностным и формальным, повышается уровень утом-

ляемости. В ситуации персонального дефолта мы видим проявление реакции эмоционального дисбаланса, иными словами, это, скорее всего, кризисная для человека ситуация.

Выборка оказалась неоднородной с точки зрения реагирования на персональный дефолт. Эмоция горя ярко выражена в ситуации персонального дефолта у 32,4% респондентов. Они опечалены, чувствуют себя сломленными. Данная астеничная эмоция показывает, что заемщики не готовы будут к активным действиям в трудной ситуации. Ещё одна доминирующая эмоция – вина – может как способствовать преодолению трудностей, так и провоцировать внутриличностный кризис при неудачном стечении обстоятельств. Можем предположить, что вина – это реакция на неспособность удовлетворить с помощью собственных ресурсов ни свои потребности, ни потребности членов своей семьи. С учётом сильной выраженности на этапе дефолта эмоции страха, полагаем, что на этом этапе будет востребована психологическая помощь, и она должна своевременно оказываться заемщикам.

Также укажем на эмоцию гнева, которая начинает интенсивно переживаться на этапе персонального дефолта и, по-видимому, в дальнейшем побуждает заемщиков намеренно не выплачивать долги и действовать по принципу мести (подобные реакции упоминаются в работах А.В. Осипова, Д.О. Стребкова, А.А. Дикого).

Мы предполагаем, что дефицит интереса (отсутствие сконцентрированности, низкий самоконтроль), склонность к переживанию отрицательных астеничных эмоций в трудной ситуации являются неблагоприятными психологическими факторами кредитного поведения человека.

Библиографический список

1. Амбрумова А.Г. Анализ состояний психологического кризиса и их динамика // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 6.
2. Елисеев О.П. Практикум по психологии личности. СПб., 2003.
3. Мясичев В.Н. Психология отношений / под ред. А.А. Бодалева. Воронеж: МОДЭК, 1995.

КАК ОБЫДЕННЫМ СОЗНАНИЕМ ВОСПРИНИМАЮТСЯ СТИЛИ УПРАВЛЕНИЯ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОПРОСНИКА Р. БЛЕЙКА И ДЖ. МУТОН

Лузаков А.А.

Всё, что вы видите во мне –
это не моё, это ваше.
Моё – это то, что я вижу в вас
Э.М. Ремарк

Ключевые слова: обыденное сознание, стиль управления, семантическая структура опросника

Стиль управления – это достаточно устойчивый набор способов поведения, которые руководитель проявляет в процессе осуществления управленческой деятельности. В настоящее время доминируют ситуативные теории, утверждающие, что эффективность руководства, как и лидерства, зависит от многих факторов ситуации, а не только от стиля. Исследователи склоняются к тому, что наиболее эффективны те руководители, которые могут гибко переключаться с одного стиля на другой в зависимости от требований ситуации.

Однако теоретические модели и методы сбора данных, учитывающие характеристики ситуации, из-за их сложности остаются мало востребованными практиками в прикладных исследованиях. Поэтому остаются популярными концепции и методы диагностики, в которых стиль управления трактуется как устойчивая характеристика руководителя. За десятилетия исследователями выделено немало различных индивидуально-психологических факторов лидерства и стилей управления, их обзор не входит в задачи статьи.

Важно отметить то, что стили, как правило, описываются в пространстве одной или нескольких координатных осей – оснований различия. В простом одномерном континууме, например, различали авторитарный, демократический попустительский стили. Были разработаны двумерные, трехмерные и многомерные модели. Очевидные различия феноменов лидерства и руководства не делают эти области исследований изолированными друг от друга, и вполне закономерно использование идей теорий лидерства в теориях управления, и наоборот. Так, например, становится популярной «трехуровневая модель лидерства» Джеймса Скуллера (J. Scouller). Она претендует на статус интегрирующей концепции, и тоже задает определенные основания различия – уровни (области реализации лидерства) и поведенческие проявления [6].

Проблема в том, что предложенные теоретиками координатные оси описания (осознания, оценивания) качеств руководителя, могут не совпадать с теми, которые фактически используются обыденным сознанием работников для различения стилей управления. Нами ранее обосновывалась значительная роль субъективных факторов в оценке управленческого труда [2]. Применительно к задачам построения экспертной системы оценки менеджеров на конкретных предприятиях с помощью психосемантических методов реконструировались системы комплексных конструктов (семантические пространства), в которых можно наглядно представить образы руководителей в сознании их коллег и подчиненных.

Выявление таких фактических конструктов – необходимое условие для построения организацией собственной системы оценки управленческого труда. Эти технологии реализуются с помощью достаточно трудоемких методических процедур. Так, методика ПДМ содержит 40 градуальных шкал-дескрипторов, которые каждый участник исследования заполнял 7-12 раз, оценивая своих коллег или подчиненных [2].

Вместе с тем существует немало компактных и достаточно известных методик для экспертной оценки и самооценки руководителей, которые при условии проверки их семантической структуры могут также использоваться для решения указанных задач. К сожалению, популярность той или иной методики не является гарантией ее валидности. Особенно если под валидностью понимать способность метода адекватно отражать те субъективные параметры оценки управленцев, которые действительно «приняты» в данной среде. В этом случае структура шкал опросника (экспертной карты и т.п.) должна хотя бы примерно соответствовать структуре познавательных конструктов, функционирующих в сознании экспертов.

Позволим себе несколько упрощенное сравнение с ситуацией восприятия-оценивания некоего физического объекта представителями двух разных цивилизаций. Для представителей одной из них главное – определить размеры, вес, форму и прочность объекта (его предстоит грузить на корабль), а для представителей другой главное – определить съедобность, вес и срок годности (его намерены использовать как запас питания). Вес как оценочный конструкт присутствует в обоих случаях, но общий контекст различен. При изменении ситуации (запас питания нужно погрузить на корабль) для второй группы, возможно, станут значимы основания категоризации, на которые они ранее не обращали внимание.

Чтобы определить практическую полезность для прикладного исследования той или иной научной классификации стилей управления, она сначала должна быть сопоставлена с особенностями восприятия управленческой деятельности в конкретной среде. Поэтому нами ставится проблема сопоставления научных классификаций стилей управления с обыденным восприятием (категоризацией) образов руководителей.

Далее описывается проведенное нами эмпирическое исследование, в котором ставилась цель выяснить, как представлены в обыденном сознании категориальные оси, описывающие стили управления в «управленческой решетке» Роберта Блейка и Джейн Мутон (вторую фамилию в русскоязычной литературе часто пишут с мужскими падежными окончаниями, что неправильно). В терминах классической «объектной» психодиагностики подобную цель можно было бы рассматривать как проверку структуры шкал теста-опросника и их внутренней согласованности.

Но в данном случае цель заключалась не совсем в этом. Для пояснения обратимся к различиям «объектной» и «субъектной» парадигмы в психодиагностике личности и группы, которые были обозначены более 30 лет назад А.Г. Шмелевым [4]. Он предложил употреблять термин «субъектный», а не «субъективный» для того, чтобы подчеркнуть, что в данном случае речь идет о субъективности испытуемого (об испытуемом как субъекте), а не о субъективизме исследователя.

В объектной парадигме исследователь склонен навязывать испытуемым свой субъективизм, т.е. определенные конструкты, шкалы, которые якобы структурируют психическую реальность «правильным» способом. В начале 1980-х годов было высказано оправдавшее себя предположение, что «путь комбинирования традиционных опросников с приемами психосемантики – одно из наиболее перспективных направлений в развитии психодиагностики личности» [4; с.46]. В классической психометрике цель – получить данные об объекте (в нашем случае – о руководителе, его стиле управления). В субъектной парадигме цель другая – получить данные об используемых субъектом основаниях различения руководителей, о присущих субъекту способах категоризации образов руководителей. Пункты традиционного опросника при этом могут использоваться как набор дескрипторов для психосемантического эксперимента.

Широко известная методика Блейка-Мутон (18 пунктов-утверждений) обычно используется для самооценки стиля руководителей, реже – для оценки руководителей их подчиненными и коллегами. Модель «управленческая решетка» включает два основания различения стилей управления, в графическом представлении это две оси координат – «Ориентация на персонал» и «Ориентация на производственный результат». Схема представляет собой решетку в виде 81 квадрата – 9 горизонтальных строк и 9 вертикальных столбцов. В этой системе координат («решетке») возможны пять основных стилей управления и множество промежуточных. В зависимости от полученных по тесту баллов конкретный руководитель помещается в определенную точку «решетки», ближе к тому или иному из пяти ключевых стилей [5].

Теоретическая модель предполагает, что два названных аспекта поведения руководителя являются независимыми друг от друга. Но в литературе встречаются мнения, что эти два «измерения» управленческого стиля на самом деле коррелируют друг с другом. Чаще говорят об отрицательной корреляции: если менеджер ориентирован на достижение результата, он, как правило, не ориентирован на поддержание отношений с сотрудниками, и наоборот. Такая корреляция не универсальна, зависит от оргкультуры и других факторов.

Для психосемантического подхода изменчивость семантики стимулов (пунктов опросника), их интеркорреляций воспринимается как естественное явление. Источниками вариации являются и состав респондентов, и состав оцениваемых объектов. Главное – понять, какая именно семантическая структура данного набора дескрипторов характерна для той группы людей, в которой мы на данном отрезке времени намерены применять методику.

Когда в психосемантическом исследовании субъекта просят оценить других людей или воображаемые персонажи, подразумевается следующее: то, что ты думаешь о других, как их оцениваешь, дает мало информации об этих других (твое мнение – лишь одно из многих), но зато дает много информации о тебе самом. Поэтому обязательное условие – субъект должен оценить несколько объектов, в то время как обычное использование опросника Р. Блейка и Дж. Мутон предполагает оценку лишь одного объекта – себя или «моего руководителя». Способ предъявления методики респондентам был изменен нами таким образом, чтобы реализовать психосемантическую схему. Пункты-утверждения оригинального опросника формулировались в третьем лице, и выступали как дескрипторы для описания образов руководителей, имеющих в сознании респондентов.

Опросник предъявлялся каждому респонденту семь раз, чтобы он поочередно оценил семь «объектов»: 1) хороший руководитель; 2) плохой руководитель; 3) типичный руководитель; 4) руководитель, оказавший влияние на мое мироощущение, личностное развитие или карьеру; 5) руководитель, который сосредоточен на результатах работы коллектива, но мало обращает внимания на моральный настрой подчиненных и отношения с ними; 6) руководитель, который поддерживает хорошие взаимоотношения с коллективом, внимателен к подчиненным, но не обеспечивает должной эффективности работы; 7) Я сам, если бы я был руководитель.

В проведенном исследовании приняли участие 32 человека, обеих полов. В том числе 16 человек без опыта работы (студенты университета в возрасте 19–20 лет) и 16 человек с опытом работы (специалисты разных профессий в возрасте 24–45 лет.). Сбор данных и их первичная обработка осуществлены И.Н. Гаревской.

Мы предположили, что в обыденном сознании студентов и специалистов (не руководителей) семантическая структура пунктов опросника может отличаться от нормативной модели. Например, система координат может оказаться не двумерной, а одномерной или трехмерной. Если же семантическая структура пунктов все-таки соответствует двум указанным познавательным конструктам, то в обыденном сознании эти конструкты могут иметь неодинаковую субъективную значимость: людям важнее оценить у руководителя «ориентацию на сотрудников», чем оценить его «ориентацию на производственный результат» (гипотеза 1). Это укажет на необходимость уточнить привычный способ интерпретации результатов опросника.

Психосемантический (шире – конструктивистский) подход к изучению познавательных конструктов личности и группы нацелен либо на изучение всеобщих тенденций (общие семантические пространства), либо на исследование специфики субъективного опыта определенных групп людей в определенных ситуациях (частные семантические пространства). В рамках развиваемого нами подхода, названного сравнительной психосемантикой [1], особое внимание уделяется не всеобщим тенденциям структурирования реальности, а особенностям семантики конкретных групп людей – различных возрастов, профессий, опыта, ценностных ориентаций. Групповая специфика может выражаться не только в разных оценках объектов в заданной системе координат (две оси решетки Блейка-Мутона

можно трактовать как заданное семантическое пространство), но в различиях самой семантической структуры исходных дескрипторов в сознании разных групп испытуемых.

Проверялось предположение, что наличие личного опыта отношений в системе руководство/подчинение влияет на восприятие и оценку стилей управления. У субъектов с опытом работы и без опыта могут обнаружиться различия в системе категорий, используемых ими при восприятии руководителей (гипотеза 2).

Роль мотивационных различий людей в субъективном структурировании реальности велика [3], поэтому эти различия следует контролировать. У всех респондентов была проведена диагностика ценностных ориентаций по Опроснику терминальных ценностей (ОтеЦ) И.Г. Сенина. Кластерный анализ испытуемых по их ценностям позволил выделить две группы с контрастными ценностными ориентациями – «прагматиков» и «ориентированных на личностное развитие». Как отмечалось в наших предыдущих публикациях, подобные контрастные группы удается обнаружить почти во всех выборках, даже если для диагностики ценностных ориентаций используются другие методы.

Группа субъектов, получившая название «ориентированные на личностное развитие», отдают предпочтение ценностям духовного плана, сохранения собственной индивидуальности, саморазвития. Они реализуют себя в основном в сферах семейной жизни, образования, увлечений. Материальное благосостояние не относится у них к числу ведущих ценностей, относительно низка субъективная значимость активных социальных контактов, собственного престижа и достижений. Группе «прагматиков», напротив, близки ценности внешней самореализации и связанные с нею социальные маркеры – высокое материальное положение, достижения, престиж, социальные связи. Достижение основных жизненных целей – в сфере профессиональной жизни и социальных связей.

Предполагалось, что субъекты с контрастными ценностными ориентациями продемонстрируют различия в восприятии стилей управления, что отразится в содержании и субъективной значимости познавательных конструкторов-категорий, используемых ими для различения стилей (гипотеза 3).

Для проверки первой гипотезы 32 индивидуальные матрицы были сведены в матрицу «среднего респондента» (18 дескрипторов-пунктов опросника на 7 образов руководителей). Содержащиеся в такой матрице связи дескрипторов друг с другом отражают некую имплицитную теорию оценивания, присущую данной группе респондентов. Чтобы выявить эти связи был сделан факторный анализ дескрипторов.

Эмпирически получены два фактора-конструкта, сквозь призму которых обыденное сознание воспринимает образы руководителей. По содержанию они интерпретируются как ориентация руководителя «на персонал» и его ориентация «на результат», т.е. обнаруживают прямое сходство с координатными осями в исходной модели Р. Блейка и Дж. Мутон. Таким образом, семантическая структура пунктов опросника в обыденном сознании соответствует двум указанным теоретическим конструктам, «управленческая решетка» для описания стилей управления в целом не противоречит обыденному сознанию. Однако обнаружилась неодинаковая субъективная значимость двух оснований оценки руководителей. Координатные оси исходной модели не воспринимаются обыденным сознанием как одинаково важные, поскольку отражающие их факторы семантического пространства имеют разный вес (58% и 36% объясняемой дисперсии). Для обыденного сознания фактор «ориентация руководителя на персонал» значительно важнее, чем «ориентация на результат». Гипотеза 1 подтвердилась.

Раздельная факторизация матриц респондентов с опытом и без опыта работы показала, что по составу и нагрузкам дескрипторов двух факторов-категорий имеются некоторые различия между группами. Семантическая структура исходной модели Блейка-Мутон более свойственна молодым респондентам. У опытных субъектов главное основание оценивания отражает не только внимание руководителя к персоналу, но включает некоторые дескрипторы, отражающие его ориентацию на результат. Для респондентов с опытом работы (по сравнению с неопытными) ориентация руководителя на достижение результата не воспринимается столь изолированно от его внимания к людям, и потому несколько более важна. Различие групп выражено не ярко, поэтому гипотеза 2 требует дополнительной проверки на более представительной выборке.

Обнаружено влияние ценностных ориентаций, что подтверждает гипотезу 3. У респондентов с ценностями «личностного развития» два основания оценки руководителя не так радикально различаются по субъективной значимости. По-видимому, эти субъекты больше способны обращать внимание и ценить то, что их руководитель ориентирован на решение производственных задач, независимо от того, как они его оценивают по фактору заботы о персонале. В группе «прагматиков», напротив, ярче проявилась неравновесность двух познавательных конструкторов, где главный критерий оценки руко-

водителя – предоставление персоналу свободы действий, забота о нем. Отмечена высокая субъективная значимость тех пунктов-дескрипторов, которые отражают элементы попустительства со стороны руководителя. Возможно, эта социально-перцептивная особенность «прагматиков» отражает их склонность выделять в партнере по взаимодействию в первую очередь те качества, которые позволяют или не позволяют использовать его в своих целях ради актуальной выгоды – психологической или материальной.

Выводы по гипотезам 2 и 3 предполагается проверить на более многочисленной выборке. Но уже сейчас ясно, что при использовании «управленческой решетки» Блейка-Мутон для оценки руководителей подчиненными координатная ось «ориентация на персонал» оказывается субъективно важнее, чем «ориентация на производственный результат». Это указывает на необходимость уточнить привычный способ обработки и интерпретации результатов, например, за счет введения вектор-ключа, задающего вес того или иного пункта опросника в соответствии с его субъективной значимостью (нагрузкой в факторной матрице).

Библиографический список

1. Лузаков А. А. Психосемантика личностных черт: нормативный и сравнительный подходы // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №3.
2. Лузаков А. А. Субъективная категоризация в управленческом взаимодействии (опыт использования методики «Поведенческий дифференциал менеджеров») // Личность и бытие: субъектный подход. Краснодар, 2013.
3. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2009.
4. Шмелев А.Г. Традиционная психометрика и экспериментальная психосемантика: объектная и субъектная парадигма анализа данных // Вопросы психологии. 1982. № 5.
5. Blake, R., Mouton, J. The Managerial Grid: The Key to Leadership Excellence. Houston: Gulf Publishing Co., 1964.
6. Scouller, J. The Three Levels of Leadership: How to Develop Your Leadership Presence, Knowhow and Skill. Cirencester: Management Books, 2011.

ТИПОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ МЕНЕДЖЕРАМИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ «ЛИНЕЙНОГО» УРОВНЯ

Остроушко М.Г.

Ключевые слова: индивидуальный стиль, управленческие решение, менеджер, здравоохранение.

В исследованиях, посвященных анализу проблем медицинского труда, и в частности, управления персоналом лечебных учреждений, справедливо отмечается, что врач-руководитель – это представитель специфического профессионального сообщества [2, 6, 7, 8]. Успешность исполнения им руководящих функций обуславливает необходимость определенных составляющих в совокупности профессиональных компетенций. Эффективный врач-руководитель должен быть не только профессионалом высокого уровня, но и владеть знаниями, значительно выходящими за рамки профессиональных медицинских знаний. С одной стороны, ему должны быть присущи профессионально важные личностные качества, составляющие инварианты типологии личности врача-клинициста, а с другой – он должен обладать качествами эффективного менеджера – управленческими компетенциями [2].

Вступив в должность руководителя, врач сталкивается с совокупностью задач, к решению которых он не был подготовлен предыдущими этапами профессионального становления. Зачастую, будучи высоко квалифицированным клиницистом, врач оказывается не подготовленным к управлению коллективом коллег, к формированию социального капитала организации. О.Г. Носкова и Б.А. Ясько, основываясь на систематизации кризисов профессионализации субъекта медицинского труда, определяют этот период в профессиональной карьере врача как кризис «вступления в должность» [4]. Данный вид кризиса психологически маркируется снижением самооценки, фрустрированностью, накоплением симптомов профессионального выгорания [6].

Надо отметить важную организационно-регламентирующую особенность управленческой деятельности в учреждении здравоохранения. Она состоит в том, что субъекты топ-менеджмента при

назначении на должность главного врача или заместителя главного врача в обязательном порядке проходят дополнительную профессиональную подготовку по направлению «Организация здравоохранения и общественное здоровье», которая проводится на специализированных кафедрах медицинских вузов. Результатом обучения является сертификация специалиста по названному направлению, которая является основным условием допуска врача к управленческой деятельности. Однако требование наличия аналогичной специализации не распространяется на самое многочисленное подразделение управленческого корпуса организаций здравоохранения: заведующих отделениями. Вместе с тем, именно на них ложится главное бремя ответственности за качество медицинских услуг, успешность решения разнообразных клинических задач в процессе работы медицинского персонала вверенного отделения.

Сказанное в совокупности актуализирует проблему психологической готовности врача к менеджерской деятельности «линейного» уровня. С точки зрения управления персоналом лечебного учреждения данная проблема рассматривается нами как поиск эффективных путей становления управленческой компетентности врача, являющейся составной частью его общей профессиональной компетентности.

Цель описываемого ниже эпизода проводимого исследования состояла в определении типологических характеристик стилевых особенностей принятия управленческих решений заведующими клиническими отделениями лечебного учреждения для разработки «маршрутов» практико-ориентированного консультирования, направленного на формирование и развитие компетентностной готовности к управленческой деятельности в профессиональных группах.

Организация исследования.

Исследование проведено в многопрофильном учреждении здравоохранения регионального статуса, оказывающем все виды амбулаторной и стационарной помощи населению края, включая проведение современных высокотехнологичных операций. В организационную структуру больницы входят 114 подразделений, 60 из которых являются клиническими, непосредственно оказывая медицинские услуги. Учреждение является постоянным участником государственных проектов и программ модернизации здравоохранения. В 2014 году стало Лауреатом премии правительства РФ в области качества.

В группу испытуемых были включены заведующие отделениями, всего 57 человек.

Применена психодиагностическая методика «Стиль принятия управленческих решений» (А.В. Карпов, Е.В. Маркова) [3]. В основе методики лежит подход, согласно которому индивидуальный стиль принятия управленческих решений руководителем определяется сочетанием двух качеств, характеризующих лидера: властью и поведением в проблемной ситуации. Авторы концепции выделяют четыре типа стилевых особенностей руководителей: авторитарный, маргинальный, реализаторский и попустительский. Основу различий составляют уровни выраженности власти и самостоятельности, решительности в проблемных ситуациях деятельности. Так, у руководителя с «авторитарным» стилем принятия решений сочетаются высокие показатели по обоим параметрам, что позволяет характеризовать его как директивного лидера, способного к наступательным действиям в проблемной ситуации. Такой руководитель не боится ответственности, более того, он хочет и может быть ответственным и властным. Отношения с подчиненными опираются или на жестко субординационную, или патерналистскую основу [3, с. 330].

«Маргинальный» стиль принятия решений состоит в сочетании директивности и избегания проблемной ситуации. Такой руководитель в большинстве случаев стремится к избеганию ответственности, ориентирован на вышестоящие управленческие структуры. Он не требователен к себе, но требователен к подчиненным. В зависимости от того, с кем он общается (с подчиненными или с начальством), руководитель умеет резко менять стиль поведения. Отмечается, что направленность на себя у «маргинального» лидера не подкреплена стремлением к успеху (как у «авторитарного» руководителя), а, наоборот, соединяется со стремлением избежать возможных неудач. Процесс принятия решений часто имитируется, пока не поступит каких-либо указаний от вышестоящих руководителей.

Руководитель с «реализаторским» стилем сочетает либерализм с активным продуцированием принятия решений в проблемной ситуации. Он направлен на достижение результата, самостоятелен, при этом сочетает высокую требовательность к себе с либеральной манерой построения взаимоотношений в коллективе. В процессе выработки решения он привлекает группу к сбору информации, к инициации идей, к обсуждению альтернатив. Если же группа не справляется с поставленной задачей, руководитель вырабатывает и реализует решение самостоятельно, при этом оно в большинстве случаев не может противоречить интересам группы [там же].

Руководитель с «попустительским» стилем принятия решений характеризуется сочетанием либерализма и избегания проблемной ситуации. Он не требователен ни к себе, ни к подчиненным, пассивен даже в ситуациях, требующих решительных, экстренных действий, которые склонен не замечать, оставлять подчиненных один на один с проблемой. Авторы отмечают, что поведение «попустительского» лидера в ситуации принятия решения – иллюстрация феномена профессиональной деформации в виде «выученной беспомощности».

Помимо выраженных четырех стилей может быть выделен стиль, маркируемый промежуточными показателями по шкалам «властность» и «поведение в проблемной ситуации». Этот стиль А.В. Карпов и Е.В. Маркова называют «ситуационным» [там же, 332]. Такой руководитель ориентирован на партисипативные отношения с подчиненными и на ситуативно-зависимую форму принятия решения. При этом специфика процесса принятия решения определяется не личностными предпочтениями руководителя, а объективными особенностями производственной ситуации.

Анализ результатов исследования.

Установлено, что около половины врачей (26 чел.; 45,6%), заведующих клиническими отделениями, склонны применять либеральные методы управления в ситуациях принятия решений. Средний показатель по шкале «Властность» в этой части выборки составил $86,7 \pm 8,0$. Такой стиль характеризуется проявлением мягкости и уступчивости, нежеланием или неумением руководителя быть властным, применять дисциплинарные требования к подчиненным. Гуманистическое отношение к сотрудникам демонстрируется доверительными отношениями, предпочтением силовым методам управления убеждений, поощрений.

Следует отметить, что основную часть этой группы (19 чел.; 33,3% от выборки) представляют врачи, обладающие так называемым «реализаторским» стилем. Он характеризуется проявлением интернальности – готовности руководителя нести ответственность за промахи и ошибки подчиненных, умением быстро, без дополнительных согласований, принимать решения, уверенностью в своем профессионализме, направленностью на более сложные, стратегические вопросы, на решение задач, связанных с перспективой, с ростом, с развитием коллектива [3, с. 95]. Средний показатель по шкале «Поведение в ситуации принятия решения» здесь составил $122,8 \pm 11,6$.

Вместе с тем для семи врачей (12,3% от выборки), демонстрирующих либеральный стиль управления, характерна экстернальность, маркирующаяся стремлением к избеганию ответственности в ситуациях принятия управленческих решений. Сама ситуация принятия решения может восприниматься как угрожающая, поэтому используются возможности отказаться от самостоятельных действий, предпринимаясь попытки переложить ответственность за принятие решения на руководителя высшего ранга или отдается предпочтение запрещающим решениям («Как бы чего не вышло») [там же]. Средний показатель по шкале «Поведение в ситуации принятия решения» в этой группе врачей составил $107,9 \pm 9,0$.

Преобладание либеральных методов управления использовано нами как основание для выделения этой части группы испытуемых в подгруппу, обозначенную: «Стиль I. Либеральный руководитель».

Опору на директивные методы принятия управленческих решений обнаружили 15 заведующих отделениями (26,3%). Средний показатель в этой части выборки по шкале «Властность» составил $113,3 \pm 10,0$. Из них склонность к жестким приемам управления, сочетающуюся с умением брать на себя ответственность в ситуациях принятия решений (шкала «Поведение в ситуации принятия решения» $M = 124,4 \pm 4,0$), обнаружили 7 заведующих отделениями, что составляет 12,3% от общей выборки. В концепции А.В. Карпова такой управленческий стиль определяется как «авторитарный». Авторитарные лидеры ориентированы и на себя, и на дело. Однако предполагается, что все-таки доминирующая личностная направленность такого руководителя – на себя, через демонстрацию производственных показателей, которые достигаются путем тотального контроля и жестких дисциплинарных мер. В ситуации выработки и реализации решения они поэтапно распределяют задачи между подчиненными, но на самотек процесс не отпускает; при выборе альтернативы – последнее слово оставляют за собой, а исполнение решения жестко контролируется [3, с. 95].

«Маргинальный» стиль, характеризующийся сочетанием директивных приемов управления со сниженной ответственностью в принятии решений, обнаружили 8 заведующих отделениями (14,0% от выборки). Средние значения показателей по шкалам измерения в этой подгруппе представлены одинаковым числом (108,5), при $\sigma = 7,2$ (шкала «Властность») и 5,7 (шкала «Поведение в ситуации принятия решения»).

Близость установленных показателей и содержательность в их интерпретации дает основание объединить эти подгруппы врачей в группу, обозначенную «Стиль II. Авторитарный руководитель».

Третья часть опрошенных врачей (16 чел.; 28,1%) объединяется общим качеством ситуативного поведения в управлении совместной деятельностью. Такой стиль характеризуется отсутствием стратегической инициативы руководителя, слабым навыком управления людьми и формирования команды, преобладанием стремления брать на себя ответственность в сложных ситуациях, не доверяя ее подчиненным. Девиз ситуационного управления: «Решаем проблемы по мере их поступления». Средние значения по шкалам составили 96,1 и 118,7 соответственно. Эту группу руководителей мы определяем «Стиль III. Ситуационный руководитель».

Полученные и проанализированные данные психодиагностики позволяют выделить два основных направления практико-ориентированного консультирования, направленного на формирование и развитие компетентностной готовности к управленческой деятельности в профессиональных группах. В основу каждого из них положены дифференцированные по группам респондентов типы принятия управленческих решений и предпочитаемых форм власти в организации.

Первое направление включает «мишени», характерные для заведующих отделений с качествами «Либерального» и «Ситуационного» лидерства (стили I и III). Концепция работы с данной группой имеет в основе развитие навыков организационного лидера: умений влиять на окружающих, наладить групповую работу, понимание особенностей управленческого труда [1]. Предполагается, что взаимодействие в одной группе в процессе тренингов и деловых игр лидеров с разной степенью активности в ситуациях принятия управленческих решений, позволит: врачам «либеральных» предпочтений воспринять навыки принятия ответственности, которыми в полной мере обладают «ситуационные» лидеры; врачам «ситуационного» стиля освоить умение взвешенно определять границы собственной инициативности и опоры на авторитет вышестоящего лидера (качества, на которые опираются в принятии управленческих решений «либеральные» руководители).

Второе направление – работа с группой «авторитарных» руководителей. Основная задача этого направления консультирования – снижение директивности, развитие навыков делегирования принятия решений группе по тактическим вопросам клинической работы; снижение активности направленности на себя, маскирующейся демонстрацией позиции «болею за дело».

Взаимодействие в одной группе лидеров с разными стилями принятия решений («маргинальный» и «авторитарный») позволит: врачам «авторитарного» поведения в ситуации принятия решения освоить позитивный ресурс умений взвешенной оценки ситуации, обращения к коллегиальным приемам обсуждения принятия решений; врачам «маргинального» стиля осознать целесообразность принятия личной ответственности за принимаемые управленческие решения; увидеть и освоить профессиональные приемы активного поведения в проблемной ситуации.

Названные направления в настоящее время закладываются в программу управленческого консультирования «Основы организационного лидерства в здравоохранении», реализация которой предполагается в совместном сотрудничестве с кафедрой управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета.

Библиографический список

1. Занковский А.Н. Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2011.
2. Казарин Б.В., Ясько Б.А. Личностная готовность врача-клинициста к менеджерской деятельности в условиях социальной нестабильности // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 5.
3. Карпов А.В., Е.В. Маркова. Психология стилей управленческих решений. Ярославль, 2003.
4. Носкова О.Г., Ясько Б.А. О кризисах профессионально-личностного развития врача // Вестник Московского университета. Сер. 14 "Психология". 2004. № 2.
5. Ясько Б.А. Психология личности и труда врача. Ростов н/Д: Феникс, 2005.
6. Ясько Б.А. Организационная психология здравоохранения: персонал, лидерство, культура. Краснодар, 2013.
7. Yasko B.A., Kasarin B.V., Rimmavi M.H. Basics of administrative competence of a doctor-head as a subject in a post graduate education system // International journal of experimental education. 2011. № 1.
8. Yasko B.A., Kasarin B.V., Rimmavi M.H. Analysis of managerial competencies in the system of post-graduate education of health care managers // International journal of experimental education. 2011. № 2.

ЦЕННОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТУРИЗМА: ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ *Пайгунова Ю.В., Салимов А.М.*

Ключевые слова: аксеологические теории, туризм, ценностные уровни туризма.

Современный туризм обладает высоким аксиологическим потенциалом. Проблема туризма в аксиологии рассматривается как проблема формирования, сохранения и развития ценностей современного общества посредством данной социальной практики. В рамках аксиологического подхода к проблеме туристских практик возникает вопрос о методологии прикладных исследований в этой области. Исследования в этой области должны опираться на признанные в мировом научном сообществе аксиологические концепции.

Доктору Клэру Грэйвзу принадлежит концепция развития системы ценностей, известная как «спиральная динамика». Эта концепция представляет системную модель развития и эволюционной трансформации человеческих ценностей и культур [1]. Данная концепция, на наш взгляд, обладает существенным методологическим потенциалом для исследования туристских практик, особенно при анализе трансформаций ценностей туризма, как в России, так и за рубежом. Почему эта концепция подходит для анализа трансформации ценностных детерминант туризма? Стоит отметить, как минимум, три причины:

Данная концепция предлагает увидеть будущее (определить точку роста) для развития туризма. Данная концепция, фиксируя преобладание определенных ценностей в туризме, «обнажает» проблемы, сопутствующие данному этапу развития социопрактики. Данная концепция позволяет оценить преобладающие мотивы отдельных групп потребителей туристических услуг.

Уровни развития в аксиологической теории Грэйвза описываются через парадигмы сознания, или ценностные комплексы, включающие в себя духовные верования, культурные идеи, моральные принципы, модели обучения, парадигмы сознания (которые для удобства кодируются различными цветами от бежевого до бирюзового). Данные уровни возникают в процессе социокультурной эволюции по мере возникновения потребности в них. Каждая очередная стадия развития удовлетворяет потребности, которые не были удовлетворены (или подавлены) предыдущей ступенью развития цивилизации. Согласно теории спиральной динамики, на каждом уровне культурной холархии существует своя система ценностей, определяющая верования, социальные группирования, паттерны мотивации, организационную динамику, цели.

В применении к анализу трансформаций такой социокультурной практики как туризм данные уровни будут рассматриваться в последовательном развитии, от туризма как вынужденной миграции (базирующейся на ценности выживания), до своих наивысших форм развития – туризма, как развития планетарной экосистемы. Особенностью концепции Клэра Грейвза является то, что каждый из уровней не является обособленным, а включает в себя ценностные системы уровней более низкого порядка.

В нашей интерпретации ценностные уровни туризма предстают в следующем виде:

Бежевый уровень (уровень ценности физического существования) – туризм, как вынужденное средство (миграция, бродяжничество, обусловленное необходимостью выживания).

Фиолетовый уровень (уровень ценности традиций, племенной безопасности) – туризм, как форма культурной традиции (современный вариант – религиозное паломничество).

Красный уровень (уровень ценности силы, власти, действия, импульса) – туризм, как освоение новых земель (эпоха великих географических открытий), туризм, как завоевание, туризм как испытание сил (современная разновидность – экстремальный туризм).

Синий уровень (уровень ценности порядка, закона) – туризм, как социальный и государственный институт, как признанная, нормативно – урегулированная практика, туризм, как средство массовой рекреации.

Оранжевый уровень (уровень ценности социального преуспевания) – туризм как выражение индивидуальности, как показатель свободы и успеха (прежде всего, материального), туризм как признак социального статуса.

Зеленый уровень (уровень ценности дружбы, гармонии, любви, общения) – туризм, как ненасилиственное приобщение к иной культуре, другим социальным сообществам, клубный туризм, событийный туризм.

Желтый уровень (уровень ценности знаний, компетентности, профессиональной и функциональной независимости) – бизнес туризм, научный туризм, туризм, как сфера информационного обмена.

Голубой уровень (уровень ценности глобального мышления, сохранения жизни на планете, приспособления к экосистеме) – экологический туризм.

Используя вышеуказанную концептуальную основу, рассмотрим трансформации в ценностях в сфере туризма на примере советской и постсоветской России до наших дней. В первой половине XX в. в СССР стимулировался массовый отдых, спортивный туризм и военно-прикладные виды спорта. Туризм в СССР был подчинен главной цели Советского государства – «пропаганде социалистического строительства». В СССР развивалась сеть профсоюзных лечебно-профилактических и курортных учреждений, детский, сезонный и спортивный туризм. Выездной туризм за пределы СССР был обременен многочисленными препятствиями и доступен достаточно узкой группе лиц. Вместе с этим, СССР по размаху туристического движения занимал одно из первых мест в мире [2, с.112]. Данный уровень развития туризма можно описать как соответствующий Синему уровню развития ценностной холархии (по К.Грейвзу), со всеми вытекающими из этого последствиями: стабильностью в поддержке процессов и процедур, планирование рекреационно – досуговой деятельности населения, и одновременно ригидностью, фундаментализмом, негибкостью в принятии решений, недостаточностью конкуренции даже на внутреннем туристическом рынке, усредненным качеством предоставляемых туристских услуг.

С 1960-х годов темпы роста государственного регулирования туризма замедлились, а массовый туризм трансформировался в дифференцированный. Популярными становятся индивидуальные туры, спортивный туризм, преимущественно клубного характера. Данный уровень можно описать как соответствующий Зеленому ценностному уровню концепции спиральной динамики с его коллективистской ориентацией в туристской сфере, а также частично Оранжевому уровню с акцентом на индивидуализме, свободе (внутри страны развилось мощное туристическое движение, почти полностью ориентированное на «дикий» отдых).

Начало периода перестройки и политической модернизации, вызвавшего существенный экономический кризис и упадок практически всех индустрий страны, можно связать с регрессией общества на Красный уровень ценностной динамики, часто расцениваемый как тупиковый, либо как революционный. Почти во всех регионах России к началу XXI века сфера туристических услуг была в непригодном для удовлетворения новых запросов рынка состоянии. Именно в данный момент произошла серьезная переориентация с туризма внутреннего на туризм выездной, где массовому российскому туристу гостеприимно распахнули двери Турция и Египет, как самые финансово доступные курорты, а потом и другие страны, увидевшие мощный потенциал развития турбизнеса в привлечении российских туристов.

Вожделенный международный туризм, прежде всего курортный, стал маркером социального благополучия, гедонистического стиля жизни и демонстрацией финансовых возможностей для многих россиян. Ценности оранжевого уровня расцвели пышным цветом, поощряя инициативность россиян в рекреационной сфере, и стимулируя предпринимательскую жилку российских представителей туристической индустрии. В 2010-х годах появилось предложение в сферах спортивного, экстремального, приключенческого и экотуризма. В этой связи стоит отметить утверждение Федеральной программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)», в рамках которой предполагалось обновление как устаревшей инфраструктуры, оставшейся еще с советских времен (Кавказ, Краснодарский край, «Золотое кольцо России», Байкал и т.д.), так и создание новой – в зонах, богатых культурными и природными рекреационными ресурсами.

Благополучное для экономики России начало XXI века, стало «золотым периодом» развития туристической отрасли. Вплоть до наступившего политико – экономического кризиса 2014 года, перспективы развития отрасли оценивались как достаточно высокие [2, с.18]. Наступивший спад в развитии туристической отрасли ставит вопрос о поиске скрытых ресурсных возможностях для возвращения отрасли на прежний уровень с опорой на анализ трансформаций в ценностных ориентациях российских туристов.

Библиографический список

1. Бек Д., Кован К. Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. BestBusinessBooks, 2010.
2. Выездной и внутренний туризм в республике Татарстан: опыт мультинаучного исследования: коллективная монография / Н.З. Аппакова-Шогина, А.В. Гут, Э.Н. Евстафьев [и др.]; отв. ред. А.З. Хурамушина. Казань: Центр инновационных технологий, 2014.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Покуль В.О.

Ключевые слова: пользователь социальных медиа, потребительское поведение, типы поведения в социальных медиа.

Несмотря на тот факт, что интерес к социальным медиа с каждым годом неуклонно растет, причем как со стороны населения, так и со стороны бизнес структур, исследования, рассматривающие законы и аспекты поведения потребителей в социальных медиа встречаются крайне редко как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Одним из важнейших аспектов, по нашему мнению, является психологический аспект потребительского поведения в социальных медиа.

Следует отметить, что единого подхода к пониманию психологии потребителей онлайн на сегодняшний день не существуют. Немногочисленные западные исследования фокусируются на разных психологических аспектах, порой, входя в противоречие, друг с другом. Например, в 2008 году в журнале «Бюллетень личностной и социальной психологии» было опубликовано исследование Л. Буффарди и К. Кампбелла под названием «Нарциссизм и сайты социального взаимодействия».

В своем исследовании авторы, изучая более 300 пользователей Facebook, пытались выявить взаимосвязи между онлайн и оффлайн поведением пользователей, особенно в вопросе личностной идентификации и нарциссизма.

Были выявлены положительные корреляционные связи между проявлением нарциссизма (опросник NPI) и количеством друзей в социальных сетях и числом сообщений, размещенных пользователем на своей стене в Facebook. При этом заставляет задуматься вопрос о причинах отсутствия какой-либо взаимосвязи между проявлением нарциссизма и длиной информации, оставленной о себе [6]. Надо отметить, что приводимое исследование стало одной из первых попыток рассмотреть психологическую детерминацию функционирования социальных сетей и медиа.

Сегодня в работах западных психологов делается попытка связать особый рост нарциссизма в социальных медиа с появлением лучшего приложения 2011 года по версии Apple Instagram, с помощью которого люди показывают буквально каждую секунду своей жизни. 28 декабря 2012 года Satatigram (сторонний сервис для просмотра фотографий из Instagram) насчитал 5 509 922 фотографий с тегом 'selfie' (тег, использующийся для фотографий самого себя), а фотографий с тегом 'me' (я) было еще больше – 72 657 637. Час спустя фотографий с тегом 'selfie' было уже 5 512 860. Еще через день изображений, помеченных тегом 'me', стало 73 085 204. Приведенные данные свидетельствуют о масштабах данного явления, что обуславливает несомненную актуальность его научного анализа.

Доктор Джин М. Твенж (Jean M. Twenge), профессор психологии и автор книги «Generation Me», а также соавтор книги «Эпидемия нарциссизма: Жизнь в эпоху самомнения» («The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement») объясняет, что в основе нарциссизма лежит иллюзия того, что вы лучше, чем на самом деле (и лучше тех, кто вас окружает). Любой процесс, который позволяет подобным фантазиям существовать в отрыве от реального мира, ведет к расцвету нарциссизма [7].

3 ноября 2009 Марком Скоттом, управляющим директором ABC (American Broadcasting Company) на конференции, посвященной воздействию интернета на информационную среду, эволюции интернета в Сиднее, было предложено три принципа функционирования социальных медиа: отслеживание, синдром рассеянного внимания и нарциссизм как доминирующий принцип [1]. Однако другие ученые (например, Ю. Будовская) считают неправомерным употребление термина «нарциссизм» и предлагают заменить его термином «эгоизм» [1].

Преподаватель Оксфорда Ana Isabel Canhoto выделяет 6 мотивов поведения потребителей в социальных медиа: нарциссизм (самоидентификация и самоутверждение пользователя за счет тех возможностей, которые дают социальные медиа); альтруизм (готовность делиться информацией, которая может быть полезна другим пользователям (отзывы, комментарии и т.д.); гомофилия (желание и стремление потребителей к сближению с другими людьми, имеющими схожие ценности, взгляды и принципы); меметика (упрощенный и веселый формат коммуникации и изложение долгой мысли графическими изображениями в формате шутки).

В маркетинговых контент стратегиях в социальных медиа, больше известны как «мемы» и «демотиваторы»); гедонизм (использование социальных медиа может приносить удовольствие пользователям. Социальные медиа могут быть интересны потребителю сами по себе и, кроме того, он может использовать их для обширного перечня развлечений (музыка, удовлетворение сексуальных потребностей, видео и т.д. [3]); трайбализм (стремление к идентификации с определенной группой).

Социальные медиа дают в этом смысле широкий спектр возможностей благодаря созданию сообществ по интересам).

Известный английский психотерапевт А. Балик в статье журнала «Терапевтические инновации в свете технологий» (Therapeutic Innovations in Light of Technology) выдвигает иной мотив пребывания пользователей в средствах социальных медиа *узнавание* (recognition). Основной фокус его исследования концентрируется на кнопке «мне нравится» («Like»), представленной во всех социальных сетях, с помощью которого узнавание и демонстрируется. Автор называет функцию межсубъектного узнавания как одну из наиболее важных психодинамических функций развития личности. С помощью всего одной этой кнопки пользователи могут выражать и воспринимать целый спектр чувств, эмоций и действий: узнавание, подтверждение, признание, одобрение, выражение симпатии или признательности, оценивание или идентификация с другими [4].

Автор также вводит совершенно новое понятие *виртуальное столкновение*, понимая под ним «любое событие, которое происходит во взаимоотношениях с человеком посредством виртуального мира, которое испытывается как вмешательство в собственное я» [5].

Этот феномен представляется для нас крайне интересным, несмотря на его слабую изученность в современной литературе. Действительно, часто при реальном общении и взаимодействии у личности, как у субъекта общения, возникает определенное представление и восприятие оппонента. Однако после столкновения с ним онлайн (попадания на его страницу в социальных сетях) этот субъект может кардинально изменить сложившееся представление. Впечатление от *виртуального столкновения* может ввести его в смятение и негодование, вызвать неприязнь к партнеру по общению. В этом случае эмоционально-мотивационный, когнитивный тон как реального, так и онлайн взаимодействия может существенно измениться.

Некоторые исследователи фокусировали свое внимание на изучении мотивации нахождения пользователей в социальных медиа. Так, в международном журнале рекламы в 2011 году были опубликованы сразу два исследования, рассматривающих особенности поведения потребителей онлайн при их взаимодействии с брендом.

В работе «Determinants of consumer engagement in electronic word-of-mouth (eWOM) in social networking sites» опубликована модель, которая объясняла, под действием каких психологических детерминант, потребитель начинает самостоятельно распространять информацию о бренде онлайн: сила связей между членами сообщества; гомофилия; доверие; межличностное влияние [9].

В другой работе D. Muntinga, M. Moorman создали целостную модель онлайн поведения потребителей при взаимодействии с брендом «Модель COBRA».

Просмотр брендового видео на YouTube, обсуждения бренда в Twitter и загрузка изображений с брендовой тематикой на Facebook все это примеры онлайн поведения потребителя, связанного с брендом (consumers' online brand related activities (COBRAs). Авторы применили концепт «COBRA» в качестве бихевиорального конструкта, который обеспечивает объединенную структуру активности потребителей относительно всех данных, связанных с брендом в различного рода платформах социальных медиа [8].

Проводя собственное исследование мотивации потребительского поведения в социальных медиа, мы, опираясь на приведенные выше данные, разработали опросник, в основе которого лежат 4 типа мотивации: получение информации; социальное взаимодействие; развлечение; личностная идентификация.

В эксперименте приняли участие 107 респондентов, разделенных на две возрастные группы. Группа I (62 чел.), возраст от 18 до 25 лет; группа II (45 чел.), возраст от 26 до 35 лет.

С применением кластерного анализа данных, полученных в группе молодых пользователей социальных медиа (группа I) были выявлены и описаны 6 комбинаций выраженности мотиваций, что рассматривается нами как 6 типов потребительского поведения в социальных медиа [2]: коммуникативно-познающий; досугового взаимодействия; информационно-развлекательный; информационный; интерактивной идентификации; интерактивный.

Первый вид потребительского поведения (кластер 1) характеризуется преобладанием у субъектов двух видов мотивации: «поиск информации» ($44,5 \pm 10,59$) и «социальное взаимодействие» ($39,43 \pm 9,0$). Они сочетаются со слабовыраженными мотивациями поиска развлечений ($22,6 \pm 9,0$) и потребностью в личностной идентификации ($14 \pm 8,2$). Такой сочетание мотивов мы определяем как «коммуникативно-познающий» тип поведения.

Второй вид потребительского поведения в социальных медиа (Кластер 2) характеризуется высоко выраженной мотивацией поиска развлечений ($49,33 \pm 7,22$). Стремление к развлечению сопро-

вождается мотивацией к социальному взаимодействию ($32,8 \pm 11,19$), а также среднее-слабой выраженностью мотиваций поиска информации ($26,8 \pm 8,17$) и личностной идентификации ($12,8 \pm 7,72$). Такой комплекс мотиваций позволяет определить этот вид потребительского поведения как *тип «досугового взаимодействия»*.

В основе третьего мотивационного комплекса, определяющего потребительское поведение личности в социальных медиа, (Кластер 3) лежат два мотива: поиск информации ($55,33 \pm 9,97$) и развлечений ($47,5 \pm 7,89$), при низких значениях мотиваций «социальное взаимодействие» и «личностная идентификация» ($14,67 \pm 6,47$ и $3,67 \pm 4,13$ соответственно). Данный тип поведения мы характеризуем как *«информационно-развлекательный»*.

Четвёртый мотивационный комплекс (кластер 4) характеризует *информационный тип* потребительского поведения. В его основе лежат высокие значения мотивации «поиск информации» ($78,14 \pm 9,17$) и слабовыраженные мотивы к социальному взаимодействию, развлечению и личностной идентификации.

Кластеры 5 и 6 представлены малым числом респондентов (по 2 человека). Тем не менее, остановимся на их характеристиках. Пятый вид мотивационного комплекса (Кластер 5) образован ведущим значением для субъектов стремления к социальному взаимодействию ($46 \pm 8,49$) и к личностной идентификации ($34 \pm 1,4$). Мотивы поиска информации и развлечений слабо выражены ($17 \pm 7,07$ и $24 \pm 14,14$ соответственно). Такой вид потребительского поведения можно определить как тип *«интерактивной идентификации»*.

Для представителей шестого типа потребительского поведения характерна гиперактивность мотивации к социальному взаимодействию ($75 \pm 1,41$) при слабой выраженности остальных мотивов. Такое сочетание компонентов мотивационного комплекса позволяет определить этот вид поведения как *«интерактивный тип»*.

Для респондентов в возрасте от 26 до 35 лет (группа II) было выявлено только 2 кластера, однако типологически они не отличаются от тех, что были выявлены в группе I.

80,0% респондентов (36 чел.) приверженцы *досугового взаимодействия* в социальных медиа («социальное взаимодействие» $M = 40,8 \pm 21,54$; «развлечение» $M = 41,9 \pm 23,78$). 20,0% респондентов (9 человек) мотивированы потребностью получения информации (мотивация «поиск информации» $M = 86 \pm 15,95$; другие виды мотивации слабо выражены).

Установленные типы потребительского поведения личности позволяют выявить движущие силы, определяющие направленность стремлений субъекта, включенного в сложное и многообразное взаимодействие в социальных медиа. В частности, с ориентацией на конкретный потребительский сегмент можно разрабатывать целевую маркетинговую контент стратегию компаний, активно использующих ресурсы интернет-коммуникаций для продвижения товаров и услуг.

Библиографический список

1. Будовская Ю. Эгоизм как движущая сила пользовательской активности в социальных медиа и социальных сетях // Социальная политика и социальное партнерство. 2010. № 11.
2. Воронина Л.А., Покуль В.О. Разработка маркетинговых инструментов в социальных медиа на основе изучения особенностей потребительского поведения // Маркетинг в России и за рубежом. 2014. №6. 0,44
3. Зарецкий О. Социальные медиа в России. Обзор в цифрах. URL: <http://www.comscore.com>
4. Balick A. The Real Motivation Behind Social Networking // Therapeutic Innovations in Light of Technology, Volume 3, Issue 2, 2013.
5. Balick A. TMI in the transference LOL: psychoanalytic reflections on Google, social networking, and 'virtual impingement' // Psychoanalysis, Culture and Society. 17(2). 2012.
6. Buffardi L. and Campbell W. Narcissism and Social Networking Web Sites // Personality and Social Psychology Bulletin №34, Jul 3, 2008.
7. Hay K. The Age of Narcissism and Homogenization with Instagram // Adore Noir, № 12, 2013.
8. Muntinga D., Moorman M. Introducing COBRAs // International Journal of Advertising, 30(1), 2011.
9. Shu-Chuan Chu, Kim Y. Determinants of consumer engagement in electronic word of mouth (eWOM) in social networking sites // International Journal of Advertising, 30(1), 2011.

ЛИЧНОСТНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Флоровский С.Ю.

Ключевые слова: личностная детерминация, управленческое взаимодействие, руководитель, организация.

Включаясь в совместную с другими руководителями деятельность по решению управленческих проблем и задач, интегрируясь в управленческое сообщество организации и проживая в нём значительную часть своей профессиональной жизни, каждый управленец не просто «вписывается» в существующие отношения «руководитель–руководитель», но и сам оказывает большее или меньшее влияние как на эти отношения, так и на реализующих их индивидуальных и групповых субъектов [2; 6; 14].

В ряде случаев это влияние бывает достаточно явным и хорошо рефлекслируемым и самим управленцем, и другими людьми (в т.ч. и сторонними наблюдателями). Данный вариант имеет место в случае более или менее сознательного и рационального формирования руководителем своего окружения [3; 7]. Однако гораздо чаще эти процессы носят завуалированный характер, выражаясь, в частности, в поддержке-неподдержке руководителями определенных личностно детерминированных форм организационного поведения и, соответственно, субъектов этого поведения – своих коллег по управленческой деятельности. В итоге функционально-ролевая и интерперсональная приемлемость отдельных руководителей возрастает: они начинают квалифицироваться менеджерским сообществом организации как «продуктивные» и «легкие» партнеры по взаимодействию. Приемлемость же других руководителей, напротив, резко снижается вследствие появления у них репутации «трудных» и «непродуктивных» партнеров по управленческим интеракциям.

Выявление взаимозависимостей между социально-психологическим статусом руководителей как партнеров по управленческому взаимодействию и свойствами их личностной организации не только дает возможность понять какие именно личностные характеристики и каким образом содействуют или препятствуют руководителям в достижении высокого уровня их функционально-ролевой приемлемости со стороны членов менеджерского сообщества, но и эксплицировать регулирующие общение и совместную управленческую деятельность реально-действующие нормы, представляющие собой один из валидных индикаторов важнейшего, но трудно объективируемого «пласта» культуры организации, а именно – её «глубинного» уровня и составляющих его базовых представлений [15].

Существенный вклад в изучение данного социально-психологического аспекта управления внесли работы, выполненные одним из создателей концепции психологического обмена в организационном лидерстве Дж. Греном [11; 12].

Важнейшим положением данной концепции является постулирование того факта, что поведение вышестоящего руководителя в отношении нижестоящих опосредствуется тем в какой мере топ-менеджер склонен воспринимать управленцев среднего и первичного звена (мидл- и праймер-менеджеров, соответственно) в качестве представителей «своей» группы (ин-группы).

Основанием же причисления к ин-группе оказываются следующие параметры субъективной категоризации: 1) насколько нижестоящие управленцы компетентны и квалифицированы; 2) в какой степени им можно доверять; 3) насколько они готовы принимать на себя ответственность. Противоположные черты обуславливают попадание мидл- и праймер-менеджеров в аут-группу. В отношении членов ин-группы руководитель предпочитает реализовывать модель «лидерского обмена», предполагающую преимущественное использование демократического и партисипативного стилей управления с акцентом на неформальных методах. Отношения же с аут-группой строятся на основе более авторитарной и формальной модели «администраторского обмена». Соответственно удовлетворенность от взаимодействия с вышестоящими руководителями оказывается выше у представителей ин-групп, поскольку они не только испытывают влияние со стороны управленцев более высокого ранга, но и сами оказываются в состоянии влиять на них, кроме того, имея значительно большую поддержку и внимание со стороны топ-менеджмента организации, нежели их коллеги, не сумевшие развить подобную модель отношений.

Последующие исследования обнаружили высокую вариативность социально-психологических критериев дифференциации руководителем своего окружения в организации на «своих» и «не своих» людей в зависимости от факторов социокультурного (национальный менталитет), организационно-культурного (содержание культуры конкретной организации) и социоэкономического (периоды экономического спада-подъема, стабильности и кризиса) порядка [16].

В этой связи закономерными представляются следующие вопросы. Что представляют собой ин-группы и аут-группы на ведущих уровнях управления в современных российских организациях? По каким психологическим критериям происходит формирование таких групп? Каков стиль обращения управленцев высшего ранга (топ-менеджеров) с руководителями среднего звена (мидл-менеджерами), входящими в их ин-группы?

Данная работа представляет собой попытку хотя бы «в первом приближении» дать ответы на эти вопросы. Основанием для написания статьи послужили два основных источника. Во-первых, анализ и обобщение длительного (более четверти века) профессионального опыта автора по изучению закономерностей и механизмов личностно-психологической регуляции совместной управленческой деятельности, консультированию и социально-психологическому обучению руководителей [8; 9; 10]. Во-вторых, реинтерпретация результатов отечественных социально-психологических исследований, посвященных проблемам интеракционных процессов на ведущих уровнях управления организаций в условиях масштабных социальных трансформаций [1; 2; 4; 5; 6].

Ин-группы и аут-группы в управленческих сообществах российских организаций: какие они? Чаще всего ин-группы оказываются весьма немногочисленными по составу. Нередко имеет место ситуация, когда для руководителя ин-группой является лишь он сам. Все остальные коллеги по «аппарату управления» организацией воспринимаются принадлежащими к одной большой аут-группе, в лучшем случае сегментированной на подгруппы, отличающиеся одна от другой лишь степенью психологической «чуждости» для руководителя.

Психологические критерии формирования управленческих ин-групп и аут-групп. Психологический портрет руководителя среднего звена, имеющего наибольшие шансы на вхождение в ин-группу менеджеров более высокого ранга, включает в себя следующие черты: снижение уровня субъективного контроля над значимыми событиями в области производственных отношений; выраженность мотивационной тенденции избежания неудач; низкую личностную значимость ценностей самостоятельности, независимости, повышения уровня образования и общей культуры; дефицитарность эмоционального самоконтроля, слабость «Я», тревожность, неуверенность в межличностных отношениях; ограниченность лидерских притязаний, предпочтение субдоминантной, зависимой позиции в интерперсональном взаимодействии; недостаток социальной опытности, проницательности и т.д. Иначе говоря, руководители высшего управленческого ранга российских организаций отдают предпочтение в качестве партнеров по повседневному деловому общению не активным, инициативным, предприимчивым, стремящимся к повышению уровня профессиональной компетентности и личностного роста, а более «удобным» и «управляемым» с точки зрения ситуационного взаимодействия руководителям среднего звена.

Активность, инициативность, предприимчивость, стремление к повышению уровня профессиональной компетентности и личностному росту, напротив, обуславливают попадание «носителей» этих качеств в аут-группу и их «вытеснение» на периферию организационных процессов. Наряду с этим происходит активное «вымывание» с ведущих уровней организационно-управленческой иерархии руководителей, сколь-либо явно полагающих конструктивное решение проблем и задач более важной целью управленческой деятельности, нежели сохранение отношений, придерживающихся при этом просоциально-ориентированных нестяжательских ценностей [10].

Стиль и стратегии управленческого взаимодействия руководителей высшего и среднего звена в ин-группе. Различается и стиль обращения вышестоящих руководителей с нижестоящими управленцами, входящими в их ин-группу. Необходимо подчеркнуть, что этот стиль не просто произвольно избирается топ-менеджерами и затем навязывается ими управленцам среднего звена, а напротив, «программируется» и поддерживается соответствующими ожиданиями со стороны последних.

1. Первый паттерн ожиданий в целом соответствует стилю отношения топ-менеджеров к представителям «своей» группы, описанному Дж. Греном. В этом случае в качестве наиболее приемлемых вышестоящих партнеров по управленческому взаимодействию рассматриваются топ-менеджеры, которые склонны к демократическому стилю руководства, имеют выраженную установку на сотрудничество, открыты для контактов.

2. Системообразующим фактором второго паттерна выступает «жесткость» стиля управленческого общения руководителей высшего звена, являющаяся функцией ряда личностных особенностей традиционно рассматривающихся в качестве составляющих психологического симптомокомплекса «сильной личности» (направленность на себя, высокая интраперсонально-референтированная самооценка, практичность, реалистичность, хороший эмоциональный самоконтроль). Высокий уровень приемлемости таких топ-менеджеров со стороны нижестоящих управленцев обуславливается тем,

что последние считают данные особенности социального поведения (к тому же органично «вписывающиеся» в целостную психологическую индивидуальность субъектов) первых вполне естественными и закономерными в контексте субординационных отношений. Кроме того, поведение «жестких» авторитарных руководителей, характеризуясь трансситуационной преемственностью и последовательностью, облегчает подчиненным задачу прогнозирования процессуальной динамики и исходов «вертикальных» деловых интеракций.

3. Характерной особенностью следующего набора экспектаций оказывается превалирование либеральных компонентов в структуре общих и ситуационно-специфических характеристик индивидуального стиля руководства формирующих ин-группу топ-менеджеров. Этот факт является отражением значимости для мидл-менеджеров в условиях межуровневого управленческого взаимодействия не только возможности оказывать влияние на вышестоящее начальство, активно участвуя в принятии совместных решений (как это имеет место в первом случае), но также – расширения и автономизации области собственной компетентности, определенных гарантий невмешательства «свыше» в дела возглавляемого структурного подразделения.

4. Ядром четвертого типа «восходящих» ожиданий оказывается наличие у их адресата ряда характеристик рассматриваемых обычно как проявление «личностной слабости»: снижение самоконтроля и мотивации достижения, присутствие дезинтегративных тенденций в личностной организации, умеренность притязаний на лидерство и независимость, избегание конкуренции, конформность, уступчивость, доверчивость, склонность «принимать условия от других». Можно предполагать, что рост уровня функционально-ролевой приемлемости в качестве партнеров по управленческим интеракциям обуславливается «податливостью» таких топ-менеджеров воздействиям со стороны управленцев среднего ранга (в т.ч. манипулятивным и агрессивно-прессинговым), что делает возможным использование мидл-менеджерами представителей вышестоящего руководства в своих целях.

Ожидания, составляющие описанный выше спектр «восходящих экспектаций», отражая поливариантность культуры современных российских организаций, могут быть использованы в качестве одного из оснований типологии управленческих команд, групп и клик, объединяющихся вокруг тех или иных руководителей высшего звена.

Зафиксированные выше особенности механизмов личностной регуляции управленческого взаимодействия на ведущих уровнях управления российских организаций (достигающие уровня «с точностью до наоборот» в сравнении с данными Дж. Грена) заставляют вспомнить мысль, высказанную С. Кови. По его мнению, личностное развитие человека происходит по оси «зависимость – независимость – взаимозависимость». Зависимость выражается Ты-парадигмой («ты заботишься обо мне»). На смену ей приходит парадигма независимости – Я-парадигма («я могу это сделать», «я полагаюсь на самого себя»). Взаимозависимость выражается Мы-парадигмой («мы можем, объединив наши индивидуальные потенциалы, создать вместе что-то ценное и значительное»). Наиболее зрелой, прогрессивной и эффективной концепцией является именно взаимозависимость [11].

Управленческая культура развитых западных стран давно преодолела переход в этой цепочке от второго звена к третьему. Именно этим обстоятельством объясняется органичная инфильтрация в профессиональное сознание «среднестатистического» западного руководителя идей командного менеджмента. Для российского управленческого сообщества в настоящее время характерна фиксация на идеях независимости, причем в большинстве случаев без корреспондирующей с ней ответственности. Нередко происходит «соскальзывание» и на более архаичный уровень (в различных ценностных контекстах ассоциирующийся с темами «коллективизма», «соборности», «бригадности»).

Следует заметить, что описанное выше «парадигматическое недоразвитие» управленческого сознания и примитивизм механизмов личностной регуляции управленческого взаимодействия не являются эндогенно обусловленными и связанными лишь с недостаточной профессиональной компетентностью и личностной незрелостью тех или иных отдельных руководителей или управленческих сообществ. Тем более они не могут быть поняты как отражение некоей специфической российской ментальности, «русского стиля управления» и тому подобных мифологем. Зафиксированные в наших исследованиях закономерности личностной регуляции менеджерского взаимодействия на ведущих уровнях управления российских организаций имеют значительную (если не определяющую) социокультурную обусловленность.

На протяжении более четверти века (что сопоставимо с жизнью целого поколения) характерной чертой для подавляющего большинства российских организаций является ситуация функционирования и развития в крайне неблагоприятных, недружественных, а с точек зрения «здорового смысла» и

макросоциологического анализа (эпистемологически полярных, но сходящихся в данном случае на уровне итогового обобщения), – откровенно социально-патологических условиях. Интегральным эффектом этих макросредовых дефектов оказывается разрушение, умаление и искажение личностной, групповой и организационной субъектности, манифестирующихся, в том числе, и на уровне личностной регуляции повседневных интеракций в системе связей и отношений «руководитель–руководитель».

Становится возможным конкретизировать содержание и вектор решения задач, стоящих перед сообществом отечественных организационных психологов и консультантов. Путь к повышению эффективности совместной деятельности на ведущих уровнях управления российских организаций предполагает, – избегая соблазна поиска простых ответов на сложные вопросы, – кропотливую работу по оказанию психологической помощи руководителям в преодолении инерционности «зависимого» и «независимого» мировоззрения в контексте личностно-смыслового распределенного и освоения ими «парадигмы взаимозависимости», поиска конструктивных возможностей её реализации в условиях перманентного кризиса и социоэкономической турбулентности.

Библиографический список

1. Дырин С.П. Управление персоналом: многовариантный характер современной российской практики. СПб: Петрополис, 2008.
2. Журавлев А.Л. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2004.
3. Калинин И.В. Управленческая команда: подбор ближайшего окружения руководителем. Ульяновск: УИПКПРО, 2012.
4. Карпов А.В. Трансформационная концепция менеджмента как методологический ресурс прикладных психологических исследований // Современные проблемы прикладной психологии. Ярославль: Изд-во Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова, 2006.
5. Макропсихология современного российского общества / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2009.
6. Новиков В.В., Мануйлов Г.М., Козлов В.В. Психологическое управление в кризисных социальных сообществах. М.: Междунар. Акад. Психол. Наук, 2009. 464 с.
7. Синягин Ю.В. Психологические закономерности формирования руководителем своего окружения в организации. М.: РАГС, 1996.
8. Флоровский С.Ю. Совместная управленческая деятельность и общение руководителей: Личностные факторы и механизмы регуляции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Ярославль: Междунар. Акад. Психол. Наук, 2000.
9. Флоровский С.Ю. Личностная регуляция совместной управленческой деятельности руководителей и культура организации (психологические механизмы со-бытийности в управленческих коллективах и командах) // Личность и бытие: теория, исследования, практика / под ред. З.И. Рябикиной и др. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005.
10. Флоровский С.Ю. Совместная управленческая деятельность руководителей как источник угроз для безопасности организации // Человек. Сообщество. Управление. 2010. №3.
11. Covey S.R. The Seven Habits of Highly Effective People. Powerful Lessons in Personal Change. New York: Free Press, 2004.
12. Graen G.B. Interpersonal workplace theory at the crossroads: LMX and transformational theory as special cases of role making in work organizations // G.B. Graen (Eds.). Dealing with Diversity. Greenwich: Information Age Publishing, 2003.
13. Graen G.B., Uhl-Bien M. Relationship-based approach to leadership: Development of leader-member exchange (LMX) theory of leadership over 25 years: Applying a multi-level multi-domain perspective // Leadership Quarterly. 1995. № 6.
14. Leavitt H.J., Bahrani H. Managerial Psychology: Managing Behavior in Organizations. 5th ed. Chicago–London: The University of Chicago Press, 1998.
15. Schein E.H. Organizational Culture and Leadership: A Dynamic View. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1992.
16. The Oxford Handbook of Leader-Member Exchange / T.N. Bauer, B. Erdogan (Eds.). New York: Oxford University Press, 2015.

ПОИСК ЛИЧНОСТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ ВРАЧА-РУКОВОДИТЕЛЯ В СИСТЕМЕ ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ясько Б.А., Казарин Б.В.

Ключевые слова: личность врача-руководителя, управленческие компетенции, послевузовское образование.

Профессионализм врача обеспечивается непрерывностью процесса медицинского образования. В области клинической деятельности врач проходит первичную специализацию по окончании вуза, получая статус сертифицированного специалиста и допуск к клинической деятельности. Этот статус он должен подтверждать с периодичностью не реже трех лет, что удостоверяется его обучением на циклах повышения квалификации в системе специальных факультетов медицинских вузов. В полной мере это нормативное требование относится к специализации «Общественное здоровье и здравоохранение». Субъект, назначенный учредителем лечебного учреждения на должность главного врача или заместителя главного врача, помимо имеющегося у него клинического сертификата, должен пройти курс подготовки по данной специализации.

Однако если в клинической сфере получение специализации состоит в углубленном освоении соответствующих компетенций, то в управленческой деятельности успешность определяется не только знаниями, умениями и навыками в данной области, но и сформированностью определенных личностных качеств, обеспечивающих необходимый уровень профессиональной адаптации и успешности субъекта – управленческого интеллекта [1]. Именно этот аспект выделен кафедрой общественного здоровья и здравоохранения Факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки кадров Кубанского государственного медуниверситета как объект психолого-педагогического анализа.

Организация исследования. Исследование проведено в двух группах респондентов. Первую (далее – группа n_1) составили руководителей учреждений здравоохранения г. Краснодара и Краснодарского края, проходившие цикл повышения квалификации, всего 32 человека. Во вторую группу вошли врачи – заведующие отделениями. Поскольку для руководителей «линейного» уровня требование о наличии сертификата по общественному здоровью и здравоохранению не является обязательным, эта группа была выделена по добровольному информированному согласию врачей в период прохождения ими очередных циклов повышения квалификации по клиническим специализациям. В группу n_2 вошли 54 врача. Таким образом, совокупная выборка составила 86 человек. По полу выборка репрезентативна профессиональной популяции: 40,7% (35 чел.) составили респонденты мужского пола, 59,3% (51 чел.) – женского пола.

Психодиагностика проведена с применением трех методик: Теппинг-теста [3], опросника Н. Холла («Эмоциональный интеллект») [4] и методики «Управленческая решетка» Блейка и Мутон [2].

Результаты и их обсуждение. Обследование с применением Теппинг-теста обнаружило, что 59,3% (32 чел.) заведующих клиническими отделениями обладают слабым и средне-слабым типом н/с; в то время как среди руководителей первого уровня таких респондентов выявлено только 37,5% (12 чел.), т.е. имеет место статистически достоверное преобладание слабого типа н/с в среде клинического звена управленцев лечебных учреждений (при $\varphi^* = 1,97$, $p \leq 0,02$). Аналогично выглядят и показатели лабильности н/с: в группе n_1 высокая лабильность свойственна 25,0% обследованных (8 чел.), а в группе n_2 ее обнаружили 38,9% обследованных (при $\varphi^* = 1,35$, $p \leq 0,09$).

Моциональный интеллект, рассматривается нами как совокупность способностей, позволяющих личности понимать собственные переживаемые эмоции, управлять ими, распознавать эмоции других людей и влиять на них [6, 7]. Показатель интегративного эмоционального интеллекта в целом по выборке составил 60,2 балла, что соответствует среднему уровню выраженности. Различий между группами топ- и линейных менеджеров не установлено. Наиболее развитой в среде менеджеров здравоохранения является способность к самомотивации, т.е. к волевому, осознанному регулированию социальной активности с опорой на эмоциональное восприятие внутреннего и внешнего мира. Диагностические показатели по этой шкале вышли на высокий уровень (в целом по выборке $M = 14,6$; в подгруппах: n_1 : $M = 14,3$; n_2 : $M = 14,8$). Остальные показатели соответствуют среднему уровню развития, т.е. находятся в диапазоне от 8 до 13 баллов.

Отмечаются определенные тенденции, дифференцирующие показатели в анализируемых подгруппах. Так, способность управлять своими эмоциями, обусловленная преимущественно типологическими характеристиками нейродинамических показателей личности (в частности, лабильностью, силой/слабостью нервной системы), в среде линейных менеджеров находится на границе с низким

уровнем ($M = 7,4$), а в группе топ-менеджеров этот показатель близок к среднему, составил 10,6 баллов (при $t = 3,81$ $p < 0,001$).

В противоположность предыдущей особенности, эмпатия достоверно более развита в группе заведующих отделениями: средний показатель составил 13,2 балла, т.е. выходит на уровень высоких значений, в отличие от 9,5 баллов в группе n_1 (при $t = 4,53$, $p < 0,001$).

На уровне тенденции ($t = 1,70$, т.е. $p < 0,10$) установлено преобладание способности к распознаванию эмоций других людей и влияния на них в среде руководителей первого уровня, что свидетельствует о большей готовности главных врачей и их первых заместителей к общению с людьми в эмоционально напряженных, затрудненных ситуациях.

Анализ результатов тестирования по методике Блейка и Мутон показал, что для топ-менеджмента лечебных учреждений типичен управленческий стиль «Авторитет – подчинение» (позиция 8 : 3 в «Управленческой решетке»), а в работе заведующих отделениями преобладает стиль группы «Команда» (позиция 8 : 6) [5]. Содержательно полученные диагностические данные можно интерпретировать следующим образом. Руководители лечебных учреждений первого уровня при решении управленческих задач ориентированы, в первую очередь, на требования, обусловленные высокой ответственностью за конечный результат деятельности организации. Руководители линейного уровня рассматривают важным условием достижения позитивных результатов деятельности не только ответственное исполнение профессиональных задач («повышенное внимание к делу»), но и наличие доверительных отношений с подчиненными.

Корреляционный анализ вскрывает наличие взаимосвязей по ряду исследуемых параметров. Установлено, что, независимо от уровня менеджмента, *повышенное внимание к делу* положительно коррелирует с высокой самомотивацией ($r = 0,275$) и способностью распознавать эмоции других людей ($r = 0,308$). Способность сочувствовать, сопереживать (эмпатия) отрицательно связана с *повышенным вниманием к делу* ($r = 0,413$) и положительно – с *вниманием к людям* ($r = 0,389$).

По подгруппам респондентов выделены следующие *специфические* взаимосвязи.

Группа n_1 . Парциальный индикатор эмоционального интеллекта «Управление своими эмоциями» положительно коррелирует с повышенным вниманием к делу как стилевой характеристикой управленческой деятельности ($r = 0,378$) и отрицательно взаимосвязана с фактором «Внимание к людям» ($r = -0,344$). Также отрицательно фактор «Внимание к людям» связан со способностью распознавать эмоции других людей ($r = -0,754$).

Группа n_2 . Повышенное внимание к людям взаимообусловлено эмоциональной осведомленностью ($r = 0,324$), «самомотивацией» ($r = 0,283$) и способностью к распознаванию эмоций других людей ($r = 0,660$).

Выводы. Проведенный анализ позволил выделить психологический сегмент управленческих компетенций в системе учреждений здравоохранения. Он имеет *типологическую* составляющую, характеризующую совокупность способностей и профессионального стиля субъекта управленческой деятельности, обусловленную особенностями медицины как сферы труда. Эта составляющая включает: средневысокий интегративный эмоциональный интеллект; развитую способность к волевому регулированию собственного эмоционального состояния и эмоций других людей; выраженную ориентацию на успех дела, обуславливающую высокий уровень ответственности и требовательности к персоналу.

Специфические компоненты управленческих компетенций определены для двух исследованных уровней менеджмента. Для топ-менеджеров это: развитая способность управлять эмоциями, имеющая в основе преимущественно сильный и устойчивый тип нейродинамических свойств; с высокой требовательностью и вниманием к делу, взаимосвязанная со средним уровнем сформированности способности управлять собственными эмоциями.

В работе заведующих отделениями к специфическим проявлением УК относятся: развитые эмпатические способности; сочетание повышенной требовательности к делу с направленностью на персонал, его потребности и профессиональные ресурсы.

Важным результатом проведенного анализа является выделение «мишеней» развивающего воздействия. Для субъектов топ-менеджмента к таковым можно отнести: формирование эмпатических способностей, навыков рефлексии собственных эмоциональных состояний и переживаний, эмоциональной осведомленности; более выраженной ориентации на персонал. Названные личностно-психологические феномены включены в задачи развивающей работы в процессе послевузовского образования и рассматриваются как элементы управленческих компетенций врача – руководителя. Для заведующих клиническими отделениями первым важным выводом является выделение актуальности

получения дополнительного образования по направлению «Психология управления в системе здравоохранения». Включение врачей этой категории в подобный проект позволит, в частности, сфокусировать их внимание на развитии навыков саморегуляции эмоциональных состояний, формировании способностей распознавания эмоций других людей и управления ими в интересах дела.

Библиографический список

1. Менкес Д. Управленческий интеллект – отличительная способность успешного руководителя. М.: Эксмо, 2008.
2. Практикум по психологии проф. д-ти и менеджмента / под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Питер, 2002.
3. Сафонов В.К., Суворов Г.Б., Чесноков В.Б. Диагностика нейродинамических особенностей: Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.
4. Фетискин Н.П., Козлова В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.
5. Blake R.R. & Mouton J.S. Comparative Analysis of Situationalism and 9,9 Management by Principle//Organizational Dynamics, Spring, 1982.
6. Emotional intelligence: an International Handbook / Ralf Schulze, Richard D. Roberts (eds.). - Cambridge - Göttingen: Hogrefe & Huber Publisher. 2005
7. Goleman D. Working with Emotional Intelligence. New York: Bantam Books, 1998.

СУБЪЕКТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

ПРОГРАММА СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ ПЕРВЫХ КУРСОВ

Брестер И.В.

Ключевые слова: самосознание студентов, профессиональный эталон, социально-психологический тренинг.

Вопросу изучения профессионального самосознания студентов в отечественной психологии и акмеологии посвящено большое количество работ. Среди авторов, исследующих данную проблематику: Елдышова О.А., Енилина Е.В., Иванова Е.Е., Москаленко О.В., Романова Е.В., Тарасова Т.В. Профессиональное самосознание рассматривается ими как составляющая профессионального становления будущего специалиста.

В данной работе под профессиональным самосознанием понимается осознание личностью своей принадлежности к определенной профессиональной общности в соответствии со степенью соответствия профессиональным эталонам, а также отношение к себе как к профессионалу и представление о своем профессиональном будущем (что соотносится с взглядами Климова Е. А., Марковой А. К., Парыгина Б. Д.) [2, с. 160].

Для обеспечения условий становления профессионального самосознания студентов необходима организация соответствующего психолого-педагогического и психолого-акмеологического сопровождения, целью которого станет создание социально-психологических условий актуализации и наиболее полного раскрытия их потенциалов.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделять студентам-первокурсникам, поскольку от того, как пройдет их первый год обучения, будут во многом зависеть последующие годы. К традиционному набору видов психолого-педагогической деятельности в образовательном учреждении относятся: психологическая диагностика, психологическое консультирование, коррекционно-развивающая деятельность.

Вместе с тем, всё более актуальным становится использование активных методов, таких, как социально-психологические тренинги, психологические игры, деловые игры, дискуссии. Преимущество данных методов в том, что они не только способствуют раскрытию индивидуальных личностных особенностей, но и дают возможность студентам принять их и осознать в конкретном социокультурном и психологическом пространстве.

К примеру, социально-психологический тренинг является одной из наиболее удобных, конструктивных форм работы со студенческими группами. В пространстве тренинга создаются условия для развития профессионального и личностного самосознания участников и актуализации их внутренних ресурсов. Студентам предоставляется возможность изменить собственное поведение, отношение к миру, самоотношение в соответствии с теми задачами, которые они сами перед собой ставят.

Познавая себя, своё окружение, студенты, таким образом, выстраивают определенные представления о той среде, в которой они находятся, и о своём отношении к ней. Они начинают обращаться к своим возможностям, способностям, учатся делать выводы и производить самоанализ (рефлексию) [1, с. 42].

Поэтому для создания социально-психологических условий, в которых будет происходить становление профессионального самосознания студентов первых курсов, нами была создана образовательная просветительская программа «Страна моя – Профессия».

Данная программа ставит следующие задачи: повысить уровень компетентности кураторов студенческих групп в вопросах юношеской психологии; содействовать самопознанию и развитию личностно-профессиональных качеств кураторов студенческих групп; способствовать самопознанию индивидуальных психологических особенностей студентов; содействовать самопринятию студентами статуса будущего профессионала для последующего развития профессионального самосознания.

Методологическими основаниями программы стали: системно-деятельностный подход к развитию личности С. Л. Рубинштейна, в рамках которого личность выступает как активное творческое начало. Через деятельность и в процессе деятельности человек становится самим собой, самоопреде-

ляется в системе жизненных отношений, помимо этого происходит его саморазвитие и самоактуализация его личности. Следовательно, психолого-педагогическое сопровождение в системе среднего и высшего профессионального образования должно быть нацелено на процесс деятельности студента, направленный на становление его профессионального самосознания и его личности в целом; комплексный подход к изучению личности Б. Г. Ананьева. При описании характеристики человека как субъекта деятельности социально-психологический аспект личности выступает как наиболее выраженный; акмеологический подход к становлению личности будущего профессионала Деркача А. А., Зазыкина В. Г., которое рассматривается как целостное проявление всех сторон личности специалиста [1, с. 42].

В качестве методических оснований программы взяты работы М.Р. Битяновой, И.В. Вачкова, Е.А. Климова, Н.С. и Е.Ю. Пряжниковых, Г.В. Резапкиной по теме профессионального развития и становления обучающихся посредством организации развивающего пространства деятельности в образовательной среде [1, с. 43].

Показателями становления профессионального самосознания являются: сформированность образа Я-профессионала (знание о себе, о своих личностных и профессиональных качествах, соотношение их с профессиональными эталонами в выбранной области); наличие потребности в непрерывном профессиональном развитии, проявляющейся в высоком уровне мотивации достижения; умение анализировать собственную профессиональную компетентность; оценка себя с позиции Я-профессионал на предмет соответствия (уровень владения профессиональным знанием, его применение в создаваемых ситуациях, а также умение прогнозировать и планировать дальнейшее развитие своих знаний).

Данная программа имеет большую социальную значимость, так как процесс взаимодействия со студентами способствует вовлечению их в совместную с педагогом-психологом и кураторами деятельность и может положительно влиять на формирование их активной жизненной позиции [1, с. 44].

Библиографический список

1. Брестер И. В. К вопросу о формировании профессионального самосознания студентов СПО // Международная научная школа «Парадигма». Лето – 2015. Педагогика / под ред. Н.В. Слюсаренко, Л.Ф. Чупрова, Е. К. Янакиева. Варна: ЦНИИ «Парадигма», 2015.
2. Брестер И. В. Методологические основы создания акмеологического пространства становления профессиональной идентичности студентов // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 4 (34).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ И УЧИТЕЛЕЙ ДРУГ О ДРУГЕ КАК О ТРУДНОМ ПАРТНЕРЕ ОБЩЕНИЯ.

Бреус Е.Д., Бахтинова О.О.

Ключевые слова: затрудненное общение, педагогическое общение, характеристики партнера по общению.

В последние годы в социальной психологии большое внимание уделяется проблеме затрудненного общения. Такой интерес ученых, теоретиков и практиков, к этой сфере обусловлен широтой феномена затрудненного общения, многогранностью его форм и сфер проявления. В работах таких исследователей, как А. А. Бодалев [1, 2], Е. В. Цуканова [5], В. А. Лабунская [4], Е.Д. Бреус [3, 4], выделяется особая роль социально-перцептивных образований (образов, представлений о другом как трудном партнере взаимодействия) в возникновении эффектов затрудненного общения.

Особенно актуальным на сегодняшний день является исследование педагогического общения. Изучение роли представлений педагогов и учеников друг о друге как трудном партнере общения имеет большое значение для правильного понимания особенностей эффективного взаимодействия в системе ученик-учитель. Несмотря на достаточную теоретическую и практическую разработку проблем педагогического общения, в частности, вопросов, касающихся трудностей педагогического общения и способов общения с трудными учениками (В. А. Кан-Калик, Г. А. Ковалев, 1985; Е. В. Цуканова, 1985; Л. М. Митина, 1994, 1998), влияния на возникновение затруднений в общении коммуникативной компетентности (П. В. Растянников, 1991; Л. А. Петровская, 1991; В. А. Кан-Калик, 1985; И. А. Зимняя, 2003, 2006), вида направленности, ориентации, установки личности на себя или другого (Т. А. Аржакаева, 1985; Т. И. Пашукова, 1990; С. В. Зайцев, 1995), представления школьников и учителей друг о друге как трудном партнере общения на сегодняшний день изучены слабо. Проведенное исследование поможет расширить существующие знания о социально-

психологических характеристиках личности педагога и ученика как детерминантах представлений о другом как трудном партнере общения.

Гипотеза нашего исследования заключается в предположении, что представления школьников и учителей друг о друге, как трудных партнерах для общения, могут отличаться по формально-содержательным характеристикам, что обусловлено статусно-ролевой позицией партнеров.

В исследовании была использована методика «Социально-психологические характеристики субъекта общения», разработанная В. А. Лабунской [4]. Данная методика представлена в виде опросника, в котором выделены пять групп характеристик общения. В каждой группе представлены как позитивные, так и негативные черты, определяющие его эффективность. Методика позволяет оценить степень индивидуальной или групповой чувствительности к определенным сторонам общения («Профиль психологических трудностей общения»), степень восприимчивости к позитивным и негативным чертам общения и создать «портрет» оптимального или трудного партнера с точки зрения субъекта или группы. Формальные характеристики представлены показателями степени затрудненности субъекта общения. Содержательные характеристики отображаются в групповых портретах трудного партнера. Первая группа отражает экспрессивно-речевые особенности партнеров. Вторая группа характеристик содержит социально-перцептивные особенности партнеров. Третья группа состоит из суждений, описывающих отношения — обращения партнеров друг к другу. Четвертая группа включает суждения, раскрывающие умения и навыки организации взаимодействия. Пятая группа характеристик дает представление о влиянии на возникновение трудностей таких условий общения, как интенсивность общения, количество партнеров, наличие свидетелей общения, возраст, пол, статус. Испытуемым предлагалось оценить степень затруднения в общении с партнером, которое вызывают указанные характеристики, по пятибалльной шкале. Для создания группового портрета «трудного» партнера общения из полученных ответов отбирались только те характеристики, которые оценивались 75% респондентов максимальными баллами (3-5 баллов).

Эмпирическим объектом исследования выступили ученики 7 и 11 классов и учителя средних общеобразовательных школ. Всего в исследовании приняли участие 100 испытуемых: 40 учащихся седьмых классов, 40 учащихся одиннадцатых классов и 20 учителей.

В ходе исследования были получены следующие результаты.

Анализ числовых показателей степени затруднения характеристиками партнера показывает, что учеников затрудняют практически все группы характеристик партнера. При этом в 7 классах средние показатели затруднений в целом выше, чем в 11 классах. Группы характеристик, вызывающих наибольшие затруднения у учеников, являются общими. Это характеристики отношения-обращения и экспрессивно-речевые характеристики. Условия общения являются группой характеристик, которые вызывают наименьшие затруднения. Наибольшие затруднения педагогов в общении с учениками вызывают характеристики отношения-обращения, наименьшие – условия общения. В целом средние показатели затруднений у учеников выше, чем у педагогов.

Для выявления значимости различий представлений школьников и учителей друг о друге как о трудном партнере общения нами был использован U-критерий Манна-Уитни. Были выявлены статистически значимые различия в представлениях учеников седьмых классов и учителей друг о друге относительно всех групп характеристик общения. Относительно экспрессивно-речевых характеристик общения ($Z = -2,034$ при $p\text{-level} = 0,042$); относительно социально-перцептивных характеристик ($Z = -2,827$ при $p\text{-level} = 0,005$); относительно характеристик отношения-обращения ($Z = -2,183$ при $p\text{-level} = -1,925$), характеристик навыков взаимодействия ($Z = -1,925$ при $p\text{-level} = 0,054$) и характеристик условий общения ($Z = -1,737$ при $p\text{-level} = 0,082$). Это означает, что у учеников 7 классов данные характеристики общения вызывают больше затруднений, чем у учителей.

Также были выявлены значимые различия в представлениях учеников одиннадцатых классов и учителей друг о друге относительно некоторых групп характеристик: социально-перцептивных характеристик ($Z = -1,760$ при $p\text{-level} = 0,078$); относительно характеристик отношения-обращения ($Z = -1,578$ при $p\text{-level} = 0,115$), характеристик навыков взаимодействия ($Z = -1,664$ при $p\text{-level} = 0,096$). Это свидетельствует о том, что перечисленные группы характеристик вызывают у учеников одиннадцатых классов больше затруднений, чем у учителей.

Нами были составлены и проанализированы групповые портреты трудного партнера учителя и трудного партнера ученика. При сравнении содержания этих портретов можно найти как сходства, так и различия. Так, в группе экспрессивно-речевых характеристик педагога называют в качестве затрудняющих общение такую характеристику, как - частые прикосновения, а ученики – громкую речь.

И учителя, и ученики выделили такие особенности партнера, затрудняющие их общение, как застывшая поза, неподвижное лицо, длительные паузы в речи.

К социально-перцептивным характеристикам, вошедшим и в портрет трудного партнера учителя, и портрет трудного партнера ученика, относятся неумение соотносить действия и поступки людей с их качествами личности, неумение поставить себя на место другого человека и ошибки в оценке чувств и настроений другого человека. Кроме названных характеристик, школьники выделяют стремление относить людей к определенному типу, привычку судить о человеке по его внешности. Эти две характеристики могут быть объяснены особенностями подросткового возраста, в котором происходит интенсивное развитие личности, изменения самооценки под влиянием социального окружения. Школьники также выделяют в качестве затруднительной характеристики пронизательность (людей видит «насквозь»). Это может трактоваться, как желание избежать наказания за невыполненную работу или иные проступки, которые могут привлечь внимание учителя.

Отличительными характеристиками учителя, как трудного партнера, из группы «отношение-обращение» затрудняющими общение школьников являются подозрительное и требовательное отношение, что может быть связано с требованием ответственного поведения школьника. Учителей же затрудняет стремление учеников занимать подчиненную позицию в общении, т.к. любой учитель стремится вызвать интерес к преподаваемому им предмету и желает видеть проявления активности учеников на уроке. В целом, данная группа характеристик вызывает наибольшее количество затруднений, как у педагогов, так и у учеников. Общими для двух групп являются характеристики отношения-обращения описывающие нарушения субъект-субъектного, личностного общения, когда содержание отношения и формы его проявления демонстрируют позицию «над».

Такая характеристика навыков взаимодействия, как стремление занимать в общении ведущую позицию, наоборот, затрудняет общение учеников с учителем.

Таким образом, полученные результаты подтвердили гипотезу исследования о том, что представления школьников и учителей друг о друге, как трудных партнерах общения, могут отличаться по формально-содержательным характеристикам, что позволяет сделать вывод о влиянии статусно-ролевой позиции партнеров (учителя и ученика) на формирование представлений друг о друге как трудном партнере общения.

Библиографический список

1. Бодалев А.А., Ковалев Г.А. Психологические трудности общения и их преодоление // Педагогика. 1992. № 5-6.
2. Бодалев А.А. Психология общения. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002.
3. Бреус Е.Д. «Коммуникативное ядро» - социально-психологические особенности трудного партнера общения в представлениях о нем // Прикладная психология общения и межличностного познания / под ред. Л. И. Рюминой. М.: КРЕДО, 2015.
4. Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения. М.: Академия, 2001.
5. Цуканова Е.В. Психологические трудности межличностного общения. Киев: Вища шк., 1985.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОМПОНЕНТОВ И УРОВНЕЙ СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Галлямова А.А., Лопухова О.Г.

Ключевые слова: субъектность, студент, уровень субъектности.

Современная социальная реальность обуславливает фактором эффективного функционирования и развития личности его внутреннюю активность, включающую в себя осознание ценностно-смысловой и целевой сферы, профессиональную идентификацию, ориентацию на саморазвитие и непрерывное образование, саморефлексию. Отражая эти потребности, научная и популярная психология предлагают широкий ассортимент методов саморазвития, которые в условиях активной динамики социокультурных, экономических и политических процессов могут скорее дезорганизовать неподготовленных людей, и в особенности студентов. Поскольку академическое образование порой не имеет достаточных возможностей для полноценного личностного развития студентов, это становится актуальной проблемой, особо выраженной для психолого-педагогических специальностей. Поэтому воз-

никает задача разработки технологии активизации личностного развития студентов, способствующего их профессиональному становлению.

Методологическим обоснованием, решающим поставленную задачу, является, на наш взгляд, субъектный подход с категорией, подлежащей развитию – субъектность. Здесь мы исходим из предпосылки, что субъектность и профессиональная идентичность – взаиморазвивающиеся, взаимообуславливающие образования личности [2]. Например, саморефлексия, как составляющая субъектности, определяет профессиональную идентификацию и способ жизнедеятельности (модус бытия по Г.Ю. Фоменко) [6]. Процесс профессиональной идентификации способствует активизации субъектности личности, обеспечивает самореализацию, самоактуализацию. С этой позицией резонирует и концепция Н.Л. Ивановой, в которой выделено три структуры социальной идентичности: базовая, индивидуально-личностная, профессионально-деловая. Допускается, что они образуют иерархическую последовательность, где профессионально-деловая идентичность является высшей ступенью [4]. Все это позволяет нам утвердиться в том, что профессиональная идентичность соотносится с высоким уровнем субъектности личности.

Разработка технологии активизации субъектности предполагает определение компонентов и уровней субъектности. Анализ научных исследований, выявляющих компоненты субъектности (П.В. Калюшин, Е.В. Крутых, О.П. Мерзлякова и др.) показывает их содержательную разнородность, в которой, тем не менее, авторы выделяют синонимичные компоненты, характеризующие человека, как потенциально активного, самостоятельного, самоорганизующегося, развивающегося и рефлексирующего. При выявлении компонентов субъектности мы опирались в основном на концептуальные позиции представителей субъектного подхода: А.В. Брушлинского, согласно которому, быть субъектом, значит быть хозяином своей судьбы [1], Н.С. Пряжниковой, который отмечает, что субъектность проявляется в самостоятельном построении перспектив своей жизни [5], В.В. Знакова, который анализирует смысловые и ценностные контексты жизни субъекта [3] и др. Это позволило нам выделить компоненты субъектности, удобные для создания технологии активизации субъектности профессионального становления студентов и подлежащих развитию: ценностно – смысловые, целеполагание, анализ внутренних и внешних ресурсов, планирование, реализация, инвестиции в себя (самообразование и саморазвитие), рефлексия.

Также важным для нас явилось положение о том, что студенты обладают разным уровнем субъектности, поэтому были определены уровни субъектности с помощью следующих методик: «Диагностика парциальных позиций интернальности – экстернальности личности» (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд), «Способность к самоуправлению» (Н.М. Пейсахова), «Методика исследования самоотношения» (С.Р. Пантелеев). Исследование было проведено на 86 студентах 2-4 курсов Института психологии и образования КФУ. Кластерный и корреляционный анализ позволили выявить три группы студентов с разным уровнем субъектности и описать их характеристики.

- Высокий уровень субъектности. Высокие проявления интернальности во всех сферах жизни. Способность контролировать неформальные отношения и вызывать к себе симпатию и уважение. Уверенность, смелость в общении, ответственность (28,4%).

- Средний уровень субъектности. Экстернальность в отношении отрицательных событий и ситуаций в жизни. Средние способности к самоуправлению. В знакомых ситуациях – уверенность и работоспособность, ориентация на успех, в непредвиденных ситуациях – беспокойство. Перекалывание на других ответственности в зависимости от обстоятельств (65%).

- Низкий уровень субъектности. Высокая экстернальность практически во всех сферах, кроме семейной. Способность к самоуправлению ниже среднего. В знакомой ситуации – положительное отношение к себе, при трудностях – недооценка своих качеств и достижений. Принятие вины сочетается с выражением агрессии на окружающих (6,7%).

Полученные данные сближают с позицией отечественных исследователей субъекта, придерживающихся акмеологического подхода (К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов, В.В. Знаков, Г.В. Залевский, В.А. Петровский, З.И. Рябикина и др.), в котором утверждается, что субъект – это вершина развития личности.

Таким образом, представленные компоненты позволили разработать технологию активизации субъектности профессионального становления. Выявленные уровни субъектности были апробированы в тренинговой работе и стали важным инструментом в оценке развития студентов. Предложенные уровни субъектности также могут быть использованы в организации дифференцированного обучения студентов.

Библиографический список

1. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: Институт психологии РАН, 1994.
2. Галлямова А.А., Лопухова О.Г. Проблема развития субъектности в профессиональном самоопределении // Человек, субъект, личность в современной психологии / отв. ред. А.Л. Журавлёв, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2013.
3. Знаков В.В. Психология человеческого бытия: проблемы и перспективы // Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.
4. Иванова Н.Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа // Психологический журнал. 2004. Т. 25. №1.
5. Пряжников, Н.С. Психологический смысл труда: Учебное пособие к курсу «Психология труда и инженерная психология». – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОД-ЭК», 1997. – 352 с.
6. Фоменко Г.Ю. Модусы бытия личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.

ПРОЦЕСС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ БУДУЩИХ СПОРТИВНЫХ ПЕДАГОГОВ (НА ПРИМЕРЕ ПОВОЛЖСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, СПОРТА И ТУРИЗМА)

Гут А.В., Анпакова-Шогина Н.З.

Ключевые слова: самоактуализация, профессиональная компетентность, спортивный педагог.

В настоящее время наблюдается актуализация проблемы формирования профессионально-педагогической компетентности будущих педагогов как агентов формирования и развития молодых поколений российского общества. В современных условиях развития образования особое внимание уделяется высокопрофессиональному педагогу, обладающему творческим потенциалом, способному к саморазвитию и самосовершенствованию, созданию и передаче духовных ценностей. Согласно концепции профессиональных циклов, период обучения в вузе является периодом поиска своей профессиональной идентичности, закладывания основ будущего профессионализма. В этот период происходит перевод неосознанной внутренней потребности самоактуализации в конкретные формы профессиональной деятельности, что позволяет реализовать эту внутреннюю потребность уже на сознательном уровне.

Во время этого процесса молодые люди формируют свою профессиональную Я-концепцию, свою профессиональную идентичность. Утверждая себя в профессии, соответствующей их Я-концепции, они добиваются самоактуализации. Профессиональная деятельность спортивных педагогов предоставляет для этого достаточные возможности, ибо предполагает актуализацию и биологического, и психологического, и личностного потенциала личности. Необходимость повышения профессионально-педагогической культуры обусловлена возрастающими требованиями к общекультурной и социальной компетентности выпускников вузов, что и обусловило тему данного исследования. Объектом данного исследования являются педагогическая культура и профессионально-педагогическое мастерство, предметом – процесс формирования педагогической культуры и профессионального мастерства будущих спортивных педагогов – студентов Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма. Методической основой исследования выступил сравнительный анализ анкет студентов 1 и 4 курсов.

Как показывают исследования [3, 4, 8, 9, 10], вне зависимости от уровня обобщенности педагогической задачи законченный цикл ее решения сводится к триаде «мыслить—действовать—мыслить» и совпадает с компонентами педагогической деятельности и соответствующими им умениями. Содержание теоретической готовности педагога проявляется в обобщённом умении педагогически мыслить, которое предполагает наличие следующих конкретных умений: аналитических, прогностических, проективных, рефлексивных, организаторских, информационных, развивающих, ориентационных. Не маловажными для формирования профессиональной самоактуализации спортивного педагога являются и аспекты общекультурного развития: личностная окрашенность знаний (увлеченность своей профессией, умение заинтересовать воспитанников), коммуникативность (расположенность к

людям, доброжелательность, общительность); перцептивность (профессиональная наблюдательность, педагогическая интуиция); динамизм личности (эмоциональная устойчивость, способность к саморегуляции), культура педагогического общения (педагогический такт, наличие собственного стиля общения) и другое.

На основе вышеозначенного теоретического концепта профессиональной компетентности авторами было проведено анкетирование студентов 1 и 4 курсов направления «Физическая культура» Поволжской академии физической культуры, спорта и туризма по самооценке уровня сформированности профессиональной компетентности и отдельных аспектов личностного роста, влияющим на профессиональное самоопределение будущих тренеров и спортивных педагогов. В исследовании приняли участие 80 студентов 1 и 4 курсов. Студенты имели возможность оценить показатели профессиональной компетентности и личностного роста по четырем уровням: 4 – отчетливо сформирована; 3 – достаточно сформирована; 2 – имеет место; 1 – сформирована в минимальной степени.

Анализ полученных результатов самообследования позволил сделать следующие выводы:

В целом уровень самооценки профессиональной компетентности и личностного роста можно охарактеризовать как адекватный (3,5 – 4 балла по пятибалльной-пятиуровневой шкале в среднем для всех обследованных студентов). Наблюдается положительная динамика развития по большинству показателей. Особенно следует отметить качественный рост по таким показателям как проективные, организаторские и информационные умения, возможность которого обусловлена, на наш взгляд, уникальным материальным и технологическим потенциалом вышеназванного вуза. Поволжская ГАФКСиТ наряду с теоретическими знаниями формирует также устойчивые педагогические навыки и умения, закладывает позитивную динамику в развитии профессиональной компетентности.

Наряду с этим необходимо отметить определенную отрицательную динамику в развитии рефлексивных умений, что, возможно, связано с формированием в процессе учебы более адекватной самооценки и корректировкой собственных познавательных-рефлексивных навыков. В любом случае, это свидетельствует о необходимости развития и укрепления мировоззренческих, коммуникативных, психологических умений и навыков, т.е. развития практического, прикладного блока в преподавании гуманитарных, в первую очередь, психологических и педагогических, дисциплин. Необходимо отметить и тревожный симптом, связанный с личной самооценкой психологического здоровья респондентов: оценки коммуникативности, динамизма личности и внешнего вида имеют отрицательную тенденцию. Возможно, это связано с психологическими перегрузками, что требует дополнительного исследования для адекватности выводов. Тем не менее, полученные результаты свидетельствуют о необходимости внедрения психологических учебных дисциплин прикладного характера, а также укрепления психологической службы вуза для консультирования и реализации различных тренинговых программ, для развития личностной компетентности.

Устойчивая положительная динамика по всем (!) показателям личностного роста свидетельствует о позитивном влиянии учебы в академии на развитие личности студента в их самооценке. Особенно впечатляет динамика показателей, отражающих процесс формирования практических навыков и умений - получение дополнительной квалификации, навыков предпринимательской деятельности, повышение педагогической квалификации. Это говорит о том, что современная молодежь является «практико-ориентированной» уже со студенческой скамьи, тогда как «абстрактно-теоретические» формы деятельности не имеют столь впечатляющей динамики, хотя и демонстрируют определенную стабильность.

Спортивный педагог является носителем знаний, умений и навыков, которые он должен передать своим воспитанникам. Чтобы быть профессионалом в своей области, необходимо обладать не только спортивно-практической подготовленностью, но и большим арсеналом методов и средств воспитания и обучения, быть незаурядной личностью, способной привести воспитанников к достижению результатов в спорте. Все это накладывает большие требования к его профессионально-педагогической культуре и педагогическому мастерству, необходимых для высокого уровня профессиональной самоактуализации личности.

Библиографический список

1. Горленко В.П. Цели педагогической практики: проблемы обоснования // Педагогика. № 4. 1999.
2. Добролюбов Н.А. Учитель должен служить идеалом для учеников // Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов. Избранные произведения. М., 1995.

3. Железняк Ю.Д. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте. М.: Издательский центр «Академия», 2001.
4. Исаев И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя. М.: Издательский центр «Академия», 2002.
5. Кретти, Брайент Дж. Психология в современном спорте. М.: Физкультура и спорт, 1978.
6. Кузьмина Н.В. Способности, одаренность, талант учителя. Л., 1995.
7. Мандель Б.Р. Современные и традиционные технологии педагогического мастерства: учебное пособие для магистрантов [Текст] / Б.Р. Мандель. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015.
8. Мандель Б.Р. Профессионально-ориентированное обучение: проблематика и технологии. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015.
9. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996.
10. Слостенин, В.А. Педагогика. М.: Академия, 2004.

ЖИЗНЕННЫЙ МИР СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

Меньшикова Л.В., Левченко Е.В.

Ключевые слова: образовательное пространство, вуз, жизненный мир студента.

Анализ научной литературы показывает, что проблема жизненного мира человека является предметом пристального внимания и изучения в работах многих философов и психологов. Исследования в области феноменологической философии создали необходимую основу для изменения представлений и привычных схем, которые использовали психологи, интерпретируя отношения человека с окружающим миром [1, 4, 8].

Результатом сформировавшегося в науке противопоставления человека и мира («субъекта» и «объекта») стало то, что экзистенциальные психологи назвали роковым дефектом психологии, разорвавшим связь человека с миром. Этот дефект был преодолен введением понятия «бытие-в-мире», которое вернуло человеку первоначальное единство с окружающей средой и позволило исследователям увидеть живую глубину «непостижимой психической жизни» [2].

Отечественная психология прошла свой непростой путь к пониманию единства человека с его природным и социальным окружением и необходимости учитывать этот контекст. Сегодня жизненный мир человека все чаще становится предметом конкретно-научного исследования. Активно развивается онтопсихология (Н. А. Логинова, Н. В. Гришина), основы которой были заложены в нашей стране Б. Г. Ананьевым. Жизненный мир в рамках этого подхода рассматривается как пространство порождения смыслов и реализации всей многомерной структуры индивидуальности человека. Бытийная психология (А. В. Брушлинский, В. В. Знаков, З. И. Рябикина) акцентирует внимание на субъектности человека и погружается в глубины жизненного мира в поисках внутренних ресурсов, способствующих изменению его координат.

В области эмпирических исследований жизненного мира человека в последнее время наблюдается определенный прогресс. Само понятие «жизненный мир», возникшее в рамках философии, всё больше наполняется психологическим содержанием. Акцент в исследованиях смещается к изучению субъектных характеристик человека, позволяющих ему выходить за пределы привычного существования и создавать среду для собственного личностного развития, активно расширяя границы своего жизненного мира. На этом фоне углубляется понимание типологии жизненных миров, исследуются внутренние ресурсы личности, способной к трансформации жизненного мира, формируются новые психотерапевтические подходы.

Однако до сих пор этот психологический феномен в значительной степени является скорее теоретическим конструктом, попытки исследования которого сталкиваются со многими трудностями, носящими прежде всего конкретно-методический характер. Дело в том, что в отечественной психологии почти нет инструментальных процедур, которые позволяют провести диагностику жизненного мира человека и дать его психологическое описание. Жизненный мир наиболее активно формируется в юношеском возрасте.

Студенчество – это особый возрастной период, который характеризуется активным построением смысловых и целеполагающих конструкций, определяющих дальнейший ход жизни. Именно в этом возрасте формируется отношение к жизни, выбор отдельных моделей поведения и жизненного сценария. Поэтому изучение процесса формирования жизненного мира является особенно актуальным именно в этот период.

Одна из основных задач нашего исследования состояла в разработке и апробации новой психодиагностической методики, позволяющей выделять типы жизненных миров студентов. Теоретический анализ научных публикаций позволил нам определить необходимый концептуальный фундамент для разработки методики диагностики жизненного мира современных студентов.

Среди существующих типологий жизненного мира наиболее перспективной для разработки психодиагностических процедур, направленных на целостное описание жизненного мира, на наш взгляд, является типология, предложенная Ф. Е. Василюком [3]. Василюк определяет жизненный мир как многомерное пространство жизни, включающее композиции мотивов и деятельностей. В нем он выделяет два измерения: внутренний мир и внешний мир. Внутренний мир в зависимости от содержания и структуры потребностно-мотивационной сферы может быть простым или сложным. Чем больше широта, иерархичность и гибкость этой сферы, тем он более сложный. Внешний мир может быть легким или трудным, что определяется легкостью или трудностью удовлетворения значимых потребностей человека.

Различные варианты сочетания этих исходных параметров (простоты-сложности, легкости-трудности) позволяют выделить 4 типа жизненных миров: 1 тип (инфантильный мир) – внутренне простой и внешне легкий, для которого характерна тяга к легкому и простому существованию. Принцип удовольствия – центральный принцип мироощущения, присущего легкой и простой жизни. 2 тип (реалистический мир) – внутренне простой и внешне трудный. В этом мире человеку известны только одни препятствия – внешние. Основной принцип этого мира – принцип реальности. 3 тип (ценностный мир) – внутренне сложный и внешне легкий. Принцип ценности является основным в этом жизненном мире. 4 тип (творческий мир) – внутренне сложный и внешне трудный. Этот мир совмещает принцип реальности и принцип ценности. По сравнению с предыдущим жизненным миром здесь большую роль играет воля человека, которая позволяет переходить от мысли к действию, реализовать свои ценности в реальности, преодолевая внешние препятствия.

В инфантильном жизненном мире позиция человека чаще страдательная, т. к. он не усложняет себе жизнь и предпочитает плыть по течению. В реалистическом жизненном мире позиция может быть действенной или импульсивной в зависимости от степени развитости самоактуализации, поскольку человек активно старается влиять на жизнь. В ценностном жизненном мире позиция будет «размышляющая» о ценностях жизни, а в творческом – активная в зависимости от выраженности интернальности и самоактуализации. Ф. Е. Василюк дает подробную психологическую характеристику представителям этих жизненных миров, показывает, что каждому миру соответствует свое онтологическое поле, тип активности и тип критической ситуации при столкновении с травмирующими воздействиями. Концепция жизненных миров, разработанная Ф. Е. Василюком, кроме своего теоретического значения открывает большие возможности для диагностики жизненных миров, а также для практики психотерапии и психологического консультирования.

В нашем исследовании мы уделили особое внимание связи ЖМ с кризисными переживаниями, что имеет важное значение для организации в вузе системы психологического консультирования студентов и проведения с ними различных форм психотерапевтической работы.

Ситуация кризиса характеризуется изменением прежнего статуса человека, нарушением привычного течения жизни, невозможностью справиться со сложившейся ситуацией с помощью имеющихся средств. Кризисные ситуации и их переживания опасны возможностью деструктивного варианта выхода из них. Юношеский возраст, как подчеркивают большинство авторов, является периодом, когда человек переживает целый ряд кризисов: кризис вхождения во взрослость, кризис нереализованности, кризис профессионального становления, кризис идентичности.

Личностная незрелость, отсутствие сбалансированных психологических защит часто приводит к дезадаптации, которая проявляется в потере интереса к учебе, отчуждении и внутреннем одиночестве. «Застревание» в этом состоянии нарушает целесообразное поведение, ведет к ослаблению психического и физического здоровья. Внешним признаком могут быть накапливающиеся академические «долги» и пропуски занятий, агрессивность, либо различные другие формы неадекватного поведения. Психологическая поддержка и помощь в кризисном состоянии может помочь студенту найти конструктивный выход из жизненного тупика, осознать свои ресурсы и выйти из кризисной ситуации более сильным и повзрослевшим. Каждый психолог понимает, что кризис – это ситуация, благоприятная для личностного роста. Важно создать условия для актуализации личностных сил студентов и самостоятельного поиска ими выхода и переосмысления жизненной ситуации. Раннее навязывание помощи со стороны не приносит должного результата. Но пропустить момент «истощения ресурсов» и начало деструктивного поворота в развитии переживаний тоже нельзя.

В настоящем исследовании сделана попытка подойти к анализу личностных кризисов, используя психологическую концепцию жизненного мира человека, в которой специфика жизненного мира рассматривается в качестве важного фактора, влияющего на характер кризисных переживаний и способы выхода из кризиса.

Период учебы в вузе у молодых людей нередко совпадает с возрастным кризисом перехода от юности к зрелости, при котором достигают пика развития эмоциональные, интеллектуальные, поведенческие процессы при одновременном максимальном раскрытии духовно-нравственных основ личности. Именно в этом возрасте формируется отношение к жизни, выбор моделей поведения и тип жизненного мира.

Для исследования особенностей жизненного мира (ЖМ) нами была разработана опросник «Жизненный мир студентов», состоящий из описания 48 разных способов отношения к разнообразным жизненным ситуациям и поведения в них (12 ситуаций). В ходе обработки результатов подсчитывалось количество выборов, относящихся к разным ЖМ: инфантильному, реалистическому, ценностному и творческому. Предварительно опросник был подвергнут экспертной оценке, в которой принимали участие психологи, имеющих профессиональную подготовку и стаж работы по специальности не менее 10 лет.

Опросник проводился в двух вариантах: 1-ый вариант (Реальный) – студентов просили сделать выборы, соответствующие их реальной жизни; 2-ой вариант (Идеальный) – студентов просили сделать выборы, соответствующие их представлению об «идеальной», самой привлекательной для них жизни.

Для исследования особенностей кризисных переживаний была использована методика В. Р. Манукян [5].

Проведение нами эмпирического исследования психологических особенностей ЖМ студентов-психологов 1-2 курсов в Новосибирском государственном техническом университете (НГТУ) и Новосибирском государственном медицинском университете (НГМУ) (общий объем выборки – 102 чел.) показало следующее:

1. Разработанная нами методика позволяет дифференцировать жизненные миры студентов и исследовать их состояние в образовательном пространстве вуза: в выборке студентов чаще преобладает реалистический и инфантильный ЖМ.

2. На младших курсах в двух разных выборках (студенты-психологи НГТУ и НГМУ) обнаружено одинаковое соотношение статусов ЖМ в ситуации реального и идеального выборов, что позволяет говорить о наличии определенной общей тенденции:

– в идеальном выборе по сравнению с реальным наблюдается понижение статуса инфантильного мира и повышение статуса творческого мира, что можно рассматривать как позитивную тенденцию, проявляющуюся в стремлении студентов трансформировать свой ЖМ, сделать его менее инфантильным, более «взрослым» и более творческим;

– можно наряду с этим выделить и негативную тенденцию к уменьшению статуса ценностного мира в идеальном выборе, что свидетельствует о непонимании роли рефлексии и внутренней интеллектуальной работы в формировании ЖМ. Это требует проведения определенной коррекционной работы со стороны преподавателей вуза, направленной на развитие профессиональной рефлексии будущих психологов.

3. Результаты корреляционного анализа, проведенного в выборке студентов 1-2 курса НГТУ показали, что инфантильный ЖМ не имеет прямых связей с кризисами и кризисными переживаниями, наблюдается лишь небольшое количество отрицательных связей (чем более выражен инфантильный ЖМ, тем менее выражены кризисные переживания). Интересно то, что в выборке 4 курса НГМУ появляется положительная корреляция с показателем кризиса идентичности. Это говорит о том, что на старших курсах даже инфантильные студенты неизбежно сталкиваются с проблемой собственной профессиональной и личностной идентичности.

4. При рассмотрении реалистического ЖМ не обнаруживается связей кризисных переживаний со степенью выраженности этого мира. Это мир активной внешней деятельности, которой внутренние переживания могут только мешать.

5. Наиболее выражены связи с кризисными переживаниями у представителей ценностного мира, что отражает их устремленность к активной внутренней жизни и напряженной работе нравственного сознания.

6. Корреляции кризисных переживаний со степенью выраженности творческого мира дают нам представление о непросто́м процессе социальной адаптации представителей этого мира, об их сомнениях в выборе своего профессионального пути.

В целом корреляции степени выраженности жизненных миров с кризисными переживаниями показывают непротиворечивую картину, которая соответствует представлениям о содержательных характеристиках ЖМ, заложенных в типологии Василюка, что свидетельствует о валидности разработанной нами методики.

В ходе исследования получены конкретные содержательные результаты, расширяющие представления о жизненном мире студентов вуза и связи типа жизненного мира с кризисными переживаниями. Разработана новая методика, позволяющая исследовать жизненный мир студентов. Результаты проведенного исследования могут быть использованы для анализа жизненного мира студентов в процессе психологического консультирования, а также для коррекции педагогических воздействий в образовательном пространстве вуза.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что понятие жизненного мира было введено в обиход Э. Гуссерлем и Л. Бинсвангером как понятие идеографическое, описывающее феноменологию той уникальной реальности, в которой обнаруживает себя каждый человек. Мы хорошо осознаем то, что использовать для понимания этой уникальной реальности только количественные методы явно недостаточно. Поэтому психодиагностическое исследование ЖМ необходимо дополнять феноменологическим подходом. Можно в этом случае ориентироваться на опыт использования схем качественного анализа данных и полуструктурированного интервью для исследования ЖМ [7].

Библиографический список

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004.
2. Бинсвангер Л. Экзистенциальный анализ. М., 2014.
3. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984.
4. История философии: Запад Россия Восток (Книга четвёртая. Философия XXв.). М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1999.
5. Манукян В.Р. Психобиографическое изучение кризисов взрослого периода развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. 2003. № 4 (30).
6. Меньшикова Л.В., Левченко Е.В. Об истории становления понятия «жизненный мир» в психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 16, вып.2., 2015.
7. Улановский А.М. Феноменологическая психология. Качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2012.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003.

О НАПРАВЛЕННОСТИ ПЕДАГОГОВ В ОБЩЕНИИ С РОДИТЕЛЯМИ ВОСПИТАННИКОВ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Ничипорук Е.А.

Ключевые слова: педагог, общение, родители, дошкольная образовательная организация.

Развитие личности в детстве во многом зависит от характера взаимоотношений близких для человека взрослых. Если ребенок является воспитанником дошкольной образовательной организации (далее ДОО), то на развитие его личности будут оказывать влияние и взаимоотношения родителей и педагогов.

Современная ситуация в российском дошкольном образовании характеризуется определенным противоречием. С одной стороны, нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность ДОО (в том числе и Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования) предполагают, что педагоги и родители должны выступать как субъекты образовательных отношений. С другой стороны, в рамках психологического консультирования отмечается увеличение обращений родителей воспитанников (далее родителей) и педагогов ДОО с жалобами на проблемы взаимодействия. Родителей не устраивают отношение и обращение педагогов с ребенком: отсутствие положительных оценок достижений ребенка, только жалобы на поведение в группе, настраивание других детей против ребенка и т.п. Педагоги (преимущественно – воспитатели) чаще жалуются на нарушение родителями правил посещения ДОО: детей поздно приводят, поздно забирают из

ДОО, приводят детей нездоровыми, не сообщают о существующих проблемах в развитии ребенка (медицинских диагнозах) и т.п.

Можно сказать, что взаимодействие педагогов и родителей является не вполне благополучным, иногда носит характер открытого противостояния, либо сводится к «деловым» контактам. Такие способы взаимодействия являются опасными и для взрослых (педагогов и родителей), и для детей. Все выше перечисленное обосновало необходимость проведения исследования, посвященного психолого-педагогическим условиям оптимизации взаимодействия педагогов и родителей как субъектов образовательных отношений в ДОО.

На данном этапе исследования была поставлена задача изучения направленности педагогов в общении с родителями. Теоретической основой решения данной задачи выступают работы С.Л.Братченко [1], Л.И.Габдулиной [3], Л.И.Рюминой [6]. Мы исходим из того, что направленность в общении «конкретного человека – это проявление его ценностно-смыслового отношения к процессу общения вообще, к другому как партнеру по общению и к самому себе» [3].

Выделяют два основных вида направленности личности в общении: монологическую и диалогическую. Монологическая направленность, в свою очередь, представлена несколькими видами: авторитарной, манипулятивной, альтероцентристской, индифферентной и конформной. Названия видов точно определяют особенности данных направленностей, общим для которых является отсутствие признания равноправия партнеров в общении, ориентация на субъект – объектное взаимодействие.

Диалогическая направленность личности в общении предполагает ориентацию на равноправное общение, основанное на взаимном уважении и доверии, ориентацию на взаимопонимание, взаимную открытость и коммуникативное сотрудничество, стремление к взаимному самовыражению, развитию, к сотворчеству. Именно такая направленность в общении выступает условием построения субъект - субъектных отношений между педагогами и родителями.

Для изучения направленности педагогов в общении с родителями была использована методика С.Л.Братченко «НЛО - а» [1], адаптированная к задачам исследования. Выбор данного варианта методики обусловлен тем, что участники исследования сами обрабатывают полученные данные и сразу узнают свои результаты. К настоящему времени в исследовании приняло участие 97 педагогов ДОО Ростовской области.

Диалогическая направленность в общении с родителями выявлена у 43% педагогов. В целом у педагогов выявлено следующее соотношение степени выраженности видов направленности в общении: альтероцентристская – 29%, индифферентная – 25%, конформная – 20%, манипулятивная – 14%, авторитарная – 9%, диалогическая – 3%. Полученные результаты значительно отличаются от результатов, полученных Л.И.Габдулиной с участием педагогов школ и детских садов г.Ростова-на-Дону и опубликованных в 1999 году [2]. В исследовании Л.И.Габдулиной виды направленностей были распределены следующим образом: диалогическая – 35%, альтероцентристская – 30,5%, авторитарная – 14,5%, конформная – 9%, манипулятивная – 8%, индифферентная – 3%. Единственным сходством результатов 1999 и 2016 годов является то, что среди монологических видов направленностей первое место занимает альтероцентристская.

Особое внимание привлекает изменение степени выраженности диалогической направленности: если в конце XX века она стояла на первом месте по выраженности (35%), то в 2016 году она занимает последнее место (3%). По формальным характеристикам участники двух исследований отличаются тем, что в 1999 году все педагоги работали только в городских организациях и имели преимущественно высшее образование, в то время, как в 2016 году в выборку вошли педагоги и городских, и сельских организаций, высшее образования имеют 46% участников. Предыдущее исследование автора показало отсутствие различий между личностными характеристиками педагогов из городских и сельских детских садов, с высшим и средним педагогическим образованием [5].

Таким образом, различия направленности в общении невозможно объяснить различиями выборок. Продолжение исследования, возможно, позволит понять причины произошедших изменений направленности педагогов в общении. Предварительно можно предположить, что определенное влияние на направленность педагогов в общении оказывают изменения социокультурной реальности, в том числе изменения в российском дошкольном образовании [4].

В дальнейшем предполагаем: изучить личностные особенности педагогов, взаимосвязанные с направленностью в общении (соотношение доверия к себе и доверия к другим), изучить направленность родителей в общении с педагогами, разработать рекомендации по оптимизации взаимодействия субъектов образовательных отношений в ДОО.

Библиографический список

1. Братченко С.Л. Диагностика личностно-развивающего потенциала: Методическое пособие для школьных психологов. Псков, 1997.
2. Габдулина Л.И. Стиль педагогического общения и его ценностно-смысловые и когнитивные детерминанты: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 1999.
3. Габдулина Л.И. Ценностные ориентации и удовлетворенность отношениями с другими у лиц с разной направленностью в общении // Прикладная психология общения и межличностного познания / под ред. Л. И. Рюминой. М: Крео, 2015.
4. Ничипорюк Е.А. Психологические особенности профессиональной деятельности воспитателей дошкольных образовательных учреждений в современных условиях // Мониторинг качества повышения квалификации и профессиональной деятельности стажеров, прошедших обучение в рамках стажировочной площадки. Ростов н/Д.: Изд-во ГБОУ ДПО РО РИПК и ППРО, 2013.
5. Ничипорюк Е.А. Доверие к себе как условие профессиональной самореализации воспитателей дошкольных образовательных организаций: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2015.
6. Рюминой Л.И. Онтопсихология общения. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. Германия, 2011.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТА УЧИТЕЛЕЙ СОШ И БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ *Павленко В.А., Горкина А.Э.*

Ключевые слова: тайм-менеджмент, личность учителя, личность студента, самоменеджмент.

Правильное управление временем в постоянно меняющемся, динамичном мире является залогом достижения своих целей, помогает улучшить результативность работы, обеспечивает высокую мотивацию, увеличивает стрессоустойчивость для любого человека. Время – это один из важнейших ресурсов, так как его невозможно накопить или восстановить, и именно от способности им управлять зависит эффективность деятельности, и жизни вообще. Но способность организовать свое время зависит не только от уровня развития того или иного навыка тайм-менеджмента, но и на наш взгляд, связана с отношением человека ко времени в целом, тем как он его переживает.

Н.Ю. Григоровская в своей теории обозначает, что существуют различные концепции времени: линейная, альтернативная, постоянная, которые бессознательно определяют отношение человека ко времени, эмоции, которые с ним связаны и даже роли. Так, для человека с концепцией времени как линейной цепи отдельных событий характерно восприятие времени как чего-то абстрактного, враждебного, приоритетно планирование только на краткосрочный период без возможности внесения коррективов, незапланированные события вызывают тревогу. При такой концепции в основном характерны роли исполнителя. Для человека с альтернативной концепцией, время – это дружественный ресурс, он умеет правильно распоряжаться своим временем, замедляя или ускоряя его, относясь к нему, как к игре. Для данной концепции характерно долгосрочное планирование с возможностью внесения необходимых изменений, дела распределяются по степени важности и роли творца или аналитика.

Концепция времени как постоянной величины характеризуется восприятием времени как сложной абстракции, с отношением к происходящему по принципу: «всему свое время», и сопровождается эмоциями спокойного принятия. Планирование времени осуществляется как долгосрочное, так и краткосрочное, также оно характеризуется максимальной гибкостью. Для людей с данной концепцией времени характерна роль прогнозиста.

В связи с этим особенно интересным является, как представители разных концепций переживают время своей жизни, есть ли какие-либо различия в уровне развития навыков тайм-менеджмента в зависимости от типа концепции, с одной стороны, и как это проявляется во внутреннем переживании времени, с другой.

Есть профессии, в которых отношения со временем, умение управлять им, играет ключевую роль, поскольку это отражается не только на собственной эффективности, но и на других людей. Одной из таких является профессия учителя, поскольку ему приходится организовать не только свою деятельность, но и деятельность своих учеников. Интересным является вопрос различий в вышеуказанных вопросах у действующих и будущих педагогов.

Цель исследования заключалась в том, чтобы исследовать содержательные различия навыков управления временем и особенностей его переживания у студентов и учителей средней школы, с учетом типа концепции времени. В исследовании приняли участие 17 студентов и 15 учителей СОШ. Всего 32 человека.

Для решения поставленных задач были выбраны следующие методики: тест «Персональная компетентность во времени» С. И. Калинин; анкета «Определение уровня самоменеджмента» Л. Зайверт; рисуночный тест «Персональная концепция времени» Н. Ю. Григоровская; тест «Шкалы и факторы переживания времени» Е. И. Головаха, А. А. Кроник.

Согласно полученным результатам, средние показатели учителей по уровню самоменеджмента (по методике Л. Зайверта) и компетентности во времени (методика С. И. Калинина) оказались значительно выше, чем у студентов. Для более глубоко изучения навыков тайм-менеджмента у учителей и студентов был произведен качественный анализ пунктов методики «Персональная компетентность во времени» С. И. Калинина, в результате чего были выделены те, которые на наш взгляд касались таких навыков как «планирование» и «работа с помехами времени».

Для сравнения различий в выделенных навыках использовались условные границы, позволившие разделить респондентов на три группы: высокий уровень владения навыком, навык недостаточно сложился, навык сформирован слабо.

Как оказалось, у учителей навык планирования развит лучше, чем у студентов и находится на высоком уровне, тогда как у будущих педагогов он сложился недостаточно. Что в целом можно объяснить большим опытом в профессии, и жизненным опытом, в целом. А вот навык работы с помехами времени в соответствии с указанными выше границами, и у учителей, и у студентов сложился недостаточно. Однако, средние значения учителей все же выше, чем у студентов.

Таким образом, в целом можно сказать, что учителей навыки тайм-менеджмента сформированы лучше, то есть отношения со временем выстроены более продуктивно. Данные, полученные по следующим методикам, позволили прояснить содержательные различия и высказать некоторые гипотезы относительно того, как представители различных концепций времени

В соответствии с персональной концепцией времени Н.Ю. Григоровской у учителей преобладающей оказалась линейная концепция времени. Линейная концепция времени представлена у 67%, альтернативная концепция времени – у 19,8% и постоянная концепция времени характерна для 13,2%. В соответствии с данной теорией, большинство учителей относится ко времени как к враждебному механизму и зависимы от него, для них характерно отсутствие гибкости в вопросах планирования, где преобладающим является краткосрочное, эмоции страха, беспокойства, тревоги, связанные с невозможностью держать его под контролем.

В группе студентов результаты оказались разительно иными. Только у трети группы (35,2%) опрошенных была выявлена линейная концепция времени, у 41,2% была выявлена альтернативная концепция, а у 23,5% – постоянная концепция времени. Видно, что у студентов преобладает альтернативная концепция времени, характеризующаяся свободным отношением к своему времени, осваивается и постигается интуитивно, что проявляется гибким краткосрочным планированием и наличием стратегических планов, время.

В соответствии с выделенной у респондента концепцией времени были высчитаны средние значения по уровню самоменеджмента и компетентности во времени для каждой из групп респондентов.

Оказалось, что наиболее высокий уровень самоменеджмента и компетентности во времени был выявлен у учителей с постоянной концепцией времени, а самый низкий уровень – с линейной концепцией, что было ожидаемо, и на наш взгляд логично.

Самоменеджмент и компетентность во времени у студентов так же выше у представителей постоянной концепцией времени, а вот самые низкие значения оказались у представителей альтернативной концепции. Причем практически одинаковый уровень компетентности во времени проявлен у представителей, как линейной, так и у представителей постоянной концепции. И если для учителей результаты выглядят закономерными, в соответствии со спецификой концепций, описанных выше, то объяснить результаты студентов несколько сложнее. Возможно, что студенты с альтернативной концепцией времени настолько гибко относятся к планированию, что в итоге вообще ничего не планируют, отпуская время на самотек, что в итоге отражается на результативности.

Далее, были проанализированы различия отдельно по навыку планирования и работы с помехами в соответствии с выделенной концепцией времени так же в обеих исследуемых группах.

Однако оказалось, что у учителей по навыкам планирования и работы с помехами времени особых различий в зависимости от концепции времени выявлено не было, у всех наблюдается высокий уровень владения данными навыками, что возможно является следствием большого опыта работы в профессии.

А вот в группе студентов результаты получились очень интересными, особенно если сравнивать с тем, что наблюдалось, когда были представлены средние показатели по уровню компетентности и самоменеджмента в целом, без выделения отдельных навыков. Навык планирования более сформирован у представителей с альтернативной концепцией времени. У представителей с линейной и постоянной концепцией времени данный навык сложился недостаточно.

В навыке работы с помехами, независимо от типа концепции, особых различий у студентов выявлено не было, все они демонстрируют среднюю компетентностью владения данным навыком. Таким образом, полученные данные позволяют говорить о следующем. Нельзя делать окончательные выводы о сформированности навыков тайм-менеджмента, опираясь только на средние показатели по методике. Независимо от типа концепции, возраст и профессиональный опыт накладывают отпечаток на развитие определенных навыков управления временем.

Изучение особенностей переживания времени (по тесту «Шкалы и факторы переживания времени» Е. И. Головаха, А. А. Кроника) показало, что и у учителей, и у студентов время в целом переживается как быстрое и насыщенное, разнообразное, более скачкообразное и сжатое. Эмоциональное отношение ко времени положительное. То есть в целом значительных различий обнаружено не было. Однако более напряженным и менее приятным время переживают студенты, возможно именно по тому, что их навыки тайм-менеджмента все же не так развиты, как у учителей.

А вот переживания времени в зависимости от типа концепций времени у учителей и студентов более выражены. Наиболее разнообразным, скачкообразным и раздробленным время переживают учителя с альтернативной концепцией времени. Данный результат, возможно, объясняется тем, что представители данной концепции воспринимают время как дружественный ресурс, они свободны по отношению к нему, то есть в их жизни есть время незапланированным ситуациям, открытость миру, а в случае невозможности реализовать запланированные в поставленные сроки, они гибко их корректируют. У учителей с линейной концепцией времени напряженность времени самая низкая, что может быть связано с тем, что представители данной концепции имеют тенденцию к жесткому ежедневному планированию, с целью снизить тревожность (что характерно для данной концепции) от неопределенности окружающего мира. Представителями постоянной концепции время переживается как не имеющее границ, пределов, особенно если сравнивать с тем, как переживают время по этому фактору представители линейной концепции. Для них оно имеет границы, наличие которых может порождать чувство тревоги от невозможности их контролировать, и поэтому переживание времени не является таким приятным. А для представителей постоянной концепции время – это некая абстракция, с которой они в течение жизни выстраивают в каком-то смысле философские отношения, что, на наш взгляд, и обуславливает отсутствие тревоги по поводу ограниченности, конечности времени. Они на время в принципе смотрят абсолютно иначе.

Что касается студентов, то наиболее разнообразное, скачкообразное и раздробленное переживание времени отмечено у представителей постоянной концепции времени, однако при этом как наиболее приятное. Возможно потому, что они воспринимают время как сложную абстракцию, как объективный, но познаваемый и принимаемый человеком порядок, который принимается как принцип жизни, руководство к действию. У студентов с альтернативной концепцией времени выявлена низкая напряженность времени, что может быть связано с тем, что представители данной концепции относятся ко времени как к дружественному ресурсу, переживая его как скорее беспредельное, они не зависят от него, а, следовательно, всегда имеют возможность вносить коррективы в составленный план. Представителями линейной концепции время переживается как более организованное, сжатое, видимо в силу жесткого планирования и менее приятное, в сравнении с другими группами.

У учителей и студентов с линейной концепцией времени наибольшие отличия были выявлены по фактору напряженности времени. Учителя воспринимают время как менее напряженное, то есть, оно переживается как более растянутое и течет медленнее, что может быть связано с большим количеством дел, которые неинтересны для выполнения, а, следовательно, время ощущается как медленное.

У студентов с альтернативной концепцией времени результаты по факторам напряженности времени и эмоционального отношения ко времени выше, чем у учителей. Они проживают время как более растянутое, беспредельное и насыщенное. Полученные результаты связаны возможно объяс-

няются тем, что у учителей навык планирования развит лучше, чем у студентов, а, следовательно, все дела четко структурированы.

Представителей с постоянной концепцией времени отличают переживания времени по фактору: континуальность-дискретность. То есть у студентов время переживается как более скачкообразно, прерывистое (возможно в силу недостаточной сформированности навыка планирования и недостаточного опыта) и более ограниченное, менее приятное, нежели у учителей с такой же концепцией. Время учителями переживается как более собранное, организованное, быстрое, и при этом более приятное.

Таким образом, у учителей эмоциональное отношение ко времени в зависимости от типа концепции имеет определенные содержательные отличия в сравнении со студентами. Отметим, что чем выше уровень дискретности, то есть чем более разнообразное, насыщенное и скачкообразное проживание времени, тем положительнее эмоциональное восприятие времени у студентов. Данные различия в полученных данных связаны на наш взгляд с тем, что учителя очень загружены на работе. И далеко не всегда самыми приятными или интересными задачами. Тогда как у студентов их занятость определяется далеко не только учебными делами, но и досуговой деятельностью, на которую у учителей, согласно данным некоторых исследований, просто не остается времени.

Интересные особенности в переживании времени были обнаружены у студентов в зависимости от уровня владения навыком планирования.

Был сделан вывод, что при отсутствии планирования своего дня время становится более прерывистым, раздробленным, растянутым, и менее организованным, а, эмоциональное отношение ко времени переживается как более приятное, может быть именно в силу того, что отсутствует подробный план задач, который требует таких навыков, как контроль и ответственность. При планировании времени все дела структурированы, а, следовательно, оно не может переживаться как слишком скачкообразное или неорганизованным, однако при этом эмоциональные отношения ко времени становятся менее приятными. Видимо потому, что есть тенденция выполнять запланированные дела, независимо от того, нравятся они или нет, самочувствичья или обстоятельств.

Особенности в переживании времени у учителей и студентов с высоким уровнем планирования тоже имеют свои содержательные отличия. У учителей время воспринимается как более скачкообразное, раздробленное, но при этом более растянутое, статичное, и при этом более приятное, и беспредельное. У студентов с таким же высоким уровнем навыка планирования картина отличается. Они в целом переживают время, скорее, как плавное и цельное, при этом более быстрое, насыщенное и сжатое, но менее приятное и беспредельное, чем у учителей.

Полученные результаты позволяют говорить, что даже при одинаковом уровне планирования переживание времени отличается. И вероятно это объясняется рядом факторов: и возрастными различиями, и опытом работы в профессии, и отношением ко времени в целом. Отметим здесь, что время – это важный ресурс, следуя правилам которого он становится эффективнее, а, следовательно, отношение ко времени становится как к более приятному и беспредельному.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод, что при различиях в уровне сформированности навыков тайм-менеджмента, а также при различных концепциях времени, время как ресурс, как явление, переживается по-разному.

Подводя же итоги всего проведенного исследования, отметим, что навыки планирования и работы с помехами времени, а также в целом самоменеджмент и уровень компетентности во времени лучше развиты у учителей, чем у студентов. Следовательно, студентам необходимо развивать навыки тайм-менеджмента, чтобы результаты достижения поставленных задач были более эффективными.

Библиографический список

1. Абульханова К.А. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
2. Бубнова Н.И. Свободное время учителя. М.: Инфра-М, 1982.
3. Головаха Е.И. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984.
4. Зайверт Л. Если спешишь – не торопись. Новый тайм-менеджмент в ускорившемся мире. Семь шагов к эффективности и независимости в использовании времени. СПб.: АСТ Артель, 2007.
5. Калинин С.И. Тайм менеджмент: практикум по управлению временем. СПб.: Речь, 2006.
6. Широкая М.Ю. Роль субъективной оценки профессионального времени в формировании неблагоприятных состояний у учителей // Личность как субъект организации времени жизни, Краснодар, 2008.

Ключевые слова: творческая личность, образовательный процесс, антропоцентрическая образовательная стратегия.

Как известно, экономическое обновление нашей страны связано с разработкой мер, обусловленных динамикой техногенной цивилизации. Становится очевидным, что социальный прогресс российского общества невозможен без экономики, которая опиралась бы на современные технологии, а предпосылкой таких технологий является наука, с которой органически связана система образования. Поэтому стремление к более прочному положению нашей страны в мировом рыночном пространстве однозначно определяет модернизацию и системы образования. Эта модернизация становится необходимой также и потому, что существующие институты образования перестали быть адекватными новым все более подчиняющимся рынку общественным отношениям.

Не менее важными оказываются и приоритеты информационной безопасности общества, которые требуют качественно более высокого уровня учебного процесса во всех его формах. Таким образом, модернизация и радикальные изменения в отечественной системе образования не имеют альтернатив. Они являются решающим условием будущего России, условием сохранения её авторитета и интеллектуального потенциала с его богатыми образовательными и культурными традициями. Вместе с этим и условием формирования такого эмоционально-психологического содержания молодого человека, которое составляет основу его умения раскрывать себя через многообразные межличностные отношения. Только тогда становится возможной личность с инновационным мышлением, способной находить оптимальные решения в ситуациях, выходящих за пределы привычных шаблонов. В этом, на наш взгляд, состоит существо перехода от технократической к антропоцентрической образовательной стратегии.

Известно, что человек с самого начала своей жизни вступает в общественные отношения, и при этом, чем разнообразнее характер последних, тем более полно реализуется в нем общекультурное содержание данного исторического времени. Но такая реализация невозможна без процесса образования и воспитания личности. В этой связи заметим, что становление психологии творческой личности представляет собой процесс формирования такого внутреннего состояния личности, когда она способна создавать рационально-культурные, нравственные, материальные и другие ценности, которые, будучи объективированными, приобретают социально-культурную значимость. Иными словами, творчество предстает не как простая репродукция уже существующих традиций, а как их обновление и изменение. Оно ориентировано на иное качество, тем самым предстает как переход личного деяния в безличное, «существующее для всех».

В этом плане, на наш взгляд, структура образовательной системы оказывается объективной предпосылкой формирования духовного и интеллектуального содержания творческой личности. Иначе, эта структура становится тем социальным бытием, взаимодействием с которым и определяет процесс становления личностной психологии. А формирование творчески инновационной личности, одновременно означает и совершенствование самой образовательной системы в соответствии с требованиями данного времени.

Вообще говоря, содержание обучения и методов воспитания – это «вечные проблемы», всегда вызывавшие большие споры. Особенно в наше время, когда конъюнктурные интересы тех или иных ведомств нередко затушевывают действительные задачи, стоящие перед системой образования. Что включать в учебные программы, каким должно быть разумное сочетание стандарта и творчества и многое другое. В связи с этим можно отметить следующее.

Исторически в российской образовательной системе сложились три уровня духовно-рационального воздействия, которые определяются начальным, средним и высшим образованием. А дидактическая содержательность этих уровней, по существу, характеризуют необходимые и достаточные предпосылки формирования психологии личности. При этом все уровни выполняют общественный заказ, т.е. они приобщают к общественным запросам подрастающее поколение через его общеобразовательную и профессиональную подготовку. Но одновременно, они выполняют и конструктивную функцию духовного формирования личности, т.е. ее воспитания. Поэтому в ходе образования личность наполняется тем интеллектуальным и идейно-нравственным содержанием, которое становится психологической основой ее последующей деятельности и поведения в обществе.

И здесь, на наш взгляд, существенным оказывается тот культурно-информационный материал, без которого невозможно формирование личности, поскольку нравственное и гражданское содержа-

ние последней является столь же важным результатом образовательного процесса, как и овладение профессиональным и общеобразовательным знанием.

И если рациональный компонент личности достаточно полно формируется через логику изучения широкого спектра научных дисциплин, то эмоционально-волевая сфера личности, т.е. её психологическое содержание, не может быть столь жестко детерминированной структурой образовательного процесса. А это делает её важным резервом повышения эффективности учебного процесса, в котором определяющее место принадлежит социально-общественным дисциплинам и искусству. Осознать их место в содержании общего образования, – значит решить одну из ключевых проблем модернизации последнего, если иметь в виду ориентацию на антропоцентрическую культуру, на развитие и формирование инновационной личности. Поэтому современное образование не мыслимо вне связи не только с наукой, но и с гражданственностью и искусством.

Отмеченные моменты функциональной двойственности образовательного процесса взаимосвязаны. Забвение одного приводит к потере значимых профессиональных ценностей, т.е. того, что принято называть фундаментальностью образования. А нигилизм по отношению к гуманитарным и общественным дисциплинам ведет к утрате интереса к политической и гражданской активности, к превращению личности в бюрократическую или отвлеченно-альтруистическую фигуру, не способную к каким-либо творческим действиям или поискам.

Итак, современная действительность предъявляет индивиду не только рационально-творческие, но и не менее значимые духовно-нравственные и политико-гражданские требования, так, что творческий поиск личности неотделим от его же социально-нравственной оценки. На наш взгляд, последняя всегда должна соответствовать масштабу и широте рационально-творческого поиска. И, если мы желаем создать систему образования, нацеленную на инновационный поиск нестандартных решений в производственной, финансовой, торговой или иной сфере общественной деятельности, то столь же важно найти адекватную этой системе форму идейно-духовного содержания, способную сформировать соответствующую психологию этой личности.

Столь же верно и обратное. Чтобы выработать у индивида высокую рационально-логическую культуру, активную жизненную позицию, важной предпосылкой становятся такие психологические факторы как его готовность к учебе, решимость, твердость воли и характера, чувство ответственности и другие, определяющие подлинное величие человеческого духа как созидającego начала. Причем, отмеченное соответствие имеет существенное значение для формирования действительно гармоничной личности.

И если в качестве такого содержания становится, например, религиозное или мифологическое мировосприятие в качестве основы психологии нравственности, эстетичности, жизненного идеала и т.п., то, в лучшем случае, консервируется существующий уровень знаний и уклада жизни. Поскольку, сформированная на такой основе, личность не способна к творческому созиданию, к глубокой самоотдаче и поиску неизведанного, к свершению чего-то нового и, добавим, к подлинной гражданственности и патриотизму. В самом деле, религия выступает такой формой общественного сознания, которая отражает и осознает окружающий мир через иррациональные антропоморфные представления, поскольку религиозные образы – это способы осознания человеком самого себя, своих внутренних чувств и состояний через представления о мире. Поэтому в религии высок уровень психоэмоционального содержания, в ее центре оказывается по существу состояние человеческой души. Здесь человек объективирует свою социальную сущность, превращает последнюю в объект, к которому он относится как к другому существу. Таким образом, если в религии человек осознает природу через самого себя, то в науке человек осознает себя через природу.

В самом деле, характерной чертой науки является то, что она представляет отражение объективного мира в рационально-логических формах и выступает системой разнообразных знаний о мире, об отношениях людей друг другу и к самим себе. Иначе, наука представляет такую форму мировосприятия, в которой человек соотносит себя с миром, осознает себя через закономерности этого мира. Поэтому научные знания могут быть объективированы, т.е. стать основой технических и технологических конструкций, изобретений, нормативных систем управления, контроля и т.п., тем самым, подчиняя природу человеку.

Научное мировосприятие представляет мир в таком выражении, в котором и сам человек оказывается его элементом, подчиненным причинно-следственным отношениям. В силу этого, в науке высок удельный вес логического содержания, которое органически переплетается с экспериментально-опытным материалом. Поэтому наука – это осознание мира человеком, религия же – осмысление человеком самого себя через мир. Не случайно, творческий и деятельный характер человеческой

жизнедеятельности возникает тогда, когда зарождается и становится социально значимой наука (XVII-XVIII вв). С этого периода духовно-интеллектуальное развитие человечества, сфера его духовной культуры предстает как процесс постоянного взаимодействия этих форм общественного сознания.

Таким образом, рационально-логический компонент образования как основа профессионализма должен быть «дополнен» адекватным ему социально-общественным и духовно-нравственным психологическим содержанием. Заметим, что, подчеркивая значимость отмеченной своеобразной «триады» образовательного процесса, мы не ставим вопроса об их конкретизации, т.е. перевода в плоскость содержательного дидактического наполнения. Это достаточно емкая задача. Здесь речь идет о стратегических составляющих образовательного пространства как необходимого и достаточного условия формирования психологии творческой личности.

Именно с этой точки зрения, наше время предстает как время глубокой переоценкой существа образовательного пространства. Создание сети глобальных коммуникаций в бизнесе и промышленности, практическое использование космоса, как и глубин океанов и многое другое может быть успешно осуществлено в значительной степени от того, насколько полно будет реализована психология инженерно-технической направленности образовательного процесса, т.е. предметно-чувственная, деятельная составляющая рационально-логического компонента и духовно-творческая ориентация личностного содержания молодых людей

Такое изменение должно сопровождаться углублением гуманитарной сферы образования, «наполнением» последнего соответствующим духовно-нравственным содержанием, которое включало бы в себя высочайшие ценности человеческого духа. Только в такой гармонии образовательная система способна «выдать» полноценную творческую личность, психологически готовую решать широкий спектр задач социально-производственного характера. Поэтому, на наш взгляд, только привлечение широкого исторического, политического и культурного материала с явно выраженным пафосом силы и мощи человеческого духа, способно стать той психологической основой, тем духовно-нравственным материалом в формировании творческой личности, которой по плечу будут отмеченные задачи научно-технического возрождения Отечества.

Библиографический список

1. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.,1995.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.,1977.
3. Кон И.С. Открытие «Я». М. 1978.
4. Человек, творчество, наука. М., 1967.
5. Приоритетные направления развития педагогических и психологических исследований. М-Воронеж. 2004.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАКЕ РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ, ТОЛЕРАНТНОСТИ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Скрипкина Т.П., Алиева Э.Ф.

Ключевые слова: образовательное пространство, гражданская идентичность, толерантность, ресурс социального доверия.

В настоящее время перед образовательной практикой ставятся глобальные по масштабу задачи, связанные с попыткой конструирования таких эффектов развития, как гражданская идентичность различных социальных и этнических групп населения, социальное доверие, толерантность, успешная социализация детей и подростков. Достижение поставленных задач, по сути, и составляет смысл и содержание социокультурной модернизации образования.

Описание социальной реальности никогда полностью не может совпасть с самой разнообразной и по-разному «читаемой» разными людьми реальностью и в то же время в практической деятель-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФГАУ ФИРО, проект № 27.294.2016/НМ "Разработка программ проектирования развивающей среды современной школы как ресурса обеспечения доверия, толерантности, безопасности, психологического комфорта и формирования гражданской идентичности личности".

ности никогда невозможно непосредственно использовать теоретические модели, какими бы подробными они не оказывались. Однако, между наукой и преобразующей практикой связующую функцию выполняет сфера социальных технологий, где теоретические модели используются в качестве основы для разработки инструментов воздействия на социальную реальность. Образование – всегда являлось одной из ведущих социальных деятельностей в любой стране, в любом государстве. В ориентирах, заданных образовательной практикой, всегда закладывается стратегия развития государства.

Именно поэтому одной из самых сложных областей является область проектирования образовательного пространства как пространства развития и пространства социализации ребенка. В настоящее время в связи с актуальностью поставленных задач социокультурной модернизации образования со всей очевидностью встает проблема проектирования в образовательном пространстве такой социальной реальности, которая бы выступала как ресурс обеспечения безопасности и психологического комфорта.

Известно, что посредством социальных технологий конструируется не только социальная реальность, конструируется и внутренняя реальность человека, которая, в свою очередь, формирует, «выстраивает» картину мира. В этой связи проблема воздействия на личность различных средств коммуникации и информации является одной из самых актуальных проблем социальной психологии, педагогики, социологии, политологии, журналистики и др. гуманитарных наук. Для реализации этой цели существует целая индустрия, направленная на разработку самых разнообразных технологий воздействия на личность, связанная с формированием мировоззрения, различных социальных установок и в результате – конструированием той или иной картины мира у различных слоев населения.

Одной из актуальных задач, лежащих в основе социокультурной модернизации образования, как уже было отмечено, является задача, связанная с тем, чтобы спроектировать такое образовательное пространство, которое бы отвечало запросам современной реальности. Как отмечено, А.Г.Асмоловым в разработанной им концепции социокультурной модернизации образования, все, даже, предлагаемые в последнее время концепции развития образования игнорировали системные социальные и метальные эффекты, которые порождаются, в том числе и образовательной политикой. К этим социальным и ментальным эффектам он относит: формирование идентичности человека в условиях политэтнического, поликонфессионального и поликультурного государства; социальная и духовная консолидация общества; обеспечение социальной мобильности личности, качества и доступности образования как факторов уменьшения рисков социального расслоения общества; конструирование социальных норм толерантности и доверия друг к другу представителей различных социальных групп, религиозных и национальных культур; успешная социализация подрастающего поколения; повышение конкурентоспособности личности, общества и государства [1, с. 5].

Вопрос о способах и средствах конструирования норм толерантности, социального доверия и гражданской идентичности не является простым и самоочевидным. Ведь, эти социальные эффекты невозможно насадить законодательно, их невозможно откуда-нибудь инвестировать. Исторический опыт показывает, что названные социальные эффекты можно только «вырастить в душе» каждого подрастающего ребенка как гражданина, любящего свое отечество, толерантно и с доверием относящегося к этническому и конфессиональному разнообразию огромного государства.

В связи со сказанным, одной из самых важных и в то же время сложных педагогических проблем является проблема разработки технологий, ориентированных на проектирование развивающего пространства современной школы как ресурса обеспечения доверия, толерантности, безопасности, психологического комфорта и формирования гражданской идентичности личности.

На протяжении ряда лет сотрудниками Центра стратегии развития образования разрабатываются психолого-педагогические технологии и программы проектирования «современной школы как ресурса толерантности, доверия и психологического комфорта».

Стержнем данной программы проектирования современной школы выступает осуществление непрерывного, вариативного (многообразного, многоуровневого, личностно-мотивационного) образования, в центре которого стоит воспитание в его современном прочтении, именно как личностно-субъектное педагогическое воздействие.

В программу закладываются три базовых тенденции в развитии системы образования такой школы:

1. формирование образовательного пространства школы путем обеспечения интегрированности его важнейших составляющих — воспитания, развития и обучения; повышение воспитательного потенциала обучения (в том числе: усиление гуманитарной и практической направленности учебных дисциплин, включение в их содержание материалов, помогающих учащимся освоить ценности толе-

рантности, открытости, доверия, солидарности, демократического гуманизма, способы самоопределения в них);

2. обучение и воспитание учащихся в духе демократии, свободы, личного достоинства и законопослушания; предоставление им реальных возможностей участия в управлении школой, в деятельности различных творческих и общественных объединений;

3. реализация принципа участия семей и микросоциума в образовательном процессе, развитие родительских и социо-локальных общественных объединений, привлечение родителей и общественности к участию в управления школой.

В программе выделяется объект проектирования – «ресурс толерантности, доверия и психологического комфорта в современной школе», требующий интегрировать классические, социальные и реальные цели образования, универсальное и прагматическое содержание образования, частично-дифференцированную классно-групповую и полностью дифференцированную индивидуально-групповую организационные модели образования.

В свою очередь, предметом проектирования в программе выступает связь различных образовательных воздействий (разного рода образовательных программ, внутреннего гуманистического и демократического уклада школы, дополнительного образования, в том числе социально-ответственных практик, воспитательной системы и развивающих сред) с конечными и промежуточными результатами работы школы – формируемыми личностными культурно-образовательными компетентностями обучающегося.

Программа проектирования современной школы как ресурса толерантности, доверия и психологического комфорта опирается на ряд исходных теоретических положений – это современные философские, культурологические, системологические, психологические, управленческие, педагогические идеи и теории, в частности: педагогические суггестология, антропология и текстология; положения теории социального проектирования; идеи синергетической природы образования; идеи системности и комплексности образовательных явлений; положения теории управления инновациями, рисками, конфликтом; положения социальной (профессиональной и педагогической) психологии; разработки синкретических, интегрирующих подходов к педагогической действительности в частности разработки событийного, компетентностного и ресурсного подходов к образовательным феноменам.

Мы убеждены, что только реализация комплексного подхода к данной проблеме может дать позитивный результат.

Библиографический список

1. Асмолов А.Г. Стратегия и методология социокультурной модернизации образования. М. 2014.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ В ДЕТСКОМ, ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Будущее как компонент жизненной траектории: взгляд современных подростков¹

Бочавер А.А., Хломов К.Д., Али-заде А.С., Хломов И.Д.

Ключевые слова: подросток, жизненная траектория, будущее.

В различных концепциях возрастного развития подчеркивается значимость формирования образа будущего в подростковом возрасте. Говорится о задачах самоопределения, развитии идентичности, профессиональной ориентации, выстраивании жизненной перспективы и т.п. Однако решение этой задачи становится все более сложным: наблюдается откладывание самоопределения и принятия конкретных решений; хроническая неопределенность социума затрудняет выборы и понимание их последствий; происходит быстрое устаревание профессий, а получение образования вовсе не гарантирует далее работы по той же специальности.

Сейчас требования общества к взрослому человеку размыты, основная востребованная черта – это гибкость, возможность адаптироваться к изменяющимся условиям [2]. В транзитивном обществе формы и модели взросления предельно диверсифицируются [1]. Появляется понятие «кидалт»: kidult – сокращение от англ. kid – ребенок и adult – взрослый; это взрослый человек, сохраняющий свои юношеские увлечения, «не спешащий взрослеть», инфантильный. Усиливается тенденция рассматривать молодых людей, не социализированных в привычном значении слова (не проводящих время за учебной или работой, не обеспечивающих себя финансово, проживающих с родителями) как «самоопределяющихся»; предлагается продлить подростковый возраст до 24 лет [4]. J.Arnett вводит понятие "появляющейся (или становящейся) взрослости" (Emerging adulthood): это новый "вставной" возрастной период между 18 и 25 годами, характеризующийся частичной самостоятельностью при отсутствии собственных жилья и семьи [3].

Современным подросткам сложно представить себе желаемое будущее, сложно выстроить промежуточные шаги для его достижения, и сложно их реализовать, не запутавшись. Множественность путей в современном мире позволяет регулярно смещаться на альтернативные траектории, и это усиливает непредсказуемость; траектории как линии превращаются в траектории как сети. Важнейшим, на наш взгляд, фактором выработки ясной (осознанной, неспонтанной) траектории развития в подростковом возрасте и далее является *культура обсуждения жизненной траектории* в ближайшем окружении, в первую очередь, в семье подростка. Интенсивность и эффективность таких обсуждений может быть очень разной: от полного отсутствия до чрезвычайно авторитарного принятия решений родителями/опекунами за ребенка или непререкаемых негативных прогнозов («ты ни на что не годен»).

В нашем исследовании приняли участие 166 подростков – учащихся московских школ и колледжей в возрасте 15-18 лет ($M_{возр}=16,3$). Им предлагалось описать установки, которые они получают в своем ближайшем окружении касательно будущего, и указать, кто именно их транслирует. Инструкция выглядела следующим образом: «Многие ждут от человека в 14-17 лет, что он начнет думать о будущем. Какие идеи о **твоем** будущем есть у твоего окружения?» и содержала пример ответа. В списке указанных лиц доминируют: мать (128 раз, т.к. в 77% случаев), отец (36 раз – т.е. почти в 4 раза реже, чем мать) и родители (12 упоминаний); бабушка (20 раз), дедушка (6 раз); тетя (3 раза), дядя (2 раза); сестра (6 раз), брат (4 раза). Кроме того, респонденты упоминают друзей и подруг – 49 раз. Итого в среднем каждый подросток получает 1,3 словесные инструкции о своем будущем от членов своей семьи, в основном от матери. Что касается модальности этих идей о будущем, то слово «хочешь» в них, по версии подростков, фигурирует 18 раз («Родители: в своем будущем ты должна быть тем, кем захочешь»; «Мама: выбирай то, что тебе больше всего нравится, то, чем ты захочешь заниматься всю жизнь»; «Бабушка: иди на того, кого хочешь, главное, чтобы тебе приносила эта работа удовольствие»), причем в некоторых случаях это не придание важности подростковым желанием, а скорее отстранение или безразличие («Мама: делай, что хочешь»), в то время как слово «дол-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-36-01317.

жен»/«должна» встречается 55 раз («Мама: логистика - это хорошая и востребованная профессия в наше время, и ты должна стать логистом»; «Папа: если папа инспектор, значит, и ты должен стать инспектором»; «Мама: ты должен стать полицейским»; «Сестра: ты должна стать проф. в маникюрном деле»).

Очень большая доля представлений связана с опытом и традициями семьи, с переходом профессии от родителей к детям, причем речь идет не только об исконно семейной профессии врача, но и об экономистах, психологах, кондитерах, адвокатах. При этом крайне редко используется ресурсный конструкт «хорошо» («Ты очень хорошо рисуешь. Поступай на модельера»; «Ты хорошо ладишь с детьми, отлично проводишь занятия, я думаю, стоит пойти в педагогический») – на всех респондентов встречается всего 6 упоминаний.

Эти пилотажные данные – лишь иллюстрация тенденций в обсуждении будущего в пространстве детско-родительских отношений. В условиях хронической неопределенности и проблемы прогнозирования социальной динамики фокус профориентационной деятельности с целей и результатов смещается на процесс – на деятельность по обсуждению, освоению, пробам и экспериментированию в области проектирования своего жизненного пути.

Задачей психолого-педагогического сопровождения, адресованного как подросткам, так и их социальному окружению, в этой ситуации становится повышение осознанности в области сильных и слабых сторон подростка и его индивидуальных тактик, и повышение эффективности социальной среды подростка с точки зрения культуры обсуждения его настоящего и будущего. Ресурсом, в котором нуждается подросток, является стабильность, т.е. то, что позволяет справляться с неопределенностью и непредсказуемостью. В рамках сопровождения выстраивания подростком своей жизненной траектории задачей заинтересованных взрослых становится обеспечение подростку *контакта и определенности*, т.е. стабильности в пространстве персональных отношений и в пространстве поведения/ценностей/интересов. Контакт и определенность – это те ресурсы, которые позволяют сохранять устойчивость в транзитивном обществе, и это то, чем взрослые могут делиться с поколением подростков – как в контексте профессиональных, так и семейных отношений.

Библиографический список

1. Поливанова К.Н. Практики развития: взросление в современном мире // Новое детство. URL: <http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292.shtml>.
2. Хломов К.Д. Социальные риски в контексте индивидуальных жизненных траекторий современных подростков // Социальная психология и общество. 2016, т. 7. № 2.
3. Arnett J.J. Emerging Adulthood: A Theory of Development From the Late Teens Through the Twenties. *American Psychologist*, 2000, Vol. 55. No. 5.
4. Wallis L. Is 25 the new cut-off point for adulthood? URL: <http://www.bbc.com/news/>.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТНОЙ АКТИВНОСТИ ПОДРОСТКОВ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЫТИЯ

Гусейнов А.Ш.

Ключевые слова: субъектная активность, подросток, виртуальное пространство.

Массовое включение россиян в интернет-общение (67%), расширение возможностей коммуникации с неограниченным числом людей и общения в виртуальных группах нередко оборачивается необязательностью общения, удовлетворением в Интернет-среде примитивных потребностей, таких как потребительство, тривиальная самопрезентация. Многие исследователи предупреждают о пагубном влиянии на личность средств социальной коммуникации. На опасность виртуализации в коммуникации, следствием которой становится преобладание виртуального над реальным, доминирование симулякра над живым субъектом указывал Ж. Бодрийяр [1]. Г. Маклюэн подчёркивает решающее значение финальной стадии внешних расширений человека до уровня информационных систем в современном гомогенизированном мире, который лишается прежней дифференцированности индивидов и их способности к «эмоциональному смешению». По его мнению, именно технологии представляют наибольшую опасность, поскольку требуют предельной одинаковости, покорности и созерцательного спокойствия. Расширенная чувственная жизнь качественно изменяет бытие людей, приводит к безразличию и одиночеству [7, с. 70].

В свое время М. Горький подметил бессмысленность и абсурдность общения, не обремененного ответственностью и не заботящегося об адресате: «Наблюдая, как ведет себя человек наедине сам с собою, я вижу его безумным - не находя другого слова» [2].

Виртуализация общения – подмена реального общения, формирующая обезличенность, снятие самоконтроля, личной ответственности порождающая чувство вседозволенности. З.И. Рябикина отмечает, что в виртуальных отношениях социальных сетей расширяется псевдокультурное поле общения, диалог в котором осуществляется по принципу совпадающих или почти совпадающих смысловых структур с «Другим как Я». В результате происходит снятие естественных в общении с другим человеком противоречий, которые, возникая и разрешаясь в диалоге с Другим, обеспечивают развитие смысловой сферы личности, ее личностный рост [8].

В связи с тем, что в интернет-коммуникации происходит замена качества общения формальным количеством контактов, виртуализация отношений личности угрожает симуляцией ее субъектности или искажением субъектной ориентированности из-за отсутствия истинного диалога с Другим [9, с. 84]. Погруженность в интернет-коммуникацию приводит к глубокой личностной деформации, типичными проявлениями которой является отсутствие эмпатии; зависимость от виртуального общения, выражаемая в стремлении к интенсивным эмоциям, в утрате чувства времени и реальности [4; 5; 6]. Искусственность и иллюзорность собственного образа в сети приводит к редукции субъектности – к отказу от себя, когда вместо личности на первый план выходит избранный виртуальный прототип – ник, аватар.

В статье мы ставим перед собой *цель* проанализировать содержательные характеристики субъектной активности подростков в виртуальном пространстве бытия. Предполагалось, что высокая активность в социальных сетях препятствует становлению субъектности личности, формирует ложную субъектность, предполагающую отчуждение и самоизоляцию, жизненный стиль с выраженным преобладанием объектных взаимоотношений. В основу интерпретации субъектной активности участников социальных сетей в виртуальном пространстве бытия легли положения субъектно-бытийного подхода, позволяющие выявить проблемные моменты в Интернет-общении. Обращение к субъектной парадигме дает возможность по-новому рассматривать Интернет-среду в качестве одного из пространств бытия, пространств самореализации, где личность осуществляет свою субъектность в коммуникации с другими.

Субъектная активность рассматривается в субъектно-бытийном подходе с позиции фундаментальной психологической триады – понимание, переживание, поведение [10]. Сущность субъектной активности исследователи связывают с осуществлением выбора между различными мотивами, целями, ценностями, смыслами, ролями, позициями [3; 8; 9; 11]. В качестве показателей субъектной активности выступают следующие особенности личности: внешняя/внутренняя детерминация личностной активности, пассивная/активная позиция, мера ответственности, степень осмысленности и контролируемости жизни, чувство самоэффективности, а также стратегии самовыражения в процессе виртуального общения. Эти показатели субъектной активности выступают не только как средства преобразования реальности, но и оказывают влияние на выбор способа существования личности. Предпочитаемые способы существования личности раскрывают меру ее аутентичности, подлинности через соотнесение с конкретно-историческими условиями бытия.

На основании исследования процесса самоосуществления подростков с использованием анонимного поведения в Интернет-среде, проведенного Н.С. Крамаренко, были классифицированы модусы самоосуществления – модус квази-самоосуществления (активность в он-лайн играх) и эгоцентрический модус, связанный с адаптивной манипулятивной стратегией, предполагающей саморазвитие за счет использования других людей. Н.С. Крамаренко считает, что обе стратегии создают предпосылки формирования деструктивного модуса самоосуществления [6].

Согласно нашим исследованиям, за всеми возможными индивидуальными вариациями ориентации личности как субъекта виртуального общения просматриваются два основных предпочитаемых способа ее позиционирования – объектный и субъектный. Объектное позиционирование личности связано с доминированием объектного полюса в отношении к себе и к другим и является потенциально опасным, порождая негармоничное отношение с миром. Субъектное позиционирование предполагает установление отношений с миром целостным, а не фрагментарным способом, детерминированность поступков, выбор гуманистических форм расширения своей бытийности и осознание границ своей ответственности [3].

Выборку исследования составили 98 подростков, в возрасте от 13-ти до 14-ти лет. Использованы следующие методики: методика FIRO В. Шутца (в адаптации А. Рукавишниковой «Опросник меж-

личностных отношений»); тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (СЖО), авторский опросник «Протестная активность личности» (ПАЛ), Опросник «Восприятие Интернета» Е.А. Щепиной, социометрия. Применен корреляционный анализ по Спирмену и регрессионный анализ.

Обнаружилось, что уровень включенности в интернет-взаимодействие имеет значимые отрицательные связи со всеми шкалами методики В. Шутца ($p < 0,01$): со шкалой выраженности своего поведения в области включения (Ie); со шкалой требуемого от партнера поведения в области включения (Iw), а также со шкалами контроль (Ce), контроль (Cw), Ae аффект и Aw аффект. Определены значимые связи сетевого статуса со шкалами Цели ($r = - 0,217$; $p < 0,05$), Результат ($r = - 0,400$; $p < 0,01$), индекс осмысленности жизни ($r = - 0,226$; $p < 0,05$) методики СЖО; с социометрическим статусом ($r = 0,226$; $p < 0,01$) и оппозицией ($r = 0,263$; $p < 0,01$) методики ПАЛ. Полученные данные свидетельствуют о том, что подростки с высокой активностью в Интернет-среде не стремятся к вовлеченности и причастности к чужой жизни, у них отсутствует потребность в установлении широких социальных контактов, слабо выражено желание быть принятым другими. Отмечена склонность к поверхностным эмоциональным контактам, отсутствие привязанности, непринятие других и оппозиционный настрой. Для подростков, проявляющих высокую активность в сети, характерен симптомокомплекс примитивного, поверхностного общения защитно-дефицитарного типа, проявляемого в неспособности к включенности в социальные взаимоотношения, к лидерству и влиянию. На фоне отсутствия истинного диалога с Другим отмечены узость временного континуума жизни, отсутствие целей и перспектив в будущем, низкий уровень осмысленности жизни, ощущение «сиюминутности» жизни, что указывает на обрыв временной перспективы и следование стереотипной интерпретации «жизнь одним днем». Регрессионный анализ целевой переменной сетевого статуса, выявил сходную конфигурацию значимых предикторов, среди которых отрицательный вклад Ae аффекта ($\beta = - 0,301$; $p < 0,01$) и Цели ($\beta = - 0,569$; $p < 0,01$) и положительное влияние шкалы Управляемость жизни ($\beta = 0,527$; $p < 0,01$). Полагаем, что перечисленные симптомы предстают не как независимые явления, а служат выражением личности подростка в целом.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в виртуальной активности подростки не чувствуют себя подлинными субъектами бытия, поскольку не ориентированы на проявления субъектности в области включения и контроля в виртуальной коммуникации и занимают объектную позицию в области аффекта, проявлений привязанности, эмпатии, принятия. Примечательно, что эти проблемы и противоречия не осознаются и не рефлексированы подростками, увлеченными Интернет-общением. Наряду с этими качествами ощущение высокого сетевого статуса сильно обедняет личность и дает ложное представление о самоконтроле и способности управлять своей жизнью, о собственной успешности, создавая лишь иллюзию самореализации и продолженности своего бытия в субъективный мир. Иллюзорная свобода выбора на фоне низкого реального статуса, неумения устанавливать гармоничные отношения с миром, оппозиции и пренебрежения к другим свидетельствуют о глубоких искажениях в ценностно-смысловой сфере. В связи с этим, активное виртуальное взаимодействие, заменяющее истинное диалогическое общение, способствует формированию *ложной субъектности*, основанной на неадекватном представлении о себе, манипуляции и самореализации за счет других [3]. Этот вывод соотносится с представлением Н.С. Крамаренко о негармоничной и противоречивой субъектной позиции, выражаемой в эгоцентричной позиции – доверии себе и недоверии к миру [8], что дополнительно подчеркивает объектное позиционирование личности и неуспешность ее самоопределения в виртуальном пространстве бытия.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
2. Горький М. Люди наедине сами с собой / Рассказы, очерки, заметки из дневника. Воспоминания. 1921-1924. Т. 15. М.: Изд-во художественной литературы», 1951.
3. Гусейнов А.Ш. Проявления субъектности в формах протестной активности личности // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5.
4. Игнатьева Э.А. Выявление уровня сформированности умений виртуального общения молодежи // Психологическая наука и образование. 2011. № 4.
5. Изотова Е.И. Особенности виртуального общения современного подростка: предикторы выбора // Мир психологии. № 3. 2010.
6. Крамаренко Н.С. Самоосуществление человека в условиях реального и виртуального мира: субъектный подход: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2014.

7. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2003.
8. Рябикина З.И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающихся личность противоречий // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2.
9. Рябикина З.И., Е.И. Богомолова Е.И. Возможные изменения субъектной позиции личности в связи с нарастающей виртуализацией ее бытия // Человек. Сообщество. Управление. № 2, 2013.
10. Рябикина З.И., Танасов Г.Г. Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее со-бытия с Другими (конструктивная версия постмодернистских настроений) // Человек. Сообщество. Управление, 2010. № 2.
11. Фоменко Г.Ю. Модусы бытия личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар, 2010.

ОСОБЕННОСТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Зернова Т.И., Румянцева К.С., Приходько М.А., Лисовая А.А.

Ключевые слова: самоопределение, жизнестойкость, юношеский возраст.

В современном обществе произошли за последние десятилетия изменения во всех сферах жизнедеятельности человека. Эти изменения способствуют формированию и развитию субъектности личности, преобразующей социальную действительность [2, 4]. Направление современности на повышение качества жизни, расширение возможностей человека во всех областях обусловлено развитием человеческого потенциала. Профессиональное и жизненное самоопределение личности играет главную роль в сфере развития человеческих ресурсов, поскольку его часто отождествляют с созреванием, формированием, саморазвитием, самосовершенствованием и жизнестойкостью [1], [5].

Проблема становления субъектности в юношеском возрасте многогранная и требует комплексного исследования, направленного на поиск оптимальных условий для формирования жизнестойкости и готовности юношей к жизненному и профессиональному самоопределению [3, 6].

Цель исследования - определить особенности формирования самоопределения, самосознания, жизнестойкости и ценностных ориентаций в юношеском возрасте. Методы диагностики: методика исследования самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантिलеева, методика исследования самооценки личности С.А. Будасси, опорник терминальных ценностей И.Г. Сенина, методика многофакторного исследования личности Р.Б. Кеттелла, Шкала экзистенции А. Лэнгле и К. Орглер, опросник «Якоря карьеры», методика «Диагностика мотивационной структуры личности» В. Э. Мильмана, методика МИС, тест жизнестойкости, методика С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева и шкала базовых убеждений личности, Р. Янофф-Бульман, адаптация М.А.Падун, А.В. Котельникова.

В результате анализа полученных данных выявлено, что у учащихся 9 класса начинает активно развиваться рефлексия, но слабо выражена личностная значимость ценностей, им свойственны ситуативные потребности и нестабильные эмоции. Возрастает способность к рассуждению и поиску возможных действий, направленных на достижение цели.

У учащихся 10 класса возрастает способность дистанцироваться по отношению к себе. Они более реалистично и ясно видят происходящее с ними. Личностные ценности для них более значимы. Возрастает способность в поиске возможных вариантов дальнейших действий.

Ученики 11 класса проявляют способность объективно оценивать и анализировать происходящие события, не поддаваясь эмоциональным порывам. Наблюдается эмоциональное переживание ценностей, проявление целеустремленности. Их деятельность продиктована внутренним локусом контроля.

Показатели «самотрансценденция», «экзистенциальность» достоверно выше у учеников 10 класса по сравнению с 9 классом, что свидетельствует о формировании у них общей эмоциональной направленности. Увеличивается эффективность принятия решений, что говорит о том, что юноши и девушки взрослея, получают жизненный опыт и могут более успешно анализировать происходящее вокруг и вырабатывать тактику действий, направленную на решение оперативных задач. Показатели «самотрансценденция», «свобода», «персональность», «экзистенциальность» и общий показатель возрастают в 11 классе по сравнению с 9-10 классами.

Данная динамика свидетельствует о том, что у учеников 11 класса эмоционально обогащается внутренний мир, в связи с этим развиваются ценностные ориентации и формируется эмоциональный фундамент дальнейшей взрослой жизни. Юноши и девушки помимо предметных чувств, способны

переживать мировоззренческие чувства, глубже ощущают эмоциональную значимость своих ценностей, ставят перед собой дальнейшие жизненные цели, проявляя способность к стратегическому планированию, выстраивая свою деятельность исходя из своих потребностей, склонностей, своего представления об успешном будущем. Тем самым они проявляют самостоятельность, умение принимать важные решения и нести за них ответственность, в первую очередь перед самим собой. Они стоят на пороге взрослой жизни, и все больше проявляют открытость к миру, готовность отвечать на его вызовы, справляться с трудностями, преодолевать себя и добиваться своих целей.

При определении особенностей жизнестойкости в юношеском возрасте обнаружен высокий уровень самосознания, сформировано мировоззрение. Вовлеченность юношей и девушек побуждает к интенсивной перестройке взаимоотношений с окружающими людьми. Юноши менее импульсивны в своих поступках, более рационально подходят к предстоящим задачам, гораздо больше развита независимость и самостоятельность. Результаты исследования базовых убеждений зафиксировали наличие более четкой системы знаний о мире у девушек больше веры в то, что мир полон добра, юноши меньше доверяют миру, следовательно, ниже показатель справедливости. Образ «Я» имеет развитый уровень самосознания, саморегулирования. Удача в большей степени контролируется происходящими событиями, юноши и девушки убеждены, что мир подчиняется определенным законам и человек может добиваться своих целей. Выявлена положительная взаимосвязь между показателями жизнестойкости и базовыми убеждениями личности.

При исследовании особенностей профессионального самоопределения выявлено, что для девятиклассников-мальчиков, в отличие от девочек, характерно стремление к самостоятельности, для них важно сохранить свою независимость, свободу в принятии решений и выбора действий, поэтому для них предпочтительней работа, где не требуется строго подчиняться правилам и есть возможность сохранить свою независимость. Они готовы к конкурентным отношениям, чтобы была возможность проверить свои силы, была здоровая конкуренция, основанная на мастерстве, что вполне согласуется с мужской гендерной ролью. У юношей и девушек, заканчивающих 11 класс, увеличилась значимость профессиональной компетенции, что может быть связано с тем, что, взрослея, ребята начинают правильно расставлять приоритеты и понимать ценность, значимость профессиональных знаний и то, каким образом они могут повлиять на их дальнейшую профессиональную карьеру.

В результате исследования мотивационной направленности учащихся, заканчивающих 9-й и 11-й класс, нами установлено, что у девятиклассников преобладает житейская направленность личности, что говорит об их незрелости как личной, так и социальной, а у одиннадцатиклассников наибольшую значимость приобретает рабочая направленность, поскольку активизируется их профессиональная позиция, для них становится жизненно важным выбор профессии, чтобы в дальнейшем была возможность занять достойное место в жизни, построить карьеру и собственную благоустроенную жизнь.

Исследования самоотношения учащихся 9-х и 11-х классов позволило установить, что одиннадцатиклассники, в отличие от девятиклассников, проявили себя как зрелые личности, хорошо осознающие своё «Я». Для них характерна развитая рефлексивность и критичность, отчетливо переживающие собственное «Я», относятся к себе с чувством симпатии, испытывают чувство полного согласия со своими внутренними побуждениями, а также принимают себя такими, какие есть, пусть даже с некоторыми недостатками. В целом самоотношение у ребят из 11-х классов уже сформировалось, и они готовы к жизненному и профессиональному самоопределению.

В результате корреляционного анализа мы установили, что сформированность самоотношения способствует усилению рабочей направленности и способствует развитию конструктивных карьерных ориентаций, направленных на достижения в социальной сфере у выпускников 11-х классов. У девятиклассников, незрелость личностной позиции, несформированность самоотношения ослабляют рабочую направленность и приводят к сложностям в профессиональном самоопределении.

Библиографический список

1. Батулин Н.А., Башкатов С.А., Гафарова Н.В. Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник ЮУрГУ. Серия Психология. Челябинск. 2013. Т. 6. № 4.
2. Бондарева М.Ю., Ткач Е.Н. Особенности субъективного переживания эмоционального благополучия в подростковом возрасте // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4. Педагогика и Психология. 2014. №3.

3. Борисенко О.В., Матерова Т.А., Ховалкина О.А., Шамардина М.В. Особенности формирования жизнестойкости и совладания с трудными жизненными и стрессовыми ситуациями несовершеннолетних в образовании. Барнаул. 2014.

4. Каширский Д.В. Психология личностных ценностей: дисс. ... д-ра психол. наук. М. 2014.

5. Одинцова М.А. Психология жизнестойкости: учебное пособие. М.: Флинта, 2015.

6. Сахарова Т.Н. Особенности смысложизненных ориентаций в подростковом и юношеском возрасте // Среднее профессиональное образование. 2013. №8.

УСЛОВИЯ АКТИВИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Ковалева Н.В.

Ключевые слова: субъектная идентичность, субъектность, подростковый возраст, личность, эффективность развития.

Подростковый возраст уникален по своей значимости в системе психического развития и становления личности. В этот период, благодаря идентификации, у подростка структурируются уже имеющийся психический опыт, разрозненные представления о себе и окружающем мире, предпринимаются попытки понять свое предназначение в пространстве Бытия и интегрироваться в него.

Успешность интеграции во многом зависит от того, каким образом подросток идентифицирует Других относительно себя и себя относительно Других, т.е. личностной идентичности. Э. Эриксон подчеркивал, что в этом возрасте «чувство идентичности эго есть накопленная уверенность в том, что внутренняя тождественность и непрерывность, подготовленная прошлым индивидуума, сочетается с тождественностью и непрерывностью значения индивидуума для других, выявляемого в реальной перспективе «карьеры» [5; с. 250]. Но в современном обществе «перспективы карьеры» открываются, в первую очередь, перед конкурентоспособной, жизнестойкой личностью, обладающей субъектными качествами, поэтому современному подростку, наряду с личностной, важно сформировать субъектную идентичность, обеспечивающую тождественность самому себе в деятельности,

Рябикина З.И. отмечает, что любая идентичность включает в себя три составляющие: а) образ мира, структурированный в соответствии с тем ракурсом, который задает место играемой роли в социальной системе; б) поведенческие модели, соответствующие месту личности в социальной системе; в) социально предписанные социумом чувства, выражающие «правильное» отношение к происходящему [4]. Если все три компонента согласованы между собой во внутреннем пространстве личности, то она в своем бытии гармонична, адекватна, успешна. В противном случае мы наблюдаем смешение ролей, спутанное поведение и деструктивные переживания, рассогласование отношений. У подростков стремление снизить рассогласование личностных отношений в значимых для них сферах отношений (к себе, к другим, к собственной деятельности) часто приводит к аддиктивному поведению [1].

В.Д. Менделевич среди личностных особенностей подростков, способствующих формированию зависимого поведения, выделяет внушаемость, подражательность, упрямство, нетерпеливость, склонность к риску, страх быть покинутым, любопытство, максимализм, эгоцентризм, инфантилизм как незрелость психики, проявление наивного подхода к жизненным ситуациям, неумение принимать своевременные и обдуманые решения, нежелание брать на себя ответственность за свою жизнь и поступки [3].

В этих обстоятельствах при пассивной позиции окружающих и самого подростка у него закрепляется незрелость психики, формируются внушаемость, склонность к зависимостям, поэтому не вызывает сомнений актуальность специально разработанных профилактических и коррекционных программ для подростков по развитию их субъектности, в том числе и субъектной идентичности.

На базе Центра социально-психологических проблем НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета были созданы и реализованы несколько таких программ-проектов. Наиболее интересные среди них следующие: - проект-победитель конкурса грантов Президента РФ для НКО «Я здоров – я успешен!» - здоровьесберегающая и социально-психологическая технология адаптации к самостоятельной жизни в гражданском обществе детей-сирот, и детей, оставшихся без попечения родителей» (2014 г); - «Формирование библиотеки современных технологий антинаркотического воспитания и защиты подростков» (2015 г.); - проект-победитель Общероссийского конкурса профилактических программ в сфере охраны психического здоровья детей и подростков «Здоровое поколение»

«Компас внутри меня: программа тренинга для подростков по формированию психологической устойчивости к аддикциям» (2015 г.).

Общая цель этих программ - развитие личностной идентичности как познания и принятия самого Себя на фоне Других, и субъектной идентичности как познания и принятия собственного деятельностного потенциала. Эти личностные характеристики проявляются в социальной компетентности, умении самостоятельно эффективно регулировать свои мысли, чувства и поведение в соответствии с обстоятельствами. В нашем понимании саморегуляция и субъектная идентичность рассматриваются как взаимосвязанные, но не идентичные понятия: саморегуляция понимается как способность регулировать степень и направленность своей активности в ситуациях взаимодействия, а субъектная идентичность – как способность формировать и поддерживать личностный смысл, аутентичность собственных действий, тактики и стратегии поведения личности, что составляет основу ее психической устойчивости, жизнестойкости и жизнеспособности [2].

Программы были построены таким образом, что первая группа подростков-участников проходила обучающий тренинг, участвовала в роли организаторов в разработке следующих программ и реализовывала их со второй группой подростков (каскадный метод). В процессе реализации проводилась диагностика участников – анкетирование, наблюдение, анализ продуктов деятельности, контент-анализ записей рабочих тетрадей подростков, самоотчеты, экспертная оценка. В результате были выявлены особенности, связанные с проблемой формирования субъектной идентичности личности в подростковый период.

Во-первых, у современных подростков переживание нормативного возрастного кризиса усиливается информационным кризисом, связанным с избытком и доступностью в СМИ как конструктивной, так и деструктивной для их развития информации. Те, у кого не сформированы внутренние смысловые регуляторы и критерии, не умеют ее правильно отбирать, анализировать и безопасно «плыть» по информационному потоку, оставаясь невеждами

Во-вторых, подростки далеко не все и не всегда способны определить различия между конструктивными привязанностями (дружбой, любовью, ответственность и т. д.) и деструктивными зависимостями (видимость дружбы, избирательная ответственность, субъективность, двойственность в оценках). Бессознательно подменяя «Прекрасное» «Безобразным», подростки путают привязанности и зависимости. Это объясняется тем, что компоненты идентичности (структурированный образ мира, соответствующие поведенческие модели, и «правильное» отношение к происходящему) еще не усвоены, эмоциональный компонент установок подростков доминирует над информационно-интеллектуальным, в результате снижается уровень критичности и способность предвидения опасных последствий. Следуя за ложными авторитетами, подростки легко могут поддаться манипуляциям, слепо усвоить чужие цели, стереотипы поведения и отношений, сформировать квазипотребности.

В-третьих, субъектная идентичность как способность формировать смыслы и значения своей деятельности, выбирать способы и меру их реализации в соответствии с ситуацией, у подростков находится в стадии становления. Возникает проблема определения меры реализации той или иной привязанности. Интерес подростка переходит в увлеченность, минует границы достаточности, и подросток не может контролировать время занятия, насытиться результатом. В этом случае целью становится сама деятельность, а ее результат теряет границы завершенности и не может удовлетворить лежащую в основе потребность. Подросток не может остановиться самостоятельно, его деятельность становится чрезмерной и разрушительной. Примером таких явных или скрытых привязанностей, трансформирующихся в зависимости, могут служить: – зависимость от отличных оценок, стремление к постоянному признанию, вниманию; виртуальные и другие компьютерные игры; виртуальное общение в сетях; телемании (не могут контролировать время, проводимое перед телевизором); перфекционизм; конформизм (зависимость от группового мнения, авторитетов), чрезмерные эмоциональные привязанности и т.д.

Анализ результатов реализованных программ и проектов показал, что для активизации развития субъектной идентичности личности подростков эффективными оказались следующие условия:

1. Включенность подростков в разработку содержания программ (мероприятий), в творческую работу микрогрупп по их подготовке и проведению;

2. Вовлеченность в командную профилактическую интерактивную деятельность со сверстниками и младшими подростками. Интерактивная деятельность подразумевает такую индивидуально-совместную деятельность, которая в процессе выполнения творческих заданий актуализирует личный опыт и знания личности, способствует освоению и развитию новой теоретической научной информации. Это позволяет подросткам – участникам сделать новые открытия для себя, в себе и в

других, стать способными выделять и отличать негативные и позитивные признаки взаимодействия, делать правильный выбор в критической ситуации.

3. Увлеченно-творческая атмосфера и корпоративность, которые способствуют поддержанию баланса позитивных эмоциональных отношений, развитию аффективно-коммуникативной культуры межличностного общения участников, принятию себя и других.

4. Забота, внимание к интересам и результату деятельности каждого участника тренинга (и взрослых, и подростков), способствующие самопринятию, укреплению психической устойчивости личности подростков.

5. Личная (персональная) ответственность за результат как признание личных достижений и личностного роста, также способствующие укреплению субъектной идентичности.

6. Личное влияние тренеров (и подростков, и взрослых) в сочетании с признанием уникальности и неповторимости личности каждого участника, его ценности.

7. Обучение подростков организационным и методическим навыкам:

а) на рабочих встречах (семинарах) перед проведением мероприятий обсуждаются подготовленные подростками материалы к мероприятиям (станциям, студиям). При необходимости для закрепления у подростков лидерских качеств, организаторских навыков, снятия психологических барьеров упражнения и задания проигрываются на занятии. В случае затруднения подростки получают от специалистов профессиональные советы, рекомендации, методические подсказки и эмоциональную поддержку.

б) индивидуальные организационно-методические и психологические консультации подростков. Взрослые участники оргкомитета между рабочими встречами и мероприятиями программы индивидуально координируют и наставляют подростков в подготовительной деятельности, включая оформление и изготовление методического инструментария.

в) анализ проведенных мероприятий. После каждого мероприятия среди членов рабочей группы проводится групповая рефлексия, где каждый участник-организатор (подросток, взрослый) оценивает свой новый опыт, определяет свои недоработки и успешные моменты, получает советы и подсказки от коллег. Взрослые участники должны выделить и обратить внимание всех на удачные и интересные стороны в работе каждого подростка, поддержать и подсказать, как избежать неудачных моментов в следующий раз, обратить внимание на факты взаимопомощи, сплоченности, удачных экспромтов.

г) создание развивающей социально-психологической среды, уважения и ценностного отношения к каждому участнику программы, его личности, опыту, мнению, предложениям, создание «пространства» творчества, обеспечение возможности общения и взаимообогащения участников, так как в программе и взрослые, и дети являются как авторами программы, так и объектами, на развитие которых направлено ее действие.

5. Активное использование универсальных психических механизмов воздействия:

а) заражение - переживание комплекса личностного принятия (нужен, могу, значим), энтузиазм, увлеченность, конкуренция, корпоративность;

б) подражание – следование алгоритмам проектной работы, лучшим образцам поведения друг друга;

в) внушение - усвоение аксиом взаимодействия и приемов личного влияния;

г) убеждение – поиск и оперирование достоверными фактами и информацией, дискуссии и объяснение своих позиций, предложений, выводов и умозаключений.

В итоге подростки-тренеры (25 учащихся 14 – 15 лет МБОУ СОШ №3 г. Майкопа) в «Анкете самооценки компетенций тренера» указали, что у них заметно повысились показатели коммуникативных компетенций (умение доступно и содержательно представлять информацию, способность публично выражать собственное мнение, умение слушать, анализировать и обобщать то, что говорят другие), организационно-управленческие компетенции (умение готовить занятия, выбирать и распределять поручения, умение контролировать выполнение заданий в тренинге) эмоциональные компетенции (умение контролировать и грамотно выражать свои эмоции, способность управлять эмоциональным состоянием участников тренинга), когнитивные компетенции (знание и понимание содержания тренинга и каждого занятия в отдельности, умение наблюдать за другими ведущими, анализировать их работу в тренинге, учиться у других тренеров). Оценки экспертов (тренеры-психологи, социальный педагог, учителя-предметники) также подтвердили положительные изменения в поведении и деятельности подростков – участников тренинга. Таким образом, указанные условия показали свою эффективность, их рекомендуется применять в повседневной работе с подростками.

Библиографический список

1. Воронцова О.Г. Динамика развития и скрытая профилактика девиантного поведения у подростков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2010. № 4.
2. Ковалева Н.В., Деткова И.В., Леонтьева А.В. Формирование субъектной идентичности подростков в процессе тренинга «Компас внутри меня» // Казанский психологический журнал. 2016. № 1-2.
3. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология: Учебное пособие. М., 2008.
4. Рябикина З.И. Личностная идентичность в изменяющемся пространстве бытия (социально-психологические эффекты украинского разлома) // Личностная идентичность: вызовы современности / под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Краснодар: Кубанский гос. ун-т; М.: Институт психологии РАН, 2014.
5. Эрик Г. Эриксон. Детство и общество. СПб.: ЛТД «Летний сал», 2000.

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА В РАЗНОВОЗРАСТНОЙ ГРУППЕ СЕМЕЙНОЙ ЛОГОПСИХОТЕРАПИИ

Кругликова А.Ю.

Ключевые слова: личность подростка, разновозрастная группа, семья, логопсихотерапия.

Развитие личности в коллективе предстает как процесс социализации, в котором общество опосредованно (через коллектив) задает развивающейся личности некоторые общие принципы восприятия и интерпретации мира, определяет значение тех или иных аспектов жизни, формирует направленность на определенные ценности. Сплоченный коллектив способен расставлять приоритеты развития для всех своих членов, но и сама личность выступает как совокупность внутренних условий, через которые преломляются внешние социальные воздействия. В связи с этим, как отмечает А.А. Реан, невозможно говорить о социализации вне ее единства с процессом индивидуализации – обретения личностью собственной индивидуальности [6]. Д.И. Фельдштейн также рассматривает процесс личностного развития как единство социализации – индивидуализации ребенка на пути его взросления [8].

Особое пространство для развития личности складывается в групповой психотерапии как составной части комплексных систем реабилитации подростков с разнообразными невротическими нарушениями, в том числе заиканием (В.А. Гарбузов, Э.Г. Эйдемиллер и др.) [2; 9]. Большинство подобных групп формируется на основе возрастного принципа, когда разница в возрасте пациентов не более двух лет. Принципиально иной подход к формированию группы сложился в рамках системы семейной групповой логопсихотерапии Н.Л. Карповой (в основе ее – методика групповой логопсихотерапии Ю.Б. Некрасовой) [3; 5]. Рассматривая заикание как особую форму невротического нарушения общения на коммуникативном, перцептивном, интерактивном уровне, данная система реализует процесс его восстановления как активную творческую деятельность самого пациента по избавлению от речевого дефекта.

Идея разновозрастного коллектива, ее теоретическая и практическая разработка принадлежит А.С. Макаренко, что является основой его стройной методологической концепции воспитания и перевоспитания личности. Его успешный опыт свидетельствует, как социальная группа, состоящая из людей разного возраста, в своей совместной социально значимой деятельности конструирует и изменяет систему межличностных отношений и межличностного взаимодействия, становясь коллективом. Идеи «совместной педагогики», построенной на уважении к личности, отличают и педагогическую систему В.А. Сухомлинского, который рассматривал коллектив как сложную духовную общность людей, которые стоят на разных ступенях интеллектуального, идейного, морального, общественного, трудового, эстетического развития, людей с разными потребностями и интересами, а разновозрастность коллектива как важный развивающий принцип обучения и воспитания.

Принципы выдающихся педагогов во многом определяют со-бытие подростков и взрослых в группах семейной логопсихотерапии, цель которых восстановление полноценного общения у лиц, страдающих заиканием. Ю.Б. Некрасова на материале процесса социореабилитации заикающихся подростков и взрослых дает теоретическое обоснование значимости разновозрастной группы как «коллективного психотерапевта» [5]. Позднее Н.Л. Карпова на примере групп семейной логопсихотерапии, объединяющих заикающихся пациентов от 8 до 45 лет, их родителей и родственников, рассматривает принцип разновозрастного психотерапевтического коллектива и совместной педагогики

как общий принцип процесса социореабилитации [3]. Наш более чем пятнадцатилетний опыт работы с подобными группами также убеждает в значительном потенциале разновозрастных групп для социализации и развития личности подростка в общем логопсихокоррекционном и терапевтическом процессе по преодолению заикания [7]. На наш взгляд, группы, в которых присутствует определенный «градиент возрастнo-специфических образцов поведения» с практически открытым верхним порогом (по А.Г. Лидерсу), отвечают возрастной специфике подростковой стадии онтогенеза [4]. Это: большой разброс темпов развития, уровня социальной, половой и личностной зрелости, потребность в установлении доверительных диалогических отношений, как со сверстниками, так и со значимыми взрослыми, поиск баланса близости-автономии. В такой разновозрастной группе создаются оптимальные условия взросления подростка.

Современная логопсихотерапевтическая группа функционирует как культурно-обусловленная модель семьи с четко определенными социальными ролями: «дети» – пациенты (подростки с 10 лет и взрослые), «родители» – родственники пациентов независимо от возраста, «старики» – выпускники прошлых групп, помогающие осуществлять психологическую поддержку участникам группы. Таким образом, группа объединяет людей разного возраста, пола, уровня образования и культуры, социального статуса, профессиональной принадлежности, что позволяет ей быть моделью многогранных жизненных отношений.

Активное включение в логопсихотерапевтический процесс родителей и ближайших родственников подростка обеспечивает ему необходимую помощь и поддержку на всех этапах курса реабилитации. «Разделение» семьи в разных видах работы, разрушение сложившихся симбиотических отношений, стимулирование «автономии» подростка актуализируют процесс осознания своих личностных проблем всеми членами семейной системы и побуждают их сделать выбор в пользу принятия ответственности за их решение на себя. Внутри группы происходит диагностика и коррекция детско-родительских отношений, а в дальнейшем – формирование нового образа друг друга и опыта взаимодействия на принципиально иных основах.

Особенностью социальной среды в разновозрастной группе является ее сложная внутренняя структура (ансамбль двух социально-психологических подсистем: «взрослый – ребенок» и «ребенок – ребенок»). Поэтому становление элементов взрослости у подростка происходит одновременно в двух системах отношений: со взрослыми и сверстниками. Демонстрируемые в группе эталоны взрослого поведения (внешние, возрастные, морально-этические, полоролевые) начинают рассматриваться в прямом отношении подростка к самому себе и выступают как образцы для подражания. Эффект фасилитации речевых и личностных изменений у подростка является умноженным, поскольку в роли фасилитаторов выступают не только логопсихотерапевт, но и взрослые участники группы. Также внутригрупповая идентификация у подростка может идти в направлении уподобления личностным и поведенческим образцам, которые демонстрируют их сверстники («старики»).

Указанная специфика логопсихотерапевтической группы является элементом психологического и терапевтического воздействия на подростков, будучи адекватной их возрастным доминантам: стремление занимать взрослую позицию, направленность на самого себя, рост сознания и самосознания, обретение целостного представления о себе (Я-концепция) и др. Разновозрастное сообщество группы представляет собой социально приемлемое «место» взросления подростка, в котором реализуется его потребность в самопознании, саморазвитии, самовыражении, открывается возможность для построения собственных авторских действий, начиная от постановки целей и заканчивая достижением результата – преодоление заикания.

Микросоциум группы функционирует в едином коммуникативном пространстве на принципах диалогического общения, стимулирующего атмосферу взаимного принятия и взаимной ориентации на Другого. Подростки начинают видеть себя во взаимодействии с другими и в зеркале отношений и действий других – это не только постоянные участники группы, но и «гости» (широкий круг посторонних, но заинтересованных лиц). Благодаря открытости группы к общению с людьми разных профессий, жизненного опыта, разных взглядов, мнений, вкусов подросток оказывается в среде «множественности культур». Правильно выстроенный диалог внутри группы предстает «как форма общения людей, в которой голос каждого человека, выражающего свои представления о мире, является незаглушимым и важным для всех» (по М.М. Бахтину).

Ведущая роль в саморазвитии личности подростка принадлежит межличностному внутригрупповому развивающему общению, механизмом которого является безоценочный доверительный диалог (А.А. Бодалев) [1]. При поддержке логопсихотерапевта происходит центрация на каждом участнике группы, фокусируется внимание на его мыслях, чувствах, позициях. Подросток оказывает

ся способным реализовать свою зону ближайшего развития и увидеть перспективы саморазвития. Благодаря этому очень быстро осуществляется смена социальной позиции с пассивно-ученической, «объектной, на активную «субъектную» позицию. Становясь субъектом своего собственного излечения и развития, личностного преобразования, подросток берет на себя ответственность за построение собственного диалогического общения и за его результаты.

Усиление у подростков тенденций к саморазвитию происходит постепенно. Они стимулируются, с одной стороны, логопсихотерапевтом (жесткость и безальтернативность требований, установка на рефлекссию и взаиморефлексию, ведение дневниковых записей, использование видео- и аудиозаписей, организация самодиагностики пациента по этапам работы за день, анализ групповых процессов), с другой стороны, возрастными и индивидуально-личностными характеристиками. Также можно говорить и о тенденциях к саморазвитию, связанных с социокультурными характеристиками (особенности семейного воспитания, образовательный и культурный уровень родителей и ближайших родственников, сфера жизненных приоритетов и ценностных ориентаций семьи и социальных институтов, к которым принадлежит подросток). Направляемый логопсихотерапевтом особый вид деятельности – самовоспитание – в дальнейшем поддерживается за счет влияния ближайшего окружения.

Широкие терапевтические возможности разновозрастной группы реализуются в той мере, в какой психотерапевтический процесс учитывает возрастные психологические особенности подростков: недостаточная абстрагированность мышления, редуцированность долгосрочной памяти, преобладание непроизвольного внимания, своеобразие мотивации, трудности целеполагания, малый жизненный опыт. Практика работы с разновозрастными логопсихотерапевтическими группами позволяет сформулировать ряд психологических подходов, учитывающих своеобразие подросткового возраста: принятие подростка таким, какой он есть, опора на зону ближайшего развития, использование в диалогическом общении позиции «взрослый – взрослый», приобщение к культурным и духовным ценностям, повышение психологической компетентности, обучение экспресс-методам самодиагностики, развитие когнитивных психических процессов, предпочтение телесно-ориентированных техник, органичное сочетание различных вариантов психологического тренинга (тренинг уверенного поведения, тренинг коммуникативных навыков, аутотренинг).

Многогранный, интенсивный, во многом творческий процесс в разновозрастных группах семейной логопсихотерапии организуется как интерпсихические субъект-субъектные взаимодействия внутри группы. Но этот процесс также инициирует взаимовлияние интрапсихических процессов – развития и саморазвития участников группы, в том числе подростков. Благодаря этому удается поддерживать их мотивационную включенность в реабилитационную работу и актуализировать высокий уровень интрагенной активности на всех этапах курса семейной групповой логопсихотерапии.

Таким образом, разновозрастная логопсихотерапевтическая группа строится на принципах: объединение пациентов-взрослых и пациентов-подростков в процессе реабилитации, создание особого взросло-детского пространства на основе совместного творчества и сотрудничества, включение родителей с самого начала работы, открытость группы, феномен «стариковства», являющийся подросткам образ их желаемого будущего, мотивирующий их к субъектной позиции в деле собственного излечения.

Наш опыт работы с подростково-взрослыми группами семейной логопсихотерапии дает подтверждение в том, что любая просоциальная группа, имеющая возрастной и социальный градиент, предполагающий разброс не только по возрасту, полу, но и по опыту, уровню образования и компетентности, по разнообразию личностных смыслов и жизненных стратегий, – обладает широкими социокультурными, педагогическими и психологическими возможностями для гармоничной социализации и индивидуализации ее членов, в том числе подростков. Разновозрастность группы является важным фактором психологической работы и расширяет её терапевтические возможности в процессе социальной реабилитации подростков с невротически нарушенным речевым общением.

Библиографический список

1. Бодалев А.А. Личность и общение. М., 1995.
2. Гарбузов В.И. Практическая психотерапия. СПб.: АО «Сфера», 1994.
3. Карпова Н.Л. Основы личностно-направленной логопсихотерапии. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: МПСИ: Флинта, 2003.
4. Лидерс А.Г. Психологический тренинг с подростками: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: «Академия», 2003.

5. Некрасова Ю.Б. Психологические основы процесса социореабилитации заикающихся: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1992.
6. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб: Питер Ком, 1999.
7. Семейная групповая логопсихотерапия: исследование заикания / под ред. Н.Л. Карповой. М.; СПб.: Нестор-История, 2011.
8. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. М.: МПСИ: Флинта, 1999.
9. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 1999.

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ТИПОВ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В ДЕТСКО-МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ¹

Миронова Т.И., Фетискин Д.Н.

Ключевые слова: личностные детерминанты, типы правового нигилизма, детско-молодежная среда.

Правовой нигилизм, особенно его деструктивные формы, способен трансформироваться в деструктивную оппозиционность, экстремизм, негативно отражающиеся на качестве безопасности социальных групп и общества в целом. В этой связи немаловажным аспектом в решении данной проблемы является изучение личностных параметров, определяющих психологическую структуру, выделенных нами активно-деструктивных, пассивных и критически – разрешающего типов правового нигилизма. Однако, основной целью данного исследования является не столько выявление типологических личностных комплексов, свойственных различным типам правового нигилизма, сколько актуализация амбивалентного подхода, ориентированного на расширение диапазона позитивных потенциалов правового нигилизма. Думается, что актуализация продуктивных потенциалов личностных особенностей (креативность, инновационность, развитость воображения, коммуникативности, эмоциональной устойчивости, конструктивности и др.) у лиц с пассивными и активно – деструктивными типами правового нигилизма позволит нейтрализации деструктивно – оппозиционных проявлений и негативности их оценки в социуме с помощью механизмов, обеспечивающих включённость личностных ресурсов, и приоритетность конструктивно – творческой направленности в структуре правового нигилизма.

Следуя этому, в работе представлены личностные характеристики каждого из выделенных нами психологических типов правового нигилизма. Так, например, анализ личностных параметров, конструктивно-критического типа правового нигилизма свидетельствует о том, что данному типу присущи следующие личностные факторы: смелость, практичность, развитое воображение, высокий самоконтроль. Значимость корреляционных данных проявлялась на статистически значимом уровне ($p < 0,01$). Среди личностных факторов, свойственных данному типу и проявляемых (на уровне $p < 0,05$) преобладали следующие из них: пластичность, сдержанность, нонконформизм, нормативность поведения, адаптивность, уверенность, общительность, независимость, высокий интеллект, жесткость, радикализм и принятие других.

Исследования личностных факторов аффективно - инфантильного типа, указывает на несколько иной личностный профиль. Этому типу присущи следующие личностные особенности: податливость, подчиненность, расслабленность консерватизм, робость, доверчивость, тревожность, подверженность чувствам, конформизм и экспрессивность. Указанные факторы проявлялись на статистически значимом уровне ($p < 0,01$). К числу менее значимых личностных факторов ($p < 0,05$), выделенных в данном типе, отнесены: низкий интеллект, эмоциональная неустойчивость, ригидность, низкий самоконтроль. Анализируя данные этих двух типов правового нигилизма нельзя не отметить амбивалентность их личностного профиля. В каждом из указанных типов просматривались амбивалентные сочетания как деструктивного, так и конструктивного типов. Видимо, в дальнейшем выделенные факторы следует рассматривать не рядоположенно, а иерархически.

Личностные детерминанты активно – деструктивного или делинквентного правового нигилизма, проявляемые (на уровне $p < 0,01$), включали следующий комплекс личностных факторов: дезадаптивность, подверженность чувствами, радикализм, пассивность, доминантность, подозрительность, нонконформизм ($p < 0,01$). Факторами, обуславливающими данный тип правового нигилизма на уровне ($p < 0,05$) являлись: напряженность, эмоциональная устойчивость, жесткость, низкий само-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 160601113.

контроль, ригидность, неприятие других, прямолинейность, уверенность, общительность, эмоциональная неустойчивость.

Ригидно-консервативный тип правового нигилизма обусловлен следующим комплексом личностных факторов: консерватизм, ригидность, робость, нормативность, прямолинейность, подозрительность, подчиненность, высокий самоконтроль ($p < 0,01$). К факторам, составляющим данный тип правового нигилизма, проявляемым (на уровне $p < 0,05$), были характерны: напряженность, тревожность, низкий интеллект, неприятие других. Обобщая личностные факторы, детерминирующие данные типы правового нигилизма, необходимо отметить их амбивалентность и противоречивость. Особенно это касается эмоциональной устойчивости-неустойчивости и ригидности-пластичности. Но в целом выделенные личностные факторы каждого из типов правового нигилизма характеризуются ортогональностью и валидностью.

В процессе обобщения личностных детерминант оппозиционно-протестного типа правового нигилизма были выявлены следующие личностные факторы ($p < 0,01$), образующие его основу: независимость, низкий самоконтроль, напряженность, дезадаптивность, радикализм, нонконформизм, неприятие других. Личностными факторами, образующими этот тип (на уровне $p < 0,05$), являлись: смелость, жесткость, ригидность, прямолинейность, уверенность, общительность, подозрительность.

Личностными факторами гиперконформного типа правового нигилизма, являлись: доверчивость, тревожность, дезадаптивность, конформизм, податливость, подчиненность, чувствительность, эмоциональность, нормативность, консерватизм ($p < 0,01$). В числе личностных детерминант являлись следующие личностные факторы ($p < 0,05$): низкий интеллект, общительность, адаптивность, сдержанность, робость.

Обобщая личностные детерминанты выделенных типов правового нигилизма, необходимо отметить относительную непротиворечивость в их интрадетерминации. Амбивалентность в данных типах проявляется в сочетании полимодальных личностных особенностей типа: нормативность – дезадаптивность, сдержанность – конформизм.

Характеризуя личностные детерминанты псевдоромантического типа правового нигилизма, необходимо выделить, в нем следующие личностные факторы: низкий самоконтроль, жестокость, подверженность чувствам, экспрессивность, нонконформизм, прямолинейность, эмоциональная неустойчивость, чувствительность ($p < 0,01$). Личностная детерминация данного типа, (при $p < 0,05$), была представлена следующими личностными факторами: практичность, дезадаптивность, смелость, ригидность, уверенность.

Личностную структуру детерминант нормативно-преобразующего типа составляли следующие личностные факторы, ($p < 0,01$): смелость, дипломатичность, высокий самоконтроль, уверенность. Личностными детерминантами этого типа правового нигилизма (при $p < 0,05$) являлись следующие личностные параметры: независимость, жестокость, напряженность, радикализм, пластичность, общительность, нонконформизм.

Сопоставляя личностные детерминанты псевдоромантического и нормативно-преобразующего типов правового нигилизма, необходимо отметить их полидетерминантную ортогональность и различия в количественной представленности личностных факторов. Так, например, количество референтных личностных параметров у представителей псевдоромантического типа правового нигилизма было несколько выше, по сравнению с нормативно-преобразующим типом. Неравномерность в количественном составе личностных особенностей характерна и для других типов правового нигилизма. Однако общей тенденцией, присущей для всех типов правового нигилизма, являлась их амбивалентность как на уровне интратипного, так и интертипного сопоставления. К числу направлений дальнейших исследований, посвященных изучению типологии правового нигилизма, следует отнести создание иерархических структурно-детерминантных личностных типов правового нигилизма, а также проведение системного интракорреляционного анализа этих типов. Первая попытка такой проверки была предпринята в данном исследовании, на примере конструктивно – критического типа правового нигилизма.

Выделенные нами интракорреляционные параметры позволяют прогнозировать не только взаимосвязь между кластерными факторами, но и определять ядерные образования, свойственные тому или иному типу правового нигилизма. На примере конструктивного критического типа правового нигилизма прослеживается взаимосвязь ядерных факторов нормативности и нонконформизма, включающих целый ряд значимых личностных факторов: эмоциональная устойчивость, уверенность, социальный контроль, смелость, сдержанность, жесткость, напряженность, доминантность. Таким образом, приведённый нами интракорреляционный анализ способствовал более точному определению

типов правового нигилизма и вероятностной актуализации личностных особенностей в ситуативном поведении [1].

В целом же анализ выявленных интракорреляций обнаружил многомерность и сложность внутриличностных взаимосвязей исследуемых типов. Амбивалентность интракорреляций проявлялась в таких, например, сложных сочетаниях как: подверженность чувствам и смелость, неконформизм и консерватизм. Очевидно, именно эти амбивалентные сочетания личностных детерминант в большей степени могут способствовать актуализации протестно-оппозиционного типа правового нигилизма.

Библиографический список

1. Фетискин Д.Н. Социально – психологические детерминанты и типы правового нигилизма в детско-молодёжных группах: дис. канд. психол. наук. Кострома. 2013.

ФОРМИРОВАНИЕ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ШКОЛЬНИКОВ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА НА ЗАНЯТИЯХ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА¹

Попова Т.А.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, подросток, субъектность, творческое самовыражение.

Современное образование, ориентированное на субъект-субъектные отношения участников процесса делает необходимым инновационные формы организации обучения и создание особой развивающей среды. Об этом писал В.А.Петровский [1], который отмечал, что такая среда проектирует и проявляет развитие субъектности.

Труды отечественных психологов Л.С.Выготского, Л.И. Божович, В.В. Давыдова, Д.Б.Эльконина, Г.А. Цукерман, А.М. Прихожан, В.Э. Чудновского и др. убедительно доказывают, что особенно важным в образовательном пространстве является создание развивающей среды. В.Э.Чудновский утверждает, что именно подростковый период является тем возрастом, когда начинается процесс становления личности и именно в этом возрасте смысл жизни присутствует в виде конгломератов малых и больших смыслов [7]. Е.Е Сапогова пишет, что «лишь у небольшого количества подростков и юношей представлено в сознании ценностно-смысловое наполнение жизни (109 выборов из 240). Если о наличии смысла жизни задумываются чуть больше половины подростков, то о ее аутентичности – только треть» [5.с.85].

Важнейшим направлением психолого-педагогической поддержки является формирование смысложизненных ориентаций. И.В. Ульянова является автором оригинальной воспитательной системы формирования СЖО в общеобразовательных учреждениях [6].

Данные исследования смысложизненных категорий [2] при проведении анкетирования у подростков (анкета В.Э. Чудновского «О смысле жизни») показали, что часто используются подростками при ответах на вопросы о смысле жизни следующие категории: первое место занимают коммуникативные категории - 81,56%, т.е. при описании смысла жизни подростки, прежде всего, выделяют общение, пишут о том, как важно иметь друзей, познавать других. В 67,5% анкет преобладает категория «Статусность» - подростки подчеркивают важность для смысла жизни успешности и положения в обществе, среди сверстников, наличие авторитета. В 56,42% анкет подростки пишут, что для них смысл жизни в получении удовольствий – «побольше гулять», «играть в компьютер», «отдыхать и ничего не делать», «получать от жизни все удовольствия». «Семейные» категории отмечены в 55,86% анкет – «смысл жизни, чтобы твоей семье было хорошо», «приносить пользу семье», «смысл жизни в семейном счастье», «оставить наследство внукам», «чтобы близкие ни в чем не нуждались» и т.д. Многие школьники пишут о самореализации 51,4% (естественно таких ответов больше в старших классах): «найти себя в профессии и жизни», «быть хорошим профессионалом», «не останавливаться на том, чего достиг, совершенствоваться».

«Когнитивная» категория упоминается в 37,43% анкет: дети пишут о необходимости «познать больше», «понять людей, окружающий тебя мир», «узнать все о себе», «получить новые знания», «получать знания– из книг, от людей, из опыта, познать все стороны жизни», «развивать свои мозги». «Альтруистические» категории встречаются в 21,22% анкет. Дети пишут «чтобы другим было хорошо», «уметь пожертвовать своими интересами», «уметь отдавать все до последнего», «учитывать интересы других, близких тебе людей». 17,8% анкет свидетельствуют о достаточно высокой сформированности у их авторов экзистенциальных категорий: «ощущать свою свободу», «быть свободным»,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 16-26-01003.

«жить полной жизнью», «смысл жизни в жизни после смерти, чтобы тебя помнили», «оставить свой след», «смысл жизни в любви», «любить и быть любимой», «чтобы самому делать свою судьбу». Со статистической достоверностью установлено, что чем выше уровень осмысленности жизни, тем более значимы: альтруистические намерения ($t = 2,434$, значимость $0,016$), стремление к самореализации ($t = 4,038$, значимость $0,000$), экзистенциальность ($t = 4,082$, значимость $0,000$), отношения в семье ($t = 1,989$, значимость $0,048$) и желание познания ($t = 4,724$, значимость $0,000$). Отметим следующие тенденции (статистически значимые) – чем старше становятся подростки, тем чаще упоминаются категории: альтруизма, экзистенциальности, семейные, когнитивные.

Проведенная исследовательская и экспериментальная работа доказала наличие компонента Я-экзистенциального, включающего в себя: представление о смысле собственной жизни и отношение к ней как единому смысловому пространству; осознание своего места на этом пространстве в настоящем, прошедшем и будущем; потребность в активной реализации собственного будущего [2]

Для создания развивающей среды и формирования смысложизненных ориентаций был организован научно-образовательный проект «Смысл жизни и судьба. Как построить собственное будущее?». Проект существует уже шесть лет, в нем принимают участие школьники-подростки и с недавнего времени студенты-первокурсники. Проект имеет структуру, включающую разнообразные элементы. Теоретические основы. Это образовательная часть, в которой специалисты разных специальностей ведут занятия на определенные темы в аспекте смысложизненной проблематики. Индивидуальный проект (рисунок, макет, компьютерный вариант макета). Участники готовят свой проект и выдвигают его на обсуждение. Защищают. Практическая часть. Тренинговые упражнения, практическое закрепление материала.

Для полной реализации проекта, позволяющей выявить рефлексивную составляющую Я-экзистенциального были введены логоАрт-терапевтические элементы, а занятия несли и логоАрт-профилактическую функцию [3]. ЛогоАрттерапия – это синтез логотерапии В. Франкла [9] и антропософской арт-терапии Маргарет Хаушка. В 2001 году метод разработала и зарегистрировала бразильский арт- и лого-терапевт Марианне да Сильво Прадо [10]. В нашей работе мы основываемся на фундаментальных трудах В.Э. Чудновского, который подробно разработал и описал основные свойства феномена смысла жизни [7].

В авторских упражнениях [4] основной задачей является пробуждение рефлексивного мышления и развитие творческого потенциала. Работа с жизненными ценностями, варианты прояснения меняющихся смыслов, выражается в динамическом рисовании, в логоАрт-терапевтических живописных работах. Акцент ставится на смысложизненных ориентациях, на целостности процесса жизни и смысла жизни. Терапевтический процесс помогает осознанности и осмысленности жизни, делает возможным ощутить собственную ответственность за свое жизненное пространство и за собственное время жизни.

В.Э.Чудновский, исследуя феномен жизненного пространства личности описал три составляющих: объективную, субъективную и субъектную [8]. Изучение данных составляющих нами осуществлялось через логоАрт-терапевтическое упражнение “Дом моего будущего”. Участники семинара представляли свою работу, рассказывали о своем проекте и одним из сложных моментов было – ответить на вопросы, отстоять свой проект. Рисунок дома включал не только архитектурный стиль, варианты которых были очень креативными, но самым главным было показать – какими смыслами наполняют свое пространство подростки.

Целью методики являлось формирование у участников конкретного представления о собственных смысложизненных ориентациях, об отношении к собственной жизни, как к единому смысловому пространству жизни. Задачи 1. Создание образа собственного дома будущего 2. Развитие способности рефлексировать по отношению к собственной жизни 3. Расстановка приоритетов в смыслах.

Исследование продуктов творческой деятельности, используемые методы качественного анализа – беседа, наблюдение, показали, что работа над рисунком потребовала большой внутренней сосредоточенности, размышлений о смысле не как об абстрактном понятии, а вполне конкретном сегодняшнем смысле, его наличии или отсутствии, о том, чем заполнен мой дом сейчас и чем наполню его завтра. Проекты разнообразны по форме и содержанию: дом-корабль, дом-на дереве, дом-пирамида (созданная под впечатлением от пирамиды Маслоу), дом-печь, дом-дворец, были и макеты домов, объемные и дома, выполненные с помощью компьютерной графики и продемонстрированные техническими средствами (проектором), в одном случае это дом, наполненный от фундамента до крыши, в другом есть только фундамент и одна стена.

Проанализировав работы, мы пришли к выводу, что чаще всего подростки используют в виде фундамента наличные жизненные смыслы, то, что есть сегодня и это дает твердое основание. Отмечено, что в 85% опорой учащиеся считают семью и образование. Стены в проектах обозначали смыслы помогающие выстроить свою жизнь – друзья, близкие люди, интересные занятия, были проекты и с нравственными и экзистенциальными ценностями – добро, свобода, любовь, как к конкретному человеку, так и к людям в целом.

Инсайториентированность логоАрт-терапевтических упражнений была ярко проявлена при защите некоторых проектов. Подростки отмечали, что можно что-то изменить, добавить, доработать. Одним из самых значимых результатов нашего проекта мы считаем, то, что размышления, обсуждения над смысложизненной проблематикой продолжались и после занятий – по дороге домой, на занятиях, проводимых руководителями групп в учебных заведениях.

Занятия ярко выявили проявления рефлексивного отношения к жизни, как к целостному пространству собственной жизни. Даже если проект дома был не законченным, а прорисован только фундамент, участник признался, что «впервые задумался о своей жизни не как о проекте одного-двух лет – нужно закончить колледж, а там видно будет, а о том, что и как нужно делать дальше, как сделать свою жизнь, похожей на красивый, добротный, а главное пригодный для жизни дом».

Разработано и апробировано логоАрттерапевтическое упражнение "Рюкзак. Что возьму с собой в жизненный путь?" Данное упражнение было нацелено на выявление нравственных смысложизненных ценностей.

Инструкция: «Ты отправляешься в свой жизненный путь и обстоятельства таковы, что ты можешь в свой рюкзак взять только одну вещь. Но это не просто вещь, это либо черта характера, либо жизненная ценность. Символом этого может стать изображение любого предмета». Цель упражнения заключалась в умении ставить жизненные приоритеты, ответственно делать выбор. Творческим продуктом являлась работа – рисунок, изображающий символ этого качества характера или ценности. И в это раз наши ожидания были полностью оправданы. Участники предлагали взять с собой разные предметы-символы, например, лупу – как символ любознательности, электропилу – как «возможность с одной стороны строить и добывать что-то нужное, с другой - защищаться от врагов», кто-то предлагал взять нож туриста – как символ универсальности и возможности адекватно реагировать – «нужно поесть – пожалуйста – ложка, нужно поработать – вот вам, нож и отвертка». Был вариант зеркала – «общение с собой», неожиданным стало предложение взять с собой «саженец дерева – как воплощение ценностей жизни». Кто-то не смог выбрать что-то одно и признался в своих сомнениях – «важнее бутылка воды – как символ жизнедеятельности или компас как указатель, куда идти?». Выполненные проекты по данному упражнению показали, что непростая задача была успешно решена всеми участниками. Варианты отличались креативностью и неординарностью.

ЛогоАрт-терапевтическое упражнение “Крылья”. Инструкция: «Создать (нарисовать, сделать макет, слепить и тд) крылья (образ), которые помогают обрести чувство собственного полета, ощутить высоту». Акцент в этом проекте ставится на размышление - какие ценности, качества могут поднять человека к Большому смыслу? Что помогает достичь трансценденции? (проект рассчитан только на тех участников, которые не первый год посещают проект)

Приведем пример представления проекта. Проект Анны Т., (16 лет) выполнен на листе ватмана. В рисунке использовались акварельные краски и восковые мелки. Большие, мощные крылья занимают центральное место на рисунке. Перья крупные. Два крыла имеют четкое соединение в центре. Центр, как выяснилось, не просто так выделен. Для Анны Т. он является альтруистической основой. «Создавая свой проект крылья, я думала о том, что является моей основной задачей в жизни. Перебирая разные варианты, я вдруг поняла, что моей главной задачей настоящего и будущего является помощь другим», - сказала девушка. По словам автора, крылья в ее работе сделаны из добра и желания помочь близким людям. Бескорыстная помощь, желание видеть другого человека счастливым - это путь к светлому будущему.

В крыльях Анны Т. есть место добру, теплоте, там чувство к близким и родным. Рисунок Анны Т. выполнен аккуратно, линии и изгибы крыльев четкие, имеют светло-розовый оттенок. Для всего накопленного негатива Анна Т. отвела место в самом низу крыльев, выделив их серой штриховкой. При защите проекта был задан вопрос « А что произойдет, если убрать весь тяжелый негатив с крыльев?» Анна Т. ответила «Негатив конечно может утяжелять мой полет, мои крылья. Если его убрать, то они смогут махать сильнее, приносить больше добра и позитива. Но, наверное, для этого нужно работать над собой. И я не могу и не хочу врать, ведь в жизни есть и тяжелое, и плохое, а совсем легкие и чистые крылья, наверное, только у ангела».

Благодаря данному проекту Анна Т. смогла раскрыть свои чувства, понять собственные альтруистические потребности. У Анны Т. произошло осознание собственной значимости, возможностей, которые перед ней открываются. Защита проекта и проработка собственных чувств позволила Анне Т. задуматься о том, какое место в ее жизни занимают альтруистические смысложизненные ориентации, какое место занимают негативные мысли. Автор с помощью вопросов аудитории пришла к выводу, что не стоит «хранить» негативные мысли и эмоции, с ними нужно расставаться и работать над собой.

Анализируя защиты проектов, обсуждения и дискуссии по темам занятий, мы пришли к выводу, что защита проектов помогает подросткам четче сформировать и сформулировать какие смысложизненные ориентации являются для них наиболее важными. Помогает раскрыть для себя новые смыслы в своей жизни, найти свой путь, познать какие ценности являются значимыми. К сожалению, развивающую среду и логоАрт-профилактическое воздействие сложно измерить количественными методами, но то, что участники с большим интересом выполняют задания, приезжают на занятия, у них горят глаза, они активно принимают участие в тренинговой части, на теории задают вопросы – это важный показатель, но, к сожалению, неизмеримый показатель больших возможностей логоАрт-профилактических методов. По нашему мнению, подростки ощущают острую необходимость в психологических знаниях, в понимании процессов и механизмов развития и формирования личности, знании «как это работает», что лежит в основе тех или иных поступков.

Проведенный курс занятий показал свою актуальность, творческие работы, исследования участников проекта ежегодно публикуются в электронном сборнике материалов международного симпозиума «Психологические проблемы смысла жизни и акме» на сайте ФГНУ «Психологический институт». Проект получил и профессиональное признание, став лауреатом XVI Национального конкурса «Золотая Психея», в номинации «Проект года в психологической практике». Программа ежегодно обновляется, наших участников ждут новые, интересные открытия своих смыслов.

Библиографический список

1. Петровский В.А. Субъектность: новая парадигма в образовании// Вопросы психологии. 1996. № 3.
2. Попова Т.А. Смысложизненный аспект становления Я-концепции подростка: дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.
3. Попова Т.А. Выявление рефлексивного отношения к жизни у школьников // Психологические проблемы смысла жизни и акме / под ред. Г.А.Вайзер, Н.В. Кисельниковой, Т.А. Поповой М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО, 2013.
4. Попова Т.А. Научно-образовательный проект как метод формирования смысложизненных ориентаций. логоАрт-терапия в работе с подростками // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 4.
5. Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. М., 2013.
6. Ульянова И.В. Воспитательная система формирования смысложизненных ориентаций учащихся средней школы: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Смоленск, 2012.
7. Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни. М.: МПСИ, 2006.
8. Чудновский В.Э. Жизненное пространство личности как психологический феномен // Психология смысла жизни: методологические, теоретические, прикладные проблемы. ГрГУ, 2014.
9. Frankl V.E. Manssearchformeaning. Beaconpress. 2006.
10. MariannedeSilvaPrado. Logoart. Sidottu, 2006

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ БЫТИЯ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОДРОСТКОВ

Хван А.А., Куртукова Д.Н.

Ключевые слова: личностные особенности, городские и сельские подростки, бытие, социокультурная ситуация.

Постановка проблемы. В настоящее время социальный институт детства – школа – испытывает колоссальные изменения и во многих случаях не в состоянии обеспечить адекватную социализацию подрастающего поколения. Об этом свидетельствуют показатели суицидального поведения подростков, которые традиционно рассматриваются как индикатор социально-психологической дезадаптации

[1]. Наиболее опасный возраст завершенных суицидов – с 14-15 лет и выше. При этом среди сельской молодежи показатели смертности от самоубийств выше в 2,2 раза [2]. Огромную роль в этом процессе играют социально-экономические факторы, а именно – бедность семьи. Более высокий риск попадания в бедные у сельских жителей [3].

Добавим, что за короткое время число сельских школ, по данным Росстата, сократилось с 45 тыс. до 30,6 тыс. и этот процесс продолжается. Причем он начался именно в сельской школе, в городе этот процесс стартовал только в 2011-2012 гг. В этих условиях, как совершенно справедливо считает Д.И.Фельдштейн, мы просто обязаны изучать, в какой мере и в какую сторону изменяются ранее устойчивые характеристики личности подростков под влиянием «социально-культурной ситуации российского социума» [4, с. 9]. Поэтому представляется важным изучение личностных особенностей подростков в связи с меняющейся социальной ситуацией. Именно с этих позиций мы провели ряд взаимосвязанных исследований городских и сельских подростков в 2004-2012 гг. Проведены последовательные обследования трех территориально независимых выборок городских и сельских подростков.

Методика, результаты и их обсуждение. В первом случае (2004-2007 гг.) использовался опросник измерения агрессивных и враждебных реакций А.Басса-А.Дарки, во втором (2007-2009 гг.) – опросники А.Басса-А.Дарки, эмоциональной напряженности Е.С.Романовой, Гиссенский опросник и Шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Спилбергера-Ю.Ханина. В исследовании 2009-2012 гг. к данному набору была добавлена Шкала астенического состояния Л.Д.Мойновой и три опросника диагностики физического, умственного и хронического утомления А.Б.Леоновой. Все методики были предварительно стандартизированы на других выборках подростков. В общей сложности было обследовано более 2000 городских и сельских подростков в возрасте 12-18 лет.

По стандартизованному опроснику А.Басса и А.Дарки было обследовано более 500 городских и сельских подростков в возрасте 12-15 лет. Анализ показал определенные различия в особенностях проявлений агрессивности и враждебности городских и сельских подростков. Установлено, что у сельских подростков намного выше ($p < 0,01$) Подозрительность и они более ($p < 0,05$), по сравнению с городскими, склонны к Физической агрессии. В структуре форм агрессивности у городских подростков с большим отрывом лидирует Чувство Вины, далее идут, с минимальным разрывом между собой, Негативизм и Вербальная Агрессия. У сельских подростков лидер тот же (Чувство Вины), далее с минимальными разрывами, следуют Подозрительность и Физическая Агрессия.

Сравнительный анализ показывает, что имеются определенные различия в проявлениях агрессивности как интегрального показателя поведения (по А.Бассу-А.Дарки) по стандартизованным данным. Установлено, что с возрастом происходит значительная дифференциация в уровне проявления агрессивности. Так, на уровне 5-7 кл. выявлено примерное равенство между городскими (43% с «высоким» уровнем) и сельскими подростками (27,3% с «высоким» и 14,3% с «очень высоким» уровнем агрессивности). А уже на уровне 8-9 кл. у городских подростков выявлено 29% лиц с «высоким» уровнем агрессивности, а у сельских подростков выявлено 27% лиц с «высоким» и 15% лиц с «очень высоким» уровнем агрессивности. Очевидно, что у городских подростков происходит определенная социализация через купирование крайних форм проявления агрессивности, а у сельских подростков уровень агрессивности с возрастом не меняется.

Анализ показал, что агрессивность у сельских мальчиков и девочек выше, чем у городских подростков: более 40% сельских мальчиков демонстрируют «высокий» и «очень высокий» уровень агрессивности, у городских мальчиков этот показатель составляет только 25%. Аналогично, у сельских девочек 44% обследованных показывают «высокий» и «очень высокий» уровень проявления агрессивности, а у городских девочек выявлено только 27% лиц с «высоким» уровнем агрессивности. Интересно, что сельские девочки проявляют агрессивность практически наравне с сельскими мальчиками, аналогичная картина наблюдается при сопоставлении городских мальчиков и городских девочек, что лишним раз подчеркивает особенности социоадаптации в городских и сельских условиях.

Приведенные данные показывают, что сельские подростки по сравнению с городскими, более склонны к проявлению агрессии. Это проявляется как в уровне проявляемой агрессии, так и в ее специфических особенностях (все рассмотренные различия достоверны на уровне $p < 0,001$).

Полученные результаты не совсем тривиальны. Тот факт, что сельские подростки более агрессивны, чем городские, возможно связан с восприятием диссонанса между возможностями большого мира, представленного средствами массовой информации, и реальностью, окружающей сельского подростка. Некоторые основания думать, таким образом, дают материалы пилотного обследования группы сельских подростков.

Всего было обследовано 60 подростков 13-15 лет и 16-17 лет (по 30 человек в каждой группе) по следующим методикам: опросник А.Басса-А.Дарки, Гиссенский опросник, опросник эмоциональной напряженности Е.С.Романовой, шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Спилбергера-Ю.Ханина. Поскольку нас интересовали, прежде всего, взаимосвязи между различными показателями, использовался известный метод корреляционных плеяд.

Анализ показал наличие существенных различий в формировании корреляционных плеяд в различных возрастных группах. В среднем подростковом возрасте мы регистрируем две изолированные плеяды, включающие, соответственно, два и три показателя: Личностная Тревожность - Обида и Истощение - Ситуативная Тревожность - Эмоциональная Напряженность. Совершенно другая ситуация выявлена в старшем подростковом возрасте: формируется жестко сцепленная, замкнутая структура (все связи на уровне $p < 0,01$; $p < 0,001$), включающая взаимосвязанные показатели тревожности, агрессивности, ипохондричности (жалобы на здоровье), астенизации и эмоционального напряжения. Минимальное количество связей — по две — обнаружено у показателей: Сердечные жалобы, Истощение и Подозрительность. Лидируют показатели Эмоционального напряжения (8 связей) и Личностной Тревожности (8 связей). Эти два показателя являются своеобразными центрами притяжения, системообразующими факторами состояния напряженности (стресса) сельских старших подростков.

Вероятно, подобные состояния связаны с социальной ситуацией развития сельских подростков: необходимость выбора жизненного пути и объективно ограниченные возможности этого выбора. Так или иначе, имеющиеся данные позволяют предположить, что и городские, и сельские подростки находятся в состоянии стресса («тяжело быть молодым!»), но проявления этого стресса имеют свою специфику, в зависимости от места проживания.

Проверке этого предположения было посвящено дальнейшее исследование. Было обследовано 620 городских и 580 сельских подростков 13-18 лет. Исследование проводилось на юге (Новокузнецкий, Прокопьевский и Беловский районы) и севере (Кемеровский район) Кемеровской области и в гг. Новокузнецк и Междуреченск.

Полученные результаты показали, что городские подростки больше устают (как физически, так и умственно) и значительно больше предъявляют жалоб на состояние своего здоровья. Сельские школьники, как и в предыдущем исследовании, значительно более агрессивны в своем поведении, за исключением косвенных форм агрессии. По индексу Враждебности сельские школьники значительно опережают городских. Аналогично, сельские подростки являются более тревожными по сравнению с городскими сверстниками. Все выделенные различия являются достоверными ($p < 0,01$).

Обращают внимание следующие обстоятельства. Почти половина городских школьников характеризуется высокими уровнями физического (45%) и умственного (39%) утомления. Среди сельских школьников эта доля меньше, но тоже достаточно велика (почти треть). Очень настораживает ситуация с такими характеристиками как Подозрительность, Обида и Чувство Вины. Практически каждый второй городской и сельский школьник испытывает эти чувства в сильной степени. Можно предположить, что повседневная жизнь дает постоянную «пищу» для переживания и проживания указанных чувств.

Особая роль в формировании этих внутренних и внешних форм поведения принадлежит тревожности. Более половины всех обследованных городских и сельских подростков характеризуются высоким уровнем развития ситуативной тревожности. То есть более половины наших школьников на очень широкий круг ситуаций склонны реагировать прежде всего реакцией тревоги. Почти у половины обследованных это становится ярко выраженной личностной чертой. Неудивительно, что до 37% обследованных подростков предъявляют высокий уровень претензий к состоянию собственного здоровья: высокий уровень жалоб на работу сердечно-сосудистой системы демонстрируют 31% городских и 22% сельских школьников; желудочные жалобы, соответственно, 36% и 22%; на астеническое состояние 37% городских и 30% сельских подростков.

Установлено, что у городских юношей гораздо более выражена Физическая Агрессия и меньше выражена Косвенная Агрессия и Личностная Тревожность, по сравнению с городскими сверстниками (все различия достоверны на уровне $p < 0,01$).

Сельские юноши и девушки отличаются друг от друга намного сильнее, по сравнению с городскими подростками: различия ($p < 0,01$) обнаружены по 10 параметрам в сельской выборке и только по 3 в городской выборке. Сельские девушки характеризуются более высокими значениями Хронического утомления, Вербальной и Косвенной агрессии, Ситуативной и Личностной Тревожности, большим количеством жалоб на свое здоровье и более высоким уровнем Чувства Вины. При анализе

выяснилось, что городские и сельские девушки-подростки также значительно различаются между собой (достоверность различий по 8 параметрам на уровне $p < 0,001$).

Установлено, что количество девушек-горожанок с высокими уровнями Физического и Умственного Утомления составляет почти половину (46% и 39% соответственно) от всех городских девушек-подростков. В сельской местности эти показатели ниже, особенно физического утомления (только 29% и 34%). Сельские девушки демонстрируют более высокую степень Ситуативной и Личностной тревожности. Причем показатель Личностной тревожности выглядит более проблемным. Дело в том, что это устойчивая личностная характеристика и более половины сельских девушек (55%) имеют этот показатель на уровне высокой степени развития. У городских девушек доля таких лиц ниже (39%), но также достаточно высока. У сельских девушек в структуре личностных характеристик доминирует Чувство Вины. Почти половина (48%) сельских девушек испытывает значительные угрызения совести. Среди городских девушек этот показатель значительно меньше (38%).

Анализ показал, что существенно больший уровень Личностной Тревожности сельских подростков обеспечивается развитием Личностной Тревожности именно среди старших подростков-девушек (у 69% обследованных лиц выявлен «высокий» уровень тревожности). Этот высокий уровень Личностной Тревожности у сельских девушек 16-18-ти лет сочетается с высокоразвитым Чувством Вины (51% обследованных девушек характеризуется «высоким» Чувством Вины). В целом, с возрастом у городских подростков увеличиваются все показатели утомления. Доля лиц с высоким уровнем утомления возрастает в группе 16-18-ти лет до 47% по Физическому Утомлению, до 38% по Умственному Утомлению и до 20% по Хроническому Утомлению. Последний вид утомления, при высоких уровнях развития, представляет собой пограничную форму, переходную между нормой и болезнью. Значительная доля старших городских подростков (36%) с высоким уровнем жалоб на истощение, упадок сил, общую астенизацию также говорит об опасных тенденциях в развитии городских подростков.

В группе сельских подростков с возрастом начинают доминировать два важных процесса. Во-первых, резко увеличиваются, по сравнению с городскими подростками, показатели Обиды и Враждебности, при этом явная Физическая Агрессия отходит на второй план. Во-вторых, у старших сельских подростков резко увеличиваются показатели тревожности: количество подростков с высоким уровнем развития Ситуативной Тревожности возрастает более чем в два раза (с 41% в группе 13-15-летних до 89% в группе 16-18-летних). Это означает колоссальную базу роста людей с высоким уровнем Личной Тревожности в более старших возрастных группах.

Проведенный анализ показывает, что городские и сельские подростки, с учетом пола и возраста, качественно различаются между собой [6]. Городские подростки реагируют на окружающую их ситуацию формированием устойчивых форм различных видов утомления и увеличением ипохондричности (жалобы на состояние здоровья, иногда, без объективных признаков болезни). Сельские подростки адаптируются к окружающей среде через формирование высоких уровней тревожности и агрессивности. При этом у сельских подростков-юношей доминирует Обида, у сельских подростков-девушек – Чувство Вины. Фактически мы видим, что подростки выбирают различные способы адаптации к ситуации. По-видимому, это означает, что в городе и селе мы имеем принципиально различные Социокультурные ситуации, которые объединяют только одно – школа, институт образования.

Именно город как система стал источником резких социальных, экономических, политических и психологических изменений, в том числе и в школе. Город и городское население, как в принципе более динамичная система, в значительной степени адаптировались к этим изменениям. Например, через дифференциацию образования и создание непересекающихся школьных сообществ, стратификацию самого городского сообщества и создание системы корпоративных норм. Требования города к своим жителям (и подросткам тоже) достаточно понятны, но довольно жестки. Поэтому их выполнение в повседневном режиме вызывает вполне естественное утомление. Вопрос только в величине и качестве этого утомления, становится оно опасным для здоровья человека или еще нет. Кроме того, материальное положение горожан выше сельских жителей, а мы показали, что уровень социально-экономического положения влияет на агрессивность школьников скорее отрицательно [5].

Село образует совсем другую социальную систему. Во-первых, в большинстве случаев действует принцип: одно село, одна школа, т.е. для школьников нет никакого выбора. После известных образовательно-экономических новаций стала одна школа на три-пять окрестных сел. Школьники проводят в дороге ежедневно до двух-трех часов, большинство из них оказывается в статусе постоянных «новеньких», повторно адаптируясь к сверстникам, учителям и условиям обучения, что не может не вызывать напряжение адаптационных механизмов и развития стрессовых состояний. Во-

вторых, довольно часто село – это скорее замкнутая система: затруднены физические контакты с внешним миром в связи с отдаленностью, неразвитостью транспортных коммуникаций, и т.д. В-третьих, в селе ограничен набор вариантов реализации себя как личности, как человека. Это касается и школьников, и взрослых: как в плане трудоустройства, так и в плане организации досуга, образования и т.д.

Очевидно, что сельские территории оказались более подвержены социально-экономической и культурной деградации. Именно неспособность сельских подростков адаптироваться к дифференцированной социально-экономической ситуации проявляется в повышенных уровнях суицидальной смертности, по сравнению с городскими [3]. При этом вектор «благополучные сельские поселения – благополучные областные центры», актуальный практически на всем пространстве российских территорий, однозначно свидетельствует о детерминированности подростковой суицидальной смертности, прежде всего, социально-экономическими факторами [2]. Добавим, что социальная ситуация сельских подростков, особенно старших, в связи с наступлением этапа профессионального и личностного самоопределения, характеризуется высокой степенью неопределенности, что объясняет развитие тревожности. Подросток трансформирует тревожность в агрессивные действия, направленные как вовне (на других), так и на себя (аутоагрессия). Это хорошо видно по сельским подросткам. В более старшем возрасте сельские подростки, по-видимому, стали лучше понимать свое место в жизни, свои желания, свои реальные возможности и разницу между желаниями и возможностями. Осознание этой разницы находит свое выражение в показателях возрастающей агрессии и прежде всего Обиды, по сравнению с городскими подростками.

Заключение. Полученные данные, с учетом особенностей социокультурной ситуации, позволяют отнести старших подростков, как городских, так и сельских, к группе риска. По разным основаниям, но к группе риска. Эта проблема приобретает еще большую актуальность в связи с социальным и материальным неравенством молодежи в доступе к качественному образованию [7]. Как показывает опыт инновационного строительства в образовании в последние годы, это неравенство будет только увеличиваться, порождая соответствующие психологические проблемы. Игнорирование личностных особенностей школьников как субъектов образовательных реформ, субъектов бытия, будет снижать эффективность инновации и, возможно, увеличивать риски нарушения развития подрастающего поколения.

Библиографический список

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А., Боргельсон Л.Л. Социально-психологическая дезадаптация личности и профилактика суицида // Вопросы психологии. 1981. №4.
2. Смертность российских подростков от самоубийств / Иванов А.Е., Сабгайда Т.П., Семенова В.Г. и др. М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2011.
3. Смертность подростков в Российской Федерации / Альбицкий В.Ю., Иванова А.Е., Ильин А.Г., Терлецкая Р.Н. М.: ООО БЭСТ принт, 2010.
4. Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. 2011. №4 (29).
5. Хван А.А. Изменения социокультурной ситуации, инноваций и психологическое здоровье субъектов образовательного процесса // Тенденции развития образования: Образование в многоконфессиональном и поликультурном обществе. М., 2011.
6. Хван А.А. Особенности личности городских и сельских подростков в контексте психологического здоровья // Вестник Нижегородского университета. Серия «Социальные науки». 2015. № 2 (38).
7. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи. М., 2008.

СУИЦИДАЛЬНЫЕ НАКЛОННОСТИ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

Чумаков М.В.

Ключевые слова: личность студента, религиозность, суицидальные наклонности, стрессогенные факторы.

В настоящее время активно развиваются исследования, связывающие религиозность с различными чертами личности. Актуальность исследования определяется необходимостью профилактики

суицидальных наклонностей в студенческой среде и прояснения вопроса о роли религиозных запретов на самоубийство.

Методы исследования. Шкала суицидальных мыслей и действий, шкала депрессии, шкала стресса (M. Perrez, B. Plancherel, S. Seitz, A. Babounakis, A. Teuscher, N. Michlig). В исследовании принимали участие студенты Курганского государственного университета, Курганской сельскохозяйственной академии и Шадринского педагогического университета в количестве 923 человека. Выборка испытуемых первой группы составила 627 человек, второй группы – 296 человек.

Непосредственно на диагностику суицидальных состояний личности в нашем исследовании направлена шкала суицидальных мыслей и поведения. Она позволяет выявить студентов, находящихся в критической ситуации, имеющих потенциальные или актуальные суицидальные намерения. Индикаторами суицидального состояния являются вопросы о том, размышлял ли студент на тему самоубийства, задумывался ли о нем, есть ли суицидальные мысли в данный момент, были ли попытки самоубийства и др. В данном случае речь идет не только о состояниях, но и о поведенческих проявлениях. Шкала стрессовых нагрузок за последний год позволяет выявить студентов, чьи возможности сопротивления стрессу близки к истощению.

Определяется величина и частота стрессовых нагрузок учащихся в результате провала на экзаменах, сложностей в отношениях с однокурсниками, трудностей адаптации к занятиям в университете, трудностей в отношениях с преподавателями, разочарования в выбранной специальности, утраты смысла обучения. Индикатором религиозности студентов является прямой вопрос об отказе от самоубийства по принципиальным религиозным (моральным) причинам. Такого рода индикаторы религиозности доказали свою эффективность [1, 6].

Результаты и обсуждение. Выявлены различия между группами по параметрам суицидальных мыслей ($p < 0.001$), суицидальных действий ($p < 0.01$) и депрессии ($p < 0.05$). В группе студентов с более высоким показателем религиозности личности ниже показатели по параметру депрессии, суицидальных мыслей, суицидальных действий. Различий между группами по параметру стресса не обнаружено. Таким образом, эмпирические данные свидетельствуют о том, что религиозные убеждения способствуют снижению частоты суицидальных мыслей и действий, как это можно было предположить из данных Д.М. Чумаковой [2,3].

Этот факт может объясняться как непосредственным религиозным запретом на самоубийство, так и действием опосредующих факторов, таких как более низкий показатель депрессии. Данные по параметру депрессии, полученные в нашем исследовании, согласуются с некоторыми литературными данными о более высоком субъективном благополучии религиозных испытуемых [4]. Субъективное благополучие может увеличиваться за счет расширения реестра копинговых механизмов за счет копинга с опорой на религию [5].

Данные, полученные в исследовании, обращают внимание на необходимость снижения стрессогенности образовательной среды университетов. В результате корреляционного анализа ($n = 930$) выявлены взаимосвязи опыта суицидальных мыслей и действий и величины воздействия стрессогенных факторов. Некоторые из этих взаимосвязей были описаны нами ранее. Интегральный показатель по шкале опыта суицидальных мыслей и действий коррелирует положительно с интегральным показателем стрессогенных событий в течение года ($r = 0.35$, $p < 0.001$) и стрессогенных событий, связанных с учебой ($r = 0.39$, $p < 0.001$). Если выделить в шкале отдельно показатели суицидальных действий и показатели суицидальных мыслей, значения коэффициентов корреляции подтверждают выявленную тенденцию.

Суицидальные мысли и суицидальные действия, как и предполагалось, связаны между собой, но не идентичны ($r = 0.59$, $p < 0.001$). Интегральный показатель по шкале опыта суицидальных мыслей и действий положительно коррелирует с депрессивными настроениями за предыдущую неделю ($r = 0.44$, $p < 0.001$), депрессией как типичной реакцией на события ($r = 0.45$, $p < 0.001$), самовербализациями депрессивного характера ($r = 0.38$, $p < 0.001$) и отрицательно коррелирует с оптимизмом ($r = -0.31$, $p < 0.001$), копингом стресса ($r = -0.08$, $p < 0.05$) и позитивными самовербализациями ($r = -0.08$, $p < 0.05$).

Анализ по подшкалам суицидальных мыслей и суицидальных действий дает картину, аналогичную интегральному показателю с ясной закономерностью, а именно, корреляции с подшкалой суицидальных действий ниже по абсолютному значению. Тенденция приводит к тому, что корреляции на уровне значимости 0.05 исчезают до незначимых значений. Показатели стрессогенных событий в течение года и стрессогенных событий, связанных с учебой, являясь сходными и положительно коррелирующими между собой, непротиворечиво коррелируют с депрессивными проявлениями. Рас-

смотренные данные позволяют сделать некоторые выводы относительно профилактической работы со студентами. Так, профилактическая работа должна строиться на диагностической основе. Диагностические методики, с соответствующим психометрическим обоснованием должны иметь региональные нормы. Необходим мониторинг ситуации по показателям эмоций депрессивного ряда и стрессовых нагрузок у студентов.

Можно предположить эффективность в качестве профилактики поведенческих тренингов, включающих работу с самовербализациями и тренингов, направленных на развитие эмоционально-волевой сферы личности. Идея раннего профилактического вмешательства применительно к проблеме суицидальных состояний личности тоже кажется нам весьма актуальной. В этом контексте ранняя диагностика стрессовых нагрузок и депрессивных тенденций студентов имеет перспективы. С нашей точки зрения идея комплексного подхода к проблеме профилактики может быть частично реализована в рамках психологической службы университета.

Библиографический список

1. Чумакова Д.М. Эмпирическое исследование религиозности в структуре личностных качеств // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2015. №4 (34).

2. Чумакова Д.М. Некоторые подходы к изучению религиозности личности // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 6.

3. Чумакова Д.М. Взаимосвязь религиозности личности и социального взаимодействия в семье: дис. ... канд. психол. наук. Курган, 2014.

4. Чумакова Д.М. Религиозность личности: основные подходы, структура и диагностика // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. № 42 (259).

5. Чумакова Д.М. Психометрический подход к религиозности личности // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Физиология, психология и медицина. 2015. № 2 (36).

6. Чумаков М.В. Диагностика религиозности как актуальная задача психологии религии/ Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса: сборник материалов 3 Всероссийской конференции по психологической диагностике. М., 2015.

ОТЧУЖДЕНИЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ ПОДРОСТКОВ КАК ПОКАЗАТЕЛИ НЕАУТЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ

Шиповская В.В.

Ключевые слова: личностное бытие, подросток, отчуждение и экзистенциальная беспомощность.

Одной из заметных тенденций развития современной психологической науки является направленность к изучению человека как к целостному явлению, что обусловило растущую популярность бытийного дискурса, для которого актуальны проблемы автономности, времени, самоопределения и формообразования жизни. Понятие «бытие личности» в субъектно-бытийном подходе рассматривается как объективированная в процессах и предметах мира субъективность, которая выступает воплощением структуры и содержания внутреннего, субъективного мира в объективной реальности [4; 6].

Характер бытия служит критерием «конструктивной гармонии» личности и среды. З.И. Рябина и Г.Ю. Фоменко подчеркивают ключевую роль субъектной позиции в формировании и поддержании аутентичного бытия. Неаутентичность бытия и субъективное неблагополучие связывается с невозможностью личности реализовать себя как субъекта, с отсутствием возможности «продлить» себя во внешний мир в соответствие со структурой своих личностных смыслов, с «обрывом» временной перспективы и нежеланием планировать своё будущее [5; 7].

В.В. Знаков отмечает, что в развитии субъектности, формировании и реализации субъектных качеств человека решающее значение приобретает выход за пределы сиюминутного деяния, целенаправленная устремленность на реализацию своего призвания [1, с. 36]. Реализуя истинный смысл в деятельности, само действие и переживание ощущаются как ценность и человек ощущает экзистенциальную исполненность. При кажущемся смысле человек чувствует, что его как будто что-то принуждает к действию, и он при этом не может пережить ценностные основания конкретной ситуации («ничего хорошего») [3]. К. Хорни акцентирует другой аспект неаутентичности, связывая его с пло-

хим различием реального и идеального Я. В этом случае блокируется плодотворное самоосуществление, сфера которого все больше сужается и формируется невротический жизненный стиль, сопутствующими эффектами которого являются неконтролируемость жизни, отчуждение, озлобленность, нарциссизм и утрата личностной целостности [8]. Следовательно, проблема аутентичного бытия выдвигает на первый план содержание ценностно-смысловой структуры личности и специфику ее субъектного позиционирования [2; 7].

На фоне появившихся сегодня, казалось бы, неограниченных возможностей для самореализации личности, требующих активизации собственно субъектных качеств личности, многие молодые люди не способны самостоятельно определить жизненные приоритеты, и, переживая беспомощность, считают, что ничего нельзя достичь в этом мире. В связи с этим становится актуальным вопрос об экзистенциальном самоопределении и субъектном позиционировании личности, обеспечивающем аутентичное бытие на разных этапах жизненного пути.

Личностная беспомощность проявляется в негативном прогнозировании собственной деятельности, субъективном ощущении утраты влияния на события, в переоценке личностных ресурсов и требований сложной ситуации, оцениваемой как безвариантная и неподконтрольная [9]. На наш взгляд, когда мы рассматриваем личность как субъекта бытия в русле субъектно-бытийной методологии, имеет смысл обсуждать экзистенциальную беспомощность. Дифференциация беспомощности на личностную и экзистенциальную позволяет в большей степени сконцентрироваться на характере субъектной активности, бытийных противоречиях и способах их разрешения, особенностях конструирования «картины мира», ответственности и специфике ценностно-смыслового позиционирования личности. Целью данной статьи является рассмотрение последствий переживания беспомощности и пессимизма для личности, находящейся на этапе самоопределения. Предполагалось, что экзистенциальная беспомощность, самоизоляция и пессимизм препятствует становлению субъектной позиции, и, выступая в качестве показателей неаутентичности бытия, свидетельствуют о неуспешности самоопределения личности. Выборку исследования составили 57 старшеклассников. Возраст участников исследования 15-17 лет. В качестве диагностического инструментария использованы методики: УСОО (уровень субъективного ощущения одиночества, методика ELOT (Extended Life orientation test), диагностирующая оптимизм и пессимизм; опросник С. Хобфолла SACS - стратегии преодоления стрессовых ситуаций (Strategic Approach to Coping Scale); опросник субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях (Коржова Е.Ю.); опросник «Личностная беспомощность» (Шиповская В.В.).

Обнаружилось, что показатель беспомощности имеет значимые позитивные корреляции со шкалами опросника SACS ($p < 0,05-0,01$): непрямыми копинг-стратегиями, асоциальными действиями и агрессией, а также со шкалой «Трансситуационный локус контроля» (Ол) методики Е.Ю. Коржовой.

Полученные данные свидетельствуют о том, что старшеклассники с выраженной беспомощностью отнюдь не беззащитны. Трансситуационный локус контроля в сочетании с беспомощностью дает ложное ощущение контроля над жизненной ситуацией, поскольку старшеклассники для преодоления трудностей склонны прибегать к манипуляции как защитной стратегии, готовы к агрессии и асоциальным действиям.

Отмечены отрицательные корреляции показателя беспомощности с показателями Трансситуационной направленности освоения мира (Оо) ($r = -0,427$; $p < 0,01$). Подобное проявление субъектной активности можно квалифицировать как проявление бездуховности. На фоне самодетерминации личностной активности, наблюдается отказ от самосовершенствования и самоизменения, что говорит о непринятии собственного рефлексивного опыта и нарушении самопознания. Очевидно, что старшеклассники испытывают большие сложности с восприятием своего реального и идеального Я.

Кроме того, подростков с выраженной беспомощностью отличают следующие темпоральные характеристики: смещение временной перспективы, субъективное ощущение отсутствия важных событий в прошлом, его обесценивание на фоне направленности в будущее, но без надежды на успех. Неудовлетворенность итогами и результатами своей активности в прошлом сочетается с непринятием настоящего и убеждением, что настоящая жизнь начнется лишь в будущем.

В этом плане имеется аналогия наших выводов с исследованиями Г.Ю. Фоменко, касающимися проявлений этого темпорального феномена в экстремальном модусе личностной бытийности, отвечающем характеристикам условного существования [7]. В результате неаутентичности временного параметра бытия формируются темпоральные разрывы и заметно фрагментируется личностное бы-

тие. Полученные данные свидетельствуют о том, что подростки с выраженной беспомощностью не видят себя субъектами своей жизни.

Качество субъектной активности определяется не только спецификой временно-пространственной композиции, в контексте которой выстраиваются ценностные отношения с миром, но и особенностями мироотношения, которые непосредственно обуславливают самоотношение, понимание людей и событий, мировоззрение в целом. Обнаружено, что показатель беспомощности имеет высокозначимую позитивную корреляцию со шкалой пессимизма ($r = 0,467$; $p < 0,01$). Неконструктивно разрешаемые противоречия и неотрефлексированное должным образом восприятие себя в качестве беспомощной, «страдательной» стороны порождает глубокий пессимизм и ощущение бесперспективности, бессмысленности жизни.

Глубинные причины экзистенциальной беспомощности раскрывает анализ состоятельных регрессионных моделей. Первая регрессионная модель объясняет 53% дисперсии ($R^2 = 0,526$). Зависимая переменная – беспомощность. Предикторы: Одиночество ($\beta = 0,262$; $p < 0,01$) – Ассертивность ($\beta = -0,348$; $p < 0,01$) – Избегание ($\beta = -0,257$; $p < 0,01$) + Пессимизм ($\beta = 0,426$; $p < 0,01$) + Агрессия ($\beta = 0,309$; $p < 0,01$).

Первая модель фиксирует затруднения в общении у лиц с выраженной беспомощностью, неспособность к продуктивным контактам и сотрудничеству, что говорит о незрелости социальных чувств. Склонность к неконструктивному разрешению конфликтов в сфере личностно-эмоциональных взаимоотношений приводят к закономерному результату – деструктивности и дисгармоничности всех бытийных пространств личности.

Вторая регрессионная модель объясняет 37% дисперсии беспомощности ($R^2 = 0,369$). Предикторы: Транзитивная направленность к освоению мира ($\beta = -0,246$; $p < 0,01$) + Агрессия ($\beta = -0,247$; $p < 0,01$) + Пессимизм ($\beta = 0,349$; $p < 0,01$). Вторая модель, кроме деструктивности, проявляет высокий уровень противоречий, неспособность их конструктивно разрешать в силу примитивности смысложизненных установок, отрицания высших ценностей.

Следовательно, анализируя беспомощность и сопутствующие ей феномены (пессимизм, обрыв временной перспективы, агрессивность, манипулятивность) мы выходим на потенциал субъектности и можем установить, в какой мере личность является субъектом бытия. Содержание жизни, в которой нет места нравственным идеалам и ценностям истины, добра и красоты, указывает на объектное позиционирование личности и отчужденную субъектную активность. Позиционирование личности как субъекта неаутентичного бытия не позволяет переживать полноту бытия и радость самоосуществления и служит подпиткой диффузной идентичности.

Итак, анализ комплекса негативных проявлений дает основание утверждать, что при появлении экзистенциальной беспомощности происходит «цепная психологическая реакция», расширяющая спектр негативных эффектов и проявлений, порождающая дисбаланс жизненно важных сфер личностного бытия. Самоопределение в социальном мире по формуле «ничего нельзя сделать» приводит к личностной деструктивности и поиску альтернативных молодежных организаций.

Библиографический список

1. Знаков В.В. Психология человеческого бытия и трудные жизненные ситуации // Психология совладающего поведения / ред. Е.А. Сергиенко, Т.Л. Крюкова. Кострома, 2007.
2. Гусейнов А.Ш., Шиповская В.В. Ценностно-смысловые аспекты личностного становления: субъектно-бытийная интерпретация // Акмеология. СВ №1/2. 2014.
3. Лэнгле А. Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа // Вопросы психологии. № 2. 2008.
4. Рябикина З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: ИПРАН, 2005.
5. Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю. Личность в профессии: теоретико-эмпирическая интерпретация в контексте субъектного и событийного подходов // Социальная психология труда: теория и практика / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев М.: ИП РАН Т.1. 2010.
6. Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю., Ожигова Л.Н. Развитие идей А.В. Брушлинского в контексте субъектно-бытийного подхода // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 4.
7. Фоменко Г.Ю. Модусы личностной бытийности и особенности организации времени в экстремальных условиях жизнедеятельности // Личность как субъект организации времени своей жизни. Краснодар, 2008.

8. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление / под ред. М.М. Решетникова. СПб.: ВЕИП и БСК. 1997.

9. Шиповская В.В. Психологический феномен беспомощности // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 4.

ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СРЕДА БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖКИ ЕЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ОНКОЛОГИЧЕСКОГО ПАЦИЕНТА В КОНТЕКСТЕ СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНОГО ПОДХОДА

Егикян М.А.

Ключевые слова: личность онкологического пациента, личностная позиция, эмоциональная сфера, ценностно-смысловая сфера.

Онкологическое заболевание по праву «заслужило» особое отношение к себе, прежде всего, как недуг «неизлечимый», связанный с множеством трудностей как психологических, так и соматических. Попытки понять его истинную природу вот уже долгое время заботит умы специалистов различных направлений медицины, психологии и смежных им науках. Ведь эффективность метода решения проблемы зависит от правильно выявленной причины, повлекшей за собой сбой на физическом уровне.

В психологической науке первоосновой большинства болезней принято считать *стресс*. При этом болезнь представляет собой нарушение взаимодействия связей с окружающим миром, то есть «болезнь тела» является прямым отражением этого нарушения, всеобщие принципы взаимодействия перестают быть осознанными, игнорируются. Тем не менее, подобные нарушения не могут быть применимы ко всем людям. Стресс, по сути, является нормальным явлением, однако может носить патогенный характер (дистресс), все зависит от психологических особенностей индивида, его стрессоустойчивости и адаптивных функций организма. Эти особенности развиваются вместе с человеком, по мере становления его личности, когда он, сталкиваясь с множеством противоречий и трудностей, выбирает свой жизненный путь и формирует собственное «Я».

Роли противоречий в развитии человека, уделено огромное внимание, эта идея, была высказана в свое время А.В. Брушлинским, а затем ярко отражена в работах К.А. Абульхановой-Славской, З.И. Рябикиной, Г.Ю. Фоменко и т.д. [5; 6]. Согласно субъектно-бытийному подходу личность развивается лишь тогда, когда сталкивается с противоречиями, а противоречия являются важнейшими факторами развития личности. Противоречия в выборе, «каким мне быть», «какую профессию мне выбрать» и т.д., то есть способность сделать добровольный выбор без того самого «психологического диктата». Когда добровольный выбор сделан, происходит разрешение возникших противоречий, развитие личности переходит на новый, более сложный уровень, в противном случае неразрешенные противоречия разрушают личностную целостность. Нарушение личностной целостности, актуализирует проблемы личностной идентичности (аутентичная личность). Далее возможны два типа реакции: *активная реакция*, когда субъект отстаивает право быть самим собой всю жизнь или *пассивная реакция*, когда субъект вынужден следовать запрету взрослых и строить новую личность, удобную для окружающих, без права голоса. Стрессы, проявляемые в виде конфликтов в детском возрасте, неудач в семье, внутренних конфликтов являются причиной подобных нарушений.

Разрешение противоречивой ситуации возможно благодаря анализу ситуации (зависит от возраста индивида «для чего мне это нужно», «что будет, если я поступлю таким образом» и т.д.) и личной свободы выбора. При этом индивид по личной необходимости может попросить помощи или совет у взрослых. Однако в итоге добровольный выбор является гарантией разрешения возникших противоречий и перехода личности на новый уровень, более сложный. Таким образом, у индивида формируется ответственность не только за собственную жизнь и поступки, но и за окружающих людей. Исключением для вмешательства взрослого в выбор ребенка, является лишь ситуации, связанные с рисками для жизни и здоровья, как его, так и окружающих. При этом важно разъяснить ребенку каковы могут быть последствия его выбора.

Последствия разрушения личностной целостности характеризуются формированием следующих черт личности будущих онкологических пациентов (модель личности З.И. Рябикиной): 1. Наличие объектной позиции, которая в отличие от субъектной не способствует преодолению внешних и внутренних ограничений. 2. Предрасположенностью к развитию болезни (или иное качество жизни таких больных) у таких пациентов может являться хроническое переживание неаутентичности своего бытия: подчинение внешним требованиям (директивам), а не собственным потребностям и интере-

сам, без рефлексии аспекта необходимости/возможности и собственной ответственности за сделанный выбор и принятые решения; невозможность занять субъектную позицию; удовлетворить три базовые потребности личности

Особенности поведения: формируются определенные паттерны поведения, которые во взрослом возрасте перестают быть осознанными, ограничивают возможности копинг-поведения и вызывают затруднения в осознании своего эмоционального состояния.

Эмоциональная сфера: неумение контролировать свои чувства; неадекватно реагируют на разные жизненные ситуации (разочарования, победы и т.д.); наличие «транзактного рэкета» - свойство использовать излюбленную эмоцию, чтобы манипулировать окружающими; основные чувства: обидчивость (патогенная), чувства неполноценности; классическая роль «жертвы»; возникает депрессия, тревожность приобретает высокие показатели, стрессоустойчивость снижается; синдром отворачивания (к себе к другим, ко всему), нередко является предвестником заболевания как точка, когда адаптивные возможности организма исчерпывают свой потенциал (по К. Маслах 4 завершающая стадия эмоционального выгорания) [3].

Ценностно-смысловая сфера: экзистенциальное чувство неудовлетворенности и вины (экзистенциальный вакуум – чувство пустоты и ощущение бессмысленности по А. Лэнгле, так же является причиной эмоционального выгорания); утрата смыслов или их полное отсутствие.

Схожие с субъектно-бытийным подходом идеи в развитии болезни и особенностях становления личности онкологических пациентов, так же можно наблюдать и в работах представителей других направлений психологии.

В свое время, Э. Берн предложил идею, заключающуюся главным образом в «жизненных сценариях», которые определяют жизненный путь ребенка и поведение в целом. Это сознательный жизненный план, который дети заимствуют у родителей и который создает им иллюзию контроля над ситуацией и жизнью. На самом деле на выбор ребенка накладывается директива (запрет) со стороны взрослых. Основной директивой, в которую заключены все остальные, является *запрет быть самим собой* [1].

Идея об изначальной свободе выбора, отмечена в трудах многих авторитетных исследователей. Однако эта свобода в большинстве своем подавляется обществом, семьей. Свобода выбора не только профессии, увлечений, взглядов на жизнь, но и эмоций. Запрет расценивается ребенком как угроза собственной свободы выбора, что зачастую приводит к формированию такого разрушительного компонента личности как *обидчивость*.

В работах Непомнящей Н.И., Ивашкиной М.Г. психологический профиль онкологического пациента представляет собой комплекс психологических особенностей, проявляемых главным образом в трудности эмоционального и рационального восприятия и реагирования на стрессовую ситуацию, а главное склонности занимать «инфантильную позицию». Для «инфантильной личности» характерно перекладывание ответственности за свою жизнь и поступки на других людей, неумением контролировать свои чувства и желания; низким уровнем психологической грамотности, что выражается в неумении конструктивно относиться к трудностям, адекватно реагировать на разные жизненные ситуации (разочарования, победы и пр.), отсутствии «объемного» видения ситуации. По сути «инфантильная позиция» является синонимом «объектной позиции», когда преодоление внешних и внутренних ограничений индивидом невозможно [2; 4].

С точки зрения субъектно-бытийного подхода основная директива «запрет быть самим собой» равнозначна невозможности занять «субъектную позицию», быть творцом собственной жизни и нести ответственность за принимаемые решения.

Цель исследования: с помощью клинического интервью выявить особенности становления личности респондентов экспериментальной группы (определить у них наличие директив, жизненных сценариев, нарушение свободы выбора и т.д.). Сопоставить данные клинического интервью с результатами тестовых методик, сделать выводы.

Методы и методики исследования: 1. Клиническое интервью; 2. Методика оценки уровня субъективного локуса контроля (УСК); 3. диагностика доминирующих ролевых «позиций» (тест «Ребенок-Родитель-Взрослый» по Берну); 4. тест на выявление уровня фрустрации (экспресс-методика Бойко В.В.). Эмпирическую базу исследования составили 100 человек – респонденты с онкологическим заболеванием, контрольную группу составили 100 человек – соматически здоровые респонденты.

Для выявления статистически значимых различий между исследуемыми группами использовался Т – критерий Стьюдента (для несвязанных выборок). Для обработки результатов использовались программы «STATISTICA» и «MSExcel».

Результаты клинического интервью. Респондентам было предложено ответить на несколько вопросов, касающихся событий их прошлой жизни, оценка настоящего положения дел и взгляд на будущее.

В качестве оценки психологических травм использовалась классификация Л. Бурбо. Результаты показали, что у 23% респондентов экспериментальной группы, наличие негативных событий в возрасте 7-9 лет отрицают. Отношения в семье и со сверстниками были доверительными и доброжелательными. Все они воспитывались в полных семьях. Тем не менее, шкала «отсутствие травм» нами рассматривается как условная шкала. Это связано, прежде всего, с оценкой самих респондентов. Так 8% из них отметили, что в семьях в целом складывались доброжелательные отношения, однако строгость и требовательность родителей по отношению к ним была, по их мнению, несправедлива. У 3% респондентов отмечалось наличие тревоги или даже страх, получить неудовлетворительную отметку в школе, у 2 % временами поднималась температура на почве «быть неоцененным по достоинству». 5% респондентов отметили, что единственным негативным моментом в младшем школьном возрасте, было навязанное родителями посещение не любимых секций, школ искусств. И только 5% не ответили на поставленный вопрос, как они пояснили *«в связи с утратой воспоминаний об этом отрезке жизни»*. Таким образом, шкала «отсутствие травм» и шкала «травма несправедливости», практически идентичны. Разница лишь в том, насколько сильно ребенок акцентировал свое внимание на проявленную по отношению к нему несправедливость и насколько эта несправедливость задела его Эго.

«Травма предательства» выявлена у 23% респондентов экспериментальной группы. Наиболее сложный случай, так как способствует развитию такого устойчивого компонента личности как обидчивость. Предательство сложно принять и практически невозможно простить, ведь как уже говорилось ранее, обидчивость характерна для индивидов с детским эго-состоянием.

«Травма покинутого» выявлена у 20% респондентов экспериментальной группы. По силе и значимости она идентична с «травмой предательства». Возможно, даже является ее отражением, ведь покинуть ребенка равнозначно предательству.

«Травма отверженного» выявлена у 19% респондентов экспериментальной группы. Быть отверженным значит быть неприкрытым как личность, как человек. Здесь явно просматривается и элементы несправедливости, и предательства и неприятие со стороны окружающих.

Результаты исследования. Для выявления связи между личностной позицией и переживанием болезни респондентов был проведен корреляционный анализ (с использованием коэффициента корреляции Пирсона), а также Т – критерий Стьюдента (для несвязанных выборок) для выявления статистически значимых различий между эмоционально-личностной сферой респондентов исследуемых групп. Для обработки результатов использовались программы «STATISTICA» и «MSExcel».

Статистически достоверные связи между шкалами УСК и шкалами теста «Ребенок-Родитель-Взрослый» не выявлены. Мы определили, что Э. Берн под личностной позицией подразумевал нечто другое, способное к изменению во времени и под действием определенной ситуации. В контексте онкологического заболевания личностная позиция является «объектной», то есть индивид с данной позицией не способен противостоять внешним и внутренним ограничениям. Личностная позиция онкологических пациентов представляет собой устойчивую черту личности, которая формируется в течение долгого периода становления «онкологической личности» и приобретает хронический, неизменный характер. Из чего следует, что онкологические пациенты, хотя и испытывают трудности в переживании собственной болезни (Из), но с выбранной «ролью ребенка» ($r=-0,07$), так же как с ролью «взрослого» ($r = -0,15$) или «родителя» ($r = -0,12$), в том контексте, в котором его рассматривает Э. Берн данный факт не имеет связи (онкологическим пациентам свойственна «объектная позиция, а не «субъектная»).

Сравнительный анализ доминирующего эго-состояния респондентов двух групп. Сравнительный анализ исследуемых групп показал, наличие детского эго-состояния у 65% респондентов экспериментальной группы. Онкологическим пациентам присущи детские черты личности, которые проявляются главным образом в необъективной оценке ситуации, перекладывание ответственности за все сферы жизни на других людей, трудности проявления эмоций и отсутствие контроля над своим поведением. Детское эго-состояние у соматически здоровых респондентов имеет иной характер, скорее как показатель творческого мышления.

Уровень субъективного локус контроля – сравнительный анализ двух групп. Полученные эмпирические данные подтвердили статистически значимые различия между исследуемыми группами. Выяснено, что респондентам экспериментальной группы свойственно перекладывание ответственности за свои поступки на близких людей, бога и т.д.

Они полагают, что происходящее с ними не зависит от их собственных усилий, а является лишь результатом внешних причин, которые им не под силу изменить, что характеризуется низкими показателями по шкале «общей интернальности» – 54%, «отношения к здоровью и болезни» - 58% и «области неудач» - 65% ($p \leq 0,01$). Возникающие трудности во взаимоотношениях с окружающими людьми, подтверждается высокими показателями экстернальности по шкалам «межличностных отношений» - 58% и «отношения в семье» - 50% ($p \leq 0,01$).

Сравнительный анализ личностной фрустрации респондентов двух групп. Высокие показатели фрустрации наблюдаются у 33% респондентов экспериментальной группы. Высокий уровень фрустрации сопровождается не только различными отрицательными переживаниями: разочарованием, тревогой, отчаянием, но также приводит к дезорганизации деятельности, к снижению ее эффективности. Онкологический больной становится похож на «ребенка», который, завидев перед собой угрозу, прячется за спиной взрослого, спасаясь «бегством».

Клиническое интервью позволило нам выявить наиболее важные моменты становления личности будущих онкологических пациентов. Результаты тестовых методик подтверждают наличие у таких людей не только психологических проблем, проявляющихся главным образом в неспособности быть ответственным, решительным, свободным в своем выборе, но и соматических от простого недомогания до серьезной болезни.

Исследование проблемы в контексте субъектно-бытийного подхода дает наиболее четкое понимание «личностной позиции» в контексте онкологической личности, позволяет выявить новые грани исследования, указывает на применение дополнительных методов или созданию новых для более тщательного решения проблемы.

Библиографический список

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди, люди, которые играют в игры. М.: ЭКСМО, 2008.
2. Ивашкина М.Г. Личностные особенности онкологических больных: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 166 с.
3. Лэнгле А. Эмоциональное выгорание с позиции экзистенциального анализа // Вопросы психологии. № 8. 2003.
4. Непомнящая Н.И. Становление личности ребенка 6-7 лет. М: Педагогика, 1992.
5. Рябикина З.И. Личность как субъект, создающий и разрешающий противоречия в различных пространствах своего бытия // Противоречия, конфликты, кризисы личности: субъектно-бытийный подход. Краснодар, 2007.
6. Фоменко Г.Ю. Репродуктивные проблемы в свете противоречий личностной бытийности. // Противоречия, конфликты, кризисы личности: субъектно-бытийный подход. Краснодар, 2007.

ГОЛОСОВЫЕ ПРАКТИКИ В САМОИССЛЕДОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Зурко А.В.

Ключевые слова: личность, арт-терапия, голосовые практики.

В настоящее время существует большое количество подходов, между которыми пока не сложилось единого мнения о факторах и механизмах терапевтического воздействия с помощью искусства [3]. Одним из наиболее широко представленных в литературе является гуманистическое направление арттерапевтической практики.

Здесь следует отметить работы Н. Роджерс, дочери одного из родоначальников гуманистического направления психотерапии, К. Роджерса [13; 14]. Представители гуманистической терапии видят личность как активную, борющуюся, повышающую и раскрывающую свои возможности [10].

Экспрессивная психотерапия получила широкое распространение в ряду современных форм психотерапевтической работы [3]. Автор человекоцентрированной экспрессивной психотерапии, Н. Роджерс [13; 14] детально описывает психотерапевтический потенциал и особенности практического применения различных "экспрессивных искусств" - движения, рисования, письма, лепки, музицирования и вокализации. Однако психологические механизмы, благодаря которым экспрессивная психотерапия оказывает психотерапевтические эффекты на клиентов изучены еще явно недостаточно [13; 14]. Методологической основой экспрессивной терапии искусством является человекоцентрированный подход К. Роджерса [10; 11; 12]. В ходе клиентоцентрированной терапии, человек постепенно понимает, что он принят таким, какой он есть. Впоследствии он может тоже начать принимать и по-

нимать собственные переживания, а затем и переживания других людей [9]. Н. Роджерс считает, что частью психотерапевтического процесса является пробуждение творческой и жизненной энергии человека. Это помогает ему более разносторонне смотреть на мир [13]. Здесь терапия и творчество совпадают [2]. Н. Роджерс указывает на вокализации и пение как на один из самых сильных способов самовыражения и высвобождения эмоций [14].

Экспрессивные аутентичные вокализации понимаются нами как подлинное выражение внутренних переживаний и смыслов личности с помощью пения [14; 19]. В нашей стране вокализации в психотерапии изучаются Л. Брусиловским [1], С. Шушарджаном [15] и др. Термин аутентичная вокализация был применён в работах С. Ухлига [19]. В настоящее время за рубежом активно развиваются различные подходы к самоисследованию и психотерапии с помощью голосовых и вокальных практик [16; 17; 18; 19]. Работа данных авторов ведётся в психоаналитической и юнгианской традиции, где важную роль при анализе вокализаций клиентов играют их архитипы, тень, анима и анимус [16; 18]. Важное место в данных работах отводится сопротивлению [16; 17]. В то же время авторы рассматривают личность клиента как имеющую изначально позитивную природу и стремящуюся к наиболее полному раскрытию собственного потенциала [18]. В работах описано, как вокальные техники в психотерапии и самоисследовании помогают личности в развитии себя и самопознании, а также в самоизменении. Так, в своих работах П. Ньюхэм пишет, что с помощью вокальных практик клиенты имеют возможность с одной стороны для творческого самовыражения и даже катарсической разрядки, развития креативности как на занятиях, так и в жизни, с другой стороны, вокализация помогает им психологически вырасти, когда клиенты находят свой акустический и метафорический голос, больше интегрировать свою идентичность, расширить самосознание и самопонимание [18].

Целью нашего исследования является оценка возможностей голосовых практик в человекоцентрированной экспрессивной терапии. В настоящее время в вокалотерапии и вокальной педагогике присутствуют различные практики, работающие с освобождением голоса и самовыражением через вокализацию [6; 8; 16; 18; 19]]. Так, в своих работах К. Линклейтер обсуждает, как связаны особенности звучания голоса и эмоциональное состояние человека [6]. Энергия речевого импульса, по Линклейтеру, напрямую зависит от его эмоционального состояния. Если человек чувствует себя свободно и не подвергается внутренней критике, то его голос будет звучать плавно и очень спокойно, т. е. спокойное дыхание будет находиться в свободном теле.

Любое изменение настроения создаст дополнительную энергию, которая с большей или меньшей силой направит поток воздуха. В зависимости от эмоционального состояния голосовые складки также будут более или менее напряжены. Большая сила звукового потока и более напряжённые голосовые складки создадут более звонкий и полётный звук [6]. В спокойном и расслабленном состоянии, напротив, голос человека будет звучать низко, т.к. поток энергии будет меньше, дыхание плавное. В последствии строгого воспитания большинство людей потеряли возможность непосредственно себя вести, это отразилось и на звучании их голосов. Запрет на различные проявления чувств вызвал у людей зажимы в челюсти и в горле, с которыми зачастую происходит работа на вокальных занятиях, а также в телесно-ориентированных практиках [4]. В зависимости от типа и степени зажима мышц голос приобретает не естественный характер звучания и получает различные характеристики [7]. К. Линклейтер предлагает методику поэтапного освобождения голоса с помощью специально подобранных упражнений.

В настоящее время работе с голосом уделяется большое внимание в голосовых и психологических практиках, однако мы не нашли подробных обобщающих и проясняющих механизмы данной практики психологических исследований. Анализ собранных данных позволяет нам говорить об экспрессивной аутентичной вокализации как о возможности переживать эмоции, которые личность не всегда может вербализовать, а также возможности символизировать скрытые до настоящего времени смыслы.

В ходе анализа литературных источников по исследуемой проблеме, мы очертили следующий круг перспектив: необходимость более глубокой проработки теоретической проблемы; проведение глубокого эмпирического исследования потенциала экспрессивной аутентичной вокализации в самоисследовании личности. Подробный анализ переживаний личности в процессе и по окончании экспрессивной работы.

Библиографический список

1. Брусиловский Л. С. Музыкалотерапия // Руководство по психотерапии / под ред. В. Е. Рожнова. Т.: Медицина, 1985.

2. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. М.: Академический Проект, 2006.
3. Волкова Д.Э., Орлов А.Б. Означение содержаний внутреннего мира клиента в разговорной и экспрессивной психотерапии // Вопросы психологии. 2009. № 2.
4. Дмитриев Л. В. Основы вокальной методики. М., 1968.
5. Карл Роджерс и его последователи: психотерапия на пороге XXI века / науч. ред. А.Б. Орлов. М. : Когито-центр, 2005.
6. Линклейтер, К. Освобождение голоса. М.: ГИТИС 1993.
7. Морозов В.П. Искусство резонансного пения. М., 2002г.
8. Назарова Л. Д. Фольклорная арттерапия. СПб., 2002.
9. Орлов А. Б. Человекоцентрированный подход в психотерапии // Основные направления современной психотерапии. М. : Когито-центр, 2000.
10. Орлов А. Б. Человекоцентрированный подход в психологии, психотерапии, образовании и политике (к 100-летию со дня рождения К. Роджерса) // Вопросы психологии. 2002. № 2.
11. Роджерс К. Клиентоцентрированный/человекоцентрированный подход в психотерапии // Вопросы психологии. 2001. № 2.
12. Роджерс К. Психотерапия и консультирование. М., 2008.
13. Роджерс Н. Путь к целостности: человеко-центрированная терапия на основе экспрессивных искусств // Вопросы психологии. 1995. № 1.
14. Роджерс Н. Творческая связь. Исцеляющая сила экспрессивных искусств // науч. ред. А. Б. Орлов. М., 2015.
15. Шушарджан С.В. Руководство по музыкотерапии. М., 2005.
16. Austin, D. The theory and practice of vocal psychotherapy: songs of the self. Philadelphia, USA: Jessica Kingsley Publishers, 2008.
17. Lindberg, K. Songs of Healing: Songwriting with an Abused Adolescent // Music Therapy 1995, Vol. 13, No. 1.
18. Newham P. Using Voice and Movement in Therapy: The Practical Application of Voice Movement Therapy. Jessica Kingsley Publishers, 1999..
19. Uhlig S. Authentic Voices - Authentic Singing: A Multicultural Approach to Vocal Music Therapy. Gilsum, NH (USA): Barcelona Publishers, 2006.

ДОМ И ПУТЕШЕСТВИЯ КАК ФОРМЫ ПЕРСОНАЛЬНОГО ОПЫТА¹

Московченко Е.Н.

Ключевые слова: персональный опыт, путешествия, привязанность к дому.

Основное противоречие человеческого бытия – коллизия «очаг – космос», стабилизация и развитие. В зависимости от фазы личностного развития и наличествующих ресурсов люди либо стремятся к равновесной форме существования, либо, напротив, готовы выйти из равновесия в поиске новых жизненных целей. Если дом – это базовый источник стабилизации человека, то новые жизненные перспективы открываются посредством путешествий, которые К.Воннегут называл уроком танцев, преподанным господом Богом. Как утверждают феноменологи, только поняв противопоставляющую систему, возможно изучение и дополнение основной [DuncanCase, 1996]. Для того чтобы понять, как соотносится потребность в путешествиях и привязанность к дому, мы провели краткое поисковое исследование на особой группе респондентов – людей, путешествующих автостопом.

«Автостоперы» представляют собой особую группу (возможно, субкультуру) молодых людей, склонных к рискованному поведению – они стремятся добраться до пункта назначения опасными путями, они идут на риск, отказываясь от домашнего комфорта. В то же время мы можем ожидать, напротив, что высокая защищенность, надежный безопасный дом также могут способствовать поиску приключений. Гипотеза исследования: Чем ниже привязанность к дому, тем выше мотивация к путешествиям. Альтернативная гипотеза: чем выше привязанность к дому, тем выше мотивация путешествий.

Методики исследования: интервью (для группы путешествующих), Метод оценки привязанности к дому [Резниченко С.И. и др., 2016] и авторский опросник «Мотивация путешествий». Выборку

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-18-02163.

составили 26 добровольцев, 16 из которых - путешественники автостопом, а остальные – контрольная группа «условно оседлых» людей. Группа путешественников состоит из 6 мужчин и 10 женщин, в контрольной группе – 5 мужчин и 5 женщин. Возраст испытуемых варьировал от 18 до 56. Образовательный статус при формировании групп не учитывался. С каждым респондентом было проведено индивидуальное интервью, которое показало, что они имели опыт или активно практикуют данный вид путешествия (активная практика не имела значения в силу поискового характера исследования). Испытуемые из группы путешественников охотнее соглашались поучаствовать в исследовании, нежели контрольная группа «условно оседлых» людей, несмотря на то, что участие не оплачивалось.

Чтобы активировать в памяти воспоминания и личностные аттитюды путешественников и проверить их принадлежность к данной группе, было проведено строго структурированное интервью, состоящее из 6 открытых вопросов, последним из которых был – «Что для вас означает образ дома в дороге?». *Респондент:* «Дом – это вся планета. Я космополитичен и не считаю значимыми какие-либо границы государств или городов. Так что любое место, где остановился в дороге, могу считать своим домом, если мне там нравится».

Анализ данных опроса показал значимые различия между шкалами мотивации, привязанности. Статистические данные показали независимость шкал привязанности к мотивации. Была использована описательная и непараметрическая статистика. Непараметрический тест Манна-Уитни между двумя независимыми выборками показал значимые различия между группой автостоперов и контрольной группой по шкале привязанность к дому, мотивация к путешествиям. Корреляционный анализ по критерию Спирмана для всех групп (26 человек) показал отсутствие корреляции между двумя переменными – привязанностью к дому и мотивацией к путешествию.

Результаты говорят о несоответствии уровня привязанности и уровня мотивации к путешествиям. То есть низкая привязанность не может быть основной причиной высокой мотивации к путешествиям. Тем не менее, наблюдается высокая значимость результатов на уровне тенденций. Корреляционный анализ внутри группы путешественников показал отсутствие взаимосвязи между привязанностью к дому и мотивацией к путешествиям, но большую значимость на уровне тенденций. Внутри группы путешественников тоже существует несоответствие данных мотивации и привязанности. Эти два параметра могли находиться на одном уровне и различаться (высокая привязанность, низкая мотивация; и наоборот).

Мы разделили значения по медиане. Для привязанности к дому: < 2.9 – низкие, > 2.9 – высокие; для мотивации к путешествиям: < 3 – низкие, > 3 – высокие. В итоге 13 человек из 26 имели низкую привязанность к дому (двое из них из группы «оседлых»), вторая половина имела высокую привязанность к дому. 13 респондентов, имевших низкую привязанность, имели высокую мотивацию к путешествиям, что подтверждает нашу гипотезу. 10 человек из 26 имели и высокую привязанность к дому, и высокую мотивацию к путешествиям. И лишь 3 человека с большой привязанностью к дому имели низкую мотивацию к путешествиям, что говорит о нелинейной взаимосвязи мотивации к путешествию и привязанности к дому.

Итак, на данный момент мы имеем неоднозначные данные о взаимосвязи мотивации путешествий и привязанности к дому, однако у людей с низкой привязанностью мотивация к путешествиям выше. Низкая привязанность к дому может предсказывать высокую мотивацию человека собраться в путешествие, но это не окончательно говорит о взаимной взаимосвязи мотивации к путешествию и привязанности к дому – есть данные о равномерных значениях. Такую равномерность можно прокомментировать с точки зрения неопределенности человека. Неопределенность может состоять в открытости человека миру, мотивации быть готовым осваивать этот мир, однако в пределах своего собственного ареала обитания (поэтому необходимы данные о практиках и дальности путешествий). Всего три человека имели высокую привязанность, но низкую мотивацию, что не позволило судить об их взаимосвязи. Данное исследование открывает ряд различных возможностей для дальнейшего изучения путешествий, так же, как и выделения психологии путешествий в отдельную дисциплину, которая давно требует психологической рефлексии.

Библиографический список

1. Бочавер А.А. Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4.
2. Нартова-Бочавер С.К., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И., Кузнецова В.Б., Брагинец Е.И. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4.

3. Резниченко С.И., Нартова-Бочавер С.К., Кузнецова В.Б. Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. В печати.
4. Case D. Contributions of Journeys Away to the Definition of Home: an empirical study of a dialectical process // Journal of Environmental Psychology. 1996. 16.
5. Pickering C. M., Hill W., Newsome D., Leung Y.F. Comparing hiking, mountain biking and horse riding impacts on vegetation and soils in Australia and the United States of America // Journal of Environmental Management. 2010. Vol. 91.
6. Wolfa I. D., Wohlfarta T. Walking, hiking and running in parks: A multidisciplinary assessment of health and well-being benefits // Landscape and Urban Planning. 2014. Vol. 130.

ОБРАЗ ДОМА И УСТОЙЧИВОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ¹

Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Брагинец Е.И., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И.

Ключевые слова: личность, юношеский возраст, образ дома, устойчивость.

Поиск возможностей укрепления устойчивости личности представляет собой перманентно решаемую в прикладной психологии личности проблему, обладающей высокой актуальностью в экстремальных и повседневных ситуациях в любом возрасте [1, 4]. Ресурсы, используемые для этого, могут быть как внутренними, связанными с разными уровнями функционирования субъекта, так и внешними – социальными, экологическими и пр. Наше исследование посвящено изучению возможностей базового эйкоза – домашней среды – в поддержании и укреплении личностной устойчивости. Определим основные переменные. Домашняя среда (дом) понимается нами как единство пространственно-предметных условий жизни человека, задающих возможности его деятельности и общения. Дом воздействует на обитателей диалектически, стабилизируя их и стимулируя [2, 3]. Эти формы воздействия меняют свою значимость в зависимости от возраста и связанных с ним задач развития человека.

Устойчивость личности понимается как способность человека противостоять негативным воздействиям извне, сохраняя при этом свою индивидуальность и способность контролировать жизнь [5]. Это сложный феномен, возникающий под воздействием как индивидуальных, так и средовых переменных, поэтому логично предположить, что дом может вносить свой вклад в ее формирование, наделяя человека чувством безопасности, убеждением в ответственности и контролируемости мира. Устойчивость проявляется в отдельных ситуациях и при подкреплении может превратиться в жизнестойкость как черту личности. Важно располагать не только интуитивными, но и достоверными данными о возможностях образа дома и объективных условий проживания в поддержании устойчивости личности. В нашем исследовании варьировались не только характеристики образа дома, измеряемые при помощи самооценочных опросников, но также и параметры самой домашней среды, поскольку часть респондентов-студентов продолжала во время обучения проживать в родительском доме, а часть жила во временном жилище – снимаемой квартире или общежитии.

Проверялась гипотеза о том, что домашняя среда положительно связана и вносит свой вклад в формирование устойчивости личности в юношеском возрасте. Для изучения основных переменных нами были использованы две специально разработанные методики, описывающие дружественность домашней среды. Опросник Функциональность домашней среды (ФДС) включает четыре шкалы, измеряющие объективно существующий функционал домашней среды – Развитие, Стабильность, Защищенность, Прагматичность. Опросник Релевантность домашней среды (РДС) отражает меру соответствия домашней среды потребностям обитателей и включает семь шкал – Управление ДС, Эргономичность, Отчужденность, Пластичность, Историчность, Ресурсность, Самопрезентацию. Шкала устойчивости Коннор-Дэвидсон состоит из десяти утверждений, отражающих способность субъекта противостоять негативным воздействиям извне. Участниками исследования был 571 студент разных факультетов московских университетов (Мвозраст = 19,8, SDвозраст = 3,2, 121 юноша, 299 – из регионов, проживающие в общежитии). Применялись корреляционный и регрессионный анализ, осуществленные при помощи программы Statistika7.

Нами были получены следующие результаты. Как и ожидалось, получено много положительных высокозначимых ($p < 0,05$) связей между параметрами домашней среды и Устойчивостью. Среди них три параметра функциональности – Стабильность, Защищенность, Прагматичность и общий по-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-18-02163.

казатель Функциональности, что говорит о важности объективных возможностей дома для Устойчивости личности. Среди показателей Релевантности значимые положительные связи образовали общий показатель Релевантности, Эргономичность, Ресурсность, Самопрезентация, значимую отрицательную – Отчужденность.

Характеристики домашней среды не различались в мужской и женской подвыборках, а уровень Устойчивости личности у юношей был значимо выше ($U = 23767$, $p = 0,03$). Несмотря на то, что привязанность к дому и взаимодействие с домом в ранее проведенных исследованиях обнаружило высокую гендерную сензитивность, фактор пола незначительно модерировал эти связи – в мужской группе обнаружено пять связей, в женской – шесть. Использование регрессионного анализа показало, что для юношей предиктором Устойчивости оказалась Ресурсность дома, в то время как для девушек – анти-предиктором Управление домашней средой. Стимулирующая функция дома существенна для юношей, стабилизирующая – для девушек (чем менее управляема домашняя среда, тем выше Устойчивость личности, таким образом компенсируя хаос вовне).

Был осуществлен также анализ данных студентов, проживающих в разных жилищных условиях. При сравнении москвичей и иногородних студентов не обнаружено различий в Уровне устойчивости, однако практически все показатели дружелюбности домашней среды оказались выше у москвичей. При этом система корреляций, образованная переменной Устойчивости как у иногородних студентов, так и у москвичей, была неплотной (всего по четыре связи). У иногородних студентов не обнаружилось характеристик домашней среды, которые вносили бы вклад в Устойчивость личности, а у москвичей анти-предиктором оказалось Управление ДС.

Наконец, расчеты по группам при сочетании фактора пола и места проживания показали отсутствие вклада характеристик домашней среды в Устойчивость личности среди студентов, проживающих в общежитии. У москвичей предиктором Устойчивости оказалась Ресурсность, у москвичек анти-предиктором Отчужденность; иначе говоря, юноши приобретают сопротивляемость, если дом дает им возможности для разных деятельностей, а девушки теряют ее, когда в доме что-то ломается. Итак, гипотеза может считаться частично подтвердившейся. Действительно, обнаружилось, что дом как пространственно-предметная среда вносит вклад в поддержание устойчивости личности, однако этот вклад выше при условии не временного, а постоянного жилища, и содержание самого влияния дома вариативно, модерируясь полом обитателей и самим жилищем. Очевидно, что использование экологических ресурсов функционирования личности контекстуально и имеет не прямой характер.

Библиографический список

1. Бочавер А.А. Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4.
2. Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И., Брагинец Е.И., Подлипняк М.Б. Образ реального и идеального дома как модератор позитивного функционирования личности // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. №. 4.
3. Нартова-Бочавер С.К., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И., Кузнецова В.Б., Брагинец Е.И. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник “Функциональность домашней среды” // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4.
4. Нартова-Бочавер С.К. Единство субъекта и бытия как основа естественной психотерапии // Субъектный подход в психологии / под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М., 2009.
5. Campbell-Sills L., Stein M. Psychometric analysis and refinement of the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC). Journal of Traumatic Stress. 2007. 20. 6.

ЧЕЛОВЕК И АРХИТЕКТУРА: ОБЪЕКТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕМНОЙ КОМПОЗИЦИИ ***Новиченко А.С.***

Ключевые слова: человек, архитектура, детерминанты восприятия, объемная композиция.

Здания играют важную роль в современной жизни, поэтому трудно переоценить значение их воздействия на деятельность и психику человека. Однако на сегодняшний день практически отсутствует связь архитектуры и психологии. Строители в работе над образами построек склонны руководствоваться не научными психологическими знаниями о закономерностях и механизмах восприятия, запоминания, эмоций, а скорее традициями стилей и интуицией. Такой подход является недоста-

точно эффективным в сегодняшних условиях, когда благодаря компьютерам, современным технологиям и материалам архитектуры и конструкторы обладают очень большой свободой. Основной задачей, которая ставится перед ними, является создание уникального пространства, обладающего яркой индивидуальностью. В большинстве случаев этого пытаются достичь использованием необычных форм и композиций, которые привлекают внимание, но часто создают некомфортную психологическую атмосферу. Цель данного исследования заключается в выявлении наиболее продуктивных, с точки зрения психологии, приёмов работы над архитектурными образами, что позволит не только создавать индивидуальные запоминающиеся объекты с помощью наиболее простых средств, но и лучше понять базовые закономерности восприятия архитектуры.

В рамках психологии существует очень много концепций, описывающих восприятие. Для данного исследования наиболее продуктивным выглядит экологический подход, сформулированный Джеймсом Гибсоном [4]. В данном контексте он удобен, прежде всего, тем, что предполагает ориентацию исследования не на процессах, протекающих в субъекте восприятия, а на значимых атрибутах объекта. Это позволяет взглянуть на здания непосредственно с точки зрения значимости тех или иных свойств композиции.

Архитектура является культурным феноменом. Тем не менее, проанализировав существующие произведения различных эпох и культур, можно увидеть, что во многих из них активно использовались одни и те же приёмы построения композиции как простые (например, симметрия, золотое сечение, ритм, метр, контраст), так и более сложные, синтетические (аномалия, скрытый порядок, композиционная незавершенность и прочие) использовались зодчими в попытке создать произведение, обладающее яркой индивидуальностью. В рамках данной работы предполагается изучение запоминаемости зрительного образа архитектурного сооружения как решающего фактора его индивидуальности.

В контексте вышесказанного есть смысл обратиться к современным исследованиям в области запоминаемости изображений. Таковыми являются работы лаборатории О. Оливы [1; 2; 3]. Данные исследования были направлены непосредственно на выявление значимых для *запоминаемости* атрибутов изображений. В этих работах было показано, что несмотря на то, что значительное количество устойчивых и ситуативных внутрисубъектных переменных может влиять на то, какие сцены и объекты человек будет запоминать лучше, а какие хуже, тем не менее, запоминаемость в значительной мере определяется характеристиками самого изображения. Это значит, что одни изображения запоминаются разными людьми consistently чаще, а другие – реже. Кроме того, благодаря этим экспериментам было доказано, что запоминаемость изображений является стабильным свойством, которое можно предсказать по определённым атрибутам или элементам этих изображений.

Однако работы Оливы не касались непосредственно архитектуры. Своим исследованием я намерен восполнить данный пробел путём проведения серии экспериментов, близких по подходу работам Оливы, в которых в качестве атрибутов изображений выступали бы различные приёмы построения объёмной композиции, широко используемые архитекторами и дизайнерами. Задачей является выявление среди них тех, которые наиболее важны для запоминаемости. Суть работы состоит в том, чтобы проанализировав многовековой опыт архитектуры с позиции современной психологии восприятия и памяти, перевести его из сферы житейского и философского знания в область научного.

Предстоящее исследование предполагает создание большой базы стимулов – фотографий произведений архитектуры, с которой будет проведена серия экспериментов на запоминание и последующее узнавание большим количеством людей. В результате для каждого из изображений мы можем получить вероятность его правильного узнавания, что и будет служить индикатором запоминаемости. В результате дальнейшей классификации признаков часто и редко узнаваемых изображений предполагается выявление наиболее продуктивных путей создания архитектурных работ с точки зрения индивидуальности (запоминаемости) архитектурного образа. Для оценки инвариантности эффекта запоминаемости мы предполагаем, что для запоминания будут представлены здания с одного ракурса, а для узнавая – те же объекты, но уже под другим углом зрения.

Предполагается проведение двух основных экспериментов. Для первого будет собрана большая база фотографий зданий различных стилей, эпох и культур, но без учёта конкретных приёмов построения архитектурной композиции. Если в ходе этого эксперимента одни объекты будут стабильно лучше узнаваемы, чем другие, можно будет сделать вывод, что запоминаемость является стабильным свойством не только изображений, но и архитектурных произведений вне зависимости от ракурса.

Проанализировав композиции самых узнаваемых зданий, можно будет построить гипотезу о том, какие именно свойства объёмно-пространственных решений наиболее важны для запоминаемо-

сти. Например, тип образующих линий, характер соответствия сторон, ритмическая основа и т.д. В соответствии с конкретной гипотезой, уже с учётом определённых атрибутов зданий, будет собрана вторая база фотографий. С ней будет проведён эксперимент, аналогичный первому, но по его результатам уже можно будет сделать более конкретные выводы. Например, на сколько процентов в среднем увеличивается запоминаемость здания при использовании в его композиции криволинейных форм (эта идея также ранее была успешно реализована в исследовании группы О. Оливы).

Сближение таких далёких друг от друга областей знания как архитектура и психология подразумевает обоюдную выгоду. Вполне целесообразно использовать накопленный архитектурный опыт для изучения закономерностей, лежащих в основе восприятия. Полученные в ходе исследования результаты помогут углубить знания о факторах, влияющих на запоминаемость изображений. Также они будут полезны архитекторам и дизайнерам в их работе над визуальными образами зданий, сооружений и интерьеров. Исследование в этой области может представлять ценность и с теоретической, и с практической точек зрения.

Библиографический список

1. Isola P., Parikh D., Torralba A., Oliva A. Understanding the Intrinsic Memorability of Images, in: Conference on Neural Information Processing Systems (NIPS), 2011.
2. Isola P., Parikh D., Torralba A., Oliva A. What Makes a Photograph Memorable?, IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence (PAMI) 36 (7) (2014) 1469-1482.
3. Isola P., Parikh D., Torralba A., Oliva A. What makes an image memorable?, in: IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition (CVPR), 2011.
4. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию /под ред. А.Д. Логвиненко. М.: Прогресс, 1988.

ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СРЕДА БЫТИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ У ДЕТЕЙ 2-10 ЛЕТ¹

Силина О.В.

Ключевые слова: идентичность, предметно-пространственная среда, бытие, развитие.

Современность предъявляет высокие требования к умению человека активно выбирать, контролировать и регулировать различные внешние влияния, то есть реализовывать себя как субъекта жизни, что подчёркивает наличие активности, необходимой для структурирования бытия в зависимости от внутренних задач и целей личности (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн и др.) [4]. Данное положение предполагает со-бытие, т.е. совместное нахождение людей в одном континууме, определение общего пространства деятельности, но в то же время отграничение себя, своего Я от других. Т.е. проблема интеграции – сепарации актуальна для человека. Отделение своей личности от других возможно при условии надёжного понимания своей Эго-идентичности (Э.Эриксон): неразрывности и цельности существования Я при изменении внешних условий [5].

Таким образом, идентичность – комплексное понятие, включающее процессуальную сторону (каким образом приобретается и поддерживается), темповые характеристики (с постоянной ли скоростью идёт формирование идентичности или скачкообразно), а также содержательный аспект (что именно включает личность в понятие «своего»).

Наше исследование затрагивает период детства от 2 до 10 лет, поэтому выше перечисленные теоретические положения имеют непосредственное отношение к онтогенезу личности ребёнка. Именно для этого возрастного этапа характерны процессы «обособления» и «вливания» в социум, что требует формирования чёткого понимания постоянства собственного Я.

Взаимодействие личности и среды мы рассматриваем через интегральное понятие «психологические границы» - «психологические маркеры, отделяющие область приватности одного человека от другого» (С.К.Нартова-Бочавер) [1]. Кратко рассмотрим онтогенез границ Я у детей 2-10 лет. Исследование проводилось на протяжении 2010 – 2014 года на базе гимназии «Виктория» Московской области. В нём приняло участие 46 детей (26 мальчиков и 20 девочек). За отсутствием стандартизированных методик, направленных на изучение психологических границ у детей указанного возраста,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 16-06-00239.

были предложены авторские, не прошедшие процедур стандартизации и валидации. С помощью этих методик был собран обширный качественный материал, описывающий феномен границ Я.

Проведя контент-анализ собранных данных, мы выделили следующие категории границ Я: динамические характеристики, направленные поддержание целостности Я личности, и инструментальные, т.е. конкретные способы защиты границ Я. К динамическим характеристикам мы отнесли следующие: контроль, регуляция, осознанность и активность психологических границ[3]. Рассмотрим онтогенез границ Я у детей от 2 до 10 лет.

В 2-3 года у детей пассивная форма защиты границ Я. Границы широкие, проницаемость зависит от привлекательности ситуации для ребенка. Способы защиты границ Я ситуативны, актуализируются только в ответ на угрозу. У мальчиков более выражена реакция на вторжение в личное пространство, они нападают, чтобы устранить источник негативных эмоций. Девочки ярче проявляют «чувствование» границ, что выражается в сильной реакции на источник дискомфорта, но защита пассивна (девочки «уходят» от негативных эмоций).

В 4-5 лет дети начинают переживать, чувствовать присутствие границ как буферной зоны, обеспечивающей безопасность и комфорт во время взаимодействия со средой. У мальчиков границы становятся более активными, предпочитаемые способы защиты – физические. У девочек границы проницаемые, пассивные, защита их достаточно конструктивна, вербализована. Мальчики расширяют границы, осваивая новые возможности, т.е. учатся регулировать границы, девочки стабилизируют, укрепляют то, что есть (отношения, взаимодействия и пр.), т.е. учатся контролировать границы.

В 6-7 лет у детей появляется понимание нарушение чужих границ, границы становятся неотъемлемым атрибутом регуляции социального взаимодействия. Вербальная и физическая агрессия подменяются пассивной средовой агрессией, несущей тот же смысл («стоять над душой» - средство доставить негативные эмоции сопернику). У мальчиков увеличивается пассивность границ Я, у девочек – активность. Мальчики границы фиксируют, учатся контролировать, четко определяя меру внешнего воздействия на собственную личность, далее закрывая границы. Девочки стремятся к расширению границ, учатся их регулировать, осваивая все возможное пространство: физическое и психологическое, межличностное.

В 8-10 лет происходит переход феномена границ Я на уровень осознания, понимания. Дети целенаправленно учатся управлять границами, которые становятся механизмом адаптации к среде, способом влияния на окружающих. У мальчиков границы активны, происходит расширение границ за счет освоения новых возможностей. Формируется система приоритетных способов защиты - внешние критерии (нормы, правила, физическая сила, авторитеты и пр.), отрабатываются регулятивные процессы. Девочки пытаются сбалансировать процессы активности и пассивности границ, отрабатывая процессы контроля. Также формируется система защиты границ с опорой на внутренние сигналы (эмоции, убеждения, отношения и пр.), т.е. защита границ наполнена больше личностным смыслом. Т.е. границы Я у девочек становятся более гибкими, проницаемыми, динамичными, а у мальчиков – константными, стабильными [2].

Полученные данные говорят о том, что во время становления границ Я происходит постоянная смена двух процессов: контроля и регуляции границ Я, что говорит о том, что ребёнок, осваивая среду, находится в ситуации «присвоения» вещей, опыта и пр., но должно быть время для осознания происходящих событий, понимания ценности существующего момента, предмета, убеждения. Это не только пространственная составляющая границ Я, но и темповая характеристика взаимодействия в системе «личность-среда»: когда границы хорошо регулируются – освоение пространства идёт в быстром ритме, при контролируемых границах – темп исследования окружающего снижается. Таким образом, перед нами вырисовывается процессуальная и темповая характеристики освоения внешнего пространства. Это является важным фактором становления идентичности: ребёнок осознаёт себя частью мира, но в тоже время интериоризирует, «вбирает» его в соответствии со своими потребностями и возможностями.

Обратимся к содержательной стороне освоения среды детьми 2-10 лет. На протяжении 2010-2014 гг. проводилось постоянный опрос детей на тему «Что такое «моё»?». Подавляющее большинство детей (86%) указанного возраста в понятие «моё» входят материальные объекты (игрушки, личные вещи, поделки), т.е. то, чем они могут самостоятельно распоряжаться или же то, что ими создано. 14% респондентов говорят о том, что «моё» - это также занятия, которые им импонируют. Тем не менее, выделилась следующая тенденция в отношении к предметной среде, которую дети включают в понятие «моё».

Для детей 2-3 лет: это то, что ребёнок видит или хочет, т.е. эмоциональная составляющая, привлекательность является главным фактором включения предмета в систему «своего». В 4-5 лет актуальной становится причина появления предмета: «мне подарили, я сделал сам, выбрал сам». Потеря предмета переживается довольно тяжело, но если есть какая-либо замена, то успокоение наступает быстро. 6-7-летние дети в понятие «моё» помещают то, что соответствует личным интересам («нравится играть, коллекционирую») и, что кажется нам важным, никто не имеет права забирать, в противном же случае, вещь должна быть возвращена любым способом хозяину. Утрата предмета переживается тяжело, замена должна быть «больше и лучше», т.к. «я не просто потерял вещь, а дорогую вещь», т.е. компенсация требуется и за «моральный ущерб», а вещь наделяется личностным смыслом. Для детей 8-10 лет в понятие «моё» начинают постепенно входить не только предметы, но и занятия, люди, которые нравятся ребёнку. Объясняется этот выбор следующими причинами: «моё – это то, что я выбираю самостоятельно и это приносит мне удовольствие». Утрата предмета или прекращение занятия воспринимаются болезненно, замена ищется долго. Понятие «моё» наполняется личностным смыслом, т.е. предметы/занятия/значимые люди становятся маркерами, которые формируют идентичность ребёнка.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы: предметно-пространственная среда является важным фактором формирования идентичности у детей за счёт освоения внешнего мира с помощью границ Я. Этот процесс имеет процессуальную сторону (каким именно образом дети постигают внешний мир), темповые характеристики (чередование периодов быстрого, стремительного взаимодействия в системе «личность-среда»), а также содержательный аспект (что именно включается в понятие «моё»). Формирование идентичности – сложное и многофакторное явление, что требует дополнительных исследований.

Библиографический список

1. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008.
2. Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В. Динамика развития психологических границ на протяжении детства // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 3.
3. Силина О.В. Границы Я в раннем, дошкольном и младшем школьном возрасте: магистерская диссертация. М., 2012.
4. Тиводар А.Р. Личность как субъект события в брачных отношениях: дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2008.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006.

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СТРЕСС И СУВЕРЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ ДОМАШНЕЙ СРЕДЫ¹

Харламенкова Н. Е.

Ключевые слова: посттравматический стресс, суверенность личности, домашняя среда.

Психологические последствия влияния на человека интенсивных стрессоров разнообразны. Одним из таких последствий является посттравматический стресс (ПТС) и связанная с ним психопатологическая симптоматика. Признаками посттравматического стресса являются вторжение (настойчивое повторение переживания – навязчивое воспроизведение события, повторяющиеся тяжелые сны о событии, ощущение «оживания» опыта и др.), избегание (стремление уйти от напоминаний о травматическом событии, психогенная амнезия, чувство отстраненности, сниженная выраженность аффекта и др.) и физиологическое возбуждение (трудности с засыпанием, раздражительность, гипербдительность, рассеянность внимания и др.) [5; 7].

При посттравматическом стрессе изменяются представления о себе и о мире, наблюдается динамика базисных убеждений, человек становится более тревожным, ранимым, подверженным влиянию других стрессоров. Изменение мотивационно-потребностной сферы личности обнаруживает себя в ощущении фрустрации удовлетворения потребностей, в появлении внутренних барьеров и чувства депривированности.

¹ Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2016-0010.

Иными словами, при посттравматическом стрессе может наблюдаться снижение показателей суверенности психологического пространства (СПП), таких как суверенность физического тела субъекта, территории, личных вещей, временных привычек, социальных связей и ценностей, а также в целом СПП как способности субъекта удерживать свои личностные границы и контролировать свое психологическое пространство [3]. Потеря человеком возможности контролировать границы своего психологического пространства может подкреплять и усиливать посттравматическую симптоматику и делать безуспешными психотерапевтические интервенции. Как показано в ряде исследований, эффективность психотерапии, зависит от достигнутого субъектом чувства защищенности и ощущения безопасности, от того, насколько надежно и уверенно он себя чувствует. Однако, несмотря на важность понимания того, как связаны между собой уровень посттравматического стресса и суверенность психологического пространства, их сопряженность и ее характер практически не изучены.

Теоретически можно предположить, что фиксация человека на травме должна усиливать депривированность психологического пространства личности и менять отношение человека к своему дому, домашней среде, функции которой сужаются до функции защиты личности от угроз и опасностей.

Целью настоящего исследования стало установление сопряженности уровня посттравматического стресса и суверенности личности, а также оценка личностной релевантности домашней среды. *Гипотеза исследования:* при высоком уровне посттравматического стресса наблюдается низкий уровень суверенности психологического пространства личности и выраженная привязанность к дому. Участники исследования: 50 чел. в возрасте от 18 до 33 лет (15 муж., 35 жен.). Данные были собраны и обработаны студенткой О.А. Устиновой.

Методики: *Опросник «Суверенность психологического пространства»* (СПП) С.К. Нартовой-Бочавер – включает 80 утверждений и 6 шкал: суверенность физического тела (СФТ), территории (СТ), личных вещей (СВ), привычек (СП), социальных связей (СС), вкусов и ценностей (СЦ) человека [3]; *Миссисипская шкала* (гражданский вариант) (МШ) для оценки посттравматических реакций [5]; *Опросник «Личностная релевантность домашней среды»*, субшкалы — Управление домашней средой, Ресурсность, Самопрезентация, Эргономичность, Отчуждение, Пластичность, Историчность. Субшкалы отражают потребности респондентов, которым отвечает или не отвечает их актуальное жилище [2; 4].

Для достижения цели исследования и проверки гипотезы выборка была разделена на две подгруппы по уровню ПТС (Миссисипская шкала, медианный критерий): группа с низкими (≤ 81 балла, $n = 23$, группа 1) и группа с высокими значениями по МШ (> 81 баллов, $n = 27$, группа 2).

Различия между группами по методике СПП (критерий Манна-Уитни) позволили подтвердить наше предположение о снижении показателей суверенности психологического пространства личности при высоком уровне посттравматического стресса. Различия между двумя группами получены по суверенности физического тела ($U = 167,5$, $p = 0,005$), суверенности вещей ($U = 205,0$, $p = 0,04$), суверенности социальных связей ($U = 148,0$, $p = 0,002$), по общему показателю СПП ($U = 174,0$, $p = 0,008$).

В одном из проведенных нами ранее исследований [6] было показано, что при высоком уровне ПТС психологическая безопасность ассоциируется респондентами с дескриптором «Дом». Ассоциация безопасности с домом, его надежностью и поддержкой со стороны родителей, верных друзей у респондентов с высоким уровнем ПТС объясняется сужением социального круга до границ безопасного окружения.

По мнению А.А. Бочавер одним из компонентов представлений о доме является так называемый универсальный образ дома как безопасного для человека пространства, «дом обеспечивает не только физическую безопасность владельца, но и его личностную целостность, способность к долгосрочному планированию, прогнозированию и целеполаганию, устойчивость социальных связей» [1, с. 10]. Автор рассматривает дом как психотерапевтический ресурс совладания с теми или иными жизненными проблемами и трудностями, как средство, с помощью которого можно «хотя бы отчасти компенсировать переживаемые в настоящем небезопасность и одиночество» [там же, с. 11].

В настоящем исследовании для проверки второй части гипотезы было проведено сравнение двух групп респондентов по показателям опросника «Личностная релевантность домашней среды». Различия выявлены по субшкалам «отчужденность» ($U = 99,5$, $p = 0,03$), и «историчность» ($U = 103,5$, $p = 0,04$), причем по первой субшкале показатели выше у группы с низким ПТС, а по второй — с высоким. «Отчужденность» интерпретируется как неприятие своего домашнего пространства, ощущение дискомфорта в доме, что в целом приводит к «нестремлению» человека домой. «Историчность» проявляется в раскрытии и укреплении связей с историей семьи, с ее прошлым в целом.

Результаты показали, что к дому в меньшей степени привязаны респонденты первой группы, которые в целом доверяют своему дому и считают его комфортным, однако не зависимы от него и не связывают с ним большую часть своей жизни. Для второй группы, наоборот, дом имеет существенное значение и как личное место, и как место, которое связывает человека с семьей, от которой ожидается помощь и поддержка. Полученные данные подтверждают выдвинутую гипотезу и показывают, что при низком уровне ПТС респонденты возраста юности и ранней взрослости, изучаемые нами, действительно стремятся из дома в социум, предпочитая общение с близкими людьми общению с референтной группой. И наоборот, психически травмированные люди часто стремятся избегать длительных контактов с людьми, предпочитают уединение активной коммуникации.

Безусловно, нельзя однозначно трактовать дом как убежище, которое имеет для человека только позитивный смысл. Дом может защищать от опасности, а может ограничивать действия человека, быть местом, которое позволяет уйти, убежать от проблем и продолжительно пребывать в изоляции.

Позитивный смысл дома, домашней среды в том, что это «место, где можно сделать что-то полезное или интересное, защита от стихий и недоброжелателей, это почва, основа, “тыл”. Отсюда человек выходит в другие социальные пространства и сюда стремится вернуться. Дом — метафора личности, результат жизнетворчества субъекта и в то же время — источник его изменения [4, с. 71]. Домашняя среда, по мнению Нартовой-Бочавер является существенным экосоциальным ресурсом, поддерживающим психологическое благополучие.

Несмотря на важность самого факта наличия у человека дома, качественная оценка домашней среды с точки зрения ее дружелюбности, «как меры соответствия существующих и воспринимаемых возможностей среды потребностям находящегося в ней субъекта» [4, с. 73], также крайне важна. Сложности с пониманием друг друга в кругу ближайшего окружения могут возникать вследствие желаемой, но нереализуемой этим окружением поддержки одного или нескольких членов семьи, получивших психическую травму.

Ограниченность ресурсов совладания с трудностями только ресурсностью «дома» (т.е. помощью, поддержкой, пониманием друзей и родителей) без более широких связей и отношений, по-видимому, также малоэффективна. Именно поэтому, «привязанность» человека, получившего психическую травму, к дому, не следует однозначно трактовать как позитивный ресурс, используемый для достижения психологического благополучия, но допускать возможность инвертирования представлений об этом ресурсе как источнике совладания с жизненными трудностями.

Исследование посттравматического стресса и суверенности психологического пространства личности в аспекте оценки личностной релевантности домашней среды показало, что психическая травматизация, вызванная влиянием на человека стрессоров высокой интенсивности, неблагоприятно влияет на социальную активность личности. Это не единственная трудность, с которой сталкивается человек, попавший когда-то с экстремальную ситуацию.

Второй важный факт, который был установлен в исследовании, состоит в том, что личность начинает ощущать, что она находится не на своем месте и не в свое время, переживает дискомфорт, вызванный субъективным сужением границ психологического пространства и их непластичностью. Появление этих проблем может стать причиной усиления негативных переживаний человека, а также симптомов ПТС и психопатологической симптоматики. Полученные знания имеют высокий уровень практической значимости и могут быть использованы для повышения качества жизни и уровня социального функционирования субъекта, пережившего негативное влияние стрессоров высокой интенсивности.

Библиографический список

1. Бочавер А. А. Представления о доме как элементе персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4.
2. Дмитриева Н.С. Домашняя среда как ресурс психологического благополучия и аутентичности подростков: автореф. дис. ... канд.психол.наук. М., 2015.
3. Нартова-Бочавер С.К. Опросник «Суверенность психологического пространства» – новый метод диагностики личности // Психологический журнал. 2005б. Т. 25. № 5.
4. Нартова-Бочавер С.К., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И., Кузнецова В.Б., Брагинец Е.И. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4.

5. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса. Теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
6. Харламенкова Н.Е. Психологическая безопасность и суверенность личности при выраженном посттравматическом стрессе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4 (34).
7. American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorder (4th ed.). Washington, DC., 1994.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдулова Татьяна Павловна, доцент, Московский педагогический государственный университет (Москва), кандидат психологических наук. E-mail: avdulova@bk.ru .

Алдашева Айгуль Абдулхаевна, ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН (Москва), доктор психологических наук. E-mail: aigulmama@mail.ru.

Алиева Эвелина Факировна, Федеральный институт развития образования (Москва).

Али-заде Ариф Сабинович, психолог, Некоммерческое Партнерство «Перекресток Плюс» (Москва). E-mail: arif.alizade@gmail.com.

Альперович Валерия Дмитриевна, старший преподаватель кафедры социальной психологии и психологии личности, Южный Федеральный университет, Академия психологии и педагогики (Ростов-на-Дону), кандидат психологических наук. E-mail: valdmalp@ Rambler.ru.

Аполлонов Иван Александрович, доцент кафедры философии, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар), кандидат философских наук. E-mail: obligo@yandex.ru.

Аппакова-Шогина Нурия Закариевна, старший преподаватель, Поволжская академия физической культуры, спорта и туризма (Казань), кандидат исторических наук. E-mail: nuriapp@mail.ru.

Барышева Наталья Александровна, Кубанский государственный университет (Краснодар). E-mail: berrylove1133@gmail.com.

Бахтинова Ольга Олеговна, Южный федеральный университет, Академия психологии и педагогики (Ростов-на-Дону). E-mail: BakhtinovaOlga@yandex.ru.

Беззян Анастасия Амбарцумовна, специалист по учебно-методической работе, Южный федеральный университет, Академия психологии и педагогики (Ростов-на-Дону), кандидат психологических наук. E-mail: nastya_bzezyan@mail.ru.

Богомаз Сергей Александрович, заведующий кафедрой организационной психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), доктор психологических наук. E-mail: bogomazsa@mail.ru .

Богомолова Екатерина Ильинична, преподаватель кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: bogomolova_kate@bk.ru.

Бордовская А.О., Кубанский государственный университет (Краснодар). E-mail: kovaleksandra93@gmail.com.

Бордовский Владимир Александрович, Кубанский государственный университет (Краснодар). E-mail: vbordovsky@gmail.com.

Борцова Мирослава Владимировна, доцент, Кубанский государственный университет (филиал г. Славянск-на-Кубани), кандидат психологических наук. E-mail: bor-miroslava@yandex.ru.

Босенко Марина Вилоровна, преподаватель кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар). E-mail: marina_bosenko@bk.ru.

Бочавер Александра Алексеевна, научный сотрудник, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), кандидат психологических наук. E-mail: a-bochaver@yandex.ru.

Брагинец Е.И., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: etrin06@gmail.com.

Брестер Ирина Викторовна, педагог-психолог, Калужский колледж народного хозяйства и природообустройства (Калуга). E-mail: Iriannochka18@mail.ru.

Бреус Елена Дмитриевна, доцент кафедры социальной психологии и психологии личности, Южный федеральный университет, Академия психологии и педагогики (Ростов-на-Дону), кандидат психологических наук. E-mail: rsu-elena@yandex.ru.

Ванданова Эльвира Леонидовна, доцент, ведущий научный сотрудник, Федеральный институт развития образования (Москва), кандидат психологических наук. E-mail: vandanova.e@firo.ru.

Василевская Екатерина Юрьевна, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), магистр психологии. E-mail: ek.vasilevskaya@gmail.com.

Володько Оксана Владимировна, менеджер, ООО «Агрострой». E-mail: oksanavolodko77@mail.ru.

Вольвич Юлия Константиновна, соискатель, Кубанский государственный университет (филиал г. Новороссийск). E-mail: Ulyasha_180286@mail.ru.

Воронцов Дмитрий Владимирович, доцент, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), кандидат психологических наук. E-mail: dmvorontsov@sfedu.ru.

Вызулина Ксения Сергеевна, аспирант, Кубанский государственный университет (Краснодар). E-mail: ksv91@mail.ru.

Галлямова Алия Альбертовна, педагог-психолог, школа № 150 (Казань). E-mail: aliya.gallyamova@inbox.ru .

Горбачева Анна Сергеевна, лаборант кафедры психологии, Адыгейский государственный университет (Майкоп). E-mail: as_gorbacheva@mail.ru.

Горкина Анастасия Эдуардовна, студент, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Горская Галина Борисовна, заведующая кафедрой психологии, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма (Краснодар), доктор психологических наук. E-mail: gorskayaalina@mail.ru.

Гришина Наталия Владимировна, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), доктор психологических наук. E-mail: grinat07@gmail.com.

Гусейнов Александр Шамильевич, доцент кафедры психологии, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: AGuseinov@yandex.ru.

Гут Анжелика Викторовна, доцент, Поволжская академия физической культуры, спорта и туризма (Казань), кандидат педагогических наук. E-mail: anzhelika.gut@yandex.ru.

Деева Наталья Александровна, доцент, Краснодарский университет МВД России (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: natalya_deeva@bk.ru.

Дементий Людмила Ивановна, декан, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск), доктор психологических наук. E-mail: lyudmiladementiy@mail.ru.

Демин Андрей Николаевич, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет (Краснодар), доктор психологических наук. E-mail: demin@manag.kubsu.ru.

Дмитриева Наталья Сергеевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: dmitrievatata@gmail.com.

Дробышева Т.В., Институт психологии РАН (Москва). E-mail: tdrobysheva@mail.ru.

Егикян Манушак Араатовна, военнослужащий, Вооруженные Силы Российской Федерации (Краснодар). E-mail: manushe@mail.ru.

Зеленова Марина Евгеньевна, научный сотрудник, Институт психологии РАН (Москва), кандидат психологических наук. E-mail: mzelenova@mail.ru.

Зернова Татьяна Ивановна, доцент кафедры психологии, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: tanzernova@mail.ru .

Зинченко Елена Валерьевна, доцент кафедры социальной психологии, Южный федеральный университет, Академия психологии и педагогики (Ростов-на-Дону), кандидат психологических наук. E-mail: el-val-zin@mail.ru.

Зирко Алёна Владиславовна, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: alenka-zirko@mail.ru.

Знаков Виктор Владимирович, главный научный сотрудник Лаборатории психологии развития, Институт психологии РАН (Москва), доктор психологических наук. E-mail: znakov50@yandex.ru.

Ивахненко Анна Александровна, студентка, Южный федеральный университет, Академия психологии и педагогики (Ростов-на-Дону). E-mail: ivakhnenko.anna@inbox.ru.

Казарин Борис Викторович, Кубанский государственный медицинский университет (Краснодар).

Касабова Ирина Сергеевна, старший преподаватель кафедры практической психологии, Южно-Российский гуманитарный институт (Ростов-на-Дону). E-mail: ira.kas@mail.ru.

Кимберг Александр Николаевич, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: akimberg@gmail.com.

Киреева Оксана Васильевна, преподаватель кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: oksana-kireeva@mail.ru.

Клементьева Марина Владимировна, доцент кафедры психологии, Тульский государственный университет (Тула), кандидат психологических наук. E-mail: domadres@list.ru.

Ковалева Наталья Владимировна, заведующая Центром социально-психологических проблем НИИ комплексных проблем, Адыгейский государственный университет (Майкоп), кандидат психологических наук. E-mail: natkov2007@rambler.ru.

Колесникова Мария Андреевна, студент, Кубанский государственный университет (Краснодар). E-mail: maria.snis@yandex.ru.

Колесниченко Виктория Ивановна, младший научный сотрудник, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова (Краснодар). E-mail: forvita87@ya.ru. forvita87@ya.ru.

Кольцов Максим Викторович, аспирант, Кубанский государственный университет (Краснодар). E-mail: hayiam@yandex.ru.

Кругликова Анна Юрьевна, доцент кафедры русского языка, культуры и коррекции речи, Таганрогский институт имени А.П. Чехова Ростовского Государственного Экономического Университета (филиал г. Таганрог), кандидат психологических наук. E-mail: annkru@mail.ru.

Куашева Елена Руслановна, заместитель начальника Центра психофизиологической диагностики МСЧ МВД по Республике Адыгея. E-mail: spasatel6868@mail.ru.

Кузнецова Екатерина Валерьевна, Кубанский государственный университет (Краснодар), магистр психологии. E-mail: gina016_92@mail.ru.

Куковская Мария Андреевна, студентка, Южный федеральный университет, Академия психологии и педагогики (Ростов-на-Дону). E-mail: kukovskaya.maria@gmail.com.

Куртукова Дарья Николаевна, Кемеровский государственный университет (филиал г. Новокузнецк). E-mail: andrian-khvan@mail.ru .

Лабунская Вера Александровна, профессор, Южный федеральный университет. Академия психологии и педагогики (Ростов-на-Дону), доктор психологических наук. E-mail: vlab@aanet.ru.

Левченко Евгений Васильевич, студент-магистрант, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск). E-mail: revl@narod.ru.

Лисовая Мария Александровна, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма (Краснодар).

Литвина Светлана Алексеевна, доцент кафедры организационной психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), кандидат психологических наук. E-mail: litvina65@mail.ru.

Лобач Анатолий Анатольевич, аспирант, Университет Российской академии образования (Москва). E-mail: Priem-urio@mail.ru.

Лопухова Ольга Геннадьевна., Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань), кандидат психологических наук. E-mail: olopuhova@rambler.ru.

Лузаков Андрей Анатольевич, заведующий кафедрой управления персоналом и организационной психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар), доктор психологических наук. E-mail: luan@manag.kubsu.ru.

Лукинова Марина Геннадьевна, научный сотрудник, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова (г. Краснодар). E-mail: m.lukinova@mail.ru.

Макаревская Юлия Эдуардовна, доцент, Сочинский государственный университет (Сочи), кандидат психологических наук. E-mail: yuliya-sochi@mail.ru.

Мальчинский Федор Валентинович, начальник научно-исследовательского отдела, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: nil.pfl@yandex.ru.

Марьяненко Дарья Александровна, преподаватель кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: krasnodaria@mail.ru .

Маслова Олеся Сергеевна, старший преподаватель кафедры общей психологии и акмеологии, Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова (Кострома), кандидат психологических наук. E-mail: mironova@ksu.edu.ru.

Меньшикова Лариса Владимировна, профессор кафедры психологии и педагогики, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск), доктор психологических наук. E-mail: pev1@narod.ru.

Мингалеева Вероника Сергеевна, студент-магистрант, Казанский Федеральный университет, Институт психологии и образования (Казань). E-mail: Korzhik1603@mail.ru.

Миронова Татьяна Ивановна, профессор кафедры общей психологии и акмеологии, Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова (Кострома), доктор психологических наук. E-mail: mironova@ksu.edu.ru.

Михайлова Алена Александровна, младший научный сотрудник, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова (Краснодар). E-mail: mikhailovaaa@ya.ru. .

Московченко Елизавета Николаевна, учащийся бакалавр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: Homestuck@bk.ru.

Муравьева Ольга Ивановна, доцент кафедры организационной психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск), кандидат психологических наук. E-mail: muravey59@mail.ru.

Нартова-Бочавер Софья Кимовна, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), доктор психологических наук. E-mail: s-nartova@yandex.ru .

Негрий Варвара Александровна, младший научный сотрудник факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва). E-mail: v.negrii@gmail.com.

Некрасов Сергей Дмитриевич, профессор кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: n.s.d@kubsu.ru.

Нещеретняя Мария Сергеевна, студент-магистрант, Сочинский государственный университет (Сочи).

Ничипорюк Елена Антоновна, доцент кафедры дошкольного образования, Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (Ростов-на-Дону), кандидат психологических наук. E-mail: nich-ea@ Rambler.ru.

Новиченко Андрей Сергеевич, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: Larin1598@yandex.ru.

Ожигова Людмила Николаевна, профессор кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар), доктор психологических наук. E-mail: topvolna@mail.ru.

Остроушко Марина Геннадьевна, руководитель кадровой службы, Краевая клиническая больница № 2 (Краснодар). E-mail: marina-ostroush@mail.ru.

Павленко Виктория Анатольевна, преподаватель кафедры управления персоналом и организационной психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар). E-mail: vivangel@yandex.ru.

Пайгунова Юлия Викторовна, доцент, Поволжская академия физической культуры, спорта и туризма (Казань), кандидат психологических наук. E-mail: paigunova @ yandex. ru .

Педанова Екатерина Юрьевна, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: ket_wild@mail.ru.

Петросьян Светлана Николаевна, доцент, Сочинский государственный университет (Сочи), кандидат психологических наук. E-mail: svpet@mail.ru.

Пищик Влада Игоревна, заведующая кафедрой психологии и управления персоналом, Южный университет (Институт управления, бизнеса и права, г. Ростов на Дону), доктор психологических наук. E-mail: vladaph@yandex.ru.

Погонцева Дарья Викторовна, доцент кафедры социальной психологии и психологии личности, Южный федеральный университет, Академия психологии и педагогики (Ростов-на-Дону), кандидат психологических наук. E-mail: dprogontseva@gmail.com.

Покуль Владимир Олегович, Кубанский государственный университет (Краснодар). E-mail: rokulv@mail.ru.

Помацуева Мария Сергеевна, студентка, Кубанский государственный университет (Краснодар). E-mail: pomatsyeva94@gmail.com.

Попова Татьяна Анатольевна, старший научный сотрудник, преподаватель, Психологический институт (Москва), кандидат психологических наук. E-mail: Elenia2@yandex.ru.

Приходько Мария Александровна, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма (Краснодар).

Резниченко София Ивановна, научный сотрудник, институт образования, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Москва). E-mail: sofya_292@list.ru.

Румянцева Кристина Сергеевна, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма (Краснодар).

Рунец Оксана Владимировна, аспирант, Институт психологии РАН (Москва). E-mail: ogunez@gmail.com.

Рюмшина Любовь Ивановна, профессор, Южный федеральный университет. Академия психологии и педагогики (Ростов-на-Дону), доктор психологических наук. E-mail: ryumshina@sfnedu.ru.

Рябикина Зинаида Ивановна, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар), доктор психологических наук. E-mail: z.gyabikina@yandex.ru.

Салимов Алик Мухтарович, заведующий кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Поволжская академия физической культуры, спорта и туризма (Казань), кандидат исторических наук. E-mail: salimov-kazan@list.ru.

Сапогова Елена Евгеньевна, профессор кафедры психологии развития факультета педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет (Москва), доктор психологических наук. E-mail: esarogova@yandex.ru.

Сапогова Ирина Александровна, старший преподаватель кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар). E-mail: irinateras@mail.ru.

Сериков Геннадий Витальевич, доцент кафедры социальной психологии и психологии личности, Южный федеральный университет. Академия психологии и педагогики (Ростов-на-Дону), кандидат психологических наук. E-mail: serikovg@mail.ru.

Сибирко Анастасия Сергеевна, Кубанский государственный университет (Краснодар), магистр психологии. E-mail: sibirko.anastasiya@mail.ru.

Сидоров Валерий Григорьевич, профессор кафедры философии, Кубанский государственный университет (Краснодар), доктор философских наук. E-mail: valegris@mail.ru.

Силина Ольга Владимировна, психолог, гимназия (Переславль-Залесский). E-mail: Ome-la333@yandex.ru.

Скрипкина Татьяна Петровна, профессор, Федеральный институт развития образования (Москва), доктор психологических наук. E-mail: skripkinaura@mail.ru.

Тесля Светлана Николаевна, профессор кафедры общей психологии и социальных коммуникаций, Сочинский государственный университет (Сочи), доктор философских наук. E-mail: Wayness@yandex.ru.

Тлебзу Римма Муратовна, студент-магистрант, Кубанский государственный университет (Краснодар). E-mail: mtlebzu@mail.ru.

Тучина Оксана Роальдовна, доцент кафедры философии, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар), доктор психологических наук. E-mail: tuchena@yandex.ru.

Тхагалижокова Любовь Владимировна, преподаватель кафедры управления персоналом и организационной психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар). E-mail: Lubavk777@mail.ru.

Углава Яна Михайловна, главный специалист отдела психологического сопровождения, Центр педагогической диагностики и консультирования детей и подростков (Сочи). E-mail: jana2929@mail.ru.

Удача Полина Юрьевна, доцент кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: Udachina777@mail.ru.

Улько Елена Васильевна, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: elulko@gmail.com.

Фетискин Николай Петрович, заведующий кафедрой общей психологии и акмеологии, Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова (Кострома), доктор психологических наук. E-mail: nikfet@kmtm.ru.

Флоровский Сергей Юрьевич, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: flogowsky@mail.ru .

Фоменко Галина Юрьевна, профессор кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар), доктор психологических наук. E-mail: fomgal27@mail.ru .

Фролов Алексей Анатольевич, старший преподаватель кафедры огневой подготовки, Краснодарский университет МВД России (Краснодар). E-mail: ajeduk@mail.ru.

Харитоновна Евгения Владимировна, профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар), доктор психологических наук. E-mail: veba_2000@mail.ru.

Харламенкова Наталья Евгеньевна, заведующая лабораторией, профессор, Институт психологии РАН (Москва), доктор психологических наук. E-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com.

Хван Андриан Андрианович, доцент кафедры психологии, Кемеровский государственный университет (филиал г. Новокузнецк), кандидат психологических наук. E-mail: andrian-khvan@mail.ru .

Хломов Илья Данилович, педагог-психолог, Городской психолого-педагогический центр (Москва). E-mail: khlomov@gmail.com.

Хломов Кирилл Данилович, руководитель направления по работе с подростками «Перекресток», Городской психолого-педагогический центр (Москва), кандидат психологических наук. E-mail: kirkhломov@gmail.com.

Чумаков Михаил Владиславович, заведующий кафедрой психологии, Курганский государственный университет (Курган), доктор психологических наук. E-mail: mihailchv@mail.ru.

Шамионов Раиль Мунирович, заведующий кафедрой психологии образования, Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского (Саратов), доктор психологических наук. E-mail: .mailto:shamionov@mail.ru.

Шереметинская Вера Николаевна, Кубанский государственный университет (Краснодар) , магистр психологии. E-mail: vera-sher92@mail.ru.

Шиповская Виктория Владимировна, докторант, Кубанский государственный университет (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: victship@mail.ru.

Шкуратова Ирина Павловна, доцент кафедры социальной психологии и психологии личности, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), кандидат психологических наук. E-mail: irshkuratova@yandex.ru.

Шкурко Татьяна Алексеевна, доцент, и.о. зав. кафедрой социальной психологии и психологии личности, Южный Федеральный университет, Академия психологии и педагогики (Ростов-на-Дону), кандидат психологических наук. E-mail:shkurko@sfedu.ru.

Шлыкова Юлия Борисовна, доцент кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: magpoly@mail.ru.

Шостик Наталья Владимировна, практикующий психолог (Краснодар). E-mail: ket_wild@mail.ru.

Шуванов Игорь Борисович, заведующий кафедрой общей психологии и социальных коммуникаций, Сочинский государственный университет (Сочи), кандидат психологических наук. E-mail:schuvanov@rambler.ru.

Щербакова Елена Алексеевна, начальник научно-исследовательской лаборатории, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова (Краснодар), кандидат психологических наук. E-mail: leliyaom@yandex.ru.

Ядченко Марина Владимировна, студент-магистрант, Кубанский государственный университет (Краснодар), E-mail: elisavetadiser@yandex.ru .

Ясько Бэла Аслановна, профессор кафедры управления персоналом и организационной психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар), доктор психологических наук. E-mail: shabela@yandex.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Знаков В.В. XXI век: изменения в мире человека и новый этап развития психологии субъекта.....	5
Рябикина З.И. Особенности современности: изменчивая реальность и гибкая личностная идентичность.....	15
Фоменко Г.Ю. Современная социокультурная реальность и психология безопасности личности в контексте субъектно-бытийного подхода	21
ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА БЫТИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	30
Аполлонов И.А. Проблема личностной свободы в контексте социокультурных оснований бытия человека	30
Гришина Н.В. Изменения реальности: свобода выбора или давление ситуации	32
Кимберг А.Н. Социокультурная реальность: группы с нечеткими границами	34
Клементьева М.В. Биографическая рефлексия как ресурс развития субъекта жизни	37
Петросьян С.Н. Жизненный сценарий личности как психологический и социокультурный феномен	39
Сапогова Е.Е. Семантико-символические единицы фиксации жизненного и экзистенциального опыта в автобиографических текстах	41
Тесля С.Н. Перспективы развития концепции ресурсов социального субъекта в рамках современной психологии субъекта.....	45
Шкурко Т.А. Возрастной аспект бытия личности: факторы восприятия визуальных презентаций возраста другого человека.....	48
ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ТРАНЗИТА.....	51
Альперович В.Д. Метафоры «своего» и «чужого» человека в связи с образами врага и друга личности.....	51
Альперович В.Д., Куковская М.А. Представления личности о партнере по общению как о враге и друге в связи с ее метафорами «своего» и «чужого» человека.....	53
Василевская Е.Ю. Особенности возможных «я» у субъектов с разным уровнем полноценного функционирования	55
Литвина С.А., Муравьева О.И., Богомаз С.А. Личностные факторы идентичности с городом.....	57
Макаревская Ю.Э., Нещеретняя М.С. Неудачный жизненный сценарий в личностных смыслах	60
Марьяненко Д.А., Сибирко А.С. Селфи как способ визуальной коммуникации в интернет-пространстве	62
Негрий В.А. Формы личностной защиты как проблема развития субъектности	63
Углава Я.М., Шуванов И.Б. Особенности Я-концепции личности как фактор формирования коррупционного поведения: философско-психологический аспект проблемы	66
Улько Е.В., Шереметинская В.Н. Структурно-содержательные характеристики жизненных перспектив личности: параметр вероятности	68
Шамионов Р.М. Изменчивость структуры субъективного благополучия личности.....	73

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ СО-БЫТИЙНОСТИ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ: БРАК, СЕМЬЯ, ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	75
Авдулова Т.П., Нартова-Бочавер С.К. Суверенность личности как фактор поведения супругов в конфликтных ситуациях	75
Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Рунец О.В. Особенности саморегуляции и уровень стрессоустойчивости у замещающих родителей.....	76
Богомолова Е.И. Социальная сеть как поддерживающее пространство бытия личности матери	79
Борцова М.В., Кузнецова Е.В., Некрасов С.Д. Особенности самосознания молодых отцов, уделяющих разное время для своего ребенка.....	81
Бочавер А.А., Резниченко С.И., Дмитриева Н.С., Нартова-Бочавер С.К. Привязанность к дому и графическая схема домашнего пространства.....	84
Володько О.В. Проблемы воспитания детей в неполной семье	86
Дробышева Т.В. Нужна ли «Мэри Поппинс» российской семье? К вопросу о становлении новой профессии.....	88
Киреева О.В., Дёмин А.Н., Помацуева М.С. Стратегии преодоления супругами ситуации персонального дефолта как экономического стресса	90
Мингалеева В.С. Особенности детско-родительских отношений у матерей и отцов с выраженным внутриличностным гендерным ролевым конфликтом	93
Удачаина П.Ю., Киреева О.В., Глебзу Р.М. Отношение к деньгам у супругов с разными формами субъектности.....	95
Шлыкова Ю.Б., Ядченко М.В. Оценка внешнего облика супруга и ролевые ожидания в браке.....	99
ПРОБЛЕМЫ БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ И СО-БЫТИЯ В АСПЕКТЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	101
Беззян А.А. Особенности «аррегансе»-стереотипов русских и армян	101
Ванданова Э.Л. Идентичность, ситуация и граница в контексте социокультурного транзита	102
Лабунская В.А. Этнолукизм как социокультурная реальность: эмпирическая модель изучения.....	105
Пищик В.И. Конфликт поколений: социально-психологический анализ.....	110
Погонцева Д.В. Формы проявления этнолукизма (на примере современных зарубежных исследований)	112
Рюмшина Л.И. Социокультурная детерминация делового общения	114
Тучина О.Р. Исторический опыт личности как пространство со-бытия.....	117
Фетискин Н.П., Миронова Т.И., Маслова О.С. Социально-психологическая структура регуляторов основных и парциальных типов оппозиционного поведения	119
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ БЫТИЯ И СО-БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ.....	122
Воронцов Д.В. Сексуальность как этничность: культурный поворот в психологическом понимании гендерных аспектов личности	122
Деева Н.А. Гендерные особенности процесса переживания: регулятивный и событийный аспекты	125
Дементий Л.И. Гендерные и возрастные особенности самоконтроля и импульсивности школьников	128
Кольцов М.В. Гендерные особенности сексуальности в юношеском возрасте	130

Лопухова О.Г. Субъектность как механизм развития личностных образований в условиях трансформации гендерной семантики.....	133
Ожигова Л.Н., Колесниченко В.И. Летчик-инструктор: специалист, наставник, настоящий мужчина.....	136
Педанова Е.Ю., Шостик Н.В. Интеграция профессиональной и семейной сфер в жизни женщины	138
Сапогова И.А., Колесникова М.А. Гендерные особенности чувства юмора и психологической суверенности у юношей и девушек.....	142
Сериков Г.В. Особенности общения с женщинами и отношение к ним в субкультуре пикаперов	144
Шкуратова И.П., Касабова И.С. Вариативность стратегий и образов самопредъявления фемининных и маскулинных девушек	149
ЛИЧНОСТЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ ПРОФЕССИЙ	152
Барышева Н.А., Павленко В.А. Проблемы профессиональных деформаций личности работников на примере врачей-реаниматологов	152
Бордовская А.О. Опыт применения инструмента измерения профессиональной идентичности	155
Бордовский В.А. Исследование «образа-я» субъекта помогающих профессий	157
Босенко М.В. Когнитивный компонент профессионального самосознания студентов магистратуры, обучающихся на направлении психология	159
Вызулина К.С. Психологические маркеры личностного потенциала кадрового военнослужащего: анализ данных эмпирического исследования	162
Горбачева А.С. Проявления локуса контроля у подростков-музыкантов в условиях ранней профессионализации	165
Горская Г.Б. Со-бытие в конкурентной среде: долговременные и ситуативные проявления	169
Зинченко Е.В., Ивахненко А.А. Стратегии самопрезентации и акцентуации характера у представителей различных профессий.....	173
Лобач А.А. Профессиональные деструкции коммуникативно успешных и коммуникативно неуспешных торговых представителей.....	176
Лукинова М.Г., Мальчинский Ф.В., Михайлова А.А., Некрасов С.Д., Щербакова Е.А. Разработка методики дифференциации курсантов по родам авиации: второй этап.....	177
Сапогова И.А. Профессиональное самосознание и карьерно-профессиональные ценностные ориентации у психологов, занятых в разных сферах.....	180
Тхагалижокова Л.В. Взаимосвязь временной децентрации и ориентации во времени личности на разных этапах профессионального пути	184
Фоменко Г.Ю., Куашева Е.Р. Личность как субъект разрешения противоречий в экстремальных видах профессиональной деятельности.....	188
Фролов А.А. Самооценка и правовое самосознание личности сотрудников правоохранительных органов: содержание взаимосвязи и особенности исследования.....	193
Харитоновна Е.В. Личностные стили социально-профессиональной востребованности в изменяющемся мире профессий	195
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И КОЛЛЕКТИВНЫЙ СУБЪЕКТЫ В ОРГАНИЗАЦИЯХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ.....	200
Вольвич Ю.К. Психологические модели стресс-преодолевающего поведения личности в организациях разных сфер деятельности.....	200

Киреева О.В., Демин А.Н. Эмоциональный компонент отношения к кредитам	204
Лузаков А.А. Как обыденным сознанием воспринимаются стили управления: семантическая структура опросника Р. Блейка и Дж. Мутон	206
Остроушко М.Г. Типология индивидуальных стилей принятия управленческих решений менеджерами здравоохранения «линейного» уровня	210
Пайгунова Ю.В., Салимов А.М. Ценностные трансформации туризма: потенциал современных аксиологических теорий.....	214
Покуль В.О. Психологические особенности поведения потребителей в социальных медиа.....	216
Флоровский С.Ю. Личностная детерминация управленческого взаимодействия руководителей современных российских организаций	219
Ясько Б.А., Казарин Б.В. Поиск личностно-психологических основ формирования управленческих компетенций врача-руководителя в системе послевузовского образования.....	223
СУБЪЕКТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	226
Брестер И.В. Программа становления профессионального самосознания студентов первых курсов.....	226
Бреус Е.Д., Бахтинова О.О. Представления школьников и учителей друг о друге как о трудном партнере общения	227
Галлямова А.А., Лопухова О.Г. Определение компонентов и уровней субъектности студентов	229
Гут А.В., Аппакова-Шогина Н.З. Процесс профессиональной самоактуализации будущих спортивных педагогов (на примере поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма)	231
Меньшикова Л.В., Левченко Е.В. Жизненный мир студентов в образовательном пространстве вуза	233
Ничипорюк Е.А. О направленности педагогов в общении с родителями воспитанников дошкольных образовательных организаций.....	236
Павленко В.А., Горкина А.Э. Содержательные особенности тайм-менеджмента учителей сош и будущих педагогов	238
Сидоров В. Г. Психологические предпосылки творческой личности и образовательный процесс.....	242
Скрипкина Т.П., Алиева Э.Ф. Образовательное пространство как ресурс социального доверия, толерантности и гражданской идентичности.....	244
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ В ДЕТСКОМ, ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ.....	247
Бочавер А.А., Хломов К.Д., Али-заде А.С., Хломов И.Д. Будущее как компонент жизненной траектории: взгляд современных подростков.....	247
Гусейнов А.Ш. Содержательные характеристики субъектной активности подростков в виртуальном пространстве бытия	248
Зернова Т.И., Румянцева К.С., Приходько М.А., Лисовая А.А. Особенности самоопределения и жизнестойкости в юношеском возрасте	251
Ковалева Н.В. Условия активизации развития субъектной идентичности личности подростков.....	253
Кругликова А.Ю. Развитие личности подростка в разновозрастной группе семейной логопсихотерапии.....	256

Миронова Т.И., Фетискин Д.Н. Личностные детерминанты типов правового нигилизма в детско-молодежной среде.....	259
Попова Т.А. Формирование смысло-жизненных ориентаций школьников подросткового возраста на занятиях научно-образовательного проекта.....	261
Хван А.А., Куртукова Д.Н. Социокультурная ситуация бытия и личностные особенности городских и сельских подростков.....	264
Чумаков М.В. Суицидальные наклонности и религиозность студентов университета	268
Шиповская В.В. Отчуждение и экзистенциальная беспомощность подростков как показатели неаутентичности личностного бытия	270
ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СРЕДА БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖКИ ЕЕ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	274
Егикян М.А. Становление личности онкологического пациента в контексте субъектно-бытийного подхода.....	274
Зирко А.В. Голосовые практики в самоисследовании личности.....	277
Московченко Е.Н. Дом и путешествия как формы персонального опыта	279
Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Брагинец Е.И., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И. Образ дома и устойчивость личности в юношеском возрасте.....	281
Новиченко А.С. Человек и архитектура: объектные детерминанты восприятия объёмной композиции	282
Силина О.В. Предметно-пространственная среда бытия как фактор развития идентичности у детей 2-10 лет.....	284
Харламенкова Н. Е. Посттравматический стресс и суверенность личности в аспекте исследования личностной релевантности домашней среды	286
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	290

Научное издание

**ЛИЧНОСТЬ И БЫТИЕ:
ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
9–10 сентября 2016 г.

Подписано в печать 04.09.2016. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Формат бумаги 60x84/8. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 37,6. Тираж 500 экз. Заказ .
Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.